МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

М.Т.Кашуба

РАННЕЕ ЖЕЛЕЗО В ЛЕСОСТЕПИ МЕЖДУ ДНЕСТРОМ И СИРЕТОМ (КУЛЬТУРА КОЗИЯ-САХАРНА)

M.T.Kashuba. Early Iron in forest-steppe between Dniester and Siret (Cozia-Saharna culture).

The monography «Early Iron in forest-steppe between Dniester and Siret (Cozia-Saharna culture)» is devoted to learning historical and cultural processes of a beginning of iron century in a zone of cultural contacts and different influences between the ancient peoples of East and Central Europe.

The book is generalizing research about Cozia-Saharna culture. For the first time M.Kashuba proves that related groups Cozia and Saharna groups belong to uniform culture, which is called as Cozia-Saharna. This culture in further exist in two local variants: western – Cozia and east – Saharna. The materials of old (50 years) and new (under the direction of the writer) excavation of Saharna antiquities are published in these book. The author is given new typology of main artefacts of this culture, early and late Saharna monuments are designated also.

The chronological frameworks of culture get in second half Ő – first half VIII B.C. M.Kashuba is affected the question of originating Basarabi-Sholdenesti culture on Saharna basis in middle – second half VIII B.C.

The monography contains the new complete concept of cultural-historical development forest-steppe between Dniester and Siret in Ő-VIII B.C.

Введение

Историко-культурные процессы первых веков I тыс. до н.э. в Юго-Восточной Европе (Карпато-Дунайском бассейне и Северо-Западном Причерноморье) характеризуются динамизмом и переменами. Вдоль течения Дуная, через Трансильванию, на восток и северо-восток постоянно мигрировали носители раннегальштатских культурных групп, которые, перейдя Сирет и Прут, оседали перед Днестром. В степях побережья Северного Понта начинается перемещение мобильных ранних кочевников. Оседлое население лесостепи Северо-Западного Причерноморья, оставившее высоцкую, белогрудовскую и чернолесскую культуры, в свою очередь, также влияло на ход событий в этом регионе.

На рубеж II-I тыс. до н.э. приходится и пик «гальштатизации» Карпато-Дунайского региона, которая вызвала не только гибель старых и появление новых культурных образований, но и ломку прежних традиций и связей, выработку иных культурных стандартов, освоение технологии железа и прочее. «Гальштатизация» не обошла и лесостепь Днестро-Сиретского междуречья, куда, наряду с другими раннегальштатскими общностями, во второй половине X в. до н.э. мигрировала группировка населения (культура Козия-Сахарна) со Среднего и, отчасти, Нижнего Дуная — исходной области южного раннегальштатского комплекса с резной и штампованной керамикой (орнаментированный гальштат). Между тем, в этих самых восточных окраинах раннегальштатского мира Балкано-Подунавья возникла особая линия развития, обусловленная местной культурной средой Карпато-Поднестровья и Северного Причерноморья в целом.

Для выяснения специфики и конкретного содержания процессов культурной трансформации X-VIII вв. до н.э. в лесостепи Днестро-Сиретского междуречья необходимо кратко представить культурно-исторический фон предшествующего периода (рубеж II-I тыс. до н.э.) — накануне появления здесь культуры Козия-Сахарна.

Культурно-историческая ситуация рубежа II-I тыс. до н.э. южной лесостепной области между Днепром и Сиретом определялась стабильным соотношением двух основных культурных общностей: каннелированного гальштата (в двух его вариантах — Гава-Голиграды на северо-западе региона и Кишинэу-Корлэтэнь (Кишинев-Корлатени) в Днестро-Сиретском междуречье) и белогрудовско-раннечернолесского массива. С юго-запада и юга, на пограничье степи и ле-

© М.Т.Кашуба, 2000.

состепи, эти общности соприкасались с раннегальштатскими памятниками с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта (Тэмэани-Голерканы-Балта), выступающими своеобразным буфером между степными культурами (в первую очередь, белозерской) и вышеназванными лесостепными (рис. I; табл. XIII).

В первой половине X в. до н.э. в обозначенной области новации возникали в местной среде, трансформация основных компонентов раннегальштатских культур и Белогрудовки-Чернолесья I происходила за счет их внутренних механизмов и стимулов. Лишь в зоне Среднего Днестра, где эти общности соприкасались, культурный процесс характеризуется слабым взаимодействием и едва уловимыми контактами культур Гава-Голиграды с Белогрудовкой-Чернолесьем I, а также контактами последней с памятниками типа Холеркань-Балта, что хорошо прослеживается по материалам поселений (Смирнова 1984: 55-60; она же 1990: 31, 32; Рыбалова 1999: 320-345).

Появление в белогрудовской культуре, как отмечает С.С.Березанская, чернолощенной керамики с характерной внутренней поверхностью и специфической орнаментацией, а также высоких банок с вертикальными расчесами следует связывать с влиянием гальштатских культур (Березанская 1982: 87, 92). Согласно А.И.Тереножкину, в Поднепровье и Поднестровье в XII-X вв. до н.э. начинают распространяться сопровождающие гальштатские культуры бронзовые изделия среднеевропейских типов: кельты старшего трансильванского типа и местные подражания им, серпы с ребристым краем и выступом на месте рукоятки, а также наконечники копий с парой нервюр вдоль короткого или длинного листа (Тереножкин 1961: 122-124, 141-144, рис.84; 95).

Необходимо отметить и продвижение определенной группы насельников центральноевропейской курганной культуры второй половины II тыс. до н.э. на Южный Буг, в область расселения белогрудовских племен, что демонстрируют материалы Гордеевского могильника (Березанська, Лобай 1994: 148-153; Березанская 1999: 131-148). Но Гордеевский могильник, функционирующий, по мнению авторов раскопок, с конца XIV до X вв. до н.э., занимает отдельное, исключительное место как элитный некрополь знатных представительниц пришлой (сильной и богатой) наиболее восточной группы среднеевропейской курганной культуры (Berezanskaja 1998: 325-342; Kločko 1998: 343-352; Berezanskaja, Kločko 1998). Поэтому, можно констатировать лишь связи племен, оставивших Гордеевский могильник, с окружающей культурной средой — КМК, высоцкая, Белогрудовка и Белозерка (Березанская 1999: 145-148), а не новую местную позднебронзовую культуру типа Гордеевки, как это предлагает Л.И.Крушельницкая (Крушельницька 1998: 182, 193-196, рис.108).

Другая раннегальштатская культура Кишинэу-Корлэтэнь представляется более «замкнутой» и менее динамичной, ее взаимодействие с культурным окружением устанавливается лишь на уровне слабых контактов (Левицкий 1990: 21), хотя последние данные позволяют все же констатировать наличие какого-то культурного обмена между ней и Белогрудовкой. Это демонстрируют как материалы недавно опубликованных белогрудовских поселений Субботовка и Яруга-Фигура левобережья Среднего Днестра (Рыбалова 1999: 320-345), так и ряд памятников типа Тринка в северных районах Республики Молдова (Молдавии), сочетающих элементы Кишинэу-Корлэтэнь и Белогрудовки-Чернолесья I (Levițchi 1992: 120, 121).

Здесь же можно отметить и фиксируемые связи, в первую очередь, в керамике и, в меньшей степени, в погребальном обряде, между двумя родственными культурными группами каннелированного гальштата восточного Прикарпатья — Гава-Голиграды и Кишинэу-Корлэтэнь (Leviţki 1998: 65-83)

Но все межкультурные (межплеменные) контакты и взаимодействия рубежа II-I тыс. до н.э. этого региона подтверждают лишь стабильность и устойчивость культурно-исторической обстановки, при самодостаточности и прочности развития здесь культур каннелированного гальштата (Гава-Голиграды и Кишинэу-Корлэтэнь) и Белогрудовки-Чернолесья I. Для времени рубежа II-I тыс. до н.э. можно говорить только об уровне пограничных обменов и связей соседствующих обособленных общностей.

Период дестабилизации в южной лесостепи между Днепром и Сиретом наступает во второй половине X в. до н.э. и связан с миграцией со Среднего и Нижнего Дуная инокультурного населения типа Козия-Сахарна. Появление в регионе Козии-Сахарны явилось катализатором процессов развития — культурная трансформация здесь набирает обороты, и на Среднем Днестре в первой половине I тыс. до н.э. начинает функционировать культурогенетический центр. Последствия этого отразились как на гальштатских общностях, так, в большей мере, на белогрудовской культуре. Первыми и самыми яркими проявлениями этого центра явились события второй половины-конца X в. до н.э.: исчезновение культуры Кишинэу-Корлэтэнь; существенные изменения в культуре Гава-Голиграды; и основной аспект — преобразование поздней Белогрудовки (=раннего Чернолесья) в культуру развитого (позднего) Чернолесья.

Относительно исчезновения культуры Кишинэу-Корлэтэнь исследователи предлагают гипотезу о глубокой ассимиляции ее насельников (Смирнова 1990: 32; Левицкий 1990: 22) или вытеснение их на неизвестную пока территорию (Смирнова 1990: 32). Вероятно, население культуры Кишинэу-Корлэтэнь могло мигрировать к северу и северо-востоку в более глубинные рай-

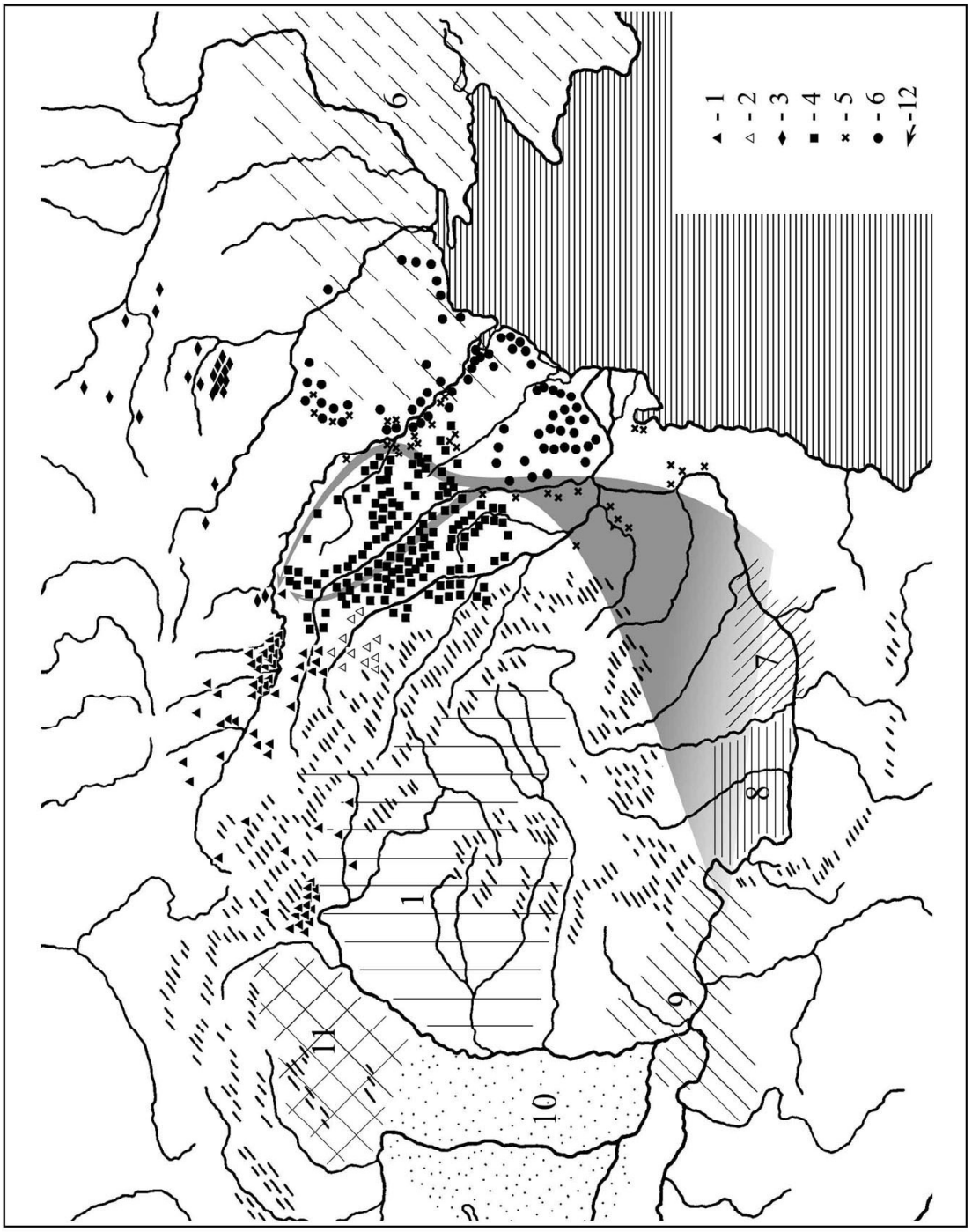


Рис. I. Культурные общности Карпато-Дунайского бассейна и Северо-Западного Причерноморья рубежа II-I тыс. до н.э. — накануне появления культуры Козия-Сахарна.
1 — Гава-Голигерады; 2 — Грэничешть; 3 — Белогрудовка; 4 — Кишинэу-Корлэтень; 5 — Бабадаг I и Тэмэоань-Холеркань-Балта; 6 — Белозерка; 7 — ранний гальштат Мунтении; 8 — ранний гальштат Олтении; 9 — Белегиш II; 10 — Урненфельд; 11 — Киятиче; 12 — миграция населения культуры Козия-Сахарна.

оны днестровской лесостепи — в ареал родственной гаво-голиградской общности, на бытовых памятниках которой могло и продолжиться их уже совместное существование еще какое-то время.

Культура Гава-Голиграды, напротив, не исчезает к концу X в. до н.э., а продолжает свое существование вплоть до появления скифов в Западной Подолии. Но целый ряд существенных изменений в ее развитии происходит именно на последних этапах: помимо увеличения общего числа памятников, нередко на месте поселений открытого типа появляются городища с надежными укреплениями, при широком преобладании предметов вооружения конного воина, а также происходит сокрытие кладов (Малеев 1987а: 86-101; он же 1990: 49-51; он же 1992: 195-197).

Хотя вопросы времени и причин создания оборонительных сооружений в разных областях гаво-голиградской общности далеки от окончательного решения, их возведение связано, по мнению Г.И.Смирновой, с активизацией воинственных степняков (киммерийцев). Угроза вторжения вызвала строительство защитных укреплений не только чернолесским, но и голиградским населением лесостепи (Смирнова 1990: 17). В этой связи любопытно наблюдение Ю.Н.Малеева, который отметил, что голиградские городища Западной Подолии и Прикарпатья сооружались на западной стороне речных долин. Он считает, что появление угрозы с востока явилось причиной сооружения городищ, а агрессивность одной из крупных групп фракийского населения продвинула население культуры Сахарна далеко на северо-восток (Малеев 1987: 98, 99; он же 1988: 95-116).

В лесостепной части Днестро-Прутского междуречья в конце X-IX вв. до н.э. помимо самой Сахарны нет никакой другой новой группы фракийского населения. Поэтому не исключено, что оборонительные сооружения культуры Гава-Голиграды стали возводиться в силу целого комплекса причин: «ползучая» миграция насельников Козии-Сахарны вверх по Днестру; усложнение демографической ситуации на Среднем Днестре, где многократно по сравнению с предшествующим периодом увеличивается численность населения и, соответственно, количество бытовых и погребальных памятников; преобладание в тот период оборонительной стратегии вследствие общей нестабильности в Северном Причерноморье.

На рубеж X-IX вв. до н.э. приходится и становление культуры развитого Чернолесья всей территории ее распространения (Тереножкин 1976: 208; Ильинская, Тереножкин 1983: 229; Смирнова 1985: 33, 34, 41-43). «Ползучая» экспансия населения культуры Козия-Сахарна в центральные районы Среднего Днестра (область расселения чернолесских племен) привела к заимствованию и местной переработке чернолесскими племенами раннегальштатской столовой посуды, что повлекло существенное изменение керамического комплекса всего Чернолесья. В пограничных районах Среднего Днестра (на территории между культурой Козия-Сахарна и Чернолесьем) имели место не чересполосица и смесь поселений с разнокультурными материалами (когда стабильно сохраняется культурная специфика), а наблюдается новообразование в виде позднечернолесской среднеднестровской культуры, в которой органично сочетались пришлые раннегальштатские компоненты и субстратные белогрудовские черты.

Все отмеченные события на Среднем Днестре в предскифское время были обусловлены появлением культуры Козия-Сахарна, представляющей прогрессивное явление для начала I тыс. до н.э. Но древности Козия-Сахарна румынскими и отечественными исследователями изучались раздельно как обособленные культурные группы: Козия и Сахарна. Здесь необходимо подчеркнуть, что памятникам типа Козия и типа Сахарна присущи все признаки, характеризующие археологическую культуру как таковую (Классификация 1990: 53-61). Это общность территории (рис. III); устойчивое сочетание типов: жилых и хозяйственных сооружений (рис. V), основных форм и орнаментации столовой посуды при одинаковой субстратной кухонной керамике (рис. II, XIII-XXIV), вещевого инвентаря (рис. XXV-XXIX, XXXII, XXXIII), — а также единая раннегальштатская субстратная основа, которой явился горизонт с прочерченной и пролощенной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта, при миграционном характере происхождения. Все это позволяет уверенно объединить памятники типа Козия и типа Сахарна в единую раннегальштатскую культуру Козия-Сахарна. Дальнейшее изложение и интерпретация археологических материалов представляет собой развернутую систему доказательств данного положения.

Вышеизложенное показывает, что ***основной целью*** исследования является всестороннее обоснование предлагаемой новой концепции культурно-исторического развития лесостепной части Днестро-Сиретского междуречья в X-VIII вв. до н.э., ведущую роль в котором сыграла раннегальштатская культура Козия-Сахарна. Необходимо отметить, что для обоснования места культуры Козия-Сахарна в культурогенезе указанного региона теперь имеется весомая археологическая база.

В таком случае ***задачи исследования*** состоят в следующем: упорядочение и ввод в научный оборот оригинальных раннегальштатских материалов типа Козия-Сахарна; всесторонняя типологическая характеристика таких артефактов (жилых, производственных, хозяйственных и отопительных сооружений; погребального обряда; массового материала и вещевого инвентаря); создание периодизации и уточнение аб-

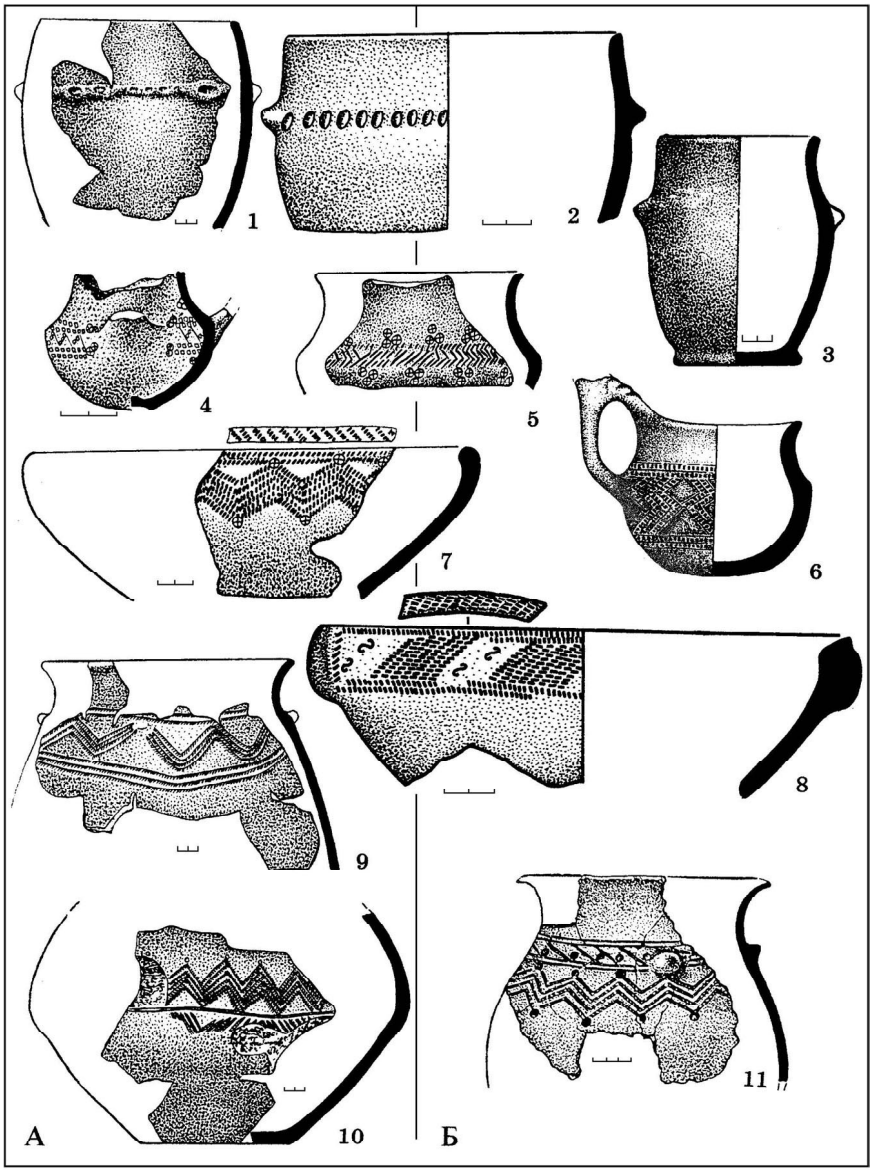


Рис. II. Керамический комплекс единой культуры Козия-Сахарна. А — поселения Козия и Покровка-Четэцуе (1, 4, 5, 7, 9, 10) варианта Козия; Б — поселения Главан V, Алчедар III и Бутучень (2, 3, 6, 8, 11) варианта Сахарна.

солютной хронологии культуры Козия-Сахарна; решение вопроса ее происхождения и определение уровня внешних связей с раннегальштатскими общностями Балкано-Подунавья и предскифскими древностями Северного Причерноморья.

Хронологические рамки исследования определяются концом раннего и началом среднего гальштата Юго-Восточной Европы (Карпатский бассейн и Балкано-Подунавье), что соответствует предскифскому периоду Северного Причерноморья и приходится на вторую половину X-VIII вв. до н.э. В *географическом плане* — это территория лесостепного Днестро-Сиретского междуречья, естественными пределами которой являются: на юге — граница между степной и лесостепной ландшафтными зонами; на востоке и севере — р.Днестр; на западе — р.Сирет

Представленная на усмотрение и суд читателей работа защищалась в качестве кандидатской диссертации (Кашуба 2000), над которой я работала в течение нескольких лет. Все эти (довольно сложные для меня годы) только забота, внимание и помощь родных и близких мне людей и коллег укрепляли мой дух и помогли достичь намеченных целей. Искреннюю признательность за помощь и поддержку хочется выразить моему учителю и научному руководителю — Галине Ивановне Смирновой. Благодарю за благожелательную атмосферу стажировки в ИИМК РАН и помощь научного руководителя — К.К.Марченко. Большое спасибо рецензентам этой работы: В.И.Козенковой, И.Н.Медведской и Д.Г.Савинову, — их доброжелательные замечания способствовали качественному улучшению монографии. Особая благодарность ректору Высшей Антропологической Школы Марку Ткачуку и в его лице всему интеллектуальному сообществу этого учебного заведения. Очень

ценными для меня оказались советы и помощь коллег из Кишинева, Одессы, Киева, Санкт-Петербурга, Москвы — приятным долгом я считаю поблагодарить А.И.Мелюкову, В.С.Бочкарева, О.Г.Левицкого, Е.Н.Савву, П.Романа, А.Ласло, Г.Симеона, Э.С.Шарафутдинову, Н.А.Гаврилюк, С.В.Полина, М.Ю.Вахтину, А.Н.Щеглова, Е.Н.Рогова, А.Ю.Алексеева, Ю.Ю.Пиотровского, Н.Г.Горбунову, Н.К.Качалову, И.В.Осокина, С.С.Бессонову, С.А.Скорого, Г.Т.Ковпаненко, В.П.Ванчугова, С.М.Агульникова, И.В.Бруяко, С.И.Курчатова, В.А.Хохлова, Н.В.Гольцеву, Н.Матеевич. Я благодарна всем моим друзьям, особенно Олесе Вовиной и Натаниэлю Найту. Графическое оформление работы выполнено художником и дизайнером Иваном Лицуком при участии Ирины Мидарь — за что им тоже большое-большое спасибо. Благодарю и низко кланяюсь моим родителям — Алле Львовне и Тарасу Федоровичу Кашуба.

Глава I. Состояние изучения культуры Козия-Сахарна на фоне раннего гальштата Карпато-Подунавья и предскифского периода Северного Причерноморья; основные проблемы историографии

90-е годы XX в. в изучении культур раннего железного века Днестро-Сиретского междуречья характеризуются выходом ряда обобщающих работ, в которых достаточное внимание уделено и вопросам историографии (Levițki 1994: 33-50; László 1994: 34-47; Arnăut, Ursu-Naniu 1996: 43-56; Zanoci 1998: 7-24; Kaşuba, Haheu, Levițki 2000). Принимая во внимание и специальные работы по истории археологического изучения Молдовы (Рафалович, Кетрару 1966: 93-112; Кетрару 1992: 4-26; он же 1994; Dergacev 1994: 7-18), можно констатировать, что вплоть до середины-конца 40-х годов XX в. лесостепная часть Днестро-Прутского междуречья оставалась «белым пятном» на археологической карте I тыс. до н.э. Северного Причерноморья.

История исследований культуры Козия-Сахарна начинается также с середины 40-х годов XX в. для Днестро-Прутского междуречья, а в отношении Пруто-Сиретского — отсчет и вовсе идет с конца 60-х годов. Основные этапы в историографии группы Сахарна мною уже были оконтурены в специальной публикации, где эта группа рассматривалась в тесной взаимосвязи с проблематиками раннего гальштата Балкано-Подунавья и предскифского периода Северного Причерноморья (Кашуба 1989б: 23-25; она же 1990а: 53-66). Такой подход, позволяющий обозначить все возможные взаимосвязи и значимость этих древностей для периода начала I тыс. до н.э. указанных регионов, полностью себя оправдал.

В истории изучения культуры Козия-Сахарна выделяются три этапа, отличающихся характером и масштабами полевых исследований, а также решением проблем, связанных с культурно-исторической интерпретацией памятников: ***I этап*** охватывает середину 40-начало 60-х годов; ***II*** — 70-е годы; ***III*** — середину 80-середину 90-х годов. Также три этапа, но несколько отличающихся временными рамками и направлениями разработок по теме, были выделены в истории исследований фрако-гетских памятников южной зоны Среднего Днестра (Kaşuba, Haheu, Levițki 2000). В историографии раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь Днестро-Сиретского междуречья выделяются два основных этапа (Levițki 1994: 34-47).

I этап (середина 40-начало 60-х годов)

Открытие и первые исследования памятников раннего железного века в Молдове были осуществлены в русле задач организации археологических исследований этой территории, вставшей в послевоенное время (после 1945 г.) перед Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. Открытие же эпонимных памятников, по которым и была названа собственно группа Сахарна, принадлежит Г.Д.Смирнову. С его деятельностью связаны определенные значительные вехи и достижения в археологии Молдовы не только раннего железного века, но и других периодов, в том числе и раннего средневековья (Arnăut 1996: 275-281).

В 1946-50 гг. экспедицией под руководством Г.Д.Смирнова впервые были проведены разведочные и раскопочные работы в среднем течении Днестра. Результатами первой разведки 1946 г. к северу от г.Кишинэу явились открытие, описание и частичное обследование (с шурфовками) 10-ти городищ и селищ, а также нескольких могильников в окрестностях с.Сахарна Резинского района (административное деление Республики Молдова дано по состоянию на 1994 год), отнесенных тогда к «скифской эпохе» (Смирнов 1949: 189-202). В 1946-47 гг. Г.Д.Смирнов раскапывал городища Сахарна Маре (Большая Сахарна) и Сахарна Микэ (Малая Сахарна), а также селище Сахарна-Дялул Мэнэстерий (подробнее — Приложение 3.1). Материалы селища и городищ оказались однотипными и первоначально были отнесены к VI в. до н.э. (Смирнов 1949а: 93-97).

В 1950 г. Г.Д.Смирнов совместно с Г.П.Сергеевым раскапывали два могильника по теме исследований культуры «скифских» городищ и селищ, расположенных в окрестностях с.Сахар-

на на Днестре: могильник I (Цыглэу — Циглэу), могильник II (Гура Хлубоака — Гура Гульбока) и селище Цыглэу близ могильника I (Смирнов 1950; он же 1951; он же 1955: 117-119; подробнее — Приложения 2.1, 2.2 и 3.1). Материалы обоих могильников оказались идентичными и однотипными с артефактами, ранее добытыми при исследовании городищ и селищ этого микрорайона, и были датированы VII в. до н.э. Анализируя имеющиеся данные, автор раскопок и А.И.Мелюкова отмечали, что земледельческие племена Поднестровья значительно отличаются по своей культуре от скифских племен и, в особенности, от степных скифов. Но, с другой стороны, «они близки к тем, которые находятся на территории Правобережного Среднего Поднепровья» (Мелюкова 1955: 51; Смирнов 1964: 248).

В открытии и исследовании других памятников типа Сахарна необходимо отметить и значительные усилия Трипольской (под руководством С.М.Бибикова, затем Т.С.Пассек), Молдавской (под руководством Т.С.Пассек) и Прут-Днестровской (под руководством Г.Б.Федорова) экспедиций.

Так, в 1951 г. О.Н.Мельниковская произвела разведочные раскопки на поселении Цахнэуць (Цахнауцы) Резинского района, предскифский этап существования которого был сопоставлен с материалами у с.Цареука (Царевка), а также белогрудовскими и чернолесскими памятниками лесостепной Украины (Мельниковская 1955: 69-75). Много позже, доследуя это поселение в 1979 г., А.И.Мелюкова убедительно доказала, что настоящий памятник является однослойным и относится к группе Сахарна (Мелюкова 1982: 3-12).

В 1952 г. Р.Л.Розенфельдт раскапывал могильник у с.Алчедар Резинского района, обнаруженные захоронения по обряду и инвентарю были аналогичны известным в Сахарнянских могильниках I и II (Розенфельдт 1955: 121-124). Этот же могильник позже изучался Н.Л.Никитиным и В.И.Левиным, которые исследовали несколько захоронений и курган (Никитин, Левин 1965: 75-79). Еще несколько погребений этого могильника раскопали в 1989 г. М.Т.Кашуба и Г.И.Смирнова (подробнее — Приложение 2.3).

Отдельные памятники типа Сахарна были обнаружены при раскопках славянских городищ и селищ на Среднем Днестре: Алчедар, Алчедар-Ла Кордон, Куратура, Матеуць (Матеуцы), Цареука (и могильник Цареука), Екимэуць (Екимауцы) (Федоров 1957: 247, 254, 294, 295, 302).

В 1953 г. А.И.Мелюковой доследовался Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака), давший результаты, аналогичные полученным Г.Д.Смирновым и Г.П.Сергеевым (подробнее — Приложение 2.2). В 1952-53 гг. ею же исследовалось поселение Солончень-Хлиная (Солончены-Глиная) Резинского района, которое являлось наиболее полно раскопанным среди памятников типа Сахарна вплоть до конца 80-х годов (Мелюкова 1954: 59-68; она же 1955: 51-64). Материалы этого поселения были идентифицированы с коллекциями, полученными при раскопках Г.Д.Смирнова, и датированы VII в. до н.э. В керамике А.И.Мелюкова отмечала много общих черт с посудой, распространенной в VII-VI вв. до н.э. на территории Правобережной Украины, с одной стороны, и гальштатской керамикой, известной в Карпато-Дунайском регионе, особенно в Румынии, с другой (Мелюкова 1954: 62). Именно с 50-х годов начинает оформляться представление о наличии в лесостепной Молдове особого локального варианта культур скифского (так тогда определялись предскифские древности) времени (Мелюкова 1954: 68; Смирнова 1954: 14, 15).

В лесостепной Молдове в эти же годы исследовались и другие памятники раннего железного века типа Кишинэу и Шолдэнешть (Шолданешты), которые, на основе разработок А.И.Мелюковой, по материальной культуре коренным образом отличались от сахарнянских (Мелюкова 1956: 39-45; она же 1958: 5-102).

Анализируя «археологическую» ситуацию в эти же годы в Запрутской Молдове (Пруто-Сиретском междуречье) необходимо упомянуть разработки М.Петреску-Дымбовицы, имевшие большое значение в плане систематизации поселений, могильников, кладов и случайных находок раннего железного века (Petrescu-Dîmboviţa 1953: 443-481). Здесь же отмечу материалы поселения и могильника Стойкань, уверенно отнесенные М.Петреску-Дымбовицей к гальштатскому периоду (Petrescu-Dîmboviţa 1953а: 132-144; он же 1953б: 157-212). На поселении Стойкань было установлено наличие двух уровней обитания, а на могильнике — двух фаз, соответственно, VII и VI вв. до н.э. М.Петреску-Дымбовица провел параллели между исследованными в Стойкань погребениями и сахарнянскими могильниками в лесостепной Молдове (Petrescu-Dîmboviţa 1960: 161). Еще несколько погребений этого могильника были раскопаны в начале 70-х годов (Petrescu-Dîmboviţa, Dinu 1974: 71-97).

В 1956 г. у с.Бырлад был обнаружен клад из 5 предметов, первоначально датированный М.Петреску-Дымбовицей серединой гальштата (около VIII-VII вв. до н.э.) и соответствующий, по его мнению, горизонту находок на поселении и могильнике Шолдэнешть и поселении Алчедар Днестро-Прутского междуречья (Petrescu-Dîmboviţa 1958: 59-67). Впоследствии клад Бырлад был однозначно синхронизирован с группой Козия, и на сегодняшний день он является единственным кладом, известным в культуре Козия-Сахарна (подробнее — главы 2.1 и IV).

Большое значение для более углубленного изучения и культурно-исторической интерпретации исследованных памятников раннего железного века смежных регионов Молдовы и Румынии имел прошедший в г.Кишинэу 27 мая-2 июня 1958 г. первый совместный семинар по вопро-

сам первобытной археологии Молдовы, Румынии и прилегающих районов Украины. Сопоставление румынских и молдавских материалов позволили соотнести и во многом доказать общность хронологических фаз развития материальной культуры Молдовы и Запрутской Молдовы, а также показать наличие широкого обмена племен Молдовы и Запрутской Молдовы с Трансильванией и, далее, с Центральной Европой (Пассек 1959: 329-331). Своеобразными результатами работы этого семинара явились изданные в конце 50-начале 60-х годов обобщающие концептуальные работы М.Петреску-Дымбовицы и А.И.Мелюковой (Петреску-Дымбовица 1960: 139-150; он же 1960а: 151-170; он же 1964: 251-272; Мелюкова 1958: 5-102; она же 1960: 129-150; она же 1961: 5-52).

Второй совместный семинар состоялся в октябре 1963 г. в Бухаресте (Пассек 1963: 291-295). Выступившие на семинаре А.Флореску, М.Петреску-Дымбовица, М.Руссу, К.Хоредт, А.И.Мелюкова и другие дали всесторонние характеристики позднего бронзового века и раннего гальштата Румынии и Молдовы. Важным явилось выступление С.Моринца, который проследил локальные особенности и общие черты в культурах раннего железного века Румынии, основываясь на своих раскопках в Добрудже (Бабадаг) и обработке всех известных материалов из других районов. Им были выделены памятники, принадлежащие иллирийцам на юго-западе Румынии, фракийцам — на юге и востоке, а также показаны связи местных племен с фракийцами Болгарии и скифами Северного Причерноморья (Пассек 1963: 293).

Благодаря этим двум совместным семинарам (1958 и 1963 гг.) были подведены итоги первоначального многолетнего накопления археологических источников раннего железного века Молдовы и Запрутской Молдовы.

М.Петреску-Дымбовица в своих работах сопоставил клады и отдельные бронзовые изделия с поселениями и могильниками, что послужило базой для предложенной им трехчастной хронологической колонки поздней бронзы-раннего гальштата Запрутской Молдовы. Поселения и могильники, синхронные горизонту Быслад (На В 2-В 3 — IX-VIII вв. до н.э.) в Запрутской Молдове в тот период еще не были известны, а в Днестро-Прутском междуречье, по мнению исследователя, ему соответствовали материалы памятников типа Шолдэнешть (Петреску-Дымбовица 1960: 139-150; он же 1960а: 151-170; он же 1964: 251-272).

Действительно, на первом этапе изучения культуры Козия-Сахарна в Запрутской Молдове отсутствовали местонахождения, синхронные открытым у с.Сахарна в Днестро-Прутском междуречье. Открытия и исследования здесь памятников типа Сахарна оказались впереди румынских работ в этой области. На это обращал внимание и С.Моринц, подчеркивая, что к 1960 г. «обобщение румынских исследований гальштата... не могло дать полную картину содержания и эволюции периода раннего гальштата» (Morintz 1987: 50). Отсутствие синхронных памятников в Румынии повлияло тогда и на выводы А.И.Мелюковой об ослаблении взаимоотношений населения лесостепной Молдовы и Припрутской Румынии в VII-VI вв. до н.э. (Мелюкова 1960: 145).

Анализируя период первоначального накопления археологических источников по группе Сахарна в Днестро-Прутском междуречье отмечу, что тогда были получены все необходимые данные для систематизации и интерпретации имеющихся материалов. Это нашло отражение в развернутых публикациях А.И.Мелюковой и предложенной ею периодизации памятников первой половины I тыс. до н.э. Днестро-Прутского междуречья (Мелюкова 1958: 5-102; она же 1960: 129-150; она же 1961: 5-52).

В Днестро-Прутском междуречье А.И.Мелюкова выделила особую молдавскую группу памятников предскифского времени, отличную от культур соседних областей, и выдвинула тезис о непрерывности развития этой группы, состоящей из трех последовательных фаз (отличия между которыми проявляются, главным образом, в керамике): Кишинэу-Лукашевка (конец IX-первая половина VIII вв. до н.э.); Шолдэнешть-Алчедар (вторая половина VIII-начало VII вв. до н.э.) и Сахарна-Солончень (начало VII-начало VI вв. до н.э.). Между первыми двумя группами, по мнению А.И.Мелюковой, наблюдается определенная преемственность, они были обозначены как памятники фракийского гальштата и синхронизированы с аналогичными в Запрутской Молдове.

Третья группа, названная Сахарна-Солончень по двум наиболее изученным памятникам (далее — Сахарна), была тогда отнесена А.И.Мелюковой к раннескифскому времени. Она убедительно показала, что по основным признакам материальной культуры (особенно, по керамике) эта группа резко отличается от предшествующих памятников фракийского гальштата. Датировка по ряду «доскифских» типов изделий, имеющих восточные привязки, и по керамике была предложена широкая — конец VIII-первая половина VI вв. до н.э. с основным периодом существования — начало VII-первая половина VI вв. до н.э.

Решая вопросы происхождения молдавской группы памятников в целом, А.И.Мелюкова выводила группы фракийского гальштата IX-VIII вв. до н.э. из южных районов Дунайского бассейна, отмечая, что «в лесостепной Молдавии развитие культуры фракийского гальштата осложняется в конце VIII в. до н.э. или начале VII в. до н.э. рядом новых элементов, вырабатывающихся в результате сближения с населением лесостепной Правобережной Украины», причем эти новые элементы на территорию Румынии по-

чти не проникали (Мелюкова 1961: 48). Все же, несмотря на эти новые элементы и «сближение», А.И.Мелюкова видела, что по некоторым признакам погребального обряда и формам лощеной и кухонной посуды группа Сахарна отличалась от памятников Днепровско-Днестровского районов. Пытаясь решить тогда этот вопрос, А.И.Мелюкова причины изменений в культуре племен лесостепной Молдовы в VII-VI вв. до н.э. увязывала с общим ростом производительных сил в связи с распространением железа, полагая, что «на территории Молдавии с наступлением раннескифского времени сколько-нибудь существенной смены населения не происходило» (Мелюкова 1960: 145).

Подводя итог I этапа исследований культуры Козия-Сахарна, отмечу следующее. Отечественные и зарубежные (главным образом, румынские) исследователи выработали общую концепцию развития материальной культуры конца эпохи бронзы — раннего железного века смежных лесостепных районов Запрутской Молдовы и Молдовы. А.И.Мелюкова предложила общую периодизацию памятников первой половины I тыс. до н.э. лесостепной Молдовы, согласно которой группа Сахарна являлась самой поздней и была отнесена к раннескифскому времени. Вопрос происхождения группы Сахарна тогда не мог быть решен, но ясно вырисовывалось, что на территории лесостепной Молдовы она не имела местных корней. В тот же период (середина 40-начало 60-х годов) на территории Запрутской Молдовы еще не были открыты синхронные Сахарне памятники (типа Козия) — это явилось объективным ограничением для А.И.Мелюковой в решении поставленных проблем. Предложенная А.И.Мелюковой хронологическая колонка памятников первой половины I тыс. до н.э. лесостепной Молдовы долгое время оставалась единственной и основной. Эта схема подверглась ревизии лишь в начале 90-х годов, но сама А.И.Мелюкова, фактически, осталась на своих прежних позициях.

Обзор I этапа исследований культуры Козия-Сахарна будет не полным, если не упомянуть основные достижения в изучении предскифских памятников лесостепного Правобережного Поднепровья, с которыми эта культура оказалась определенным образом связана.

40-50-е годы XX в. ознаменовались открытием и широким изучением предскифского периода на Украине, где были выявлены новые белогрудовские, а также чернолесские и жаботинские памятники в лесостепном Днепровском Правобережье (Тереножкин 1952: 3-14; он же 1952а: 110-135; он же 1954: 94-110; он же 1954а: 71-73; он же 1957: 47-63; он же 1961; Покровська 1952: 43-64; она же 1953: 128-137; она же 1953а; Вязьмитина 1952: 59-62; Березанська, Тітенко 1954: 119-132 и другие). Предскифский период был разделен на белогрудовский (X-конец IX вв. до н.э.) и чернолесский (VIII (конец IX)-начало VII вв. до н.э.) этапы, а жаботинские памятники (вторая половина VII-начало VI вв. до н.э.) связывались со скифами-пахарями Геродота. Тогда же А.И.Тереножкин выдвигает концепцию «непрерывной культурно-исторической преемственности» белогрудовских, чернолесских и жаботинских памятников (Тереножкин 1955: 76, 77). Он опровергает точку зрения Т.Сулимирского об экспансии лужицких племен на восток, и полагает, что имело место взаимодействие «запада» и чернолесской культуры, что «с восточными материалами в Среднюю Европу проникали белогрудовские и чернолесские формы керамики с характерной орнаментацией» и целый ряд металлических изделий (Тереножкин 1957: 61-63).

В отношении богато орнаментированной посуды типа Сахарна А.И.Тереножкин акцентировал следующие моменты: ее «неожиданное появление в совершенно готовом виде» в лесостепной Молдове, а также более раннюю датировку белогрудовских и чернолесских памятников (где такая керамика известна) по сравнению с группой Сахарна. Соответственно, А.И.Тереножкин пришел к заключению о проникновении такой керамики с востока на запад, с Днепра за Днестр, что могло быть «связано с просачиванием восточных этнических элементов во «фракийскую» среду» (Тереножкин 1961: 215-217). Таким образом, формируется гипотеза о культурных влияниях, идущих с востока на запад — юго-запад южной лесостепи Днепро-Поднестровья. Далее, в 70-е годы, оформляется концепция о «мощном продвижении населения из Среднего Поднепровья и Побужья в область Поднестровья», в результате чего и была сформирована группа Сахарна (Ильинская 1975: 176, 177; Ильинская, Тереножкин 1983: 290-303).

Были и другие гипотезы и мнения наряду с «аккуратной» (нерешительной по А.И.Тереножкину — Тереножкин 1961: 216) концепцией А.И.Мелюковой. Так, значимость гальштатских общностей Карпато-Поднестровья и роль фракийского компонента в формировании материальной культуры лесостепного Поднепровья поздней бронзы-раннего железа (особенно чернолесско-жаботинских памятников) подчеркивала в своих работах Е.Ф.Покровская (Покровська 1952: 43-64; она же 1953: 128-137; она же 1953а). В.Д.Рыбалова акцентировала роль и влияния лужицкой культуры и Центральной Европы в целом на украинскую лесостепь предскифского времени (Рыбалова 1961: 80-95; она 1961а: 9-25; она же 1966: 74-82).

В те же 40-50-е годы параллельно велись работы и на Среднем Днестре, где был выявлен круг памятников предскифского времени (Пассек 1950: 40-56; она же 1951: 51-63; Мелюкова 1953: 60-73; она же 1958: 12-37; Шовкопляс 1952: 5-10; он же 1954: 98-105; он же 1956: 29-37; Шовкопляс, Максимов 1952: 89-108), а также в Буго-Днестровском междуречье

(Артамонов 1948: 177-181; он же 1949: 257-262; он же 1955: 100-117). При этом, к сожалению, кандидатская диссертация Г.И.Смирновой, в которой была представлена систематизация и анализ новых предскифских памятников Юго-Западной Подолии, на тот момент оказалась не опубликованной. Предскифские памятники Среднего Днестра (и Западной Подолии) были выделены ею в локальную группу, своеобразие которой было обусловлено промежуточным (и связующим) положением между одновременными памятниками лесостепной Молдовы и лесостепной Правобережной Украины (Смирнова 1954: 15).

Таким образом, уже в 40-50-е годы на уровне первоначального осмысления, обобщения и культурно-исторической интерпретации предскифских материалов лесостепи Правобережной Украины и Молдовы сложились две противоположные точки зрения о направленности культурных влияний и роли тех или иных культурных образований. Тогда же началась непрерывная публичная и печатная полемика, которая не прекращается и по сегодняшний день (Мелюкова 1979: 72-88; Ильинская, Тереножкин 1983: 290-303; Смирнова 1980: 121-143; она же 1983: 68-71; она же 1986: 23-25 и другие). Несмотря на то, что накапливается все больше объективных данных против гипотезы В.А.Ильинской и А.И.Тереножкина, она была возрождена недавно Л.И.Крушельницкой (Крушельницька 1998: 179-200; Бандрівський, Крушельницька 1998: 203-207), и поэтому проблематика предскифского периода лесостепи Днепра-Днестра и в настоящее время сохраняет свой полемический характер.

II этап (70-е годы)

В полевых изысканиях памятников раннего железного века акцент в эти годы смещается в Запрутскую Молдову и Добруджу, где были выявлены и введены в научный оборот несколько раннегальштатских групп, синхронных и, как оказалось впоследствии, родственных группе Сахарна.

С 1962 г. С.Моринц приступает к исследованиям городища Бабадаг в Добрудже, давшего название одноименной культуре. Важными и перспективными оказались стратиграфическое разделение материалов на три последовательных горизонта (I — XII-XI вв. до н.э.; II — X-IX вв. до н.э. и III — VIII-VII вв. до н.э.), а также выводы о том, что образование Бабадага связано с западными влияниями и совпадает с началом гальштатской эпохи (XII-XI вв. до н.э.) в Центральной Европе. Предложенная хронология подкреплялась и параллелями между гальштатской керамикой Бабадага и «Buckelkeramik» из слоя Троя VII в2. Анализируя гальштатские материалы лесостепной Молдовы, С.Моринц увидел влияния с запада и юга (из Добруджи), а керамика второй фазы Черного леса на Среднем Днепре, по его мнению, вообще маркировала самую северо-восточную точку культурного влияния раннего гальштата Румынии (Morintz 1964: 101-118). Таким образом, в дискуссию о направленности культурных влияний в лесостепи предскифского времени Северного Причерноморья начинают включаться и румынские исследователи, но на позициях, противоположных мнению А.И.Тереножкина.

Тогда же для раннего железного века Румынии была применена хронологическая система Мюллера-Карпе, подтвержденная и материалами Карпато-Подунавья. Ранний железный век Румынии, по мнению Е.Захарии и С.Моринца, соответствовал раннегальштатскому периоду и включал несколько этапов, а начало его было отнесено к На А 1 — XII в. до н.э. (Zaharia, Morintz 1965: 451-462).

Во второй половине 60-х годов в исследованиях раннего гальштата Румынии произошло еще одно знаменательное событие — был раскопан памятник на острове Банулуй на Дунае, и выделена новая одноименная гальштатская группа Инсула Банулуй, датированная На А-В. Важным явилось сопоставление (по технике орнаментации и мотивам узора) богато украшенной керамики этой группы с гальштатскими памятниками Запрутской Молдовы (Стойканы-Брад) и Болгарии (Пшеничево) (Morintz, Roman 1969: 393-422). Исследователи предположили, что все сравниваемые гальштатские группы (Бабадаг, Инсула Банулуй, Пшеничево, Стойканы-Брад) образуют большой комплекс культур гальштатских древностей в Балкано-Дунайской зоне, что явилось предпосылкой для выделения затем восточнобалканского круга памятников, которые обозначаются и как «орнаментированный гальштат».

Отмечу, что включение болгарских материалов в общий круг раннегальштатских памятников Балкано-Подунавья стало возможным лишь в конце 60-х годов, когда в Болгарии были выделены материалы раннего железного века.

Начало раннего железного века в Болгарии М.Чичикова отнесла к На А 1 (XII в. до н.э.), на основе специфической кухонной и столовой посуды она устанавливает связи Фракии с Троей (VII В 2) и культурой Бабадаг II в Добрудже (Чичикова 1968: 15-27; она же 1971: 81-92; она же 1972: 79-100). Проблема взаимосвязей Юго-Восточной Европы (прежде всего Болгарии) и Малой Азии в позднем бронзовом — раннем железном веках, которые хорошо прослеживаются на примере взаимодействия Фракии и Трои (VII В 2), более детально рассматривались Д.Димитровым (Димитров 1968: 1-15; он же 1971: 63-78).

Открытие новых гальштатских групп в Румынии и Болгарии, применение европейской хронологической системы для Балкано-Подунавья и сопоставление материалов раннего гальштата Юго-Восточной Европы с Троей (и возможность датировок через хронологию Трои VII B2), — все это имело принципиальное значение и в изучении культуры Козия-Сахарна.

Когда в начале 70-х годов А.Ласло ввел в научный оборот материалы раскопок поселения Козия в Запрутской Молдове, то приоритеты в аналогиях и взаимосвязях уже были оконтурены. А.Ласло, наметив круг памятников типа Козия, тем самым выделил еще один пласт раннего гальштата бассейнов Прута и Сирета, являющийся проявлением (так тогда считали С.Моринц и А.Ласло) культуры Бабадаг (László 1969: 319-326; он же 1972: 207-222).

Все последующие работы А.Ласло этого периода (наряду с полевыми исследованиями и составлением карт памятников) так или иначе касались проблематики раннего гальштата Румынии и, в первую очередь, Запрутской Молдовы (László 1975: 17-39; он же 1976: 57-75; он же 1976a: 89-98; он же 1977: 53-75; он же 1980: 181-187). А уточнение круга памятников типа Козия, проделанное А.Ласло, стало возможным благодаря составлению и изданию сводов памятников Запрутской Молдовы (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970), в том числе по уездам: Ботошань (Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976), Яссы (Chirica, Tănăsachi 1985) и Васлуй (Coman 1980).

А.Ласло поддержал гипотезу С.Моринца о «гальштатизации Балкано-Подунавья» и существовании двух раннегальштатских комплексов с каннелированной и орнаментированной керамикой (Morintz 1971: 19-25; он же 1974: 897-906; он же 1977: 1465-1488; он же 1978). Происхождение группы Козия А.Ласло связывает с продвижением части населения из Подунавья в южную и центральную Запрутскую Молдову в период Ha B 1-2 (X-IX вв. до н.э.). Тем самым территория распространения культуры Корлэтэнь была сокращена, а она сама некоторое время сосуществовала с Козией (László 1976: 57-75; он же 1976a: 89-98). Важными явились и разработки А.Ласло относительно начала эпохи раннего железа в Карпато-Дунайском регионе (с Ha A — XII в. до н.э.), когда имеются доказательства местной добычи и обработки железа в период Ha B 1-2 (X-IX вв. до н.э.) (László 1975: 17-39; он же 1977: 53-75). В отношении материалов из Среднего Поднепровья А.Ласло отмечал, что чернолесская культура была подвержена влиянию памятников Инсула Банулуй-Бабадаг не только в плане керамики, но и проникновения железа (László 1975: 38; он же 1980: 181-187).

Здесь же необходимо упомянуть и капитальный труд Б.Хенселя по хронологии памятников раннего гальштата Подунавья, в том числе Запрутской Молдовы (Hänsel 1976). Б.Хенсель приходит к выводу о родственности групп Остров (Инсула Банулуй), Пшеничево, Бабадаг, Козия и объединяет их в восточнобалканский круг памятников X-IX вв. до н.э. Особо он останавливается на хронологии, детально разбирая датировки всех хроноиндикаторов для каждой из культур (Hänsel 1976: 122-164). Для группы Козия он принимает даты X-IX вв. до н.э., отделяет материалы могильника и поселения Стойкань от группы Козия, определяя границей между ними 800 г. до н.э., и выделяет четыре хронологические фазы XIII-VIII вв. до н.э. для Запрутской Молдовы в целом. Б.Хенсель полагает, что Козия — это не явление периферии Бабадага, а стилистически сложившаяся группа, местным предшественником которой могла выступать пракультура (Тэмэоань), синхронная Бабадагу I (Hänsel 1976: 134-140).

Сопоставляя материалы Румынии и Молдовы, Б.Хенсель пришел к заключению, что древности типа Сахарна находят аналогии как в группе Козия, так и Бабадаге II; он отмечает распространение специфической орнаментированной посуды вплоть до Днепра, первые проявления которой можно наблюдать в белогрудовской культуре. Б.Хенсель также считает, что предложенные А.И.Мелюковой датировки для Сахарны слишком завышены: «с точки зрения румынских находок начальная дата для культуры Сахарна должна быть намного раньше, чем принимает ее А.И.Мелюкова» (Hänsel 1976: 148-151).

Г.Коссак также связывает появление специфической орнаментированной посуды в Чернолесье с влиянием культур Инсула Банулуй-Бабадаг II-Козия-Сахарна. Он подчеркивает, что молдавские памятники для Чернолесья привносят западный круг аналогий (Kossack 1980: 109-141).

Таким образом, помимо уже имеющейся дискуссии о направлении культурных влияний в предскифское время в междуречье Днепра-Днестра добавился и существенный (в несколько столетий) разрыв в датировках предскифских комплексов этого региона отечественными и зарубежными исследователями. Этот разрыв был значительно уменьшен лишь в середине 80-х — 90-е годы, но отдельные отечественные ученые все же придерживаются завышенных дат.

В 70-е годы в Днестро-Прутском междуречье полевые исследования памятников типа Сахарна практически не проводились. Здесь можно упомянуть лишь обследование поселения и могильника в окрестностях с.Матеуць (Лапушнян 1969: 128-133), попутные доследования древностей типа Сахарна при раскопках древнерусского селища Хлижень V (Глинжены) (Мелюкова 1980: 77) и разведочные раскопки А.И.Мелюковой поселений Сахарна I и Цахнэуць (Мелюкова 1981: 392; она же 1982: 3-12).

Тогда же был опубликован и свод памятников группы Сахарна, но в составленной карте присутствует ряд неточностей и недоработок.

Это повлекло и другие неверные представления в изучении этих древностей, например, о сугубой обособленности памятников типа Сахарна и ограниченной, компактно занимаемой ими территории (подробнее — Приложение I). В целом, на этом этапе основное внимание в изучении памятников типа Сахарна было сосредоточено на вопросах хронологии и происхождения.

В начале 70-х годов, в русле предложений А.И.Тереножкина, который синхронизировал и несколько удревнил известные в Северном Причерноморье лесостепные и степные культуры эпохи поздней бронзы-раннего железа и соотнес их с центральноевропейскими хронологическими системами (Тереножкин 1965: 63-86), А.И.Мелюкова пересматривает датировки основных культурных групп лесостепной Молдовы конца II — первой половины I тыс. до н.э., при этом ранее предложенная ею культурная колонка остается (Мелюкова 1972: 57-72).

Опираясь на аналогии в Чернолесье II, она предлагает более низкие даты для Сахарны: вторая половина VIII-начало VI вв. до н.э. (с более ранним появлением этих памятников еще в конце IX в. до н.э.). Достижения в изучении раннего гальштата Балкано-Подунавья позволили А.И.Мелюковой сопоставить группу Сахарна с комплексами Инсула Банулуй-Бабадаг, и связать ее появление с прямым проникновением в Днестро-Прутское междуречье одной из волн южнофракийского населения. Отмечая, что памятники типа Сахарна и типа Шолдэнешть располагались на одной и той же территории, но взаимовлияний в материальной культуре не наблюдается, А.И.Мелюкова приходит к выводу, что они сосуществовали непродолжительный период, а затухание и прекращение жизни на поселениях Сахарна связано с приходом шолдэнэштского населения.

Впоследствии у А.И.Мелюковой оформляется гипотеза, согласно которой в X-VI вв. до н э. в Днестро-Прутское междуречье проникло не менее трех волн фракийского населения из разных районов Балкано-Дунайской и Карпато-Дунайской областей, с которыми она и связывала появление культур Кишинэу, Шолдэнешть и Сахарна. Своеобразие памятников типа Сахарна она объясняла гальштатскими влияниями, шедшими с юга Подунавья и определившими генезис этой группы (Мелюкова 1975: 54-68).

В своем капитальном труде, посвященном роли и вкладу фракийского компонента в культуры предскифского и скифского времени Северного Причерноморья, А.И.Мелюкова убедительно доказала не местный характер чернолесско-жаботинской лощеной посуды и ее орнаментации (Мелюкова 1979). Она уточнила, что памятники типа Сахарна наиболее близки группе Козия, но датировка последней (X-IX вв. до н.э.) занижена и необходимо использовать хронологию Сахарны, полученную через синхронизацию с Чернолесьем II (Мелюкова 1979: 21-31; она же 1982: 11, 12). Саму группу Сахарна А.И.Мелюкова не считает возможным датировать ранее конца IX в. до н.э., а основной период ее бытования приходится на VIII-начало VII вв. до н.э. (Мелюкова 1979: 21-31). При этом, по материалам, соотносимым с ранним слоем Бабадага, она разделила древности типа Сахарна на две хронологические группы, выделив ранние памятники первой половины VIII в. до н.э. (Мелюкова 1982: 12).

Давая в целом высокую оценку монографии А.И.Мелюковой, А.Вульпе в своей рецензии подверг сильнейшей критике ту часть ее книги, в которой рассматривались вопросы датировок и, особенно, тенденцию высоких датировок гальштатских находок. Он отметил, что после попытки привести в соответствие хронологию северопонтийского гальштата со среднеевропейской, остается разрыв почти в 100 лет (в большинстве случаев даже еще больше) между датами, принятыми в румынской и советской школах. Этот момент, по его мнению, принципиально важен, так как последовательность различных культурных ступеней в северопонтийской зоне в конце II-первой половине I тыс. до н.э. еще в высшей степени зависит от периодизации Юго-Восточной Европы в целом (Vulpe 1981: 404-406).

В русле общей концепции А.И.Мелюковой культурно-исторического развития первой половины I тыс. до н.э. лесостепной Молдовы была выполнена и работа В.Л.Лапушняна, посвященная фракийскому гальштату. Он пытался обосновать предложенную А.И.Мелюковой генетическую преемственность между культурами Кишинэу и Шолдэнешть (через выделенную им раннегетскую культуру), при этом культуры Сахарна и Шолдэнешть развивались, по его мнению, на одной и той же территории (Лапушнян 1979).

В 70-е годы уточнялась и удревнялась хронология «восточных привязок» группы Сахарна — чернолесских и жаботинских комплексов лесостепного Среднего Поднепровья. Так, верхняя хронологическая граница Чернолесья II удревнилась до конца VIII в. до н.э. (Ильинская 1973: 3-23; она же 1975: 70), а затем, после синхронизации А.И.Тереножкиным второй ступени Чернолесья с черногоровским этапом (900-750 гг. до н.э.), она «укоротилась» еще на 50 лет. В абсолютных датах, опираясь на синхронизацию Сахарны с Чернолесьем II, А.И.Тереножкин и для этих культур предложил также время их бытования в пределах IX-первой половины VIII вв. до н.э. (Тереножкин 1976: 206-210).

Верхнюю хронологическую границу группы Сахарна тогда же пересмотрела и удревнила (не позже начала VII в. до н.э.) Г.И.Смирнова, опираясь на сходство основных признаков погребальной обрядности Сахарны и чернолесских курганов у с.Мервинцы в Южной Подолии (Смирнова 1977: 94-107). В последующих работах,

рассматривая позднечернолесские памятники Среднего Днестра на широком фоне культур восточнобалканского круга, она присоединилась к одному из существующих мнений о значительной роли Сахарны в формировании чернолесско-жаботинских памятников украинской лесостепи, обосновав тезис об этапности южнофракийских влияний, понизив верхнюю хронологическую границу Сахарны до середины-второй половины VIII в. до н.э. (Смирнова 1980: 121-143; она же 1983: 60-71; она же 1984: 43-60; она же 1989: 19-32).

В конце 70-х годов возник еще один спорный вопрос в изучении группы Сахарна, связанный с разными точками зрения на формирование ее погребального обряда (Доманский, Щукин 1983: 271-274), который мог являться собственно сахарнянским (Мелюкова 1979: 87) или белогрудовско-чернолесским (Смирнова 1982: 51, 52; она же 1984: 56, 57). Решение этого вопроса осложнялось тем обстоятельством, что до недавнего времени (90-х годов) отсутствовали вообще какие-либо данные по обряду погребения родственного Сахарне восточнобалканского круга памятников. Последнее, кстати, явилось одним из основных аргументов Л.И.Крушельницкой, которая возродила гипотезу о восточном происхождении группы Сахарна (Бандрівський, Крушельницька 1998: 203-205).

Завершая обзор второго этапа в исследованиях культуры Козия-Сахарна отмечу, что дискуссия о направленности культурных влияний (и связанный с ней вопрос происхождения этой культуры) сохранилась, а стороны привели дополнительные аргументы в поддержку своих концепций. Хронология культуры была в целом удревнена, но появился разрыв в 100-150 лет в датировках предскифских памятников отечественными и зарубежными исследователями. Дискуссионный характер приобрел вопрос формирования погребального обряда этой культуры.

III этап (середина 80-середина 90-х годов)

Этот период характеризуется выходом обобщающих концептуальных работ по раннему гальштату Добруджи, Запрутской Молдовы и Днестро-Прутского междуречья, а также широкомасштабными полевыми исследованиями памятников типа Сахарна, благодаря которым были получены принципиально новые археологические источники.

Результаты своих многолетних исследований по раннему и среднему гальштату Запрутской Молдовы А.Ласло обобщил в докторской диссертации (László 1985; он же 1989: 111-129), основные положения которой более детально были развернуты в его последующих докладах, статьях и монографии (László 1986: 65-91; он же 1986a: 1-12; он же 1989a: 266, 267; он же 1991: 143, 144; он же 1992: 122, 208-226; он же 1994; он же 1995: 87-102; он же 1997: 67-84 и других). Он предлагает уточненную хронологическую колонку XII-VII вв. до н.э. для Запрутской Молдовы, согласно которой группы Грэничешть (Грэничешты) и Корлэтэнь (Корлатени) относятся к раннегальштатскому комплексу с каннелированной керамикой; Тэмэоань и Козия — к раннегальштатскому комплексу с прочерченной и штампованной посудой; а культуры Басарабь, Стойкань и Трестиана были отнесены к среднему гальштату. Уточняя место памятников типа Козия в системе орнаментированного гальштата Балкано-Понто-Дунайского региона, он выделяет как общие для всех групп (Пшеничево-Бабадаг-Инсула Банулуй-Козия) керамические формы, типы и орнаментальные мотивы, так и специальные, встречающиеся только в одной или нескольких культурах. Выявленные взаимосвязи, по мнению А.Ласло, доказывают тесное родство этих четырех культурных групп и бытование их в X-IX вв. до н.э.

А.Ласло предлагает и Сахарну датировать X-IX вв. до н.э., что приводит к признанию частичной синхронности групп Кишинэу и Сахарна, «границей» между которыми могла быть долина Реута. Рассматривая влияние гальштатских культурных групп со штампованной керамикой Балкано-Подунавья на лесостепные культуры Днепровского Правобережья, он предложил «укоротить» почти на столетие (до рубежа IX-VIII вв. до н.э.) финальную фазу Чернолесья.

Анализируя связи между Восточно-Карпатским бассейном и степными и лесостепными зонами Северо-Западного Причерноморья, А.Ласло отмечает, что с переходом к эпохе железа (XII-IX вв. до н.э.) возобновляются западные и южные этнокультурные течения, когда элементы карпато-балкано-дунайского фракийского мира доходят вплоть до правого берега Днепра, а восточные компоненты в Карпато-Дунайском регионе менее интенсивны. В VIII-VII (или даже IX-VIII) вв. до н.э. ситуация меняется, некоторые восточные элементы, представленные фрако-киммерийским горизонтом, распространяются вплоть до Центральной Европы (László 1986a: 1-12).

Предложенную А.Ласло для Запрутской Молдовы колонку гальштатских культур XII-VII вв. до н.э. поддержали М.Петреску-Дымбовица (Petrescu-Dîmboviţa 1988: 175-189) и С.Моринц (Morintz 1987: 39-71). С.Моринц, помимо подробной характеристики эпонимного памятника Бабадаг, развил и выдвинутые им ранее идеи по проблематике раннего гальштата Балкано-Подунавья. По его мнению, группа Сахарна имеет гибридный характер, где соединены элементы культуры Бабадаг II и Козии, поэтому она сформировалась «путем проникновения этих двух культур в ареал культуры с каннелированной

керамикой типа Кишинев». Он также высказал ряд критических замечаний в адрес А.И.Мелюковой относительно завышения датировок Сахарны. Он считает, что культура Бабадаг II прямо или косвенно через группу Сахарна влияла на культуру Черный Лес лесостепной Украины. Все это было подтверждено С.Моринцем и в последующих докладах (Morintz 1989: 262-265; он же 1990: 134, 135).

С 80-х годов в румынской историографии появилась тенденция к значительному омоложению раннегальштатских памятников Балкано-Подунавья, когда, в частности, группы орнаментированного гальштата (и Козия в том числе) предлагается датировать IX-VIII вв. до н.э. (Vasiliev 1983: 33-57; он же 1988: 83-102; Gumă 1983: 65-138). Такое омоложение как будто согласуется с завышенными датировками А.И.Мелюковой для Сахарны, но аргументы, на которых оно основано, оказались столь шаткими, что среди специалистов фактически отсутствуют его сторонники. Примечательно, что и М.Гумэ отошел на более реальные позиции в плане хронологии раннего гальштата Балкано-Подунавья (Gumă 1995: 99-137).

Широкомасштабные исследования памятников типа Сахарна в Днестро-Прутском междуречье в эти годы были предварены важными хронологическими разработками, которые повлекли, в том числе, и частичную ревизию предложенной А.И.Мелюковой хронологической колонки первой половины I тыс. до н.э. для лесостепной Молдовы.

К пересмотру старых дат позднего Чернолесья и Сахарны обратилась Г.И.Смирнова, основывая свои положения на хронологических привязках в среднеевропейских, балканских и эгейских комплексах (Смирнова 1985: 33-53). Группу Сахарна (и Чернолесье II) она датирует концом X-первой половиной VIII вв. до н.э. с оговоркой, что верхняя хронологическая граница может определяться рубежом IX-VIII вв. до н.э. Такая ранняя датировка для Сахарны полностью подтвердилась и материалами Сахарнянского могильника I (Цыглэу), введенными в начале 90-х годов в научный оборот (Кашуба, Гольцева 1987: 67; они же 1991: 197-209).

Углубленное изучение культуры каннелированного гальштата Кишинэу-Корлэтэнь Днестровско-Сиретского междуречья подтвердило ее происхождение от белегишского круга памятников Подунавья и датировку концом XII-X вв. до н.э. (Смирнова 1990: 20-33; Левицкий 1990: 19, 20; он же 1994: 140-148).

Особенно важной явилась дата финала культуры Кишинэу-Корлэтэнь (конец X в. до н.э.), что убедительно доказывает отсутствие хронологического стыка между кишинэу-корлэтэнскими и басарабь-шолдэнештскими памятниками лесостепной Молдовы (Смирнова 1991: 147; Левицкий, Демченко 1991: 147-149; Levițchi 1992: 119-121). Соответственно, предложенная (и отстаиваемая) А.И.Мелюковой и поддержанная В.Л.Лапушняном (Мелюкова 1989: 19; Лапушнян 1979: 4-26, 121-132) непрерывная генетическая линия развития Кишинэу-Шолдэнешть не имеет под собой почвы. В лесостепной Молдове культура Кишинэу-Корлэтэнь и группа Сахарна сосуществовали в конце X в. до н.э.

Пересмотр колонки А.И.Мелюковой для гальштата Днестро-Прутского междуречья был продолжен О.Г.Левицким, который выделил еще одну раннегальштатскую группу конца XII-X вв. до н.э. с прочерченной и пролощенной керамикой и назвал ее Холеркань-Ханск (Левицкий 1990а: 6-8). Позже оформляется представление (кстати, не поддержанное А.Ласло — László 1996: 232-234) о раннегальштатском горизонте Тэмэоань-Холеркань-Балта, протянувшимся узкой полосой (в северо-восточном направлении) от Нижнего Подунавья до пограничья степи-лесостепи Буго-Днестровского междуречья (Levitchi 1992: 120; он же 1994а: 219-256; он же 1994б: 167-173). Исторические судьбы группы Холеркань-Ханск связываются с ее вкладом в формирование Сахарны, когда она выступает в качестве местного субстрата последней (Levițchi 1992: 120; он же 1994а: 231-233; Кашуба 1992: 35, 36). Аналогичная ситуация прослеживается в Пруто-Сиретском междуречье, где группа Тэмэоань выступает в качестве «пракультуры» для Козии (László 1986: 65-94).

В изучении собственно памятников типа Сахарна в этот период наблюдаются значительные успехи не только в полевых исследованиях, но и вопросах интерпретации полученных материалов.

Необходимо отметить мои раскопки 1986-87 гг. на поселении Матеуць-Ла башнэ, где получены свидетельства местной выработки железа (Кашуба 1989: 59, 60; подробнее — Приложение 3.3). Поселение Алчедар III, которое на сегодняшний день является самым масштабно раскопанным памятником группы Сахарна, дало важные данные не только для характеристики материальной культуры (типы жилых и хозяйственных сооружений, например), но и новые значимые комплексы, показывающие вклад Сахарны в развитие культуры Басарабь-Шолдэнешть (подробнее — Приложение 3.4). Погребения могильников Пояна и Климэуций Жос (Нижние Климауцы) подтвердили наличие в Сахарне грунтовых захоронений (Кашуба 1990: 107-111; Levinschi, Borziak 1990: 50-54; подробнее — Приложения 2.4 и 2.5).

Принципиально новые и яркие материалы были получены при исследовании памятника Хлижень II-Ла Шанц, который в IX-VIII вв. до н.э. являлся сахарнянским культовым центром, где в отправляемых ритуалах принимала участие какая-то часть насельников чернолесской культуры Среднего Днестра (Гольцева, Кашуба 1991: 150, 151; они же 1994: 165-168; они же 1995: 7-31; Kašuba 1996: 394-397; она же 1998а: 84-95).

На памятнике Хлижень II-Ла Шанц были получены и другие важные источники — смешанные сахарнянско-шолдэнештские комплексы середины-второй половины VIII в. до н.э., подтверждающие, что верхняя дата группы Сахарна одновременно фиксирует время появления в лесостепной Молдове культуры Басарабь-Шолдэнешть, что приходится на первую половину-середину VIII в. до н.э. (Гольцева, Кашуба 1995: 36, 37; Kašuba 1996: 394-397; она же 1998а: 84-95).

Все вышеизложенное убеждает, что необходима дальнейшая ревизия культурно-хронологической колонки для лесостепной Молдовы первой половины I тыс. до н.э., предложенной А.И.Мелюковой, где генетически дискретная линия развития может быть выстроена не от культуры Кишинэу-Корлэтэнь (по А.И.Мелюковой), а от группы Сахарна (восточный вариант культуры Козия-Сахарна), и в этом направлении уже сделаны определенные шаги (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 120-127; они же 2000).

Обзор полувековой истории исследований культуры Козия-Сахарна показывает дискуссионный характер вопросов, связанных с ее изучением: происхождение (восточное или юго-западное), формирование погребального обряда (собственно сахарнянский или под воздействием чернолесской культуры), датировка (конец X-первая половина VIII вв. до н.э. или конец IX-первая половина VII вв. до н.э.), судьбы (участие или неучастие в сложении чернолесско-жаботинских древностей Правобережья Днепра). При этом сами памятники типа Козия и типа Сахарна рассматривались только как родственные группы, а не составляющие единую культуру Козия-Сахарна.

Таким образом, до сих пор отсутствует убедительная концепция относительно культуры Козия-Сахарна и, соответственно, культурно-исторического развития лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в X-VIII вв. до н.э., которая в той или иной степени может стать общепринятой. Решение имеющихся проблем, поэтому, приобретает особую актуальность.

Глава II. Общая характеристика культуры

2.1. Ареал и топография памятников

Памятники культуры Козия-Сахарна занимают лесостепную часть Днестро-Сиретского междуречья с преимущественными концентрациями по двум «ветвям»: восточной — группа Сахарна Днестро-Прутского междуречья (бассейны среднего течения Днестра и Реута) и западной — группа Козия Пруто-Сиретского междуречья (бассейны рек Бырлад, Бахлуй и Жижия). Они отделены такими естественными границами как р.Днестр — на востоке, р.Сирет — на западе и пограничные районы между ландшафтными зонами степи и лесостепи — на юге (рис. III).

В плане геоморфологического районирования местонахождения восточного варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна сконцентрированы на меридионально расположенной Приднестровской возвышенности с абсолютными высотами 250-347 *м,* которая сильно и глубоко расчленена долинно-балочной сетью (Рымбу 1982: 10). Памятники западного варианта Козия, преимущественно, концентрируются в северной части Центрального молдавского плато (László 1989: 123). Для памятников варианта Сахарна можно уточнить и природно-географические районы — это территория Сорокской и Днестровско-Реутской лесостепных возвышенностей, характеризующихся высокой степенью расчлененности рельефа, когда на водораздельные пространства приходится до 12% площади. Территория изрезана густой сетью малых рек — маловодных притоков Днестра и Реута. Естественная растительность в настоящее время занимает 10-12% площади и представлена грабово-дубовыми и дубовыми массивами. Состав почв пестрый: Сорокская и Днестровско-Реутская возвышенности входят в Северо-Молдавскую лесостепную почвенную провинцию с преобладанием типичных и выщелоченных черноземов на низких водоразделах и низких частях склонов, а также небольшой площадью (до 10%) серых лесных почв на высоких водоразделах (Рымбу 1982: 12, 104-107, 110-112).

Экологическая обстановка раннегальштатского периода лесостепной зоны междуречья Днестра-Сирета может рассматриваться в контексте глобальных природных условий голоцена Евразии. Комплексные исследования природных условий (применение палеоландшафтного метода в сопоставлении с теориями П.П.Предтеченского и А.В.Шнитникова о цикличности изменений природных процессов, а также теорией Л.Н.Гумилева о поочередном увлажнении аридной и гумидной зон) позволили О.А.Гавриленко прийти к выводу, что на рубеже II-I тыс. до н.э. произошло некоторое похолодание климата, а климат I тыс. до н.э., в целом, был холоднее и влажнее современного. Эти явления повлекли распространение смешанных хвойно-лиственных лесов и появление в лесостепи северного оленя. Колебания климата привели и к возрастанию количества поселений раннего железного века на берегах рек и водоразделах, как местах с хорошо увлажненными почвами, которые наиболее пригодны для выращивания сельскохозяйственных культур (Гавриленко 1996: 306-311).

Меньшая континентальность климата с более постоянным водным режимом и повышен-

ной влажностью в лесостепи I тыс. до н.э. в том числе в южных и центральных областях румынской Молдовы подтверждается анализом фаунистических остатков на поселении Козия, где были представлены олень и бурый медведь (László 1989: 114; он же 1994: 37, 38).

Границы ареалов групп Козия и Сахарна рассматривались румынскими и отечественными исследователями раздельно, без связи друг с другом. Раздельное исследование памятников (в лесостепной части междуречья Днестра-Прута и лесостепной румынской Молдове, а также несколько запоздалое открытие последних) повлекло мнение об ограниченности и компактно-

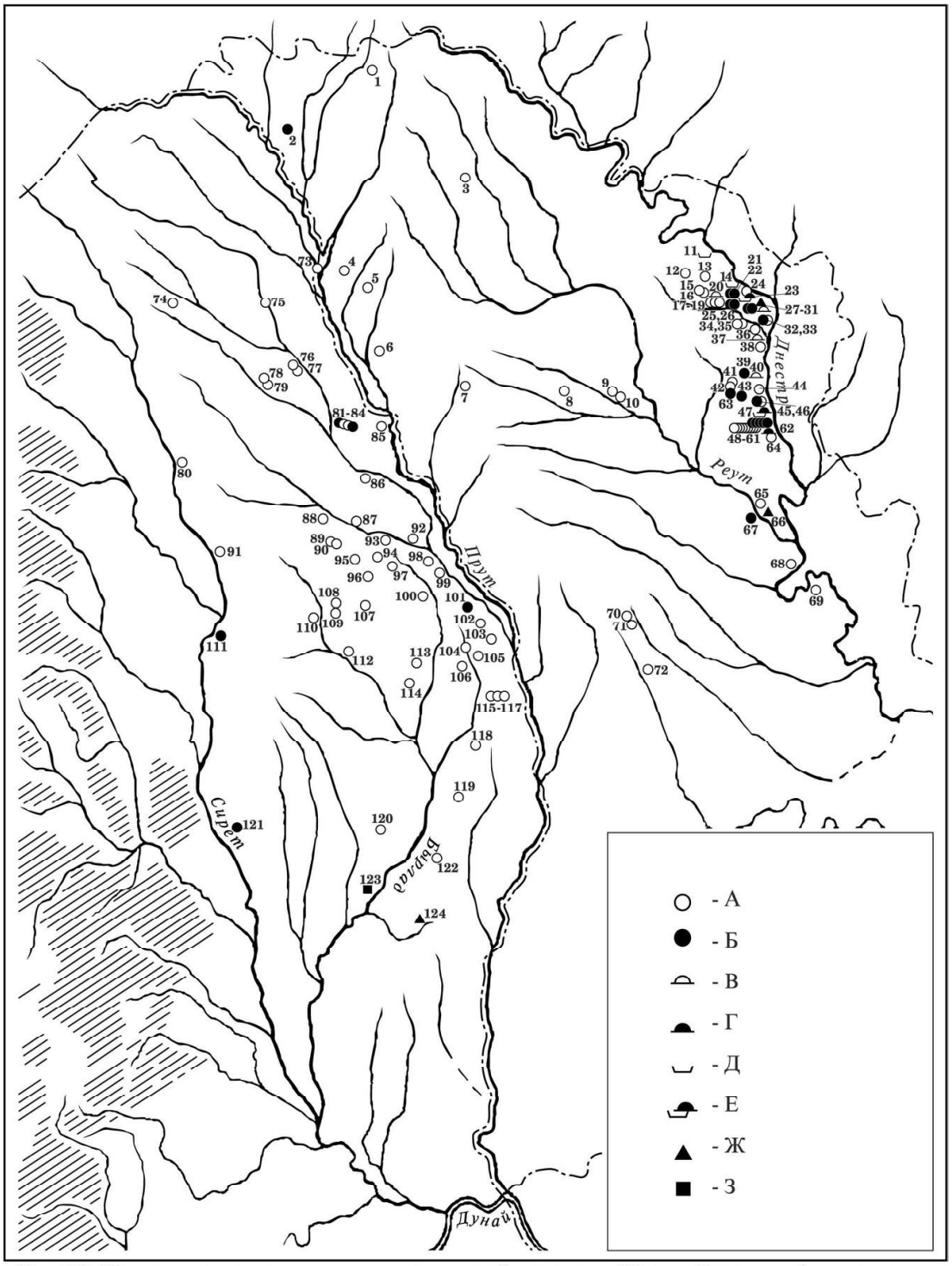


Рис III. Карта памятников раннегальштатской культуры Козия-Сахарна.

А — поселения, известные по разведкам; Б — раскопанные поселения; В — курганные могильники, известные по разведкам; Г — раскопанные курганные могильники; Д — грунтовые могильники; Е — раскопанные курганно-грунтовые могильники; Ж — случайные находки; З — клады.

сти занимаемой Сахарной территории, концентрации ее местонахождений в Резинском и Шолдэнештском районах Республики Молдова, а также отсутствию промежуточных памятников между Козией и Сахарной.

Вследствие этого известные местонахождения обозначались как «памятники типа Сахарна-Солончены», «группа Козия», «группа памятников типа Сахарна-Солончены», но только не «культура Козия» или «культура Сахарна» (Мелюкова 1958: 76-90, 100, 101; она же 1972: 66-70; она же 1979: 30-32, 66-68, 84, 87; она же 1982: 3-12; она же 1989: 20-23; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 8). Подчеркивалось, что западнее Реута не существует ни одного памятника типа Сахарна-Солончены, а северная граница этой группы намечалась где-то южнее г.Сорока (Мелюкова 1979: 31, 32). Долина Реута, при этом, рассматривалась в качестве границы между культурами Кишинэу-Корлэтэнь и Сахарной, сосуществующими во второй половине X в. до н.э. на соседних территориях. А.Ласло отмечал, что появление группы Сахарна не потревожило ареал кишинэу-корлэтэнских памятников (László 1986a: 8, 9).

Отмеченные суждения были полностью отражены в своде памятников типа Сахарна, опубликованном в 1974 г. (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 5-32), в том числе с картой 22 поселений и 7 могильников (подробнее — Приложение I).

На сегодняшний день представления об ареале культуры Козия-Сахарна должны существенно измениться. Этому способствуют пересмотр сведений о разведках 50-60-х годов и данные новых разведок в северных и центральных районах Республики Молдова (Приложение I), а также широкое привлечение румынских источников. Из последних отмечу своды археологических местонахождений Молдовы и памятников Ясского и Ботошанского уездов (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970; Chirica, Tănăsachi 1985; Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976); свод исследованных памятников Румынии (Situri arheologice 1996); хроники археологических исследований (Cronica 1994; Cronica 1995), а также своды археологических раскопок середины 90-х годов (Cercetări arheologice 1995; Cercetări arheologice 1997). Отмечу здесь же и разработки А.Ласло по уточнению ареала группы Козия (László 1976: 58, fig.I; он же 1989: 115, harta; он же 1994: 168-184, harta 2, 3).

Вышеизложенное позволяет считать всю лесостепную часть Днестро-Сиретского междуречья территорией распространения культуры Козия-Сахарна (рис. III), несмотря на то, что еще в течение всего X в. до н.э. этот регион оставался густо заселенным племенами культуры Кишинэу-Корлэтэнь (László 1989: 115; он же 1994: 105-141, harta 2; Левицкий 1990: 2, 8, 9; он же 1994: 51-53, fig.1, 2).

Во второй половине-конце X в. до н.э. мигрирующее из Среднего и, отчасти, Нижнего Подунавья население культуры Козия-Сахарна вынуждено было в лесостепь Днестро-Сиретского междуречья пройти двумя потоками. Поэтому, в лесостепной части междуречья Днестра-Реута закрепилась восточная «ветвь» мигрантов, тем самым сложилась группа Сахарна, а в лесостепных районах бассейнов Бырлада и Жижии обосновалась западная «ветвь» мигрантов, положив начало группе Козия (рис.I; III).

Таким образом, население культуры Козия-Сахарна вторглось уже в ареал культуры Кишинэу-Корлэтэнь, которая к концу X в. до н.э. прекращает свое существование. Так, в Запрутской Молдове А.Ласло отмечает семь пунктов типа Козия, расположенных в ареале культуры Кишинэу-Корлэтэнь (László 1989: 115, harta; он же 1994: harta 2, 3), а О.Левицкий — десять местонахождений западнее Реута с керамикой типа Сахарна (Leviţki 1994: 254, fig.77; он же 1994б: 178-183, fig.6). Поэтому, можно уверенно констатировать, что вся территория лесостепной части междуречья Днестра-Сирета являлась ареалом культуры Козия-Сахарна с двумя областями концентрации памятников: в междуречье Днестр-Реут и бассейнах рек Бырлад и Жижия (рис. III).

Необходимо также уточнить следующее. В Запрутской Молдове к памятникам типа Козия я отношу лишь те местонахождения, которые обоснованно отделил и интерпретировал А.Ласло (László 1969: 319-326; он же 1989: 111-129). В литературе существует несколько названий группы Козия, которые отражают «поэтапность» причисления к ней тех или иных памятников: «Козия-Брад», «Стойкань-Козия», «Козия-Покреака», «Стойкань-Брад». Разработки Б.Хенселя и А.Ласло, вопреки мнению М.Петреску-Дымбовицы (Petrescu-Dîmboviţa 1953a: 132-144; он же 1953б: 157-212; он же 1960: 161), позволяют в румынской Молдове выделить отдельную группу Стойкань среднего гальштата, которая хронологически следует за Козией (Hänsel 1976: 134-140; László 1985: 15, 16). Поэтому, я также материалы типа Стойкань к группе Козия не причисляю.

Обращаясь к другим категориям памятников, каковыми являются клады и случайные находки, отмечу следующее. Среди известных в Днестро-Сиретском междуречье кладов и случайных находок эпохи раннего гальштата с культурой Козия-Сахарна достоверно синхронизируется только клад Бырлад, датирующийся На В 2 (Petrescu-Dîmboviţa 1958: 59-67; он же 1977: 25, 26, 32), и случайная находка железного топора с крылышками в окрестностях с.Плеша (Dragomir 1972: 29, 31; László 1994: 151). Рассматривая ситуацию, сложившуюся с кладом Рэфэила, необходимо упомянуть, что М.Петреску-Дымбовица предложил датировать его исключительно На В 2 и синхронизировать с группой Стойкань-Брад (т.е. Козия) (Petrescu-

Dîmboviţa 1977: 32). Детально проанализировав составляющие клад Рэфэила (Рафаила) предметы, О.Левицкий вслед за А.Ласло склонен датировать его временем На А 2 — В 1 и синхронизировать с культурой Кишинэу-Корлэтэнь (László 1976a: 89; Leviţki 1994: 73, 74). Соглашаясь с А.Ласло и О.Левицким, я также не синхронизирую клад Рэфэила с культурой Козия-Сахарна. При этом можно отметить, что острота спора (синхронизация этого клада с Кишинэу-Корлэтэнь или Козией-Сахарной) снимается в связи с удревнением нижней хронологической границы Козии-Сахарны до второй половины X в. до н.э. (середина На В 1)

Что касается восточного варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна (Днестро-Прутское междуречье), то все известные на этой территории раннегальштатские клады и случайные находки бронзовых изделий О.Левицкий уверенно синхронизировал с культурой Кишинэу-Корлэтэнь (Левицкий 1993: 54-82; он же 1994: 117-138). Не оспаривая убедительные доводы О.Левицкого замечу, что две случайные находки кельтов были обнаружены непосредственно в ареале группы Сахарна — окрестностях сс.Требужень (Требужены) и Матеуць (Левицкий 1993: 77, рис.1). Это обстоятельство и более поздние хронологические параллели самим кельтам (глава 3.2) позволяют соотносить их с культурой Козия-Сахарна.

На момент написания настоящей работы к культуре Козия-Сахарна относятся 124 памятника: 111 поселений (в том числе 1 городище), 9 могильников, клад и 3 случайные находки (рис. III). Количество памятников в восточной части ареала этой культуры в 1,5 раза превышает число таковых в западной части, а могильники известны исключительно в Днестро-Реутском междуречье. Неравномерность расположения поселений и могильников культуры Козия-Сахарна в пределах ее ареала является не столько результатом неравномерных археологических обследований указанного региона, а следствием сложившейся во второй половине-конце X в. до н.э. в южной зоне Среднего Днестра культурно-исторической ситуации (подробнее — глава V).

Уточняя ареал культуры Козия-Сахарна, подчеркну, что р.Сирет фиксирует западную границу, р.Днестр — восточную, самыми южными памятниками являются Хородка (Городка) I и II, Стольничень (Стольничены) (в Днестро-Прутском междуречье), а также Плеша, Бырлад, Виишоара и Рэкэтэу де Жос (в Запрутской Молдове) (рис. III). Относительно северной границы, вопреки мнению А.И.Мелюковой, что она проходила южнее г.Сороки в Днестро-Прутском междуречье (Мелюкова 1979: 31, 32), считаю, что эта граница не может быть четко фиксированной.

В раннегальштатское время в лесостепную часть бассейнов Днестра-Прута прибывало население различных культур из южного предстепья Днестро-Сиретского междуречья. Поэтому, в северных районах Республики Молдова имеется ряд памятников с убывающим (по мере продвижения вверх по Днестру) удельным весом типично сахарнянской посуды и возрастающим удельным весом четко атрибутированной позднечернолесской керамики. Выделение северных памятников собственно культуры Козия-Сахарна будет возможно только после уточнения культурной атрибуции поселений северных районов Молдовы бассейна Днестра (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 10, 24, рис. 6) и, в первую очередь, микрорайона фонда «Рудь-Мэтониум» (Cronica 1995: 101, 102; Sava et col. 1995: 281-357). На сегодняшний день самыми северными памятниками культуры Козия-Сахарна являются поселения Ходороуць (Ходороуцы) I, Тринка, Главан V и Петрушань (Петрушаны) I в Днестро-Прутском междуречье, а также Ришка, Стынчешть и Албешть — в Пруто-Сиретском (рис. III).

Вышеизложенное позволяет считать, что северная граница ареала культуры Козия-Сахарна четко не фиксируется и предположительно может проходить по р.Днестр в его среднем течении (рис. III).

Особенности расположения памятников культуры Козия-Сахарна дают следующую картину. Специфика рельефа Днестро-Реутской возвышенности, и Приднестровской возвышенности в целом — для восточной части ареала, а также и Центрально-Молдавского плато — для западной части, сказались на характере мест обитания культуры. Эта специфика характеризуется высокой степенью расчлененности рельефа, а также значительной и густой сетью малых рек с глубокими и узкими долинами.

Памятники культуры Козия-Сахарна характеризуются как высоко и средне расположенные, так и преимущественно тяготеющие к воде. Высоко расположенные памятники преобладают и составляют 70,4% (из 71 памятника с определяемой топографией), они находятся на высоких плато, мысах, коренных берегах речек и оврагов, возвышенных берегах долин. Среди них местонахождения на мысах составляют 36%. К средне расположенным (29,6%) относятся памятники, находящиеся на пологих склонах долин, лощин и балок. Особенности топографии могильников культуры составляет их расположение исключительно на высоких плато и мысах.

Судя по топографии памятников, племена культуры Козия-Сахарна при выборе мест обитания руководствовались не только факторами, необходимыми для жизнеобеспечения (наличие водных источников, пастбищ и участков, пригодных для земледелия), но немаловажное значение имел и оборонительный фактор, продиктованный соображениями наибольшей безопасности. Предпочтение отдается высоким, относительно труднодоступным, естественно

укрепленным местам. Племена культуры Козия-Сахарна активно использовали рельеф местности, следуя принципу «естественной безопасности». Последний характеризует в целом гальштатские культуры с резной и штампованной керамикой Балкано-Подунавья, к которым относится и культура Козия-Сахарна. Племенами этих культур (Пшеничево II-Инсула Банулуй-Бабадаг II) заселялись, преимущественно, трудно доступные, естественно укрепленные места (Hänsel 1976: 122-164; Morintz 1987: 39-71; Gumă 1995: 114, 115). Но не только следование принципу «естественной безопасности» определило топографию памятников культуры Козия-Сахарна.

Наблюдения С.С.Березанской над поселениями различных периодов Северного Причерноморья, в том числе эпохи бронзы, показали, что не всегда топография поселений является одной из характерных черт той или иной отдельно взятой культуры. Она отмечает, что топографические условия поселений в значительной степени подчинены более общим условиям исторического развития, далеко выходящим за рамки сложения и развития какой-либо одной археологической культуры (Березанская 1982: 99). Я.Хохоровски, анализируя возникновение в период На В (На В 2) укрепленных гавских и киятицких поселений в восточной части Карпатской котловины, приходит к выводу, что они связаны с ломкой общественно-культурных и поселенческих структур, экономическим упадком, обусловленным экспансией восточноевропейских кочевников (Chochorowski 1993: 267-272). Непосредственным же стимулом строительства оборонительных сооружений, как отмечает Я.Хохоровски, была опасность «общего исторического» плана, не связанная непосредственно с общественно-исторической обстановкой развития одной культуры, а также преобладание оборонительной стратегии, направленной на защиту своих владений (Хохоровски 1996: 216-219).

У переселившихся в лесостепное междуречье Днестра-Сирета племен культуры Козия-Сахарна, которые попали в «чуждое» культурное окружение и должны были закрепиться на новых территориях, изначально преобладала оборонительная стратегия. При этом на переселенцев влияла и культурно-историческая среда I тыс. до н.э. этого региона, дестабилизирующим фактором которой все-таки являлись активизирующиеся в степях Северного Причерноморья раннекочевнические образования. В таких условиях племена культуры Козия-Сахарна должны были строить и искусственно укрепленные поселения, обнесенные валом и рвом.

Мне уже приходилось писать, что вопрос о наличии укрепленных поселений в культуре Козия-Сахарна остается открытым, однако, по нашему мнению, он может быть решен в пользу того, что население культуры Козия-Сахарна практиковало строительство городищ (см: Гольцева, Кашуба 1995: 4). Материалы типа Сахарна имеются, по крайней мере, на восьми гетских городищах Днестро-Прутского междуречья (Хахеу 1990: 26), что также может свидетельствовать о более раннем возведении укреплений на этих памятниках. На городище Брад Запрутской Молдовы выявлен культурно-хронологический горизонт типа Козия (Ursachi 1980: 179). Но наиболее веские доказательства в пользу положительного решения этого вопроса были получены К.Иконому при раскопках городища Покреака-Четэцуе в Запрутской Молдове. Оборонительные сооружения этого городища были возведены исключительно племенами группы Козия, что подтверждается керамикой из разрезов валов и рвов (Cronica 1994: 69; Iconomu 1996: 21-56; он же 1997: 121-123). В системе оборонительных сооружений городища Покреака-Четэцуе, состоящей из трех параллельных валов и рвов, зафиксированы два сегментовидных вала, аналогичные «бастионам» городищ южной зоны Среднего Днестра — Сахарна Маре и Сахарна Микэ, Куратура (Kaşuba, Haheu, Levițki 2000). Не исключено, что оборонительные сооружения последних могли быть возведены еще в раннегальштатское время племенами группы Сахарна на месте открытых сахарнянских поселений. Но, безусловно, более веские доказательства будут получены только путем разрезов валов и рвов «гетских» городищ Днестро-Прутского междуречья.

На сегодняшний день можно продемонстрировать, что племена культуры Козия-Сахарна были знакомы с техникой строительства укрепленных поселений, доказательством чему являются оборонительные сооружения городища Покреака-Четэцуе.

Из укреплений родственных гальштатских культур с резной и штампованной керамикой Карпато-Подунавья отмечу городище Бабадаг в Добрудже (Morintz 1964: 101-118; он же 1987: 39). Хотя для раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь свойственно низменное расположение поселений (László 1989: 121, 122; он же 1994: 105-107; Levițki 1994: 53, 54), все же известен и целый ряд городищ (Ursulescu, Popovici 1997: 51-65). Другие раннегальштатские культуры с каннелированной керамикой восточнокарпатского региона — Грэничешть и Гава-Голиграды, напротив, характеризуются высоко расположенными поселениями (László 1985: 7, 9; он же 1989: 120, 121; он же 1994: 48-52), а на заключительном этапе культуры Гава-Голиграды (На В 2 или Магала IV) вообще наблюдается активное возведение оборонительных сооружений на месте поселений открытого типа (Малеев 1987а: 86-101; он же 1990: 49-51; Смирнова 1990: 17).

Городища известны и в культурах раннегальштатского горизонта Тэмэоань-Холерканъ-Балта, хотя поселения расположены, преимущественно, в низменных местах (László 1986:

65; он же 1989: 122, 123; он же 1997: 67-84; Leviţki 1994а: 221, 222; он же 1994б: 169). Наконец, в период На В 2 на южной границе лесостепи Правобережья Днепра возникают небольшие городища позднечернолесской культуры (Тереножкин 1961: 12-32; Ильинская, Тереножкин 1983: 257).

Таким образом, возведение племенами культуры Козия-Сахарна укрепленных поселений находилось в русле общей тенденции строительства оборонительных сооружений на поселениях лесостепных культур Карпато-Подунавья и Северного Причерноморья в период На В (преимущественно, В 2).

2.2. Поселения, жилища, производственные и хозяйственные сооружения

Для культуры Козия-Сахарна характерно гнездовое (кустовое) расположение памятников, когда несколько поселений и могильник находятся в 1-3 *км* друг от друга: комплексы памятников окрестностей сс.Михулень (Мигулены), Матеуць и Алчедар (рис. XLII), Сахарна (рис. XLIII), Покреака, Рэусень, Прэжень и Пыхнешть (Приложение I). В таких гнездах памятников, как правило, имеются укрепленные поселения с валом и рвом, но только одно из них — Покреака-Четэцуе — достоверно относится к культуре Козия-Сахарна. Тем не менее, можно предположить, что несколько синхронных поселков консолидировались вокруг укрепленных центров (городищ). Последние представляли собой локальные центры небольших территорий, обеспечивая и «общекультурную» (или даже «общеисторическую») оборонительную стратегию. Наряду с гнездами памятников в культуре Козия-Сахарна известны изолированно расположенные поселения (Приложение I).

Преобладающая тенденция в размерах поселений отсутствует: известны как малые поселки (площадью до 1-1,5 га), так и большие поселения, площадь которых доходит до 10-12 га (Сахарна Маре, Хлижень II-Ла Шанц).

Стационарные археологические исследования проводились на 18 поселениях (16,4%). На 6 поселениях из 16 раскопанных в Днестро-Прутском междуречье материалы типа Сахарна были выявлены попутно (Тринка, Матеуць-городище, Алчедар-Ла Кордон, Екимэуць, Цареука и Бутучень — Бутучены). Наиболее масштабные исследования были осуществлены на поселениях Солончень-Хлиная, Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III, причем на двух последних раскопки проводились сплошной площадью (Приложения 3.2-3.4). Наиболее исследованными памятниками в Запрутской Молдове являются поселение Козия и городище Покреака-Четэцуе.

До раскопок памятников Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III отсутствовали данные о планировке поселений этой культуры. Мои наблюдения позволяют считать, что для культуры Козия-Сахарна характерна разбросанная кустовая планировка, когда отдельные усадьбы (жилища и примыкающие к ним надворные постройки) располагались на расстоянии от 20-25 *м* друг от друга. Нередко в такой усадьбе новые жилые помещения строились в непосредственной близости от разрушенных или еще функционирующих жилищ, что было зафиксировано на поселении Алчедар III (Приложение 3.4).

Данные о планировке поселений родственных раннегальштатских культур с резной и штампованной керамикой Балкано-Подунавья отсутствуют. В раннегальштатской культуре с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь известны как уличная, рядовая планировка, так и круговая (László 1994: 107, 108; Leviţki 1994: 55, 56).

Культурный слой раскопанных поселений представлен более или менее интенсивно золистым грунтом с культурными остатками. Он начинается от уровня современной дневной поверхности, толщина его в среднем достигает 0,6 *м.* В культурном слое многослойных памятников материалы культуры Козия-Сахарна отделяются планиграфически, выявляются в закрытых комплексах (жилищах, производственных и хозяйственных сооружениях) и при помощи типологического анализа массового материала.

На поверхности поселений культуры Козия-Сахарна прослеживаются отдельно расположенные золистые пятна округлых очертаний (диаметром 14-20 *м*) с большим количеством фрагментов обмазки с отпечатками прутьев, мелкими кусочками пережженной глины, мелкими известняковыми камнями, керамикой и прочее. Такие слабо или интенсивно золистые пятна, выявленные на многих поселениях культуры (Солончень-Хлиная, Цахнэуць, Сахарна-Валя Цыглэу, Сахарна I, Матеуць-Ла башнэ), фиксируют места расположения усадеб (с жилищами и постройками). Исключение составляет зольник святилища Хлижень II-Ла Шанц, имеющий культовый характер (Гольцева, Кашуба 1995: 11-20, 30, 31).

Жилища

Наличие жилищ было достоверно зафиксировано на 5-ти исследованных поселениях культуры (27,8%) — Солончень-Хлиная, Козия, Матеуць-Ла башнэ, Алчедар III и Хлижень II-Ла Шанц. Всего было раскопано 16 жилых сооружений культуры Козия-Сахарна (рис. IV; V; VI: 3, 7, 8, 10).

Наличие в культурном слое поселений фрагментов глиняной обмазки с отпечатками жердей и прутьев на одной из сторон позволило иссле-

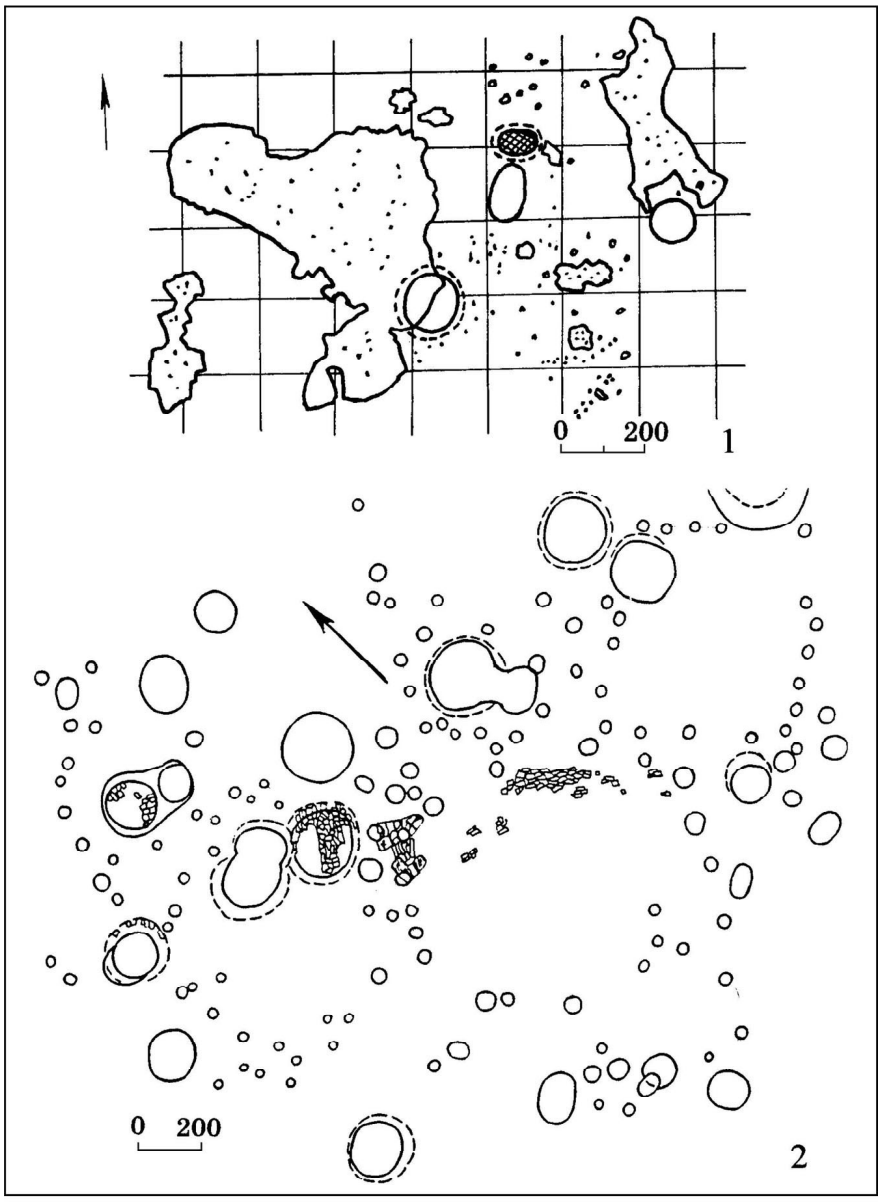


Рис. IV. Наземные жилые сооружения (I тип) культуры Козия-Сахарна. 1 — жилище варианта Б (Матеуць-Ла башнэ); 2 — жилище варианта А (Алчедар III).

дователям предположить, что для культуры характерны легкие наземные глинобитные жилища с плетневой конструкцией стен (Мелюкова 1958: 76). Но только при раскопках поселений Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III были получены достоверные сведения о конструктивных особенностях наземных жилищ этой культуры.

Рассматривая жилище как комплекс нескольких составляющих и характеризующих его элементов, а также положив в основу классификации основные архитектурные и планировочные элементы с учетом характера отопительного сооружения, в культуре Козия-Сахарна можно выделить два основных типа жилых построек: наземные (I тип) и углубленные в землю (II тип). Жилища II типа, степень заглубленности которых характеризуется в пределах 0,6-0,8 (0,9) *м,* отнесены мною к полуземляночным. Землянки как таковые не характерны для культуры Козия-Сахарна, исключение составляет одно жилище поселения Матеуць-Ла башнэ, глубина которого составила 1,2 *м.*

Наземные жилища (I тип) представлены 2 вариантами: вариант А — упрощенной планировки, изредка с ямами-хранилищами в интерьере и стационарным отопительным сооружением; вариант Б — с ямами-хранилищами в интерьере (или без них), дополнительными пристройками и переносным отопительным сооружением (рис. IV). Углубленные жилища (II тип) представлены 2 подтипами: подтип 1 — четырехугольные однокамерные; подтип 2 — овальные. В свою очередь, подтип 1 типа II представлен 3 вариантами: вариант А — упрощенной планировки со стационарным отопительным сооружением; вариант Б — с фиксированным входом и стационарным отопительным сооружением; вариант В — с ямами-хранилищами в

интерьере и переносным отопительным сооружением (рис. V; VI: 3, 7, 8, 10).

Тип I — наземные жилища

Зафиксированы четыре наземных жилища на поселениях Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III (рис. IV). Жилища подпрямоугольной формы, однокамерные, каркасно-столбовой конструкции, заглублены в грунт на 0,35-0,4 *м* от современной дневной поверхности.

Стены наземных жилищ состояли из деревянного каркаса-основы и глиняной массы. Каркас-основа представлял собой расположенные по периметру деревянные столбы, диаметрами от 0,2 до 0,35-0,4 *м,* соединенные между собой плетневой конструкцией. Стены возводились путем последовательного наложения специально подготовленной глиняной массы на каркас-основу. В глиняную массу, видимо, для придания твердости, добавляли мелкие известняковые камни, которые в значительном количестве встречаются в культурном слое на всех поселениях культуры. От стен обычно сохраняются разной величины фрагменты обожженной глиняной обмазки красно-оранжевого цвета. Одна сторона таких фрагментов гладкая, вторая — с отпечатками выгоревших жердей и прутьев, диаметрами от 0,8-1,5 до 2-2,5 *см.* В верхней части стен жилищ располагался бортик-карниз, шириной 4-5 *см,* который имел внешний волнистый край с вдавлениями от ребра ладони. Сам бортик зачастую был украшен циркульным или волнистым узором. Места стыковки стен жилищ (углы) оформлялись с внешней стороны округлыми (реже овальными) глиняными нашлепками, размерами 4,5-6 х 6,5-8,5 *см* и толщиной 2-4 *см,* которые накладывались вертикально, одна над другой.

С внешней стороны стены жилищ тщательно заглаживались травой, грубой тканью, ладонью, а затем «штукатурились» белой меловой пастой (такие фрагменты в значительном количестве зафиксированы на поселении Ал-

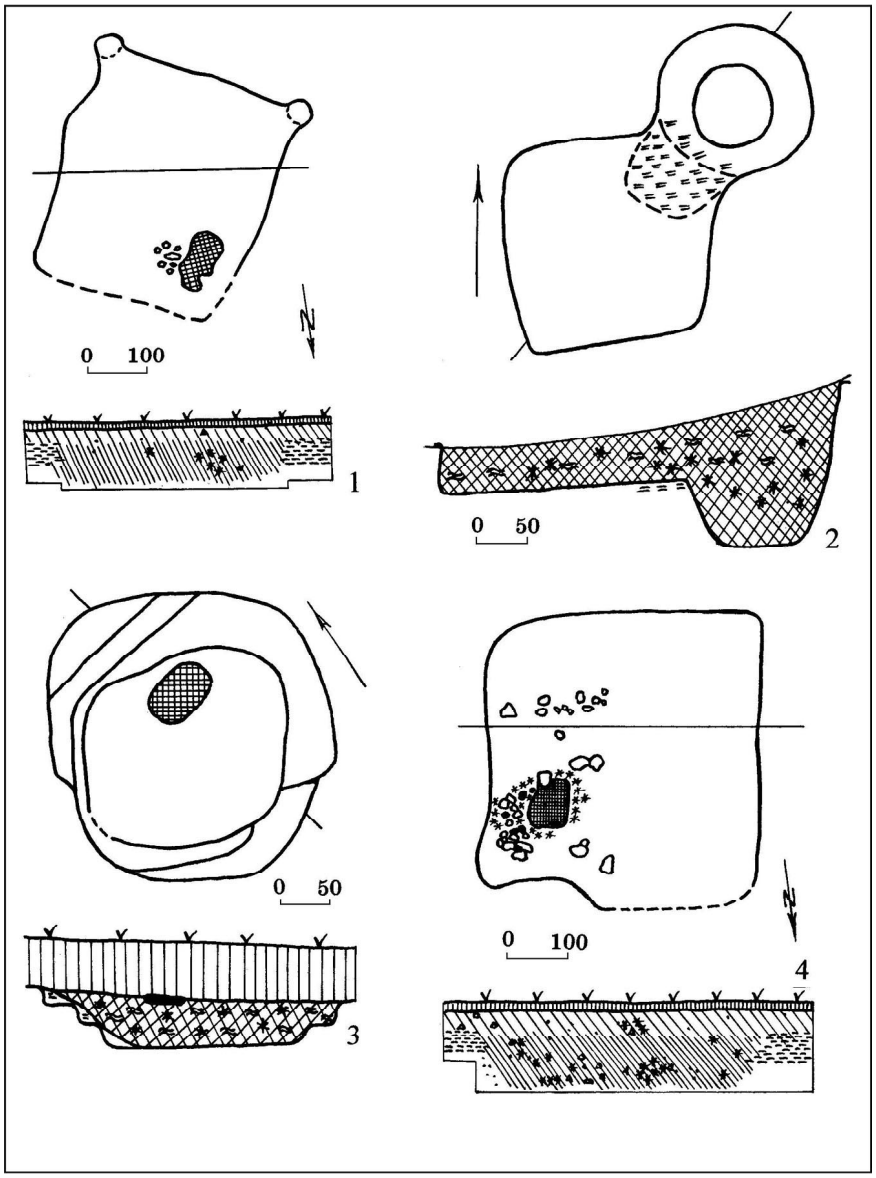


Рис. V. Углубленные жилые помещения (II тип) культуры Козия-Сахарна. 1, 4 — жилища подтипа 1 варианта А (Козия); 2 — жилище подтипа 1 варианта В (Хлижень II-Ла Шанц); 3 — жилище подтипа 1 варианта Б (Алчедар III).

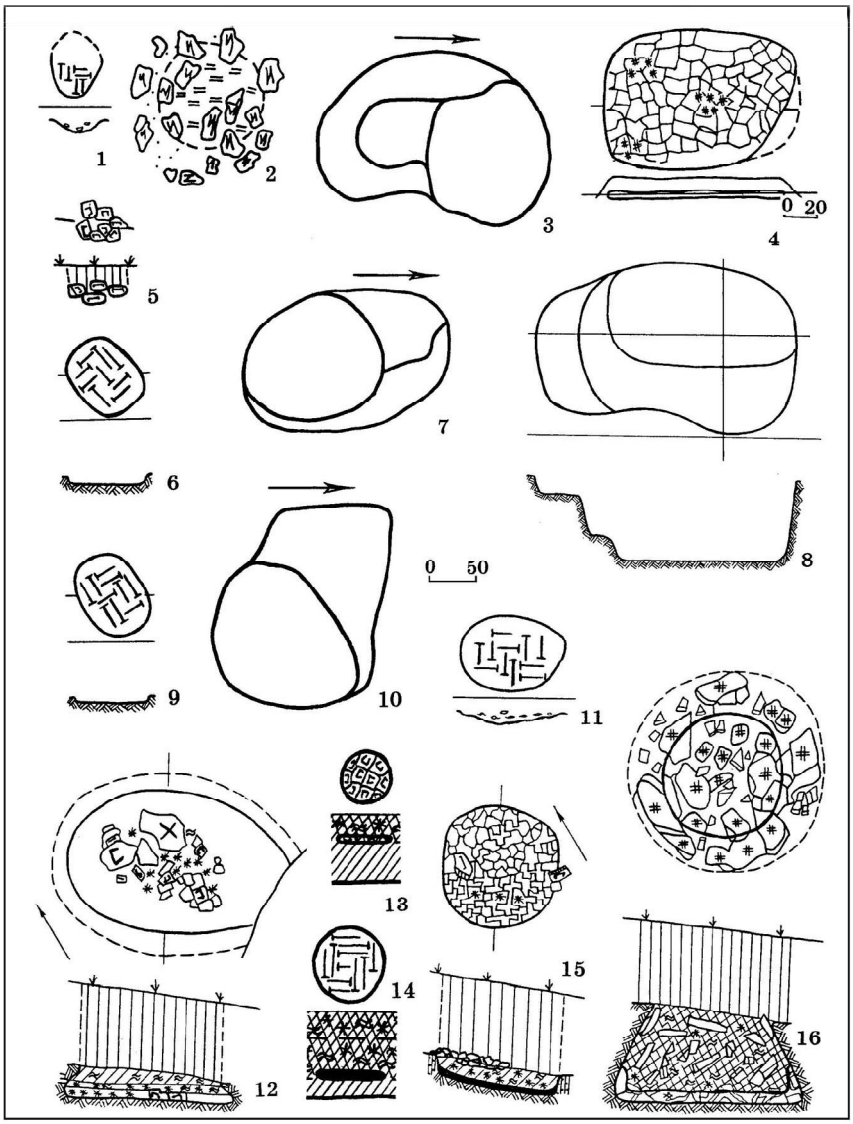


Рис. VI. Жилые и отопительные сооружения культуры Козия-Сахарна. 1, 2, 6, 9, 11 — очаги варианта А; 3, 7, 8, 10 — углубленные жилища подтипа 2; 5, 13 — очаги варианта Б; 12 — очаг варианта В; 4, 14 — печи варианта Б; 15 — печь варианта А; 16 — печь для обжига керамики. 1, 4, 6, 8, 9, 11, 13, 14 — Матеуць-Ла башнэ; 2 — Хлижень II-Ла Шанц; 3, 7, 10 — Солончень-Хлиная; 5, 12, 15, 16 — Алчедар III.

чедар III). Поверх «штукатурки» стены расписывались красной краской, которая сохранилась на отдельных фрагментах обмазки на поселении Алчедар III (в том числе, в заполнении ям №№26 и 35 жилища III), но мотивы узора не восстанавливаются.

Практически ничего не известно о конструкции и материале перекрытий наземных жилищ. Крыша могла быть как односкатной, так и двускатной. Верх крыш (или боковины) украшались схематическими глиняными фигурками (конька-ми). Одна из таких фигурок-коньков была обнаружена в закрытом комплексе поселения Алчедар III — это схематическая головка барана с небольшим продольным отверстием для насаживания. Фигурка была изготовлена из глиняной массы, полностью идентичной глиняной массе стен жилищ, а поверхность ее также заштукатурена (рис. CXIV: 22).

Наземные жилища культуры Козия-Сахарна (I тип) представлены двумя вариантами (рис. IV).

Тип I вариант А — жилища упрощенной планировки, с ямами-хранилищами в интерьере (или без них) и стационарным отопительным сооружением. К этому варианту относится жилище I поселения Матеуць-Ла башнэ (рис. IV: 1).

Жилище I поселения Матеуць-Ла башнэ ориентировано углами по сторонам света, общая площадь его составила 26,3 *кв. м.* В центральной части жилого помещения находилась купольная печь, к которой примыкала выгребная яма для золы (Приложение 3.3).

Тип I вариант Б — жилища с ямами-хранилищами в интерьере или без них, дополнительными пристройками-нишами, а также переносным отопительным сооружением. К этому варианту относятся жилища I-III поселения Алчедар III (рис. IV: 2).

Жилища I и III поселения Алчедар III подквадратной формы, ориентированы углами (жилище I) или стенами (жилище III) по сторонам света, общей площадью 24,6 и 29-30 *кв. м.* В планировку жилища I входила яма, на дне которой зафиксированы остатки переносного отопитель-

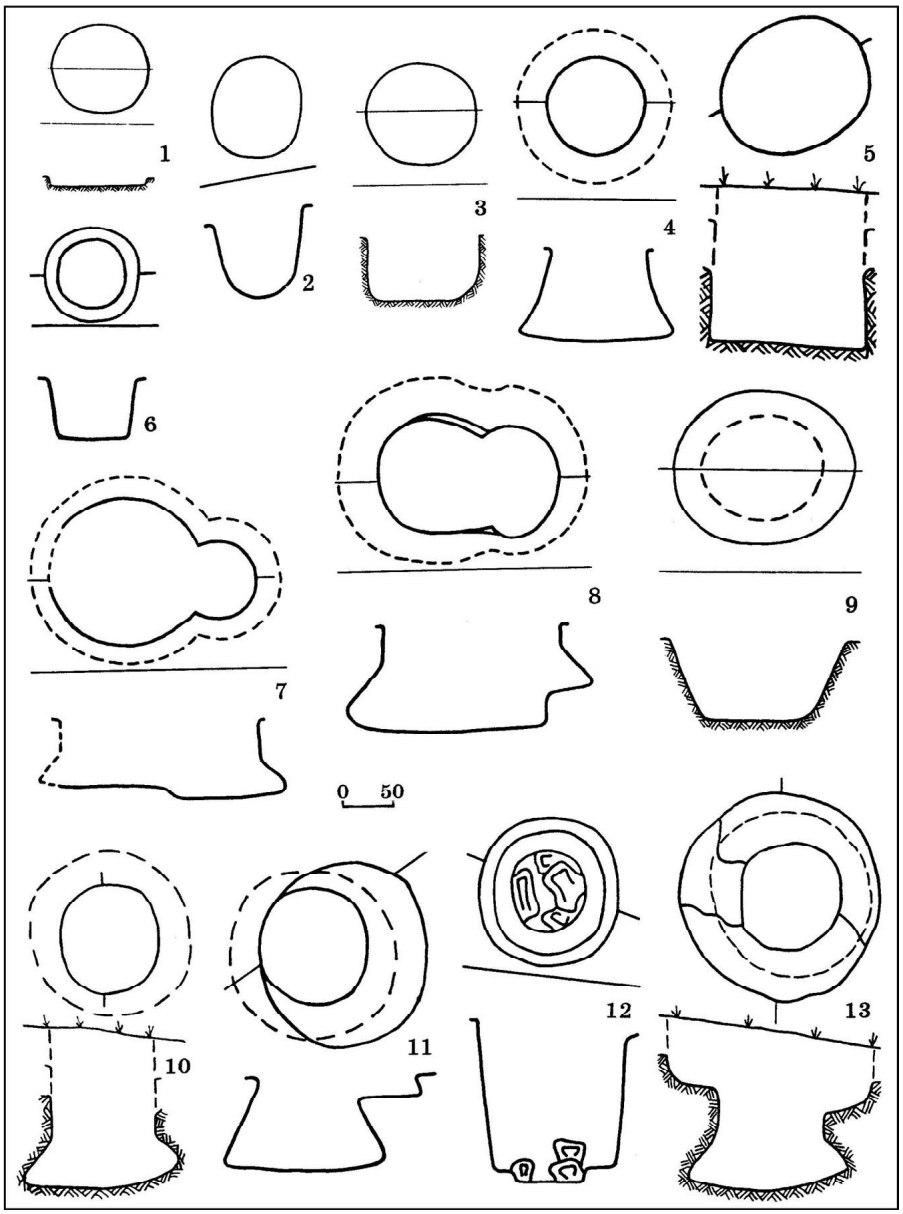


Рис. VII. Типы хозяйственных ям культуры Козия-Сахарна. 1, 3, 5 — ямы I типа; 2, 6, 9, 12 — ямы III типа; 4, 7, 8, 10, 11, 13 — ямы II типа. 1, 3, 4, 7, 8 — Матеуць-Ла башнэ; 2, 6, 11, 12 — Хлижень II-Ла Шанц; 5, 9, 10, 13 — Алчедар III.

ного сооружения. В интерьер жилища III входили 2 ямы-хранилища, а с внешней стороны западной стены примыкала кладовая (с навесом и отдельным входом) с ямой-хранилищем (Приложение 3.4).

Жилище II поселения Алчедар III усложненной планировки, неправильной прямоугольной формы, ориентировано углами по сторонам света, общей площадью 43 *кв. м.* В южном углу жилища имелись различного рода хозяйственные приспособления (лежанки, лавки или подставки), а вдоль южной стены находилась прямоугольной формы пристройка-клеть (Приложение 3.4).

Тип II — углубленные в землю жилища

Зафиксированы 12-ть углубленных в землю жилищ на поселениях Козия, Солончень-Хлиная, Матеуць-Ла башнэ, Алчедар III и Хлижень II-Ла Шанц (рис. V; VI: 3, 7, 8, 10). Впервые в культуре жилища этого типа были достоверно идентифицированы при раскопках поселения Козия в Запрутской Молдове (László 1972: 208, 209, fig.2; 3). На поселении Солончень-Хлиная, которое раскапывалось еще в начале 50-х гг., углубленные жилища группы Сахарна были выделены мною при обработке материалов этого памятника (Приложение 3.2). Наконец, несколько жилищ этого типа были раскопаны на памятниках Матеуць-Ла башнэ, Алчедар III и Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 8) (Приложения 3.3 и 3.4).

Углубленные в землю жилища (II тип) представлены двумя подтипами: подтип 1 — четырехугольные однокамерные и подтип 2 — овальные. Подтип 1, как было отмечено, представлен тремя вариантами.

Тип II подтип 1 вариант А — четырехугольные однокамерные жилища упрощенной плани-

ровки со стационарным отопительным сооружением. К этому варианту относятся жилища 1 и 2 поселения Козия (рис. V: 1, 4).

Жилища 1 и 2 поселения Козия подквадратные с округленными углами, ориентированы углами или стенами по сторонам света, размерами 5х4,5 *м* при глубине 0,8 *м* и 4х3,5 *м* при глубине 0,6 *м.* Площади жилищ, соответственно, составили 22,5 *кв. м* и 14 *кв. м.* В северном и северо-восточном углах жилищ находились купольные печи, от которых сохранились овальные поды, размерами 0,74х0,6 *м* и 0,96х0,5 *м,* ориентированные в направлении северо-восток — юго-запад. А.Ласло, основываясь на наличии столбовых ямок в южном и западном углах одного из жилищ и отсутствии таковых в противоположных углах, предположил, что данное жилище имело односкатную крышу, наклонную к северо-востоку (László 1972: 209). Предположения А.Ласло весьма убедительны, тем более, что постройка с односкатной крышей была зафиксирована на поселении Алчедар III (Приложение 3.4) (рис. VIII: 4). Отмечу, что наличие односкатных перекрытий предполагается и для углубленных жилищ западного варианта белозерской культуры, в частности, такая реконструкция предложена для поселения Приозерное I (Vančugov 1996: 290, 291; abb. 3).

Тип II подтип 1 вариант Б — четырехугольные однокамерные жилища с фиксированным входом и стационарным отопительным сооружением. К этому варианту относится жилище IV поселения Алчедар III (рис. V: 3).

Жилище IV поселения Алчедар III с округленными углами, ориентированными по сторонам света, общей площадью 6,5 *кв. м.* Вход в жилище находился в северном углу и обозначался двумя параллельными ступеньками. В северной части жилого помещения находилась купольная печь, ориентированная в направлении запад-восток (Приложение 3.4).

Тип II подтип 1 вариант В — четырехугольные однокамерные жилища с ямами-хранилищами в интерьере и переносным отопительным сооружением. К этому варианту относится жилище памятника Хлижень II-Ла Шанц (рис. V: 2).

Жилище памятника Хлижень II-Ла Шанц подквадратной формы, с округленными углами, стенами ориентировано по сторонам света, с округлой ямой-хранилищем в северо-восточном углу. Общая площадь жилища составила 6,25 *кв. м.* В месте соединения основного отсека жилища с хранилищем, на полу, зафиксирован прожог от жаровни (Гольцева, Кашуба 1995: 8).

Тип II подтип 2 — овальные жилища, с фиксированным входом-тамбуром и переносным отопительным сооружением. К этому подтипу относятся жилища 3-6 поселения Козия, жилища I-III поселения Солончень-Хлиная и жилище II поселения Матеуць-Ла башнэ (рис. VI: 3, 7, 8, 10).

Жилища 3-6 поселения Козия имели округлый вход-тамбур, иногда снабженный тремя ступеньками (жилище 4), и овальный основной отсек. Жилища 3 и 4 были ориентированы в направлении запад-восток, когда вход располагался с западной стороны; жилища 5 и 6 — север-юг, со входом с юга. Площади жилищ разные. Жилища 3 и 5 имели ширину входа до 1 *м* и площади 6,9 *кв. м* и 6,2 *кв. м.* Ширина входа-тамбура жилища 6 составляла 1,8 *м,* а площадь самого жилого помещения — 7,6 *кв. м.* Самым большим, площадью 11,7 *кв. м,* являлось жилище 4 со входом-тамбуром в 1,6 *м* и тремя ступеньками.

Жилища I-III поселения Солончень-Хлиная малых размеров, ориентированы в направлении север-юг (жилища I и II) и северо-запад — юго-восток (жилище III). Жилище I имело площадь 5 *кв. м* при ширине входа-тамбура, расположенного с южной стороны, в 1,29 *м* (рис. VI: 3). В жилище II, площадью 4 *кв. м,* ширина входа-тамбура, расположенного с северо-восточной стороны, составляла 0,86 *м* (рис. VI: 7). Вход-тамбур, шириной 1,33 *м,* расположенный с северо-западной стороны жилища III, площадь которого составляла 5 *кв. м,* был обращен к жилищу II (рис. VI: 10). При этом расстояние между жилищами II и III поселения Солончень-Хлиная равнялось 0,5-1 *м* (Приложение 3.2).

Жилище II поселения Матеуць-Ла башнэ было ориентировано в направлении запад-восток, имело вход-коридор с западной стороны и длинную ступеньку с западной и южной сторон (рис. VI: 8). Общая площадь его составила 7,8 *кв. м* при ширине входа 0,6 *м* (Приложение 3.3).

На всех поселениях культуры бытовали наземные и углубленные в землю жилища. Хотя углубленных жилищ зафиксировано в 3 раза больше, чем наземных, отмечу, что в культурном слое всех поселений (в том числе известных по разведкам) содержится значительное количество фрагментов глиняной обмазки от стен наземных жилищ. Последнее обстоятельство позволяет считать, что наземные жилища бытовали на каждом поселении культуры Козия-Сахарна, а их количество, скорее, было равным или, может, превосходило число углубленных жилищ.

Отопительные сооружения

Отопительные сооружения разнообразны и были обнаружены на всех исследованных поселениях культуры Козия-Сахарна. Они известны как в интерьере жилых построек, производственных и хозяйственных сооружений, так и на надворной территории усадеб. Выделяются 2 основных типа отопительных сооружений: тип I — стационарные; тип II — переносные (рис. VI: 1, 2, 4-6, 9, 11-16).

Стационарные отопительные сооружения делятся на 2 подтипа: подтип 1 — купольные печи; подтип 2 — очаги. В свою очередь, куполь-

ные печи представлены 2 вариантами: вариант А — с заглубленным в грунт корпусом; вариант Б — с корпусом на «черноземной» подушке. Очаги также представлены 4 вариантами: вариант А — открытого типа с глинобитным подом; вариант Б — открытого типа с подом из камней; вариант В — закрытого типа с подом из камней и (или) фрагментов керамики; вариант Г — закрытого типа в глубоких ямах.

Тип I — стационарные отопительные сооружения

Тип I подтип 1 — купольные печи. Они сооружались следующим образом. Овальный (реже округлый) под изготавливался из хорошо промешанной глиняной массы с примесью песка, сверху под дополнительно промазывался тонким слоем глиняного раствора. Толщина пода составляет от 3-5 до 8-10 *см.* Над подом возводился свод, состоящий из каркасно-прутьевой конструкции, на которую накладывалась глиняная масса с примесью песка. Свод имел толщину до 5 *см,* был купольный или усеченно конический, когда верх закрывался съемной глиняной крышкой. Свод, как правило, не сохраняется, а фиксируется по наличию на поде слоя глиняной обмазки с отпечатками прутьев, мелких кусочков сильно пережженной глины и мелких древесных угольков. Поды печей обычно прокалены до ярко-красного цвета (рис. VI: 4, 14, 15).

Выделенные 2 варианта купольных печей отличаются разной установкой корпусов. Печи варианта А возводились в овальных, реже округлых, ямках, глубиной 0,1-0,25 *м.* Печи варианта Б устанавливались на черноземной «подушке», иногда топка таких печей с трех сторон обставлялась небольшими плоскими камнями, а под частично состоял из обломков керамики (Мелюкова 1981: 392). Поды печей варианта А имеют размеры от 0,9х0,5 до 1,9х0,75 *м,* варианта Б несколько меньшие — от 0,75х0,6 до 1-0,8 *м.* Печи обоих вариантов, преимущественно, ориентированы в широтном направлении (запад-восток) с отклонениями к северу или югу (Приложения 3.2-3.4).

Тип I подтип 2 вариант А — очаги открытого типа с глинобитным подом. Представляют собой остатки пода овальной, реже округлой, формы, толщиной от 3-4 до 10-12 *см.* Очаги этого варианта, как правило, возводились на черноземной «подушке», когда на прутьевую основу-каркас овальной (или округлой) формы накладывалась подготовленная глиняная масса с примесью песка и половы, которая сверху дополнительно обмазывалась. Размеры очагов этого варианта от 0,7х0,55 до 1,1х0,8 *м* (рис. VI: 1, 2, 6, 9, 11). Очаги этого варианта, преимущественно, обнаружены за пределами помещений, на надворной территории усадеб (Приложение 3.3).

Тип I подтип 2 вариант Б — очаги открытого типа с подом из камней. Под очагов этого варианта округлой формы, сложен из плотно пригнанных камней, не скрепленных глиняным раствором. Для пода очагов использовались подпрямоугольные или подквадратные гальки серо-розового песчанистого сланца, которые широко употреблялись населением и в качестве орудий труда (отбойников и растиральников). Очаги этого варианта меньших размеров, диаметром от 0,5х0,4 до 0,7 *м* (рис. VI: 5, 13). Обнаружены исключительно в интерьере помещений (Приложения 3.3 и 3.4).

Тип I подтип 2 вариант В — очаги закрытого типа с подом из камней и (или) фрагментов керамики (рис. VI: 12). Очаги этого варианта возводились в овальных ямках, глубиной до 0,2 *м.* Под выкладывался из крупных галек песчанистого сланца, а также больших кусков сосудов (кухонных горшков, корчаг, мисковидных сосудов). Диаметр очагов был от 1-1,2 до 1,35х0,9 *м.* Свод очагов представлял собой высокий глиняный бортик, который сверху мог накрываться съемной глиняной крышкой. Обломки такого бортика, край которого был расчленен вдавлениями от ладони, были обнаружены на поселении Матеуць-Ла башнэ (Приложения 3.3 и 3.4).

Тип I подтип 2 вариант Г — очаги закрытого типа в глубоких ямах. Один из очагов этого варианта был сооружен в округлой яме, в верхней трети глубины которой имелись заплечики для глиняной крышки. Стенки и дно таких ям, как правило, сильно прокалены. Огонь в ямах разводился на камнях и (или) крупных кусках сосудов (Приложение 3.2).

Тип II — переносные отопительные сооружения

Отопительные сооружения этого типа представлены глиняными жаровнями округлой или овальной в плане формы, чашевидными, иногда с невысоким бортиком и выпуклым дном (рис. LXXXI: 7, 8; XCI: 1; CVI: 8, 10). Они изготавливались из грубой, плохо промешанной глиняной массы с примесью песка и большого количества половы. Край жаровен украшался иногда пальцевыми вдавлениями. В отдельных случаях внешняя сторона жаровен «штукатурилась». Размеры жаровен около 0,5-0,7 (1) *м,* толщина 0,35-0,4 *м* (Приложения 3.2-3.4).

Характеризуя в целом отопительные сооружения культуры Козия-Сахарна, отмечу следующее. Печи на черноземной «подушке» характерны для более поздних поселений, тогда как печи в ямках являются в культуре как будто более ранними. Например, в углубленном жилище IV второго периода бытования древностей Сахарна на поселении Алчедар III зафиксирована печь на черноземной «подушке» (Приложение 3.4).

Выделенные варианты очагов также носят хронологические признаки. Так, очаги вариантов А и Г являются более ранними, а вариантов Б и В — поздними. Последние зафиксированы в хозяйственных помещениях второго периода быто-

вания древностей Сахарна на поселении Алчедар III (Приложение 3.4), а также в более поздних смешанных сахарнянско-шолдэнештских комплексах поселений Алчедар III, Матеуць-Ла башнэ и Солончень-Хлиная (Приложения 3.2-3.4).

Переносные отопительные сооружения одинаково встречены как на ранних, так и на поздних поселениях этой культуры.

Хозяйственные и другие сооружения

На всех раскопанных поселениях культуры Козия-Сахарна выявлены многочисленные хозяйственные постройки различного назначения, имеющие вид округлых или овальных котлованов.

Хозяйственные ямы культуры представлены 3 основными типами: тип I — округлые (овальные) ямы с вертикальными стенками и горизонтальным дном; тип II — округлые (овальные) ямы с расширяющимися к горизонтальному дну стенками (подбоем); тип III — округлые ямы со скошенными (закругляющимися) к ровному или округлому дну стенками. На поселениях соотношение I и II типов ям разное, но всегда незначительным количеством представлены ямы III типа. Так, на памятнике Хлижень II-Ла Шанц и поселении Солончень-Хлиная преобладали ямы I типа, в Алчедар III — II типа, в Матеуць-Ла башнэ количество ям I и II типов оказалось одинаковым (рис. VII; VIII).

Для хозяйственных нужд населением широко использовались хранилища, состоящие из двух и более ям: двойные (восьмерковидные); тройные, а также из четырех отсеков и входа.

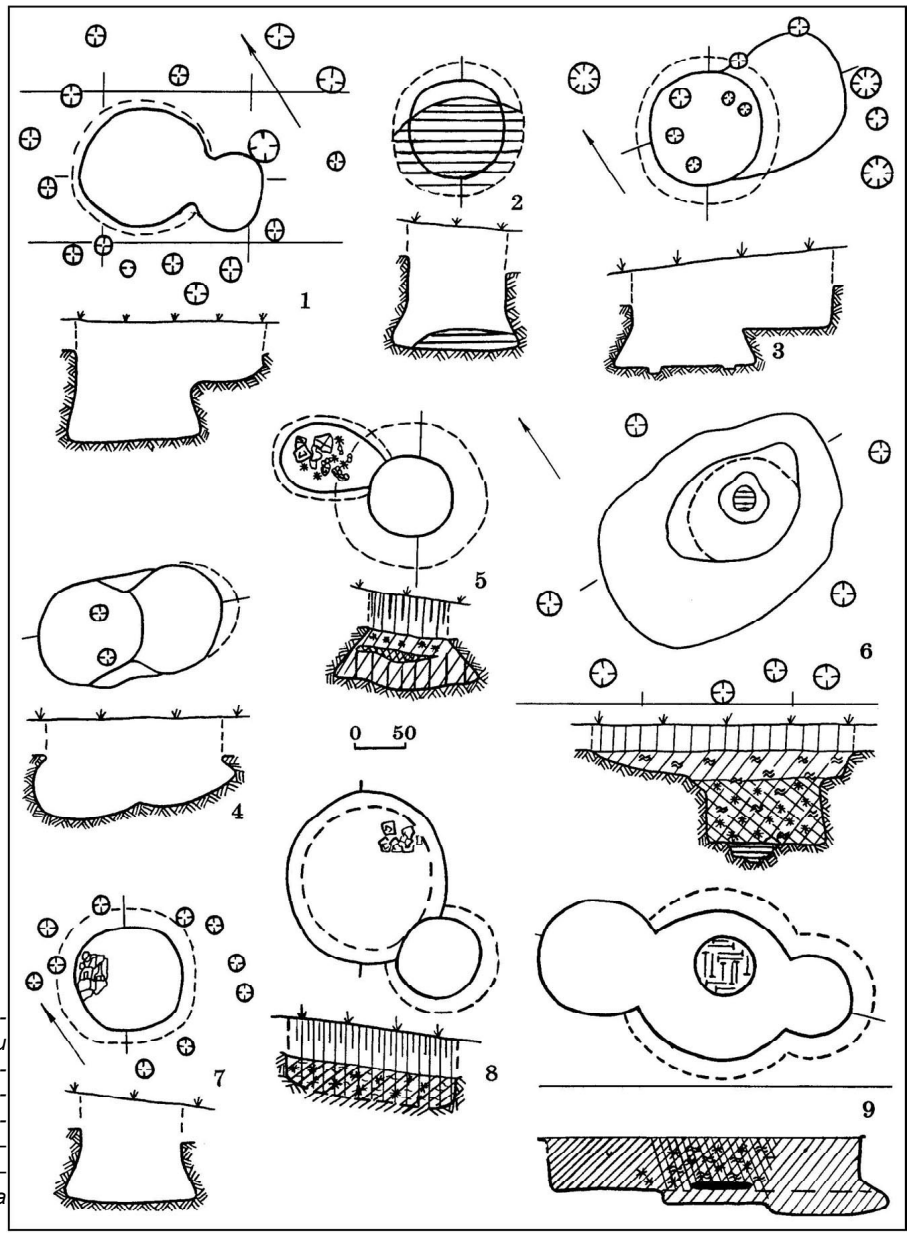


Рис. VIII. Хозяйственные и другие сооружения культуры Козия-Сахарна. 1-8 — Алчедар III; 9 — Матеуць-Ла башнэ.

Хранилища из трех и более отсеков, как правило, имели вход-тамбур округлой или подовальной формы и, реже, глинобитные стены и навес, которые фиксируются расположенными вокруг столбовыми ямками и развалами фрагментов глиняной обмазки с отпечатками прутьев (рис. VIII: 1, 3, 4, 8, 9). Наиболее распространенной формой хозяйственных помещений (хранилищ) являлась четырехугольная (прямоугольная). Хозяйственные постройки поселения Алчедар III, например, были соединены перекрытием с наземными жилищами II и III, образуя, таким образом, целую усадьбу с единым навесом (Приложение 3.4).

Хозяйственные постройки могли иметь различное назначение: погребки и большие погреба, овины, хлева, всевозможные хранилища. Как овин, входящий в хоздвор с навесами, интерпретируется на поселении Алчедар III яма № 94 с пятью небольшими столбовыми ямками на дне, расположенными по кругу, и неглубоким уступом-входом с восточной стороны (рис. VIII: 3). Многочисленные погребки и погреба подовальной (подпрямоугольной) формы, нередко имеющие тамбур-вход и перекрытие, были зафиксированы на том же поселении Алчедар III (Приложение 3.4). Многие такие погреба впоследствии забрасывались и служили в качестве мусорных ям, что наблюдается на всех раскопанных поселения культуры.

Ряд исследованных на поселениях построек связан с каким-либо видом производственной деятельности. К таковым относятся все более или менее большие углубленные помещения (кроме жилых), тем более имеющие стационарное отопительное сооружение. Из последних упомяну комплекс раскопа II поселения Матеуць-Ла башнэ, состоящий из трех ям (№№ 42-II, 43-II, 44-II) и очага варианта А (рис. VIII: 9); а также комплексы второго периода бытования древностей Сахарна на поселении Алчедар III: комплекс, включающий яму № 104-II с очагом варианта Б и входом, комплекс из трех ям (№№ 115-II, 112, 113) с очагом варианта В и другие (Приложение 3.4).

К производственным комплексам относится и углубленное подовальное помещение поселения Алчедар III (яма № 84), общей площадью 3,3 *кв. м,* с односкатной кровлей (рис. VIII: 4). Высота помещения могла доходить до 1,75 *м,* а вход располагался с северо-западной стороны (Приложение 3.4).

На поселениях культуры зафиксированы комплексы, связанные с керамическим производством — это «мастерская гончара» поселения Сахарна-Дялул Мэнэстерий (Смирнов 1949: 200-202), а также комплекс по производству посуды, помещение с конической кровлей и несколько сооружений поселения Алчедар III (рис. XCVIII; CV: 3, 7).

«Мастерская гончара» поселения Сахарна-Дялул Мэнэстерий состояла из малого столика и 5-ти больших площадок. Площадки округлой формы, диаметрами 1-2 *м,* были сложены из небольших известняковых плиточек или хорошо утрамбованного грунта с известняковыми камнями по краю. Поверхность площадок была обмазана тонким слоем глины и слегка обожжена, таким образом их высота составила 0,2-0,25 *м.* Рядом с площадками находился сделанный из утрамбованного грунта и известняковых плиточек столик, диаметром 0,35 *м.* Вокруг столика и площадок были обнаружены разнообразные гончарные инструменты: костяные лощила, скобели, резаки, различные глиняные штампы для орнаментации керамики. Г.Д.Смирнов предположил, что малый столик служил для ручной лепки сосудов, а большие площадки — для сушки. Представляется убедительной такая трактовка данного комплекса, единственное, что на малом столике сосуды могли и дорабатываться (нанесение узора и пасты для лощения, прочее), так как в культуре известна поворотная подставка для лепки сосудов.

На западной окраине поселения Алчедар III, занимая несколько обособленное положение, находился комплекс по производству посуды с печью для обжига керамики (рис. XCVIII). Комплекс имел столбовую конструкцию и перекрытие, от которых прослежены семь столбовых ямок, а само помещение, возможно, было подчетырехугольное с несколькими отсеками.

Печь для обжига керамики закрытого типа, многоразового использования, когда после каждого обжига часть ее свода разрушалась, чтобы достать готовую посуду. Свод затем возводился вновь перед очередным использованием печи. Видимо, печь была двухъярусная. Воздух проникал (подавался) через продухи, диаметром 3-4 *см,* расположенные в южной части печи.

Печь была возведена в округлой яме, колоколовидной в сечении. Остатки корпуса печи представляли собой прокаленные до ярко-красного цвета под и стенки, сохранившиеся на высоту 0,15 *м.* Печь имела высоту до 0,75 *м,* диаметр основания составил 1,2 *м,* а толщина стенок — до 8 *см* (рис. VI: 16). Через какое-то время использования печь была заброшена, а отходы керамического производства (в том числе бракованные сосуды) — свалены в топочную камеру (Приложение 3.4).

Два сооружения поселения Алчедар III, судя по характеру заполнения, использовались для выдержки глины — одно восьмерковидной формы (яма № 10-I) и второе округлой формы (яма № 80). Упомяну здесь же помещение подовальной формы со столбовой шатровой конструкцией и конической кровлей (яма № 7А). Общая площадь помещения составила 21 *кв. м,* углубленной части — 8,5 *кв. м,* вход находился с северной стороны (Приложение 3.4).

Суммируя вышеизложенное отмечу, что говорить о ведущей тенденции в домостроительстве племен культуры Козия-Сахарна не прихо-

дится: на поселениях в равной степени сосуществовали наземные дома и углубленные жилища. Для культуры Козия-Сахарна характерны большие по площади однокамерные наземные жилища и меньшие — подчетырехугольные и овальные углубленные жилые постройки. Общей чертой обоих типов жилищ является местоположение стационарного отопительного сооружения в северном углу или ближе к северной стене построек, а также ориентировка печей в жилищах в широтном направлении, иногда с отклонением к югу.

Племенами культуры Козия-Сахарна широко использовались все описанные типы отопительных сооружений. Вместе с тем, печи на черноземной «подушке» являются более поздними, чем печи в ямках. Среди очагов также более поздними являются сооружения открытого типа с подом из камней и закрытого типа с подом из камней и фрагментов керамики.

Для хозяйственных построек выявлена каркасно-столбовая конструкция; широко распространены хранилища, состоящие из нескольких отсеков; а ведущими являются округлые ямы с вертикальными стенками или колоколовидные в сечении.

Топография поселений, основные приемы домостроительства, типы отопительных сооружений и виды хозяйственных построек культуры Козия-Сахарна находят полные аналогии среди раннегальштатских культур Карпато-Дунайского региона, в первую очередь, среди родственных культурных групп с резной и штампованной керамикой. Так, наземные и углубленные (подпрямоугольные и овальные) жилища, сходные типы отопительных сооружений и хозяйственных построек зафиксированы на эпонимном памятнике Бабадаг (Morintz 1987: 39-46; Morintz, Jugănaru 1995: 177-181; Morintz, Jugănaru, Munteanu 1995: 222-235) и других поселениях этой культуры в Добрудже (Harţuche, Silivestru 1994: 17, 18, 22, 346). Отмечу округлые и прямоугольные полуземлянки с конической кровлей на поселении Инсула Банулуй (Morintz, Roman 1969: 395-399, fig.3-6), по приемам сооружения аналогичные производственной постройке с конической кровлей поселения Алчедар III. На раннегальштатских памятниках северо-восточной Болгарии и группе Пшеничево также известны наземные и углубленные жилые постройки, купольные печи и хозяйственные сооружения (Tončeva 1980: 25-27).

В раннегальштатских культурах с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь и Гава-Голиграды также хорошо представлены подобные наземные и углубленные жилища, купольные печи, очаги и жаровни, разнообразные хозяйственные сооружения (László 1994: 48-57, 106-108; Leviţki 1994: 53-64; Смирнова 1969а: 15-20; она же 1976: 23). На поселениях раннегальштатского горизонта с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта, являющимся местным субстратом культуры Козия-Сахарна, также известны все упоминаемые типы жилых, отопительных и хозяйственных сооружений (László 1986: 65, 66; Leviţki 1994а: 221, 222).

Можно констатировать, что в Карпато-Дунайском регионе (и, в частности, в Дунайском бассейне) в раннегальштатское время основные приемы домостроительства, типы отопительных сооружений и виды хозяйственных построек (с небольшими вариантами) являлись общими для культур с каннелированной, прочерченной, а также резной и штампованной керамикой. Все вышеперечисленное в культуре Козия-Сахарна находится в русле раннегальштатских традиций Карпато-Подунавья. Единственное отличие, которое обнаруживает культура Козия-Сахарна — это разбросанная кустовая планировка с главенствующим усадебным принципом, но для подтверждения этого положения, конечно же, необходимы дальнейшие масштабные полевые изыскания.

Таким образом, типологические особенности жилищ культуры Козия-Сахарна в целом не являются ведущими культурообразующими признаками. С другой стороны, на памятниках восточной части ареала этой культуры (вариант Сахарна) имеет место тенденция первоначальной застройки поселений наземными жилищами, а затем — углубленными в землю (Алчедар III), при этом небольшие овальные жилища с переносным отопительным сооружением (жилища I-III Солончень-Хлиная) являются более ранними, чем четырехугольные полуземлянки со стационарным отопительным сооружением (жилище IV Алчедар III, жилища 1, 2 Козии). Возможно, следуя традиции, а также предпочтительному и широкому использованию переносных жаровен, насельники культуры Козия-Сахарна первоначально не возводили постоянных печей в наземных глинобитных жилищах.

Не исключено, что отмеченная тенденция могла быть обусловлена более суровым климатом лесостепной полосы Днестро-Сиретского междуречья по сравнению со смягченными природными условиями Среднего и Нижнего Подунавья (областей, откуда мигрировали насельники культуры Козия-Сахарна). Для поздних бытовых памятников варианта Сахарна необходимо учитывать и влияние позднечернолесской культуры Среднего Днестра, в которой преобладают углубленные в землю постройки (полуземлянки и землянки) неправильной овальной или подчетырехугольной формы со стационарным отопительным сооружением. Последнее хорошо документируется материалами поселений Днестровка-Лука (Смирнова 1982: 39, 40; она же 1984: 43-46; она же 1985а: 6-12; она же 1986: 8-16) и Непоротово (Крушельницька 1998: 138-142).

2.3. Погребальный обряд

В восточнобалканском круге памятников (или орнаментированном гальштате) погребальные комплексы были выявлены исключительно в культуре Козия-Сахарна, что придает им первостепенную значимость в изучении погребального обряда раннегальштатских культур Балкано-Подунавья и Карпатского бассейна в целом. Особым обстоятельством является и тот факт, что все могильники были исследованы в восточной части ареала культуры Козия-Сахарна

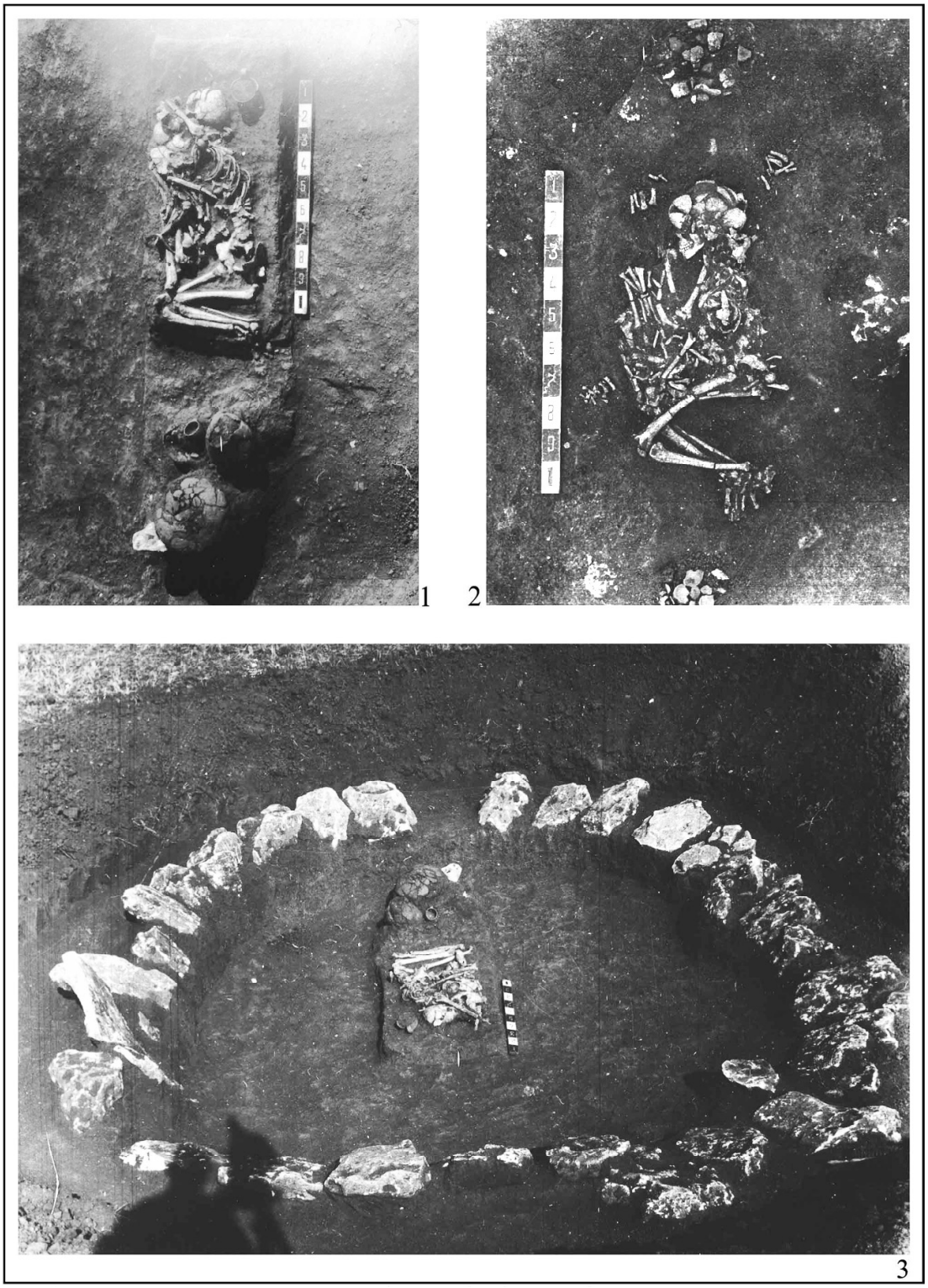


Табл. I. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) — фотографии Г.П.Сергеева (1950 г.). 1 — погребение кургана II; 2 — погребение кургана V; 3 — кромлех и погребение кургана II.

— варианте Сахарна Днестро-Прутского междуречья (рис. III).

По уточненным данным (Приложение I) в культуре известны 9 могильников, из которых раскапывались 5: курганный Сахарнянский II (Гура Хлубоака), курганно-грунтовые Сахарнянский I (Цыглэу) и Алчедар, а также грунтовые Климэуций Жос и Пояна (Приложение II). Три захоронения выявлены на поселениях: одно — в Сахарна-Дялул Мэнэстерий (Приложение 3.1.А) и два — в Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 19, табл. XXXVI; XXXVII). Всего исследовано 45 погребений (табл. VIII).

Могильники расположены на высоких плато и мысах, два из них (Матеуць и Михулень) — на высоких склонах долин. Особенностью могильников культуры является их статус стационарных некрополей в пределах поселков — они находятся от последних в 200-400 *м.* Так, Сахарнянский могильник I (Цыглэу) был располо-

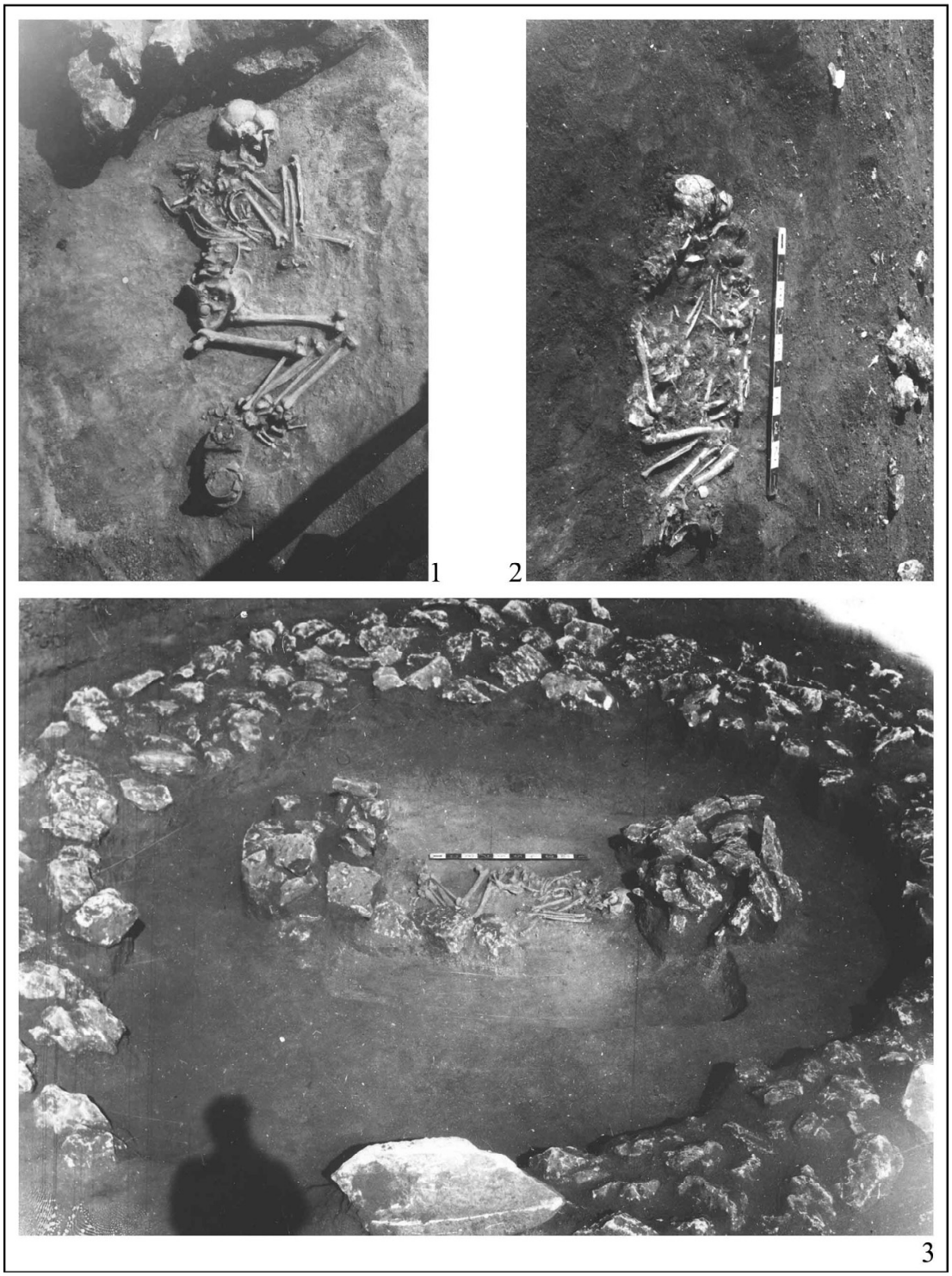


Табл. II. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) — фотографии Г.П.Сергеева (1950 г.). 1 — погребение кургана IV; 2 — погребение кургана XI; 3 — кромлех и оградка погребения кургана IV.

жен в 100-200 *м* от поселения Сахарна-Валя Цыглэу, Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака) — рядом с городищем Сахарна-Хлубоака, Алчедар — в 200-300 *м* к северу и северовостоку от поселения Алчедар III, Цареука — в 300-400 *м* от городища Цареука. Являясь стационарными некрополями, все могильники типа Сахарна монокультурны: их составляют исключительно захоронения одной группы Сахарна. В свою очередь, сахарнянские погребения в некрополях других культур в качестве впускных не зафиксированы.

Имеются весьма скудные сведения о площади могильников и количестве составляющих их захоронений. Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака) располагался на плато площадью в 2 га, где было насчитано около 30-ти хорошо заметных насыпей. Г.Д.Смирнов, расспросивший в 1950 г. крестьян с.Сахарна, выяснил, что на самом деле насыпей было гораздо больше

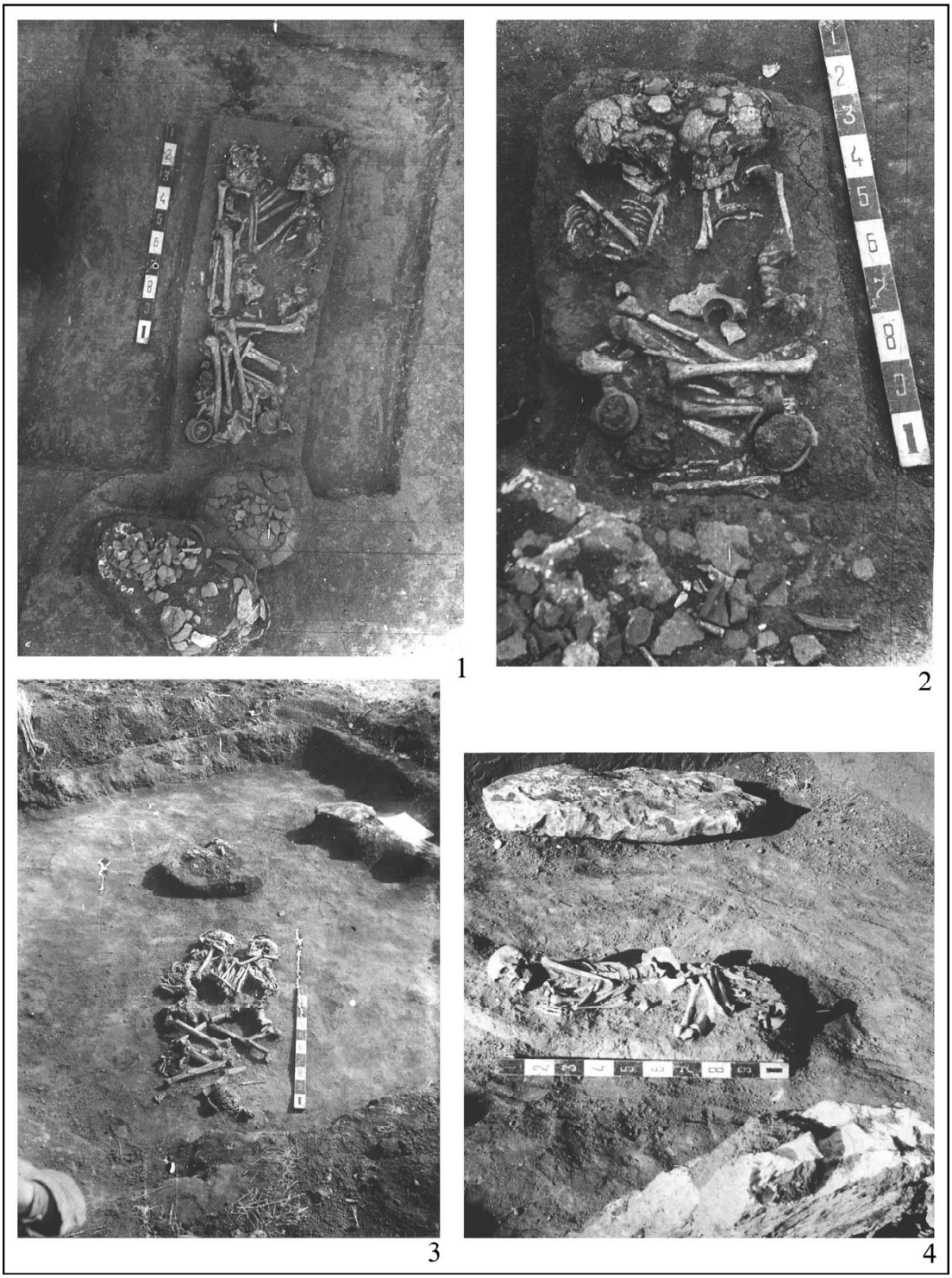


Табл. III. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) — фотографии Г.П.Сергеева (1950 г.). 1 — погребение №1 кургана VI; 2 — погребение №2 кургана VI; 3 — погребение кургана VIII; 4 — погребение кургана XIII.

(Смирнов 1955: 117). Плато, площадью порядка в 2 га, занимал также могильник Алчедар.

О планировке могильников культуры до раскопок некрополя Климэуций Жос было известно, что курганные насыпи располагались группами от 3 до 6 могил в каждой, а расстояние между ними внутри группы достигало 10-12 *м* (Смирнов 1955: 117-119; Розенфельдт 1955: 121-124). Исследования могильника Климэуций Жос подтвердили, что для некрополей культуры характерно наличие компактных групп погребений, находящихся на расстоянии до 300 *м* одна от другой. Такие группы были вытянуты цепочкой в направлении юго-восток — северо-запад, состояли из 5-6 погребений (расстояние между которыми составляло 7-15 и 15-20 *м*) и занимали площадь около 60х30 или 100х30 *м* (Levinschi, Borziak 1990: 50-54). К сожалению, ни одна из таких компактных погребальных групп на всех раскопанных могильниках культуры не была исследована целиком, поэтому, нельзя с уверенностью считать такие группы хронологически однородными или связывать с захоронениями близких родственников.

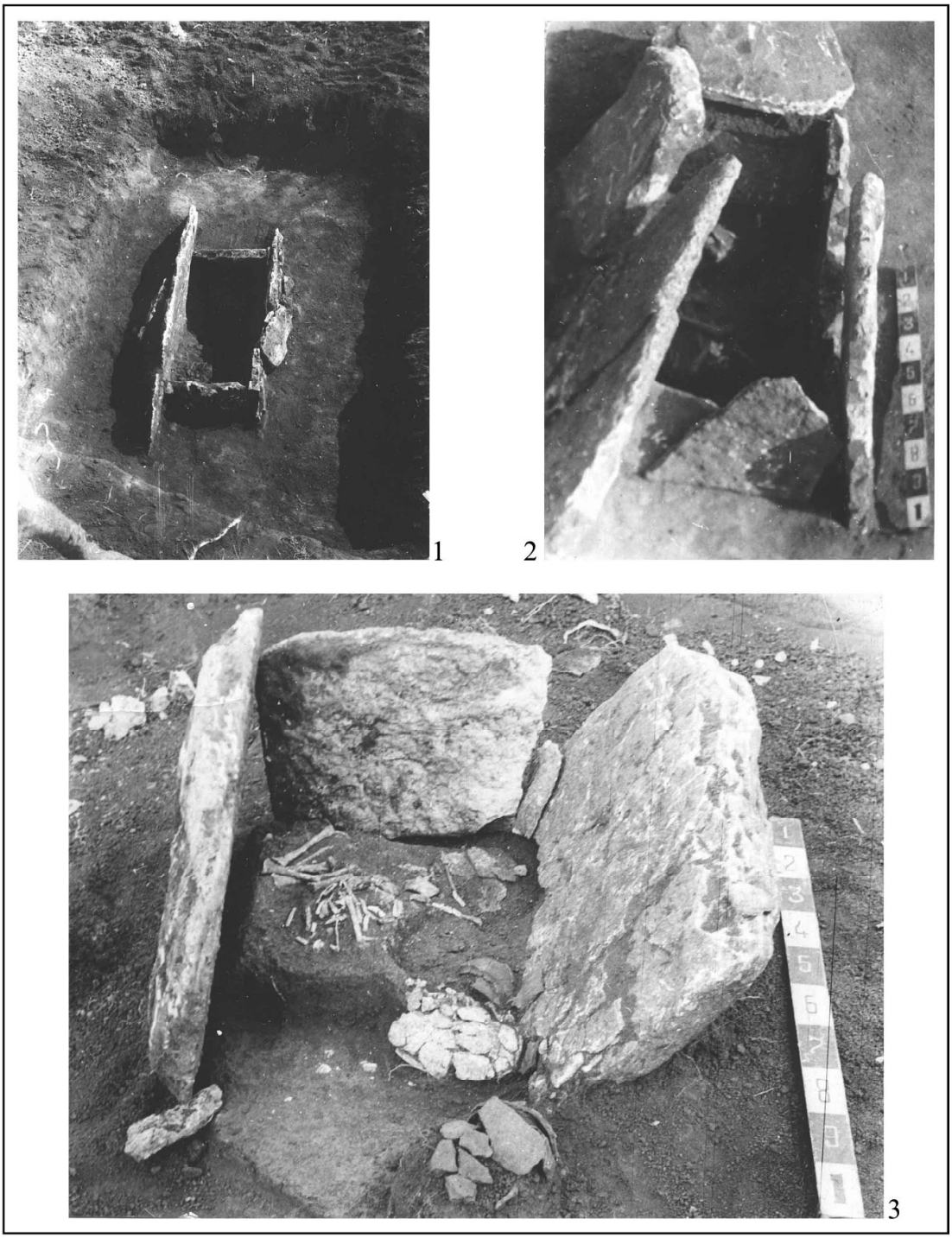


Табл. IV. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) — фотографии Г.П.Сергеева (1950 г.). 1 — погребение кургана X; 2 — погребение кургана IX; 3 — погребение №1 кургана VII.

Погребальный обряд

При описании погребального обряда культуры Козия-Сахарна использовалась (с необходимыми дополнениями и уточнениями) предложенная В.С.Ольховским схема структуры погребального памятника (Ольховский 1986: 70, 71; он же 1991: 182, 183; он же 1993: 85-93), хотя и построенная им на материалах степных погребений раннего железного века, но имеющая универсальный характер (табл. VIII).

Выделяются два основных типа погребальных сооружений культуры: курганные (I тип) — погребения на уровне древнего горизонта под насыпью и грунтовые (II тип) — захоронения в ямах. В свою очередь, корреляция выделенных типов погребальных сооружений (с учетом их спецификации) с характером, позой и ориентировкой погребенного, а также основными категориями погребального инвентаря позволяет выделить пять подтипов захоронений культуры Козия-Сахарна (табл. VIII-X).

Курганные погребения (I тип) представлены тремя подтипами: подтип 1 — в чашеобразных углублениях под каменно-земляной (реже земляной) насыпью с кромлехом (вариантом этого

Табл. V. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) — фотографии Г.П.Сергеева (1950 г.). 1 — насыпь кургана XIV; 2 — кромлех кургана XVIII.

подтипа являются захоронения с каменными оградками); подтип 2 — на каменных вымостках под каменно-земляной насыпью; подтип 3 — в каменных ящиках под земляной насыпью без кромлеха (табл. IX).

Грунтовые захоронения (II тип) представлены двумя подтипами: подтип 1 — в каменных ящиках; подтип 2 — в ямах с каменным закладом или каменным перекрытием. Особую категорию грунтовых захоронений составляют погребения на поселениях в простых ямах (табл. IX).

Общим признаком курганных и грунтовых захоронений культуры Козия-Сахарна можно считать использование камня — известняка в конструкции — крупные плиты, известняк средних размеров, мелкие плиточки. Устойчивыми признаками обряда являются: ингумация, скорченное положение погребенных на левом или правом боку, преимущественная широтная (юго-восток — восток) ориентировка. Среди ингумационных (42 погребения) преобладают одиночные захоронения — 64% (27), парные составляют 29% (12) и коллективные — 7% (3).

Значительно представлены погребения со «смещениями» — 29% (12), при этом возможны несколько причин их появления. В одних слу-

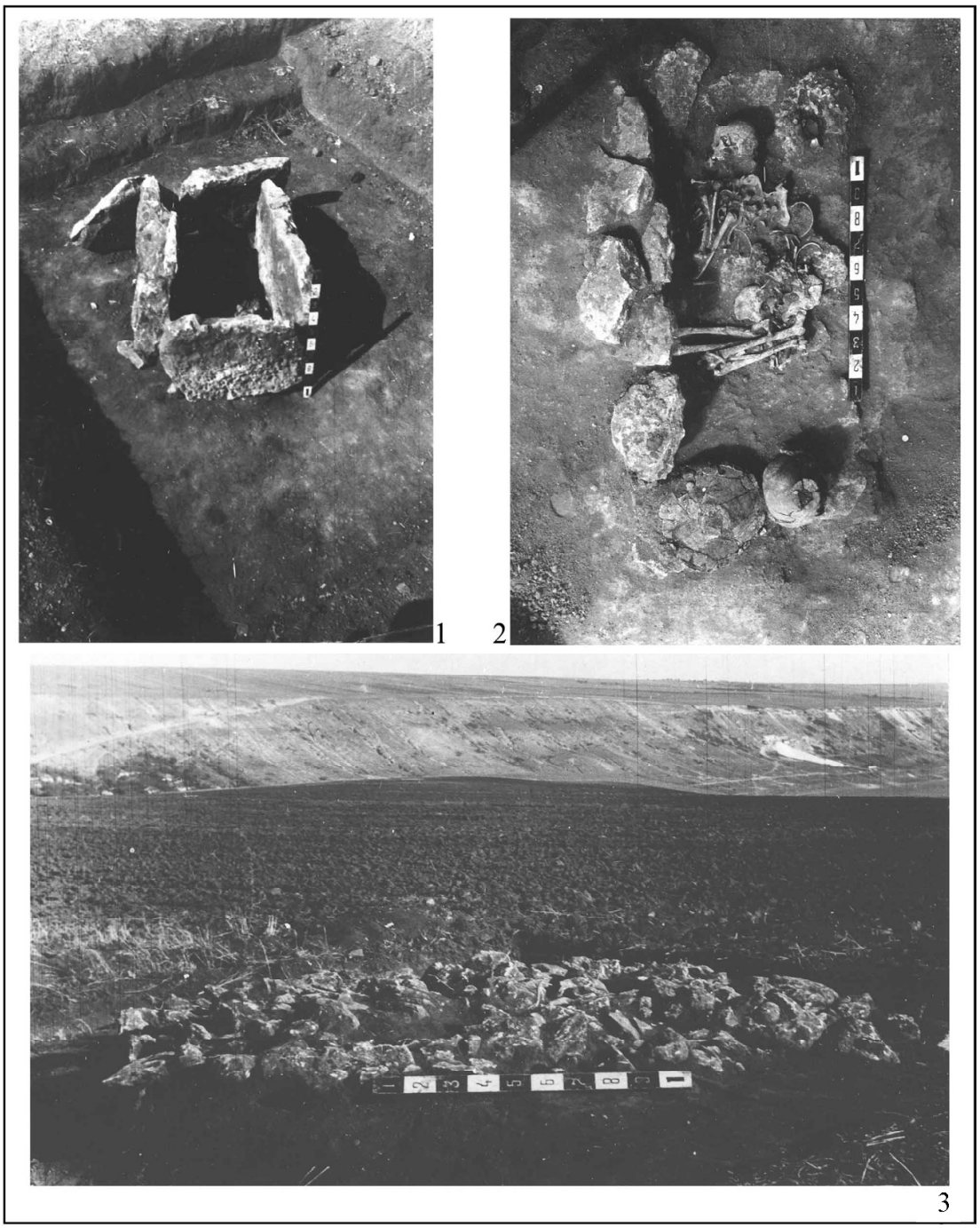


Табл. VI. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) — фотографии Г.П.Сергеева (1950 г.). 1 — погребение кургана XIII; 2 — погребение кургана XVII; 3 — насыпь кургана XVII.

чаях через определенный промежуток времени могло совершаться подхоронение в уже существующее погребальное сооружение — тогда, после естественной мацерации первичного погребенного, наблюдается полное или частичное смещение его скелета. В других случаях могло осуществляться и вторичное захоронение костей, перенесенных в готовое погребальное сооружение из другого места, при этом кости самого скелета могли быть перенесены выборочно (например, только череп и длинные кости).

Практически во всех погребениях культуры обнаружен погребальный инвентарь, среди которого преобладают посуда (черпаки, миски и кубки) и украшения. Каждого погребенного сопровождал черпак или кубок (в изголовье) в сочетании с миской или, реже, кухонным горшком (в ногах). В парных и коллективных захоронениях количество посуды увеличивается пропорционально (табл. VIII-X). Подтверждается отмеченное А.И.Мелюковой плохое качество изготовле-

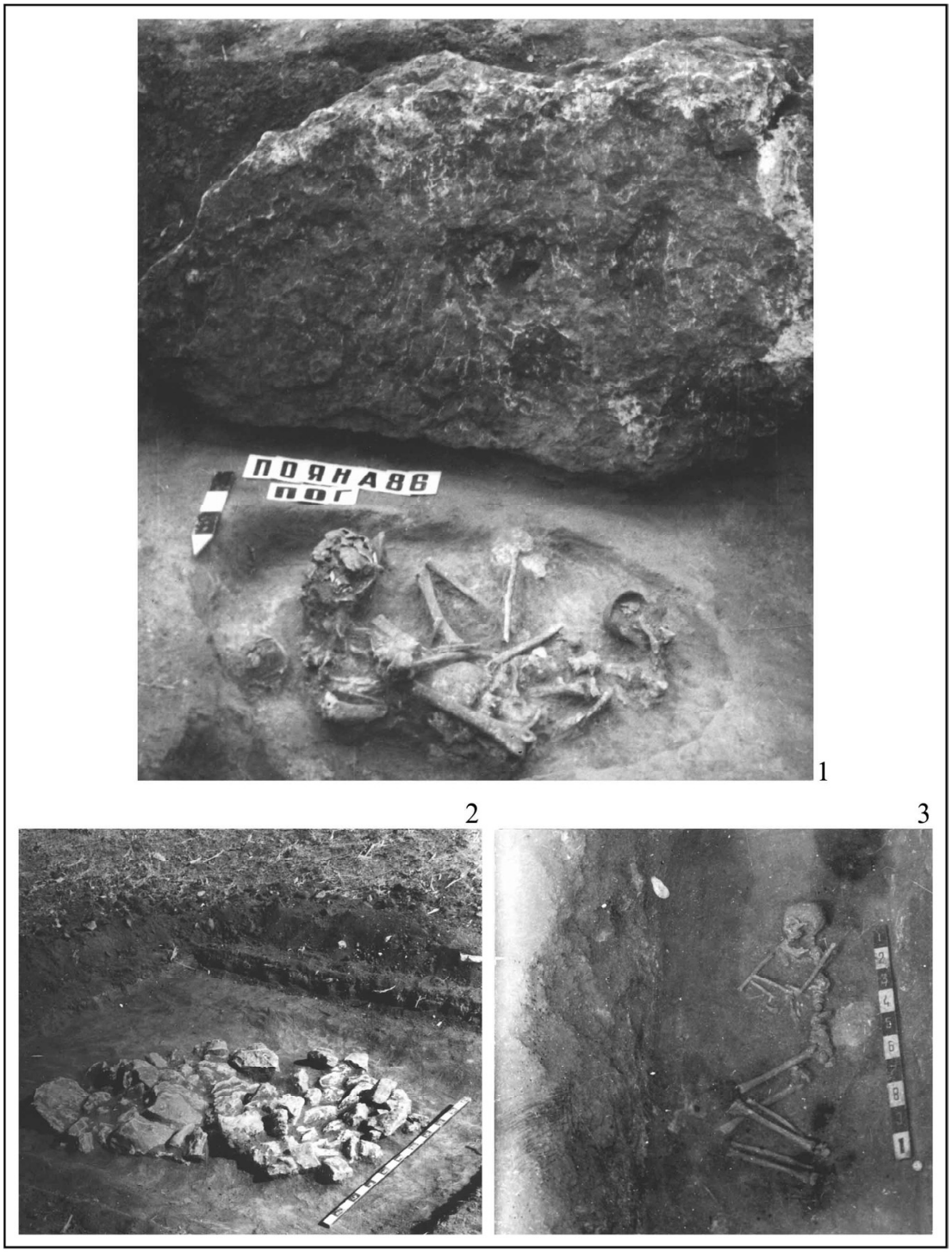


Табл. VII. Грунтовые захоронения культуры Козия-Сахарна. 1 — погребение №1 могильника Пояна; 2, 3 — заклад и погребение XIX Сахарнянского могильника I (фотографии Г.П.Сергеева, 1950 г.)

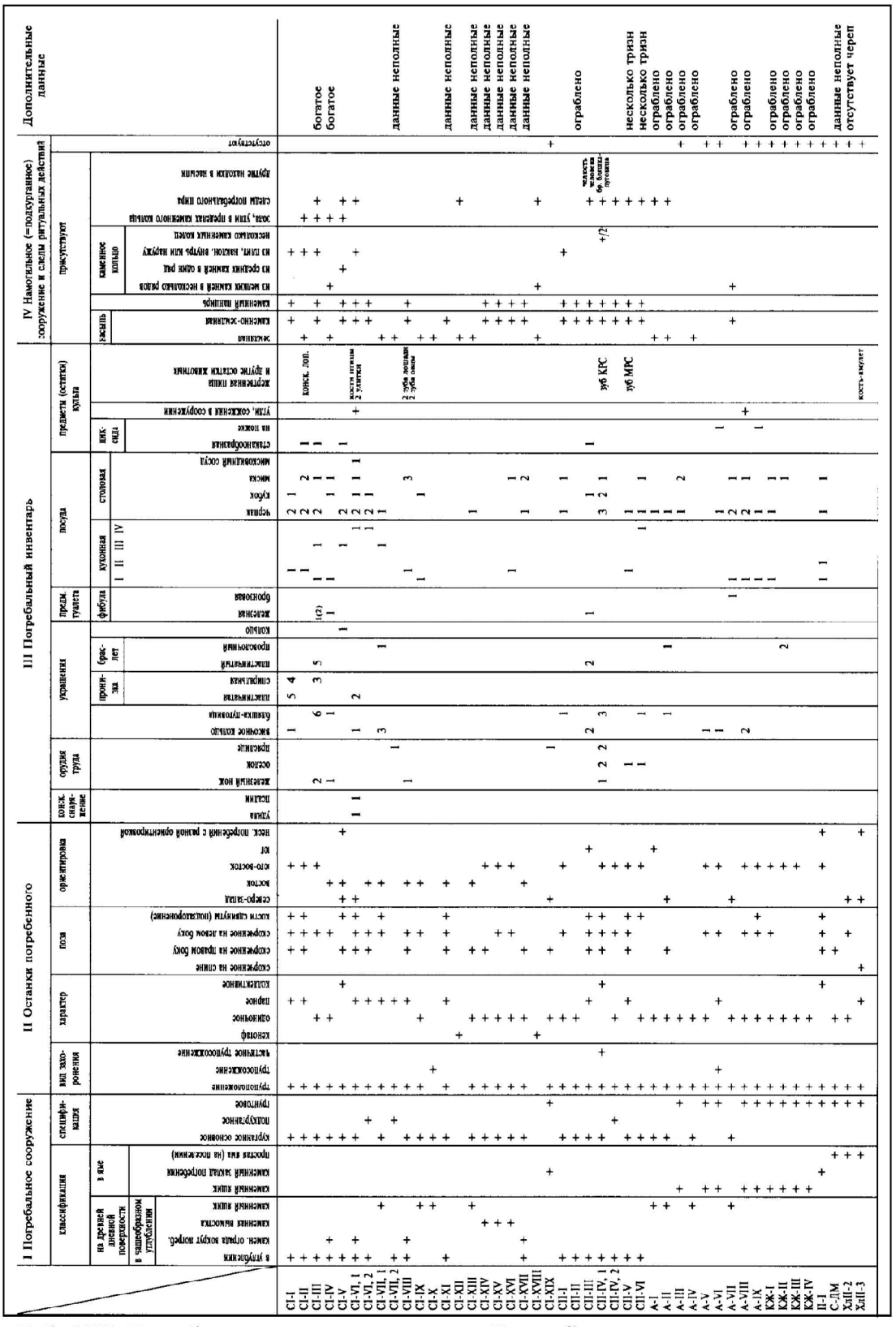


Табл. VIII. Погребальные комплексы культуры Козия-Сахарна (неупорядоченная таблица).

Табл.IX. Погребальные комплексы культуры Козия-Сахарна (упорядоченная таблица).

ния столовой керамики, обнаруженной в погребениях, что свидетельствует в пользу специального производства погребальной посуды (Мелюкова 1958: 87).

В культуре Козия-Сахарна отсутствовали профессиональные воины, а военный престиж в целом не являлся существенным — об этом свидетельствует полное отсутствие каких-либо предметов вооружения и нетипичность находок (только в единственном случае) предметов конского снаряжения (один псалий в тюльпановидном горшке с сожжением — чуждая, чужая вещь в культуре) в погребениях (табл. VIII; IX).

В культуре зафиксирован биритуализм при абсолютном преобладании обряда ингумации. Обнаружены два трупосожжения на стороне (погребение кургана X Сахарна I и ящик VI Алчедар), а также одно частичное сожжение на месте (погребение I кургана IV Сахарна II). Трупосожжения составляют 7%.

Курганные погребения (табл. I-VI)

Они преобладают, их составляет 31 захоронение (69%), обнаруженное в 26 курганах. Характерны невысокие (до 0,3-0,4 *м*) и небольшие по диаметру (5-10 *м*) насыпи. Погребения в курганах являлись исключительно основными, обнаружены всего три подкурганных (но не впускных) захоронения: погребение 2 кургана VI и погребение 2 кургана VII Сахарнянского могильника I, погребение 2 кургана IV Сахарнянского могильника II, — для которых в насыпи были сделаны грунтовые досыпки и каменные панцири, а в кургане IV Сахарнянского могильника II

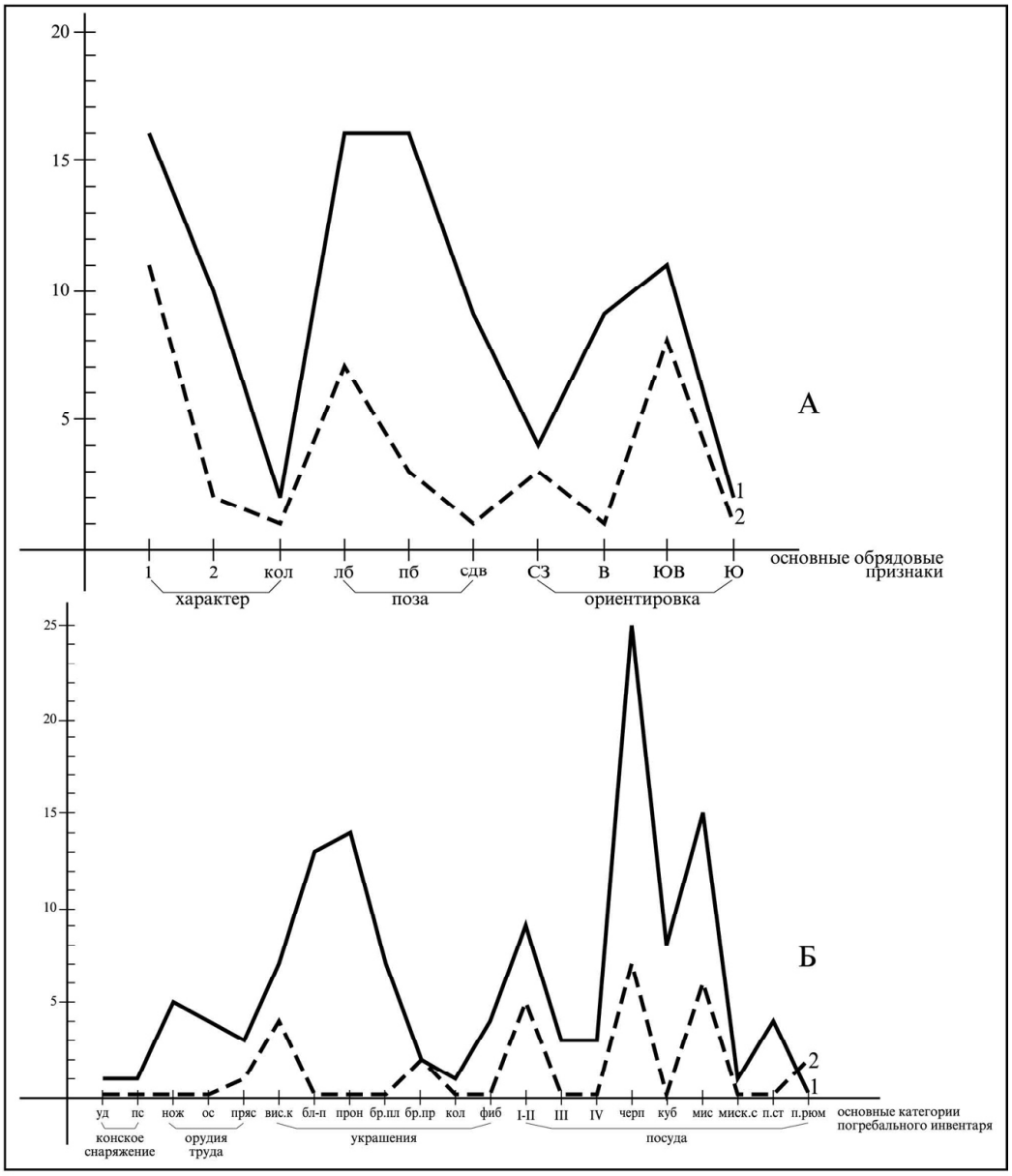


Табл. X. Графики ведущих обрядовых признаков (А) и основных категорий погребального инвентаря (Б) курганных (1) и грунтовых (2) захоронений культуры Козия-Сахарна.

еще и дополнительный кромлех (рис. IX.А).

Два кургана (XII и XVIII Сахарнянского могильника I) являлись кенотафами с земляными насыпями и тризнами. Насыпь кургана XVIII Сахарнянского могильника I была ограничена кромлехом, состоящим из нескольких рядов мелких известняковых плиточек (табл. V: 2).

Отличительной чертой курганных захоронений культуры Козия-Сахарна является отсутствие могильной камеры. Они совершались на уровне древнего горизонта: подтип 1 (18 — 58%) в чашеобразных углублениях диаметром 4,5-5 *м* и глубиной 0,2-0,4 *м;* подтип 2 (3 — 10%) на каменных вымостках округлой формы, сложенных из известняка среднего размера, лежащего не вплотную друг к другу; подтип 3 (8 — 25%) в каменных ящиках, состоящих из плоских известняковых плит толщиной в 0,1-0,2 *м,* верхний край

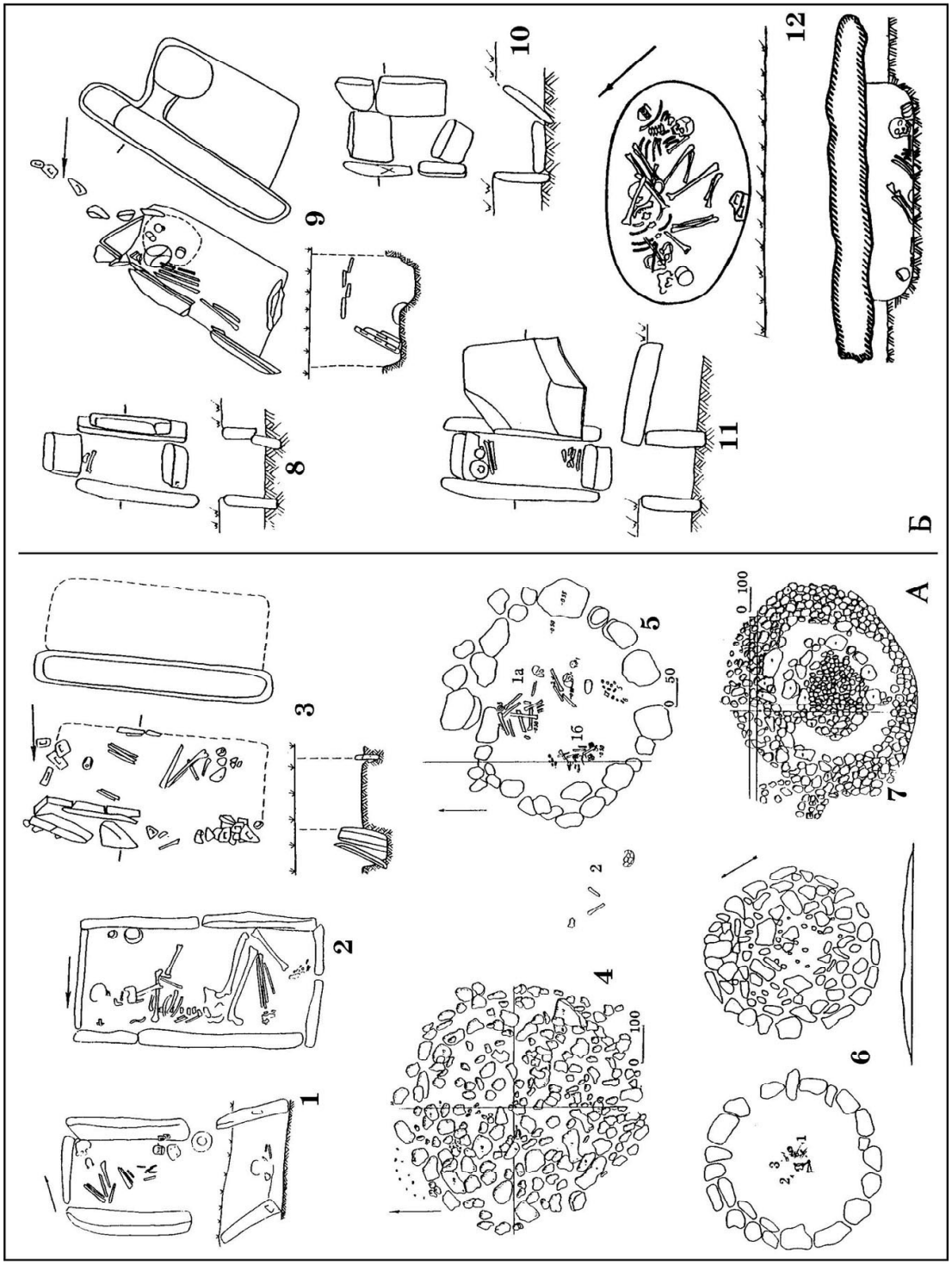


Рис. IX. Курганные (А) и грунтовые (Б) захоронения культуры Козия-Сахарна. 1, 2 — Сахарнянский могильник I; 3, 9 — могильник Алчедар; 4-7 — Сахарнянский могильник II; 8, 10, 11 — Климэуций Жос; 12 — Пояна.

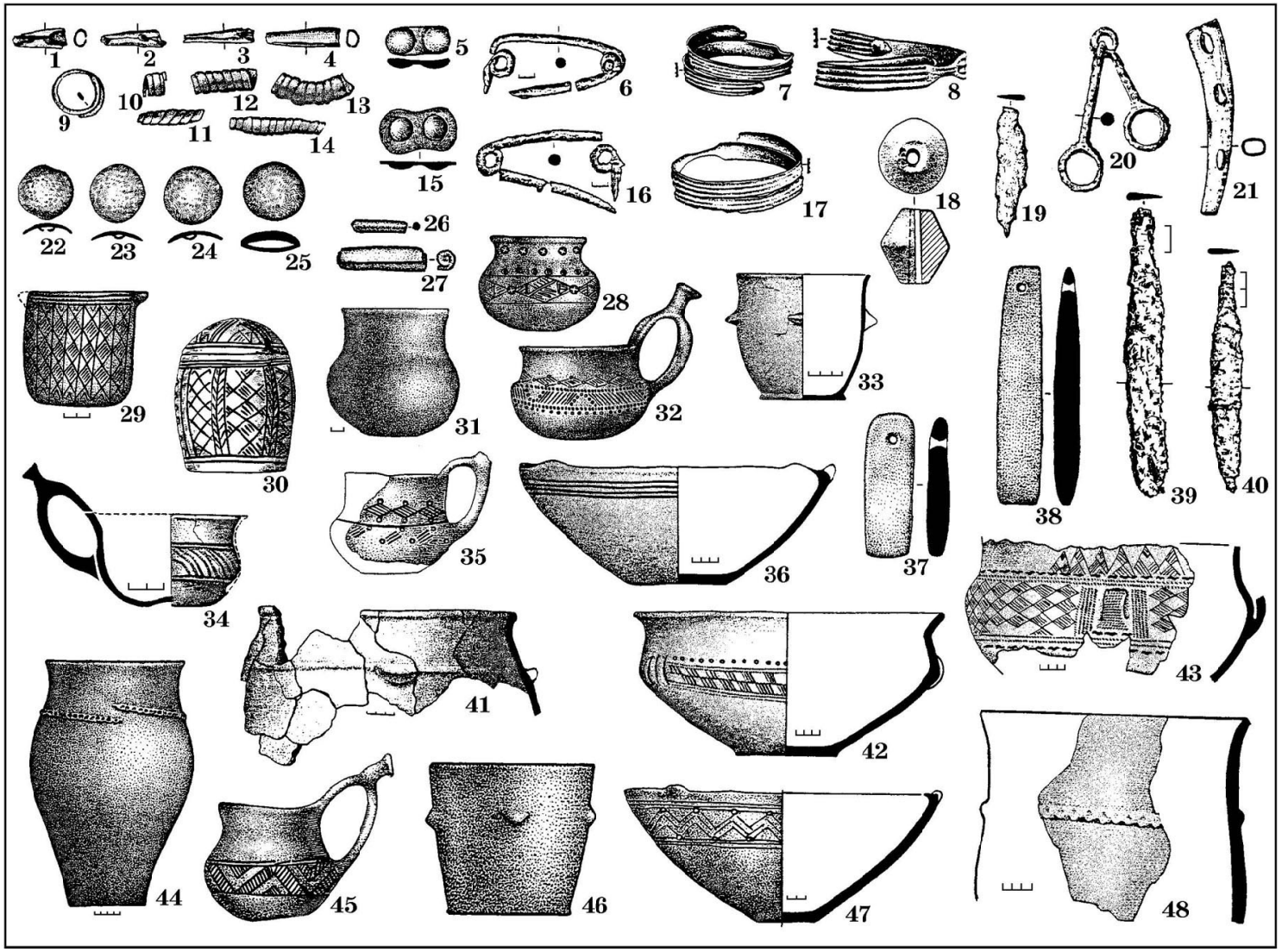


Рис. X. Погребальный инвентарь курганных захоронений на уровне древнего горизонта (подтип I) культуры Козия-Сахарна. 1-16, 18, 20, 21, 26-29, 31-34, 36, 39-42, 44-46 — Сахарнянский могильник I; 17, 19, 22-25, 30, 35, 37, 38, 43, 47, 48 — Сахарнянский могильник II.

которых обычно подрабатывался. Размеры ящиков варьируют от 0,7х0,6 *м* до 1,5 (2)х0,6-0,8 *м,* высота 0,4-0,6 *м.* Для боковых длинных плит ящиков в суглинке делались канавки, глубиной до 0,25-0,3 *м.* Сверху ящики, как правило, перекрывались плитой-крышкой (рис. IX.А).

Курганным захоронениям свойственен многочисленный погребальный инвентарь: во всех погребениях зафиксирована посуда, в 12 погребениях (39%) — украшения и предметы одежды (фибулы); в 7 (22,6%) — орудия труда и в одном случае обнаружены предметы конского снаряжения (рис. X).

Курганные захоронения подтипа 1. Для них характерна каменно-земляная насыпь, нередко ограниченная кромлехом из наклонных каменных плит с одной, двумя или четырьмя перемычками или кромлехом из мелких и средних известняковых плиточек. Земляная насыпь внутри кромлеха покрывалась целиком каменной наброской или закладом четырехугольной формы по центру. В двух случаях насыпь курганов была земляной, но обязательно с кромлехом.

В восьми случаях (44%) в насыпи прослежена тризна в виде обломков глиняных сосудов, в одном случае найдена челюсть человека и также в одном случае — бронзовая бляшка-пуговица. В двух случаях тризн было несколько: в кургане V Сахарнянского могильника II — предположительно две, а в кургане VI Сахарнянского могильника II — две или четыре (Приложение 2.2).

В четырех случаях (22%) в пределах каменного кольца на уровне древнего горизонта прослежены зола и древесные угольки — возможно, остатки сожженных легких деревянных конструкций типа шалашей, шатров или навесов, которые могли являться временными намогильными сооружениями. Не исключено, что подобные намогильные сооружения возводились над всеми курганными погребениями этого подтипа.

Для курганных погребений подтипа 1 характерно преобладание парных захоронений (9), из трех известных в культуре коллективных захоронений два также относятся к этому подтипу. Случаи подзахоронения прослежены в значительном числе парных и двух коллективных погребениях. Преобладают юго-восточная (8) и восточная (6) ориентировки, два погребения ориентированы на северо-запад, одно — на юг (табл. IX; X.А).

В пяти случаях в погребениях этого подтипа зафиксированы остатки ритуального характера в виде сожжений и костей (зубов) лошади, крупного и мелкого рогатого скота, в одном случае — костей птицы и двух раковин лесных улиток в тюльпановидном горшке (табл. IX).

Вариантом курганных захоронений подтипа 1 являются погребения с каменной оградкой (4 случая — 22%), обнаруженные исключительно в Сахарнянском могильнике I (Цыглэу). Они представлены одиночными и парными захоронениями, преобладает восточная ориентировка, в одном случае зафиксирована северо-западная (табл. II: 3; VI: 2; IX).

Каменные оградки имели прямоугольную форму, состояли из мелких и средних известняковых плиточек, которыми были обложены захоронения. Размеры оградок около 1,5-1,7х1 *м.* Как правило, оградки были не достроены, когда с одной из длинных сторон находились сосуды (Приложение 2.1).

Каменная оградка особой конструкции были прослежена в погребении кургана IV Сахарнянского могильника I (табл. II: 3). В изголовье и ногах погребенного (ориентированного на восток) находились прямоугольные площадки, размерами 1,3х0,7 *м,* длинной стороной расположенные по ширине скелета (север-юг). На камнях площадки в изголовье прослежены следы огня. С северной стороны оградка отсутствовала (Приложение 2.1).

Все курганные захоронения подтипа 1 содержали погребальный инвентарь (рис. X). Среди посуды обнаружено 19 черпаков (в 11 погребениях), 7 кубков (в 6 погребениях), 13 мисок (в 9 погребениях), 11 горшков (в 9 погребениях) и 4 стаканообразных пиксиды в 4 погребениях (табл. IX). Из украшений и деталей одежды необходимо отметить 14 бронзовых пронизок, 12 бронзовых бляшек-пуговиц и 7 бронзовых пластинчатых браслетов, а также 3 (4) железные фибулы (табл. IX). Среди орудий труда найдено 5 железных ножей, 4 оселка и 3 пряслица. Предметы конского снаряжения (железные удила и роговой псалий) зафиксированы в одном захоронении (табл. IX).

Курганные захоронения подтипа 2. Они характеризуются каменно-земляной насыпью, но без кромлеха; одиночными захоронениями с юго-восточной ориентировкой. Данные не полные, но среди погребального инвентаря отмечу посуду (табл. IX).

Курганные захоронения подтипа 3. Для них типична земляная насыпь без кромлеха, за исключением кургана VII Алчедар. В двух случаях в насыпи прослежены тризны в виде обломков глиняных сосудов.

Характерны одиночные захоронения, в одном случае зафиксировано парное детское погребение в нетипичном подквадратном ящике. В ориентировке наблюдается разброс: восточная (3), северо-западная (2) и южная (1). В кургане X Сахарнянского могильника I обнаружено трупосожжение на стороне (табл. IV; VI: 1; IX).

Несмотря на то, что половина курганных погребений подтипа 3 ограблена, исходя из общих характеристик курганных захоронений этой культуры, можно полагать, что все они содержали погребальный инвентарь. В сохранившемся погребальном инвентаре преобладает посуда (6 черпаков, кубок, миска, 3 горшка), из украшений можно отметить 3 бронзовых височных кольца, бляшку-пуговицу, 2 бронзовых проволочных браслета и обломок бронзовой фибулы (рис. XI.А).

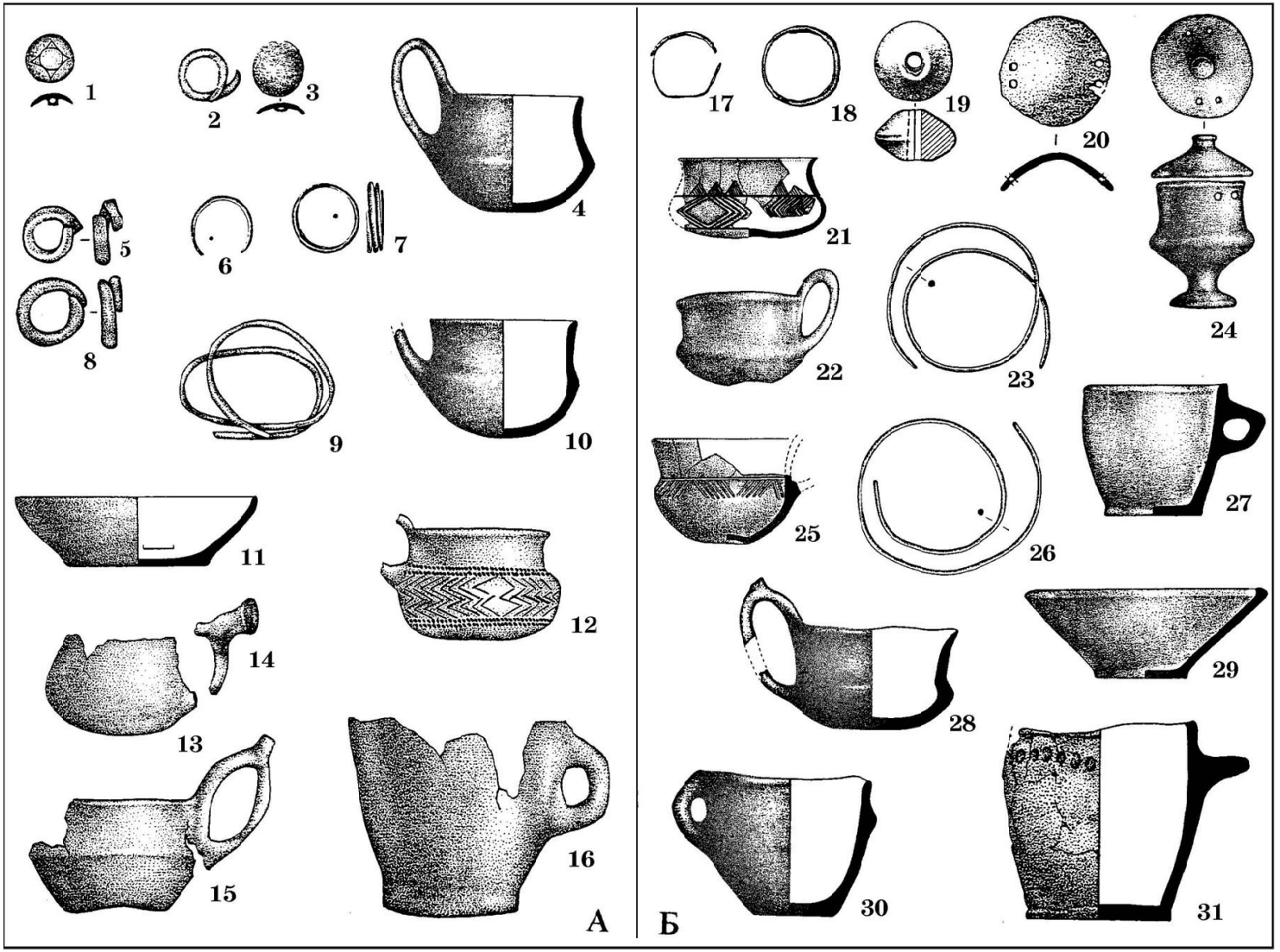


Рис. XI. Погребальный инвентарь курганных (А) и грунтовых (Б) захоронений в каменных ящиках. 1, 4, 6, 7, 9-18, 20, 22, 24, 28, 30 — могильник Алчедар; 2, 3, 5, 8, 19 — Сахарнянский могильник I; 21, 31 — Пояна; 23, 25-27, 29 — Климэуций Жос.

Грунтовые погребения (табл. VII)

Они представлены 14 захоронениями (31%), из которых три обнаружены на поселениях. Грунтовых захоронений, по всей видимости, было гораздо больше, но пространство между курганами при раскопках могильников этой культуры практически не исследовалось. Для грунтовых захоронений характерно наличие могильной камеры: погребения подтипа 1 (9 — 64%) совершались в каменных ящиках, подтипа 2 (2 — 14,3%) — в ямах с каменным закладом или перекрытием. Намогильные сооружения отсутствуют (рис. IX.Б). Погребальный инвентарь, в котором также преобладают посуда и украшения, более беден и менее разнообразен, при этом половина погребений ограблена (табл. IX).

Грунтовые захоронения подтипа 1. Каменные ящики грунтовых погребений по конструкции аналогичны каменным ящикам курганных захоронений. Они также сложены из плоских известняковых плит, но, как правило, каждую сторону таких ящиков составляла одна плита (реже две), а сами плиты были более массивны, толщиной до 0,2 *м.*

Ящики устанавливались в прямоугольных ямах, размерами 1,3-2x0,7-1,1 *м* и глубиной 0,2-0,6 (0,75) *м.* Плиты ящиков врывались (вбивались) в грунт или, как в случаях курганных ящиков, для них делались специальные канавки со скошенными стенками и ровным дном, глубиной до 0,3 *м.* В одном случае с внешней стороны каменного ящика прослежена забутовка из мелких известняковых плиточек. Сами ящики имели размеры от 0,8x0,5 *м* до 1,5-1,7x0,6-0,7 *м* и высоту 0,6-0,7 *м.* Зачастую концы длинных плит ящиков выступали на 0,2 *м* (рис. IX.Б).

Погребения этого подтипа, как правило, одиночные, скорчены на левом боку. Исключение составляет ящик VI Алчедар, парное захоронение в котором состояло из ингумации ребенка и кремации на стороне женщины. В одном случае кости погребенной оказались сдвинуты, но сам ящик не был достроен. Ориентировка погребенных исключительно юго-восточная (табл. IX).

Среди инвентаря встречена посуда (5 черпаков, 3 миски, 3 горшочка с ручкой, 2 рюмковидные пиксиды), украшения представлены 4 бронзовыми височными кольцами и 2 бронзовыми проволочными браслетами (рис. XI.Б).

Грунтовые захоронения подтипа 2. Представлены двумя погребениями (табл. VII).

Захоронение XIX Сахарнянского могильника I совершено в прямоугольной яме с округленными углами, размерами 2,5x1,5 *м* и глубиной 1,3 *м.* Яму перекрывал и полностью заполнял каменный заклад неправильной овальной формы, состоящий из мелких и средних известняковых камней (табл. VII: 2). Захоронение № 1 Пояна совершено в овальной яме, размерами 1,3x0,8 *м* и глубиной 0,3 *м.* Яму перекрывала подтреугольная известняковая плита, размерами 1,9-2x1 *м* и толщиной 0,2 *м* (табл. VII: 1).

Погребение XIX Сахарнянского могильника I одиночное, ориентированное на северо-запад, погребение № 1 Пояна — коллективное, все три погребенных со смещением, ориентированы на юго-восток и юг (табл. VII). В погребении XIX Сахарнянского могильника I найдено пряслице, в погребении № 1 Пояна — посуда (черпак, целый горшочек, фрагменты горшка и миски) (рис. XI.Б).

Особое место занимают три грунтовых погребения, обнаруженных на поселениях. О захоронении на поселении Сахарна-Дялул Мэнэстерий известно, что скелет в скорченном положении, на правом боку, находился в округлой яме, колоколовидной в сечении, глубиной 1,5 *м.* Возможно, эта яма была специально подготовлена для захоронения, так как ее заполнение состояло из чернозема и прослоек материковой глины (Смирнов 1949a: 95-97).

Исходя из особенностей двух других погребений, обнаруженных на памятнике Хлижень II-Ла Шанц: отсутствие у скелета погребения 2 черепа и правых локтевой и лучевой костей, очищение огнем этого погребения, а также наличие в парном погребении 3 амулета из окаменелой кости животного третичного периода, — их можно отнести к культовым (Гольцева, Кашуба 1995: 19).

Погребение 2 Хлижень II-Ла Шанц совершено в прямоугольной яме, скелет мужчины находился скорченно, на левом боку, ориентирован на северо-запад. Погребение 3 Хлижень II-Ла Шанц совершено в округлой яме, колоколовидной в сечении, скелеты двух мужчин находились в скорченном положении на спине, с разворотом влево, черепами на северо-запад и восток (рис. XXI: 7, 8).

В эпоху поздней бронзы и раннегальштатское время в Карпатском бассейне захоронения на поселениях, совершенные по характерному для каждой культуры погребальному обряду, малоизвестны. Лишь спорадически обнаружены ингумационные погребения в культурах каннелированного гальштата Гава-Голиграды и Кишинэу-Корлэтэнь, для которых характерны трупосожжения (Nestor, Zaharia 1961: 171-178; Малеев 1981: 11; Levițki 1994: 71, 72).

В орнаментированном гальштате (и, в частности, в культуре Бабадаг) такие погребения, напротив, представлены сравнительно большим количеством. На пяти поселениях типа Бабадаг целые человеческие скелеты (около 10) обнаружены в скорченном положении на боку в округлых ямах, колоколовидных в сечении, которые обычно специально подготавливались для захоронения (Morintz 1987, 68, сн.118; Jugănaru, Topoleanu 1994: 71-81, pl. II; Jugănaru 1997a: 99-

110). Последнее было достоверно зафиксировано на эпонимном городище Бабадаг: яма была очищена огнем, нижняя часть тела погребенного была обложена каменными плиточками, над умершим был разбит сосуд, а вся яма целиком была засыпана стерильным грунтом (Jugănaru 1997: 19). Но в Среднем и Нижнем Подунавье пока не обнаружены некрополи культур орнаментированного гальштата.

В целом, наряду с единством погребального обряда культуры Козия-Сахарна [использование камня — известняка; ингумация; скорченная поза погребенных, преимущественно, на левом боку; преобладание широтной ориентировки (юго-восток — восток); в инвентаре преобладание посуды и украшений] два выделенных типа захоронений (курганные и грунтовые) демонстрируют и существенные различия (табл. IX; X.А и X.Б).

Для погребений I типа (курганных) высок процент парных и коллективных захоронений, когда для погребений II типа более характерны одиночные. При общем преобладании столовой посуды в составе погребального инвентаря захоронений I и II типов кубки и стаканообразные пиксиды, горшки III и IV типов обнаружены исключительно в курганных комплексах, тогда как рюмковидные пиксиды и небольшие одноручные горшочки — в грунтовых комплексах (табл. X.Б).

Украшения и предметы одежды более представительны и разнообразны в курганных захоронениях (бронзовые пластинчатые и проволочные браслеты, височные кольца, бляшки-пуговицы, пронизки, железные и бронзовые фибулы), тогда как в грунтовых погребениях найдены исключительно бронзовые проволочные браслеты и височные кольца (табл. X.Б). Орудия труда (железные ножи и каменные оселки) обнаружены исключительно в курганных захоронениях (I тип), но пряслица известны в курганных и грунтовых погребениях. Единственная находка предметов конского снаряжения известна в курганном погребении (табл. X.Б).

Вместе с тем, могильники Сахарнянский I (Цыглэу) и Алчедар, являясь курганно-грунтовыми, убедительно демонстрируют одновременность бытования этих двух типов погребений (Приложения 2.1 и 2.3), что подтверждается и анализом инвентаря (глава 3.2). При этом каменные ящики курганных погребений по конструкции аналогичны ящикам в грунтовых ямах, при их сооружении нередко использовались одинаковые приемы (канавки в суглинке); в курганных и грунтовых ящиках обнаружены, в основном, одиночные захоронения; сходен и состав погребального инвентаря: отсутствуют кубки, а украшения, в основном, представлены бронзовыми проволочными браслетами и височными кольцами (рис. XI; табл. IX; X.А и X.Б). Любопытно, что каменные оградки курганных захоронений подтипа 1 подобны, в том числе и по размерам, недостроенным курганным и грунтовым каменным ящикам.

Курганные и грунтовые захоронения культуры Козия-Сахарна демонстрируют синкретическое единство ее погребально-поминальной обрядности, когда реализация погребальной функции может быть выражена разнообразно. Эти два основных типа погребений являются отражением различных культурных традиций, демонстрирующих два разных подхода к самому акту захоронения.

Погребения на уровне древнего горизонта некий период времени находились в открытом виде и функционировали в качестве долговременных «усыпальниц». Над ними возводились временные намогильные сооружения в виде легких деревянных конструкций типа шалашей, шатров или навесов (как в погребениях курганов II-IV Сахарнянского могильника I). При этом внутреннее сакрализованное пространство ограничивалось (замыкалось) каменным кромлехом (10) с одной, двумя или четырьмя перемычками, обозначающими входы в «усыпальницу». Каменные ящики (над которыми также возводились временные сооружения) могли оставаться недостроенными (ящик IX Алчедар).

После определенных ритуальных действий, связанных, в том числе, с применением огня, и (или) подхоронением еще одного или нескольких умерших, эти временные намогильные сооружения сжигались и заменялись стационарной земляной насыпью с каменным панцирем или, реже, без него. Обряд очищения огнем для таких погребений практически обязателен. После возведения стационарной насыпи проводился (зачастую неоднократно) поминальный пир.

Погребения на уровне древнего горизонта, таким образом, выступали как погребальные и поминальные памятники. В этом случае сам акт захоронения носил долговременный характер с неоднократным (многоэтапным) почитанием-поминанием умершего на месте погребения.

В грунтовых могилах (ящиках и простых ямах) акт захоронения, напротив, был одновременный и одномоментный. Временные намогильные сооружения не возводились, отсутствуют и стационарные. Возможно, отсутствовал и обычай почитания-поминания умершего на месте погребения. Захоронения в грунтовых ямах проводились по «укороченной программе» и, поэтому, едва ли могли выступать в качестве поминальных памятников. Грунтовые захоронения культуры Козия-Сахарна являются исключительно погребальными памятниками.

Отмеченные традиции в двух случаях сочетаются. Так, в ящике IX Алчедар, сооруженном в грунтовой яме, погребенная была «смещена», проведены определенные ритуальные действия и подготовлено место для второго захоронения, при этом сам ящик оставался не достроенным. В грунтовое коллективное погребение № 1 По-

яна было произведено несколько подзахоронений. Вполне возможно, что эти два погребения некое время оставались открытыми, и над ними были возведены временные намогильные сооружения.

Известно, что традиционный погребальный обряд любой археологической культуры состоит из совокупности ритуальных действий и материальных элементов, которые являются неизменными, постоянными и традиционными в рамках развития этой культуры (Алёкшин 1981: 18-22). Таким образом, погребальный обряд является совокупностью идеологической (религиозные представления, нормы и предписания) и практической (ритуально-практические действия) сфер (Ольховский 1986: 67-69; он же 1991: 4). В процессе культурогенеза (в том числе смены культур) возможна полная или частичная замена погребального обряда или любого из его традиционных элементов. Последнее нередко приводит к образованию новой археологической культуры, в погребальном обряде которой прослеживаются его разные (местные и пришлые, традиционные и новые) культурные элементы (Алёкшин 1981: 21).

Синкретическое сочетание в культуре Козия-Сахарна двух культурных традиций погребально-поминальной обрядности позволяет поставить вопрос об основных компонентах ее сложения. Так, субстратным компонентом выступает раннегальштатская традиция Балкано-Подунавья, наиболее выраженная в погребениях на уровне древнего горизонта. Суперстратным наслоившемся компонентом является традиция, условно обозначенная как северопричерноморская (постноуские, постбелозерские отголоски через группу Холеркань), отраженная, в большей степени, в грунтовых погребениях.

Основные признаки погребальной обрядности культуры Козия-Сахарна: каменные панцири, захоронения на уровне древнего горизонта с каменными кромлехами, ингумация, вторичные захоронения, обряд очищения огнем, преобладание в инвентаре посуды и украшений, — известны в культурных группах раннего гальштата Балкано-Подунавья (Сихлеану, Тэмэоань-Холеркань-Балта, Сборяново) и, тем самым, являются исконными (традиционными) раннегальштатскими (Кашуба 1999: 379-384).

Обнаруженные на пяти поселениях типа Бабадаг в Нижнем Подунавье (в том числе на эпонимном памятнике) ингумационные захоронения в скорченной позе на боку (Morintz 1987: 68, сн.118; Jugănaru, Topoleanu 1994: 71-81; Jugănaru 1997: 18, 19; он же 1997a: 99-110) достоверно свидетельствуют об обряде трупоположения в этой культуре (рис. XI: 3). В свою очередь, это подтверждает, что ингумация и скорченная поза погребенных в культуре Козия-Сахарна являются традиционными признаками ее погребального обряда.

Последнее демонстрирует и погребальный обряд раннегальштатского горизонта XI-X вв. до н.э. с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта, который является местным субстратом культуры Козия-Сахарна в Северном Причерноморье (László 1986: 65-91; Левицкий 1990a: 6-8; он же 1994a: 219-256; Ванчугов 1992: 36; он же 1993: 28-39; Кашуба 1992: 35, 36). В раскопанных могильниках и погребениях этого горизонта: Фолтешть и Тэмэоань (László 1986: 67), Ханска группы Холеркань (Левицкий 1985: 125-128; он же 1994a: 222, 223), а также Шершенцы и Черкасов сад группы Балта (Ванчугов 1983: 94; он же 1990: 49), — зафиксированы ингумация, скорченная поза погребенных в грунтовых ямах, вторичные захоронения, обряд очищения огнем и преобладание в инвентаре посуды и украшений (рис. XI: 2).

Основой сложения, например, группы Тэмэоань Запрутской Молдовы явились древности типа Сихлеану (Пребабадаг по С.Моринцу), посредством которых культуре Бабадаг в дальнейшем были переданы элементы эпохи бронзы, в первую очередь, культуры Монтеору (Morintz 1971: 22; он же 1978: 160 и сл.; он же 1987: 52-54; Harţuche 1972: 59-72; Hänsel 1976: 144-146; Brudiu 1981: 529-536; László 1986: 70; он же 1997: 67-84). Погребальный обряд группы Сихлеану — это та же ингумация, что иллюстрируют захоронения в Рымницеле (Anastasiu, Harţuche 1967: 19, 20, fig.9a-в; Harţuche, Anastasiu 1976: 177, fig.361; 362).

Отличительным признаком еще одной раннегальштатской группы XII-X вв. до н.э. Зимнича-Новград южной Мунтении и северной Болгарии являются могильники с ингумацией (Bassa, Marghitan 1967: 105-109; Alexandrescu 1978: 115-124). Обряд трупоположения этой культуры связывают с местным наследием средней и поздней бронзы (Bassa, Marghitan 1967: 108; Ignat 1976: 103), предполагаются также идущие с запада влияния, где наряду с кремацией известна и ингумация (Alexandrescu 1978: 123, 124). Примечательно, что несмотря на свое положение на западной периферии групп культуры полей погребальных урн, группа Зимнича-Новград демонстрирует более тесные связи с находящимися северо-восточнее горизонтом Тэмэоань-Холеркань-Балта и Бабадагом I (Gumă 1995: 109, 110).

Таким образом, на Нижнем и Среднем Дунае вырисовывается круг раннегальштатских групп XII-X вв. до н.э. с трупоположением в погребальном обряде.

К ним необходимо присоединить и значительный пласт раннегальштатских ингумационных погребений, выявленных в северной и северо-восточной Болгарии. Среди последних особое место занимает могильник X-середины IX вв. до н.э. Сборяново-Нивата на певеца (Стоянов 1992: 82-96; он же 1992a: 93-114; он же 1997). В раскопанных пяти небольших курганах этого могильника с каменными панцирями,

закладами и кромлехами (состоящих иногда из двух или трех рядов) были обнаружены 24 погребения, из которых 20 ингумационных, совершенных на уровне древнего горизонта. Одиночные, парные и коллективные захоронения вытянуты, ориентированны, преимущественно, на юг (рис. XI: 4-7). Т.Стоянов отмечает функционирование таких погребений в качестве долговременных «усыпальниц», а также наличие временных намогильных сооружений над ними, которые сжигались. Во всех курганах зафиксированы тризны (Стоянов 1997: 96-99). Погребальный инвентарь представлен посудой, украшениями, деталями одежды (фибулами) и орудиями труда. Специфика полученных материалов на широком фоне раннего гальштата Балкано-Подунавья позволила Т.Стоянову поставить вопрос о выделении культурной группы Сборяново, синхронной, но не идентичной известным группам Чаталка и Пшеничево в Болгарии и Бабадаг в Добрудже (Стоянов 1997: 164-169).

В Сборяново важны не только использование камня в намогильных сооружениях (панцири, кромлехи) и ингумация, но, в значительной степени, присутствие той традиции погребально-поминальной обрядности, при которой акт захоронения носит долговременный характер (как в курганных погребениях культуры Козия-Сахарна). Последнее позволяет говорить о близости систем религиозных представлений и ритуально-практических действий в процессе захоронения у насельников Сборяново и Козии-Сахарны. В свою очередь, это подтверждает раннегальштатские (Балкано-Подунавья) истоки курганных погребений на уровне древнего горизонта в культуре Козия-Сахарна.

Раннегальштатский (Балкано-Подунавья) характер традиции использования камня и ингумацию подтверждают и «независимые» от культуры Козия-Сахарна несколько предскифских погребений X в. до н.э. Северо-Западного Причерноморья, которые не вписываются в рамки известных здесь культур и традиций — курганы Зализничное и Брэнешть (Бранешты) (Субботин, Черняков 1973: 238-240; Левицкий 1989: 137-149; Бруяко 1989: 36, 37; Кашуба 1999: 383).

Захоронение кургана Брэнешть достоверно относится к раннегальштатской культуре с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь (Левицкий 1989: 145; он же 1994: 69-71, 186, fig.9). О.Г.Левицкий в качестве аналогий приводит захоронения локального варианта Белотич-Бела Црква-Добрача группы Ватина в Сербии (Левицкий 1989: 143, 144), который является родственным культуре Сурчин-Белегиш-Дубовац (Garasanin, Vinski-Gasparini 1971: 308). С продвижением из югославского и румынского Баната на восток (и Карпаты) носителей типа Кручень-Белегиш или Кручень-Белегиш-Дубовац связывают происхождение культуры Кишинэу-Корлэтэнь (Morintz 1978: 305-323; László 1989: 111-114; он же 1994: 125-130, 156-163; Смирнова 1985: 47; она же 1990а: 20-33; Левицкий 1990: 20-23; он же 1994: 152-156). Хотя О.Г.Левицкий не проводит прямых параллелей между Брэнешть и памятниками Белотич-Бела Црква-Добрача, не исключено, что в движении на восток принимали участие различные, но соседние, родственные группы населения. В числе последних могли быть и насельники Белотич-Бела Црква-Добрача, которые, возможно, оставили в Северо-Западном Причерноморье памятники Зализничное и Брэнешть.

Такая миграция косвенно подтверждается и цепочкой аналогий, которые можно провести от памятников Белотич-Бела Црква-Добрача в Сербии через Сборяново в Северо-Восточной Болгарии к Брэнешть (и Зализничному) и культуре Козия-Сахарна в Северо-Западном Причерноморье. Отмечу здесь, что основные признаки погребального обряда Белотич-Бела Црква-Добрача имеют прямые аналогии как в Сборяново, так и в Брэнешть, и далее, в культуре Козия-Сахарна.

Погребения типа Белотич-Бела Црква-Добрача были совершены в небольших курганах (диаметром 11-23 *м* и высотой 0,4-1,6 *м*) с кромлехом и каменным панцирем. Обряд характеризуется биритуализмом, с переходом от скорченных трупоположений, ориентированных в направлении северо-запад — юго-восток, к безурновому трупосожжению на месте. Зафиксированы каменные оградки вокруг трупоположений и урновых сожжений, а также каменные ящики. Погребальный инвентарь представлен посудой и бронзовыми украшениями (Гарашанин, Гарашанин 1958: 17-50; они же 1962: 47-68; они же 1967: 5-30).

Все это позволяет предположить, что в сложении культур орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья, в первую очередь, Бабадага (а через него и Козии-Сахарны) определенную роль могли сыграть и раннегальштатские группы югославского Баната и, в частности, Белотич-Бела Црква-Добрача.

Приведенные аналогии убедительно подтверждают наличие раннегальштатской (Балкано-Подунавья) традиции в погребальном обряде культуры Козия-Сахарна, которая, в целом, доминирует и особенно проявляется в курганных захоронениях на уровне древнего горизонта (инвентарь таких комплексов почти всегда носит раннегальштатский облик). Так как захоронения на уровне древнего горизонта, в основном, представлены в Сахарнянском могильнике I (Цыглэу), то его можно отнести к «чисто гальштатскому» среди остальных некрополей культуры.

Что же тогда в погребальном обряде культуры Козия-Сахарна можно связывать с суперстратной северопричерноморской традицией? Она проявляется, главным образом, в грунтовых погребениях, где акт захоронения носил одновременный характер. В более широком

аспекте, к постноуским и постбелозерским отголоскам можно относить наличие курганно-грунтовых могильников, устойчивое сочетание скорченной позы погребенного с преимущественной ориентировкой в южном — юго-восточном направлении, каменные ящики как традицию использования камня в погребальном сооружении, отдельные типы погребального инвентаря. Проводником вышеперечисленных элементов в культуре Козия-Сахарна выступила раннегальштатская группа с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта, сочетающая гальштатские черты и белозерские компоненты (Leviţki 1994a: 230-232). Здесь же отмечу, что В.П.Ванчугов относит Балту к локальному варианту белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья и не включает ее в единый раннегальштатский горизонт Тэмэоань-Холеркань-Балта (Ванчугов 1990: 18, 23, 114-137; он же 1996: 287-309).

Для погребального обряда белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья характерны: курганные и курганно-грунтовые могильники; тризна; овальные и прямоугольные могильные ямы; скорченное положение погребенных, ориентированных, преимущественно, в южном направлении; преобладание в инвентаре посуды и украшений, наличие предметов туалета и орудий труда (Ванчугов 1990: 40-58).

Рассматривая традиционные черты и инновации в погребальном обряде белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья, В.П.Ванчугов высказался в русле имеющегося мнения о существенном вкладе в его формирование культуры Ноуа. С наследием культуры Ноуа в Белозерке связаны грунтовые могильники, смешанные курганно-грунтовые могильники и принципы их планировки, южная ориентировка погребенных (Ванчугов 1990: 129-131). К мнению о вкладе культуры Ноуа в сложение отдельных элементов погребального обряда белозерской культуры присоединился и О.Г.Левицкий (устное сообщение). Здесь же добавлю, что в культуре Ноуа Северо-Западного Причерноморья, помимо захоронений на поселениях и грунтовых могильников Гиндешть (Гиндешты), Петрушань (Петрушаны), Бедрэжий Векь (Старые Бедражи) (Мелюкова 1961: 9; Смирнова 1969: 48-71; Levitsckii, Sava 1993: 125-131), в последнее время открыт целый ряд курганно-грунтовых некрополей Перерыта, Бурлэнешть (Бурланешты), Коржэуць (Коржауцы), Кирилень (Кирилены) (Яровой, Чирков 1990: 88, 89; Leviţki, Demčenco 1994: 218, 219, 228, 229, fig.3: 3, 4-7; они же 1997: 103-127; Abâzov, Cločiko 1997: 96-98; fig.3: 4-6; Klociko, Sava 1997: 77-101; Sava 1998: 300-304; abb.26: 1; 27-30). В самой культуре Ноуа ориентировка погребенных варьирует, но южная и юго-восточная составляют значительный процент, немалым числом представлена и северо-западная.

С традициями культуры Ноуа через Белозерку и группу Холеркань в погребальном обряде культуры Козия-Сахарна может быть связано наличие курганно-грунтовых могильников, преимущественная южная и юго-восточная ориентировка скорченных погребенных, случаи северо-западной ориентировки и, возможно, сохранение традиции применения камня.

Два курганно-грунтовых ноуских могильника Бедрэжий Векь и Бурлэнешть Днестро-Прутского междуречья демонстрируют сравнительно широкое применение камня в погребальных сооружениях — ящики, обкладка погребенных камнями, оградки, заклады (засыпка) могильных ям (Смирнова 1969: 43, 61, рис.3; Leviţki, Demcenco 1997: 117-120, fig.2; 3: 1, 6; 4: 8, 11, 12; 5: 1, 8, 9). В поисках возможных истоков обычая применения камня, например, в могильнике Бедрэжий Векь, Г.И.Смирнова предложила считать белопотоцкую группу комаровской культуры (Смирнова 1969: 63, сн.40). Отличительной чертой последней, локализующейся в южной части Верхнего Днестра, по его левому притоку Серету, являются каменные ящики со скорченным положением скелетов, ориентированных, преимущественно, в западном направлении (Swieznikow 1967: 46, 47, 53-55, ryc.1: 33-36, 41, 42; 3: III, IV; он же 1969: 42, 43). Последующие разработки по культуре Ноуа подтвердили вклад комаровских древностей в ее формирование (Смирнова 1976a: 118-135; она же 1993: 57-73; Sava 1999: 65-78), при этом заимствования в погребальном обряде вовсе не исключены.

В Северо-Западном Причерноморье в эпоху поздней бронзы традиция использования камня известняка в строительстве была довольна устойчива и сравнительно широко представлена в каменном домостроительстве белозерской культуры, имеющем истоки еще в Сабатиновке (Шарафутдинова И.Н. 1982: 16-36; Черняков 1985: 29-40, 43-46; Ванчугов 1990: 23-35, 126, 127; Ванчугов и др. 1991: 12-33; Черниенко 1994: 125-127). Учитывая интересные и хорошо документированные наблюдения о конструктивной близости жилых помещений и погребальных сооружений, например, срубной культурно-исторической общности (из последних работ — Мимоход 1996: 27-33), можно считать, что населением белозерской культуры могла быть сохранена и традиция использования камня в намогильных и погребальных сооружениях (известны несколько белозерских захоронений с каменными кромлехами и закладами).

В целом же, традиция использования камня в намогильных и погребальных сооружениях в Северном Причерноморье была достаточно широко распространена еще в эпоху средней бронзы, в частности, в культуре многоваликовой керамики (Шарафутдинова И.Н. 1982: 51-57; Дергачев 1986: 130; Савва 1992: 27; Березанская 1998: 63; Агульников 1998: 65, 67; Антонов 1998: 107; Самар 1998: 77; Самар, Антонов 1998: 86-88) и позднее — известна в суб-

стратной для Белозерки сабатиновской культуре (Шарафутдинова И.Н. 1982: 58-60, 66-72; Дергачев 1986: 184; Горбов 1997: 145-162). Впоследствии через раннегальштатскую группу Холеркань, такая традиция была воспринята, скорее, подхвачена насельниками культуры Козия-Сахарна, в погребениях которой изначально широко применялся камень.

В погребальном инвентаре культуры Козия-Сахарна северопричерноморские (постбелозерские, степные) влияния представлены кубками и пиксидами на ножке, украшениями (бронзовые пронизки, височные кольца и проволочные браслеты), а также предметами одежды — фибулами. Несмотря на балканские и эгейские прототипы последних, в культуре Козия-Сахарна, они появляются, скорее, в подражание бронзовым северопричерноморским белозерским экземплярам (глава IV).

Таким образом, четко вырисовываются две основные культурные традиции (два источника формирования) погребального обряда культуры Козия-Сахарна: субстратная раннегальштатская Балкано-Подунавья и наслоившаяся северопричерноморская (постноуская, постбелозерская). Между тем, в историографии проблема происхождения погребального обряда культуры носит дискуссионный характер (глава I). Именно спорный и нерешенный характер этого вопроса позволил Л.И.Крушельницкой возродить концепцию восточного (чернолесского) происхождения группы Сахарна (Крушельницька 1998: 179-200; Бандрівський, Крушельницька 1998: 201-208).

Как известно, у специалистов сложились две точки зрения на формирование погребального обряда группы Сахарна (Доманский, Щукин 1983: 271-274). Суть расхождений в том, что А.И.Мелюкова общность черт погребального обряда чернолесцев Среднего Днестра и сахарнянцев (невысокие курганы с каменной насыпью; одиночные, парные и коллективные захоронения в могильных ямах или каменных ящиках; обряд трупоположения в скорченной позе; ориентировка погребений по оси север-юг; бедность погребального инвентаря) связывает с влиянием носителей группы Сахарна и продвижением какой-то части этого населения на Средний Днестр. в позднечернолесскую среду (Мелюкова 1979: 87). По мнению Г.И.Смирновой, курганные насыпи, каменные намогильные сооружения, ингумация и скорченная поза погребенных, — все эти признаки являются местными белогрудовско-чернолесскими для лесостепи и белозерскими для степи. Отмечая, что обряд погребения родственного Сахарне восточнобалканского круга пока не изучен, она предположила, что он окажется таким же, как и у остальных фракийцев — трупосожжение с захоронением в грунтовых могильниках. Поэтому, по ее мнению, имело место, скорее, влияние чернолесцев в области погребального обряда (Смирнова 1982: 51, 52; она же 1984: 56, 57).

Здесь необходимо уточнить, что речь идет именно о развитой чернолесской культуре Поднестровья. В погребальном обряде «классической» чернолесской культуры Днепра преобладает урновая кремация в грунтовых могилах и, реже, в курганах, а ингумация как будто представлена гораздо меньшим количеством (Тереножкин 1961: 43-46; Археологія 1971: 19, 20; Ильинская 1975: 77-79; Археология 1986: 33; Отрощенко, Моця 1989: 24, 25; Клочко, Скорый 1993: 54, 55).

Между тем, в чернолесской культуре Поднепровья не так уж и мал процент трупоположений: имеется целый ряд вытянутых и скорченных захоронений (Покровська 1953: 128, 129; Ковпаненко 1981: 20, 21, 58). Недавно было высказано весьма продуктивное предположение, что находки специфических чернолесских металлических украшений и оружия без следов пребывания в огне (по обратной аналогии этим же предметам, но со следами пребывания в огне) можно рассматривать как свидетельства разрушенных ингумаций и кенотафов (Лысенко, Лысенко 1998: 21). Принимая это, весьма значительным может оказаться процент ингумации в погребальном обряде чернолесской культуры на всей территории ее распространения. Здесь можно поддержать мнение В.И.Клочко и С.А.Скорого, что погребальный обряд чернолесской культуры на различных территориях имеет локальные особенности, обусловленные, вероятно, разной этнической ситуацией (Клочко, Скорый 1993: 55).

В свете современных данных необходимо отказаться от констатации близости среднеднестровского позднечернолесского и сахарнянского погребальных обрядов с точки зрения приоритетного влияния только одного из них. Такой подход мною уже был предложен (Кашуба 1999: 379, 380). По моему мнению, погребальный обряд этих культур был для каждой из них исконным — в равной мере он являлся как сахарнянским, так и чернолесским. Не исключено, что в едином Карпатском регионе (куда могут быть включены Средний Днестр, а также Среднее и Нижнее Подунавье) со свойственными ему едиными ритмами культурогенеза имело место параллельное, совпадающее в самых общих чертах развитие погребальной обрядности в эпоху поздней бронзы и раннего гальштата.

Итогами этого развития явились «совпадающие» погребальные обряды позднего Чернолесья Среднего Днестра и Сахарны, а контакты и взаимодействия между ними только усилили и укрепили эту близость. Эти общие черты погребальной обрядности региона (курганные насыпи, использование камня в намогильных и погребальных сооружениях (кромлехи, панцири, обкладка погребенных или ящики), ингумация со скорченным положением умерших, преобладание в инвентаре посуды и украшений) можно проследить

как субстратные в равной мере как на Среднем Днестре, так и в Балкано-Подунавье в эпоху поздней бронзы — раннего гальштата.

Как показано выше, все перечисленные общие признаки погребальной обрядности в культуре Козия-Сахарна являются в ней субстратными, имеющими истоки в раннем гальштате Балкано-Подунавья.

Для развитого Чернолесья Среднего Днестра курганные насыпи, ингумация и скорченная поза погребенных, преобладание посуды и украшений в погребальном инвентаре также являются субстратными признаками, восходящими к белогрудовско-раннечернолесской культуре — курганы у с.Печоры на Южном Буге, ранний курган № 2 у с.Мервинцы в Юго-Западной Подолии (Рыбалова 1961: 21-23; Смирнова 1977: 97-99; она же 1984: 57).

Сама белогрудовская культура Поднестровья, по мнению В.Д.Рыбаловой, сложилась на основе юго-восточного ответвления комаровско-тшинецкой культуры, проникшей сюда с Юго-Западной Волыни через притоки Припяти (Рыбалова 1999: 320-345). Комаровско-тшинецкий или комаровский (с учетом выделения И.К.Свешниковым только комаровской культуры с 8-ю локальными группами (Свешников 1990: 78-88) и постановкой под сомнение существования единой тшинецко-комаровской культурно-исторической общности (Лысенко, Лысенко 1998а: 51-53) субстрат белогрудовской культуры лесостепного Буго-Днестровского междуречья подтверждают и материалы Войцеховского (современного Колосовского) могильника (Лагодовська 1948: 62-77; Лагодовська, Захарук 1956: 69-74). Основные черты погребального обряда этого могильника (невысокие насыпи, скорченное положение погребенных, западная ориентировка) отчетливо проступают уже в последующих белогрудовских памятниках, например, в могильнике Печоры (Рыбалова 1961: 21).

Констатируя общее сходство погребальной обрядности позднего Чернолесья Среднего Днестра и культуры Козия-Сахарна, необходимо отказаться от его абсолютизации. При этом даже исследователи, находящиеся в этом споре на противоположных позициях, провозглашают лишь общие черты этой близости (Мелюкова 1979: 87; Смирнова 1977: 100; она же 1984: 56, 57; Бандрівський, Крушельницька 1998: 203). Последнее вовсе не означает полной идентичности погребально-поминальной обрядности этих двух культур.

Детальный анализ погребального обряда позднечернолесской культуры Среднего Днестра предполагает отдельное специальное исследование, что выходит за рамки настоящей работы. Но даже самое приблизительное сравнение основных обрядовых признаков и ведущих категорий погребального инвентаря Козии-Сахарны и Чернолесья II Среднего Днестра дает весьма любопытную картину. Здесь необходимо уточнить, что опубликованные позднечернолесские погребальные комплексы Поднестровья: могильники Лука Врублевецкая (Шовкопляс 1952: 5-10; он же 1956: 29-36; Шовкопляс, Максимов 1952: 89-108), Мервинцы (Смирнова 1977: 94-107) и курган Днестровка-Лука (Смирнова 1982: 30-53), а также ряд погребений на поселениях (Крушельницька 1998: 43, 136, 137, 143-145, рис.86: I, 1-3), — были мною проанализованы насколько это позволяют источники. К сожалению, новые важные материалы Бернашевского могильника, где исследованы 33 погребения (Гуцал 1990: 28, 29; он же 1993: 53, 54, 157; он же 1994: 54, 55; он же 1998: 34, 35), остаются пока фактически не опубликованными, поэтому они были привлечены в самом общем виде.

В развитом Чернолесье Среднего Днестра известны курганно-грунтовые могильники (Бернашевка), но с преобладанием курганных захоронений. Курганы также, как и в Сахарне, имеют небольшие каменно-земляные насыпи, но известны и более крупные курганы, занимающие в могильниках центральное место (курган IV Луки Врублевецкой).

Ведущие подтипы курганных захоронений среднеднестровской позднечернолесской культуры отличаются от известных в Козии-Сахарне: помимо захоронений на уровне древнего горизонта (среди которых преобладают коллективные погребения на каменных вымостках, а также известны погребения с каменными оградками, простые погребения на горизонте и в одном случае — ящик) в равной степени представлены погребения в прямоугольных ямах (простые; с каменной облицовкой стен; с перекрытием каменными плиточками). Позднечернолесские грунтовые погребения обнаружены как в простых ямах, так и в облицованных камнями.

В позднем Чернолесье Среднего Днестра основные захоронения составляют всего порядка 10%, преобладают подкурганные и впускные комплексы, тогда как в культуре Козия-Сахарна все курганные погребения (за исключением трех подкурганных) являются основными.

Около половины среднеднестровских позднечернолесских погребений являются коллективными, причем если в известных трех коллективных захоронениях культуры Козия-Сахарна зафиксированы 3-4 умерших, то здесь — до 10, положенных нередко в два ряда, черепами в противоположные стороны. Преобладает скорченное положение на правом боку, в Сахарне — на левом.

Еще большие отличия наблюдаются в ориентировке: в позднем Чернолесье Среднего Днестра безусловно господствует северо-западная (тяготение к меридиональному направлению), тогда как в Сахарне преобладает юго-восточная — восточная с тяготением к широтному направлению.

Погребальный инвентарь позднего Чернолесья Среднего Днестра представлен, преимуще-

ственно, посудой и украшениями. Но среди посуды кухонные горшки найдены в гораздо большем количестве и преобладают тюльпановидные. Ассортимент (вариабельность) украшений более скромен, чем в культуре Козия-Сахарна.

В развитом Чернолесье Среднего Днестра наблюдается биритуализм, но среди известных четырех трупосожжений три являлись урновыми, тогда как в Сахарне зафиксированы трупосожжения на стороне.

В целом же, при общем сходстве погребальных обрядов культуры Козия-Сахарна и позднего Чернолесья Среднего Днестра отмеченные выше различия между ними обусловлены разными субстратными основами их сложения: в первом случае — раннегальштатской Балкано-Подунавья, во втором — северопричерноморской комаровско-белогрудовской. Здесь же отмечу, что наличие грунтовых захоронений в субстратной для Чернолесья белогрудовской культуре подтверждают комплексы у сс.Белый Камень и Яланцы в Подолии (Гамченко 1909: 414, 415, табл.229, 230; Макаревич 1940: 463-465, рис.21-24; Смирнова 1954: 9, 10) и могильник Заломы Правобережья Днепра (Бокий 1987: 22-24).

Наибольшую близость со среднеднестровскими позднечернолесскими обнаруживают именно те погребения культуры Козия-Сахарна, где доминирует северопричерноморская традиция (в первую очередь, грунтовые). С другой стороны, среднеднестровские позднечернолесские комплексы имеют ряд признаков, появившихся вследствие раннегальштатских сахарнянских влияний, например, сходство ритуальных действий в погребении 3 кургана IV могильника Лука Врублевецкая и погребении I кургана VI Сахарнянского могильника I.

В целом же, перспективность решения вопроса о близости погребальных обрядов культуры Козия-Сахарна и позднего Чернолесья Среднего Днестра может находиться в русле известного положения, что трансляция традиции есть ее изменение.

Завершая характеристику погребального обряда культуры Козия-Сахарна, кратко остановлюсь на вопросах социальной дифференциации. По проблеме отражения социальной дифференциации в погребальном обряде имеется уже довольно обширная историография, в том числе и по культурам эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья (из последних Ванчугов 1990: 56-58; Цимиданов 1997; Социальная 1997 и другие). Хотя количество сахарнянских захоронений невелико (45) и имеет место определенная ущербность источников, при применении к ним системы признаков социальной дифференциации (тип захоронения и дополнительные элементы курганной архитектуры, сложность погребальных конструкций, характер инвентаря (богатство, разнообразие, специфичность), следы особых ритуальных действий) была выделена группа неординарных погребений.

К числу последних относятся все курганные захоронения подтипа 1 с каменными оградками. Была отмечена группа условно богатых погребений с фибулами: курганы III и IV Сахарнянского могильника I, III Сахарнянского могильника II и VII Алчедар, в которой статус «выделенных» имеют одиночные захоронения курганов III и IV Сахарнянского могильника I.

При знакомстве с рукописью этой работы В.С.Бочкарев обратил внимание на то, что курганные захоронения в совокупности отличает сложность погребальных конструкций и богатство инвентаря. Это, с одной стороны, подтверждает тезис о пришлом характере культуры Козия-Сахарна (когда гальштатские черты наиболее проявляются в курганных погребениях), а, с другой, позволяет считать все курганные захоронения особыми и выделенными. Последнее показывает, что пришлое раннегальштатское население в целом занимало отличительное положение в среде племен культуры Козия-Сахарна.

Наличие даже среди незначительной выборки погребений культуры Козия-Сахарна условно богатых захоронений позволяет предположить существование в обществе некой выделенной группы, особый статус представителей которой подчеркивался украшениями, имеющими значительную вариабельность. Эта гипотетическая группа состояла не из военных предводителей (полное отсутствие предметов вооружения и погребений воинов), а, скорее, из духовных (религиозных) лидеров — служителей культа, что может быть основано на признании высокоразвитой «идеологической» (духовной) сферы сахарнянского общества (глава 3.3).

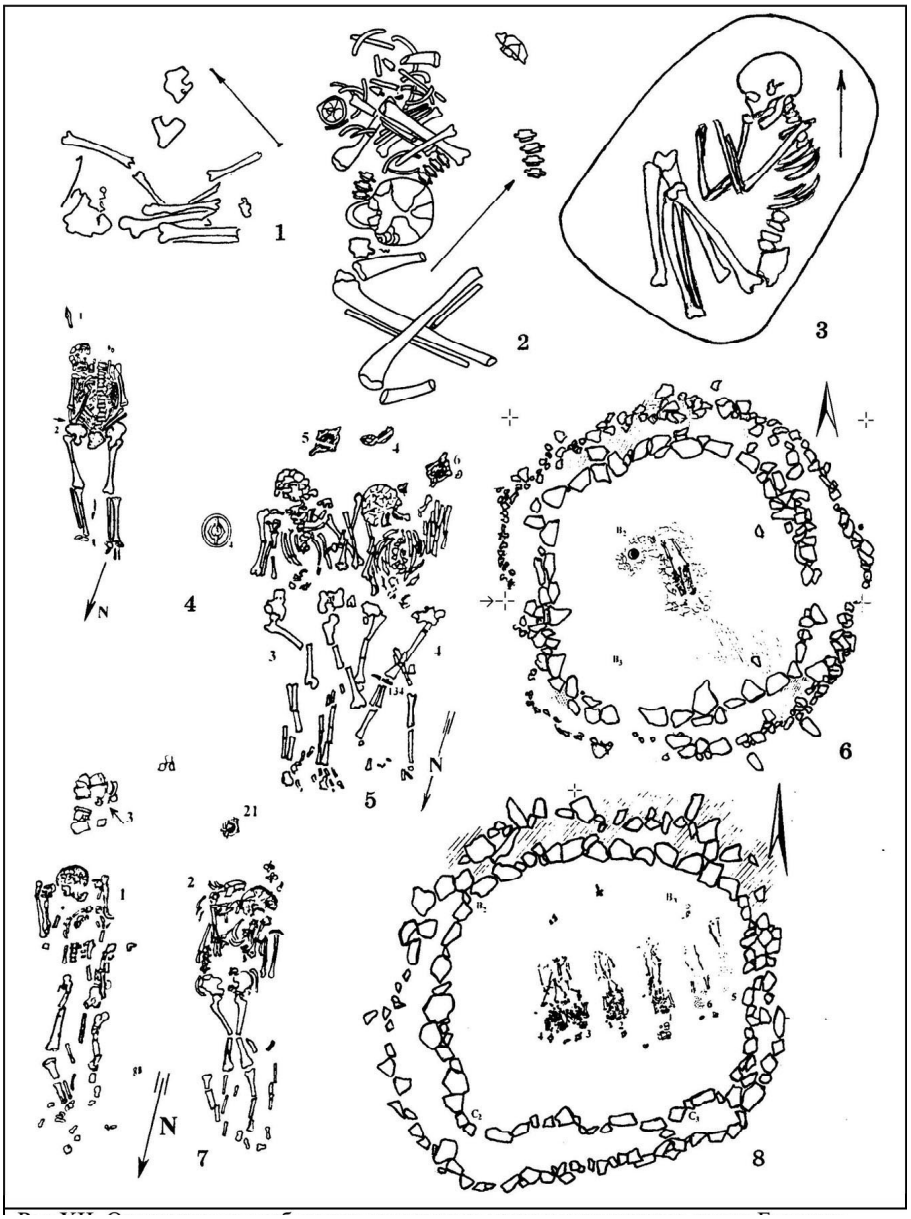


Рис. XII. Отдельные погребальные комплексы раннегальштатских групп Балкано-Подунавья. 1 — Фолтешть группы Тэмзоань; 2 — Ханска группы Холеркань; 3 — Гарвын-Млажитул Флорилор культуры Бабадаг; 4-8 — Сборяново-Нивата на певеца группы Сборяново.

Глава III. Материальная и духовная культура

3.1. Керамика

Самой многочисленной категорией находок на бытовых местонахождениях культуры Козия-Сахарна, а также основой их культурной идентификации, является керамика. Последнее отражено и в самом названии древностей этого круга — памятники орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья.

Известны несколько классификаций посуды этой культуры. Это разработки А.И.Мелюковой, предложенные ею на момент выделения группы Сахарна как таковой и позднее несколько расширенные и дополненные (Мелюкова 1953: 60-73; она же 1954: 59-68; она же 1955: 51-70; она же 1958: 77-87; она же 1982: 3-12). Имеется схема А.Ласло, который выделил в группе Козия 36 основных типов и вариантов сосудов и провел их сравнительный анализ с керамикой культур Пшеничево-Бабадаг-Инсула Банулуй орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (László 1969: 319-326; он же 1972: 207-222; он же 1985: 6-11; он же 1989: 111-129). Лаконичность докторского реферата А.Ласло и недоступность текста самой работы не позволяют мне по достоинству оценить предложенную исследователем классификацию и в полном объеме использовать ее в настоящем разделе (László 1985). В моем распоряжении имеются иллюстрации, любезно предоставленные А.Ласло, а опубликованный материал (László 1972: 207-222; Hänsel 1976: Taf.51-54; VII; VIII)

включен в рисунки моей работы (рис. II; XIII-XXIII; LII; LIII).

Здесь же необходимо упомянуть классификацию керамики группы Козия, сделанную К.Иконому по материалам городища Покреака-Четэцуэ (Iconomu 1996: 21-56). Не потеряли свою актуальность и разработки Б.Хенселя, который дал общую характеристику керамики не только группы Козия, но всех культур орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (Hänsel 1976: 122-164, Taf.51-54; VII; VIII). Важны также и отдельные классификационные схемы посуды родственных культурных групп Пшеничево, Бабадаг и Инсула Банулуй, которые наряду с культурой Козия-Сахарна и составляют собственно орнаментированный гальштат Балкано-Подунавья (Morintz 1964: 108-118; он же 1987: 46-59; Morintz, Roman 1969: 393-423; Gotzev 1994: 97-127).

Вместе с тем, спустя полстолетия с момента открытия и начала изучения культуры Козия-Сахарна назрела необходимость дать исчерпывающую характеристику керамики этих памятников, которая могла бы полновесно использоваться и в исследовательской процедуре для аналогий и сравнения с посудой других культур. Такой задаче способствуют и полевые исследования конца 80-х-начала 90-х годов (памятники Хлижень II-Ла Шанц, Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III), которые дали относительно большое количество целых и археологически целых сосудов, позволяющих расширить и углубить содержание керамических типов, подтипов и вариантов. Мною уже была предпринята попытка сделать такую классификацию по материалам памятника Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 20-25; Kašuba 1998a: 84-95).

Важными являются и впервые полученные стратиграфические данные из закрытых комплексов на поселениях Хлижень II-Ла Шанц, Алчедар III, Матеуць-Ла башнэ и Солончень-Хлиная (в сравнении с посудой погребений), которые позволяют выявить ранний и поздний керамические наборы культуры Козия-Сахарна и обозначить тенденцию развития керамического комплекса культуры в целом. В русле этого особую значимость имеют материалы самого широкомасштабно раскопанного поселения Алчедар III, где представлен сравнительно «чистый» слой Сахарны при условии отсутствия других материалов (VII-III вв. до н.э.) раннего железного века, и зафиксированы два последовательных периода бытования там сахарнянских древностей (подробнее — Приложение 3.4).

Базой предлагаемой классификации служат 133 целых и археологически целых (частично отреставрированных) сосуда, происходящих как из закрытых комплексов (погребений могильников — 51 и сооружений поселений — 82), так из культурного слоя бытовых местонахождений (рис. II; XIII-XXI). Из-за относительной малочисленности целых сосудов для получения полной картины всех бытовавших в культуре форм и орнаментации была проведена статистическая обработка (на основе существующих методик) керамических коллекций восьми поселений: Сахарна Маре (2832 фрагмента), Сахарна Микэ, Сахарна-Валя Цыглэу, Сахарна I, Солончень-Хлиная (2991 фрагмент), Хлижень II-Ла Шанц (16138 фрагментов), Матеуць-Ла башнэ (6336 фрагментов) и Алчедар III (8920 фрагментов) (Приложение III). По объективным причинам четыре раскопанных поселения (Цахнэуць и Бутучень в Молдове, Козия и Покреака-Четэцуе в Запрутской Молдове) остались статистически не обработанными.

В основу выделенных керамических типов положено «устойчивое сочетание признаков» (Классификация 1990: 39-43). При этом в качестве наиболее важных для классификации я интуитивно выбрала традиционные культуроопределяющие, равноценные признаки для всех категорий сосудов: внешние очертания формы (общая архитектоника с учетом пропорций между частями), орнаментальные мотивы, техника орнаментации и степень орнаментированности.

Использование мною вслед за предшествующими исследователями интуиции для определения набора существенных признаков объясняется как сильной фрагментированностью основного массива посуды, так и равноценностью такого подхода к типологии наряду с формализованными (математическими) методами. Так, даже самые последовательные сторонники формализованных методов в археологии вовсе не отрицают, что при классификации элемент интуитивности неизбежен (Федоров-Давыдов 1981: 269; Гудим-Левкович 1994: 78 и сл.). Нередко математической обработке подвергаются материалы, которые были визуально типологизированы, или формализованные методы подтверждают интуитивно сделанные выводы. Из близких для нашей темы примеров можно отметить выделение Г.И.Смирновой двух локальных вариантов позднечернолесской культуры Среднего Днестра (Смирнова 1984: 55; она же 1985а: 26), что впоследствии было подтверждено применением методики Брейнерда-Робинсона, позволяющей рассчитать степень близости памятников по процентному содержанию на них массового материала (Смирнова, Кашуба 1988: 18-28).

По технологическим особенностям и функциональному назначению керамика культуры Козия-Сахарна традиционно делится на кухонную и столовую посуду. Специфичностью керамического комплекса этой культуры является значительное количество культовой посуды (миниатюрные сосудики и функционально специализированные — сосудики на ножках, пиксиды), а также специальное производство погребальной посуды. Культовая керамика (рис XXXII: 7, 11, 13-37; XXXIII: 14; XXXIV) рассматривается в третьем параграфе настоящей главы.

Данные статистической обработки керамики восьми поселений показывают, что столовая посуда значительно преобладает и составляет в целом около 69%. Соотношение кухонной и столовой керамики на разных памятниках не одинаково. Имеет место тенденция уменьшения количества столовой посуды (соответственно, увеличения кухонной) от ранних поселений к поздним. Так, на раннем поселении Солончень-Хлиная соотношение кухонной и столовой посуды составило 28% к 72%, а в Алчедар III — 34% к 64%. Исключение составляет относительно поздний памятник Хлижень II-Ла Шанц, на котором значительный процент столовой керамики (82,5%) обусловлен его спецификой как пансвятилища (глава 3.3).

Кухонная посуда

Она представлена горшками, сделанными из грубого глиняного теста с примесью крупных частиц шамота и песка. Обжиг сосудов, как правило, неравномерный. Поверхность сосудов слегка шероховатая, преимущественно, хорошо заглажена, но лощение не характерно. Поверхность темно-оранжевого, серо-оранжевого или коричнево-оранжевого цветов, зачастую пятнистая. Горшки изготавливались на поворотной подставке — на днищах сосудов в нескольких случаях зафиксированы прямоугольные вдавления от нее.

Выделяются четыре основных типа горшков: прямостенные, бочонковидные, слабопрофилированные и тюльпановидные (рис. XIII; XIV).

Абсолютное большинство, I тип — 46,8%, составляют открытые сосуды усеченно конической или почти цилиндрической формы, с ровно срезанным или закругленным краем венчика, прямыми или слегка отогнутыми стенками в

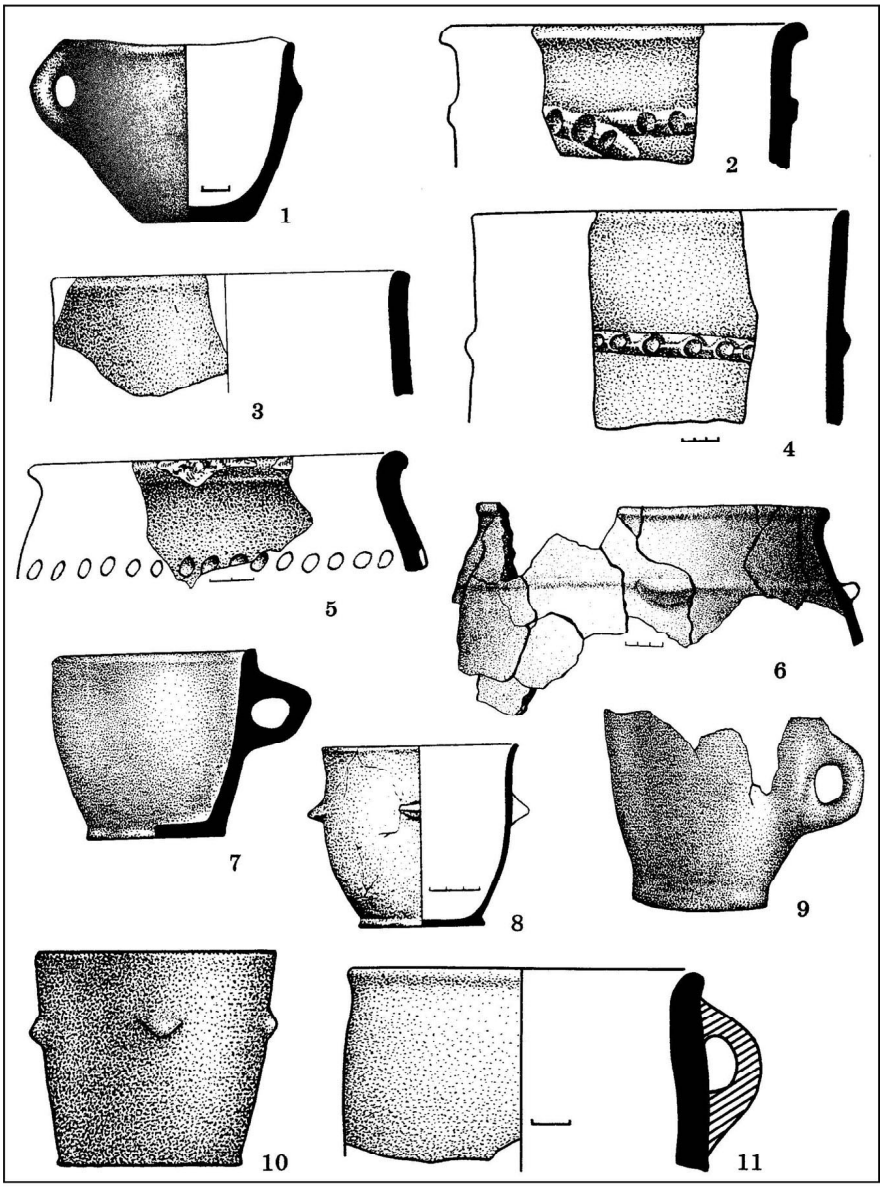


Рис. XIII. Кухонные горшки I (1-4, 7-10) и III (5, 6, 11) типов культуры Козия-Сахарна. 1, 9 — могильник Алчедар; 2 — Сахарна I; 3, 5 — Козия; 4 — Алчедар III; 6, 8, 10 — Сахарнянский могильник I; 11 — Солончень-Хлиная; 7 — Климэуций Жос.

верхней части. Дно горшков I типа имело небольшую закраину. Диаметр венчика горшков I типа составляет 22-30 *см* (рис. XIII: 1-4, 8-10).

Они снабжены налепным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями или, реже, косыми нарезками, а также симметрично расположенными 2-4 небольшими выступами-упорами подпрямоугольной или подтреугольной формы (рис. XIII: 4, 8, 10). Иногда валик и выступы-упоры сочетаются на одном сосуде. В одном случае венчик горшка I типа был сильно закруглен во внешнюю сторону, а концы налепного расчлененного валика были опущены вниз — «чернолесский» прием (рис. XIII: 2). Горшки I типа представлены двумя вариантами, из которых описанные выше типичные сосуды составляют вариант А (рис. XIII: 3, 4, 10).

Вариантом Б сосудов I типа являются небольшие усеченно конические горшочки усеченно конической формы с невыделенным округленным венчиком и дном без закраины. Они снабжались одной небольшой ручкой, иногда возвышающейся над краем. Диаметрально противоположно ручке на тулове мог находиться выступ-упор (рис. XIII: 1, 7, 9). Высота горшков варианта Б типа I составила 7-11 *см,* диаметр венчика 9-10 *см* и диаметр дна 4-7 *см.* Такие сосуды обнаружены исключительно в погребальных комплексах культуры.

Самое значительное количество горшков I типа зафиксировано на раннем поселении Солончень-Хлиная (53%), наименьший процент таких сосудов обнаружен на памятнике Алчедар III (40,4%). На поселениях Козия и Покреака-Четэцуе Запрутской Молдовы большое число горшков I типа лишены пластического декора.

Тип II — 14,5% — представлен закрытыми сосудами бочонковидной формы с закругленным или утонченным, косо срезанным краем венчика, выпуклыми стенками и невыделенным дном (рис. II: 1, 2; XIV: 1-3, 5). Сосуды этого типа обычно средних и небольших размеров с диаметром венчика 14-22 *см* (вариант А).

Они снабжены, преимущественно, пояском насечек-вдавлений (пальцевых или семечковидных) или симметрично расположенными 2-4 небольшими выступами-упорами подтреугольной или подпрямоугольной формы (рис. XIV: 1, 3). Иногда поясок вдавлений сочетается с одним или несколькими выступами (рис. II: 2; XIV: 3). На сосудах II типа в очень небольшом количестве встречен налепной расчлененный валик (рис. II: 1; XIV: 2, 5). На раннем поселении Солончень-Хлиная найдено наименьшее количество горшков II типа (9%).

К варианту Б горшков II типа относятся большие и средние бочонковидные сосуды с ровно срезанным или закругленным краем венчика, сильно выпуклыми в средней части, возможно, биконическими, стенками. Горшки этого варианта, как правило, не орнаментированы, лишь в одном случае отмечен налепной расчлененный валик (рис. LI: 21; LIII: 12). Горшки варианта Б типа II зафиксированы исключительно на поселениях Запрутской Молдовы и составляют особенность варианта Козия культуры Козия-Сахарна.

III тип (21,3%) составляют открытые сравнительно большие горшки со слегка отогнутым наружу венчиком, край которого округлен или подрезан, выделенной короткой шейкой, выпуклыми плечиками. Округлое тулово таких сосудов плавно сужается к слегка выделенному дну. Диаметр венчика горшков III типа составляет 20-35 см (рис. XIII: 5, 6, 11).

Декор на горшках III типа варьирует: налепной валик с пальцевыми вдавлениями, расположенный на середине высоты тулова или его верхней половине; поясок пальцевых вдавлений или симметрично расположенные 2-4 небольших подтреугольных или подпрямоугольных выступа-упора (рис. XIII: 5-7). Иногда поясок вдавлений или валик сочетались на одном сосуде с подпрямоугольными выступами-упорами (рис. XIII: 6). В шести случаях горшки III типа снабжены одной грубой ручкой, расположенной в верхней части тулова (рис. XIII: 11).

Различно количество горшков III типа в керамических комплексах ранних и поздних памятников культуры: наибольшее их число зафиксировано на раннем поселении Солончень-Хлиная (31,4%), а также Сахарна Маре (27,5%), наименьшее — в Алчедар III (9%). Памятник Хлижень II-Ла Шанц, сравнительно поздний, составляет исключение — там обнаружено 27% горшков III типа.

Особенностью кухонной посуды культуры Козия-Сахарна (и исключением в раннегальштатском мире Карпато-Подунавья) является наличие горшков IV типа (17,5%), которые представлены открытыми высокими сосудами тюльпановидной формы и вытянутых пропорций. Венчик горшков IV типа плавно отогнут наружу, край его закруглен или приострен, шейка сравнительно высокая и вогнутая, плечики выпуклые, округлобокое тулово плавно сужается к небольшому дну без закраины. Высота тюльпановидных горшков составляет 19-29 *см,* диаметр венчика 14-21 *см* и диаметр дна 8-10 *см* (рис. XIV: 6-8).

По плечикам горшков IV типа обычно расположен налепной валик, расчлененный пальцевыми вдавлениями или косыми нарезками, концы которого могут быть не сомкнуты (рис. XIV: 6), реже имеется поясок насечек-вдавлений (рис. XIV: 8). Край венчика может быть снабжен пальцевыми вдавлениями или насечками и, на экземплярах из более поздних памятников, проколами (рис. XIV: 7). Подчеркну здесь, что проколы под краем — не характерный признак для раннегальштатской посуды в целом. Несколько горшков этого типа были снабжены грубой округлой ручкой, расположенной в верхней части тулова. Тюльпановидные горшки обнаружены

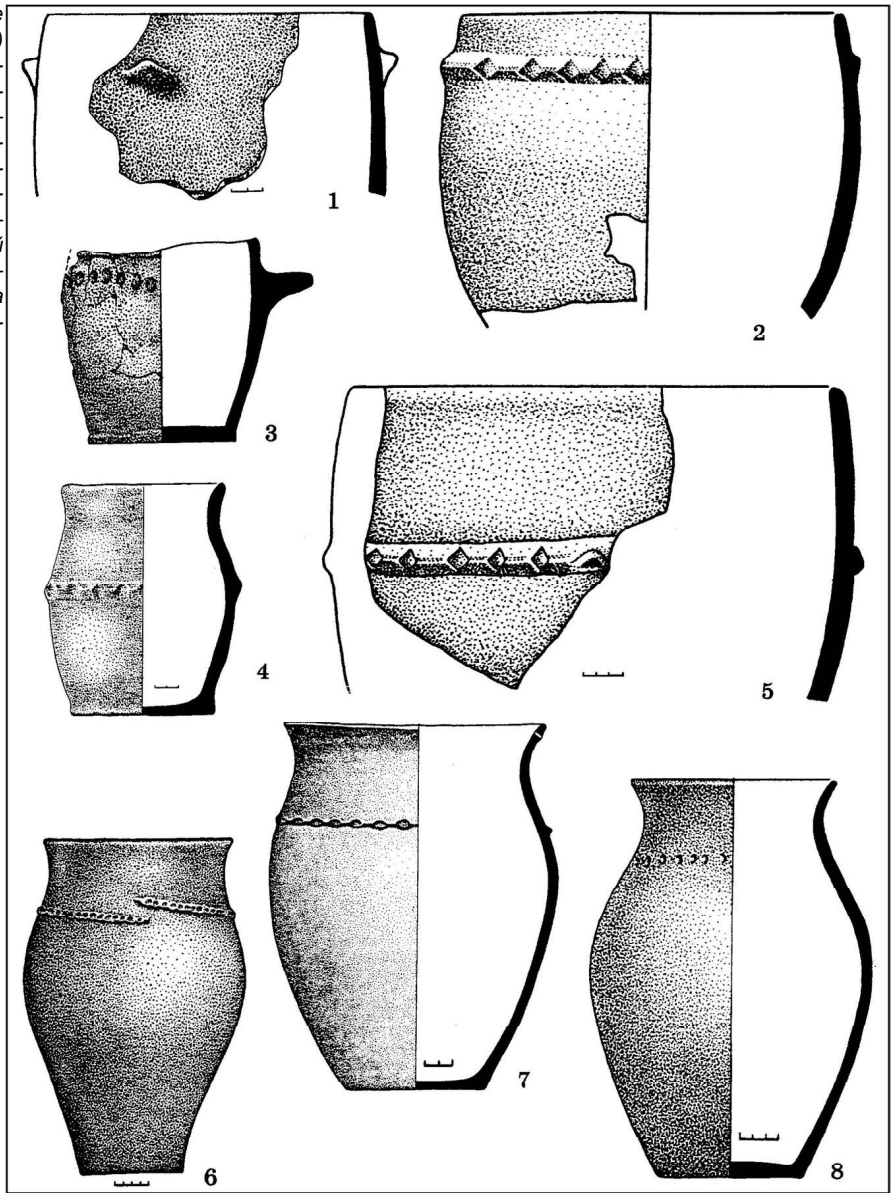


Рис. XIV. Кухонные горшки II (1-3, 5) и IV (4, 6-8) типов культуры Козия-Сахарна. 1 — Козия; 2, 5 — Алчедар III; 3 — Поляна; 4 — Солончень-Хлиная; 6 — Сахарнянский могильник I; 7 — Хлижень II-Ла Шанц; 8 — Матеуць-Ла башнэ.

как на поселениях и в погребениях, так и культовых скоплениях Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 13-18, табл. XX: 3; XXVI: 3).

Тюльпановидные сосуды отличаются от горшков I-III типов в том числе и технологически: в тесте гораздо меньшая примесь шамота, они лучше обожжены и более тонкостенные, поверхность серо-коричневого и коричневого цветов, хорошо заглажена и зачастую подлощена.

В керамическом комплексе культуры в незначительном количестве зафиксированы «подражания» тюльпановидным горшкам — это средние по размерам открытые сосуды высотой 16-20 *см,* диаметр венчика которых практически равен диаметру дна (9-11 *см*). По середине высоты этих горшков располагался налепной расчлененный валик или — в верхней части тулова — выступы-упоры (рис. II: 3; XIV: 4). По технике изготовления такие горшки принадлежат к раннегальштатским экземплярам, а не чернолесским образцам.

Тюльпановидные горшки среди кухонной посуды Козии-Сахарны инокультурны — они представляют характерный чернолесский тип (вытянутые пропорции, тюльпановидная форма, специфическая техника изготовления, проколы под краем в сочетании с валиком по плечикам). Такие сосуды зафиксированы исключительно в восточной части ареала культуры Козия-Сахарна — в варианте Сахарна и составляет его специфику. При этом количество тюльпановидных сосудов увеличивается от ранних к поздним сахарнянским памятникам: в Солончень-Хлиная они составили 6,6%; в Сахарна Маре — 11,2%; в Матеуць-Ла башнэ и Хлижень II-Ла Шанц — 17,2% и 18,4%, тогда как в Алчедар III в целом — 34%, а в комплексах второго периода этого же поселения — до 50% (Приложение III).

Столовая посуда

Она изготовлена из хорошо отмученной и тщательно промешанной глины с примесью мелких частиц шамота и большей примесью мелкого песка. Поверхность сосудов тщательно заглажена и залощена. Лощение разного качества: от темно-серого тусклого и матового до черного яркого с металлическим блеском.

По характеру обработки и цвету поверхностей сосудов в столовой керамике выделяются четыре категории: I — с двусторонним черным

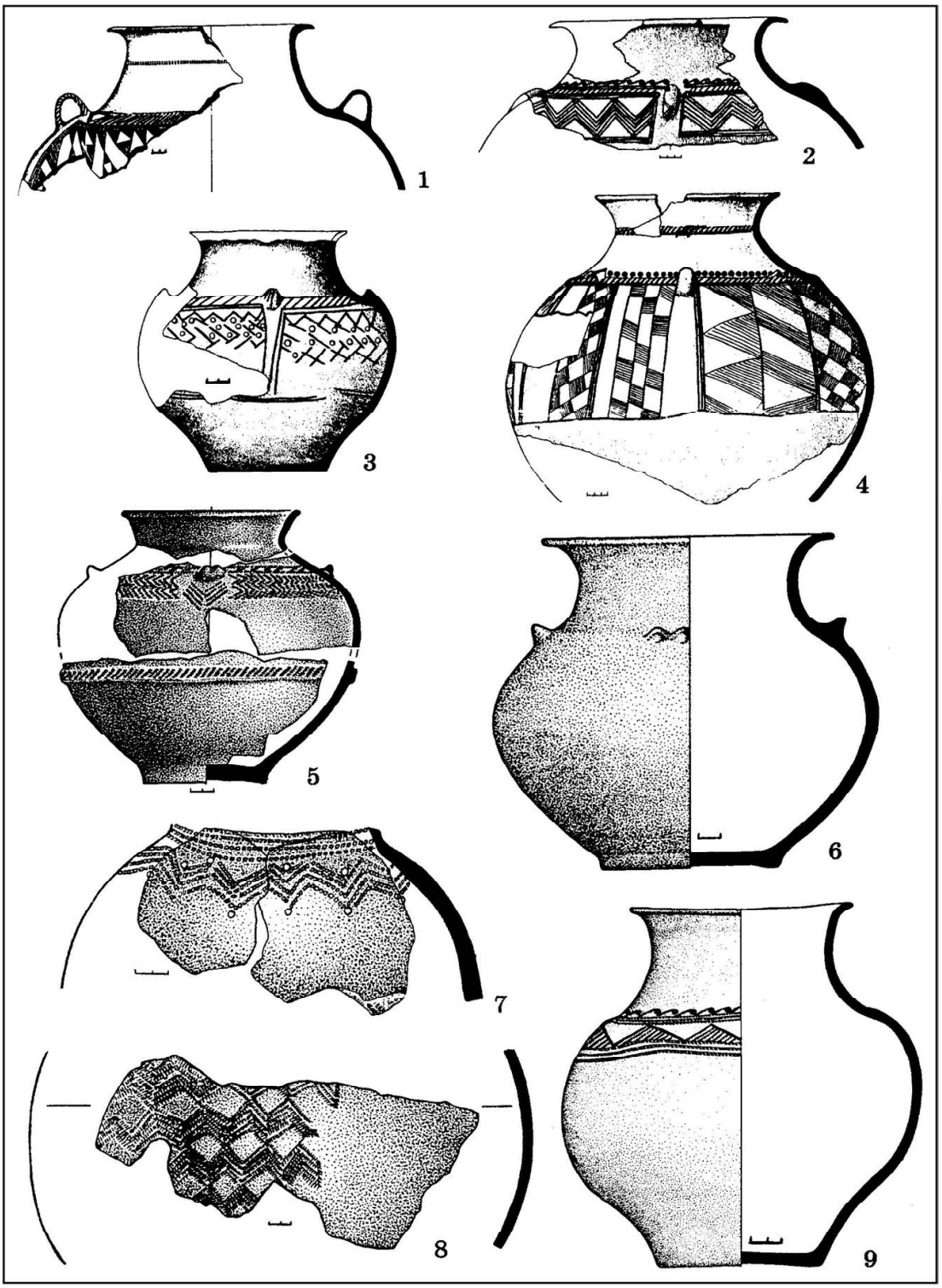


Рис. XV. Корчаги I типа культуры Козия-Сахарна. 1-4, 6, 9 — Хлижень II-Ла Шанц; 5 — Сахарна-Дялул Мэнэстерий; 7 — Козия; 8 — Покреака-Четэцуе.

или темно-серым лощением; II — с двусторонним светло-желтым или желто-оранжевым лощением; III — с более лощеной черной (темно-серой) внешней поверхностью и светло-серой менее лощеной внутренней; IV — с более лощеной черной (светло-серой) внутренней поверхностью и менее лощеной светло-серой внешней.

Столовая посуда культуры Козия-Сахарна и родственных ей групп орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья не подвергалась лабораторным анализам. Экспериментальные данные были получены для керамики поселений Медиаш и Грэничешть, принадлежащих раннегальштатскому комплексу с каннелированной керамикой (Blăjan, Stoicivici, Georoceanu 1980: 203-244). Так, черный цвет получается при смешивании необработанной глиняной массы с угольным пигментом (сажа, протертые растительные добавки) и последующем восстановительном обжиге при температуре 600 градусов. Красный цвет получается при окислительном обжиге сосудов с той же температурой (600 градусов) в хорошо продуваемой печи. Если обжиг быстрый, то черепки в середине имеют серовато-черный цвет. После обжига поверхность сосудов механически полировалась до необходимого блеска (Blăjan, Stoicivici, Georoceanu 1980: 203-244).

Аналогичные приемы, по всей вероятности, использовались при изготовлении столовой посуды культуры Козия-Сахарна: в печи для обжига керамики на поселении Алчедар III (Приложение 3.4) мог производиться как восстановительный, так и окислительный обжиг; о высоких температурах самого обжига свидетельствуют добавки в глиняное тесто сосудов шамота в качестве огнеупорной массы и песка, не позволяющего глине растрескиваться во время сильного нагревания; механическое лощение поверхностей столовых сосудов подтверждают находки разнообразных глиняных и костяных шпателей и лощил на поселениях этой культуры.

Столовая посуда культуры Козия-Сахарна представлена сосудами пяти основных категорий: корчаги, черпаки, кубки, миски, мисковидные и чашевидные сосуды (рис. XV-XXI). Характерной чертой столовой керамики является наличие геометрического резного и штампованного орнамента, которым украшена в целом одна ее треть — 30, 6%. Количество орнаментированной среди столовой керамики на ранних памятниках выше (Солончень-Хлиная — 39%), чем на более поздних (Алчедар III — 25,5%).

Корчаги составляют 55,6% среди столовой посуды. По характеру обработки поверхностей преобладают сосуды III категории, гораздо реже встречены сосуды I и II категорий, и отсутствуют сосуды IV категории. Наибольшее количество сосудов с двусторонним светло-желтым и желто-оранжевым лощением (II категория) зафиксировано на поселениях Солончень-Хлиная и Сахарна Маре (до 20%). Геометрическим резным и штампованным узором украшено 31,8% корчаг. Выделяются четыре основных типа (рис. XV-XVII).

Ведущий I тип составляют сосуды с сильно отогнутым наружу венчиком, край которого округлен, ровно или косо срезан, короткой вогнутой или конической шейкой, шаровидным туловом и небольшим, нередко, выделенным дном. Средняя высота корчаг I типа 26-30 *см,* максимальный диаметр тулова 26-34 *см,* диаметр дна 12 *см* (рис. XV; XVI: 1-4).

Корчаги I типа наиболее богато (среди остальных сосудов этой категории) украшены пластическим декором и геометрическим узором. Среди приемов пластического декора отмечу налепной валик, гладкий или расчлененный косыми насечками, расположенный по плечикам или в месте перехода шейки в тулово; симметрично расположенные 2-4 плоских цилиндрических или подтреугольных выступа-упора; а также на более поздних экземплярах — симметрично расположенные 2-4 ручки или петлевидных упора. Нередко все эти приемы использовались при изготовлении одного сосуда (рис. XV: 1-6; XVI: 3). Корчага, обнаруженная на поселении Сахарна-Дялул Мэнэстерий, была снабжена дополнительным подпрямоугольным в сечении валиком, расположенным ниже линии максимального диаметра тулова (рис. XV: 5).

Геометрическим резным и штампованным узором корчаги I типа украшались, преимущественно, в верхней и средней частях тулова (рис. XV: 1-5, 7-9; XVI: 1-4), а на более поздних образцах дополнительно орнаментировалась отогнутая наружу часть венчика и его край, а также средняя часть шейки (рис. XV: 1, 4). Как особенность памятника Сахарна Маре можно отметить сравнительно большое количество (2,5%) корчаг с орнаментом на отогнутой части венчика (Приложение 3.1.А).

Среди корчаг I типа имеются экземпляры со средне отогнутым наружу венчиком, сильно вогнутой короткой шейкой и большим удлиненно шаровидным туловом (рис. II: 9, 11; XV: 4, 8). Встречены также и подражания так называемым раннегальштатским «этажным» сосудам, когда нижняя придонная часть отделена от тулова горизонтальным валиком, а сам сосуд как бы составлен из двух: верхнего перевернутого чашевидного и нижней миски (рис. XVI: 1).

Ко II типу относятся корчаги со средне отогнутым наружу венчиком, край которого округлен или подрезан, средне высокой усеченно конической шейкой, шаровидным туловом и сравнительно широким выделенным дном. Переход от шейки к тулову обычно отмечен горизонтальной узкой выемкой. Средняя высота корчаг II типа 30-35 *см,* максимальный диаметр тулова 32-37 *см,* диаметр дна 9-13 *см* (рис. XVII: 3, 6).

Корчаги II типа также украшались пластическим декором и геометрическим узором, но

специфика в их орнаментации отсутствует. Среди пластического декора известны расположенные в верхней части плечиков гладкий или расчлененный налепной валик, а также симметрично находящиеся 4 петлевидных упора или ручки (рис. XVII: 6). Геометрическим узором украшалась верхняя часть тулова, иногда полоска орнамента имеется на середине высоты шейки (рис. XVII: 6).

III тип составляют корчаги с небольшим отогнутым наружу венчиком, край которого подрезан, укороченной вогнутой или усеченно конической шейкой, раздутым шаровидным туловом, подчеркнуто отделенным от выраженной усеченно конической придонной части, и небольшим дном. Максимальный диаметр тулова корчаг III

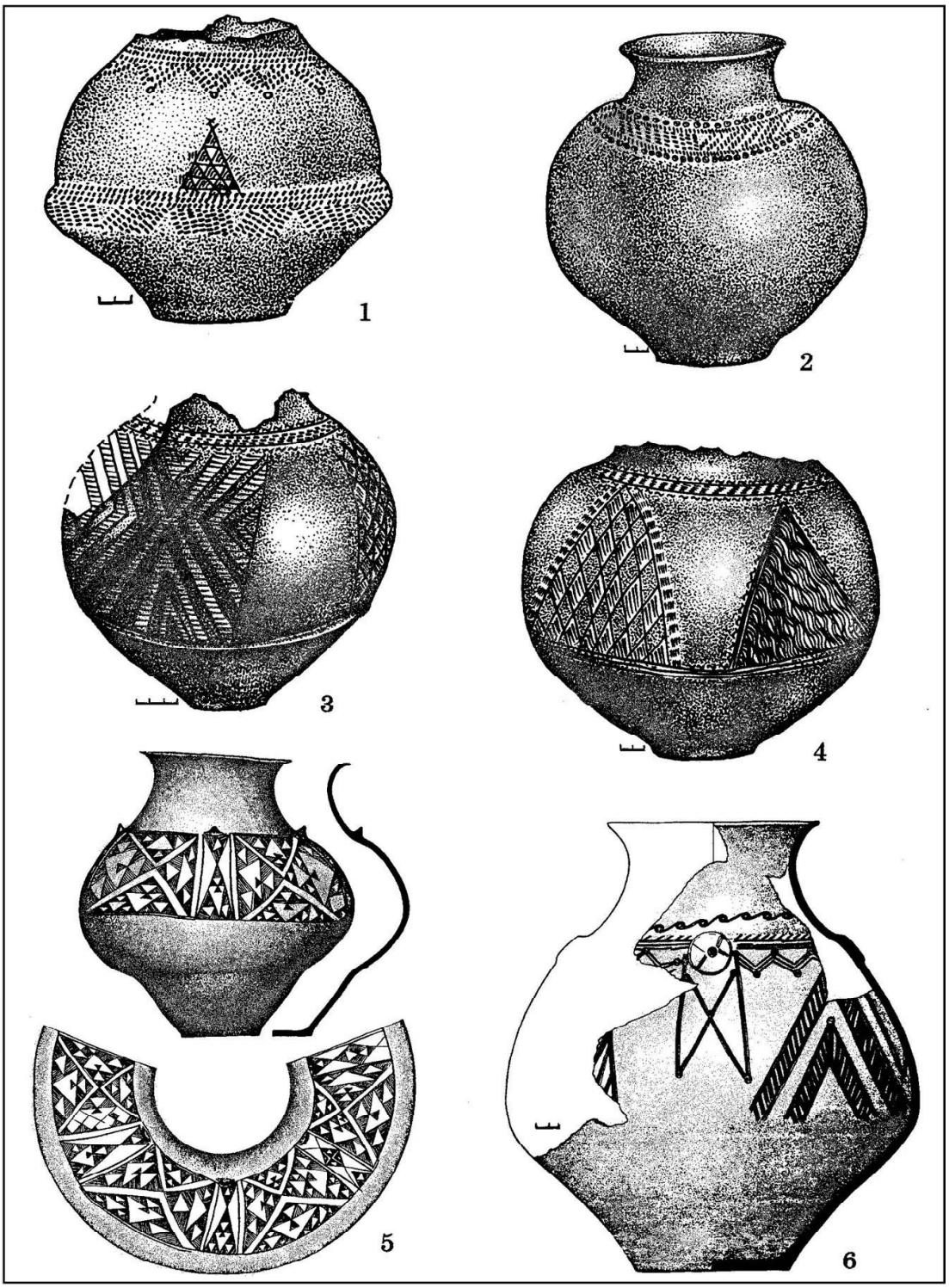


Рис. XVI. Корчаги I (1-4) и III (5, 6) типов культуры Козия-Сахарна. 1 — Сахарна Маре; 2-4 — Солончень-Хлиная; 5, 6 — Хлижень II-Ла Шанц.

типа может приходиться как на середину высоты, так и нижнюю часть. Средняя высота корчаг III типа 28-42 *см,* максимальный диаметр тулова 32-39 *см,* диаметр дна 7-11 *см* (рис. II: 10; XVI: 5, 6).

Корчаги III типа также украшались пластическим декором и геометрическим узором. Наиболее типичным приемом пластического декора является гладкий или расчлененный валик, обычно расположенный в месте перехода шейки в тулово, встречены также 4 симметрично расположенных подтреугольных или цилиндрических выступа (рис. XVI: 5, 6). В целом, пластический декор на корчагах III типа встречен гораздо реже по сравнению с сосудами I и II типов.

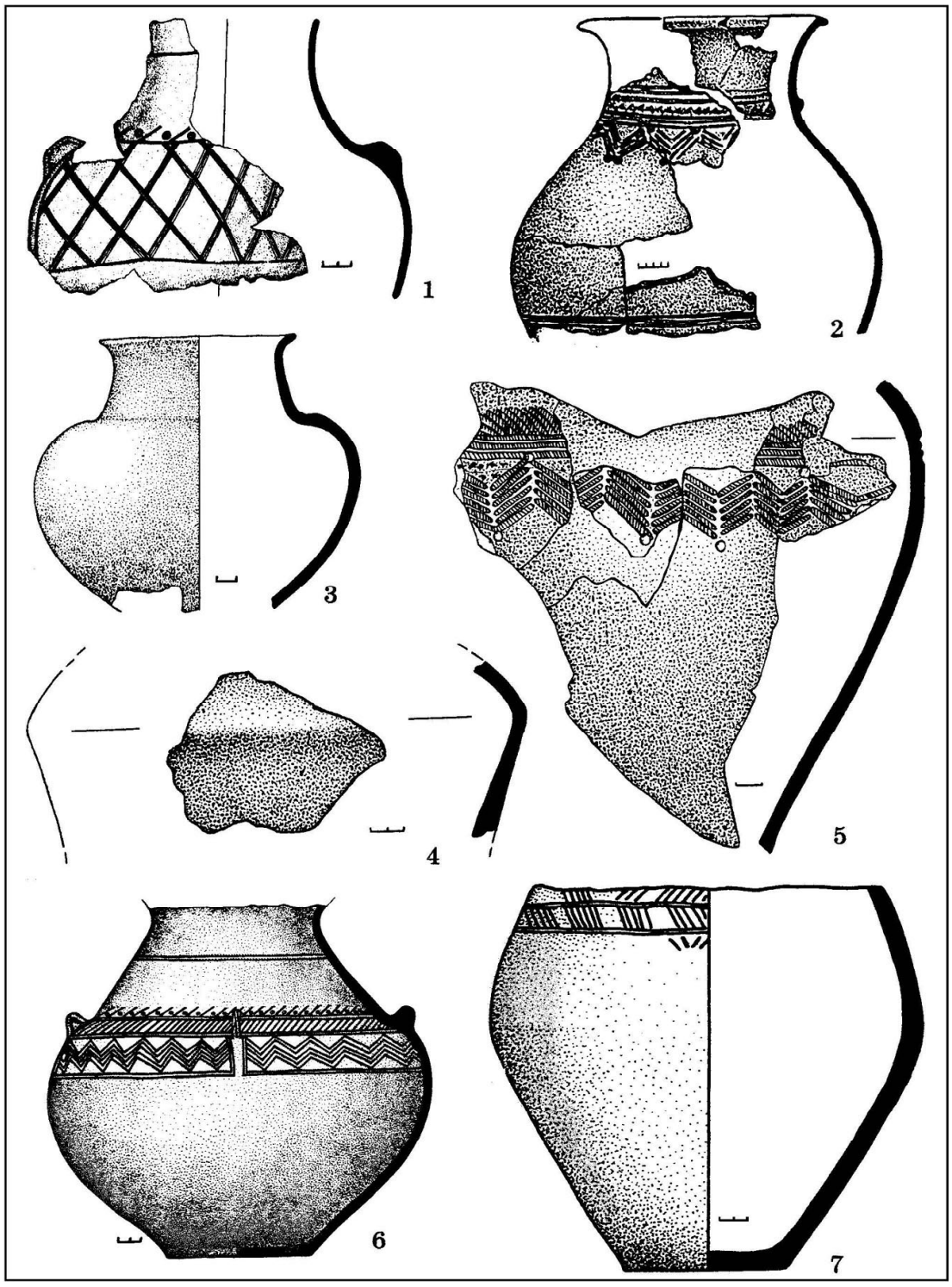


Рис. XVII. Корчаги II (3,6) и IV (1, 2, 4, 5, 7) типов культуры Козия-Сахарна. 1, 3, 6 — Хлижень II-Ла Шанц; 2 — Бутучень; 4, 5 — Покреака-Четэцуе; 7 — Солончень-Хлиная.

Корчаги III типа, преимущественно, украшены геометрическим резным и штампованным узором, расположенным в верхней и средней (реже, нижней) частях тулова (рис. II: 10; XVI: 5, 6). Даже на поздних образцах корчаг III типа отсутствует геометрический орнамент на отогнутом крае венчика и шейке.

Среди корчаг III типа, как и I типа, имеются подражания раннегальштатским «этажным» сосудам, когда подчеркнуто выделена придонная часть тулова (рис. XVI: 5).

Значительно меньшим числом представлены корчаги IV типа — с отогнутым наружу венчиком, край которого округлен или подрезан, сравнительно высокой конической или вогнутой шейкой, удлиненно овальным туловом и невыделенным дном (рис. XVII: 1, 2, 4, 5, 7). У части корчаг IV типа тулово в верхней части или по линии максимального диаметра имеет биконичность (рис. XVII: 4, 7).

Корчаги IV типа редко украшены пластическим декором и геометрическим узором. Из пластических видов декора наиболее распространен налепной гладкий или расчлененный валик, находящийся на шейке сосудов, известны также симметрично расположенные 4 подтреугольных или петлевидных выступа-упора (рис. XVII: 1, 2). В верхней части тулова корчаг IV типа, как и на сосудах других типов, мог находиться и неширокий поясок геометрического резного и штампованного узора (рис. XVII: 1, 2, 5, 7).

На статистически проанализированных поселениях культуры Козия-Сахарна выделяется в целом небольшая часть фрагментов корчаг с внешней черной лощеной поверхностью и внутренней — ярко-оранжевой, почти красной. Среди корчаг на бытовых местонахождениях такие фрагменты составляют от 0,8% (Солончень-Хлиная) до 7,4% (Хлижень II-Ла Шанц).

Из нетипичных видов пластического декора необходимо отметить четыре фрагмента корчаг со сдвоенными выступами: нижним подпрямоугольным плоским и верхним коническим (Сахарна-Валя Цыглэу, Матеуць-Ла башнэ и Хлижень II-Ла Шанц). Найденная в Хлижень II-Ла Шанц корчага II типа была снабжена симметрично расположенными 4-мя полуовальными выступами-упорами, выдавленными изнутри, а тулово ее было орнаментировано широкими косыми каннелюрами (Гольцева, Кашуба 1995: 21, табл. XXIV). На этом же памятнике обнаружены еще несколько фрагментов корчаг с выдавленными изнутри выступами-упорами (Гольцева, Кашуба 1995: 25).

К нетипичным видам геометрической орнаментации корчаг относятся фрагменты сосудов с поселений Солончень-Хлиная, Сахарна Маре, Сахарна I и Хлижень II-Ла Шанц, украшенные врезным узором, нанесенным четырех или пятизубым инструментом, а также рядами прямоугольно овальных вдавлений (рис. XLIX: 7, 8; LXXI: 4, 7; LXXXIII: 3, 9).

Черпаки составляют 31,4% среди столовой посуды. По характеру обработки поверхностей преобладают сосуды I и II категорий (наиболее высок процент черпаков с двусторонним красно-оранжевым лощением на раннем поселении Солончень-Хлиная), практически отсутствуют сосуды III и IV категорий. Геометрическим резным и штампованным узором украшено 27,4% черпаков. Выделяются четыре основных типа (рис. XVIII; XIX: 1-6).

К одному из ведущих I типу (44%) относятся глубокие черпаки S-овидного профиля с отогнутым наружу венчиком, край которого приострен или подрезан, сравнительно высокой цилиндрической шейкой и глубоким шаровидным туловом. Дно округлое, с умбоном диаметром 2,5-3 *см* или, реже, уплощенное. Черпаки снабжены петлевидной уплощенно овальной в сечении ручкой, которая на 2-2,5 *см* возвышается над краем венчика и всегда снабжена на перегибе гвоздевидным выступом-упором. Ручка соединяет край венчика и линию максимального диаметра тулова, где диаметрально противоположно ручке может находиться небольшой полуовальный выступ (рис. XVIII: 6). Средняя высота черпаков I типа составила 7 *см,* диаметр венчика (7,5-10 *см*) на 0,5-1,5 *см* меньше максимального диаметра тулова (8-11,5 *см*) (рис. XVIII: 1-10).

Черпаки I типа богато украшались геометрическим резным и штампованным узором, расположенным в верхней и средней частях тулова, а также на ручке выше края венчика (рис. XVIII: 1-10). На более поздних экземплярах геометрическим узором покрыто практически все тулово, а также имеется поясок орнамента и на шейке (рис. XVIII: 4, 6, 9).

Черпаки I типа представлены тремя вариантами, из которых вариант А составляют описанные выше типичные сосуды.

К варианту Б типа I относятся черпаки, S-овидный профиль которых подчеркнуто выражен: край венчика сильно оттянут наружу, выражены переходы от шейки к тулову и от плечиков к максимальному диаметру глубокого тулова, дно уплощенное (рис. XVIII: 4, 6).

К варианту В типа I относятся сосуды с уплощенным S-овидным профилем: коротким отогнутым наружу краем венчика, короткой цилиндрической шейкой, низким приземистым полушаровидным туловом и округло уплощенным дном (рис. XVIII: 3, 10). Черпаки этого варианта являются наиболее поздними экземплярами I типа за счет их подобия более поздним шолдэнештским экземплярам.

II тип (14,9%) составляют черпаки едва выраженного S-овидного профиля с коротким, слабо отогнутым наружу венчиком, край которого округлен или приострен, короткой цилиндрической или вогнутой шейкой и сравнительно глубоким шаровидным туловом. Дно округленное с умбоном или уплощенное. Сосуды II типа так-

же снабжены овальной или подпрямоугольной в сечении ручкой, которая на 1-1,5 *см* возвышается над краем венчика. Средняя высота черпаков II типа 4-5,5 *см,* диаметр венчика (6-7 *см*) также на 0,5-1 *см* меньше максимального диаметра тулова (7-8 *см*) (рис. XVIII: 15, 18, 21).

Черпаки II типа также украшены резным и штампованным геометрическим орнаментом (рис. XVIII: 15, 18, 21), но зафиксировано много и неорнаментированных сосудов (в этом отношении показательны материалы городища Сахарна Маре — Приложение 3.1.А).

К III типу (35,3%), также ведущему в культуре, относятся сосуды с плавно отогнутым наружу венчиком, край которого приострен, высокой вогнутой шейкой, вогнутыми плечиками и реб-

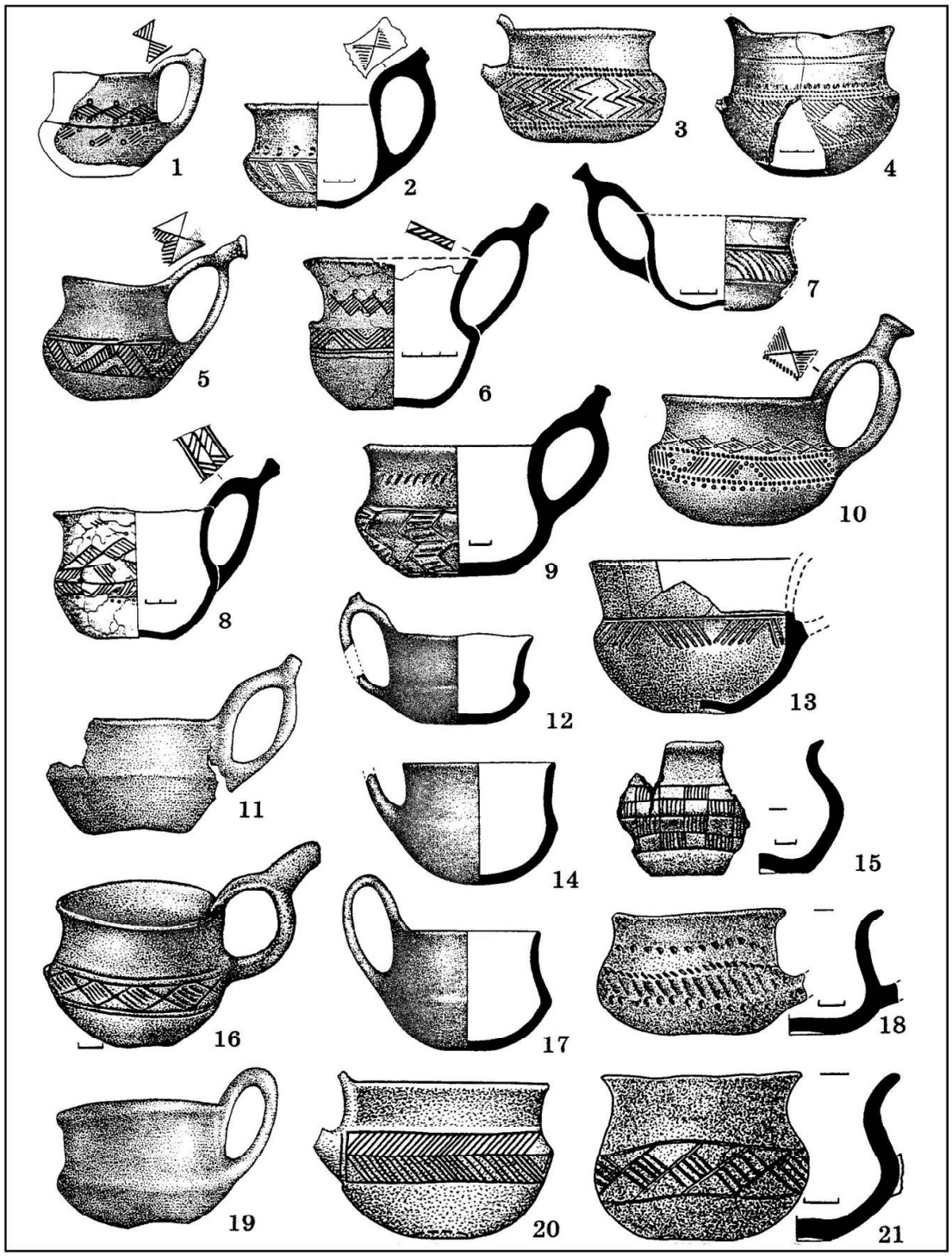


Рис. XVIII. Черпаки I (1-10), II (15, 18, 20) и III (11-14, 16, 17, 19, 20) типов культуры Козия-Сахарна. 1, 5 — Сахарнянский могильник II; 2, 4 — Алчедар III; 3, 11, 12, 14, 17, 19 — могильник Алчедар; 6-8, 10 — Сахарнянский могильник I; 9, 15, 18, 21 — Хлижень II-Ла Шанц; 13 — Климэуций Жос; 16, 20 — Солончень-Хлиная.

ром (по линии максимального диаметра) в месте перехода плечиков в полушаровидное туловo. Дно округлое с умбоном. Петлевидная плоская ручка на 2,5-3 *см* возвышается над краем венчика и соединяет его с ребром по линии максимального диаметра (рис. II: 4, 6; XVIII: 11-17, 19, 20). Ручка на месте перегиба снабжалась цилиндрическим выступом-упором, но чаще представлены сосуды с гладкими ручками (рис. XVIII: 17, 19). Средняя высота черпаков III типа составила 6-7 *см,* диаметр венчика (8-9 *см*) фактически равен максимальному диаметру тулова (8-9,2 *см*). Описанные сосуды составляют вариант А черпаков III типа.

Черпаки III типа гораздо реже украшены геометрическим резным и штампованным узором, значительное число таких сосудов не орнаментировано (рис. XVIII: 11, 12, 14, 17, 19). Приме-

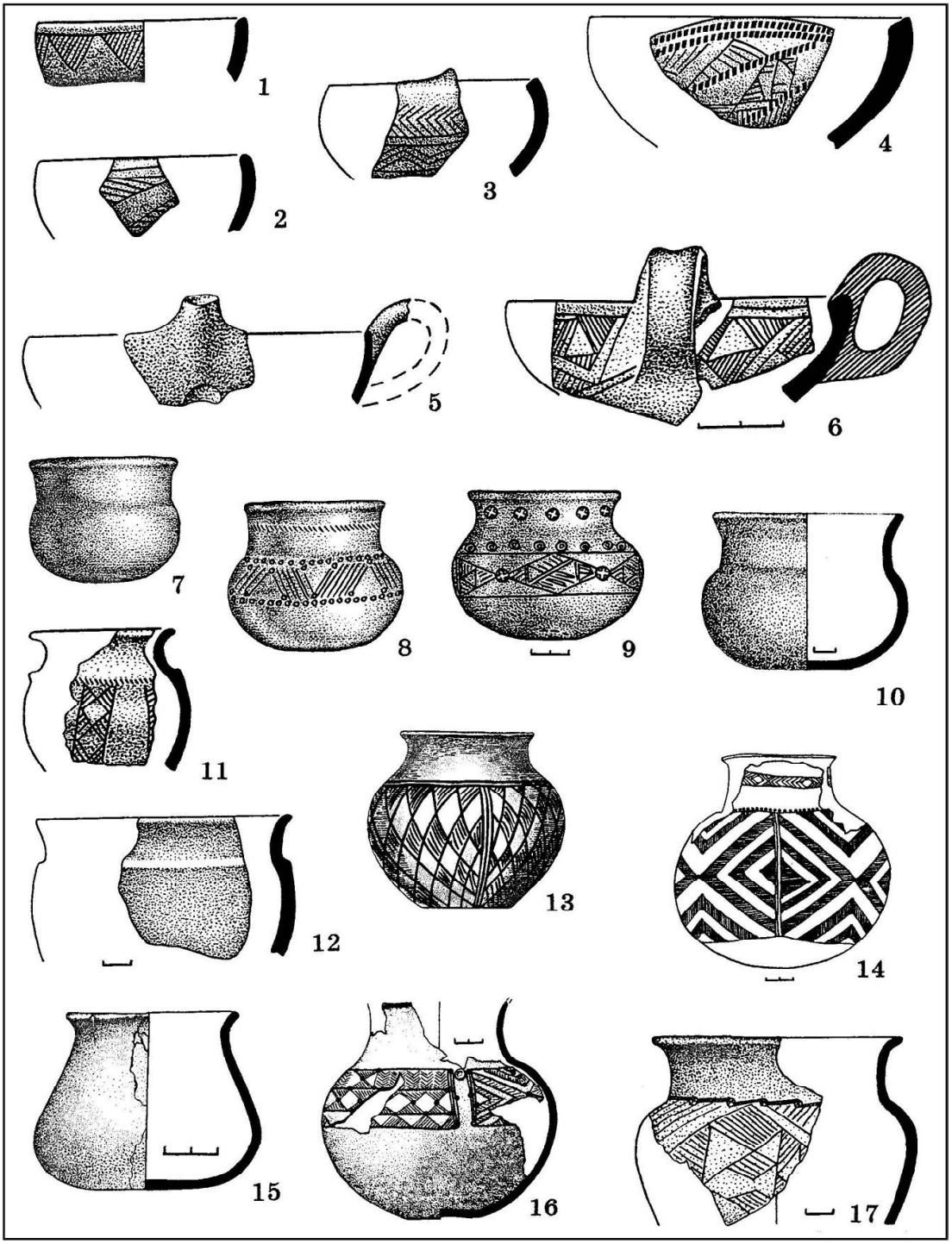


Рис. XIX. Черпаки IV (1-6) типа и кубки I (7-10, 13, 14, 16) и II (11, 12, 17) типов культуры Козия – Сахарна. 1-3 — Сахарна Маре; 4, 12 — Сахарна I; 5 — Козия; 6 — Алчедар III; 7-10, 15 — Сахарнянский могильнник I; 11 — Солончень-Хлиная; 13 — Сахарнянский могильник II; 14, 16, 17 — Хлижень II-Ла Шанц.

чательно, что на всех черпаках III типа на шейке и ручке отсутствует геометрический узор.

Вариант Б черпаков III типа представлен сравнительно высокими сосудами с высокой вогнутой шейкой, четко выраженным ребром по линии максимального диаметра и более глубоким шаровидным туловом (рис. II: 4, 6; XVIII: 14, 17, 20).

К варианту В черпаков III типа относятся более низкие сосуды со слегка отогнутым наружу приостренным венчиком, сравнительно высокой вогнутой или цилиндрической шейкой, короткими плечиками, валиком по линии максимального диаметра и сильно приземистым туловом (рис. XVIII: 12, 19).

IV тип черпаков (4,9%), хотя и малочисленный, был выделен по материалам поселения Алчедар III (Приложение 3.4). Это открытые не профилированные сосуды со слегка загнутым округлым или косо срезанным краем венчика и низким полусферическим туловом. Они снабжены большой петельчатой ручкой, в сечении овальной или подпрямоугольной. Выступ на перегибе ручки отсутствует. Черпаки IV типа низкие (сохранившаяся высота 3 *см*) с диаметром венчика 7-8 *см* (рис. XIX: 1-6).

Среди черпаков IV типа много неорнаментированных экземпляров, но часть их украшена геометрическим резным и штампованным узором, особенностью которого является его расположение по косой по отношению к краю венчика (рис. XIX: 2, 4, 6).

Черпаки IV типа, в целом, являются наиболее поздними среди столовых сосудов этой категории и характерны для сравнительно поздних поселений культуры Козия-Сахарна. Так, они полностью отсутствуют на раннем памятнике Солончень-Хлиная, а в Алчедар III, где они составляют 6,5%, такие сосуды обнаружены исключительно в комплексах второго периода бытования (Приложение 3.4).

Кубки. Из-за сильной фрагментированности невозможно подсчитать количество кубков среди столовой посуды, но, видимо, они составляли менее 10%. По характеру обработки поверхностей преобладают сосуды I категории, очень мало кубков II категории, отсутствуют сосуды III и IV категорий. По находкам целых экземпляров кубков в погребениях и на поселениях выделяются два основных типа (рис. XIX: 7-17).

I тип (вариант А) составляют сосуды S-овидного профиля со слегка отогнутым наружу венчиком, край которого округлен или приострен, выраженной цилиндрической шейкой и четко обозначенным переходом от шейки к шаровидному тулову. Дно округлое, нередко с умбоном, или слегка уплощенное. Средняя высота кубков I типа 7-10 *см,* диаметр венчика (7,5-8,5 *см*) на 1-2,5 *см* меньше максимального диаметра тулова (9-11 *см*). Имеются крупные экземпляры высотой до 15 *см,* диаметром венчика 10-11 *см* и максимальным диаметром тулова 17-18 *см* (рис. XIX: 7-10, 13, 14, 16).

Кубки I типа могут быть украшены геометрическим резным и штампованным узором, расположенным обычно в верхней и средней частях тулова (рис. XIX: 8, 9, 13, 14, 16). На более поздних экземплярах поясок узора имеется также в средней части шейки (рис. XIX: 8, 9, 14). Отдельные экземпляры кубков I типа снабжены также пластическим декором в виде симметрично расположенных двух подтреугольных или цилиндрических выступов (рис. XIX: 16).

Вариант Б кубков I типа составляют сосуды с более отогнутым краем венчика и короткой шейкой, высоким шаровидным туловом и сравнительно большим плоским дном (рис. XIX: 13).

Вариант В кубков I типа представлен сосудами с более отогнутым краем венчика, короткой шейкой и сглаженным плавным переходом от шейки к уплощенному шаровидному тулову. Дно округленное с умбоном (рис. XIX: 9). Сосуды этого варианта составляют наиболее поздние экземпляры среди кубков I типа.

Ко II типу относятся кубки с коротким отогнутым наружу венчиком, край которого округлен, короткой цилиндрической или вогнутой шейкой, ребром или валиком в месте перехода шейки в удлиненное яйцевидное тулово. Сохранившаяся высота кубков II типа до 10 *см,* диаметр венчика (11-13 *см*) на 1,5-2 *см* меньше максимального диаметра тулова (15 *см*) (рис. XIX: 11, 12, 17).

Кубки II типа могут быть украшены геометрическим резным и штампованным узором, покрывающим тулово (рис. XIX: 11, 17).

От двух вышеописанных типов кубков отличается неорнаментированный экземпляр с коротким отогнутым наружу венчиком, край которого округлен, невыраженной шейкой, длинными плечиками и грушевидным туловом, максимальный диаметр которого приходится на придонную часть. Дно уплощенное. Высота сосуда 6,6 *см,* диаметр венчика 6,2 *см,* диаметр тулова 8,5 *см* (рис. XIX: 15).

Миски составляют 13,7% столовой посуды. По характеру обработки поверхностей преобладают сосуды IV категории, очень мало мисок I и II категорий, отсутствуют сосуды III категории. На основе профилировки края в сочетании с формой и орнаментацией выделяются три основных типа мисок: с косо срезанным краем, загнутым внутрь краем и прямо срезанным краем (рис. XX).

Абсолютное большинство (68%) составляют сосуды I типа — это широко открытые миски усеченно конической (гораздо реже полусферической) формы с косо срезанным краем и плоским небольшим дном, иногда с плитчатым поддоном. Край мисок I типа может быть в сечении подтреугольным. К I типу относятся как небольшие мисочки с шириной края 0,6-1 *см,* так и сравнительно большие сосуды с шириной края 2-2,5 *см.* Диаметр устья мисок I типа от 20-22 до 40-

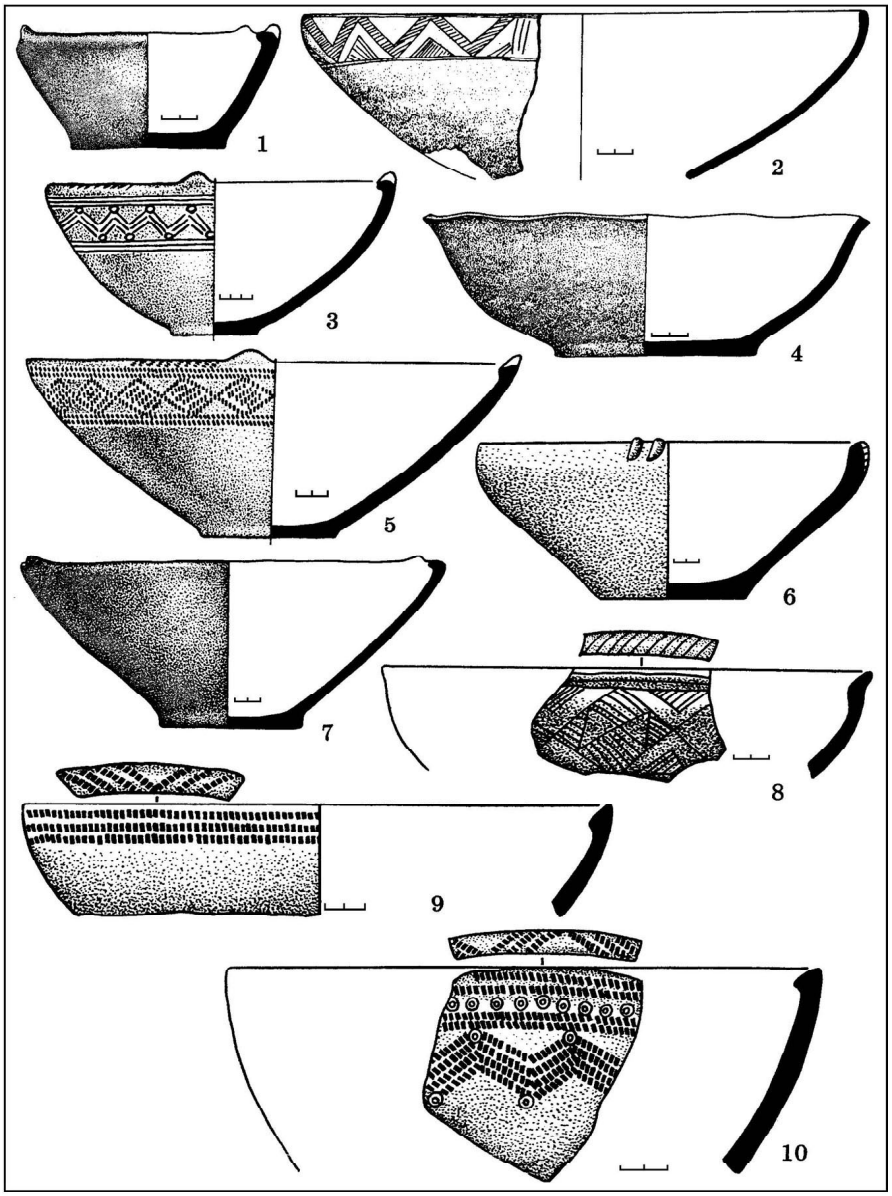


Рис. XX. Миски I (5, 6, 8-10), II (1-3, 7) и III (4) типов культуры Козия-Сахарна. 1— Сахарнянский могильник I; 2, 8 — Хлижень II-Ла Шанц; 3, 5, 6 — Солончень-Хлиная; 9 —Сахарна Маре; 10 — Хородиште.

46 *см,* высота 8-16 *см,* диаметр дна 8-12 *см* (рис. II: 8; XX: 5, 6, 8-10).

Среди мисок I типа имеются усеченно конические сосуды с небольшим бортиком, образующем округлое горизонтальное ребро в месте перехода тулова в устье (рис. XX: 6).

Почти половина мисок I типа (51,6%) орнаментирована, при этом на ранних памятниках последние представлены большим количеством (Солончень-Хлиная — 56,8%) по сравнению с более поздними поселениями (Алчедар III — 32,7%). Хотя не исключено, что количество орнаментированных сосудов этого вида не является хронологическим показателем. Так, наибольшее число орнаментированных мисок (67,5%) зафиксировано на городище Сахарна Маре (Приложение 3.1.А). Геометрический резной и штампованный узор располагался по кромке и под краем с внешней стороны (рис. II: 8; XX: 5, 8-10).

На мисках I типа известен и пластический декор в виде симметрично расположенных по краю двух, четырех или шести небольших полуокруглых горизонтальных (или лопастевидных) выступов, в редких случаях известны парные выступы-налепы; несколько экземпляров были снабжены симметрично расположенными одиночными или двойными короткими вертикальными валиками (рис. II: 8; XX: 5, 6), которые могут быть лопастевидными (рис. II: 8). Известны также несколько мисок с небольшой петлевидной ручкой (рис. CIX: 8).

Количество мисок I типа с пластическим декором на поселениях различно и не является хронологическим показателем. Так, на памятниках Солончень-Хлиная и Алчедар III они составили около 5%, в Матеуць-Ла башнэ — 1,7%, а на городище Сахарна Маре и поселениях его округи (Сахарна I) — 13-13,6% (Приложение III).

Ко II типу (26,6%) относятся широко откры-

тые миски полусферической (реже, усеченно конической) формы с закругленным и загнутым внутрь краем. Сам край приострен или подрезан. Дно небольшое, с плитчатым поддоном. Диаметр устья мисок II типа составляет в среднем 22-28 *см,* высота 10,5-11,5 *см,* диаметр дна 7,5-11,5 *см* (рис. II: 7; XX: 2, 3, 7).

Количество мисок II типа на памятниках различно: от 38,1% на раннем поселении Солончень-Хлиная до 21,7% и 26,8% на поселениях Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III, самым меньшим числом такие сосуды представлены в Сахарна Маре (Приложение III).

Еще больший разброс наблюдается в количестве орнаментированных среди мисок II типа. Так, на раннем поселении Солончень-Хлиная такие сосуды фактически отсутствуют (всего несколько фрагментов и один целый экземпляр), на поселениях Алчедар III и Сахарна Маре они составили 6,8% и 4%; значительно больше их в Хлижень II-Ла Шанц — 18%. Исключение составляет поселение Матеуць-Ла башнэ, где найдено 41,4% орнаментированных мисок II типа (Приложение III). Геометрический резной и штампованный узор располагался под краем с внешней стороны и, реже, по кромке (рис. II: 7; XX: 2, 3).

Пластический декор на мисках II типа встречен гораздо реже. Это лопастевидные одинарные выступы по краю, симметрично расположенные (рис. XX: 3, 7), и в нескольких случаях — двойные короткие вертикальные валики. Всего на шести мисках II типа отмечено сочетание геометрического узора и пластического декора (рис. XX: 3).

Известны нетипичные виды орнаментации мисок II типа: фрагмент с крупным сегментовидным выступом-упором, с двух сторон которого нанесены парные оттиски кольчатого штампа, обнаруженный на поселении Сахарна I (рис. XLIX: 14); фрагмент дна с городища Сахарна Маре с концентрическими пролощенными каннелюрами по внутренней поверхности, а также пять фрагментов с поселений Сахарна I, Матеуць-Ла башнэ и Хлижень II-Ла Шанц с параллельными горизонтальными каннелюрами под краем с внешней стороны (Приложение III).

III тип мисок очень малочисленный, их количество на разных поселениях сильно варьирует. Это сосуды усеченно конической или полусферической формы, с небольшим вертикальным бортиком и ровно срезанным краем. Дно с плитчатым поддоном. Целые экземпляры мисок III типа имели средний диаметр устья 14-26 *см,* высоту до 7,5-8 *см* и диаметр дна 10,5-11,5 *см* (рис. XX: 4).

Миски III типа полностью отсутствуют на раннем поселении Солончень-Хлиная и практически не известны в Сахарна Маре (0,8%), на поселении Алчедар III они составили 2,3%. Исключением является поселение Матеуць-Ла башнэ, где найдено 13,9% мисок III типа (Приложение III).

Миски III типа, как правило, не орнаментированы, исключение составляют Хлижень II-Ла Шанц (2%) и Матеуць-Ла башнэ (43%) (Приложение 3.3). Найденная в Хлижень II-Ла Шанц миска III типа была украшена нетипичным видом геометрического узора — вытянутыми каплевидными наколами (Гольцева, Кашуба 1995: табл. LXI: 4).

Мисковидные и чашевидные сосуды на памятниках культуры найдены в неодинаковых количествах. По характеру обработки поверхностей преобладают сосуды IV категории, также высок процент сосудов II категории, отсутствуют сосуды I и III категорий.

Мисковидные сосуды глубокие, с отогнутым наружу широким венчиком, край которого округлен или ровно срезан, относительно высоким вертикальным бортиком с округлым горизонтальным ребром в месте перехода в усеченно коническое (реже полусферическое) тулово. Дно небольшое, зачастую с закраиной. Целые мисковидные сосуды имели высоту 16-31,5 *см,* диаметр венчика 36 *см,* максимальный диаметр тулова до 39,5 *см* и диаметр дна 12-12,5 *см* (рис. XXI: 1-9).

Для мисковидных сосудов характерно сочетание пластического декора и геометрического узора на каждом экземпляре. По их плечикам симметрично располагались 2-4 двойных или тройных вертикальных коротких налепных валика, гладких или расчлененных косыми насечками (рис. XXI: 5, 8, 9). Часть сосудов снабжена симметрично расположенными по плечикам двумя небольшими петлевидными ручками, гладкими или орнаментированными (рис. XXI: 2, 7). Мисковидные сосуды в верхней и средней частях тулова всегда богато украшены сочетанием резного и штампованного или только штампованным геометрическим узором (рис. XXI: 1-3, 5, 7-9).

Число мисковидных сосудов на памятниках различно: от 0,2% в Солончень-Хлиная и 0,8% в Алчедар III до 1,5% в Сахарна Маре (Приложение III). Но наибольшее количество таких сосудов зафиксировано в Хлижень II-Ла Шанц, что связано с культовых характером этого памятника (Гольцева, Кашуба 1995: 23). Мисковидные сосуды найдены и в курганных погребениях культуры Козия-Сахарна (Приложение 2.1).

В Хлижень II-Ла Шанц был найден мисковидный сосуд, геометрический узор на котором более характерен для последующей среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть (рис. XXXVIII: 15). Другой нетипичный мисковидный сосуд обнаружен в комплексах второго периода бытования поселения Алчедар III — он выделяется морфологическими признаками, не орнаментирован и изготовлен по «чернолесской» технологии (рис. XXI: 6).

Среди столовой посуды культуры Козия-Сахарна могли присутствовать и чашевидные сосуды, но целых их форм пока не обнаружено.

Это, возможно, сравнительно высокие сосуды с выраженной высокой вогнутой шейкой и шаровидные туловом, снабженные симметрично расположенными по линии максимального диаметра двумя петлевидными ручками и украшенные в средней части тулова геометрическим узором (рис. XXI: 4).

* * *

По материалам памятника Хлижень II-Ла Шанц я уже отмечала, что основные приемы и мотивы орнаментации и рисунок узора практически одинаковы для всех пяти разновидностей

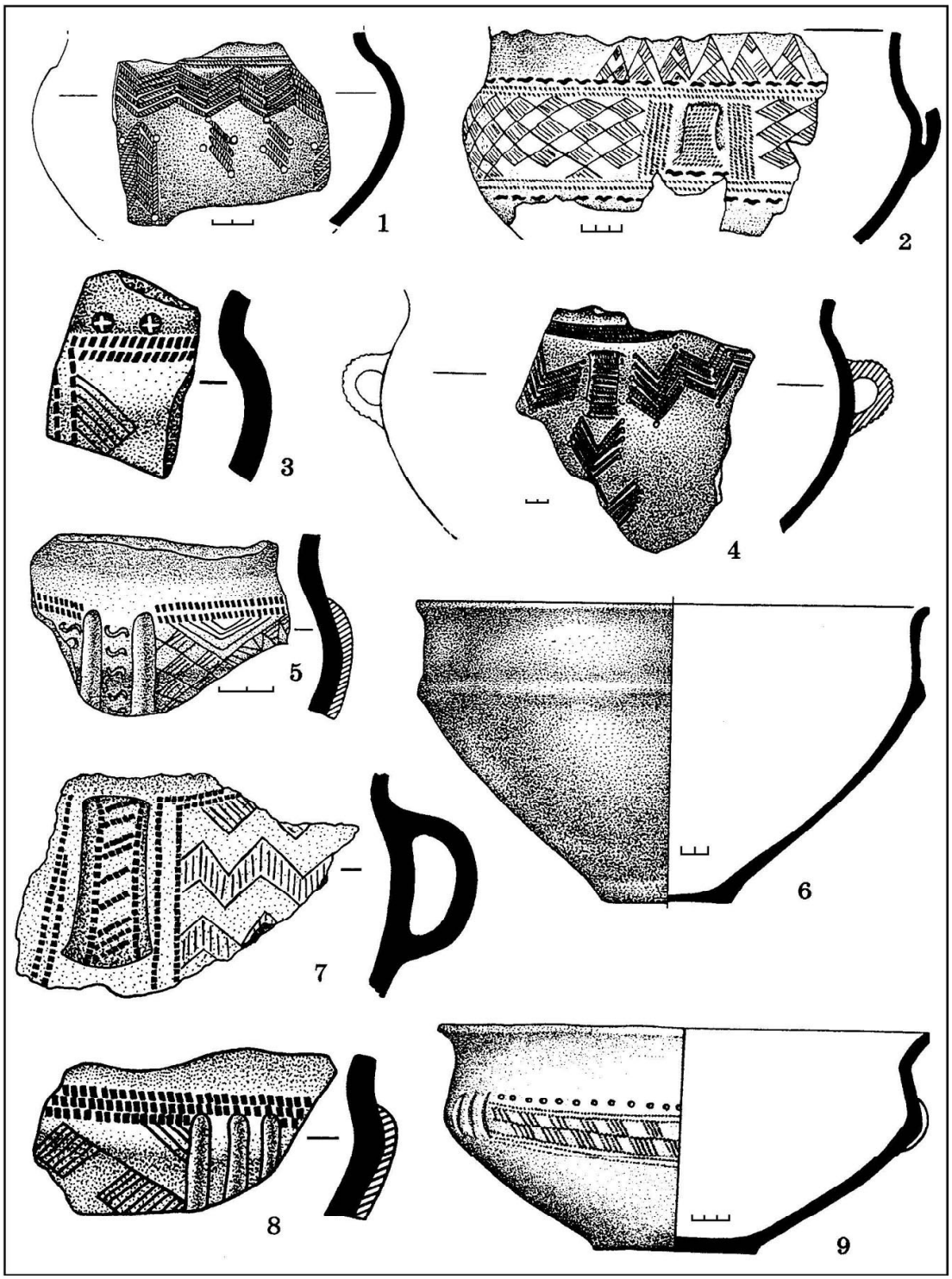


Рис. XXI. Мисковидные (2, 3, 5-9) и чашевидные (1, 4) сосуды культуры Козия-Сахарна. 1; 4 — Покреака-Четэцуе; 2 — Сахарнянский могильник II; 3, 5 — Матеуць-Ла башнэ; 7-Хлижень II-Ла Шанц; 8 — Солончень-Хлиная; 9 — Сахарнянский могильник I.

столовой посуды культуры (Гольцева, Кашуба 1995: 23, 24; Kašuba 1998a: 68). Это позволяет совокупно рассмотреть основные мотивы орнаментации столовой керамики вне зависимости от категорий и типов посуды, которая украшалась таким узором. Сопоставление полученной тенденции развития геометрического узора с основными формами сосудов даст возможность наметить ранние и поздние типы столовой посуды культуры Козия-Сахарна.

Рассматривая отдельно основные мотивы узора столовой посуды типа Козия-Сахарна, я руководствуюсь следующим. Это установленная С.Моринцем стратиграфия городища Бабадаг в Добрудже (культура Бабадаг вместе с Козией-Сахарной, в том числе, составляют орнаментированный гальштат Балкано-Подунавья) с тремя последовательными хронологическими слоями XI-VIII (VII) вв. до н.э., когда для ранних комплексов характерна, преимущественно, резная орнаментация, а для более поздних — штампованная (Morintz 1964: 110, 114-116; он же 1987: 52-68). Из ранних мотивов орнаментации фазы Бабадаг I С.Моринц особо выделил «касательные к окружностям» в резной технике, который широко распространился в следующей фазе Бабадаг II, но уже выполняемый штампом (Morintz 1987: 52). Основываясь на этих стратиграфических данных, А.И.Мелюкова в группе Сахарна выделила ранние памятники (Цахнэуць), на которых преобладает столовая посуда с резной орнаментацией и имеется пласт керамики с прочерченным узором (Мелюкова 1982: 7, 11, 12). Такой подход был поддержан В.П.Ванчуговым (Ванчугов 1993: 28-39), а подсчет удельного веса посуды с прочерченным и пролощенным узором был применен мною при анализе керамической коллекции Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 23, 24).

Другие ранние мотивы орнаментации столовой посуды культуры Козия-Сахарна выделяются по аналогиям с узором субстратных для нее раннегальштатских комплексов с прочерченным орнаментом Тэмэоань-Холеркань-Балта (László 1986: 65-91; Ванчугов 1983: 88-101; он же 1993: 28-39; Levițki 1994a: 219-256). Это группы (пучки) параллельных косых линий, образующих горизонтальный поясок или чередующихся под углом друг к другу, а также косо заштрихованные горизонтальные ленты. На этих мотивах я также акцентировала внимание при анализе материалов Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 23, 24; Kašuba 1998a: 68).

Важными являются выявленные в Хлижень II-Ла Шанц поздние смешанные сахарнянско-шолдэнешсткие комплексы, давшие переходные формы и мотивы орнаментации столовой посуды (Гольцева, Кашуба 1995: 36, 37; Kašuba 1998a: 88, 95, taf. III), а также стратиграфические наблюдения на поселениях Солончень-Хлиная, Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III, позволившие выделить ранние и поздние комплексы с характерной посудой (рис. XXXV-XXXVIII). Существенны данные, полученные при анализе раннего поселения Солончень-Хлиная, где типичные формы и орнаментация типа Холеркань позволяют начало горизонта Сахарна этого памятника помещать во вторую половину X в. до н.э. (Приложение 3.2). Особую значимость имеют и материалы поселения Алчедар III с двумя периодами бытования древностей типа Сахарна в пределах IX-первой половины VIII вв. до н.э., которым соответствуют определенные типы посуды и виды орнаментации (Приложение 3.4).

Выводы о тенденции развития орнаментации столовой посуды типа Козия-Сахарна (рис. XXII; XXIII) основываются именно на вышеизложенных стратиграфических данных. Сравнение же основных мотивов орнаментации культуры Козия-Сахарна с геометрическим рисунком на столовой посуде родственных групп орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (Пшеничево-Бабадаг-Инсула Банулуй) позволяют провести как существующие разработки по этим отдельным культурным группам, так и капитальный труд Б.Хенселя, содержащий многочисленные сводные таблицы (Morintz 1964: 101-118; он же 1987: 39-71; Morintz, Roman 1969: 393-422; Gotzev 1994: 106-108, tabl. I-IV; Hänsel 1976: 122-164, Taf.44-49, 51-54, 70-74, VI, VIII, X, XI, XV). Здесь необходимо уточнить, что в рамках культуры Козия-Сахарна все мои выводы в большей степени касаются восточного варианта Сахарна, для которого в моем распоряжении имеются данные статистической обработки керамических коллекций местонахождений. Что касается западного варианта Козия, то его материалы привлекаются в самом общем виде, хотя А.Ласло выделил 53 типа и варианта орнамента и аксессуаров для столовой посуды Козии (László 1985: 6-9).

Геометрический резной и штампованный узор на столовой посуде культуры Козия-Сахарна является углубленным и инкрустированным, когда абсолютное большинство орнаментальных линий затерто белой пастой (куски меловой породы найдены практически на всех раскопанных поселениях культуры). В результате инкрустации узор становился плоскостным и «нарисованным». Последнее в сочетании с преимущественно черной лощеной поверхностью делало столовую посуду культуры Козия-Сахарна «нарядной» и придавало ей парадный вид.

Геометрическим узором орнаментирована одна треть (30,6%) столовой посуды культуры Козия-Сахарна. На ранних памятниках много резного узора, а также сочетания резного и штампованного узора, и в меньшей степени представлен чисто штампованный орнамент (Солончень-Хлиная, соответственно, 41,2%, 19,4% и 23, 4%). На раннем поселении Солончень-Хлиная значительным числом также представлен прочерченный и пролощенный узор —

16,2%, что является наибольшим показателем среди остальных местонахождений этой культуры. От ранних к поздним поселениям, наряду с наличием резного узора, нарастает доля штампованного орнамента: Матеуць-Ла Башнэ — 44,3% и 33,9%; Сахарна Маре — 45,5% и 39,4%; Хлижень II-Ла Шанц — 38,8% и 29%; Алчедар III — 47% и 29,8%. При этом на более поздних местонахождениях прочерченный и пролощенный узор фактически отсутствует, как, например, в Алчедар III — 0,6%.

Практически все виды узора заключены в горизонтальные пояса, которые на столовой посуде ранних памятников, преимущественно, однорядные и открытые (ограниченные только с одной из сторон — сверху или снизу), а на керамике более поздних местонахождений — многорядные и замкнутые, ограниченные с двух сторон несколькими резными линиями или полосами из оттисков зубчатого штампа (рис. XXII).

В основе композиции орнаментального пояса может лежать ленточное построение узора, когда его отдельные элементы расположены друг за другом (от края до края), образуя горизонтальные или вертикальные полосы и ритмически повторяясь, или условно названное мною «розеточное» (или центрическое) построение, при котором элементы орнамента соотносятся с выделенным центром. Отмечу, что мотивы (элементы узора) описываются здесь в чистом виде, но нередко на одном сосуде сочетаются несколько разных мотивов. На посуде ранних памятников преобладает ленточный узор (в Солочень-Хлиная его в 2,5-3 раза больше), на керамике более развитых — соотношение лен-

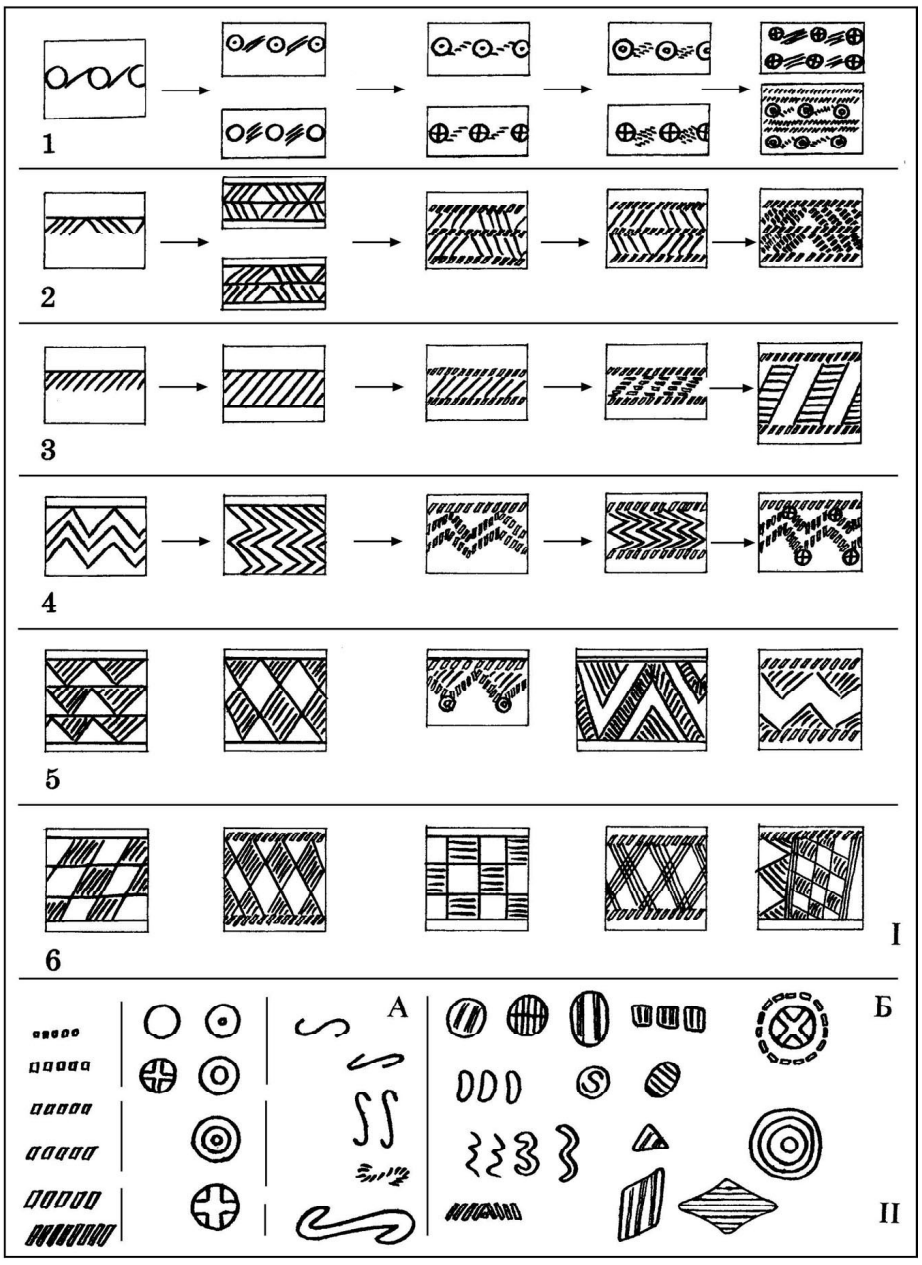


Рис.XXII. Мотивы ленточного построения геометрического узора (I. 1-6) и виды штампов (II.А-Б) на столовой посуде культуры Козия-Сахарна.

точного и «розеточного» узоров равное (Сахарна Маре), но на сосудах поздних местонахождений «розеточный» узор весомо преобладает (Алчедар III).

Мотив «касательные к окружностям» на столовой посуде культуры известен, но представлен не широко (рис. XXII: I.1). Так, на раннем поселении Солочень-Хлиная он составляет 0,3% (в резной технике), в Сахарна Маре — 2% (штампованная техника), Матеуць-Ла башнэ — 1,2% (штампованная техника и многорядность), Хлижень II-Ла Шанц — 2% (смешанная техника), Алчедар III — 1% (штампованная техника и многорядность).

Другой ранний мотив — группы или пучки параллельных косых линий — на раннем памятнике Солончень-Хлиная широко представлен в резной технике, ряды при этом одинарные. Впоследствии этот мотив усложняется, появляется многорядность и преобладает штампованная техника (рис. XXII: I.2). Косо заштрихованные горизонтальные ленты также сначала открытые и резные, затем — закрытые и штампованные (рис. XXII: I.3).

Из мотивов ленточного построения орнамента на столовой посуде культуры Козия-Сахарна характерны:

- ломаная горизонтальная (одинарная или многорядная) или, реже, вертикальная линия. На ранних поселениях она выполнена в резной технике, на более поздних — в штампованной в сочетании с кольчатым штампом в углах (рис. XXII: I.4). Последнее — популярный мотив на поселениях западного варианта Козия (рис. LI: 11, 18, 19; LII: 6, 7, 13, 14; LIII: 10; LV: 2, 3, 7-9; LVI: 12, 13);

- заштрихованные свисающие треугольники и различные их комбинации. На ранних поселениях они выполнены в резной технике, на поздних — в смешанной или штампованной, в сочетании с кольчатым или S-овидным штампами в вершинах. Более поздним развитием этого мотива являются заключенные в горизонтальные ряды, направленные вершинами друг к другу прямоугольные треугольники, между которыми посередине остается не заштрихованная ломанная линия (рис. XXII: I.5). Последнее является уже типичным мотивом среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть;

- заштрихованные прямоугольники, паралле-

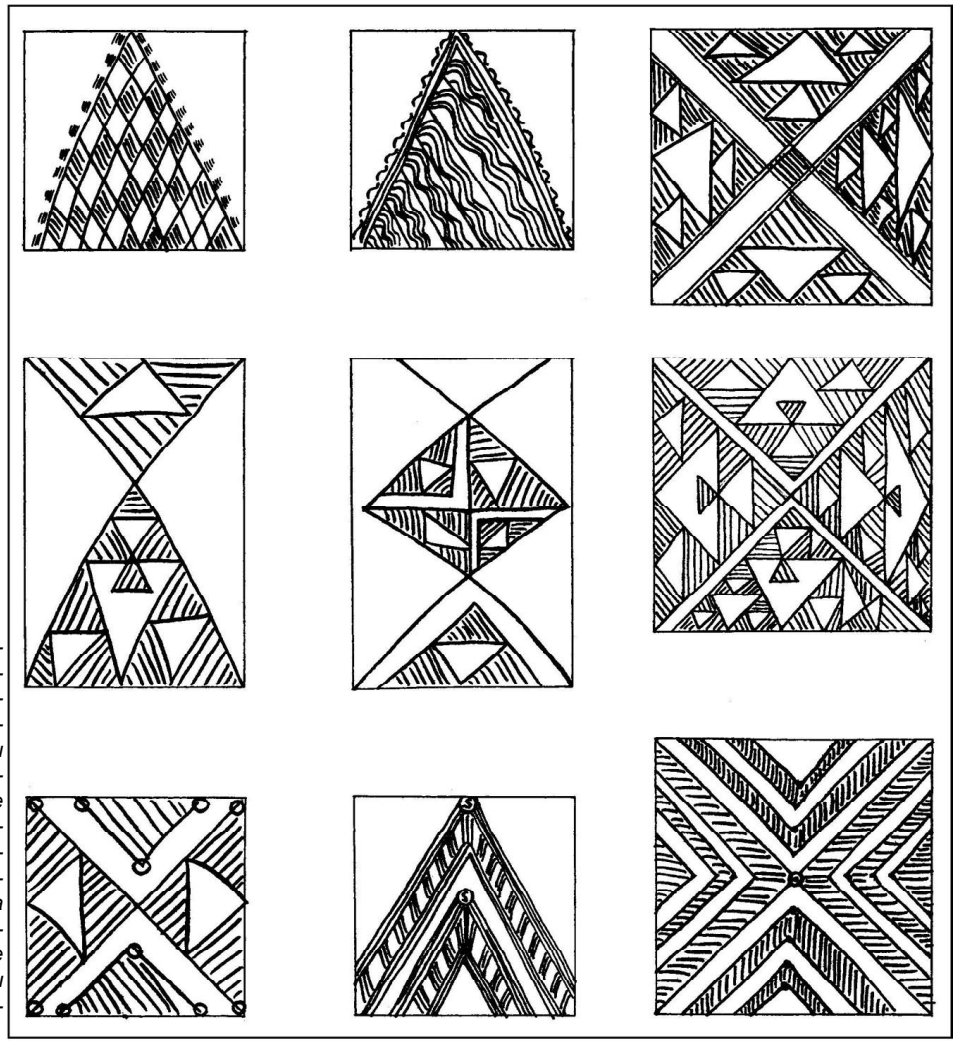


Рис. XXIII. Мотивы «розеточного» построения и четырехзональные композиции геометрического узора на столовой посуде культуры Козия-Сахарна.

лограммы и ромбы (горизонтальные и вертикальные), образующие, зачастую, шахматку на поверхности сосудов. Ранние — в резной технике, более поздние — в смешанной или штампованной, в сочетании с различными штампами (рис. XXII: I.6).

Вышеперечисленные мотивы ленточного построения узора являются общими (рис. XL: I.1-3) для всех культурных групп орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (Hänsel 1976: taf. VI, VIII, XI, XV). Но в орнаментации столовой посуды культуры Козия-Сахарна имеются специфические мотивы, характерные исключительно для керамики этой культуры. К таковым относятся практически все мотивы «розеточного» построения, которые наряду с четырехзональностью самого орнаментального пояска составляют особенность узора типа Козия-Сахарна среди других групп орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (рис. XXIII; XL: I.1-3). Здесь необходимо уточнить, что А.Ласло и для Козии отметил специфические типы орнаментации (László 1985: 6-9).

Из специфических мотивов «розеточного» построения орнамента на столовой посуде культуры Козия-Сахарна характерны:

- свисающие, вписанные друг в друга углы, образованные чередованием заштрихованных и гладких лент;

- большие треугольники, разделенные на четыре-восемь малых треугольников таким образом, что центральный треугольник остается не заштрихованным. При этом могла применяться перпендикулярная штриховка находящихся рядом элементов узора;

- разнообразные варианты компоновки узора от центра, с применением различных комбинаций с большими и малыми треугольниками, гладкими и заштрихованными косыми лентами, шахматкой, ломанными линиями (рис. XXIII).

В орнаментации столовой посуды культуры Козия-Сахарна широко применялись различные штампы. К числу наиболее распространенных относятся: зубчатый (мелкий, средний и крупный), кольчатый (одинарный, двойной, тройной, с крестом, с точкой) и S-овидный (горизонтальный или вертикальный, простой, из зубчатых оттисков) (рис. XXII: II.А).

К менее распространенным штампам, которые характерны для местонахождений других волн миграций (по сравнению с первой или первыми) со Среднего Дуная, а также более поздних поселений, относятся: сегментовидный, V- и W-образные (горизонтальные и вертикальные), продольно или поперечно заштрихованный овал, продольно или поперечно заштрихованные прямоугольник или параллелограмм, заштрихованный треугольник (рис. XXII: II.Б).

Как особенность поселений Солончень-Хлиная и Сахарна Маре можно отметить малочисленность (в Сахарна Маре фактическое отсутствие) S-овидного и кольчатого с крестом штампов, а также отсутствие менее распространенных штампов, характерных для более поздних этапов или других волн миграций со Среднего Дуная (Приложения 3.1.А и 3.2). К излюбленным штампам памятников западного варианта Козия Запрутской Молдовы принадлежат простой кольчатый и кольчатый с крестом (рис. LI: 17, 18; LII: 6, 7, 13, 14; LIII: 2-4, 10; LIV: 14, 15; LV: 2-4, 9; LVI: 11-13).

Таким образом, тенденция развития геометрического узора на столовой посуде культуры Козия-Сахарна второй половины X-первой половины VIII вв. до н.э. заключается в следующем. От однорядных ленточных композиций (с открытым орнаментальным пояском, покрывающим верхнюю часть тулова), выполненных в резной технике (с весомым количеством пролощенного и прочерченного узора), к многорядным и усложненным ленточным, а также розеточным четырехзональным композициям (с закрытым орнаментальным пояском, покрывающим часть шейки и практически все тулово), выполненным в смешанной и штампованной технике с применением многообразных штампов. В розеточных четырехзональных композициях большие элементы узора, как правило, разделены на средние и мелкие, которые, в свою очередь, густо заштрихованы. Насыщенность покрытия узором поверхности сосудов от раннего к позднему этапам многократно усиливается (рис. XXII; XXIII).

Сопоставление выявленной тенденции с основными типами столовых сосудов позволяет к числу сравнительно ранних относить: корчаги I-IV типов с однорядным или многорядным ленточным узором, выполненным, преимущественно, в резной технике; черпаки I типа варианта А и, особенно, черпаки III типа всех вариантов (А-В), украшенных пучками косых параллельных линий, выполненных в резной или пролощенной технике; неорнаментированные миски I и II типа, а также миски I типа с резным узором по кромке или под краем с внешней стороны.

К относительно поздним типам, в свою очередь, принадлежат: корчаги I-IV типов, пышно орнаментированные, с преобладанием «розеточного» четырехзонального узора и орнаментацией отогнутого края венчика; орнаментированные черпаки I типа варианта В и IV типа; кубки I типа варианта В; богато украшенные миски I и II типов, а также миски III типа; мисковидные и чашевидные сосуды. Необходимо отметить, что черпаки I типа варианта В морфологически близки более поздним шолдэнештским экземплярам, и являются переходной формой. Последнее подтверждают такие сосуды в Хлижень II-Ла Шанц, которые по форме и орнаментации типичны уже для среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть, но снабжены высокой ручкой с выступом-упором на перегибе — прием, характерный еще для культуры Козия-Сахарна (рис. XXXVIII: 1, 2).

Ранние и сравнительно поздние типы столо-

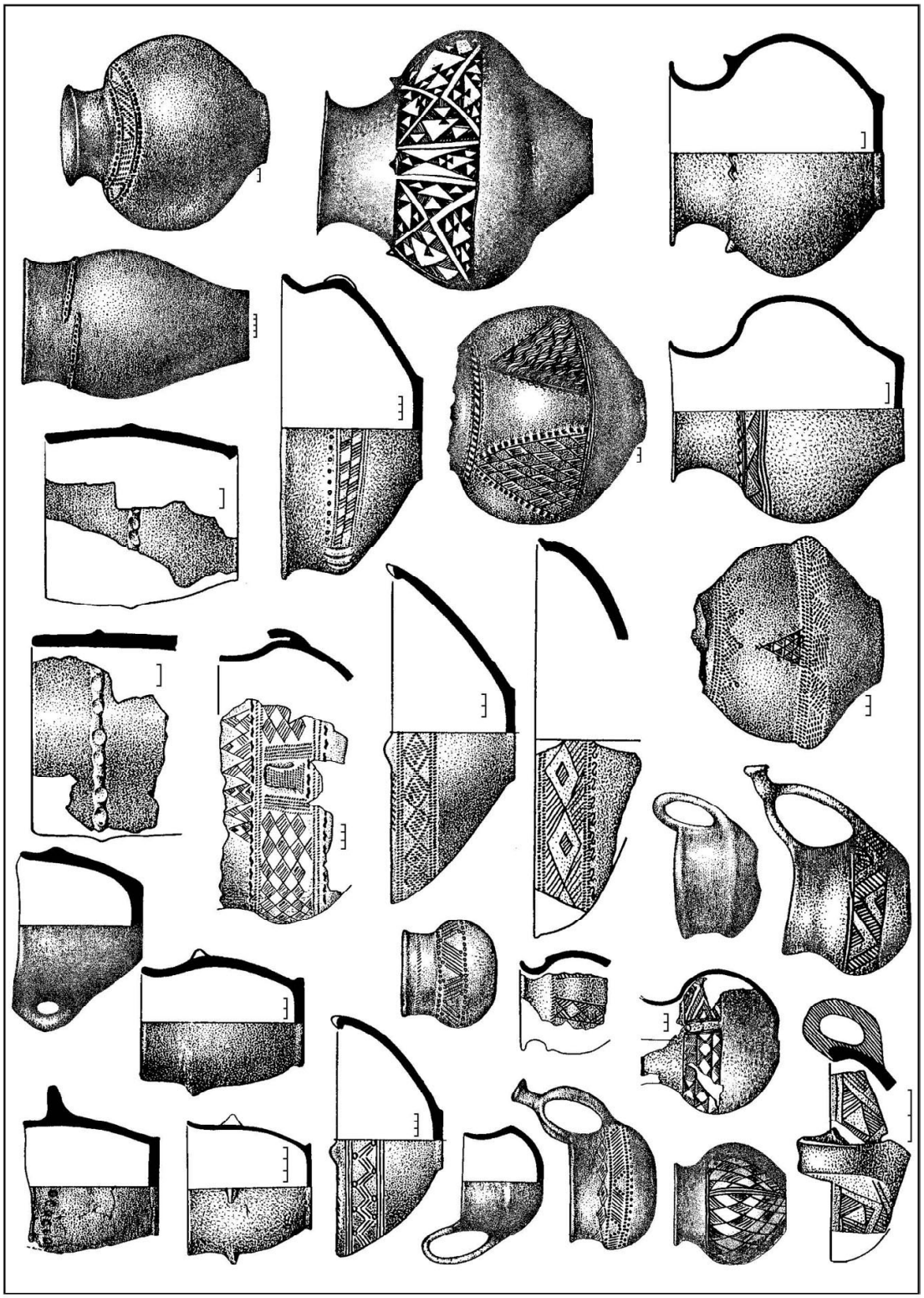


Рис.XXIV. Ведущие типы кухонной и столовой посуды культуры Козия-Сахарна.

вой посуды культуры Козия-Сахарна в целом хорошо иллюстрируются материалами раннего поселения Солончень-Хлиная (рис. XXXVI: А) в сравнении со вторым периодом позднего поселения Алчедар III (рис. XXXVI: Б), а также керамикой первого (рис. XXXVII: А) и второго (рис. XXXVII: Б) периодов бытования древностей типа Сахарна на поселении Алчедар III.

Анализируя керамический комплекс культуры Козия-Сахарна в целом, необходимо отметить следующее. Все ведущие типы кухонной и столовой посуды этой культуры имеют ярко выраженный раннегальштатский (Балкано-Подунавья) облик (рис. XXIV; XL: I.1-3). Горшки I-III типов, практически все типы корчаг, черпаки I и III типов, миски I и II типов, мисковидные и чашевидные сосуды находят полные аналогии не только среди посуды родственных культурных групп орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (Morintz 1964: 115-117; он же 1987: 61-69; Hänsel 1976: 122-164, taf.44-49, 51-54, 70-74, V-XV; László 1989: 123-127) (рис. XL: I.1-3), но в том числе, что очень важно, и среди раннегальштатского горизонта с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта (László 1986: 65-91; Leviţki 1994a: 219-256). Кубки в столовой посуде культуры Козия-Сахарна (особенно I тип) также могут рассматриваться, скорее, как раннегальштатский компонент, чем северопричерноморский тип. Широко распространенные в белозерской культуре Северного Причерноморья кубковидные сосуды (Гаврилюк 1979: 20-22, 29, рис.1; Ванчугов 1990: 66-71, 85, 86) появляются все же под влиянием раннегальштатских культур Карпато-Дунайского бассейна (Мелюкова 1979: 37-59).

Появление в керамическом наборе культуры Козия-Сахарна черпаков III типа, прочерченного и пролощенного орнамента на столовой посуде, а также отдельных мотивов ленточного узора (пучки параллельных косых линий и заштрихованные полосы) связано с субстратным для нее раннегальштатским горизонтом Тэмэоань-Холеркань-Балта, в посуде которого эти признаки являются ведущими (Leviţki 1994a: 225, 226, 255, pl.16, 17). С влиянием этого же раннего горизонта (Leviţki 1994a: 225-228, 256, pl.17) связана и специфическая техника наколов (в отличие от кольчатого штампа), зафиксированная на черпаках, преимущественно, III типа в культуре Козия-Сахарна.

Присутствие среди посуды фрагментов с внутренней яркой красно-оранжевой поверхностью, а также с выдавленными изнутри выступами обусловлено влиянием культуры каннелированного гальштата Гава-Голиграды, точнее, ее группы Грэничешть севера Запрутской Молдовы, для которой такие приемы характерны (Horedt 1967: 137-153; László 1973: 575-605; он же 1994: 48-104; Свешніков 1964: 48-50; Смирнова 1969a: 20-24; она же 1976: 18-34). Наличие обломков мисок с загнутым внутрь краем и гирляндами узких каннелюр на внутренней поверхности также связано с влиянием раннегальштатских культур с каннелированной керамикой, в частности, такой прием широко известен в группе Грэничешть севера Запрутской Молдовы (László 1989: 120; он же 1994: 240-244, 250, 252, fig.20-23; 30: B/1-5, 32), с которой культура Козия-Сахарна (особенно ее западный вариант Козия) непосредственно граничила.

Высокогорлые корчаги с биконическим туловом (и выдавленными изнутри выступами) — IV тип в культуре Козия-Сахарна — наиболее типичны для раннегальштатской культуры Гава (в том числе ее группы Грэничешть), где они появляются еще на ранних этапах ее развития (Horedt 1967: 150-152; László 1973: 585-598; Kemenczei 1984: pl. CXXIX-CXLIX; Gumă 1995: 111, 112). Присутствие таких корчаг в Бабадаге (в фазах I и II) С.Моринц также связывает с гальштатским гавским компонентом (Morintz 1987: 46-49, fig.8: 1, 3, 5).

Близкие аналогии среди культурных групп поздней бронзы-раннего гальштата Среднего Подунавья (Вычедол-Нови Бегей, Гава-Медиаш и другие) находят и известные в Козии-Сахарне подражания так называемым «этажным» корчагам (Gumă 1995: 106, 107, 111, 112, 124, pl. VI). В целом же, корчага — «биконический сосуд», урна типа «Вилланова» или псевдовилланова, «амфора Гава» — является, как подчеркивают многие исследователи, чисто гальштатским «достижением» и выразительной гальштатской формой, которая имеет прототипы еще в средней бронзе Центральной и Восточной Европы (Paulik 1968: 39-43; Morintz 1987: 60; Ванчугов 1982: 44-52).

Среди всего массива посуды культуры Козия-Сахарна найдены лишь 10 фрагментов (корчаги со сдвоенными выступами, ручка черпака с поперечными узкими каннелюрами, миски с параллельными горизонтальными каннелюрами), украшенные приемами, специфичными для другой раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь (László 1989: 111-120; он же 1994: 105-141; Смирнова 1990a: 21-28; Leviţki 1994: 79-108). Можно констатировать, что практически отсутствовали контакты между Козией-Сахарной и культурой Кишинэу-Корлэтэнь, с финальной фазой которой в лесостепи Днестро-Сиретского междуречья сосуществовали ее ранние памятники.

В керамике культуры Козия-Сахарна выделяются компоненты, которые свидетельствуют о непрекращающихся контактах и связях с раннегальштатскими группами Среднего Подунавья. Это специфический врезной орнамент (линии, нанесенные трех-, четырех- или пятизубым инструментом, и четырехштриховочные пучки), известный на посуде раннего поселения Солончень-Хлиная, а также памятников Сахарна Маре, Сахарна I и Хлижень II-Ла Шанц. Такой врезной узор характерен для группы Горня-

Калакача (Босут IIIa), которая относится к обширному культурному комплексу с врезной керамикой Западных Балкан и Юго-Восточных Альп (Gumă 1995: 112-114, 133, pl. XV). Во-вторых, разнообразные и разновидные штампы на посуде культуры (Матеуць-Ла башнэ), в том числе и поздних памятников (Хлижень II-Ла Шанц, Алчедар III), многие из которых (особенно, V- и W-образные) типичны для родственной группы Инсула Банулуй зоны Железных Ворот на Дунае, вместе с Козией-Сахарной относящейся к орнаментированному гальштату Балкано-Подунавья (Morintz, Roman 1969: 393-422). Поэтому, не исключено, что в течение всего периода бытования культуры Козия-Сахарна в ее ареал (лесостепь Днестро-Сиретского междуречья) имели место неоднократные притоки населения, главным образом, со Среднего Дуная — генетической области формирования орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья.

На поздних этапах развития культуры Козия-Сахарна (а именно, варианта Сахарна) наблюдается наличие прямых контактов непосредственно в зоне Днестро-Реутского междуречья («ядре» варианта Сахарна) с населением позднечернолесской культуры Среднего Днестра. Это подтверждают, в первую очередь, тюльпановидные горшки (IV тип кухонной посуды Козии-Сахарны), которые являются ведущим типом кухонной керамики чернолесской культуры всей территории ее распространения (Тереножкин 1961: 60-63; Смирнова 1982: 41-46; она же 1983: 60; она же 1985а: 12, 13, рис.6: 6; 11: 11; Смирнова, Кашуба 1988: 21, 22; Крушельницька 1998: 147-154). Нарастание доли тюльпановидный горшков от ранних памятников (Солочень-Хлиная) к поздним (Хлижень II-Ла Шанц и Алчедар III), а также данные стратиграфии поселения Алчедар III (Приложение 3.4) позволяют констатировать присутствие части носителей позднечернолесской культуры Среднего Днестра в Днестро-Реутском междуречье на заключительных этапах развития здесь культуры Козия-Сахарна.

С влиянием культуры развитого Чернолесья связано и наличие в керамическом комплексе культуры Козия-Сахарна черпаков II типа (особенно это демонстрируют экземпляры с низкой шейкой и очень глубоким туловом). Такие черпаки являются характерными не только для позднечернолесской культуры Среднего Днестра, например, но и широко представлены в субстратной для нее белогрудовской культуре (Березанська 1964: 55, 56, рис.9: 7, 8, 10; Рыбалова 1999: 320-345; Смирнова 1984: 47-51, рис.4: 3; 8: 1, 2, 7, 13; она же 1985а: 13-18, рис.6: 7-9; она же 1986: 22; Смирнова, Кашуба 1988: 22, 23, рис.3: 17, 18; Крушельницька 1998: 162-166). К чернолесскому же влиянию можно отнести и определенный пласт столовой посуды, изготовленной по «чернолесской» технологии, например: мисковидный сосуд с поселения Алчедар III, по форме подобный экземплярам, известным в субстратной для Чернолесья белогрудовской культуре (Березанська 1964: 55, 56, рис.8: 1); или глубокую миску, найденную на том же поселении, аналогичную шлемовидным мискам белогрудовской культуры (Покровська, Петровська 1961: 138-140, рис.8: 4, 5, 8, 10; Березанська 1964: 55, 56, рис.8: 4, 5, 10).

Население среднеднестровской позднечернолесской культуры могло являться и передатчиком влияний высоцкой культуры, распространенной в Верхнем и северных зонах Среднего Поднестровья. С опосредованным высоцким воздействием (Крушельницька 1965: 122-135; она же 1973: 27-38; Археология Прикарпатья 1990: 117, 118) связано присутствие в керамике Козии-Сахарны отдельных фрагментов сосудов с характерной «высоцкой елочкой», а также появление на поздних этапах ее развития низких непрофилированных черпаков (IV тип). Низкие непрофилированные черпаки составляют особенность днестровского локального варианта позднечернолесской культуры Среднего Днестра, в которой они появляются также под влиянием высоцкой культуры (Смирнова 1984: 47-49, рис.4: 6, 7; она же 1985а: 18, рис.5: 5; она же 1986: 22, рис.5: 10; 7: 5; Смирнова, Кашуба 1988: 22, 23, рис.3: 19).

Связи с ранними кочевниками-черногоровцами Северного Причерноморья подробнее рассматриваются при анализе инвентаря культуры Козия-Сахарна и уровня ее внешних связей (главы 3.2, IV и V), здесь же можно отметить, что корчаги из черногоровского погребения № 16 кургана I близ Мокры в Среднем Поднестровье (Яровой, Четвериков 1995) по форме и орнаментации представляют характерный сахарнянский тип.

На заключительных этапах развития в керамическом комплексе культуры Козия-Сахарна (особенно, варианте Сахарна) проступают элементы, которые уверенно можно связывать с последующей среднегальштатской культурой Басарабь-Шолдэнешть середины VIII-VII вв. до н.э., что хорошо демонстрируют материалы Хлижень II-Ла Шанц и второго периода Алчедар III (рис. XXXVI-XXXVIII).

Таким образом, анализ керамики культуры Козия-Сахарна показывает ее первоначальный, преимущественно, раннегальштатский облик, который к первой половине-середине VIII вв. до н.э. постепенно размывается с нарастанием доли «восточных» северопричерноморских (в первую очередь, чернолесских) компонентов (особенно, для варианта Сахарна). Тем не менее, керамика (а именно, столовая посуда и ее орнаментация) является одним из ведущих культуроопределяющих признаков для древностей типа Козия-Сахарна.

Необходимо напомнить, что именно столовая посуда (и ее орнаментация) культуры Козия-Сахарна является главным предметом в известном споре о направленности культурных воздействий

в лесостепи предскифского времени Днепро-Поднестровья (Кашуба 1999: 369-388, там же подробная библиография). По моему мнению, основными аргументами в пользу приоритетного гальштатского (в данном случае сахарнянского) влияния могут являться два: хронологический и количественный, т.е. где раньше (на Правобережье Днепра или в Балкано-Подунавье) и в каком количестве присутствуют определенные типы столовой посуды с характерной геометрической орнаментацией. В главах IV и V настоящей работы детально рассматриваются эти положения, связанные с хронологией и происхождением культуры Козия-Сахарна.

3.2. Инвентарь; начало обработки железа

Вещевые находки из погребений и поселений культуры Козия-Сахарна (особенно те из них, которые могут являться хроноиндикаторами) неоднократно публиковались и рассматривались в литературе (Мелюкова 1958: 76-90, 98-102; она же 1960: 142-145; она же 1972: 65-70; она же 1979: 21-31; она же 1989: 20-23; Тереножкин 1976: 87, 88, 99-101, рис.62-64; Смирнова 1977: 105-108; она же 1980: 138; она же 1985: 38-41; Кашуба, Гольцева 1991: 197-209; Гольцева, Кашуба 1995: 29-31; Кашуба 1998а: 84-95; она же 1999: 374-376; László 1972: 218-223; он же 1985: 8-15; он же 1989: 111-129; Hänsel 1976: 134-140, 148-151). Тем не менее, при анализе этой культуры не обойтись без совокупного рассмотрения всего инвентаря. При этом, наряду с выявлением перечня одинаковых категорий вещевых находок на местонахождениях типа Козия и типа Сахарна, необходимо также установить культуроопределяющие типы изделий, маркирующие эти древности в целом.

Инвентарь культуры Козия-Сахарна представлен предметами производственно-бытового назначения, орудиями труда, деталями одежды и украшениями, а также предметами конского снаряжения при фактическом отсутствии вооружения (рис. XXV-XXX). Это изделия из глины (рис. XXV; XXVI; XXVII: 2, 3, 39), камня и кремня (рис. XXVII: 13, 20; XXVIII), кости и рога (рис. XXVII: 7, 9-11, 54, 55; XXIX; XXX: 2-7, 10-13), бронзы (рис. XXVII: 4-6, 8, 12, 14-19, 21-32, 34-38, 40-45, 48, 50-53; XXX: 1, 8, 14, 21, 22), а также железа (рис. XXVII: 46, 47, 49; XXX: 9, 15-20).

Глиняные изделия относятся к массовым находкам на каждом из раскопанных бытовых памятников культуры (рис. XXV; XXVI; XXVII: 2, 3, 39). Среди них повторяющимися типами представлены предметы, связанные с прядением и ткачеством: пряслица, грузила и катушки (рис. XXV: 1, 2, 4-17, 19-26, 28, 29).

Абсолютное большинство пряслиц округлой в плане формы и биусеченно конические в сечении, с хорошо намеченными основаниями; высота их, как правило, равна диаметру (рис. XXV: 5, 6, 10, 12, 16, 17, 20-26). Часть таких пряслиц украшена геометрическим штампованным, реже резным, узором (рис. XXV: 5, 6, 12, 16, 17, 20-24, 26). Резной узор — это косые насечки по ребру (рис. XXV: 22), которые могут быть заключены в поясок или сочетаться с двойной-тройной линией у оснований. Среди мотивов штампованного узора наиболее распространен косо заштрихованный поясок по ребру в сочетании с двойной-тройной линией оттисков мелкозубчатого штампа у оснований (рис. XXV: 6, 12, 20, 21, 23, 24). На поздних памятниках Хлижень II-Ла Шанц и Алчедар III обнаружено несколько подквадратных в плане пряслиц, снабженных по ребру четырьмя симметрично расположенными выступами, которые обрамлены трех-четырехрядными окружностями оттисков мелкозубчатого штампа (рис. XXV: 16, 17).

Среди представленных меньшим количеством уплощенно шаровидных пряслиц, высота которых, обычно, меньше диаметра (рис. XXV: 7, 11, 15), гораздо реже встречаются орнаментированные экземпляры, в том числе подквадратные в плане (рис. XXV: 7, 15). Из последних можно отметить найденное в Хлижень II-Ла Шанц пряслице с тремя симметрично расположенными выступами, обрамленными двойными концентрическими глубокими каннелюрами (рис. XXV: 7).

К единичным экземплярам относятся усеченно коническое пряслице с тройной линией оттисков мелкозубчатого штампа и косыми насечками по широкому основанию (рис. XXV: 19) и экземпляр в виде сосудика (рис. XXV: 9).

Присутствие пряслиц в массовом количестве на бытовых памятниках культуры и наличие их в погребениях находится не только в русле раннегальштатской традиции Карпатского бассейна и Балкано-Подунавья (Hänsel 1976: 122-164; Morintz 1987: 46, 53; László 1986: 66, 67; он же 1994: 64, 111, 232, fig.12: 2-6, 8; Leviţki 1994: 109, 110, 236, fig.59: 12-14; он же 1994а: 228, 251, 252), но характерно и для предскифских древностей Северо-Западного Причерноморья (Смирнова, Кашуба 1988: 21; Ванчугов 1990: 82-84; Крушельницька 1998: 168, 169, рис.103: 1-7, 13).

Орнаментированные пряслица, обнаруженные также во всех культурных группах орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья, составляют специфику не только культуры Козия-Сахарна, но и родственных ей культурных групп Пшеничево II-Бабадаг II-Инсула Банулуй (Hänsel 1976: 122-164). Возможно, украшенные мелкозубчатым штампом биусеченно конические пряслица являются культуроопределяющими для всего орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья, в том числе, и культуры Козия-Сахарна как одной из его составляющих.

Редкие и единичные находки таких пряслиц

на позднечернолесских поселениях Среднего Днестра (Мелюкова 1958: 14, рис.2: 26; Романовская 1980: 290, рис.1; Смирнова 1982: 44, 149, рис.12: 6), доскифских памятниках Днепро-Бугского междуречья, например, в кургане № 2 у с.Тютьки (Заец 1979: 258, рис.2: 11) и кургане у с.Бандышевка (Machortych 1998: 439; abb.2: 5; Скорый 1999: 79, 80, 109, рис.3: 3) или на раннескифском поселении Жаботин на Правобережье Днепра (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 52, 53, рис.8: 6), т.е. вне ареала культуры Козия-Сахарна, — могут являться свидетельством контактов местных культурных образований с древностями типа Сахарна (восточного варианта культуры Козия-Сахарна). Наличие же орнаментированных пряслиц в курганах скифской архаики Порос-

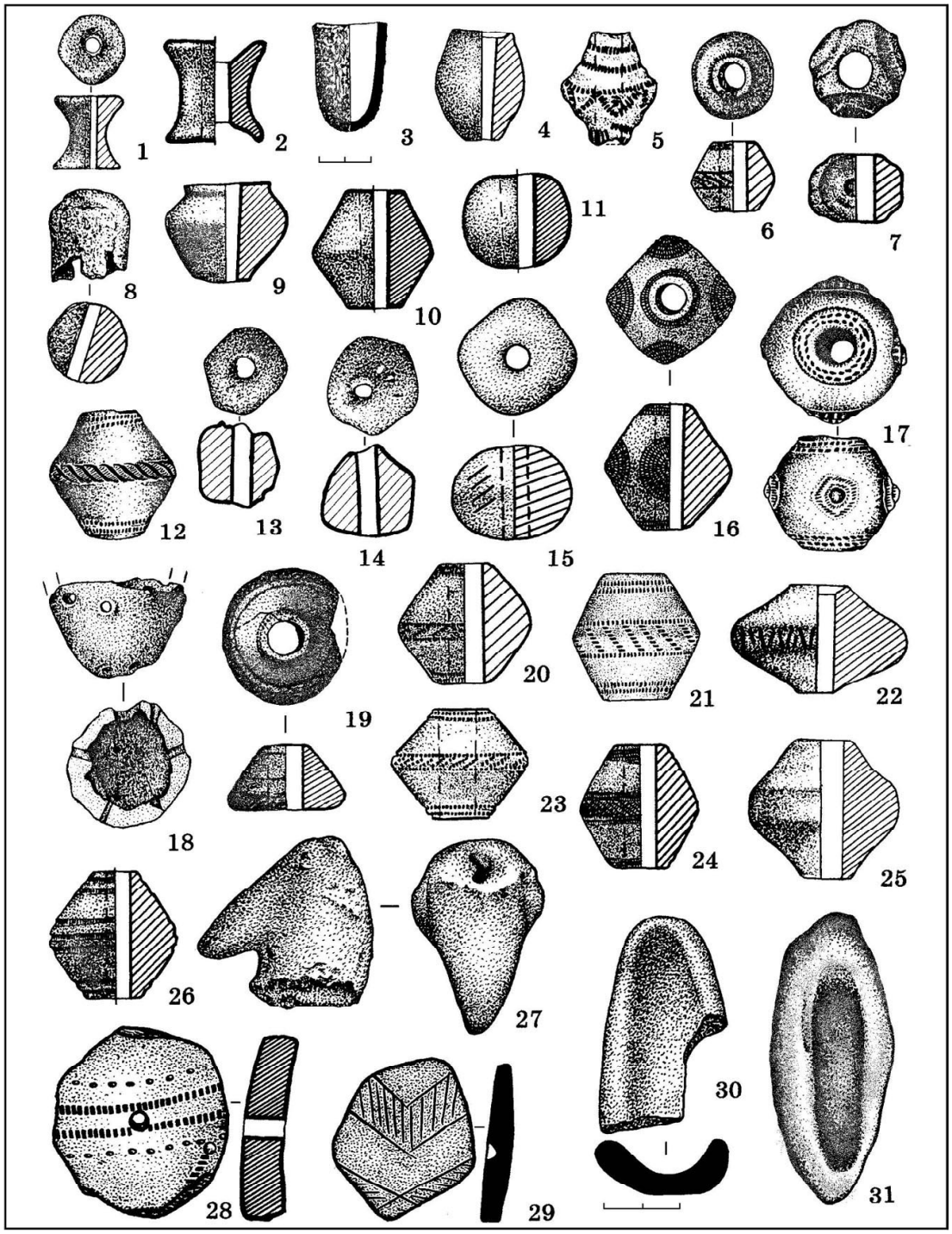


Рис. XXV. Глиняные изделия культуры Козия-Сахарна, связанные с прядением и ткачеством, а также с другими производствами. 1 — Цахнэуць; 3, 6, 7, 16, 18-20, 24, 26 — Хлижень II-Ла Шанц; 2, 11, 28, 29 — Солончень-Хлиная; 4, 8, 12, 17, 21, 22, 25, 27, 25, 27, 31 — Алчедар III; 5, 9, 10, 13, 14, 23 — Матеуць-Ла башнэ; 15 — Солончень-Ла Урсарь; 30 — Сахарна Маре.

ской группы Правобережья Днепра: курганы № 2 группы II и № 2 группы III у Медвина, курган № 58 Студенцы и погребение № 1 кургана № 6 Ясноозорье (Ковпаненко 1977: 57, рис.11: 8; 13: 5, 7; она же 1981: 50, рис.40: 7; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1994: 55, 56, 58, 59, рис.6: 7), — необходимо рассматривать как наследие предскифского периода, подтверждающее раннескифскую датировку таких комплексов.

Обнаруженные на поселениях типа Козия-Сахарна глиняные катушки (рис. XXV: 1, 2) известны и в раннегальштатских общностях с канелированной керамикой Карпатского бассейна (Leviţki 1994: 109) и развитой чернолесской культуре лесостепи Днепро-Поднестровья (Тереножкин 1961: 73; Смирнова 1983: 63).

Следующую большую серию глиняных изделий составляют орудия труда для керамического производства — это орнаментальные штампы, плиточка для «пробы» штампов, разнообразные (шаровидные, уплощенно дисковидные и цилиндрические) лощила, а также кружки из стенок сосудов (рис. XXVI).

Все глиняные штампы комбинированные, с двумя противопоставленными рабочими поверхностями. Выделяются два типа штампов (рис. XXVI: 1-5, 9, 10, 12-14, 17, 20-23).

Первый тип составляют штампы в виде рожка (серпа) с внешним утонченным краем, по которому расположены косые насечки для нанесения на поверхность сосудов зубчатых оттисков (рис. XXVI: 1, 20, 23). Насечки по краю могут быть сделаны тем же зубчатым штампом (рис. XXVI: 23). Один из концов изделий, как правило, оформлялся для нанесения кольчатых оттисков (рис. XXVI: 23). Найденный на поселении Солончень-Хлиная серповидный штамп был оформлен в виде головки лошади (рис. XXVI: 1).

Ко второму типу относятся стержневидные штампы, представленные двумя вариантами (рис. XXVI: 3-5, 9, 10, 13, 14, 17, 21, 22). Вариант А типа II составляют простые стержневидные штампы, один конец которых оформлен для нанесения S-овидных, W-образных и других оттисков, а второй мог использоваться в качестве лощила (рис. XXVI: 12, 17).

Вариант Б типа II составляют стержневидные штампы с плоским расширенным концом полукруглой формы (в виде лопаточки), по утонченному внешнему краю которого нанесены косые насечки (рис. XXVI: 3-5, 9, 10, 13, 14, 21, 22). Лопаточка может быть обозначена сильно: с двумя (рис. XXVI: 3, 10. 13) или одним (рис. XXVI: 4, 5) боковыми выступами, когда сам штамп приобретает подтреугольную форму (рис. XXVI: 21). Противоположный конец таких штампов оформлялся для нанесения кольчатых, кольчатых с крестом, S-овидных и ромбовидных оттисков (рис. XXVI: 5, 10, 13, 14, 22).

Комбинированные штампы для орнаментации столовой посуды являются типичными находками не только на каждом исследованном поселении культуры Козия-Сахарна, но и на всех раннегальштатских местонахождениях Балкано-Подунавья с резной и штампованной керамикой — Пшеничево, Бабадаг и Инсула Банулуй (Morintz 1987: 46, 55, fig.11: 2; Morintz, Roman 1969: 400, 411, 416, fig.7: 10; Hänsel 1976: Taf.43: 1-4, 6; Gotzev 1994: 100; Topoleanu, Jugănaru 1995: 206, 228, fig. XV: 3; Sîrbu, Jugănaru 1999: 100, fig.2: 4). Регулярное обнаружение таких изделий на всех памятниках культуры Козия-Сахарна, а также типа Пшеничево, Бабадаг и Инсула Банулуй при условии устойчивости их типов позволяет считать орнаментированные штампы одной из культуроопределяющих категорий находок для древностей орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья.

Присутствие характерных (двух вышеобозначенных типов) сахарнянских орнаментальных штампов на «буферном» городище Рудь (Романовская 1980: 290-293, рис.1), в позднечернолесской культуре как Поднестровья: Григоровское городище, Днестровка-Лука, Вороновица (Смирнова 1982: 44, 149, рис.12: 15; она же 1983: 63, 67, рис.6: 5; она же 1986: рис. 9: 1); так и Поднепровья: Субботовское и Московское городища, Плиски-Чернявка (Тереножкин 1961: 48-50, 71, рис.25: 10; 46: 4; Мовша 1962: 57-59, рис.21: 1; Радзієвська 1989: 82-84), — маркирует не только миграцию насельников культуры Козия-Сахарна в центральные области Среднего Днестра и, возможно, на Правобережье Днепра, но и наличие в их среде мастеров-керамистов, специализирующихся на производстве качественной лощеной орнаментированной посуды (Смирнова 1983: 71; она же 1989: 22; Кашуба 1988: 115, 116).

В качестве лощил при обработке поверхностей столовой посуды могли использоваться и кружки из стенок сосудов (рис. XXVI: 16, 19, 24, 25). Такие кружки, видимо, употреблялись и при формовке сосудов, на что указывает обточенность краев некоторых экземпляров, как, например, на изделиях из поселения срубной культуры Веровка-II в Донбассе (Постников 1996: 61-64, рис.1: 2-7). Не исключено, что кружки из стенок сосудов — по аналогии с находками таких изделий в гончарных печах античных городов Северного Причерноморья (Гайдукевич 1934: 87, рис.45) — также могли использоваться в качестве прокладок между сосудами при обжиге (Смирнова 1969а: 19). Отдельные экземпляры кружков с уплощенной и затупленной кромкой (рис. XXVI: 16, 19, 24), возможно, применялись в операциях по выделке кожи. Именно керамические скребки по шкуре характеризуются такой кромкой (Коробкова, Щелинский 1996: 51, 52; Шаманаев, Зырьянова 1999: 78-80). Таким образом, кружки из стенок сосудов могли являться универсальными орудиями, но для уточнения их функций, безусловно, необходим трасологический анализ.

На поселениях Солончень-Хлиная и Хлижень II-Ла Шанц обнаружены глиняные изделия, связанные с бронзолитейным производством — это фрагменты нескольких льячек и тигель, изготовленные из огнеупорной глины со значительной примесью известняка (рис. XXV: 3, 18). От льячек сохранились фрагменты ложки-льячки (рис. LXXXV: 18) и нижних частей чашечек, снабженных симметричными отверстиями (рис. XXV: 18), тигель — в виде глубокого цилиндрического сосудика с ровно срезанным краем (рис. XXV: 3). Эти изделия могут быть связаны с мелким ювелирным производством, где требовались небольшие порции металла. Льячки и тигель

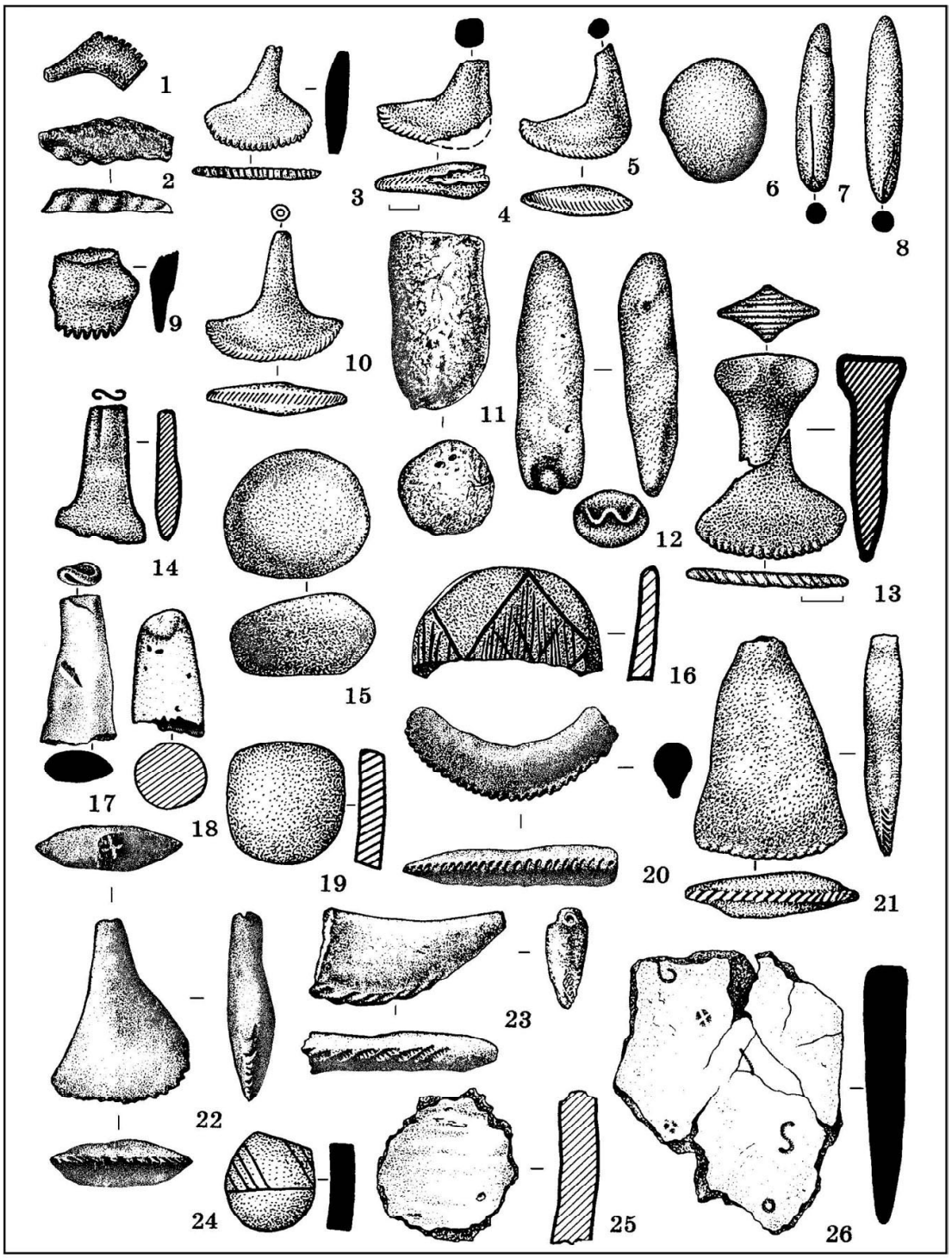


Рис. XXVI. Глиняные изделия культуры Козия-Сахарна, связанные с керамическим производством. 1, 9, 14 — Солончень-Хлиная; 2 — Хлижень II-Ла Шанц; 3, 13 — Козия; 4, 5, 10 —Покреака-Четэцуе; 6, 11, 12, 15, 17, 18, 21, 26 — Алчедар III; 7, 8, 19, 24 — Сахарна Маре; 16, 25 —Матеуць-Ла башнэ; 20 — Цареука; 22 — Кушмирка.

наряду с весьма многочисленными и разнообразными бронзовыми украшениями и деталями одежды (рис. XXVII: 4-6, 8, 12, 14-19, 21-32, 34-38, 40-45, 48, 50-53), свидетельствуют о наличии бронзолитейного производства в культуре Козия-Сахарна.

Всевозможные льячки и тигли хорошо известны и в раннегальштатских культурах с каннелированной керамикой Гава-Голиграды и Кишинэу-Корлэтэнь (Смирнова 1969а: 14; Археология Прикарпатья 1990: 126-128, рис.42: 6; Малеев 1994: 178-181, рис.1-7; Leviţki 1994: 109, 110, fig.59: 11), и в позднечернолесской культуре Днепро-Поднестровья (Тереножкин 1961: 109-111, рис.76; 77; Смирнова 1985а: 23, рис.12: 3).

Из остальных глиняных изделий необходимо упомянуть светильники в виде лодочки (рис. XXV: 30, 31) и часто встречающиеся украшения:

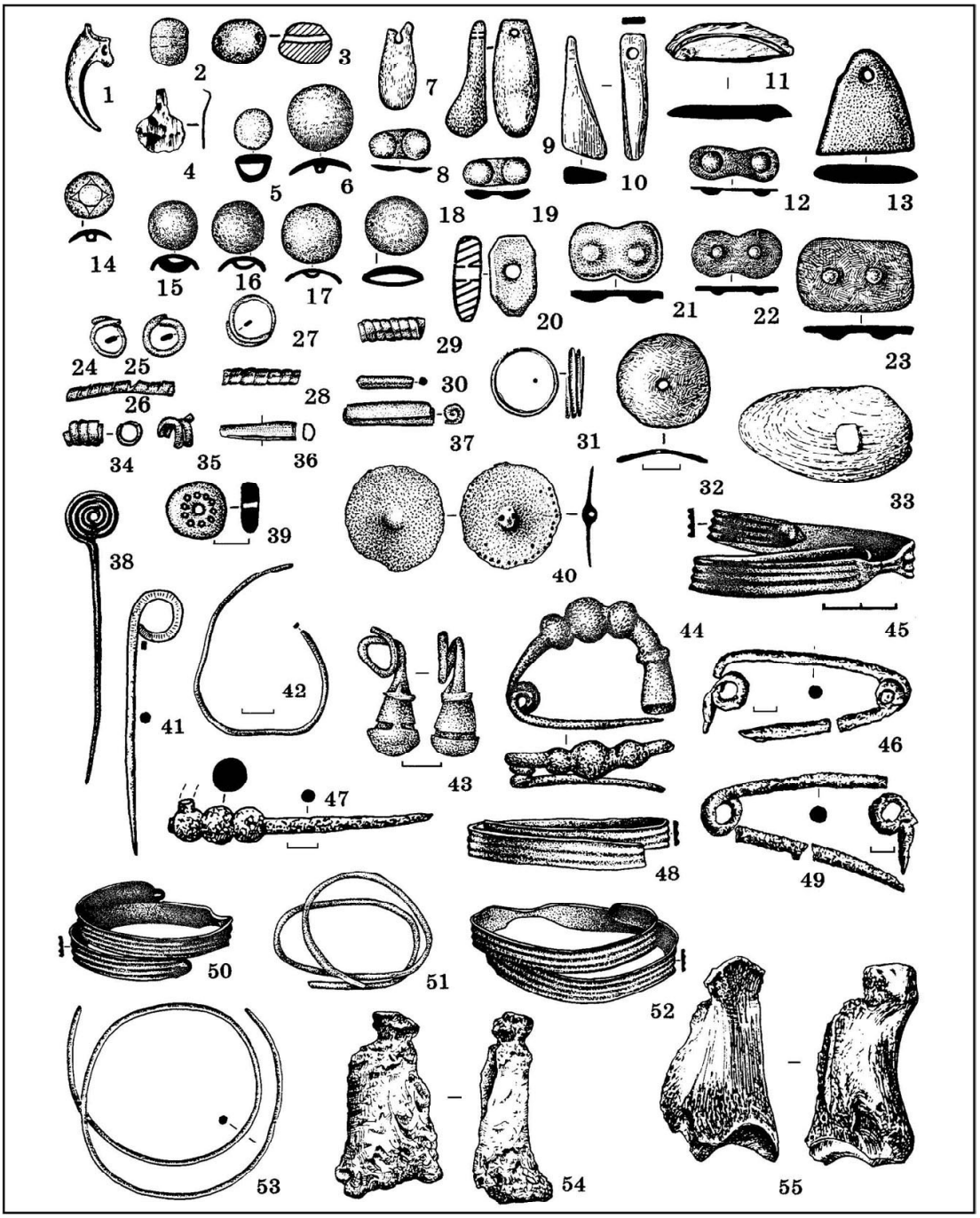


Рис. XXVII. Украшения и детали одежды культуры Козия-Сахарна из глины (2, 3, 13, 39), кости и рога (7, 9-11, 54-55), камня (20), бронзы (4-6, 8, 12, 14-19, 21-32, 34-38, 40-45, 48, 50-53) и железа (46, 47, 49), а также коготь орла (1) и раковина Unio (33). 1-4, 40 — Алчедар III; 5, 8, 12, 15-17, 22, 24, 27-30, 34-37, 45, 46, 48-50, 52 — Сахарнянский могильник I; 6, 17, 18 — Сахарнянский могильник II; 7, 13, 23, 32, 39 — Солончень-Хлиная; 9, 20, 21 — Сахарна Маре; 10, 41 — Цахнэуць; 11, 33, 42, 54, 55 — Матеуць-Ла башнэ; 14, 31, 51 — могильник Алчедар; 38 — Хлижень II-Ла Шанц; 43 — Козия; 44 — Брад; 47 — Покреака-Четэцуе; 53 — Климэуций Жос.

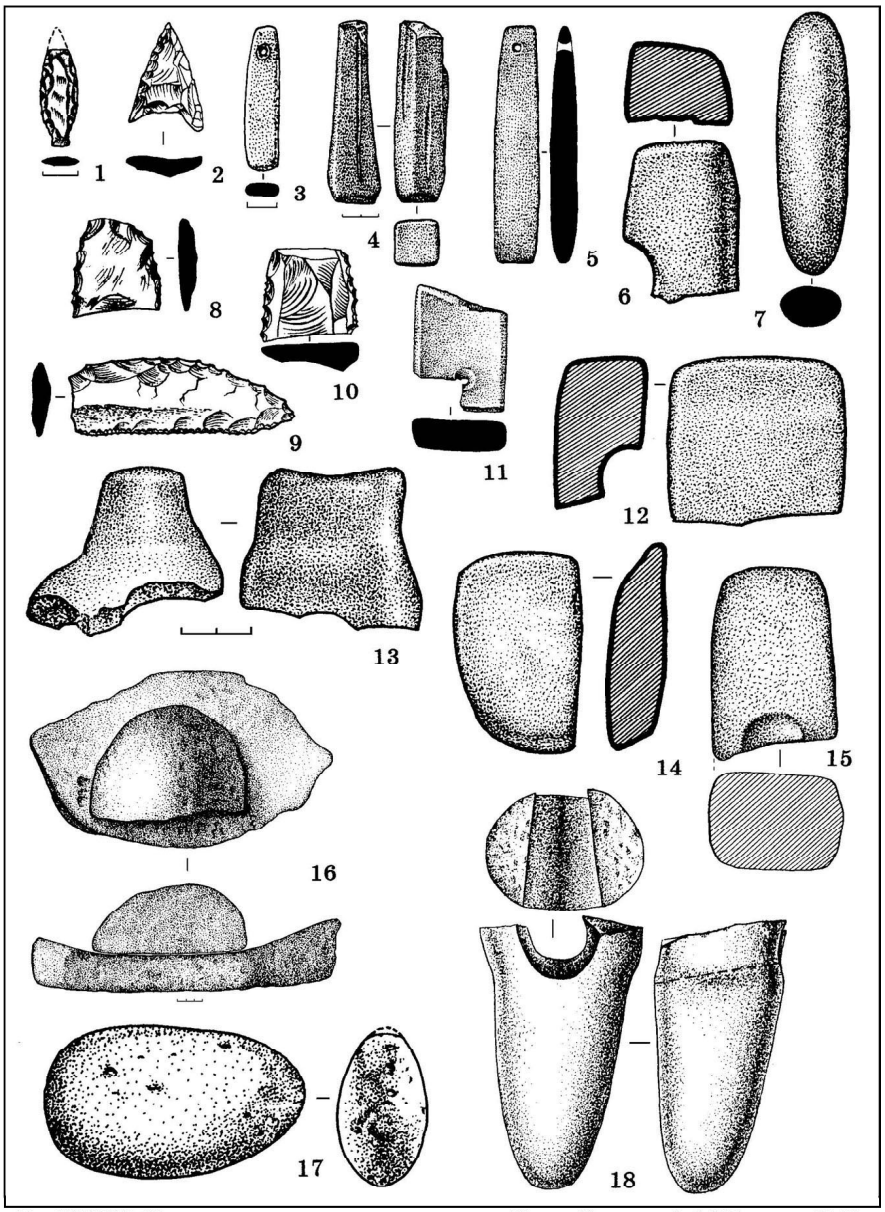


Рис. XXVIII Изделия из камня и кремня культуры Козия-Сахарна. 1, 16 — Хлижень II-Ла Шанц; 2, 13, 17 — Матеуць-Ла башнэ; 3 — Покреака-Четэцуе; 4 — Козия; 5, 11 — Сахарнянский могильник II; 6, 7, 9, 12, 14 — Солончень-Хлиная; 8, 10, 15 — Алчедар III.

округлые (рис. XXVII: 2, 3), усеченно конические и цилиндрические бусины (Гольцева, Кашуба 1995: 27, табл. XXXI: 4; XLIV: 1, 2), овальную и подтреугольную подвески (рис. XXVII: 13), а также орнаментированную пуговицу с поселения Солончень-Хлиная (рис. XXVII: 39).

Изделия из камня и кремня сравнительно многочисленны в культуре Козия-Сахарна, особенно в варианте Сахарна. Это, в первую очередь, орудия труда: отбойники и растиральники, песты, зернотерки, точильные камни и оселки, долота и лощила, кремневые серпы и вкладыши серпов, скребки (рис. XXVIII: 3-11, 14, 16, 17), а также кремневые наконечники стрел, цилиндрические молотки и топоры-молоты (рис. XXVIII: 1, 2, 6, 12, 13, 18).

Для отбойников и растиральников, которые найдены на всех бытовых памятниках культуры в качестве однофункциональных и полифункциональных (двойных) орудий, использовалось местное сырье — гальки светло-серого, серо-розового или коричнево-розового песчанистого сланца, имевшие неправильную овальную, подпрямоугольную или подтреугольную формы. Сами гальки, как правило, не подвергались специальной обработке. Торцевые поверхности и боковые грани таких галек являлись рабочими поверхностями — они сильно сбиты, иногда покрыты крупными сколами или, наоборот, сильно сглажены и пришлифованы (рис. XXVIII: 17). Торцевая поверхность одного из отбойников с Хлижень II-Ла Шанц, служившего в качестве небольшой наковаленки, имела подквадратную форму и могла использоваться как ударная площадка для мелких ювелирных работ (Гольцева, Кашуба 1995: 27). На боковую рабочую поверхность одного из двойных орудий поселения Матеуць-Ла Башнэ наряду с остатками сажи и гари прикипел фрагмент железной болотной руды (Приложение 3.3).

Зернотерки из гранита или известняка обнаружены практически на всех раскопанных поселениях культуры. Как правило, они подовальной формы с хорошо обработанными краями и одной рабочей поверхностью (рис. XXVIII: 16). Песты могли быть как подквадратными, с параллельными плоскими рабочими поверхностями, или подпрямоугольно-овальной формы с одной рабочей поверхностью, так и сфероидной формы (Гольцева, Кашуба 1995: 27, табл. XLIX: 7).

Точильные камни изготовлены, преимущественно, из серого сланца, иногда имеют узкие каналы от заточки игл (рис. XXVIII: 3). Они могли использоваться и в качестве напильников, о чем свидетельствует обточенность краев некоторых экземпляров (Гольцева, Кашуба 1995: 27, табл. L: 2, 3). Найденные в погребениях и на поселениях культуры оселки имеют как сравнительно небольшие размеры, так и вытянутую прямоугольную форму (рис. XXVIII: 3, 5, 11). Необходимо отметить, что оселки являются почти обязательной принадлежностью предскифских воинских погребений Северного Причерноморья (Тереножкин 1976: 146). Точильные бруски в инвентарном комплексе черногоровской культуры О.Р.Дубовская отнесла к «белозерско-позднесрубным» (по ее определению) категориям и типам изделий, подчеркивая в Черногоровке связи с поздним бронзовым веком Северного Причерноморья (Дубовская 1993: 142, 145). Поэтому, не исключено, что появление оселков в культуре Козия-Сахарна, особенно в погребальных комплексах, было обусловлено контактами с ранними кочевниками Северного Причерноморья.

Другие категории каменных изделий, демонстрирующие связи населения типа Козия-Сахарна с носителями черногоровской культуры, а также белозерскими и позднесрубными древностями Северного Причерноморья — это фрагменты боевых цилиндрических молотков с поселений Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III (рис. XXVIII: 15), а также обломки топоров-молотов с памятников Цареука, Сахарна Маре, Солончень-Хлиная (рис. XXVIII: 6, 12), Матеуць-Ла башнэ (рис. XXVIII: 13) и Алчедар III (рис. XXVIII: 18). Примечательно, что обломок цилиндрического каменного молотка был найден и на эпонимном памятнике Бабадаг в Нижнем Подунавье (Morintz 1987: 46).

Цилиндрические молотки являются специфическим предметом вооружения предскифского времени Северного Кавказа и степных памятников Северного Причерноморья (Тереножкин 1976: 140, 141; Махортых 1994: 39, 61), хотя, как отмечает О.Р.Дубовская, с накоплением банка данных все больше подтверждается северокавказское происхождение этой категории находок (Дубовская 1993: 141; Дударев 2000: 44). На Среднем Днестре такие молотки, известные в позднечернолесской (могильник Лука-Врублевецкая, поселения Днестровка-Лука, Непоротово и Григоровское городище) и высоцкой (Высоцкое, Луговое, Золочев) культурах, трактуются как киммерийский импорт и индикаторы контактов местных племен со степняками-киммерийцами (Смирнова 1994: 34-36; она же 1998: 451, 454, abb.4: 1-4; Бандрівський 1994: 87-89, 111, 127-129, рис.42: 1-6; Крушельницька 1998: 171-174, рис.105: 7, 11; Крушельницька, Бандрівський 1998: 23-27; Mahortych 1998: 437-449).

Необходимо подчеркнуть, что нужны более веские аргументы для доказательства менее «аккуратной» точки зрения Л.И.Крушельницкой и Н.С.Бандривского, которые на основе находок конского снаряжения и боевых каменных орудий выдвинули тезис о наличии на Среднем Днестре специфического «раннекочевнического налета» уже в черногоровское время, и присутствии в этом регионе полувоенного социоорганизма ранних кочевников, активно действующего за пределами своей (т.е. среднеднестровской) территории (Крушельницька 1998: 179-200; Бандрівський, Крушельницька 1998: 201-208; Крушельницька, Бандрівський 1998: 23-27).

Массивные каменные топоры-молоты имеют клиновидную форму с поперечным округлым отверстием (рис. XXVIII: 6, 12, 13, 18), экземпляр с поселения Матеуць-Ла башнэ имеет выраженный подпрямоугольный обушок (рис. XXVIII: 13). В Днестро-Сиретском междуречье в раннегальштатское (-предскифское) время такие изделия также известны в культуре с каннелированной керамикой Кишинэу-Корлэтэнь (Levițki 1994: 113, 237, fig.60: 4-6; он же 1995: 250, 262, fig.7: 8) и позднечернолесской культуре всей территории распространения (Тереножкин 1976: 78, 83, рис.44: 2; Крушельницька 1998: 171-174, рис.105: 12, 13). Значительная серия топоров-молотов найдена в белозерской культуре Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1990: 90, 102, рис.38: 11-17) — при этом большая их часть происходит с эпонимного поселения Балта (Ванчугов 1990: 90, рис.38: 14-17), — а также они хорошо представлены в различных культурах средней и поздней бронзы Северного Причерноморья: кмк, комаровской, срубной, Ноуа, сабатиновской и белогрудовской (Лесков 1970: 8, 12, 31, 32, рис.25: 6; Березанская и др. 1986: 21, рис.6: 12; Дергачев 1986: 138, 139, рис.36: 20, 21; Ванчугов и др. 1989: 43, 44, 52, 71, рис.21: 3; Археология Прикарпатья 1990: 80; Савва 1992: 139, рис.27: 2; Санжаров 1992: 167-169, рис.5: 2, 4; 6: 1-3; Петрунь, Сапожникова, Черниенко 1999: 65-67, рис.1; Чивилев 2000: 127-139; Florescu 1991: 332, fig.160: 1). В нашем случае важен сам факт наличия таких изделий в культуре Козия-Сахарна как показатель присутствия северопричерноморской традиции эпохи поздней бронзы, донесенной через субстратный горизонт Тэмэоань-Холеркань-Балта, в котором эти топоры также известны (Levițki 1994a: 228, 251, pl.12: 5, 6). Показательно, что каменная под-

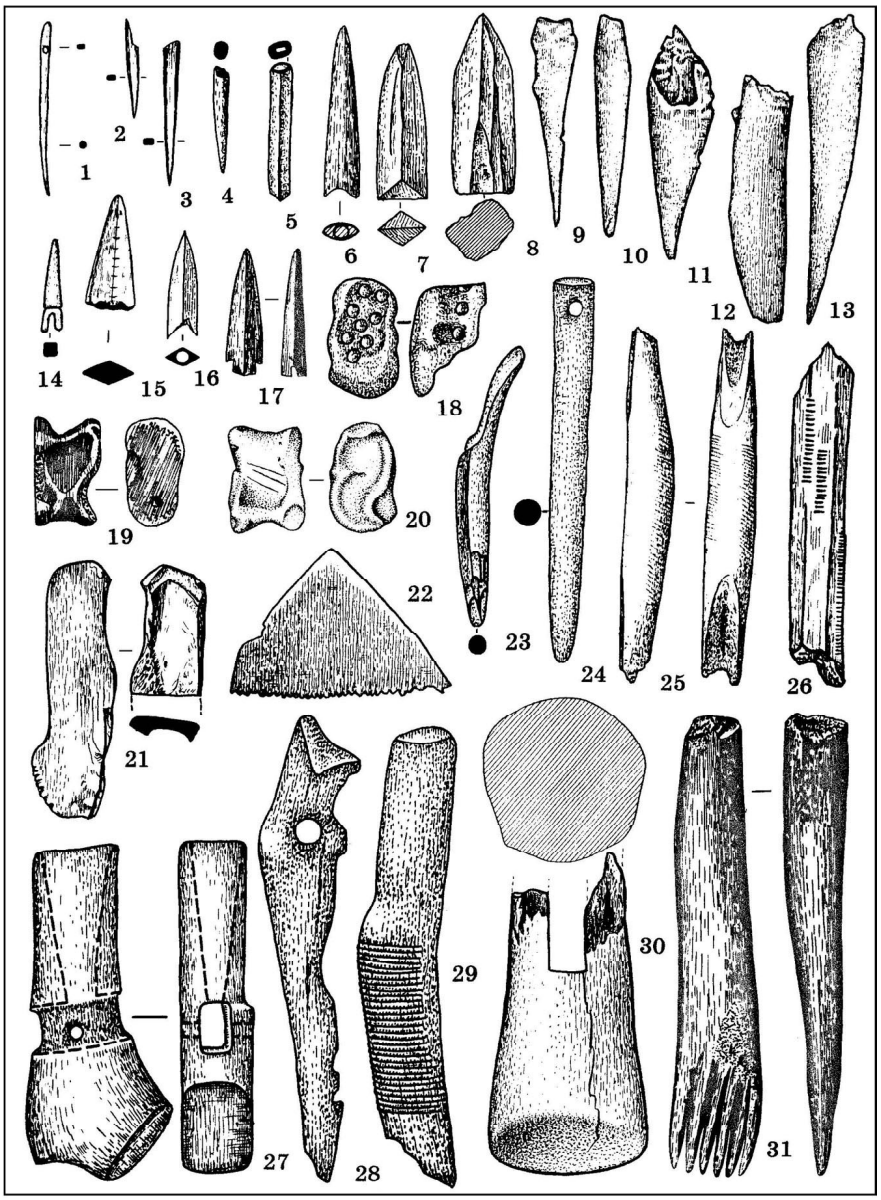


Рис. XXIX. Изделия из кости и рога культуры Козия-Сахарна. 1, 9-14, 22 — Солончень-Хлиная; 2-4, 20, 30 — Алчедар III; 5, 18, 23, 24, 27-29 — Сахарна Маре; 6, 17, 19, 31 — Хлижень II-Ла Шанц; 7, 8, 16 — Цахнэуць; 15, 21, 25, 26 — Матеуць-Ла башнэ.

веска из Сахарна Маре повторяет в миниатюре клиновидный топор-молот (рис. XXVII: 20).

Кремневые наконечники стрел, скорее, использовались при охоте, входившей в занятия населения культуры Козия-Сахарна, что подтверждается и анализом остеологического материала памятника Хлижень II-Ла Шанц (Чемыртан 1995: 84-90). Наконечник из Хлижень II-Ла Шанц черешковый, листовидной формы (рис. XXVIII: 1), экземпляр из Матеуць-Ла башнэ с бесчерешковым насадом, он подтреугольной формы с вогнутым основанием (рис. XXVIII: 2). На Среднем Днестре представительная серия наконечников стрел из кремня найдена на памятниках позднечернолесской культуры — Григоровском городище, Днестровке-Луке и Непоротово (Смирнова, Кашуба 1988: 20, рис.2: 14-18; Крушельницька 1985: 113-115, рис.35: 9-11; она же 1998: 170, 171, рис.107: 10-12), а также в могильнике Золочев высоцкой культуры (Крушельницька 1965: 131, рис.10: 17-20; Археология Прикарпатья 1990: 119, рис.37: 6-9), при этом бесчерешковый экземпляр найден на поселении Тринка каннелированного гальштата Кишинэу-Корлэтэнь в северных районах лесостепной Молдовы (Levițki 1995: 250, 262, fig.7: 3). Видимо, традиции изготовления и крепления кремневых наконечников стрел (бесчерешковых) восходят здесь еще к эпохе средней бронзы. Такие наконечники хорошо известны уже в комаровской культуре (Археология Прикарпатья 1990: 80), что может косвенно свидетельствовать о сохранении традиций обработки камня в этом регионе сравнительно длительный период.

Остальные изделия из кремня представлены серпами так называемого белогрудовского типа (рис. XXVIII: 9), вкладышами серпов (рис. XXVIII: 8, 10), скребками и другими орудиями. Собранная на поселении Матеуць-Ла башнэ

коллекция из 62 кремней и изделий из него, охватывающих технологические циклы первичного и вторичного расщепления, указывает на наличие кремнеобработки в занятиях жителей этого местонахождения (Приложение 3.3).

Каменные и кремневые изделия достаточно широко использовались в родственных Козии-Сахарне культурных группах орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья типа Пшеничево-Бабадаг-Инсула Банулуй (Morintz 1987: 46; Morintz, Roman 1969: 416; Hänsel 1976: 122-164). Известны они и в раннегальштатских культурах с каннелированной керамикой Гава-Голиграды и Кишинэу-Корлэтэнь (Археология Прикарпатья 1990: 131; László 1994: 110, 111; Leviţki 1994: 112-114). Но особенно много орудий из камня и кремня зафиксировано в чернолесской культуре Днепро-Поднестровья (Мелюкова 1958: 14, рис.2: 38-41; Тереножкин 1961: 83-89, рис.54-60; Смирнова 1982: 44; она же 1983: 65-67, рис.6: 1-3; она же 1985а: 20-25; Смирнова, Кашуба 1988: 18-20, рис.2; Крушельницька 1985: 113-115; она же 1998: 170-174). Однотипные кремневые наконечники стрел на памятниках культуры Козия-Сахарна и позднего Чернолесья Среднего Днестра подтверждают отнесение этих древностей к предскифскому (=раннегальштатскому) хронологическому пласту.

Широкое использование камня и кремня не только в культуре Козия-Сахарна, но и в развитом Чернолесье всей территории распространения находится в русле известного оживления этих видов производственной деятельности в эпоху поздней бронзы Северного Причерноморья, которое для лесостепных областей продлилось на протяжении всего раннего железного века. С другой стороны, это показатель и острейшей нехватки металла, в том числе, и в поречье Днестра в предскифский период, что вынуждало местное население использовать доступные источники сырья для изготовления орудий труда, и, в частности, местные песчаники и галечные кремни террасовых отложений Днестра. Это может объяснить не раз отмечавшуюся в литературе (Гуцал 1980: 76, 77) особенность предскифских культур бассейна Днестра в смысле широкого применения камня в раннем железном веке.

Разнообразны и вариабельны *изделия из кости и рога*, найденные, в основном, на бытовых памятниках культуры. Среди них большую серию составляют орудия труда, связанные с различными производствами: керамическим, прядением и ткачеством, возможно, обработкой кожи (рис. XXIX: 1-4, 9-13, 18-28, 30, 31); отдельной группой представлены наконечники стрел и накладки на лук (рис. XXIX: 6-8, 14-17, 29); особый интерес вызывают предметы конского снаряжения — псалии (рис. XXX: 3-7, 10-13), а также имеется ряд украшений (рис. XXVII: 7, 9-11, 54, 55).

К костяным и роговым орудиям труда, связанным с керамическим производством, относятся штампы, лощила и часть астрагалов (рис. XXIX: 10, 12, 18-23). Костяной штамп с поселения Солончень-Хлиная имеет форму равнобедренного треугольника, на широком рабочем крае которого имеются зубчики-насечки (рис. XXIX: 22). Найденный в Матеуць-Ла башнэ другой штамп аналогичен глиняным орнаментальным штампам с лопаточковидным окончанием — он стержневидный с противопоставленными рабочими поверхностями (рис. XXIX: 21). Лощила изготавливались как на сколотых трубчатых костях крупного и мелкого рогатого скота — тогда рабочие края подрезаны, округлены и снабжены выемками или нарезками (рис. XXIX: 10, 12), так и из обломков рога благородного оленя (рис. XXIX: 23), поверхность при этом обрабатывалась ножом и заполировывалась (Гольцева, Кашуба 1995: 28, табл. XLII: 6; LII: 3).

Астрагалы, имеющие сточенные и заполированные до ровных площадок одну или две боковые грани, могли использоваться для механического лощения поверхностей столовых сосудов (рис. XXIX: 19). Как правило, для этих целей использовались астрагалы мелкого рогатого скота и, реже, косули европейской (Гольцева, Кашуба 1995: 28). Но ряд таких изделий с прочерченным узором или несквозными отверстиями (рис. XXIX: 18, 20), видимо, применялся в ритуальных целях.

С прядением и ткачеством связаны иголки и проколки, изготовленные на косо сколотых трубчатых костях мелкого рогатого скота (рис. XXIX: 1-4, 9, 11, 13); кочедыки, для которых использовались естественно изогнутые отростки рогов оленя благородного, спиленные на торцах (Гольцева, Кашуба 1995: 28, табл. XLIII: 8), или ребра животных, тогда рабочее окончание орудия фигурно вырезалось и было снабжено поперечными выемками (рис. XXIX: 28); сюда же можно отнести и ряд специализированных орудий. С последними связаны, возможно, уток с поселения Матеуць-Ла башнэ и несколько орудий с памятников Хлижень II-Ла Шанц и Матеуць-Ла башнэ (рис. XXIX: 25, 26). Уток цилиндрической формы с длинными раздвоенными лунками на концах, на его поверхности имеются поперечные следы от нитей (рис. XXIX: 25). Такие же следы утилизации в виде неглубоких поперечных линий от нитей имеются на орудиях для уплотнения нитей основы (рис. XXIX: 26), сделанных на трубчатых костях крупного рогатого скота (Гольцева, Кашуба 1995: 28).

Гребень для расчесывания шерсти из Хлижень II-Ла Шанц изготовлен из рога благородного оленя, имеет шесть длинных зубцов, его торец обработан ножом (рис. XXIX: 31). Аналогичные гребни известны на памятниках позднечернолесской культуры Среднего Днестра, например, на Рудковецком городище (Винокур и др. 1984: 15, 70, рис.6: 3), и Правобережья Днепра — на Московском городище (Тереножкин

1961: 99, рис.68: 3), а также предскифском эпонимном поселении Жаботин (Покровская 1973: 175-177, рис.4: 23, 24). Из более поздних находок скифского времени можно отметить находки таких гребней на Левобережье Днепра — Бельском городище (Шрамко 1987: 96, 97, рис.41: 8) и городище Полковая Никитовка (Моруженко 1988: 43, рис.8: 17). В раннескифское и скифское время появляются гребни более тщательно обработанные, они становятся плоскими, количество зубцов возрастает до девяти, а торец изделий снабжается овальным или подпрямоугольным щитком-навершием, который может быть оформлен уже в зверином стиле как экземпляр из кургана № 2 у с.Перебыковцы на Среднем Днестре (Смирнова 1979: 48, 50, рис.9: 1).

Ряд орудий из кости и рога мог применяться для обработки кожи — конек из Алчедар III, орудия с отверстием (рис. XXIX: 24), а также лощила с широкими рабочими краями (рис. XXIX: 12). Но пока не проведен трасологический анализ таких изделий нельзя надежно выделить специализированные орудия для обработки кожи (Усачук 1994: 63-69; Коробкова, Щелинский 1996: 50-52, рис.19-22). Не исключено, что часть иголок и проколок (рис. XXIX: 2-4) после трасологического обследования может оказаться спицами — орудиями, которые уже выявлены в культурах поздней бронзы и на скифских памятниках Северного Причерноморья (Усачук, Литвиненко 1999: 204-216; Гаврилюк, Усачук 1999: 119-121).

В культуре Козия-Сахарна известна еще одна серия особых роговых изделий — молотовидные орудия (рис. XXIX: 27, 30). Орудия из Сахарна Маре и Козии однотипны: они подпрямоугольной формы с боковой прямоугольной рабочей частью, снабжены двумя поперечными центральными отверстиями (прямоугольным и перпендикулярным меньшим округлым) и втулкой для крепления рукояти (рис. XXIX: 27). От орудия из Алчедар III сохранилась нижняя рабочая часть вытянутой усеченно конической формы с поперечным прямоугольным отверстием (рис. XXIX: 30). Несколько подобных роговых орудий происходят из второго горизонта (На В 2 — В 3) городища Телеак каннелированного гальштата типа Гава в Трансильвании (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 216, fig.20: 1, 2). На том же городище Телеак найден роговой прямоугольный скипетр с прямоугольным центральным отверстием, украшенный рядами циркульного

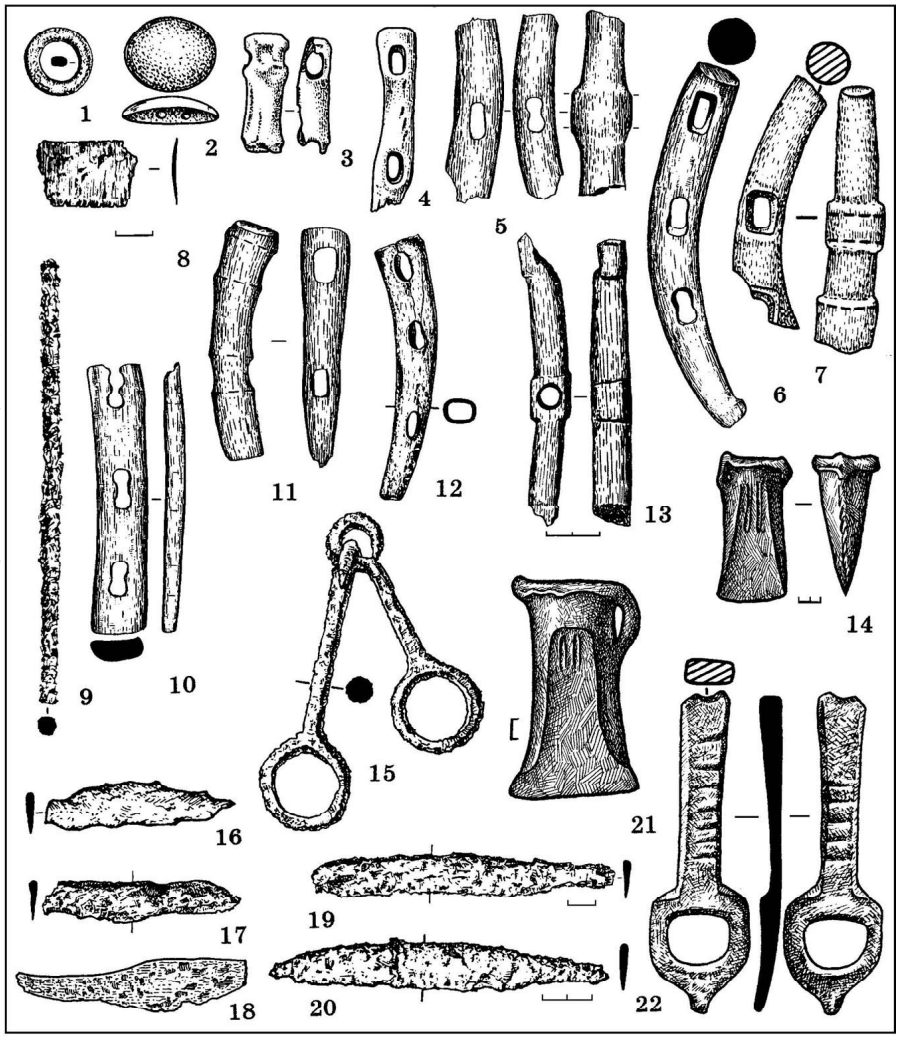


Рис. XXX. Предметы конского снаряжения из кости и рога (2-7, 10-13), бронзы (1, 22) и железа (15), а также орудия труда из бронзы (8, 14, 21) и железа (16-20) культуры Козия-Сахарна. 1 — Алчедар III; 2, 5-7, 10, 22 — Сахарна Маре; 3, 4, 18 — Цахнэуць; 8, 9 — Матеуць-Ла башня; 11 — Цареука; 12, 15, 17, 19, 20 — Сахарнянский могильник I; 13 — Хлижень II -Ла Шанц; 14 — Матеуць; 16 — Сахарнянский могильник II; 21 — Требужень II.

орнамента (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 73, 74, 218, fig.22: 14). Аналогичное роговое орудие было обнаружено на позднечернолесском поселении Нагоряне-Пидмет Среднего Днестра (Шовкопляс 1954: 104, рис.8). Таким образом, молотовидные орудия — это специфический тип роговых изделий, подтверждающий раннегальштатский (-предскифский) контекст, в котором они зафиксированы.

Костяные наконечники стрел также маркируют предскифский хронологический горизонт (рис. XXIX: 6-8, 14-17, 29). Наконечники стрел культуры Козия-Сахарна втульчатые, подтреугольной формы, с треугольной выемкой у основания (рис. XXIX: 6-8, 15, 16). Два экземпляра двушипные: наконечник из Солочень-Хлиная с пирамидальным пером, четырехгранным в сечении (рис. XXIX: 14), а найденный в Хлижень II-Ла Шанц — черешковый, с ромбовидным в сечении пером (рис. XXIX: 17). Большая серия втульчатых и черенковых наконечников стрел, ромбовидных в сечении, происходит с памятников чернолесской культуры Правобережья Днепра (Тереножкин 1961: 92-96, рис.66; он же 1976: 133-139), а также они типичны для ранних кочевников-черногоровцев Северного Причерноморья, где имеют хорошие белозерские и позднесрубные прототипы (Дубовская 1993: 139-141, 156-159, рис.76-78). Эта категория изделий позволяют синхронизировать и относить к одному предскифскому (-раннегальштатскому) хронологическому пласту культуру Козия-Сахарна на Среднем Днестре, развитое Чернолесье Днепро-Поднестровья и черногоровскую культуру степей Северного Причерноморья.

К ярко выраженным степным раннекочевническим типам изделий из рога (или т.н. предметам «кочевнического комплекса») принадлежит конское снаряжение — псалии (рис. XXX: 3-7, 10-13), половина из которых (четыре экземпляра) найдена на городище Сахарна Маре (рис. XXX: 5-7, 10).

Обнаруженные целые и фрагментированные псалии изогнутые, трехдырчатые, с расположенными в одной плоскости по всей длине и относительно далеко друг от друга овальными (подпрямоугольными) или восьмерковидными отверстиями (рис. XXX: 3-7, 10-13). Все вышеперечисленные характеристики являются определяющими признаками для псалиев именно предскифских типов (Лесков 1971: 83-86, рис.4; Тереножкин 1976: 147-157, рис.85; 86: 7, 8; Дубовская 1993: 142, 143, 152, 156, 157, рис.73; 76; 77; она же 1994: 22, 24, 25, рис.4: 53-62; Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 35-39). Из этой серии несколько выпадает найденный в Хлижень II-Ла Шанц псалий, но он относится к числу позднейших предскифских образцов и маркирует верхнюю хронологическую границу культуры Козия-Сахарна (глава IV).

Конское снаряжение (и, в частности, псалии) является в культуре Козия-Сахарна северопричерноморским степным импортом, отсюда и приоритет в аналогиях. Датировка степных предскифских комплексов дает и даты найденных в Сахарне (восточном варианте культуры Козия-Сахарна) предметов «кочевнического комплекса». Из существующих в настоящее время версий развития культурно-исторической ситуации в степях Северного Причерноморья в предскифский период (обзор — Иванчик 1999: 77-97) для наших целей интерес представляют работы, содержащие типологические (и хронологические) разработки, в частности, по псалиям (Дубовская 1993: 137-160; Дубовская, Подобед 1996: 96-109; Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 23-44).

Обращает на себя внимание, что большинство известных в культуре Козия-Сахарна псалиев находят аналогии среди тех предскифских экземпляров, которые у исследователей, предлагающих для них разные типологические ряды (Дубовская, Подобед 1996: 107-109; Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 35-39), в плане абсолютной хронологии попадают в один и тот же период — IX-начало VIII вв. до н.э.

Происходящий из Сахарна Маре целый псалий с утолщением на одном удлиненном конце (рис. XXX: 6) аналогичен эльтонским, которые вместе с экземплярами из Жирноклеевского и Веселой Долины маркируют, по О.Р.Дубовской, средний этап черногоровской культуры (Дубовская 1996: 115-118, рис.1-6; Дубовская, Подобед 1996: 107, 108, рис.2).

Другие псалии из Сахарна Маре, в том числе и с выраженными утолщениями вокруг отверстий (рис. XXX: 5, 7), а также фрагментированные образцы из Цахнэуць и Цареуки (рис. XXX: 3, 4, 11), следуя С.Б.Вальчаку, В.И.Мамонтову и А.А.Сазонову, можно отнести к типу Жирноклеевский-1, который они датируют концом IX-первой половиной VIII вв. до н.э. (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 36-39). Аналогичные псалии хорошо известны на позднечернолесских памятниках Правобережья Днепра, большей частью на Субботовском городище (Тереножкин 1961: 97-106; он же 1976: 91, 92, рис.54: 1, 4, 5; 55: 2-5).

Показательно, что на городище Сахарна Маре (рис. XXX: 2), как и на Субботовском (Тереножкин 1976: 93, 158, рис.56: 2-5), найдены и костяные овальные бляшки с длинным ребром на обороте, снабженном поперечными отверстиями. Последние, по мнению как О.Р.Дубовской, так С.Б.Вальчака, В.И.Мамонтова и А.А.Сазонова, маркируют ранние черногоровские комплексы явно IX в. до н.э. (Дубовская 1996: 115-118; Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 26-32, рис.3: 1-11), а, согласно О.Р.Дубовской, — еще и Северо-Восточную зону черногоровской культуры (Дубовская 1994: 22-25, рис.4). Имеются две ранних находки подобных бляшек и на территории Румынии. Это костяная овальная бляха с эпонимного поселения Грэничешть каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды на се-

вере Запрутской Молдовы (László 1994: 64, 91-95, 230, fig.10: 7), а также бляшка из клыка кабана в комплексе материалов Br D — Ha A 1 поселения Униоара де Жос в центральной Трансильвании (Cuigudean 1994: 27, 29, fig.2: 7).

Несколько роговых псалиев одного круга с сахарнянскими образцами (ранних черногоровских типов) найдены на эпонимном городище Бабадаг в Добрудже, в горизонте Бабадаг II (Morintz 1987: 46, 63, 64, fig.14: 1-4). Среди бабадагских имеются как ранние экземпляры (Morintz 1987: 64, fig.14: 3, 4), аналогичные восточноевропейским псалиям позднебронзового облика, а в лесостепи — псалиям из Белогрудовского леса и слоя раннего Чернолесья на Субботовском городище (Тереножкин 1976: 148, 155-157, рис.85: 1, 3, 4), так и несколько поздние образцы типа Жирноклеевский-1 (Morintz 1987: 64, fig.14: 1, 2).

Псалии из Бабадага были отнесены Н.Боровкой к рассмотренному им очень обобщенно III типу (стержневидные с тремя отверстиями), который появляется в эпоху поздней бронзы и эволюционирует до периода Ha B (Boroffka 1999: 100, 105, 107, 108, 120; abb.7: 9-12; 10; 11; 13).

Отмеченное морфологическое сходство бабадагских псалиев с северопричерноморскими образцами позволяет поддержать мнение С.Моринца, что эти находки являются показателями связей с культурными группами Молдавии (Сахарна-Солончень) и лесостепной Украины (культура Черный Лес) (Morintz 1987: 68). Сейчас очевидно, что роговые псалии маркируют не только культурные (и другие) связи между Бабадагом II, Козией-Сахарной и Чернолесьем, но и контакты этих культур с ранними кочевниками-черногоровцами, а также принадлежность всех вышеупомянутых древностей к единому раннегальштатскому (-предскифскому) хронологическому пласту.

Среди украшений можно отметить подвеску из молочного зуба оленя благородного и костяные подражания ей (рис. XXVII: 7, 9, 10), а также колоколовидные подвески из Матеуць-Ла башнэ (рис. XXVII: 54, 55). Последние, видимо, повторяют бронзовые прототипы — колоколовидные конические слабо профилированные подвески со шляпкой, хорошо представленные в белозерской культуре Северного Причерноморья (Ванчугов 1990: 81, 82, 97, рис.34: 3; 35: 10). В.П.Ванчугов подробно рассмотрел хронологию таких изделий и уточнил, что в Карпато-Дунайском бассейне конические подвески были распространены сравнительно небольшой отрезок времени в пределах XII-X вв. до н.э. (Ванчугов 1990: 113). Такие подвески известны и в ареале родственной культуры Бабадаг в Добрудже — в составе клада на поселении Дриду 22 колоколовидные подвески найдены совместно с двухпетельчатой дуговидной фибулой. Клад Дриду датируется Ha B 1 (X в. до н.э.), следовательно, это самая поздняя находка таких подвесок в регионе (Enăchiuc 1987: 72-91; fig.VII: 32-42, 87).

Прототипами костяной и роговой подвескам из Матеуць-Ла башнэ могли послужить как экземпляры, бытующие в среде белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья, хронологический стык с которой приходится на вторую половину-конец X в. до н.э., так и образцы, известные в родственной культуре Бабадаг Нижнего Подунавья (одной из областей, откуда насельники типа Козия-Сахарна мигрировали). Последнее более вероятно, так как колоколовидные подвески являются характерным изделием Карпатского бассейна предшествующего (Br D — Ha A 2) периода (Kemenczei 1967: 292-294). В любом случае, подвески из Матеуць-Ла башнэ могут датироваться не позднее рубежа X-IX вв. до н.э.

К числу любопытных находок принадлежит костяная трубочка из Сахарна Маре (рис. XXIX: 5). Она может являться одноствольной флейтой или деталью составного духового музыкального инструмента по аналогии с серией таких изделий, выявленных на материалах срубной культуры Северо-Восточного Приазовья (Усачук 1999: 70-87). Хотя, как подчеркивает и сам А.Н.Усачук, подобные костяные трубочки могли быть полифункциональными изделиями (Усачук 1999: 75, 76).

Заканчивая характеристику изделий из кости и рога, бытовавших в культуре Козия-Сахарна, отмечу, что всевозможные костяные и роговые предметы широко представлены в родственных культурах орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (Morintz 1964: 103-105; он же 1987: 46; Morintz, Roman 1969: 395-403), а также в других раннегальштатских культурах с каннелированной керамикой (Смирнова 1969а: 15-25; Leviţki 1994: 114-117). Большая серия разнообразных костяных и роговых изделий найдена и в позднечернолесской культуре Днепро-Поднестровья (Мелюкова 1958: 14, рис.2: 29-35; Тереножкин 1961: 90-93, рис.61; 64; 65; Смирнова 1983: 63-65; она же 1985а: 20-23; Крушельницька 1998: 176, 177, рис.106: 1-14). Особенностью восточной части ареала культуры Козия-Сахарна (вариант Сахарна) является ощутимое присутствие костяных и роговых изделий северопричерноморских типов.

Изделия из бронзы культуры Козия-Сахарна представлены орудиями труда (рис. XXX: 8, 14, 20), предметами конского снаряжения (рис. XXX: 1, 22), но, главным образом, деталями одежды и украшениями (рис. XXVII: 4-6, 8, 12, 14-19, 21-32, 34-38, 40-45, 48, 50-53; XXXIX: 18). Ряд предметов-хроноиндикаторов (фрагмент пилки из Матеуць-Ла башнэ, узелковые фибулы из Брад и Козии, фибулы типа «passementeria» из Быр-лада, пластинчатые браслеты с рифлением из двух Сахарнянских могильников, а также звено удил с D-образным окончанием из Сахарна Маре) подробно рассматривается в разделе по хронологии культуры (глава IV).

Две случайные находки одноушковых кельтов с трапециевидной фаской из Матеуць и Требужень (рис. XXX: 14, 21), обнаруженные в местностях наибольшей концентрации памятников типа Сахарна (восточного варианта культуры Козия-Сахарна), синхронизируются мною с культурой Козия-Сахарна. Между тем, О.Г.Левицкий все известные в Днестро-Прутском междуречье раннегальштатские клады и случайные находки бронзовых изделий синхронизировал с культурой каннелированного гальштата Кишинэу-Корлэтэнь (Левицкий 1993: 54-82; он же 1994: 117-138). Здесь необходимо отметить, что территория распространения и период бытования таких кельтов довольно широки.

Основной ареал подобных и близких по форме кельтов находится в Трансильвании, на Среднем Дунае, в Северо-Западной Болгарии, а также в Западной Украине и Молдове (Черных 1978: 201-208). Аналогии, преимущественно, дают период их бытования в пределах На А 1, но такие кельты встречаются вплоть до На В 1 (Левицкий 1993: 57, 58).

Одноушковые кельты с трапециевидной фаской, в том числе асимметричные, известны в более поздних кладах бронз Карпатского бассейна (кладах второй группы На В, по Т.Кеменцеи), содержащих уже «фрако-киммерийские» изделия (Kemenczei 1981: 41, Abb.5: 1, 3-6; он же 1996: 263-271, fig.8: A, D; 9: A-E). И это кельты тех типов, как уточняет Т.Кеменцеи, которые производились до этого длительный период в металлообрабатывающих мастерских Карпатского бассейна (Kemenczei 1996: 263-271). На Среднем Днестре сочетание такого кельта с бронзами киммерийского круга зафиксировано в кладе Мошанец IX-первой половины VIII вв. до н.э. (Смирнова, Войнаровський 1994: 137-140). Примечательно, что в качестве ранней аналогии асимметричному кельту из Мошанца Т.Кеменцеи приводит кельт из клада Валя Русулуй Днестро-Сиретского междуречья (Kemenczei 1996: 269). Последний является одним из самых поздних кладов, синхронизированных с культурой каннелированного гальштата Кишинэу-Корлэтэнь, и датируется На В 1 — В 2 (Leviţki 1994: 148).

Одноушковые кельты оказались весьма популярными в белогрудовско-чернолесской среде Правобережья Днепра, где широко известны такие изделия, смоделированные, по мнению А.И.Тереножкина, на основе трансильванских образцов (Тереножкин 1961: 122-124, рис.84: 8-15). Из Правобережья Днепра происходит и одноушковый асимметричный кельт, сделанный из железа (Тереножкин 1961: 132, рис.88).

Наконец, именно одноушковый кельт из бронзы входит в состав клада Бырлад (рис. XXXIX: 17), который датирован На В 2 и синхронизирован с культурой Козия-Сахарна (Petrescu-Dîmboviţa 1958: 59-67; он же 1977: 144, 145, 352, Pl.1-5).

Таким образом, кельты из Матеуць и Требужень вполне могут принадлежать к числу поздних образцов этого типа (На В 1- В 2) и, соответственно, их можно синхронизировать с культурой Козия-Сахарна. По мнению В.С.Бочкарева, таких кельтов (нижнедунайского происхождения) в Днестро-Сиретском междуречье может оказаться и около трех десятков, если учитывать, например, клад Валя Русулуй На В1-В2. Тем более, поэтому, необходима ревизия датировок таких изделий.

Украшения и детали одежды из бронзы культуры Козия-Сахарна особенно разнообразны и представлены большим количеством (рис. XXVII: 4-6, 8, 12, 14-19, 21-32, 34-38, 40-45, 48, 50-53; XXXIX: 18). Среди них известны как изделия, характерные для поздней бронзы-раннего железного века Средней и Юго-Восточной Европы (пластинчатые браслеты с рифлением, узелковые и дуговидные фибулы, фибулы типа «passementeria» — рис. XXVII: 43-45, 48, 50, 52; XXXIX: 18), так и образцы, популярные в северопричерноморской раннекочевнической среде, преимущественно найденные в восточной части ареала — в варианте Сахарна (бляшки-пуговицы, височные кольца, пронизки и восьмерковидные бляшки — рис. XXVII: 5, 6, 8, 12, 14-19, 21-32, 34-37, 40).

Отдельные категории мелких бронзовых деталей одежды и украшений, известные в культуре Козия-Сахарна: трубчатые (пластинчатые) и спиральные (двух-, трех- и многовитковые) пронизки, височные кольца (серьги) с заходящими концами или в несколько оборотов, — принадлежат к белозерским и позднесрубным типам Северного Причерноморья (Тереножкин 1976: 166; Березанская и др. 1986: 132, 141, рис.39: 3-8; Ванчугов 1990: 88, 97, 98, рис.37: 1-10; Дубовская 1993: 138, 139, 157, рис.77). Эти изделия продолжают широко бытовать в среде ранних кочевников-черногоровцев Северного Причерноморья, а наличие височных подвесок или серег в один-два оборота составляет, по О.Р.Дубовской, особенность Северо-Восточной зоны черногоровской культуры (Дубовская 1994: 17, 18, 22, рис.4).

Примечательно, что бронзовые пронизки оказались очень популярными и среди лесостепных культур Северо-Западного Причерноморья: в культуре Козия-Сахарна найдена большая серия таких изделий (рис. XXVII: 26-30, 34-37), значительное число пронизок известно в позднечернолесской культуре Днепро-Поднестровья. Из последних можно упомянуть находки из Днестровки-Луки (Смирнова 1982: 44, 149, рис.12: 5) и Бернашевского могильника (Гуцал 1990: 29; он же 1993: 53, 54, 157, рис.15: 2, 4, 5) на Среднем Днестре, а также больше 20-ти пронизок обнаружены в кладах 1955 г. и 1971 г. на Субботовском городище, и, в целом, пронизки найдены практически на всех позднечернолесских городищах Правобережья Днепра (Тере-

ножкин 1961: 155, 158, 159, 172, 173, рис.102: 9; 105: 10, 12; он же 1976: 87, 94, рис.52; 57: 11-14). Вероятно, такая популярность пронизок, которые могли служить разделителями для шнуров, бахромы или наконечниками тесемок-завязок, была обусловлена не столько простотой их изготовления, сколько особенностями одежды, в которой широко присутствовала бахрома. Последнее можно проиллюстрировать антропоморфными фигурками из Цахнэуць, на которых бахрома изображена в несколько рядов (рис. XXXIII: 9, 12, 13). В то же самое время Л.С.Клочко, реконструируя костюм чернолесской культуры, считает, что из пронизок могли составляться нашейные украшения, или они использовались как детали декора одежды (Клочко 1996: 94-96).

Бронзовые бляшки округлой формы с петлей на обороте, известные в культуре Козия-Сахарна, представлены двумя вариантами (рис. XXVII: 5, 6, 14-18, 40). К первому относятся литые бляшки с большой петлей-перекладиной (рис. XXVII: 18), ко второму — со скрытой небольшой петелькой (рис. XXVII: 6, 15-17), которая может быть подквадратной (рис. XXVII: 6, 14) или сделанной из тонкой проволоки (рис. XXVII: 16, 17).

Согласно недавно предложенной С.Б.Вальчаком, В.И.Мамонтовым и А.А.Сазоновым типологической схеме, бронзовые бляшки-пуговицы являются подражаниями костяным экземплярам с ребром на обороте и, поэтому, считаются более поздними, типичными для позднейшего предскифского периода (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 33, 34, 39-42). По поводу такого «узкого» подхода нами были высказаны критические замечания (Яровой, Кашуба, Махортых 2000), а Н.Л.Членова показала широкое распространение этих бляшек в восточных районах Евразии еще в эпоху поздней бронзы (Членова 1997: 38).

Необходимо отметить, что и по материалам культуры Козия-Сахарна можно говорить о более раннем (дочерногоровском) бытовании таких бляшек из бронзы. Так, в курганах III и IV Сахарнянского могильника I (Цыглэу) бляшки-пуговицы найдены совместно с пластинчатыми браслетами и двухпетельчатыми фибулами — изделиями, которые датируются не позднее конца X в. до н.э. (глава IV). А для бронзовой бляшки с небольшим центральным отверстием (без петельки) из Солончень-Хлиная (рис. XXVII: 32) также имеется ранняя аналогия — экземпляр из клада Уиоара де Сус в Трансильвании, который даже по самым поздним находкам датируется На А (Русу 1960: 164, 171, рис.4: 11). Эти бляшки (с центральным отверстием) относятся к украшениям ремней конской упряжи (Русу 1960: 175).

Среди ранних деталей конского убора эпохи бронзы Средней Европы также присутствуют бронзовые бляшки с петлей на обороте (Русу 1960: 164, 171, рис.4: 12, 13, 21-25; Thrane 1965: 71, fig.9). Здесь можно упомянуть и экземпляры из кладов Бюксентласло и Кесел На В 2 из северной Венгрии (Kemenczei 1996: 258, 261, fig.7.C.3). Из местонахождений на Дунае отмечу бляшки из уже упоминаемого клада Дриду (X в. до н.э.) культуры Бабадаг в Добрудже (Enăchiuc 1987: 77, 78, fig.V: 54-68), бляшку из Инсула Банулуй того же орнаментированного гальштата (X-IX вв. до н. .) Балкано-Подунавья (Morintz, Roman 1969: 400, 411, 416, fig.7: 8), а также более ранние (На А 1) бляшки с небольшой петлей на обороте из погребения бронзолитейщика в могильнике Любкова-Цыглэриэ финальной фазы культуры Жуто Брдо-Гырла Маре (Gumă 1995: 101, 102, 126, pl.VIII/B.16, 17). Из ранних экземпляров (XI-X вв. до н.э.) уже Днестро-Прутского междуречья можно добавить бляшку-пуговицу из погребения Ханска раннегальштатского горизонта с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта (Levițki 1994a: 229, 245, pl.6: 7).

На бронзовой бляшке из каменного ящика II могильника Алчедар изображен ромбовидный значок с вогнутыми сторонами и кружком посередине (рис. XXVII: 14), который, по А.И.Тереножкину, наиболее часто встречается на киммерийских вещах (Тереножкин 1976: 174). Согласно разработкам О.Р.Дубовской, бляшки с ромбовидным знаком наиболее характерны для позднечерногоровских памятников (Дубовская 1997: 185-189). При этом она называет для них ранние аналогии в кобанской и протомеотской культурах Северного Кавказа (Дубовская 1993: 138, 139) и отмечает, что такой солярный символ мог распространяться носителями северокавказских структур в общем влиянии их производства на предскифские культуры юга Восточной Европы (Дубовская 1997: 189). Очевидно, что передатчиками отмеченных влияний на население культуры Козия-Сахарна (и, в целом, лесостепь) все-таки выступали степные племена Северного Причерноморья.

В культуре Козия-Сахарна бронзовые восьмерковидные бляшки представлены девятью экземплярами (рис. XXVII: 8, 12, 19, 21-23). Выделяются три варианта таких бляшек, из которых к первому относятся экземпляры прямоугольной формы, без перехвата посередине, с двумя небольшими выпуклостями как образец из Солончень-Хлиная (рис. XXVII: 23). Второй вариант составляют овальные бляшки без перехвата посередине, с расположенными по краям двумя большими выпуклостями (рис. XXVII: 8, 19). Третий вариант представлен овальными бляшками с перехватом посередине, выпуклости при этом могут быть как большими, так и малыми (рис. XXVII: 12, 21, 22).

Восьмерковидным бляшкам в последнее время были посвящены отдельные исследования, где для них предложены и типологические схемы, а по О.Р.Дубовской, такие предметы составляют специфику Северо-Восточной локальной зоны черногоровской культуры (Дубовская

1994: 17, 18, 22, рис.4; Потапов, Бабешко 1994: 125, 126; Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 26-34, рис.3: 12-16; 4: 6, 11; 7: 2). В хронологическом плане восьмерковидные бляшки характеризуют средний и поздний черногоровские этапы, по О.Р.Дубовской (Дубовская 1996: 116-118), или классические черногоровские памятники первой четверти-конца VIII в. до н.э., по С.Б.Вальчаку, В.И.Мамонтову и А.А.Сазонову (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 41).

Сводку О.Р.Дубовской из десяти степных черногоровских погребений с восьмерковидными бляшками дополнил еще тремя нижнедонскими комплексами В.В.Потапов, который также затронул вопросы происхождения этих изделий, функционального назначения и распространения (Потапов 1997: 35-39). В.В.Потапов считает, что распространялась сама идея (посредством черногоровцев распространялись украшения), а Волго-Камье он предложил в качестве территории происхождения восьмерковидных бляшек, где они появляются в составе налобных венчиков в погребениях маклашеевского этапа приказанской культуры, а затем становятся ведущими элементами украшений в раннеананьинских памятниках (Потапов 1997: 37).

Принимая мнение В.В.Потапова о кустарном производстве бронзовых восьмерковидных бляшек (Потапов 1997: 37), можно полагать, что столь широкое распространение этих изделий в лесостепи Северного Причерноморья, на Северном Кавказе и восточнее — в Волго-Камье и Сибири подразумевает и наличие множества местных центров их изготовления. Один (или несколько) из таких центров находился в лесостепи Днепро-Поднестровья — в культурах Козия-Сахарна на Среднем Днестре и Чернолесье на Правобережье Днепра. В пользу этого свидетельствует количество найденных в указанной области бляшек: они обнаружены, например, на каждом чернолесском памятнике, а на Субботовском городище (включая два клада украшений 1955 года) их известно более 40 экземпляров (Тереножкин 1961: 158, 159, 173, 174, рис.105: 1-3, 4-7, 13-15; 106: 3). Последнее в несколько раз перекрывает общее число всех восьмерковидных бляшек из собственно черногоровских погребений.

Учитывая известный дефицит металла в восточноевропейских степях на протяжении всего периода бытования черногоровских памятников (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 32, 33; Яровой, Кашуба, Махортых 2000), можно полагать, что ранние кочевники-черногоровцы стремились установить контакты с теми соседними племенами, которые владели металлообработкой или имели отношение к центрам металлообработки. Не исключено, поэтому, что обнаруженные в культурах Козия-Сахарна и Чернолесье восьмерковидные бляшки могли быть изготовлены местными мастерами на заказ для ранних кочевников-черногоровцев, и в таком ракурсе особенно показательны клады украшений из Субботова.

Разбирая назначение восьмерковидных бляшек, В.В.Потапов отмечает их использование для налобных венчиков или очелий, а также для ременных деталей одежды, и приходит к выводу о полифункциональности их как декоративного элемента (Потапов 1997: 37, 38). Здесь можно напомнить интересное уточнение Е.В.Черненко, который отметил, что для защиты левой руки лучника от травмирования тетивой на рукав могли нашиваться пластины как известные у ананьинцев и савроматов (Черненко 1981: 124, рис.92). Последние по своему устройству (Черненко 1981: 124, рис.92: 1) аналогичны восьмерковидным бляшкам, но особенно им близок экземпляр из Солончень-Хлиная (рис. XXVII: 23). Подобное применение восьмерковидных бляшек (в качестве защитных деталей одежды для стрельбы из лука) подтверждают те черногоровские погребения (почти половина из всех известных), в которых эти бляшки найдены в районе таза-поясницы погребенного, т.е. на краях рукавов.

На всех бытовых памятниках и погребениях культуры Козия-Сахарна найдены большие и малые бронзовые проволочные браслеты в один или несколько оборотов (рис. XXVII: 42, 51, 53). Такие браслеты в Карпато-Дунайском бассейне были известны еще с эпохи поздней бронзы (Петреску-Дымбовица 1960а: 149, рис.9: 1-10) и представлены в кладах широкого хронологического диапазона На А-В (Kemeczei 1984: 215, taf.V; 14, 15; LIXa: 9-17; CXIX: 25, 26, 30-33; Petrescu-Dîmboviţa 1977: pl.205: 2, 3, 5, 7, 9, 14; 312: 1-16). Можно отметить находки проволочных браслетов в родственных Козии-Сахарне культурных группах орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья: на эпонимных поселении Инсула Банулуй (Morintz, Roman 1969: 400, 416, fig.7: 9) и городище Бабадаг (Morintz 1987: 46).

В Северном Причерноморье бронзовые проволочные браслеты также известны с эпохи поздней бронзы, например, в белозерской культуре (Лесков 1971: рис.2: 22; Отрощенко 1975: рис.6: 4; Ванчугов 1990: 88, 95, рис.37: 23). Такие изделия являются не редкостью и в позднечернолесской культуре Днепро-Поднестровья — Рудковецкое городище (Винокур и др. 1984: 70), Бернашевский могильник (Гуцал 1990: 29), Субботовское городище (Тереножкин 1961: 154, 158, 159, 170, рис.101: 10, 11; 105: 8; 106: 6-8).

Особенностью состава инвентаря культуры Козия-Сахарна, как принадлежащей начальному периоду раннего железного века, является присутствие сравнительно большой серии *изделий из железа* (рис. XXVII: 46, 47, 49; XXX: 9, 15-20; XXXIX: 15, 16). Это орудия труда, представленные топорами с крылышками из клада Бырлад (рис. XXXIX: 15, 16) и ножами (рис. XXX: 16-20), пара удил (рис. XXX: 15), фибулы (рис.

XXVII: 46, 47, 49), а также заготовки (рис. XXX: 9) и неопределенные предметы. Те или иные железные предметы обнаружены на всех раскопанных бытовых памятниках культуры Козия-Сахарна, в том числе, например, нож и четыре обломка стержней в Цахнэуць (рис. XXX: 18). Предметы-хроноиндикаторы (удила, фибулы, топоры) рассматриваются в разделе по хронологии (глава IV).

Железные ножи культуры Козия-Сахарна относятся к типу однолезвийных с горбатой спинкой (рис. XXX: 16-20). В Северном Причерноморье серия однотипных ножей известна на памятниках чернолесской культуры Правобережья Днепра (Тереножкин 1961: 150-152, рис.99: 1, 2, 4-6; 100: 1; он же 1976: 70, 84, 92, рис.36: 2, 3; 49: 4-9; 55: 5, 6). Подобные однолезвийные ножи (в том числе девять железных) являются одной из определяющих категорий инвентаря черногоровских погребений (Тереножкин 1976: 161, 162; Дубовская 1993: 142, 143). В качестве прототипа последним О.Р.Дубовская предложила экземпляр из позднесрубного погребения Вишневый Дол на Луганщине (Дубовская 1993: 142, 143, 157, рис.77: 33).

Известные в Северном Причерноморье остальные ранние (X в. до н.э.) биметаллические и цельножелезные экземпляры, например, кинжальчики белозерской культуры (Евдокимов 1987: 110, рис.2: 4; Vančugov 1999: 99, 101, рис.2: 5; Ванчугов 1990: 107, 109; он же 1996: 300-303, abb.10: 1, 2), в большей массе значительно отличаются от однолезвийных ножей с горбатой спинкой. А железный нож из Первомаевки, короткий и без черенка, вряд ли правомочно относить к типу ножей с горбатой спинкой (Евдокимов 1987: 121, 124). Согласно В.П.Ванчугову, он принадлежит к типу бесчеренковых ножей (Н-6) с листовидной конфигурацией клинка (Ванчугов 1990: 87). В той же белозерской культуре, но именно Северо-Западного Причерноморья, наличие бронзовых однолезвийных ножей с горбатой спинкой и литейных форм к ним (Кошница, Ранжевое, Новогригорьевка, Суворово IV) связано с заимствованиями из Средней Европы и Карпато-Дунайского бассейна, где такие ножи известны с периода Br D (Ванчугов 1990: 89). В этой связи можно упомянуть серию однолезвийных ножей из бронзы (в том числе с горбатой спинкой) из Гордеевского могильника на Южном Буге (Березанская 1999: 139-142, рис.5-7).

Ряд железных ножей с горбатой спинкой обнаружен на раннегальштатских памятниках Карпато-Дунайского бассейна. Это ножи, найденные на поселении Грэничешть каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды в северной части Запрутской Молдовы и экземпляр из Тэмэоань юга этого же региона (László 1986: 19, 26, 28, fig.2: 3, 4, 6; он же 1994: 94, 150, 151, 230, fig.10: 1, 2). Последний, как и образцы из поселения Ханска-Ла Маткэ (Leviţki 1994a: 229), обнаружены на местонахождениях раннегальштатского горизонта с прочерченной керамикой XI-X вв. до н.э. Прототипами раннегальштатских железных ножей, по мнению А.Ласло, послужили бронзовые ножи липтовского типа, хорошо представленные в Карпатском бассейне в кладах Br D — Ha B 1 (László 1994: 94, 108). Хотя Н.Боровка датирует железные экземпляры из Грэничешть и Тэмэоань более поздним временем — Ha B 1 (Boroffka 1987: 55-64, harta 1), в любом случае, они могли послужить образцами для железных ножей с горбатой спинкой, в том числе, известных в культуре Козия-Сахарна.

Наличие в культуре Козия-Сахарна сравнительно большого количества железных изделий (ныне известно 15 предметов и заготовка), представленных как малосерийными находками (топоры, ножи, фибулы), так и одиночными предметами (удила), позволяет поставить вопрос о дате начального этапа раннего железного века в Северном Причерноморье (Бидзиля и др. 1983: 19, рис.5; Ванчугов 1990: 106-109; он же 1996: 302-306; Никитенко 1992: 162, 163), и Среднем Поднестровье, в том числе (Кашуба 1998: 30, 31), что напрямую связано с началом металлургии железа в Карпато-Дунайском регионе и Юго-Восточной Европе в целом.

Относительно времени начала широкого освоения железа в Карпато-Подунавье в румынской историографии существуют две точки зрения. Ряд исследователей помещают его в Ha A, пытаясь датировать по числу найденных ранних железных предметов (Rusu 1974: 351; László 1975: 17-39; он же 1977: 53-75; Stoia 1986; она же 1989: 43-67). Анализируя обстоятельства находок и типы железных изделий, другие ученые полагают, что Ha B (главным образом, 800 г. до н.э.) является реальным началом железного века в Румынии (Boroffka 1987: 55-77; Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 126-128).

Эта проблема особо актуальна, так как Северные Балканы и Карпатский бассейн фигурируют как территории возможных путей проникновения железа в Европу еще со II тыс. до н.э. (Pleiner 1980: 375-406), а окончательный переход к эпохе железа в Греции приходится на 1050-1000 гг. до н.э. (Snodgrass 1980: 335-374). При этом Карпатский бассейн рассматривается А.Стойа как один из прогрессивных регионов в освоении металлургии железа, откуда многие ранние образцы железных изделий распространились как на восток (вплоть до бассейна Днепра), так и на запад, а ранняя адаптация населения этих областей к новому металлу была обусловлена высоким уровнем технологии производства бронзы в предшествующий период (Stoia 1989: 43-67).

Железные предметы (малосерийные ножи и топоры) присутствуют во всех раннегальштатских культурных группах Добруджи и Запрутской Молдовы. На эпонимном памятнике Бабадаг (горизонт Бабадаг II) получены достоверные све-

дения о местной добыче и обработке железа из руды. Обнаруженные на Бабадаге и поселении этого типа Дервент куски обогащенной железной руды происходят из расположенных поблизости месторождений гематитовых руд, где зафиксированы следы древних разработок (Olteanu 1971: 295-299). А железные продолговатые слитки из Бабадага могли как перерабатываться на месте, так использоваться и при обмене (László 1975: 18, 30, 32, 38).

Начало раннего железного века в Среднем Подунавье (в регионах юго-западной Румынии, северной Сербии и северо-западной Болгарии) М.Гумэ помещает около 1000 г. до н.э. — перед фазой На В. Он подчеркивает, что это не только освоение металлургии железа, но и важные изменения этнокультурного, социально-экономического и духовного характера: заброшенность прежних местонахождений, другой тип обитания, значительные перемены в типологии наиболее значимых категорий изделий (Gumă 1995: 99, 110).

Таким образом, переселившись со Среднего и, отчасти, Нижнего Дуная в лесостепь Днестро-Сиретского междуречья, насельники культуры Козия-Сахарна принесли с собой и технологию производства железа, широко употребляя в быту изделия из него. Так, жители поселения Матеуць-Ла башнэ специализировались на производстве железа из болотной руды, многочисленные куски которой в значительном количестве найдены в культурном слое и закрытых комплексах этого памятника, а также обнаружены несколько кричных конгломератов и заготовка железного предмета (Кашуба 1989: 60).

Необходимо отметить, что в Северном Причерноморье технология производства железа известна еще с эпохи поздней бронзы и не являлась для времени начала I тыс. до н.э. технологическим новшеством (Бидзиля и др. 1983: 19, рис.5; Терехова, Эрлих 2000: 135). На основании находок древнейших железных изделий и остатков железоделательного производства ряд исследователей приходит к выводу о самостоятельном становлении черной металлургии в Восточной Европе около конца II тыс. до н.э. (Граков 1958: 3-9; Шрамко 1965: 227; Пряхин 1973: 134, 135; Бидзиля и др. 1983: 13-19, рис.5; Паньков 1994: 49, 50, 56; Килейников 1999: 85-87). Самым ранним же изделием из кричного железа в Восточной Европе является биметаллический кинжальчик из погребения раннекатакомбной культуры (около 1700 г. до н.э.) у с.Герасимовка на Северском Донце (Шрамко 1991: 105, 106; Шрамко, Машкаров 1993: 163-170).

Другие ранние кричные изделия из железа известны в среде срубных племен: шила, нож, прутики и шлаки найдены на памятниках донской лесостепной срубной культуры (Бирюков 1990: 46, 47), а на поселении у с.Умиленье Левобережья Днепра зафиксированы следы (шлаки) обработки железа (Березанская 1982: 136).

В Северо-Западном Причерноморье можно отметить железное шило с позднесабатиновского (XIII в. до н.э.) поселения Ташлык I в Николаевской области (Бидзиля и др. 1983: 15, 16), а также серию железных изделий позднебелозерской культуры второй половины XI-X вв. до н.э.: биметаллические и цельнолитые кинжальчики и ножи, фибулу (Березанская и др. 1986: 117-152; Евдокимов 1987: 110, 124, рис.2:4; он же 1999: 99, 101, рис.2: 5; Ванчугов 1990: 80, 107-109, рис.33: 12, 13, 15; Agulnikov 1996: 64, 65, 71-73, 106, 107, fig.18: 7; 19: 4).

Железные орудия труда (ножи, шилья, наконечник стрелы) обнаружены и на памятниках многих лесостепных культур эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья: белогрудовской, бондарихинской, лебедовской (Березанская 1982: 138; Бидзиля и др. 1983: 18). Здесь я опускаю дискуссию по поводу железоплавильного горна с поселения Лиманское озеро в Донбассе, отнесение которого к бондарихинской культуре эпохи поздней бронзы (Татаринов 1980: 280-283; Бидзиля и др. 1983: 13-15) рядом исследователей было поставлено под сомнение (Шрамко, Шрамко 1995: 58, 59; Терехова и др. 1997: 32, 33). В субстратной же для Чернолесья белогрудовской культуре не только известны изделия из железа (иглы, например), но в зольнике у с.Краснополка близ Умани найден кусок железного шлака с 58% содержания железа, получившегося в результате плавки болотной руды в сыродутном горне (Тереножкін 1951: 180).

Краткий обзор освоения технологии железа в Северном Причерноморье в начале I тыс. до н.э. показывает, что насельники культуры Козия-Сахарна могли демонстрировать своему новому культурному окружению здесь не собственно технологическое новшество, а, возможно, преимущества широкого применения в быту железных предметов. Говоря о преимуществах, я лишь имею ввиду известное положение В.С.Бочкарева о том, что технология обладает деэволюцией и необратима во времени (доклад В.С.Бочкарева в ИИМК РАН осенью 1999 года). В случае с белогрудовско-чернолесскими племенами наглядные примеры такого регулярного использования железных орудий, изготовленных из местных болотных руд, могли увеличить объем производства железных изделий в их собственной среде. А для соседних ранних кочевников сахарнянские мастера, владея металлургией железа, могли выполнять на заказ (обмен) различные бытовые предметы, ножи, например. Здесь можно напомнить интересное мнение Е.В.Яровой и И.В.Бруяко, что железные однокольчатые удила из Сахарнянского могильника I (Цыглэу) и Мервинцев на Днестре являются успешной попыткой местных мастеров копирования в железе бронзовых прототипов (Яровой, Бруяко 2000).

Необходимо учитывать и общеисторическую ситуацию на юге Восточной Европы в позднем

бронзовом веке, а именно, общий упадок металлообработки в Карпато-Дунайской области и Северном Причерноморье, прекращение использования в XI-X вв. до н.э. Донецких медных рудников и кардинальную передислокацию (в рамках Евразийской металлургической провинции) находок и производящих центров в лесостепную и лесную зоны Европы и Азии с резким обеднением степных зон (Черных 1976: 198-202; Бочкарев 1981: 26; Агапов 1990: 5-11). При этом одной из особенностей черногоровских древностей (по сравнению с новочеркасскими, связанными с кавказскими металлургическими центрами) как раз и является трудность со снабжением металлом не только в ранний период (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 32, 33), но и на протяжении всего времени их существования (Яровой, Кашуба, Махортых 2000). В таком случае, население культуры Козия-Сахарна (со своими мастерами-бронзолитейщиками и железообработчиками) для ранних кочевников-черногоровцев могло выступать в качестве выгодного партнера при каких-то экономиче-ских обменах.

Проделанный анализ вещевого инвентаря культуры Козия-Сахарна показывает следующее. Повторение в устойчивом сочетании основных типов изделий, найденных на многих памятниках Запрутской Молдовы и лесостепного Днестро-Прутского междуречья (рис. XXV-XXIX), позволяет считать местонахождения этих двух областей хронологически едиными и принадлежащими одной культуре Козия-Сахарна, а также уверенно относить к раннегальштатскому (предскифскому) хронологическому пласту. Между тем, большая доля в инвентаре северопричерноморских типов изделий характеризует памятники восточной части ареала этой культуры (вариант Сахарна). Владение же технологией железа и производством инкрустированной чернолощенной посуды обеспечило населению культуры Козия-Сахарна прогрессивную роль в культурно-историческом развитии лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в начале I тыс. до н.э.

3.3. Культовые сооружения и предметы

Развитая «идеологическая» (духовная) сфера, составляющая специфическую особенность культуры Козия-Сахарна, фиксируется культовыми местами (святилищами) трех основных уровней. Это домашние (прослеживаются по многочисленным функционально специализированным культовым предметам из глины, в том числе, на площади жилищ), территориальные (на каждом отдельном поселении — культовые ямы в Солончень-Хлиная и Алчедар III) и пансвятилище Хлижень II-Ла Шанц. Анализ духовной культуры населения типа Козия-Сахарна подразумевает отдельное специальное исследование, поэтому здесь только обозначаются и акцентируются ее основные составляющие (рис. XXXI-XXXIV).

На всех раскопанных памятниках (поселениях и могильниках) типа Козия-Сахарна зафиксирована культовая посуда, которая представлена как миниатюрными сосудиками, морфологически повторяющими формы кухонной и столовой керамики (рис. XXXII: 11, 18-21, 23, 24, 27), так и специализированными сосудами (рис. XXXII: 7, 13-17, 22, 25, 26, 28-37; XXXIII: 14). Среди последних выделяются пиксиды нескольких типов и крышечки от них (рис. XXXII: 14, 15, 22, 25, 26, 28-36), а также зооморфные сосудики на ножках (рис. XXXII: 37; XXXIII: 14).

Пиксиды культуры Козия-Сахарна представлены двумя основными типами. Первый тип составляют стаканообразные сосуды с невыделенным или слегка выделенным венчиком, прямым или округлобоким туловом, плоским выделенным или округленным дном. Диаметр венчика таких сосудов, как правило, равен диаметру дна (рис. XXXII: 14, 15, 22, 28, 29, 30, 33, 34, 36). По краю венчика пиксиды могут быть снабжены двумя симметрично расположенными подтреугольными выступами с одинарными или парными вертикальными проколами (рис. XXXII: 30).

Стаканообразные пиксиды всегда украшены исключительно резным геометрическим узором, элементы которого расположены только вертикально (рис. XXXII: 15, 22, 28, 29, 30, 33, 34, 36). Крышечки от таких пиксид низкие, сегментовидные, также украшены резным геометрическим узором (рис. XXXII: 31, 36).

Ко второму типу относятся рюмковидные пиксиды — это цилиндрические сосудики с ровно срезанным краем венчика, снабженные ножкой с круглой подставкой, место перехода тулова к ножке может быть выражено округленным горизонтальным ребром (рис. XXXII: 35). Рюмковидные пиксиды не орнаментированы. Крышечки от этих пиксид округло-конической формы, иногда с выступом-держателем в центре, также не орнаментированы (рис. XXXII: 25, 26, 32, 35). Иногда крышечки были снабжены симметрично расположенными одиночными или парными вертикальными проколами (рис. XXXII: 25, 32), такие же отверстия могут находиться под краем венчика пиксид (рис. XXXII: 35).

Предполагается, что стаканообразные орнаментированные пиксиды с крышечками, известные также в Подунавье на эпонимном памятнике Бабадаг (Morintz 1987: 53, fig.10: 4; Morintz, Jugănaru 1995: 200, fig.XVII: 1) и ряде местонахождений Болгарии (Стоянов 1997: 145, 152, рис.V: 3, 4), имеют истоки в Греции и Эгейском мире субмикенского и протогеометрического периодов. Например, большая серия таких пиксид, в том числе на ножках, найдена в погребениях 33, 37, 48 и 77 Керамейкоса в Афинах (Bouzek 1985: 200, 201; Стоянов 1997: 145, 146,

152, рис.V: 6-8, 10, 11, 13). Именно на основе орнаментированной крышечки пиксиды с высокой шишечкой-держателем, имеющей параллели в погребении 37 афинского Керамейкоса (где была найдена и поздняя протогеометрическая керамика), датировка фазы Бабадаг II X в. до н.э. была уверенно подтверждена Б.Хенселем (Hänsel 1976: 122-134, taf.46: 6). Примечательно, что коническая крышечка рюмковидной пиксиды из ящика IX могильника Алчедар (рис. XXXII: 25) аналогична маленькой крышечке погребальной урны могильника Джидиси группы Выртоп-Плопшор (На А 1 — В 1) Среднего Подунавья (Nica 1997: 17, 40, fig.14: 10a, 10b; Gumă 1995: 109).

Стаканообразные орнаментированные

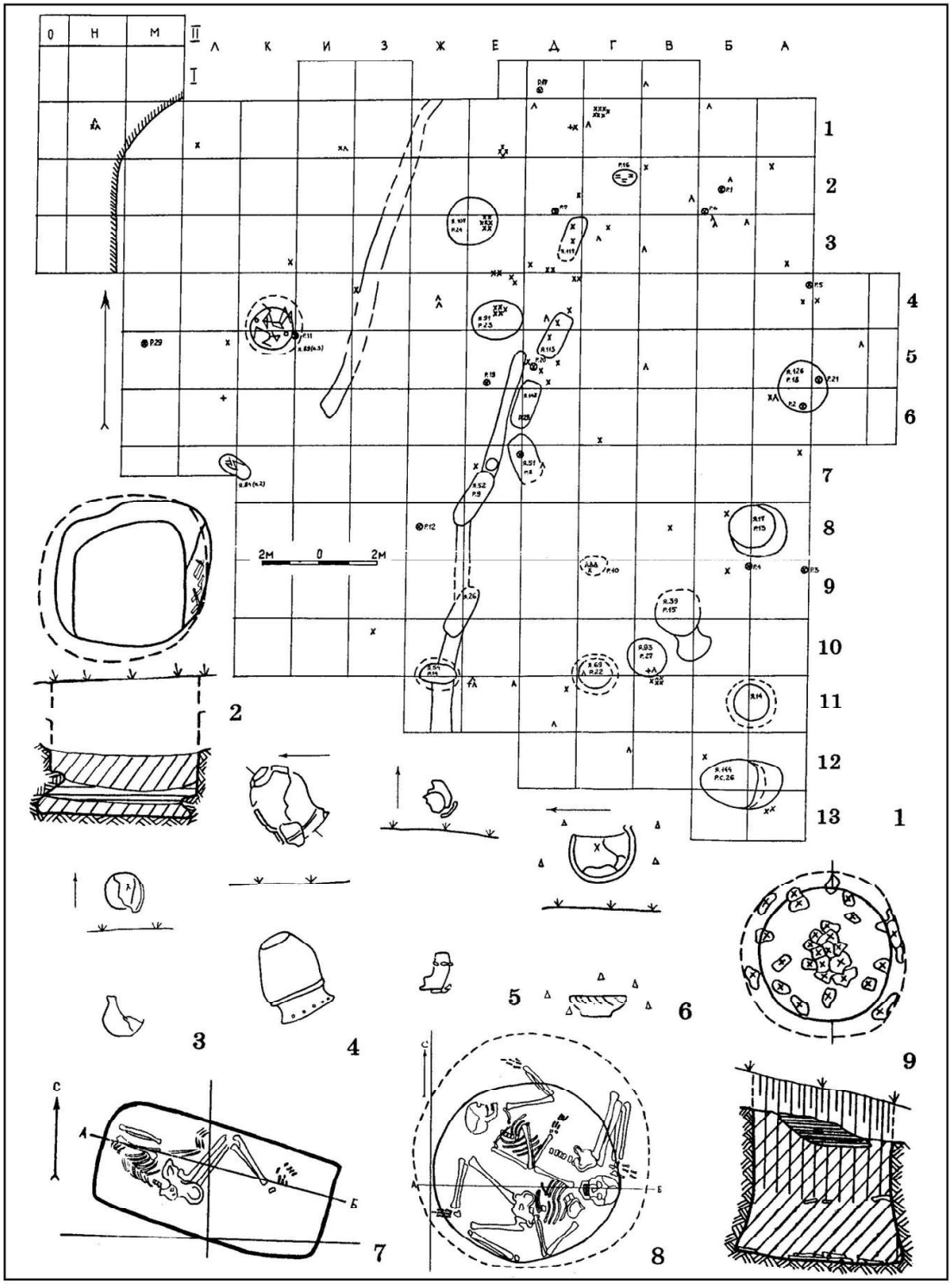


Рис. XXXI. Культовые сооружения культуры Козия-Сахарна. 1 — Хлижень II-Ла Шанц; 2, 9 — Алчедар III; 3-6 — ритуальные скопления №№12, 2, 6, 5 Хлижень II-Ла Шанц; 7, 8 — погребения 2 и 3 Хлижень II-Ла Шанц.

пиксиды оказались очень популярными в позднечернолесской среде не только Поднестровья, например, Нагоряне-Пидмет (Шовкопляс 1954: рис.7), Григоровское городище (Смирнова 1983: 62, 66, рис.5: 34, 36, 37), Днестровка-Лука (Смирнова 1984: 47, 51, 53, рис.4: 1; 8: 8, 10), Непоротово (Крушельницька 1998: 44, рис.20: 8), но и Поднепровья (Покровская, Ковпаненко 1959: 32, рис.3: 2; Тереножкин 1961: 69-71, рис.44: 8; 45: 1). В лесостепи Правобе-

Рис. XXXII. Культовые функционально специализированные изделия из глины культуры Козия-Сахарна. 1-3, 8-10 — пинтадерки; 4, 5, 12 — хлебцы; 6 — модель колеса; 13-21, 23, 24, 27 — миниатюрные сосудики; 22, 37 — фрагменты сосудиков на ножках; 25, 26, 28-36 — пиксиды. 1, 2, 6-9, 11, 13-15 — Цахнэуць; 3, 10, 17 — Солончень-Хлиная; 4, 20 — Алчедар III; 5, 16, 19, 21, 22, 24, 27, 28 — Сахарна Маре; 12, 18, 23, 34 — Матеуць-Ла Башнэ; 25, 35 — могильник Алчедар; 26, 32 — Хлижень II-Ла Шанц; 29, 30 — Сахарнянский могильник I; 31, 33— Сахарна I; 36 — Сахарнянский могильник II; 37 — Сахарна-Дялул Мэнэстерий.

режья Днепра стаканообразные пиксиды, но более приземистых пропорций, доживают до жаботинского и раннескифского времени (Ильинская 1975: 143, табл.XVI:11; Ковпаненко 1981: 96, 97, рис.28: 8; 57: 1, 2).

Здесь необходимо подчеркнуть, что для белогрудовско-чернолесских древностей лесостепи Днепро-Поднестровья изначально характерна иная культовая посуда — это остродонные сосудики и такие же кубки-черпаки, роговидные сосуды, черпаки со спаренными или тройными чашечками (Тереножкин 1961: 53, рис.28: 1-4, 6; Ильинская 1975: 143, табл. XVI: 12; Смирнова 1983: 62, 63, 71, рис.2: 4; 5: 35; 6: 7; она же 1984: 47, 51, 53, рис.4: 11; 8: 6; она же 1985а: 18, 21, 24, рис.10: 4; 13: 1; Крушельницька 1998: 163, 165, 166, рис. 99: 15-18; 101: 1-9). Остродонные сосудики наиболее характерны для лужицкой и высоцкой культур Верхнего Поднестровья и Восточного Прикарпатья (Археология Прикарпатья 1990: 108-112, 117, 118, рис. 33: 25; 36: 19-23; Павлів 1995: 93, 106, рис. 9: 14). Найденный в Сахарна Маре фрагмент остродонного сосудика (рис. XXXII, 16) мог появиться, скорее всего, вследствие контактов с позднечернолесским населением Среднего Днестра.

Ближайшей аналогией рюмковидным пиксидам является небольшой цилиндрический кубок на ножке из белозерского могильника Будуржель в Днестро-Дунайском междуречье. Последний, в свою очередь, не типичен для Белозерки, а находит аналогии в культуре полей погребальных урн Средней Европы (Ванчугов 1990: 96, 132, 133, рис.96: 7, 8, 17). Несколько подобных кубков на поддонах или высоких полых ножках найдены в ранних курганах 8 и 21 Гордеевского могильника на Южном Буге (Березанская 1999: 140, 142, рис.10: 5, 6).

Аналогии, приведенные для двух типов пиксид культуры Козия-Сахарна, позволяют их относить к категориям изделий, характерных для раннегальштатского времени в целом, что выражается в широком хронологическом диапазоне их бытования — X-VIII вв. до н.э.

Другую категорию специализированных культовых сосудов в культуре Козия-Сахарна

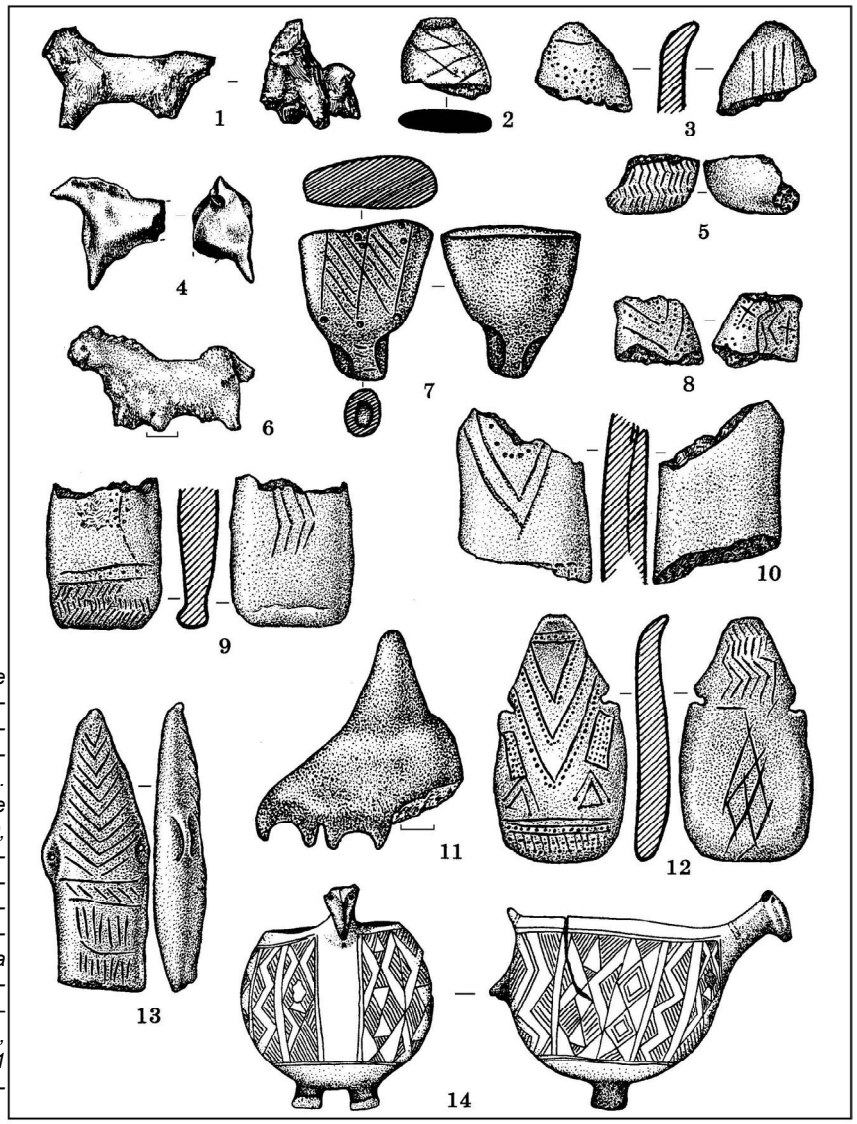


Рис. XXXIII. Культовые функционально специализированные изделия из глины культуры Козия-Сахарна. 1, 4, 6 — зооморфные фигурки; 2, 3, 5, 7-10, 12, 13 — целые и обломки женских статуэток; 11 — когтистая лапа; 14 — зооморфный сосудик на ножках. 1, 7 — Солончень-Хлиная; 2, 4 — Алчедар III; 3, 5-10, 12, 13 — Цахнэуць; 11 — Козия; 14 — Хлижень II-Ла Шанц.

составляют зооморфные сосудики на ножках. Целый такой сосуд и обломок ножки от второго найдены в Хлижень II-Ла Шанц (рис. XXXIII: 14), фрагмент тулова такого сосудика происходит из Сахарна-Дялул Мэнэстерий (рис. XXXII: 37), а обломки ножек обнаружены в Матеуць-Ла башнэ, Алчедар III и Козии (рис. CXVII: 27). Таким образом, зооморфные сосудики на ножках известны практически на каждом раскопанном бытовом памятнике этой культуры.

Как уже было отмечено, пиксиды и зооморфные (птицеобразные) сосудики сближает то обстоятельство, что они являлись вместилищами для каких-то подношений (возможно, органического характера), так как отверстия в их туловах сделаны не для подвешивания к чему-либо, а плотного закрепления крышечки. В таком случае, пиксиды и зооморфные сосудики могли выступать в качестве своеобразных оберегов, которые наполнялись специальным содержимым (Гольцева, Кашуба 1995: 24).

Точных аналогий зооморфным (птицеобразным) сосудикам на ножках пока не известно. Но их можно сопоставить с сосудами в виде птицы и стопы, найденными в погребениях развитого этапа (На В 1- В 2) культуры полей погребальных урн (Vladár 1979: 89-131, №№ 59, 63, 67-69; Kalicz-Schreiber 1991: 183, 187, abb.16: 3; 20: 6a-c; Treasures 1994: 29-32, fig.12) и хотинской группы каннелированного гальштата Гава-Голигра-

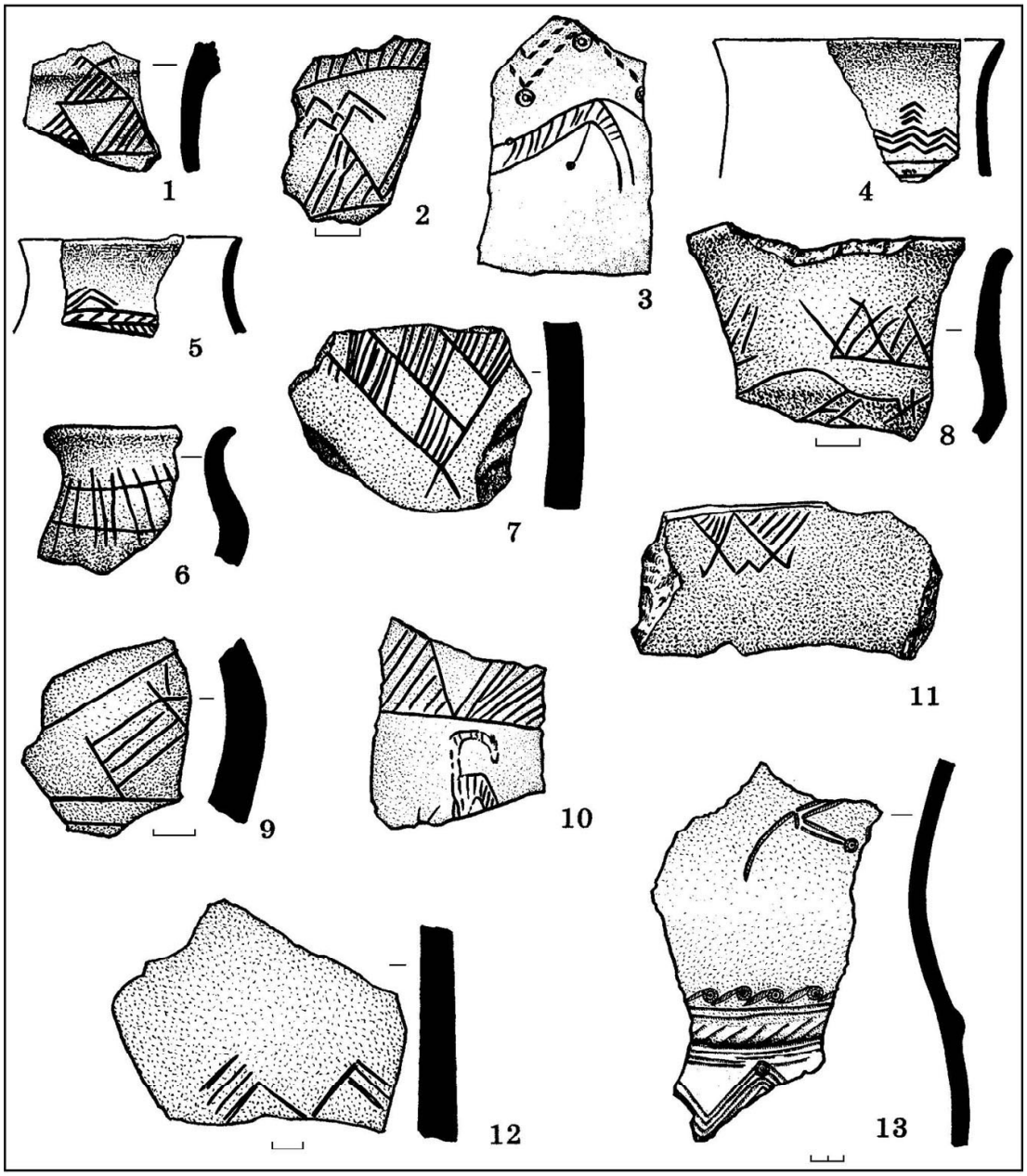


Рис. XXXIV. Лощеная посуда культуры Козия-Сахарна с зооморфными изображениями (3, 10, 13) и особым геометрическим узором. 1, 2, 4, 5 — Цахнэуць; 3, 10, 12 — Сахарна Маре; 6, 8 — Стохная I; 7 —Матеуць-Ла башнэ; 9 — Солончень-Ла Урсарь; 11, 13 — Хлижень II-Ла Шанц.

ды (Dušek 1957: 140, tabl. III: 3, 4). Обнаруженные в Козии-Сахарне зооморфные экземпляры наиболее близки бронзовым птицеобразным сосудам на ножках финала позднего бронзового века Венгрии (Hampel 1886: pl. LXVII: 3а-в; LXVIII: 5а-в). Не исключено, что последние могли послужить прототипами для глиняных образцов, типичных в культуре Козия-Сахарна. Как более отдаленную аналогию можно привести и фрагмент сосуда с носиком в виде стилизованного барана с поселения Сомотор культуры каннелированного гальштата Гава-Голиграды (Pástor 1958: 317, obr.7).

Все предложенные аналогии для зооморфных сосудиков на ножках имеют довольно широкий хронологический диапазон в пределах XI-IX (VIII) вв. до н.э., поэтому, известные в Козии-Сахарне экземпляры должны датироваться в принятых для этой культуры хронологических пределах.

В культуре Козия-Сахарна найдены и другие специализированные культовые предметы из глины, имеющие хорошие аналогии в культуре Урненфельд и раннем каннелированном гальштате типа Гава-Голиграды (одна из восточных групп Урненфельд) Средней и Юго-Восточной Европы. Это когтистая (медвежья) лапа с поселения Козия (рис. XXXIII: 11), а также целые и фрагментированные женские статуэтки с поселений Солончень-Хлиная, Цахнэуць и Алчедар III (рис. XXXIII: 2-5, 7-10, 12, 13). Сюда же можно добавить стилизованные изображения лошадей, выполненных в резной и штампованной технике на столовых сосудах, найденные в Сахарна Маре и Хлижень II-Ла Шанц (рис. XXXIV: 3, 10, 13).

Все последние данные по когтистым лапам, вотивный характер которых не вызывает сомнений, были представлены недавно в большой сводке К.Метцнер-Небелсик, которая обобщила имеющиеся разнообразные материалы такого рода в Средней и Юго-Восточной Европе (Metzner-Nebelsick 1997: 577-599). Проведенный анализ и картографирование этих предметов показывают, что наиболее близкие экземпляру из Козии 4-6-ти палые лапы известны в культуре Урненфельд Венгрии (Будапешт-Бекешмегиер, Батина, Ленгуел) и каннелированном гальштате типа Гава (Телеак) в Трансильвании (Metzner-Nebelsick 1997: 581, abb.3), при этом погребения 14 и 349 могильника Будапешт-Бекешмегиер с такими изделиями относятся к захоронениям служителей культа (Kalicz-Schreiber 1991: 172, 193, 196, abb.6:2; 26: 3, 5, 8). Из других находок когтистых лап в каннелированном гальштате типа Гава-Голиграды (На В), но уже в Закарпатье и Прикарпатье, надо отметить экземпляры из памятников Лисичники, Пылипы (Maleev 1996: 368, гус.2: 1, 3, 4) и городища Арданово (Смирнова 1966: 402, 403, рис.6: 2).

Серия когтистых лап известна в поречье Среднего Днестра — это экземпляр из Ханска-Ла Маткэ раннегальштатского горизонта (XI-X вв. до н.э.) с прочерченной керамикой типа Тэмэоань-Холеркань-Балта (Leviţki 1994а: 229, 230, 251, pl.12: 4) и несколько изделий в Днестровке-Луке и на Григоровском городище позднечернолесской культуры (Смирнова 1983: 63, 67, рис.6: 11, 12; она же 1984: 47, 54, рис.4: 4; Смирнова, Кашуба 1988: 19-21, рис.2: 11, 26). Самая южная находка, но трехпалой лапы, зафиксирована в группе Чепина (XI-VIII вв. до н.э.) в болгарских Родопах (Hänsel 1976: taf. 77: 12, 13).

Датировка когтистых лап в Средней и Юго-Восточной Европе дает широкий хронологический диапазон На А 2 — В 2, но близкие экземпляры лапе из Козии укладываются в период IX-VIII вв. до н.э. (Metzner-Nebelsick 1997: 590). Типологическое сходство когтистых лап, предметов явно вотивного характера, позволяет относить их к одному хронологическому пласту и свидетельствует об единстве культов и отправлении похожих ритуалов населением, оставившем памятники поздней Урненфельд Средней и Юго-Восточной Европы (в том числе каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды), культуры Козия-Сахарна и позднечернолесской культуры Среднего Днестра. С другой стороны, это и показатель влияния среднеевропейской культуры полей погребальных урн (и каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды) на культуру Козия-Сахарна и далее — позднее Чернолесье Среднего Днестра. Такое воздействие могло осуществляться через группу Грэничешть севера Запрутской Молдовы, с которой памятники западной части культуры Козия-Сахарна (вариант Козия) имели преимущественные контакты.

Антропоморфная глиняная пластика культуры: целые и фрагментированные женские статуэтки (рис. XXXIII: 2-5, 7-10, 12, 13), — также относится к кругу раннегальштатских образцов, типичных именно для каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды. Антропоморфным фигуркам культуры Гава-Голиграды был посвящен целый ряд специальных работ, при этом культовый характер статуэток сомнений не вызывает, но единое представление об их истоках отсутствует (Vasiliev, Aldea, Ciugudean 1991: 69, 70, fig.28: 12-17; Boroffka 1994: 75-78; László 1995а: 85-97; Малеев 1989: 77-92; он же 1996: 363-370; он же 1998: 97-108). Показательно, что антропоморфные фигурки, происходящие с эпонимного городища Бабадаг принципиально иного рода (больше связаны с последующей гальштатской пластикой Карпато-Подунавья — Sîrbu 1987: 91-157; он же 1993: 58-62, fig.37: 1-4; 38; 39: 2-4; 40: 1-6; 42; 52) и имеют близкие аналогии среди образцов раннегальштатского могильника Сборяново-Нивата на певеца в северо-восточной Болгарии (Sîrbu, Jugănaru 1999: 92-104).

Обнаруженные в культуре Козия-Сахарна несколько зооморфных фигурок, в основном,

представляют лошадей (рис. XXXIII: 1, 4, 6). Зооморфные фигурки хорошо известны во многих культурах поздней бронзы-раннего гальштата Средней и Юго-Восточной Европы, но особенно много таких изделий (с разнообразием видов домашних животных) зафиксировано в культуре каннелированного гальштата Гава-Голиграды и, по мнению А.Ласло, составляют специфическую черту культурной группы Грэничешть севера Запрутской Молдовы (Малеев 1989: 77-92; László 1994: 90, 266-269, fig.46-49).

Изображения лошадей в резной и штампованной технике на столовой посуде, найденные в Сахарна Маре и Хлижень II-Ла Шанц (рис. XXXIV: 3, 10, 13), выполнены в одинаковой стилистической манере с зооморфными и антропоморфными изображениями на гальштатских сосудах из Шопрон в Венгрии (Eibner 1986: 39-48, taf.1; она же 1996: 105-118, taf.2; 5; 6). Здесь же отмечу, что известные в Козии-Сахарне другие особые геометрические изображения на столовой посуде: флажковидные окончания фигур, вписанные треугольные фигуры, четырехштриховочные «галочки» (рис. XXXIV: 1, 2, 4-9, 11, 12), — находят близкие аналогии в раннем гальштате Среднего Подунавья, на посуде родственной культурной группы Инсула Банулуй (Hänsel 1976: taf.XI), но четырехштриховочность особенно отличает культуру Горня-Калакача (Босут IIIa) этого же региона (Gumă 1995: 112-114, 133, pl.XV).

Из других культовых глиняных изделий, обнаруженных на бытовых памятниках культуры Козия-Сахарна: хлебцев, лепешек и пинтадерок (рис. XXXII: 1-5, 8-10, 12), — последние как будто характерны для ранних поселений Солончень-Хлиная и Цахнэуць (рис. XXXII: 1-3, 8-10), а одна пинтадерка найдена на пансвятилище Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 20). Аналогичные пинтадерки обнаружены в уже упоминаемом раннегальштатском могильнике Сборяново-Нивата на певца в северо-восточной Болгарии (Стоянов 1997: 80-86, 216, табл. XX: 139, 155).

Культовые комплексы, зафиксированные в Солончень-Хлиная и двух периодах обитания в Алчедар III, отличают особенности заполнения, наличие жертвоприношений животных и последующая консервация стерильной материковой глиной (рис. XXXI: 2, 9). На дне такого сооружения из Солончень-Хлиная прослежены три неглубокие ямки, в каждой из которых находилось по черпаку (Приложение 3.2). В большой общинно-ритуальной постройке подквадратной формы первого периода обитания в Алчедар III обнаружены жертвоприношения животных, а дно культовой ямы второго периода обитания на этом же поселении было выложено обломками корчаги, выше которых также прослежены два жертвоприношения животных (Приложение 3.4). Все эти комплексы были «закрыты», а их местоположение на поселении специально отмечено.

При исследовании памятника Хлижень II-Ла Шанц впервые в культуре Козия-Сахарна было открыто пансвятилище — зольник с человеческими жертвоприношениями. Этот уникальный комплекс был тщательно описан мною в совместной монографии (Гольцева, Кашуба 1995: 11-20, 30, 31; Литвинова 1995: 91-99), здесь необходимо отметить следующее.

Зафиксированные в Хлижень II-Ла Шанц ритуальные скопления (с отдельными обработанными костями человеческих скелетов), отдельные обработанные кости человеческих скелетов из культурного слоя (среди которых 90 фрагментов черепов, преимущественно, детей возраста второго детства — infantilis II; 32 фрагмента верхних и нижних челюстей, реже, ключиц и длинных костей), а также ритуальные ямы располагались в виде овала (север-юг), размерами 14-15x10-11,5 *м,* ограниченного с запада двумя параллельными канавками (рис. XXXI: 1). К западу от канавок, за пределами обозначенного овала, находились два безынвентарных захоронения, одно из которых с отсутствующими черепом и правыми лучевой и локтевой костями, а второе сопровождалось амулетом из окаменелой кости животного третичного периода (рис. XXXI: 7, 8).

Все найденные в Хлижень II-Ла Шанц компактные и разрозненные кости человеческих скелетов имеют одинаковые следы обработки: сколы, срезы, насечки и подпилы, заполированные края, подпилы зубов на верхних и нижних челюстях (Литвинова 1995: 91-99). Компактные скопления, обозначенные как ритуальные, в одних случаях сопровождались 1-3 (4) сосудами (I тип — рис. XXXI: 3-6); в других — находились в ямах вместе с жертвоприношениями животных (II тип), среди которых домашние (свинья, лошадь, собака) и дикие (косуля, олень благородный, заяц-русак) виды (Чемыртан 1995: 84-90); в третьем случае (III тип) скопление обнаружено на очаге (Гольцева, Кашуба 1991: 151; они же 1995: 13-18).

Не исключено, что таких овалов (кругов) ритуальных скоплений с обработанными частями человеческих скелетов в Хлижень II-Ла Шанц было несколько, они со всех сторон могли быть ограничены ритуальными канавками, а сами скопления планиграфически были специально отмечены, как это подтверждают несколько ритуальных скоплений в яме № 126 (рис. XXXI: 1).

Результаты анализа разрозненных обработанных частей человеческих скелетов из культурного слоя и ритуальных скоплений (Литвинова 1995: 91-99) позволяют сделать некоторые предположения (Гольцева, Кашуба 1995: 30, 31; Kašuba 1996: 396, 397; она же 1998a: 84-95). Некая часть населения (дети и взрослые) при жизни была специально выделена, что отмечалось, в том числе, подпилами передних зубов, резцов и первых коренных зубов. В отдельных

случаях зубы при жизни вырывались, а вместо них было вставлено что-то, крепившееся при помощи смолистого вещества. Впоследствии эти люди (чаще всего дети возраста I-II детства, т.е. «ритуально чистые») приносились в жертву, ритуально убивались (ритуальный каннибализм) или умирали естественной смертью, а с их телами в дальнейшем производились сложные процедуры. В результате последних оставались обработанные кости человеческих скелетов: черепа распиливались на мелкие фрагменты, края которых заполировывались, на длинных костях и ключицах удалялись эпифизы.

После этих многоступенчатых ритуальных действий с телами умерших полученные отдельные обработанные кости человеческих скелетов использовались в культовой практике. При этом нижние челюсти, в том числе с прижизненно обработанными зубами, носились в качестве амулетов, о чем свидетельствует залощенность на подбородочной части.

Отправляемые в Хлижень II-Ла Шанц ритуалы (и культовая жизнь насельников типа Козия-Сахарна в целом) оказались принятыми не только позднечернолесскими племенами Среднего Днестра, но и продолжились в течение всего VIII в. до н.э., в конце которого на этом памятнике уже обитало население среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть.

Пансвятилище Хлижень II-Ла Шанц представляло собой долговременное местонахождение для отправления определенных ритуалов, связанных с человеческими жертвоприношениями. Близкие аналогии в культурах поздней бронзы — раннего железа (в том числе раннего гальштата) Средней и Юго-Восточной Европы отсутствуют, и в таком смысле этот памятник уникален. Между тем, уверенно можно говорить об отсутствии северопричерноморского вклада: череп и нижняя челюсть от разных индивидуумов в культовом помещении на поселении белозерской культуры «Дикий Сад» в г.Николаеве (Гребенников 1994: 26-29; он же 1994а: 129, 130; Горбенко 1999: 217-220) является исключением, а все другие находки такого рода (все-таки не представляющие близкие аналогии) относятся к более позднему времени — скифскому периоду. Из последних отмечу погребения без головы и находки отчлененных черепов в могилах скифов Буджакской степи (Редина 1994: 201-203) и целую серию целых и фрагментированных черепов на скифских городищах: Мотронинском (Бессонова, Скорый 1993: 13), Кнышевском (Гавриш 1992: 98), косторезных мастерских Каменского (Гаврилюк 1992: 96) и Бельского (Радзиевская, Шрамко 1980: 181-189). На последнем раскопано святилище VI-IV вв. до н.э., где известны восемь целых и обломанных чаш из человеческих черепов, а также пять нижних челюстей (Шрамко 1987: 43-79, рис.31: 1, 2).

Более перспективными для Хлижень II-Ла Шанц представляются аналогии из круга (или влияния) культуры полей погребальных урн Средней Европы. Здесь можно упомянуть захоронения отдельных черепов с погребальным инвентарем, частей верхних и нижних конечностей человека в Рованцовском и Тягловском могильниках XI-IX вв. до н.э. ульвивецкой группы лужицкой культуры западных областей Украины (Археология Прикарпатья 1990: 108-112; Пам'ятки гальштатського 1993: 27-35, 43, 45, 47; Павлів 1995: 93, 114, 115). Л.И.Крушельницкая отмечает, что погребения черепов известны в могильниках лужицкой культуры на территории Польши, Чехии, Словакии (Пам'ятки гальштатського 1993: 55). На поселении IX-VIII вв. до н.э. Бачиу-Ноуа в Румынии найдены захоронения с расчлененными или неполными скелетами (Kalmar 1987: 166-174). Нижняя челюсть мужчины с аналогичной обработкой (прижизненно подпиленными зубами) обнаружена в зольнике культуры Ноуа у с.Кобыльня на Среднем Днестре (Демченко, Левицкий 1992: 122-124, рис.2: 9; Литвинова 1995: 92).

Большой пласт специализированных культовых изделий из глины в Козия-Сахарне, имеющих близкие аналогии в культуре полей погребальных урн Средней Европы (зооморфные сосудики на ножках, когтистые лапы, женские статуэтки, изображения животных на сосудах), а также перспективность поиска в той же Урненфельд (или культурах ее круга) параллелей ритуалам, зафиксированным в Хлижень II-Ла Шанц, позволяют предположить следующее. По всей видимости, культовая жизнь населения типа Козия-Сахарна находилась в русле «идеологических» (духовных) традиций поздней бронзы — раннего железного века (раннего гальштата) Средней и Юго-Восточной Европы, имевших место, в первую очередь, в культуре полей погребальных урн.

Функционирование пансвятилища Хлижень II-Ла Шанц, находки фрагментов человеческих черепов на городищах Сахарна Маре и Сахарна Микэ, поселении Алчедар III (где помимо обломка черепа человека обнаружены зубы и фрагменты верхних и нижних челюстей), наличие домашних и территориальных святилищ, а также долговременных «усыпальниц» (курганные захоронения на уровне древнего горизонта с многоэтапным почитанием-поминанием умерших на месте погребения), — все это демонстрирует единство и регламентированный характер культовой практики населения, оставившего памятники типа Козия-Сахарна.

Развитая «идеологическая» сфера культуры Козия-Сахарна поддерживалась ритуализированным бытом ее населения. В среде последнего помимо духовных лидеров — служителей культа (своеобразной «духовной элиты») присутствовала и особая категория внешне отделенных людей, которые при жизни специально подготавливались для выполнения определенных обрядов.

Глава IV. Периодизация и хронология культуры

Вопросы хронологии, а впоследствии и периодизации, культуры Козия-Сахарна, как показано в историографическом обзоре (глава I), находились под пристальным вниманием отечественных и зарубежных исследователей со времени открытия и атрибуции этих древностей как таковых.

На первоначальном этапе исследований как памятников типа Сахарна в лесостепи Днестро-Прутского междуречья, так и типа Козия в Запрутской Молдове, не поднималась проблема их периодизации. Выделение в Пруто-Сиретском междуречье местного предшественника группы Козия — раннегальштатского горизонта с прочерченной керамикой типа Тэмэоань (XI в. до н.э.) — закономерно повлекло и постановку вопроса о вкладе этих древностей в формирование Козии (Hänsel 1976: 134-140; László 1985: 11-13; он же 1986: 83-89). Однако, А.Ласло и на сегодняшний день этот вопрос оставляет открытым, отмечая, что хотя «памятники центра и юга Молдовы (Запрутской — М.К.) обнаруживают некоторые местные отличия, периодизация группы Козия пока еще не возможна» (László 1985: 14).

Иначе выглядит ситуация с памятниками типа Сахарна, вопрос о периодизации которых был поставлен при анализе материалов поселения Цахнэуць (Мелюкова 1982: 3-12). А.И.Мелюкова керамику Цахнэуць сопоставила с посудой родственной культуры горизонта Бабадаг I, основываясь на стратиграфических данных, полученных С.Моринцем на материалах городища Бабадаг в Добрудже, где ранний горизонт характеризуется резной орнаментацией (Бабадаг I — XI в. до н.э.), а доля штампованного узора нарастает от раннего к позднему (Бабадаг III — VIII-VII вв. до н.э.) горизонтам (Morintz 1964: 114-116; он же 1987: 52-68; Hänsel 1976: 122-134). В керамическом комплексе Цахнэуць, при общей скудости мотивов орнаментации всей столовой посуды, преобладает резной узор на кубках и черпаках, а также встречается пролощенный и прочерченный орнамент (рис. L). На базе этих наблюдений, А.И.Мелюкова в Сахарне выделила две группы памятников: ранние — Цахнэуць, первой половины VIII в. до н.э. (по ее датам), и поздние — Сахарна и Солончень-Хлиная (Мелюкова 1982: 7, 11, 12).

Аргументация в пользу присутствия в Сахарне ранних памятников была усилена О.Г.Левицким, который выделил на пограничье степи и лесостепи Днестро-Прутского междуречья культурную группу с прочерченной керамикой типа Холеркань (Левицкий 1990а: 6-8). Впоследствии О.Г.Левицкий обосновал и наличие единого раннегальштатского горизонта XI (или конец XII)-X вв. до н.э. типа Тэмэоань-Холеркань-Балта, расположенного от Нижнего Подунавья и юга Запрутской Молдовы до пограничья степи и лесостепи Днестро-Прутского и Буго-Днестровского междуречий (Leviţki 1994а: 219-256). В.П.Ванчугов не поддержал объединение этих близких памятников в один горизонт, считая Балтскую группу XI-X вв. до н.э. локальным вариантом белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (Ванчугов 1990: 114-117; он же 1993: 28-39; он же 1996: 302, 303). Но как О.Г.Левицкий, так и В.П.Ванчугов считают памятники типа Холеркань и типа Балта местным предшественником сахарнянских древностей, отмечая их значительный вклад в виде прочерченного и пролощенного орнамента на столовой посуде Сахарны (Leviţki 1994а: 231-233; Ванчугов 1993: 38). О.Г.Левицкий также полагает, что в Днестро-Прутском междуречье группа Холеркань получила свое дальнейшее развитие в Сахарне (Leviţki 1994а: 233).

Мною также было поддержано мнение о субстратном характере памятников типа Холеркань для сахарнянских древностей (Кашуба 1992: 35, 36). По аналогиям с холерканским орнаментом были определены ранние мотивы ленточного узора на столовой посуде Сахарны, которые наряду с общей долей прочерченного и пролощенного узора были учтены мною уже при анализе керамической коллекции памятника Хлижень II-Ла Шанц (Гольцева, Кашуба 1995: 23, 24).

Таким образом, можно выделить ранние бытовые памятники в Сахарне на основе удельного веса прочерченного и пролощенного узора в сочетании с определенными типами посуды, а также значительной доли и ранних мотивов узора. И здесь важны материалы поселения Солончень-Хлиная, где характерные формы и орнаментация типа Холеркань (составившие 16,2% среди всей орнаментированной столовой посуды и 34,7% от всей керамики в месте их наибольшей концентрации — в раскопе VI 1953 г.) были зафиксированы исключительно в сахарнянском контексте (рис. XXXVI: А), и, тем самым, они обозначают ранний этап Сахарны этого памятника. Возможно, само поселение Солончень-Хлиная было основано во второй половине X в. до н.э. совместно населением типа Холеркань и племенами Сахарна, либо последние появились в уже функционирующем поселке «местного» населения Холеркань, где и продолжилось их дальнейшее проживание. В любом случае, наличие древностей Холеркань (закрытые комплексы и типичный массовый материал) позволяет начало горизонта Сахарна этого памятника отнести ко второй половине – концу X в. до н.э. (Приложение 3.2). Следовательно, к числу ранних (бытование которых ведет отсчет со второй половины-конца X в. до н.э.) относятся сахарнянские поселения Цахнэуць и Солончень-Хлиная.

Более развитые (и поздние) бытовые памят-

ники в Сахарне, соответственно, будут определяться меньшей долей прочерченного и пролощенного узора, а также преобладанием поздних мотивов резного и штампованного орнамента на столовой посуде. Но более значимыми для определения поздних сахарнянских местонахождений оказались выявленные первоначально в Хлижень II-Ла Шанц смешанные сахарнянско-шолдэнештские комплексы середины-второй половины VIII в. до н.э., давшие переходные формы и мотивы орнаментации столовой посуды (Гольцева, Кашуба 1995: 32-37; Kašuba 1996: 396, 397; она же 1998а: 84-95). Аналогичные смешанные комплексы, подтверждающие развитие культуры Басарабь-Шолдэнешть на основе Сахарны в этом регионе, были выявлены на поселениях Солончень-Хлиная, Матеуць-Ла башнэ и Алчедар III (рис. XXXV: 1-5).

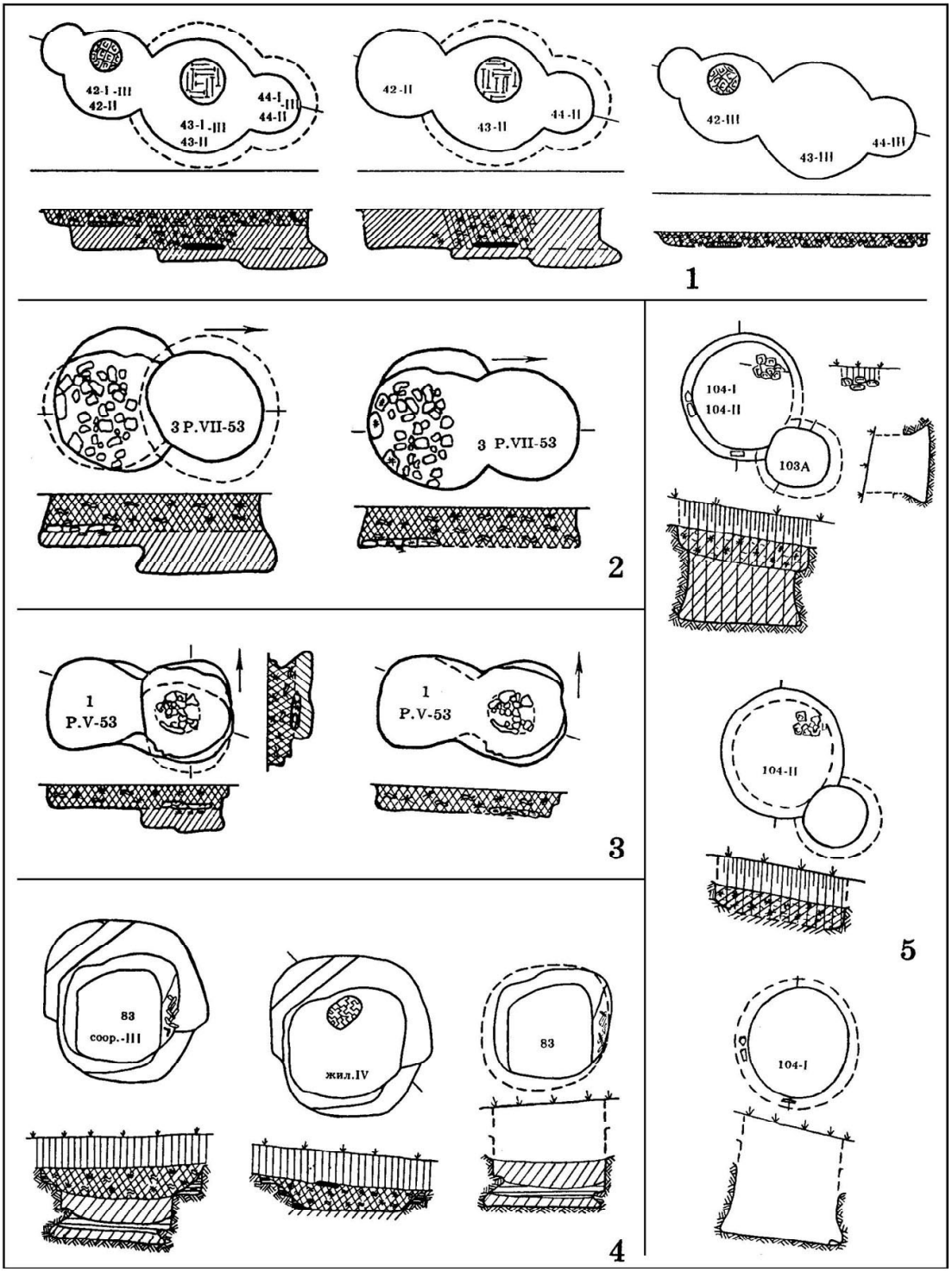


Рис. XXXV. Сахарнянско-шолдэнештские комплексы на поселениях варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1 — Матеуць-Ла башнэ; 2, 3 — Солончень-Хлиная; 4, 5 — Алчедар III.

Особенно показательны материалы поселения Алчедар III (Приложение 3.4), где стратиграфически зафиксированы два периода бытования древностей типа Сахарна: первый связан с возникновением и существованием этого поселка в IX в. до н.э.; второй — с ремонтом, расширением и дальнейшей эксплуатацией имеющихся жилых и хозяйственных построек, а также возведением новых помещений на рубеже IX-VIII — начале VIII вв. до н.э. (рис. XXXV: 4, 5; XXXVII).

Одинаковый характер перестроек различных строений на сахарнянских поселениях Матеуць-Ла башнэ, Солончень-Хлиная и Алчедар III (второй период), связанный с появлением носителей культуры Басарабь-Шолдэнешть (рис.

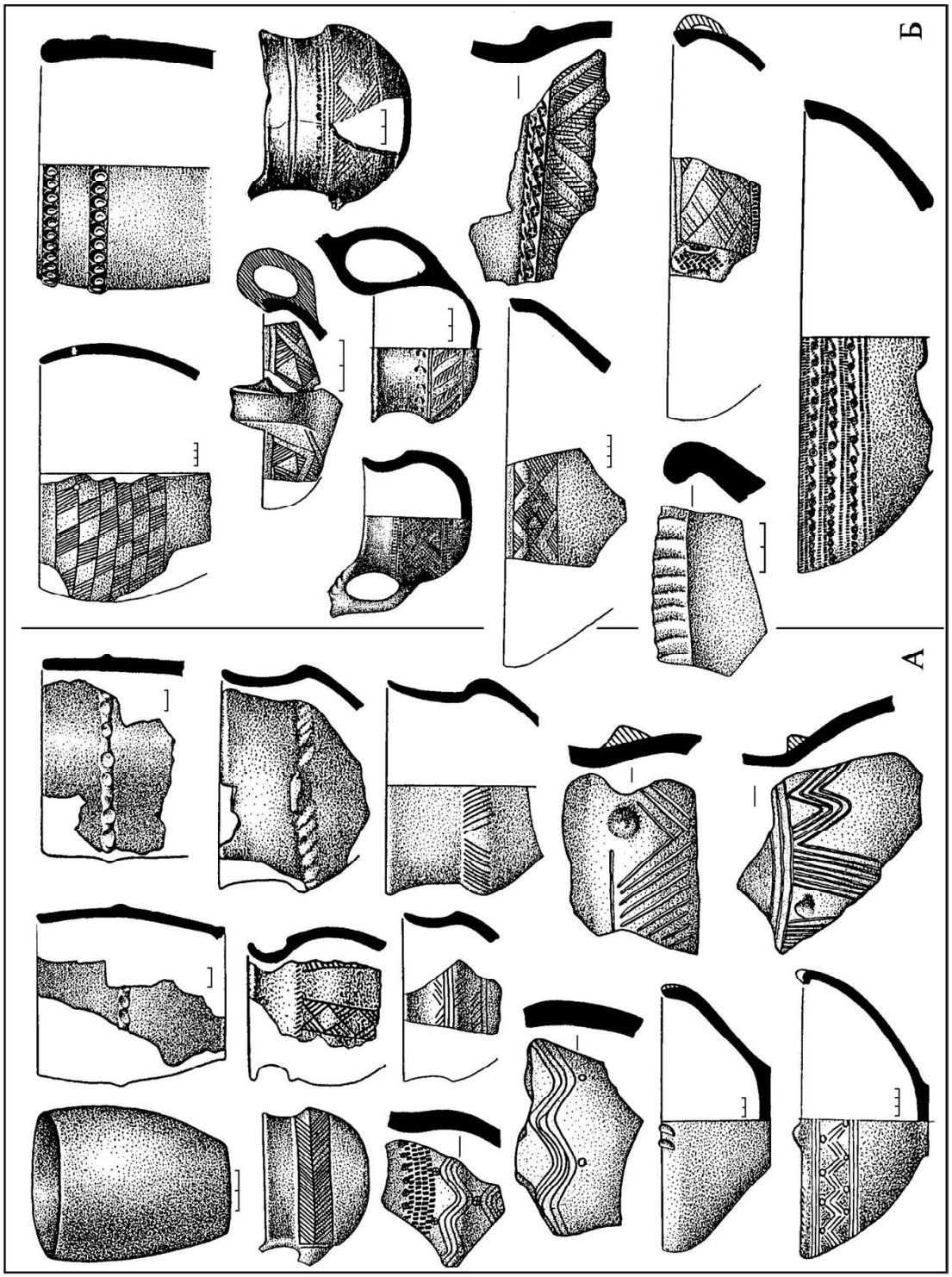


Рис. XXXVI. Ранний (А) и поздний (Б) керамические наборы варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. А — из закрытых комплексов и культурного слоя Солончень-Хлиная; Б — из закрытых комплексов (ямы №№76, 96, 152) второго горизонта Алчедар III.

XXXV; XXXVIII), свидетельствует об едином процессе (мирного характера) смены этих культур, протекавшем в середине-второй половине VIII в. до н.э. в лесостепи Днестро-Прутского междуречья.

Показателями же более поздних бытовых памятников Сахарны, как это следует из раздела по керамике (глава 3.1) являются: значительный процент чернолесских тюльпановидных сосудов среди кухонной посуды; наличие определенного числа черпаков с раздутым приземистым туловом или низкой не профилированной чашечкой; преобладание в орнаменте не только штампованного узора, но и розеточных (поздних) мотивов резного; а также присутствие керамических типов Басарабь-Шолдэнешть, несу-

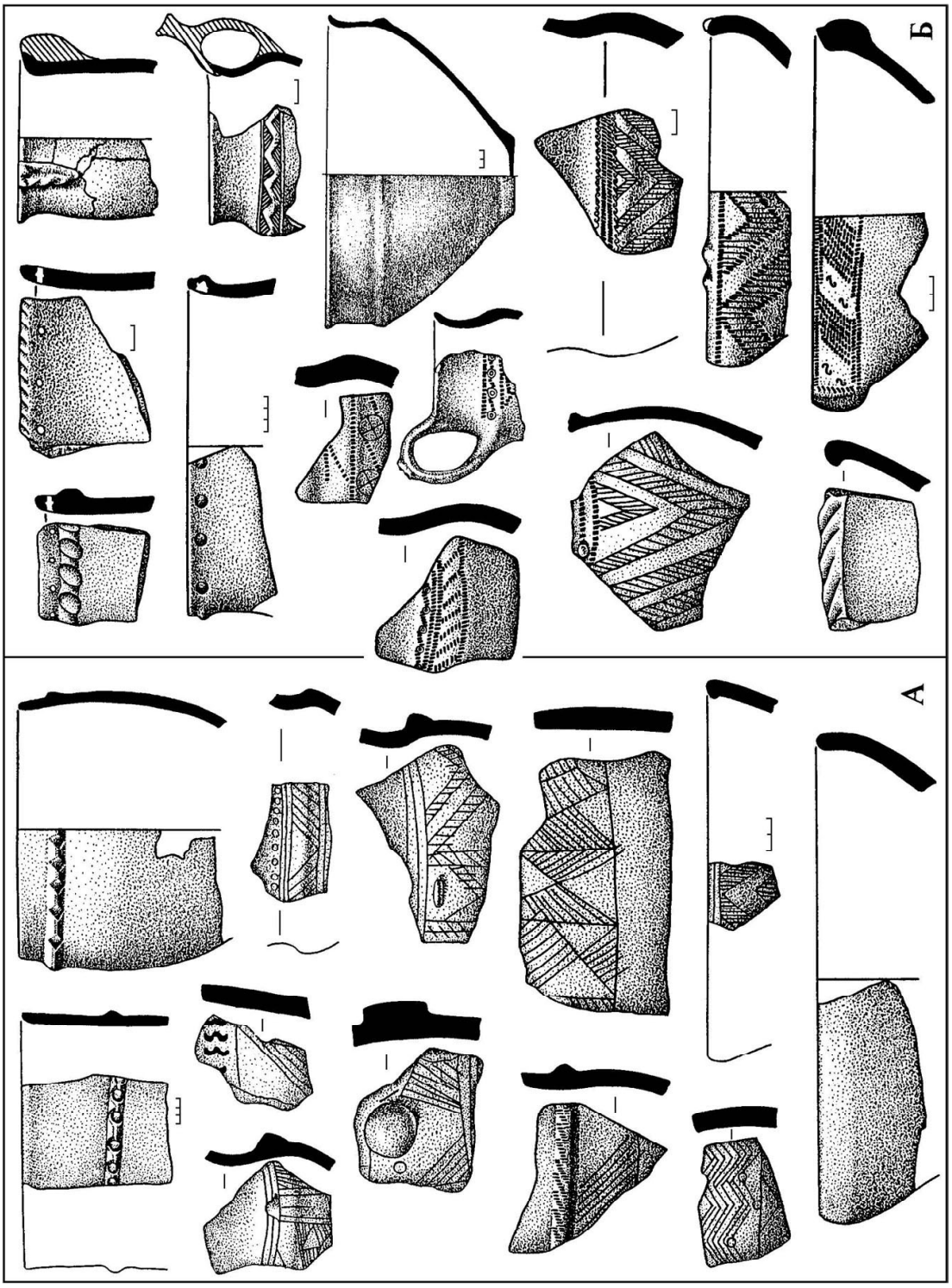


Рис. XXXVII. Посуда первого (А) и второго (Б) горизонтов бытования древностей варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна на поселении Алчедар III.

щих «сахарнянское наследие», например, черпаки, мисковидный сосуд и корчага из Хлижень II-Ла Шанц (рис. XXXVIII: 1, 2, 15, 19).

Опираясь на выявленные критерии, поздними поселенческими памятниками в Сахарне (восточной части ареала культуры Козия-Сахарна) можно считать Алчедар III и Хлижень II-Ла Шанц. В Алчедар III чернолесские тюльпановидные горшки составили 34% (первый и второй периоды), и до 50% в комплексах второго периода; черпаки с низкой чашечкой — 6,5%; прочерченный узор — 0,6%, а розеточные мотивы резного в 1,5-2 раза преобладают над ленточными (Приложение 3.4). В Хлижень II-Ла Шанц тюльпановидные горшки составили 18,4%; мисковидные сосуды — 10-11%; прочерченный узор -3,8%; присутствуют также керамические типы Басарабь-Шолдэнешть, име-

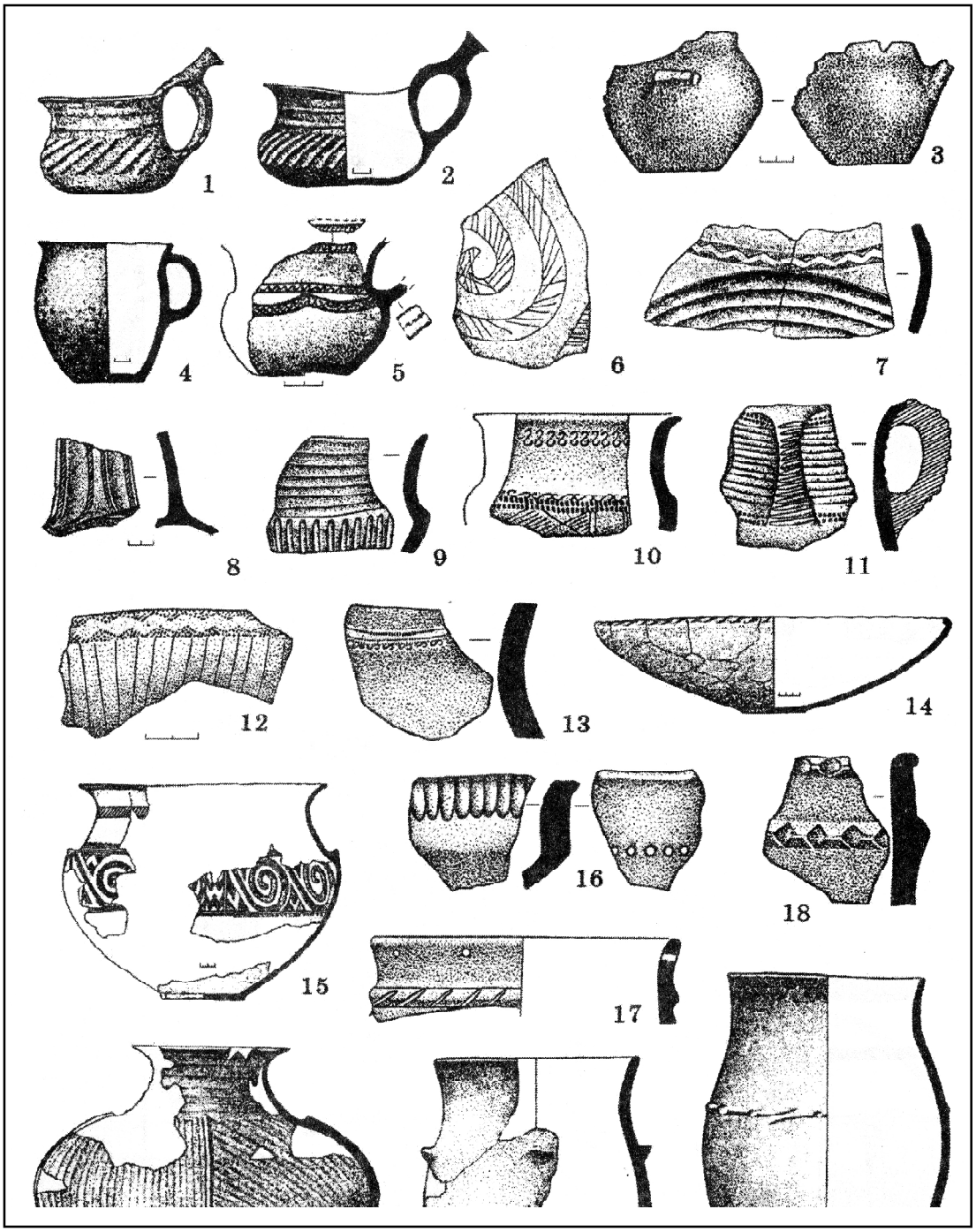


Рис. XXXVIII. Материалы культуры Басарабь-Шолдэнешть, обнаруженные в закрытых комплексах и культурном слое поселений варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 2, 4-8, 14, 15, 19-21 — Хлижень II-Ла Шанц; 3, 12, 17 — Матеуць-Ла башнэ; 9, 11 — Алчедар III; 10, 16 — Солончень-Хлиная; 13, 18 — Сахарна Маре.

ющие «сахарнянское наследие» (Гольцева, Кашуба 1995: 23-25, 32-37). Городище Сахарна Маре и памятники его округи, поселение Матеуць-Ла башнэ занимают промежуточное положение между ранними и поздними бытовыми местонахождениями Сахарны.

Обращаясь к основам абсолютного датирования культуры Козия-Сахарна, необходимо отметить следующее.

Отнесенная первоначально к скифскому времени группа Сахарна в лесостепной Молдове была синхронизирована с Чернолесьем II лесостепи Правобережья Днепра и черногоровскими памятниками степей Северного Причерноморья (Тереножкин 1965: 63-86; он же 1976: 206-210; Мелюкова 1958: 76-90, 98-102; она же 1960: 142-145; она же 1972: 70). При этом восточные привязки для группы Сахарна считались приоритетными: даже для датировки родственной группы Козия Запрутской Молдовы, считая ее заниженной (X-IX вв. до н.э.), А.И.Мелюкова предложила использовать «твердо установленную относительную датировку памятников типа Сахарна», полученную через синхронизацию с поздним Чернолесьем (Мелюкова 1979: 21-31; она же 1982: 11, 12). Возраст же группы Сахарна, по А.И.Мелюковой, определялся VIII-началом VII вв. до н.э., с появлением ее не ранее конца IX в. до н.э. Подчеркивая, что аргументация «в пользу датировки группы в пределах конца X-первой половины VIII вв. до н.э. представляется достаточно серьезной, хотя и не бесспорной», А.И.Мелюкова так и придерживается своих старых дат для абсолютной хронологии Сахарны, отдавая предпочтение все-таки восточным хронологическим привязкам (Мелюкова 1989: 20-23; Смирнова 1977: 105-108; она же 1985: 35-42, 48).

Между тем, как неоднократно уже подчеркивалось в литературе, такие высокие даты для Сахарны создают хронологический разрыв между ней и культурными группами орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья X-IX вв. до н.э., которому она принадлежит. При этом убедительность аргументации в пользу понижения этих датировок подкрепляется все большим количеством данных (Morintz 1964: 114-117; он же 1987: 58, 65; Hänsel 1976: 148-151; László 1975: 38; он же 1985: 13-15; Смирнова 1980: 121-143; она же 1985: 35-42; Кашуба, Гольцева 1991: 207, 208; Гольцева, Кашуба 1995: 28, 29). Высокие даты Сахарны напрямую связаны с решением вопроса генезиса этой культуры: не только невозможно объединять в одну культуру синхронные и родственные памятники типа Сахарна и типа Козия, но и предполагается возникновение Сахарны от группы Козия в том числе (Morintz 1987: 65), и даже постулируется восточное происхождение группы Сахарна из чернолесско-жаботинской среды лесостепного Правобережного Поднепровья (Тереножкин 1961: 215-217; Ильинская 1975: 177, 178; Ильинская, Тереножкин 1983: 290-303) или от чернолесской культуры Среднего Днестра (Крушельницька 1998: 179-200; Бандрівський, Крушельницька 1998: 205). Наконец, высокие даты Сахарны создают размытость культурно-исторической картины Днестро-Прутского междуречья в VIII-VII вв. до н.э. — когда неясная ситуация возникает со среднегальштатской культурой Басарабь-Шолдэнешть, которая в этот же период известна в регионе.

Что касается восточных хронологических привязок для Сахарны, то анализ ее инвентаря показал, что датировка обнаруженных северопричерноморских категорий и типов изделий (роговые псалии, костяные и кремневые наконечники стрел, каменные топоры, бронзовые восьмерковидные бляшки), на которые опирается А.И.Мелюкова в своей аргументации, имеет исключительно фоновое значение, подтверждая предскифский (-раннегальштатский) облик этой культуры в рамках IX-VIII вв. до н.э. Понятие «фоновое значение» употребляется мною в смысле «фона, неизбежно присутствующего в любой информационной системе», как это было предложено М.Л.Подольским (Подольский 2000: 113-128).

Необходимо подчеркнуть, что и саму синхронизацию Сахарна-Чернолесье II-Черногоровка, исходя из современного уровня исследований, следует рассматривать в другом ракурсе. Такая синхронизация больше значима в плане относительной хронологии и означает лишь частичное совпадение, но отнюдь не жесткое соотношение, нижних и верхних хронологических границ рассматриваемых культур. И если черногоровские древности в степях Северного Причерноморья появляются уже в конце IX в. до н.э., как это допускает целый ряд исследователей (Эрлих 1994: 64-72; Вальчак 1994: 132, 133; он же 1994а: 40-42; Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 39-42), то это вовсе не означает, что начальная дата лесостепных культур региона (Сахарна, Чернолесье II), в которых найдена конская упряжь, в том числе черногоровского типа, также должна приходиться на конец IX в. до н.э. Степные импорты в лесостепных предскифских культурах (конское снаряжение, боевые молотки, мелкие бронзовые украшения и детали одежды) лишь фиксируют время (дату) появления таких изделий в лесостепи. При этом для Сахарны, например, имеется целая серия хроноиндикаторов (датировка которых проверяется среднеевропейскими, балканскими и эгейскими параллелями) второй половины-конца X в. до н.э. — времени, предшествующего появлению в степях Северного Причерноморья черногоровских памятников.

Памятники типа Козия Запрутской Молдовы, первоначально атрибутированные как дериват культуры Бабадаг Нижнего Подунавья, затем были выделены в самостоятельную раннегальштатскую культурную группу X-IX вв. до н.э. (Morintz 1964: 114-116; László 1969: 319-326; он

же 1972: 207-223; Hänsel 1976: 134-140). Как подчеркивает А.Ласло, эта группа имеет лишь общее хронологическое определение (X-IX вв. до н.э.), основанное на датировке фибулы из Брад и подтвержденное аналогичным хронологическим положением фаз Бабадаг II и Пшеничево, при этом ее верхний рубеж определен 800 г. до н.э. по соотношению с материалами Стойкань (László 1985: 13-15; Hänsel 1976: 134-140).

Объединение мною памятников типа Козия и типа Сахарна в единую культуру Козия-Сахарна позволяет и совокупно рассмотреть их хронологические рамки. При этом вызывает сомнение принятие всего X в. до н.э. (а именно, первой половины X в. до н.э.) в качестве нижней границы этой культуры.

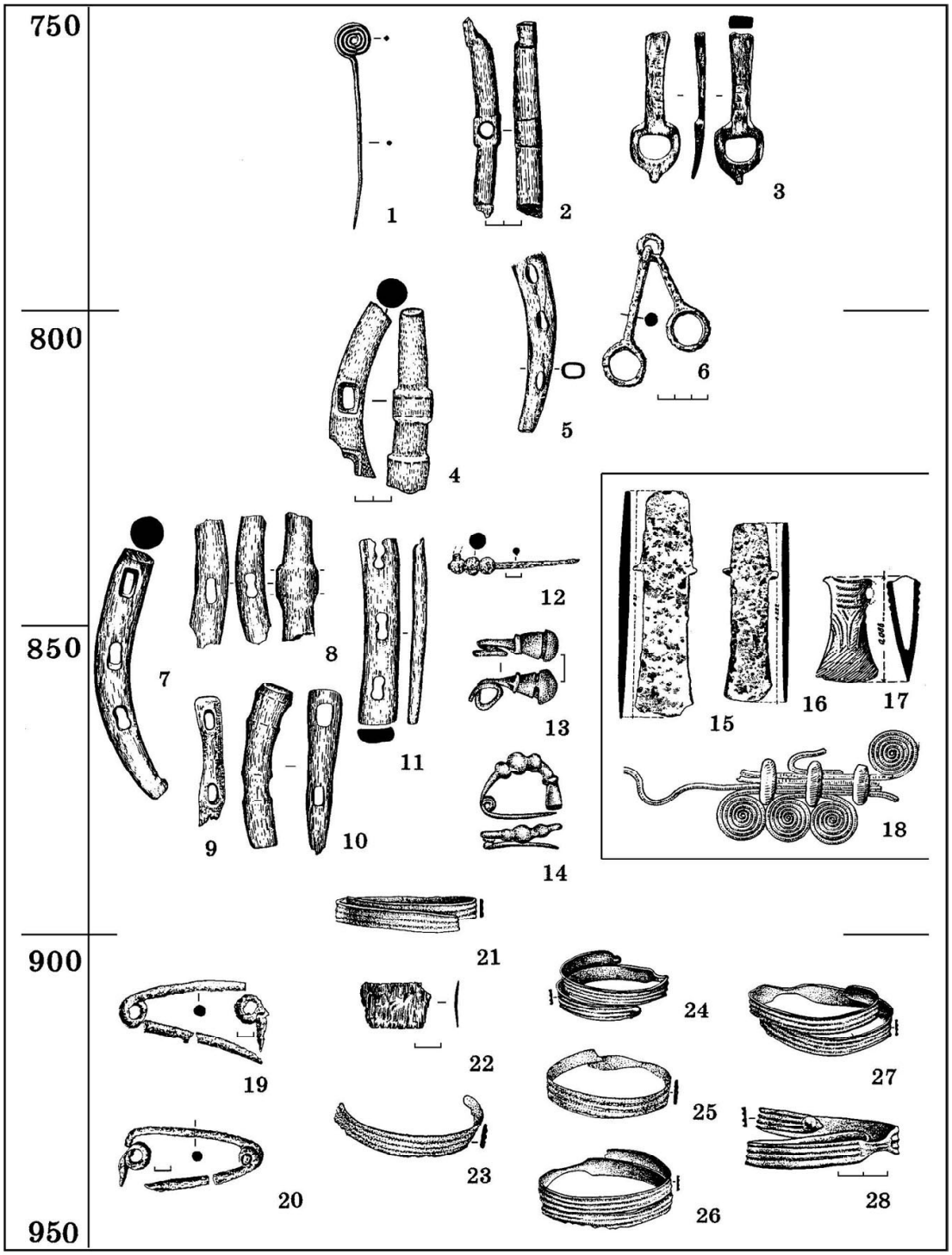


Рис. XXXIX. Хроноиндикаторы культуры Козия-Сахарна. 1, 2 — Хлижень II-Ла Шанц; 3, 4, 7, 8, 11 — Сахарна Маре; 5, 6, 19-21, 24, 26-28 — Сахарнянский могильник I; 9 —Цахнэуць; 10 — Цареука; 12 — Покреака-Четэцуе; 13 — Козия; 14 — Брад; 15-18 —Бырлад; 22 — Матеуць-Ла башнэ; 23, 25 — Сахарнянский могильник II.

Допуская идентичность фибул из Брад и Козии (рис. XXXIX: 13, 14), Б.Хенсель принимает предложенную А.Вульпе аналогию (Vulpe 1965: 119, abb.8) для экземпляра из Брад — фибула из могилы с сожжением из Врокастро (Крит). Хотя каменные гробницы Врокастро датируются в широких пределах XI-VIII вв. до н.э., Б.Хенсель через аналогии в Греции и Болгарии сужает датировку узелковых фибул из Запрутской Молдовы в пределах X-IX вв. до н.э. (Hänsel 1976: 139, 140, Taf.67: 1-7; Смирнова 1985: 36, 37, рис.2: 1-5, 7).

В эгейском мире узелковые фибулы (тип III, по Е.Сапуна-Сакелларакис) являются популярными, в основном, в протогеометрическое и геометрическое время (Sapouna-Sakellarakis 1978: 57-59, taf.11: 332; 12: 334-361), а аналогичные экземпляры из Болгарии (тип А I 3, вариант В, по Д.Герговой) датируются в пределах IX-VIII вв. до н.э. (Gergova 1980: 102, 104, pl.II; она же 1986: 24, 25, taf.2: 27-35; 38). Железный экземпляр из Покреака-Четэцуе Запрутской Молдовы (рис. XXXIX: 12), который К.Иконому отнес также к узелковым как фибулы из Брад и Козии (Iconomu 1996: 28, 32, 33, fig.14: 3), обнаруживает большее типологическое сходство с болгарскими треугольными двухпетельчатыми фибулами с тремя бусинами-утолщениями на спинке (тип В I 1, вариант Y, по Д.Герговой), ранние образцы которых датируются концом X-IX вв. до н.э., но бытуют такие фибулы и позже — в На В 3 — С (Gergova 1980: 102, 104, pl.II; она же 1986: 37, 38, taf.8: 104-111; 38). В Нижнем Подунавье несколько узелковых фибул известно в ареале культуры Бабадаг (Остров, Извоареле), на самом городище Бабадаг была найдена бронзовая фибула с шишечками плохой сохранности (Morintz 1987: 63). При этом датировка всех нижнедунайских фибул также укладывается в широкие пределы X-IX вв. до н.э. (Bader 1983: 101, 102, taf.34: 298-300).

В широкий хронологический диапазон (На В 1 — В 2) попадают и фибулы типа «passementeria» из клада Бырлад (рис. XXXIX: 15-18). Уже в первой публикации этого клада М.Петреску-Дымбовица отметил его разнородный состав, когда кельт и фибулы находят аналогии в кладах горизонта Мойград-Хайду-Бесермень конца эпохи бронзы-начала раннего железа, а топоры с крылышками имеют более широкие и высокие хронологические рамки вплоть до На С (Petrescu-Dîmboviţa 1958: 59-67). В целом же, клад Бырлад был датирован На В 2 и синхронизирован с группой Козия (Petrescu-Dîmboviţa 1964: 251-272; он же 1977: 144, 145, 352, pl.357: 1-5). Примечательно, что обломок щитка фибулы «passementeria» был также найден на эпонимном поселении родственной раннегальштатской группы Инсула Банулуй в Среднем Подунавье (Morintz, Roman 1969: 400, 416, fig.7: 6).

Топоры с крылышками, как установил еще М.Петреску-Дымбовица, имеют широкие аналогии в Средней Европе, Северном Причерноморье и Кавказе. Бронзовые их прототипы датируются XIV-XIII вв. до н.э., а железные экземпляры — На В — С (IX-VII вв. до н.э.) (Petrescu-Dîmboviţa 1958: 62-66). Здесь необходимо напомнить, что железный топор с крылышками является одним из наиболее важных индикаторов для определения хронологической позиции группы Инсула Банулуй все того же орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (Morintz, Roman 1969: 400, 416, fig.7: 12). Разбирая типологию железных топоров с крылышками, А.Ласло пришел к заключению, что самое раннее их появление на территории Румынии не должно быть раньше На В, при этом экземпляры из Инсула Банулуй и Бырлада он сопоставил с топором из клада 1951 г. на чернолесском Субботовском городище Правобережья Днепра (László 1975: 29, 38).

Более подробно на типологии железных топоров с крылышками из Подунавья (в сопоставлении с экземплярами из погребений позднепротогеометрического периода на афинской Агоре и Керамейкосе) остановился Б.Хенсель, который выделил среди них ранние образцы стройных пропорций с короткими выступами (Hänsel 1976: 156-162; Смирнова 1985: 36). В русле предложений Б.Хенселя была выполнена большая сводка по железным топорам с крылышками в Древнем мире (Wesse 1990). Согласно предложенной А.Вессе классификации, топоры из Инсула Банулуй и Бырлада (и, видимо, экземпляр из Плеша) представляют ранние образцы типа II варианта 1 и типа III варианта I С 3, которые датируются «около 900 г. до н.э.» (Wesse 1990: 166-169, 175-177, abb.55; taf.23: 180; 27: 175, 176). Датировка же группы Инсула Банулуй, по уточнениям М.Гумэ, должна ограничиваться второй половиной-концом X — IX вв. до н.э. на основе соотношения с предшествующей группой Хинова-Мала Врбица и ее контактов со второй фазой (конец X — конец IX вв. до н.э.) Горня Калакача (Gumă 1995: 113-115).

Аналогичную дату нижнего рубежа (не ранее второй половины-конца X в. до н.э.) дают известные в варианте Сахарна ранние хроноиндикаторы: бронзовые пластинчатые рифленые браслеты и железные двухпетельчатые фибулы из курганов III и IV Сахарнянского могильника I (Цыглэу), бронзовые пластинчатые браслеты с рифлением из кургана III Сахарнянского могильника II (Гура Хлубоака), а также фрагмент бронзовой пилки с поселения Матеуць-Ла башнэ (рис. XXXIX: 19-28). Так или иначе эти ранние изделия в Сахарне уже рассматривались в литературе: в капитальном труде Б.Хенселя и работе Г.И.Смирновой по хронологии, не потерявших своего значения и актуальности и на современном уровне исследований (Hänsel 1976: 122-164; Смирнова 1985: 35-42, 48), а также в моей статье-рецензии на монографию Л.И.Крушельницкой по чернолесской культуре

Среднего Днестра (Кашуба 1999: 374-376). Поэтому, здесь необходимо лишь кратко уточнить отдельные моменты.

В Северо-Западном Причерноморье финал бытования бронзовых браслетов с продольным рифлением приходится на вторую половину-конец X в. до н.э. (Hänsel 1976: 148-151; Смирнова 1985: 38, 39). Четыре из сахарнянских браслетов, с перехватом посередине и двумя выпуклостями (шишечками) на концах (рис. XXXIX: 24, 26-28) не имеют прямых аналогий среди пластинчатых образцов из бронзы. Только золотые рифленые браслеты из клада Хинова (вторая половина XI-первая половина X вв. до н.э.) в юго-западной Олтении имеют на концах по десять выпуклостей-шишечек (Davidescu 1981: 8, 11, fig.2: 2; 9: 1; Gumă 1995: 108, 109, pl.X.B: 9-35).

Двухпетельчатые сахарнянские фибулы (рис. XXXIX: 19, 20) аналогичны по схеме двум вариантам ранних смычковых фибул с дужкой, параллельной или непараллельной ножке — белозерским застежкам из Струмка и Лукьяновки. При этом весь массив белозерских дуговидных фибул из Северного Причерноморья по эгейским и балканским параллелям (Sapouna-Sakellarakis 1978: 41-45, taf.1: 1, 2, 15, 21; 3: 51A-69; Vinski-Gasparini 1973: 115, 116, 204, tabl.89: 4, 6; 90: 1; 91: 6; Vasič 1982: 280, 281) датируется XII-X вв. до н.э. (Смирнова 1985: 43-46; Ванчугов 1990: 110-112). Сахарнянские фибулы, изготовленные из железа и крупные, должны датироваться концом периода бытования таких фибул в Северном Причерноморье, т.е. второй половиной-концом X в. до н.э. Такая дата подтверждается и совместным нахождением железных фибул в одном погребении (курганы III и III Сахарнянских могильников I и II) с бронзовыми рифлеными браслетами (рис. XXXIX: 19, 21, 24, 26-28), а также наличием фрагмента железной застежки в погребении 55 (вторая половина X в. до н.э.) белозерского могильника Казаклия в Буджаке (Agulnikov 1996: 43, 65, 107, fig.19: 4).

Фрагмент бронзовой пилки с поселения Матеуць-Ла башнэ (рис. XXXIX: 22) — относящейся к типу изделий в виде продолговатой пластины с покрытыми зубчатой насечкой краями, которые в Днестро-Прутское междуречье попадали в XI-X вв. до н.э. (Смирнова 1985: 47; Levițki 1994: 126, 127) — должен относиться к числу позднейших экземпляров второй половины-конца X в. до н.э.

Приведенные аналогии ранним изделиям-хроноиндикаторам из восточного варианта (Сахарна) культуры Козия-Сахарна подтверждают датировку ее нижней хронологической границы в целом в пределах второй половины-конца X в. до н.э. По моему мнению, такая дата нижнего предела действительна и для западного варианта (Козия) этой культуры, которой присущ единый ритм развития на всей территории распространения. Таким образом, «западные привязки» культуры Козия-Сахарна (бронзовые узельковые фибулы из Брад, Козии и железный экземпляр из Покреака-Четецуе, вещевой набор клада Бырлад) дают фоновые даты в пределах второй половины X-IX вв. до н.э.

Верхняя хронологическая граница культуры Козия-Сахарна пересматривалась неоднократно. Для западного ее варианта Козия в качестве верхнего рубежа принят 800 г. до н.э., как граница между Козией и могильником Стойкань, выявленная на основе типологического анализа инвентаря поселения и могильника Стойкань, относящихся уже к среднему гальштату Запрутской Молдовы (Hänsel 1976: 134-140; László 1985: 15, 16). Дата рубеж IX-VIII вв. до н.э. — как начальный период существования некрополя Стойкань — была подтверждена А.Ласло и при более детальном рассмотрении материалов этого памятника (László 1995: 87-102).

Верхняя хронологическая граница варианта Сахарна первоначально определялась по датировке железных однокольчатых удил из погребения № 1 кургана VI Сахарнянского могильника I (рис. XXXIX: 5, 6). Начало VI в. до н.э., как возраста этих удил, длительное время придерживалась А.И.Мелюкова (Мелюкова 1958: 87; она же 1972: 67). После предложенных Г.И.Смирновой последовательных удревнений периода бытования таких удил до начала VII в. до н.э., затем и первой половины VIII в. до н.э., а, может быть, и конца IX в. до н.э. (Смирнова 1977: 101-106; она же 1985: 37, 38), А.И.Мелюкова приняла только дату — начало VII в. до н.э. — как верхний предел Сахарны (Мелюкова 1979: 30; она же 1989: 23).

Между тем, прямые ранние параллели (экземпляры из Мезочат в Средней Европе, а также из Гияна I, Сиалка B и Хасанлу IV B и других местонахождений на Древнем Востоке) показывают, что железные однокольчатые удила из Сахарны (и аналогичные им из позднечернолесского кургана у с.Мервинцы) являются чуть ли не древнейшими, при этом Нижнее Подунавье и Днестро-Прутский бассейн могут выступать и в качестве первичной территории таких изделий (Смирнова 1977: 101-106; она же 1985: 38; Медведская 1983: 71-73; она же 1991: 149-152).

Обозначая возникшую ситуацию, весьма любопытный подход в ее разрешении предложили недавно Е.В.Яровой и И.В.Бруяко (Яровой, Бруяко 2000). При параллельном рассмотрении этими авторами идеи развития таких удил вообще и сырьевого (бронза-железо) воплощения этой идеи выясняется, что Центральная Азия и Северный Кавказ выступают ареалами первоначального распространения такого типа удил (двусоставные однокольчатые из бронзы), а их технологическое переосмысление раньше всего (еще с IX в. до н.э.) могло произойти и на Древнем Востоке. Тогда как в Средней и Восточной Европе массовое производство железной упряжи началось на рубеже VIII-VII вв. до н.э. — с окончанием развития «фрако-кимме-

рийских» древностей в Средней Европе и скифизацией вглубь (фаза 2 РСК) в Северном Причерноморье (Chochorowski 1993: 274; Медведская 1992: 89-91). В таком случае, как предположили Е.В.Яровой и И.В.Бруяко, железные однокольчатые удила из Сахарны и Мервинцев (сюда же можно добавить и утраченный комплект с «широкими кольцами» из Жаботина — Покровская 1973: 175) являются успешной попыткой копирования бронзовых прототипов, предпринятой местными («сахарнянско-чернолесскими») мастерами (Яровой, Бруяко 2000).

Действительно, учитывая существование первичных и вторичных центров производства и распространения однокольчатых удил, а также время их бытования, когда в Средней Европе основная масса бронзовых однокольчатых удил датируется VIII-VII вв. до н.э. (Chochorowski 1993: 42-45, 54, гус.1: 1-3), можно констатировать, что именно Северный Кавказ является первичным и одним из основных центров распространения однокольчатого типа удил (Яровой, Кашуба, Махортых 2000). Как подчеркнуто и в работе С..Б.Вальчака, В.И.Мамонтова и А.А.Сазонова, однокольчатые удила (бронзовые) существовали около ста лет, их основным восточноевропейским ареалом был Северный Кавказ, а время их бытования можно определить в рамках конца IX-конца VIII вв. до н.э. (Вальчак, Мамонтов, Сазонов 1996: 39).

Что же касается бронзовых прототипов для опытного копирования («сахарнянскими» мастерами) в железе, то территориально ближайшими являются четыре комплекта однокольчатых удил из погребения № 3 кургана III близ Слободзеи в Нижнем Поднестровье, которое можно отнести ко времени не позднее конца IX в. до н.э. (Яровой, Кашуба, Махортых 2000). Необходимо отметить, что сахарнянские мастера предприняли и другие удачные попытки копирования: в кости и роге были повторены колоколовидные подвески (рис. XXVII: 54, 55), в том же железе — двухпетельчатые смычковые фибулы (рис. XXXIX: 19, 20).

О принадлежности железных удил из Сахарнянского могильника I к изделиям именно черногоровского круга свидетельствует и вычисленная, согласно предложению С.Б.Вальчака, средняя длина их рабочей части (8,4 *см*), которая вполне укладывается в среднюю «черногоровскую» длину (Вальчак 1995: 46, 47).

Датировку погребения с удилами из Сахарнянского могильника I в пределах рубежа IX-VIII-начала VIII вв. до н.э. подкрепляет и ряд аналогий, имеющихся для найденного в одном комплекте с ним рогового псалия (рис. XXXIX: 5). Подобный псалий, повторяющий форму рога и с удаленным внутренним костным веществом, с тремя округлыми (а не овальными) отверстиями был обнаружен в «дважды» закрытом позднечернолесском комплексе Днестровка-Лука выше по Днестру (Смирнова 1982: 31, 44, 46, 149, рис.12: 14). Отнесению псалия из Днестровки-Луки к позднечернолесскому времени способствовала не только его общая архаичность, но и датировка бронзовых булавок (не позднее конца IX в. до н.э.) из насыпи и погребения № 3 кургана № 1, возведенного над жилищем № 1, в заполнении которого этот псалий был найден. Таким образом, псалий из Днестровки-Луки закономерно считался самым ранним из числа роговых псалиев с тремя округлыми отверстиями (Смирнова 1982: 47: она же 1985: 35, 41, 42, рис.1: 7-9).

Близкую раннюю аналогию псалию из Днестровки-Луки дает псалий из погребения 9 (повторяющий форму рога с тремя округлыми отверстиями) недавно полностью опубликованного могильника Фарс/Клады Северо-Западного Кавказа (Лесков, Эрлих 1999: 9, 52, 53, 103, рис.11: 5). Пара роговых псалиев из погребений 31 этого же могильника обнаруживает сходство с днестровскими экземплярами (из Сахарнянского могильника I и Днестровки-Луки) по приемам изготовления, когда удалялось внутреннее костное вещество (Лесков, Эрлих 1999: 20, 21, 52, 53, рис.26: 12). Кстати, квадратными отверстиями, как псалии из упомянутого погребения 31 могильника Фарс, снабжен роговой псалий из позднечернолесского слоя Субботовского городища Правобережья Днепра (Тереножкин 1976: 92, 155, рис.55: 4). Согласно А.М.Лескову и С.Р.Эрлиху, погребения 9 и 31 Фарса относятся к ранней хронологической группе этого могильника, которая датируется ими в пределах первой половины-третьей четверти VIII в. до н.э., с заходом, может быть, в конец IX в. до н.э. (Лесков, Эрлих 1999: 67, 68, 71, 148, 154, рис.56: 1, 3; 62).

Приведенные перекрестные аналогии предскифским роговым псалиям из поречья Среднего Днестра и погребений 9 и 31 Фарса подтверждают их ранние даты, когда экземпляры из Сахарнянского могильника I и Днестровки-Луки датируются концом IX-рубежом IX-VIII вв. до н.э., а псалии из могильника Фарс могут «заходить» и в конец IX в. до н.э.

Таким образом, датировка железных однокольчатых удил из Сахарнянского могильника I теряет свою значимость определителя верхней хронологической границы Сахарны. Между тем, звено бронзовых удил с D-образным окончанием из Сахарна Маре, роговой муфтовый псалий и бронзовая булавка с большой многоспиральной головкой из Хлижень II-Ла Шанц (рис. XXXIX: 1-3) подтверждают верхнюю дату Сахарны (восточного варианта культуры Козия-Сахарна) в пределах первой половины-середины VIII в. до н.э.

Фрагмент звена бронзовых удил с D-образным окончанием из Сахарна Маре (рис. XXXIX: 3) А.И.Мелюковой сразу был отнесен к изделиям среднеевропейского круга и числу сравнительно поздних находок в Сахарне (Мелюкова

1958: 87). Как отметил еще А.А.Иессен, удила с D-образным окончанием (один комплект которых в Северном Причерноморье был тогда найден в разрушенном погребении из Ростова-на-Дону) наиболее типичны для Средней Европы, где они являются локальным произведением, возникшем на базе классических стремечковидных удил Восточной Европы (Иессен 1953: 52, 86, 90, рис.2: IV; 3: 3). Это мнение было подтверждено Я.Хохоровски, который выделил даже особый «вариант Сахарна» с выступом на изгибе D-образного окончания (Chochorowski 1993: 40, 49, Ryc.1: 7). Но проведенный анализ инвентаря культуры Козия-Сахарна показывает, что известное среди ее материалов конское снаряжение является степным импортом (или сделанным по раннекочевническим образцам) и, в этом смысле, оно в культуре вторично и заимствовано. Поэтому, представляется не результативным выделять фрагмент удил с D-образным окончанием из Сахарна Маре в отдельный «вариант Сахарна».

Согласно К.Метцнер-Небелсик, бронзовые удила с D-образным окончанием (I тип) были распространены исключительно внутри Карпатской котловины и почти никогда не имели пластический декор (обмотку). В ее сводке приведены сведения о 20-ти находках таких удил, среди которых шесть экземпляров с D-образным окончанием (в том числе Сахарна Маре) имеют выступ на изгибе (Metzner-Nebelsick 1994: 398, 399, 446, 447). Из данных К.Метцнер-Небелсик вытекает, что удила с D-образным окончанием встречены еще в комплексах первой половины IX в. до н.э., а экземпляры, D-образные окончания которых имеют выступ, как будто более характерны для комплексов начала-середины VIII в. до н.э. Карпатского бассейна (Metzner-Nebelsick 1994: 424, abb.18).

Стержень удил из Сахарна Маре имеет ложновитое рифление — прием, типичный для удил региона Северного Кавказа, где различные виды строгости удил (в том числе обмотка) получили широкое распространение в предскифский период, как, например, это прослеживается на экземплярах из могильника Фарс/Клады (Лесков, Эрлих 1999: 50, 51, рис.54). В том же могильнике Фарс на петлях удил из погребений 16 и 28 (первой половины-третьей четверти VIII в. до н.э.) сохранились, как на экземпляре из Сахарна Маре, не сточенные выступы-литники (Лесков, Эрлих 1999: 13-17, 50, 51, 71, рис.17: 11; 21: 14; 54).

Из находок удил с D-образным окончанием в Восточной Европе к долгое время бывшему единственным комплексу из Ростова-на-Дону добавились материалы из Прикубанья — удила из протомеотских могильников Пшиш-1 и Казазово 3, датирующихся первой половиной VIII в. до н.э. или концом VIII-первой половиной VII вв. до н.э. (Сазонов 1995: 103, 104, рис.6: 1; 7: 1; он же 1996: 132-134; Пьянков, Тарабанов 1997: 62, 67, рис.1: 1).

Стержни удил из часто цитируемого комплекса Ростов-на-Дону, по уточнениям С.Б.Вальчака и С.И.Лукьяшко, также имели ложновитую обмотку (Вальчак 1997: 94, 95, 114, рис.9: 8; Лукьяшко 1999: 43, 44, 161, рис.29). С.Б.Вальчак отнес комплект из Ростова-на-Дону к выделенной им первой (Предновочеркасской) группе предскифской узды Восточной Европы. В плане абсолютной хронологии эта группа 1 попадает на конец первой половины-середину VIII в. до н.э., если учитывать, что смена предклассической Новочеркасской (группа 2) и классической Новочеркасской (группа 3), по С.Б.Вальчаку, приходится на время около 714 г. до н.э. (Вальчак 1997: 99, 100). С.И.Лукьяшко же поместил комплекс из Ростова-на-Дону в начало VIII в. до н.э. (Лукьяшко 1999: 112, 113, рис.95: 12).

Приведенные северопричерноморские параллели удилам с D-образным окончанием из Сахарна Маре также, как и экземпляры из Средней Европы, показывают датировку таких изделий, в основном, в пределах первой половины-середины VIII в. до н.э. Учитывая сильную сработанность сахарнянского образца, когда рифление на стержне почти стерто, предпочтительной датой для него является середина VIII в. до н.э.

К числу поздних предметов в Сахарне принадлежит и роговой стержневидный муфтовый псалий, происходящий из закрытого сахарнянского комплекса (яма № 21) Хлижень II-Ла Шанц (рис. XXXIX: 2). Учитывая его морфологические особенности при отсутствии обломанных концов (зооморфные-?), он был условно отнесен к концу бытования древностей типа Сахарна на этом городище — к середине-началу второй половины VIII в. до н.э. (Гольцева, Кашуба 1995: 29).

Бронзовая булавка с большой многоспиральной головкой, найденная в закрытом сахарнянском комплексе (яма № 129) городища Хлижень II-Ла Шанц (рис. XXXIX: 1), также является сравнительно поздней. В бассейне Среднего Днестра булавки с большой многоспиральной головкой появляются еще в предскифское время. Большая серия таких изделий известна в высоцкой культуре развитого этапа (вторая половина IX-VIII вв. до н.э.), например, в могильниках Золочев и Луковец (Крушельницька 1965: 122-135, рис.11: 1, 2, 4; она же 1985: 75-84, рис.23: 8; 26: 4) или более поздних памятниках этой же культуры этапа «ящичных погребений» (Бандрівський 1994: 44, 90-93, 135-137, рис.11: 3; 39: 1, 3). Такая же булавка найдена и на позднечернолесском Рудковецком городище (Винокур и др. 1984: 15, 70, рис.6: 13). Представительная их группа происходит из памятников западноподольской группы раннескифской культуры (Щукин 1989: 109, рис.1: 1; Смирнова 1998а: 41, 45-47, рис.5: 1). В дальнейшем, такие булавки, в том числе железные, являлись

довольно распространенным видом украшений Скифии (Петренко 1978: 16-22, табл.10: 32-36; 13: 14-18; 16: 15-20, 22-41). Все перечисленные аналогии показывают, что датировка глиняной булавки, скорее всего, должна приходиться на первую половину-середину VIII в. до н.э.

В свете вышеизложенного представляется сомнительным существенное повышение верхнего предела Сахарны (вплоть до середины I тыс. до н.э.) на основе находки в слое культуры Сахарна городища Бутучень венчика с рельефными поясками, относящегося к амфорам со стаканообразными донышками или усеченно-конусовидными ножками, которые датируются VI-V вв. до н.э. (Банару 1997: 175, 176, рис. II: 15; III: 9).

Анализ массового материала и индивидуальных находок культуры Козия-Сахарна (глава 3.1 и 3.2) показывает ее ярко выраженный предскифский облик, когда самыми поздними в культуре являются изделия середины VIII в. до н.э. Опыт же моих полевых исследований многослойных поселений раннего железного века в лесостепной Молдове (Матеуць-Ла башнэ, Алчедар III, Хлижень II-Ла Шанц) позволяет уверенно говорить о том, что стратиграфически фиксируемые культурные слои (со стерильными горизонтальными прослойками) на таких памятниках почти всегда отсутствуют. В культурном слое многослойных поселений Молдовы, каковым является и городище Бутучень, ранние и поздние материалы находятся обычно вперемешку. При этом стратиграфические наблюдения возможны только в закрытых комплексах, но и в них допустимо попадание разновременных материалов вследствие целого ряда, в том числе естественных, причин.

Для многослойных памятников лесостепной Молдовы наиболее перспективным и надежным является выделение культурно-хронологических горизонтов на основе материалов из закрытых комплексов, возможных стратиграфических наблюдений (случаи перекрывания поздними сооружениями более ранних), а также типологии массового материала и вещевого инвентаря. Такой подход себя оправдал при анализе материалов многослойного памятника Хлижень II-Ла Шанц, где было выявлено семь культурно-хронологических горизонтов (Гольцева, Кашуба 1995).

Опираясь же на амфорную группу находок из многослойного памятника Бутучень (Mateevici 1999: 177-195), можно предположить, что на этом городище присутствует позднегальштатский горизонт VI-V вв. до н.э., наличие которого уже подтверждено материалами других многослойных поселений раннего железного века южной зоны Среднего Днестра (Кашуба, Хахеу, Левицкий 1999: 120-127). Следовательно, фрагмент венчика амфоры VI-V вв. до н.э. фиксирует не верхнюю дату древностей типа Сахарна, а, скорее всего (как и остальной амфорный материал), присутствие на городище Бутучень позднегальштатского культурно-хронологического горизонта.

Таким образом, на основе стратиграфических наблюдений и типологии массового материала и вещевого инвентаря бытовых памятников, а также сравнительного хронологического анализа материалов погребений и поселений памятники варианта Сахарна можно разделить на две хронологические группы: раннюю и позднюю. Время бытования ранних сахарнянских памятников основывается на датировке бронзовых пластинчатых браслетов с рифлением и железных двухпетельчатых фибул из курганов III и IV Сахарнянского могильника I (Цыглэу) и кургана III Сахарнянского могильника II (Гура Хлубоака), а также бронзовой пилки, найденной на поселении Матеуць-Ла башнэ. Ранний возраст бытовых сахарнянских памятников, как это подчеркивалось выше, определяет четко выраженный в их материалах холерканский субстрат и общее преобладание ранних мотивов резной орнаментации столовой посуды.

К наиболее древним сахарнянским погребениям (второй половины-конца X в. до н.э.) принадлежат курганы III и IV Сахарнянского могильника I (Цыглэу), курган III Сахарнянского могильника II (Гура Хлубоака). К захоронениям конца X — рубежа X-IX вв. до н.э. относятся каменные ящики VI, VII и IX могильника Алчедар и такое же сооружение № 1 могильника Климэуций Жос, инвентарь которых имеет хорошие позднебелозерские и холерканские аналогии (Приложения 2.3 и 2.4). Ранними среди поселений являются Цахнэуць и Солончень-Хлиная, время существования которых начинается со второй половины-конца X в. до н.э. и охватывает весь период существования Сахарны (последнее подтверждает наличие смешанных сахарнянско-шолдэнештских комплексов в Солончень-Хлиная). Начало существования поселения Матеуць-Ла башнэ, судя по фрагменту бронзовой пилки и основным характеристикам массового керамического материала и вещевого инвентаря, можно относить к рубежу X-IX вв. до н.э.

Время бытования поздних сахарнянских памятников определяется датировками звена бронзовых удил с D-образным окончанием из Сахарна Маре, рогового муфтового псалия и бронзовой булавки с многоспиральной головкой из Хлижень II-Ла Шанц, которые попадают в первую половину-середину VIII в. до н.э. Отнесение сахарнянских поселений к числу поздних, как уже было отмечено, основано на фактическом отсутствии в их материалах холерканского субстрата, преобладании поздних мотивов орнаментации и значительном числе позднечернолесских кухонных горшков, а также наличии керамических типов культуры Басарабь-Шолдэнешть, несущих «сахарнянское наследие».

К числу поздних сахарнянских захоронений

(рубежа IX-VIII-первой половины VIII вв. до н.э.) относятся погребение № 1 кургана VI Сахарнянского могильника I (Цыглэу), погребение № 2 кургана IV Сахарнянского могильника II (Гура Хлубоака), а также каменный ящик II могильника Алчедар и грунтовое захоронение № 1 Пояна (Приложения 2.2, 2.3 и 2.5). Поздними среди поселений являются Алчедар III и Хлижень II-Ла Шанц, время бытования которых приходится на IX-середину VIII вв. до н.э. Произведенные во втором периоде существования древностей типа Сахарна на поселении Алчедар III строительные работы связаны и с притоком сюда не позднее рубежа IX-VIII вв. до н.э. какой-то части населения позднечернолесской культуры с севера — из центральных районов поречья Среднего Днестра. Они же принимали непосредственное участие в ритуалах, отправляемых на сахарнянском пансвятилище Хлижень II-Ла Шанц, расположенном неподалеку.

Ранние памятники культуры Козия-Сахарна синхронны заключительным этапам горизонта Тэмэоань-Холеркань-Балта, белозерской, белогрудовско-раннечернолесской культурам, а также финалу Кишинэу-Корлэтэнь (табл. XI). В основной период своего бытования древности Козия-Сахарна одновременны орнаментированному гальштату Балкано-Подунавья, которому они принадлежат (Пшеничево II-Бабадаг II-Инсула Банулуй); основному периоду существования культуры каннелированного гальштата Гава-Голиграды (группе Грэничешть, в первую очередь), а также раннекочевнической черногоровской культуре и позднему Чернолесью в Северо-Западном Причерноморье. Конечная дата варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна совпадает с началом культуры Басарабь-Шолдэнешть в Днестро-Прутском междуречье (табл. XI).

Дата — около середины VIII в. до н .э. — как время смены Сахарны на Басарабь-Шолдэнешть в лесостепи Днестро-Прутского междуречья определяется наличием смешанных сахарнянско-шолдэнештских комплексов, взаимовлияниями в керамических типах этих культур (поздние типы посуды в Сахарне и типы с «сахарнянским наследием» в Басарабь-Шолдэнешть), а также независимой от Козии-Сахарны датировкой самой культуры Басарабь-Шолдэнешть этого региона. Начало же последней здесь также приходится на время не позднее середины VIII в. до н.э., как это показывает и звено бронзовых удил с двурядно-прямоугольным рельефом из могильника Шолдэнешть, которые принадлежат к предклассической Новочеркасской группе (группа 2) уздечных комплектов Северного Причерноморья (Вальчак, Эрлих 1993: 17-19; Эрлих 1994: 62-72; Вальчак 1997: 93, 94, 99, 100, 106, рис.1: 5).

В лесостепи Днестро-Прутского междуречья одной из основ сложения среднегальштатской культуры Басарабь-Шолдэнешть (при участии миграционных импульсов со Среднего Дуная) была культура Козия-Сахарна, точнее, восточный ее вариант Сахарна. Сложившаяся здесь ситуация повторяет картину культурно-исторического развития Среднего Подунавья, где в качестве одной из основ синтеза культуры Басарабь в начале VIII в. до н.э. выступила родственная Козии-Сахарне (и входящая вместе с ней в орнаментированный гальштат Балкано-Подунавья) культурная группа Инсула Банулуй (Gumă 1993: 208; он же 1995: 115). При этом обстановка в лесостепи Днестро-Прутского междуречья середины-второй половины VIII в. до н.э. отличается от ситуации в Нижнем Подунавье, где фаза Бабадаг III (VIII-VII вв. до н.э.) характеризуется преимущественным каннелированным узором столовой посуды, существенно разнясь от типичной культуры Басарабь (Morintz 1987: 48-51, 53, 66, 67, fig.8: 7-9; 9: 10-15; 10: 7, 10, 11; Jugănaru 1996: 31-38).

Таким образом, преимущественный среднедунайский фактор процесса «гальштатизации» Карпато-Поднестровья, подтвержденный В.А.Дергачевым и при анализе металлических изделий (Дергачев 1997: 51-59), оставался ведущим в культурогенезе этого региона еще в течение всего VIII в. до н.э., несмотря на активизацию и последующее доминирование в Северном Причерноморье уже «восточных» компонентов.

Глава V. Происхождение и исторические судьбы — памятники Козия-Сахарна в системе раннего гальштата Балкано-Подунавья и предскифских культур Северного Причерноморья

Вопрос формирования культуры Козия-Сахарна (особенно Сахарны), как это видно из историографического обзора (глава I), уже с момента первоначальных обобщений и культурно-исторической интерпретации предскифских памятников Молдовы и лесостепной Правобережной Украины был поставлен жестко полемически.

Миграционный характер происхождения этой культуры (чисто миграционный, а на сегодняшний уровень исследований — миграционный с местным субстратом) практически ни у кого сомнений не вызывал (Мелюкова 1960: 145; она же 1961: 48; Тереножкин 1961: 215-217; László 1972: 200 и другие). Раннегальштатские юго-западные (нижнедунайские) истоки памятников типа Козия были определены сразу: первоначально они считались проявлением культуры Бабадаг (Morintz 1964: 116-118; László 1969: 319-326; он же 1972: 207-222). Впоследствии, с разработкой проблематики генезиса раннегальштатских культур Подунавья и в целом «гальштатизации» Балкано-Подунавья (Morintz 1971: 19-25; он же 1974: 897-906; он же 1977: 1465-1488; он же 1978), памятники типа Козия были выде-

лены в отдельную культурную группу в составе южного раннегальштатского комплекса X-IX вв. до н.э. — орнаментированного гальштата или восточнобалканского круга памятников, по Б.Хенселю (Hänsel 1976: 134-140; László 1985: 13-15; он же 1989: 123, 124).

Генеральные же «сражения» разгорелись вокруг происхождения памятников типа Сахарна (восточное чернолесское или юго-западное гальштатское), поскольку оно напрямую связано с вопросом о направленности культурных воздействий в лесостепной части поречий Правобережья Днепра, Южного Буга и Среднего Днестра в предскифское время. Именно приоритет (восток или юго-запад) в культурных трансляциях этого региона X-VIII вв. до н.э. породил непрерывную публичную и печатную полемику (Мелюкова 1979: 72-88; Смирнова 1980: 121-143; она же 1983: 68-71; она же 1986: 23-25; Ильинская 1975: 176, 177; Ильинская, Тереножкин 1983: 290-303; Morintz 1964: 116-118; он же 1987: 65, 66; Hänsel 1976: 148-151; László 1976: 57-75; он же 1985: 14, 15; он же 1989: 123, 124 и другие), которая недавно была возобновлена (в сторону преобладания восточных влияний) с выходом монографии Л.И.Крушельницкой по чернолесской культуре Среднего Днестра (Крушельницька 1998).

В своей статье-рецензии на монографию Л.И.Крушельницкой я подробно остановилась на обозначенной дискуссии, показав несостоятельность точки зрения о восточном (чернолесском) происхождении памятников типа Сахарна (Кашуба 1999: 369-388). Поэтому, здесь заострю внимание на следующем.

Как авторы гипотезы восточного (чернолесского) происхождения Сахарны А.И.Тереножкин и В.А.Ильинская, так и последовавшая за ними Л.И.Крушельницкая свои концепции построили на нескольких основных постулатах (Тереножкин 1961: 215-217; Ильинская 1975: 174-178; Ильинская, Тереножкин 1983: 290-303; Крушельницька 1998: 179-200; Бандрівський, Крушельницька 1998: 203-207).

Во-первых, по их мнению, «территория культуры Сахарна-Солончены слишком невелика, чтобы видеть в ней тот «генератор», который мог служить источником передвижения каких-то групп населения на восток» (В.А.Ильинская, А.И.Тереножкин); эта территория (70х30 *км*) в 20-ть раз меньше, чем даже ареал среднеднестровской группы чернолесской культуры (Л.И.Крушельницкая).

Во-вторых, поскольку «население позднего Чернолесья и раннего Жаботина составляло плотный этнокультурный массив, имело мощный культурно-генетический ствол от периода средней бронзы вплоть до первых веков нашей эры», только оно было способно активно продвинуться из Среднего Поднепровья и Побужья в область Поднестровья (В.А.Ильинская, А.И.Тереножкин). По Л.И.Крушельницкой, оно пришло не из Правобережной поднепровской лесостепи, а непосредственно из Среднего Поднестровья.

И, наконец, тезис о более раннем появлении в Чернолесье лощеной орнаментированной посуды и, соответственно, более ранней датировке такой керамики в Чернолесье по сравнению с Сахарной. К этим тезисам Л.И.Крушельницкая добавила и свой главный аргумент — близость погребальных обрядов чернолесской культуры Среднего Днестра и группы Сахарна при отсутствии аналогичных погребальных комплексов в Нижнем Подунавье и, исходя из этого, сделала вывод о чернолесском происхождении погребального обряда Сахарны (Бандрівський, Крушельницька 1998: 201-208).

Всем ходом моего исследования показано, что основные перечисленные аргументы сторонников восточного происхождения Сахарны на сегодняшний день уже лишены конкретных археологических обоснований. Территория группы Сахарна — это южная лесостепь Днестро-Прутского междуречья, а культуры Козия-Сахарна в целом, насчитывающей 124 памятника, — вся лесостепь Днестро-Сиретского междуречья (глава 2.1, Приложение I и рис. III). Ранние хроноиндикаторы в Сахарне, датированные по западным привязкам, показывают ее появление в лесостепи Днестро-Прутского междуречья со второй половины X в. до н.э. (глава IV, рис. XXXIX). На эту территорию племена культуры Козия-Сахарна пришли со своей материальной (основные приемы домостроительства, производство железа, развитое ткачество, производство чернолощенной инкрустированной посуды и прочее) и духовной (погребально-поминальные обычаи, развитая «идеологическая» сфера) культурами, имеющими истоки в Средней Европе и Балкано-Подунавье эпохи поздней бронзы и раннего железного века (главы 2.3, 3.2, 3.3 и IV).

Та самая лощеная орнаментированная посуда, вокруг которой столько споров, появляется в южных раннегальштатских группах Подунавья, например, Инсула Банулуй и Бабадаг II, на базе местных культур эпохи бронзы (главным образом, Жуто Брдо-Гырла Маре Br B (B 2) – начало Ha A) путем синтеза с центральноевропейскими элементами (восточные группы культуры Урненфельд) и другими локальными культурными образованиями (Morintz, Roman 1969: 421, 422; Morintz 1964: 116-118; он же 1987: 59, 60, 64, 65; Hänsel 1976: 122-164; Gumă 1995: 102-110). Так, истоки многообразия форм и орнаментов Инсула Банулуй хорошо прослеживаются в ее генетической основе — поздних фазах культуры Жуто Брдо-Гырла Маре (Morintz 1987: 59, 64, 65), которая также является одной из составляющих генезиса Бабадага. В свою очередь, другие элементы эпохи бронзы были переданы культуре Бабадаг через древности типа Сихлеану или Пребабадаг, по С.Моринцу (Morintz 1971: 22; он же 1978: 160; он же 1987: 52; Hänsel 1976: 144-146).

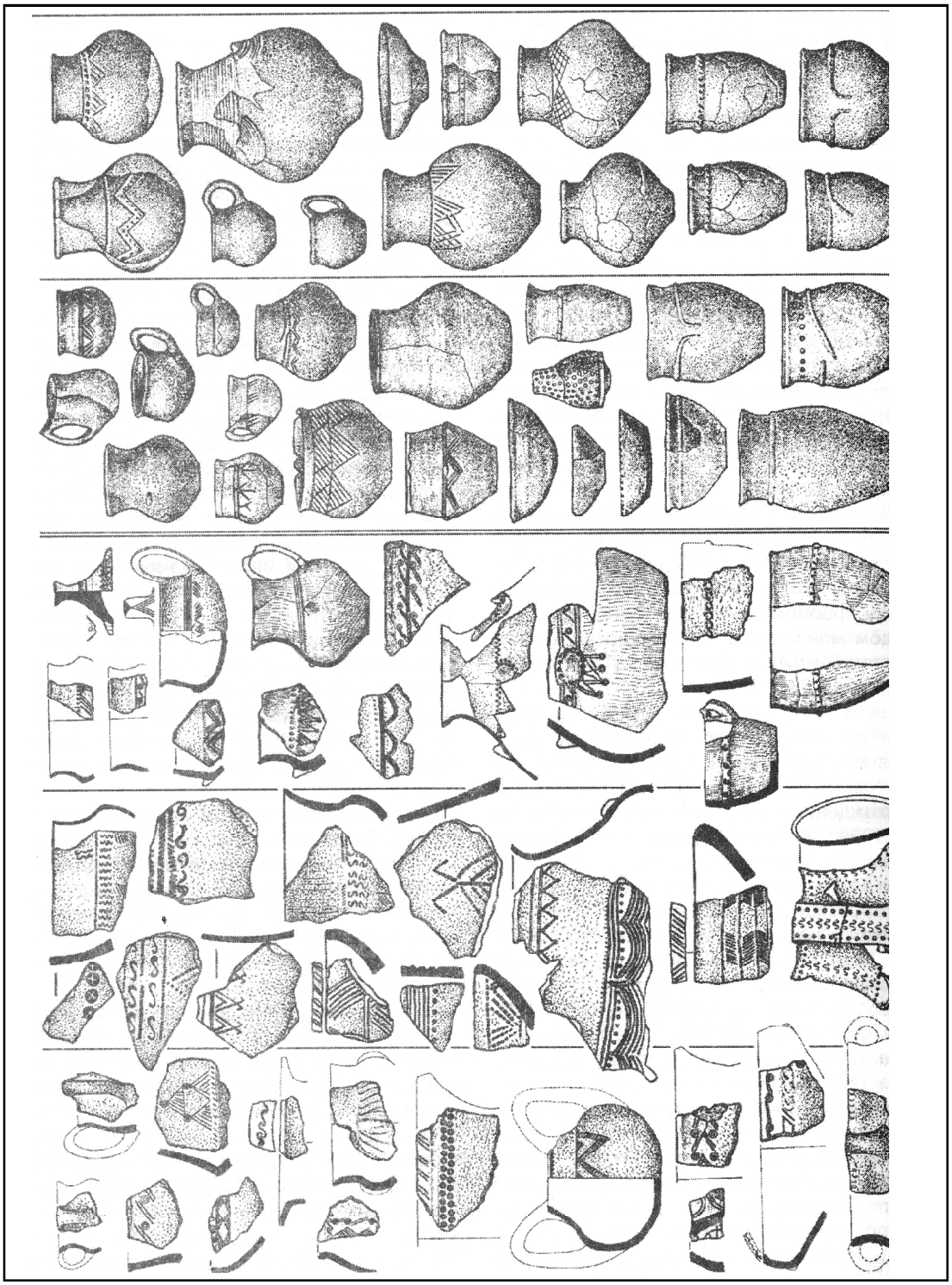


Рис. XL. Керамические комплексы орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья (I) и белогрудовско-чернолесских памятников лесостепного Правобережья Днепра (II). 1 — Пшеничево; 2 — Инсула Банулуй; 3 — Бабадаг; 4 — Белогрудовка; 5 — Чернолесье.

Здесь же следует напомнить, что различные раннегальштатские группы Балкано-Подунавья (Пшеничево, Бабадаг, Инсула Банулуй, а также Козия-Сахарна) были объединены в орнаментированный гальштат X-IX вв. до н.э. как за счет наличия в керамике общих гальштатских элементов, так и сходства основных форм и мотивов орнаментации столовой посуды при субстратном единстве кухонной керамики (рис. XL: I.1-3). В отмеченных культурных группах раннего гальштата лощеная орнаментированная посуда является ведущей, представлена массово (рис. XL: I.1-3) и выступает в качестве их культуроопределяющего признака (Hänsel 1976: Taf.44-49, 51-54, 70-74, VI, VIII, X, XI, XV). В целом, раннегальштатский керамический комплекс Балкано-Подунавья еще с эпохи бронзы явился мощной основой сложения лощеной орнаментированной посуды, которая со второй половины X в. до н.э. была принесена носителями культуры Козия-Сахарна в лесостепь Днестро-Сиретского междуречья.

Анализ же субстратного для Чернолесья белогрудовского керамического комплекса (рис. XL: II.4) приводит к выводу об отсутствии потенциальных местных возможностей для того развития форм и орнаментации столовой посуды, которое привело бы к известным (и массовым) в Козии-Сахарне типам керамики и мотивам орнаментации (рис. XXII-XXIV). При этом кухонная посуда белогрудовско-чернолесских комплексов (тюльпановидные горшки) ясно демонстрирует и другую, по сравнению с Козией-Сахарной, тшинецко-комаровскую (или только комаровскую) субстратную основу их формирования (рис. XL: II.4, 5).

Само изготовление лощеной орнаментированной посуды требовало наличия определенной традиции и использования специализированных инструментов, как-то, орнаментальных штампов, которые в большом количестве зафиксированы исключительно в культурах орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья, в том числе на каждом раскопанном поселении типа Козия-Сахарна (глава 3.2). Можно говорить не столько об отдельных формах и орнаментах столовой посуды, сколько о своеобразной раннегальштатской посудной триаде: корчага-черпак-миска, — которая выступает в устойчивом сочетании этих основных категорий в керамических комплексах памятников орнаментированного гальштата, в том числе и в Козии-Сахарне (рис. XXIV; XL: I.1-3).

Что же касается типичной белогрудовско-чернолесской столовой посуды (рис. XL: II.4, 5), то, как отмечали А.И.Тереножкин и В.А.Ильинская, богатство форм и пышность орнамента, например, черпаков (в составе столовой керамики) больше характеризует последующие жаботинский этап и раннескифское время в лесостепном Правобережье Днепра (Тереножкин 1961: 77, 78, 80, рис.51: 16-20, 27-34; 52; Ильинская 1975: 116-145). Ситуацию с более поздним проявлением (или попаданием) лощеной орнаментированной посуды на Правобережье Днепра не «спасают» и недавно полученные радиоуглеродные даты для Субботовского городища, когда датировка наиболее древнего жилища (белогрудовская культура) приходится на 1120-1040 гг. до н.э., а среднестатистические даты сооружения самого позднего вала Малого Городка Субботова (позднечернолесская культура) попадает в период 834-807 гг. до н.э. (Клочко, Ковалюх, Мотзенбеккер 1998: 96, 97). Такие даты вполне укладываются в современные представления о хронологических границах белогрудовской и чернолесской культур Северного Причерноморья.

Для позднечернолесских памятников лесостепного Правобережья Днепра пока отсутствуют данные о количестве орнаментированной посуды среди всего массива столовой на каждом местонахождении. Судя же по косвенным замечаниям (Тереножкин 1961: 77-80; Ильинская 1975: 116-145), едва ли лощеная орнаментированная посуда в позднечернолесском керамическом комплексе этого региона представлена также массово, как в Козии-Сахарне. И если дальнейшими изысканиями (и подсчетами) это подтвердится, то появится дополнительный важный аргумент против возникновения лощеной орнаментированной посуды именно в белогрудовско-раннечернолесской среде Днепро-Поднестровья.

Таким образом, во второй половине X в. до н.э., вычленившись из блока орнаментированного гальштата Балкано-Подунавья, насельники культуры Козия-Сахарна мигрировали к северу и северо-востоку в лесостепную часть Днестро-Сиретского междуречья (рис.I). Но эта область еще в течение всего X в. до н.э. оставалась плотно заселенной племенами культуры Кишинэу-Корлэтэнь, к которой, по данным А.Ласло и О.Г.Левицкого, относятся около 250 памятников (László 1989: 115; он же 1994: 105-141, harta 2; Левицкий 1990: 2, 8, 9; он же 1994: 51-53, fig.1; 2).

Мигранты (носители культуры Козия-Сахарна) были вынуждены обойти эту густо заселенную территорию с двух сторон, «просачиваясь» на местности демографической разряженности и «пустоты». Таким образом, в лесостепи Днестро-Сиретского междуречья они разделились на два потока или «ветви» (рис. I; III; XLI). Один поток переселенцев двигался с юго-запада и запада, сформировав группу Козия в лесостепных районах бассейнов Бырлада и Жижии Прут-Сиретского междуречья. Второй поток прошел с юго-востока и востока — в результате чего в лесостепи Днестро-Прутского междуречья появилась родственная Козии группа Сахарна (рис. I-III; XLI).

Но миграция насельников типа Козия-Сахарна на этом не закончилась: часть переселенцев

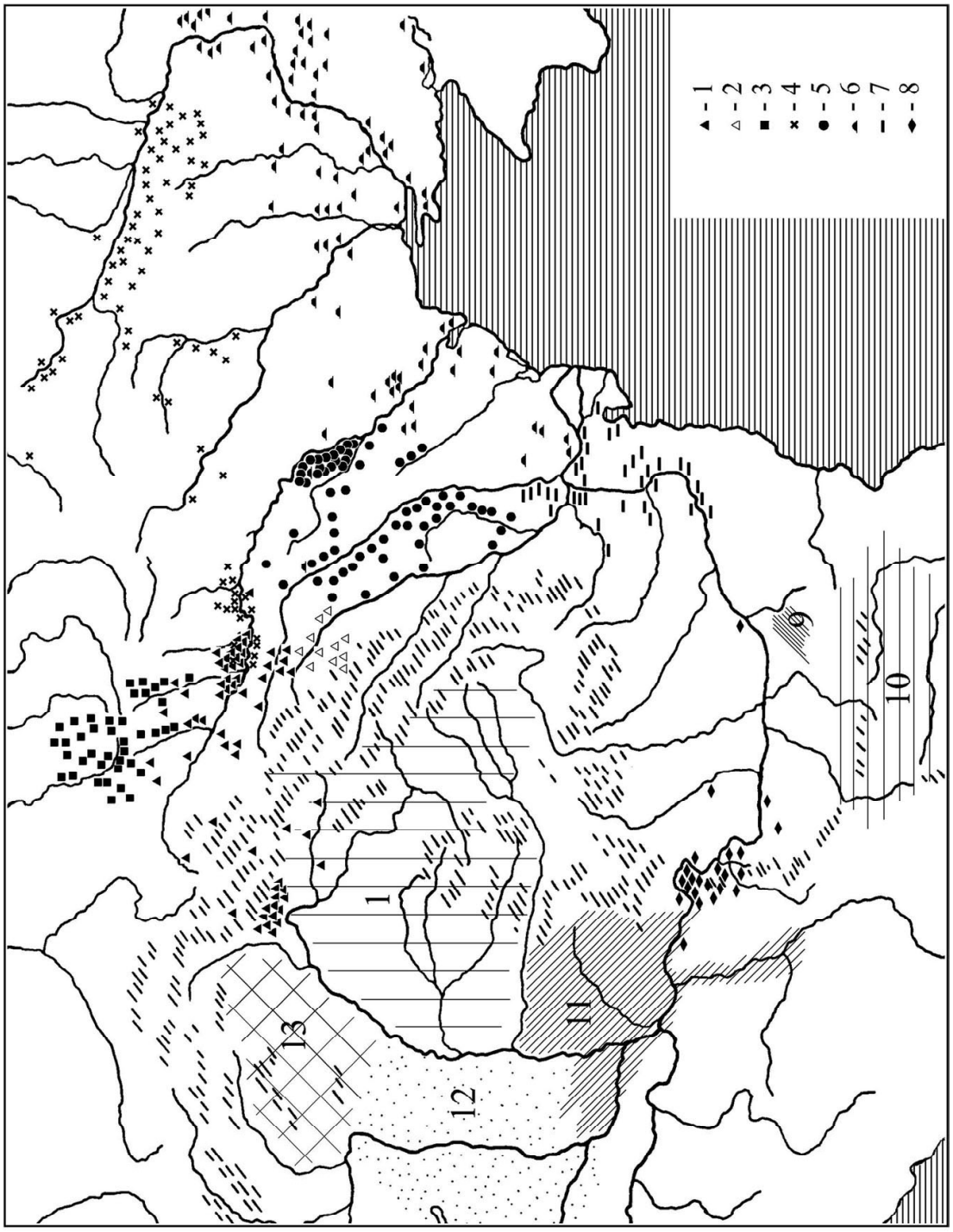


Рис. XLI. Культура Козия-Сахарна в окружении раннеэнеальтатских и предскифских древностей Карпато-Дунайского бассейна и Северо-западного Причерноморья.

1 — Гава-Голиграды II;
2 — Грэничешть;
3 — высоцкая культура;
4 — позднее Чернолесье;
5 — Козия-Сахарна;
6 — Черногоровка;
7 — Бабадаг II;
8 — Инсула Банулуй;
9 — Сборяново;
10 — Пшеничево II;
11 — Горнеа-Калакача (Босут IIIa);
12 — Урненфельд;
13 — Киятиче.

закрепилась на местах прибытия, и они основали в южной зоне Среднего Днестра долговременные местонахождения (Хлижень II-Ла Шанц, Солончень-Хлиная и другие), которые непрерывно функционировали на протяжении всего раннего железного века (в X-III вв. до н.э.) и оказались привлекательными (как места обитания) и для других последующих народов (Гольцева, Кашуба 1995: 7-44; Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000).

Другая часть населения продолжила освоение новых земель в северном и северо-восточном направлениях, широко расселяясь вверх по Днестру и Пруту (в их среднем течении), фактически колонизируя эти территории. По мере продвижения вверх по Среднему Днестру появлялись буферные памятники типа городища Рудь-Тэтэрэука Ноуа и поселений его округи.

Таким способом в центральной лесостепной зоне Днестро-Прутского междуречья (северные районы Республики Молдова) эти два потока мигрантов (западный — Козия и восточный — Сахарна) сомкнулись, тем самым сформировав территорию одной (единой) культуры Козия-Сахарна. Последняя северными своими областями непосредственно соприкасалась с ареалом позднечернолесской культуры Среднего Днестра (рис. XLI).

Предложенный путь миграции насельников культуры Козия-Сахарна проходил вдоль среднего и нижнего течения Дуная к северу — северо-востоку, в обход юго-восточной оконечности Карпат (рис.I). Здесь необходимо упомянуть, что В.А.Дергачев, следуя выявленному соответствию типов металлических изделий определенной археологической культуре, недавно предложил иной путь такой миграции — через Юго-Восточную Трансильванию (Дергачев 1997: 43, 44, 58, 59, 104, карта 26: II, III). Не оспаривая возможность последнего, отмечу, что пока весьма скуден фонд металлических изделий носителей штампованной инкрустированной керамики Балкано-Подунавья. С другой стороны, мигрируя через Юго-Восточную Трансильванию, население типа Козия-Сахарна во второй половине X в. до н.э. должно было преодолеть чужую территорию, плотно заселенную и вооружено охраняемую племенами культуры Кишинэу-Корлэтэнь (рис. I).

Характер наблюдаемых передвижений носителей культуры Козия-Сахарна, исходя из существующих разработок по типологии миграций (Клейн 1999: 66-68), показывает, что сначала имело место переселение достаточно большой фракции населения с Дуная. Затем продолжилась «ползучая» миграция («волна передвижения») на север и северо-восток, в ходе которой, как демонстрируют материалы бытовых местонахождений, в течение IX-VIII вв. до н.э. имели место дополнительные притоки населения из первоначальной территории, главным образом, со Среднего Дуная.

Наличие двух четко выраженных областей наибольшей концентрации памятников: в лесостепных районах Бырлада и Жижии Пруто-Сиретского междуречья (Козия) и Днестро-Реутском междуречье (Сахарна), а также фиксируемые отличия в керамических коллекциях местонахождений этих территорий, обусловленные конкретным культурным окружением, — позволяет выделить в единой культуре Козия-Сахарна два локальных варианта, из которых западный — Козия, а восточный — Сахарна.

Специфика варианта Козия определяется преимущественными контактами с культурной группой Грэничешть каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды (одной из восточных групп среднеевропейской культуры Урненфельд). Через вариант Козия в культуре Козия-Сахарна было сохранено и продолжено наследие позднего бронзового века Средней Европы, наиболее проявившееся (помимо общегальштатских керамических форм) в «идеологической» (духовной) сфере: разнообразные специализированные культовые изделия и сооружения, а также ритуалы, отмеченные на пансвятилище Хлижень II-Ла Шанц.

Особенности варианта Сахарна определяются «восточным» компонентом: вкладом северопричерноморских культур поздней бронзы, контактами с ранними кочевниками-черногоровцами и, главным образом, тесными связями с насельниками позднечернолесской культуры Среднего Днестра.

Вклад северопричерноморских культур поздней бронзы (Ноуа, Белозерка) прослеживается в погребальном обряде (курганно-грунтовые могильники, грунтовые захоронения, устойчивое сочетание скорченной позы погребенного с преимущественной меридиональной ориентировкой) и некоторых типах посуды и вещевого инвентаря (каменные топоры-молоты, костяные наконечники стрел, железные подражания бронзовым фибулам, возможно, бронзовые проволочные браслеты, пронизки и височные кольца).

Еще более ощутим белозерский компонент в упоминаемом субстратном для Козии-Сахарны раннегальштатском горизонте с прочерченной керамикой Тэмэоань-Холеркань-Балта (László 1986: 83-89; Leviţki 1994a: 230-232). Влияние белозерской культуры прослеживается и в горизонтах Бабадага I-II в Добрудже, и поселении Вынэторь юга Запрутской Молдовы (Morintz 1987: 62; László 1997: 67-84). С другой стороны, как убедительно показал В.П.Ванчугов, соседние племена Карпато-Дунайского бассейна, в числе которых группы Сихлеану (=Пребабадаг) и Тэмэоань, сыграли значительную роль в сложении белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья в конце XIII-XII вв. до н.э. Культурные и экономические контакты продолжались и в дальнейшем — в XI в. до н.э. на материалах белозерской культуры можно проследить проникновение фракийских этнических элементов в указанный регион (Ванчугов 1990: 138).

Анализ вещевого инвентаря культуры Козия-Сахарна (глава 3.2) позволяет фиксировать наличие тесных связей между ее носителями и ранними кочевниками Северного Причерноморья (черногоровская культура). Несмотря на то, что раннекочевнические образования являлись дестабилизирующим фактором культурно-исторической обстановки начала I тыс. до н.э. в Северном Причерноморье, племена культуры Козия-Сахарна установили с ними отношения, обусловленные, в том числе, и экономической заинтересованностью сторон.

Ранние кочевники типа Черногоровки обогатили материальную культуру Козия-Сахарна, в первую очередь, конской сбруей, основные компоненты которой зародились и прошли длительную эволюцию в кочевнической среде Восточной Европы. С другой стороны, насельники культуры Козия-Сахарна, владеющие бронзолитейным делом (и связанные с Карпато-Дунайским центром металлообработки), технологией железа, а также производящие парадную пышно орнаментированную тонкостенную посуду, могли представлять интерес для ранних кочевников как выгодные партнеры.

Сахарнянские бронзолитейщики (в числе многих других мастеров Северного Причерноморья) могли для ранних кочевников-черногоровцев изготавливать очень популярные в кочевнической среде мелкие бронзовые украшения и детали одежды (пронизки, бляшки-пуговицы, восьмерковидные бляшки). Владея металлургией железа, сахарнянские мастера, возможно, производили для черногоровцев и бытовые изделия из железа (ножи), в том числе удачно скопировали в железе однокольчатые удила.

Объектом обменного интереса для кочевников, по всей видимости, служила и лощеная орнаментированная посуда, которая весомо представлена в раннекочевнических погребениях Северного Причерноморья. Так, специфику Северо-Западной локальной зоны черногоровской культуры составляют сосуды гальштатоидных форм (Дубовская 1994: 18, 23). В данном случае речь идет о пласте лощеной орнаментированной керамики из раннекочевнических захоронений Северного Причерноморья, которая предшествует так называемой жаботинской посуде. Чернолощеные инкрустированные сосуды могли попадать в степной регион как от племен культуры Козия-Сахарна (в этом плане показателен инвентарь погребения № 16 кургана I близ Мокры — Яровой, Четвериков 1995), так и других соседних раннегальштатских культурных групп Карпато-Подунавья, например, типа Бабадаг (Мелюкова 1979: 62-72; Гаврилюк 1979: 25-40, рис.6-9; она же 1999: 89, 93, 94, 96, рис.6; Бруяко 1989а: 21, 22; Vančugov 1998: 98, 99). При этом легкость заимствования керамики кочевниками была подчеркнута и С.Л.Дударевым, который проанализировал микродетали ритуала предскифских захоронений из Предкавказья (Дударев 1999: 49).

В ареале варианта Сахарна южной зоны Среднего Днестра своеобразным «местом встречи» с ранними кочевниками-черногоровцами (где, возможно, последние частично базировались) являлось городище Сахарна Маре (и памятники его округи), в материалах которого зафиксирована наибольшая концентрация степных раннекочевнических импортов. Последние сопоставимы, в первую очередь, с типичным инвентарем черногоровской культуры, тогда как характерные для новочеркасского этапа изделия (бронзовые двукольчатые удила и прочее) появляются в лесостепи Среднего Днестра уже в среднегальштатской басарабь-шолдэнештской культурной среде второй половины VIII-VII вв. до н.э.

Как не раз отмечалось в литературе, редкость находок новочеркасского круга на Среднем Днестре, в основном, повторяет картину, наблюдаемую в Карпато-Дунайском регионе, где преимущественно представлены принадлежности конского убора черногоровского типа (Тереножкин 1976: 122, 205-207; Chochorowski 1993: 261-263; он же 1994: 161; Смирнова 1994: 36). Действительно, в лесостепных районах поречья Днестра обнаружены находки, главным образом, черногоровского круга: погребения у сс.Бедражей Векь, Котюжень, Мокра, Васильевка — в южной зоне этой области (Яровой, Кашуба, Махортых 2000: рис.I), а также клады и случайные находки: Голиградский, Медина, Посадки, Волока, Мошанец — в центральной части Среднего Днестра (Войнаровский, Смирнова 1993: 183-190; Смирнова, Войнаровський 1994: 137-141; Смирнова 1994: 34-36; она же 1998: 451-454; Крушельницька, Бандрівський 1998: 23-27).

Можно констатировать, что ранние кочевники-черногоровцы наиболее тесные контакты поддерживали с населением лесостепи Среднего Днестра — носителями культуры Козия-Сахарна (вариант Сахарна) и позднего Чернолесья, а также, в меньшей степени, голиградской группы. Черногоровцы глубоко проникали в поднестровскую лесостепь и далее — в Карпато-Дунайский регион (связи с которым, например, у племен культуры Козия-Сахарна вообще не прекращались). Здесь можно поддержать предложение Л.И.Крушельницкой и Н.С.Бандривского о пути ранних кочевников вверх по Днестру с выходом через Верецкий и Ужоцкий перевалы на Средний Дунай (Крушельницька, Бандрівський 1998: 27). Имеющиеся данные показывают преимущественно мирный характер контактов оседлого населения культуры Козия-Сахарна и ранних кочевников-черногоровцев.

С началом новочеркасской ступени характер и направление связей кочевников с лесостепным населением Северного Причерноморья меняются: контакты степняков с населением Среднего Днестра заметно ослабевают (новочеркасские памятники, в частности, локализуются в

Нижнем Поднестровье и прибрежной зоне Северного Понта — Яровой, Кашуба, Махортых 2000: рис.I). Наблюдается переориентация связей, а также преимущественные взаимоотношения кочевников-новочеркасцев с чернолесско-жаботинским населением лесостепи Правобережья Днепра. Именно там локализуются наиболее богатые кочевнические захоронения позднейшего предскифского периода (Скорый 1999), при этом черногоровские погребения в Днепровском лесостепном Правобережье не известны (Скорий 1996: 18).

Наиболее значимым итогом пребывания насельников культуры Козия-Сахарна в лесостепи Днестро-Сиретского междуречья явился сахарнянско-чернолесский симбиоз, который археологически отложился в становлении на рубеже X-IX вв. до н.э. культуры позднего Чернолесья (Чернолесья II).

Допуская, что взаимодействия и взаимовоздействия Козии-Сахарны с культурным окружением были контактами между этносами, а появление носителей этой культуры в лесостепи Днестро-Сиретского междуречья можно рассматривать как этническое перемещение, я опираюсь на понятие «этнос» в широком смысле, безусловно, не отождествляя «археологическую культуру» с «этносом». В таком виде этносом (этнической общностью) является «особый исторически возникший тип социальной группы, особая форма коллективного существования людей; ... целостное образование, в котором основную системообразующую роль могут выполнять различные его объективные компоненты (язык, хозяйственно-бытовые особенности, характерные черты поведения, этническое самосознание и т.п.)» (Куббель 1982: 125; Бромлей, Козлов 1987: 5-12; Бромлей 1987: 11, 12, сн.12-15).

Обращаясь к данным этнографии, характеризующим этнические процессы первобытности при непосредственном контакте этнически разнородных групп населения, можно рассматривать все влияния культуры Козия-Сахарна в чернолесской среде (и наоборот) как этномаркирующие, во-первых, а изменения в материальной культуре как Сахарны (восточный вариант культуры Козия-Сахарна), так и Чернолесья, вызванные в том числе этими влияниями, как результат этнических передвижений, во-вторых.

В таком случае, фиксируемые заимствования носителями чернолесской культуры Среднего Днестра раннегальштатской посудной триады (корчага-черпак-миска) и характерных мотивов резного и штампованного геометрического узора столовой керамики (особенно в григоровском варианте) подтверждают переселение части насельников культуры Козия-Сахарна в центральные районы поречья Среднего Днестра — в ареал позднечернолесской культуры. С другой стороны, появление значительного числа четко атрибутированной чернолесской кухонной посуды на позднесахарнянских памятниках (Алчедар III, Хлижень II-Ла Шанц) показывает прибытие и проживание части населения среднеднестровской позднечернолесской культуры в Днестро-Реутское междуречье — в «ядро» варианта Сахарна.

Взаимоотношения и соседствующее проживание насельников культуры Козия-Сахарна и позднечернолесской культуры Среднего Днестра можно рассмотреть с точки зрения этнической границы-мембраны (Арутюнов 1982: 55-82) и типологии направлений (модусов) этногенеза (Алексеев, Бромлей 1968: 35-45). Так, образовавшаяся между двумя соседствующими этническими общностями (культурами Козия-Сахарна и Чернолесьем Среднего Днестра) дискретная этническая граница-мембрана оказалась нестабильной и сильно проницаемой для различного рода связей: когда происходит существенная ассимиляция, смешение этносов и не сохраняется языковая и культурная специфика каждого этноса (Арутюнов 1982: 76-79).

Сложившуюся на Среднем Днестре в начале I тыс. до н.э. обстановку можно объяснить действием модуса расселения (Алексеев, Бромлей 1968: 35-45), когда при избытке населения на периферии обоих сталкивающихся народов возникает двуязычие и взаимный обмен традиционным культурным опытом. При этом внешние влияния (взаимовлияния) оказываются действенными лишь в том случае, когда их восприятие осуществляется в достаточно прогрессивной среде, внутреннее развитие которой подготовлено и способно поглотить и переработать все привнесенные новшества.

Анализ позднечернолесских памятников Среднего Днестра (Смирнова, Кашуба 1988: 18-28) показывает, что налицо не чересполосица и смесь поселений с разнокультурными материалами, а новообразование, органически сочетающее в себе неместные раннегальштатские компоненты и белогрудовско-чернолесский субстрат. Сахарнянская и чернолесская этнические общности при взаимодействии смешивались, и в контактной зоне центральных районов Среднего Днестра в IX-VIII вв. до н.э. образовалась этнографическая группа промежуточного облика, которая археологически отложилась в виде позднечернолесской культуры этого региона. Непосредственное соприкосновение нескольких различных этнокультурных массивов способствовало особой динамичности протекания этнических, культурных и социальных процессов, что является наиболее характерным признаком всех контактных зон, в том числе и Среднего Поднестровья в составе Карпато-Поднестровья (Дергачев 1992: 26-31).

Племена культуры Козия-Сахарна и Чернолесья всей территории распространения (Днепро-Поднестровья) противостояли и сближались неодинаково. Культурная общность типа Козия-Сахарна — лишь сравнительно небольшая (но

мощная по своему потенциалу) группа населения, вторгшаяся в плотный этнокультурный раннечернолесский массив, находившейся в южной полосе лесостепи между Днепром и Днестром.

В данной ситуации, перефразируя В.С.Бочкарева, один ранний железный век (представленный раннегальштатской культурой Козия-Сахарна) наложился и частично совпал с другим ранним железным веком (отраженном в северопричерноморской чернолесской культуре), и необратимая во времени технология (обработка железа и производство парадной посуды) проявила здесь свою особую роль как фактор преемственности и прогресса в культуре (Бочкарев 1995: 28, 29) — растворившись, в конечном итоге, в чернолесской среде, племена культуры Козия-Сахарна оставили гальштатский «налет» в виде чернолощенной инкрустированной посуды. Последняя, попадая уже в южную лесостепь Правобережья Днепра, становилась для чернолесских гончаров своеобразным эталоном, вызывая целую серию подражаний и стимулируя этим ее местное производство. В конечном итоге, «мода» на чернолощеную инкрустированную посуду захлестнула всю южную лесостепь Днепро-Поднестровья на несколько столетий, включая и период скифской архаики, а освоение и творческая переработка (соответственно, изготовление в местной среде) такой посуды в регионе произошли в кратчайшие сроки.

Таким образом, для варианта Сахарна можно выделить два «центра» внешних связей: «форпостом» отношений с ранними кочевниками выступало городище Сахарна Маре, а местом контактов со среднеднестровским позднечернолесским населением являлись поселение Алчедар III и пансвятилище Хлижень II-Ла Шанц.

Мигрировав во второй половине X в. до н.э. в лесостепь Днестро-Сиретского междуречья и начав колонизацию этих земель, население культуры Козия-Сахарна в качестве своих активных партнеров встретили здесь племена различных культур (табл. XI). На севере Запрутской Молдовы — это население группы Грэничешть каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды, а в Северо-Западном Причерноморье — ранние кочевники-черногоровцы и чернолесское население Среднего Днестра.

Заключение

Благодаря предложенной новой концепции культурно-исторического развития лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в X-VIII вв. до н.э. выводятся на свет в качестве полноправного участника событий древности типа Козия-Сахарна, долгое время пребывающие «в тени» чернолесско-жаботинских памятников лесостепного Правобережья Днепра.

Во второй половине X в. до н.э. в лесостепь Днестро-Сиретского междуречья двумя потоками (западный — Козия и восточный — Сахарна) мигрировала достаточно мощная по своему потенциалу группировка населения со Среднего и, отчасти, Нижнего Дуная, образовав культуру Козия-Сахарна. Обладая новейшими технологическими достижениями своего времени (технологией железа и производством высококачественной лощеной инкрустированной посуды) и просуществовав сравнительно длительный период (со второй половины X до первой половины-середины VIII вв. до н.э.), насельники культуры Козия-Сахарна выступили катализатором культурно-исторического развития лесостепи между Днепром и Днестром и обеспечили, тем самым, функционирование культурогенетического центра на Среднем Днестре на протяжении первой половины I тыс. до н.э.

Значение экономического и культурного импульса этих мигрантов было огромно. Так, в лесостепной части Днестро-Прутского междуречья на субстратной основе варианта Сахарна (восточной части ареала культуры Козия-Сахарна) и дополнительных притоков мигрантов со Среднего Дуная складывается в середине-второй половине VIII в. до н.э. среднегальштатская культура Басарабь-Шолдэнешть. Смена культур (и населения) носила мирный характер, когда в течение всего VIII в. до н.э. продолжалось дальнейшее развитие материальной культуры типа Сахарна, но со второй половины VIII в. до н.э. уже с такими инновациями, которые придали этой материальной культуре другой облик. Это позволило, в итоге, говорить о новой культуре среднего гальштата, названной Басарабь-Шолдэнешть.

Генерирующую роль культура Козия-Сахарна сыграла в формировании позднечернолесской культуры не только на Среднем Днестре (григоровский вариант), но и в южной лесостепи Правобережья Днепра. Сложившаяся между группой Сахарна (восточный вариант культуры Козия-Сахарна) и Чернолесьем Среднего Днестра культурная интеграция способствовала широкому распространению чернолощенной инкрустированной посуды, являющейся на юге лесостепной полосы Северного Причерноморья (особенно, на Среднем Днепре) в предскифское и, частично, раннескифское время культурным стандартом и эталоном, образовав, таким образом, своего рода «моду» той эпохи.

Появление в лесостепной части Днестро-Сиретского междуречья населения культуры Козия-Сахарна и установившиеся тесные взаимосвязи, в первую очередь, с чернолесскими племенами Среднего Днестра ознаменовали начало раннего железного века в этом регионе. Совпадение «двух ранних железных веков» (один из которых представляла раннегальштатская культура Козия-Сахарна, а второй — севе-

ропричерноморская чернолесская культура) способствовало тому, что здесь не была прервана традиция освоения железа, которая имела свое логическое завершение в широком употреблении этого металла в регионе буквально через несколько столетий — с началом архаической Скифии. Некий перерыв такой традиции, например, наблюдается в лесостепи Среднего Подонья, где «опыты» железообработки срубных племен в предскифское время оказались забытыми и не востребованными. Так, А.П.Медведев подчеркивает, что несмотря на данные, подтверждающие зарождение в лесостепном Подонье черной металлургии еще в эпоху поздней бронзы (ср. Килейников 1999: 85-87), отсутствуют свидетельства прогресса местной черной металлургии в культурах, которые пришли на смену срубной (Медведев 1997: 33; он же 1999: 17).

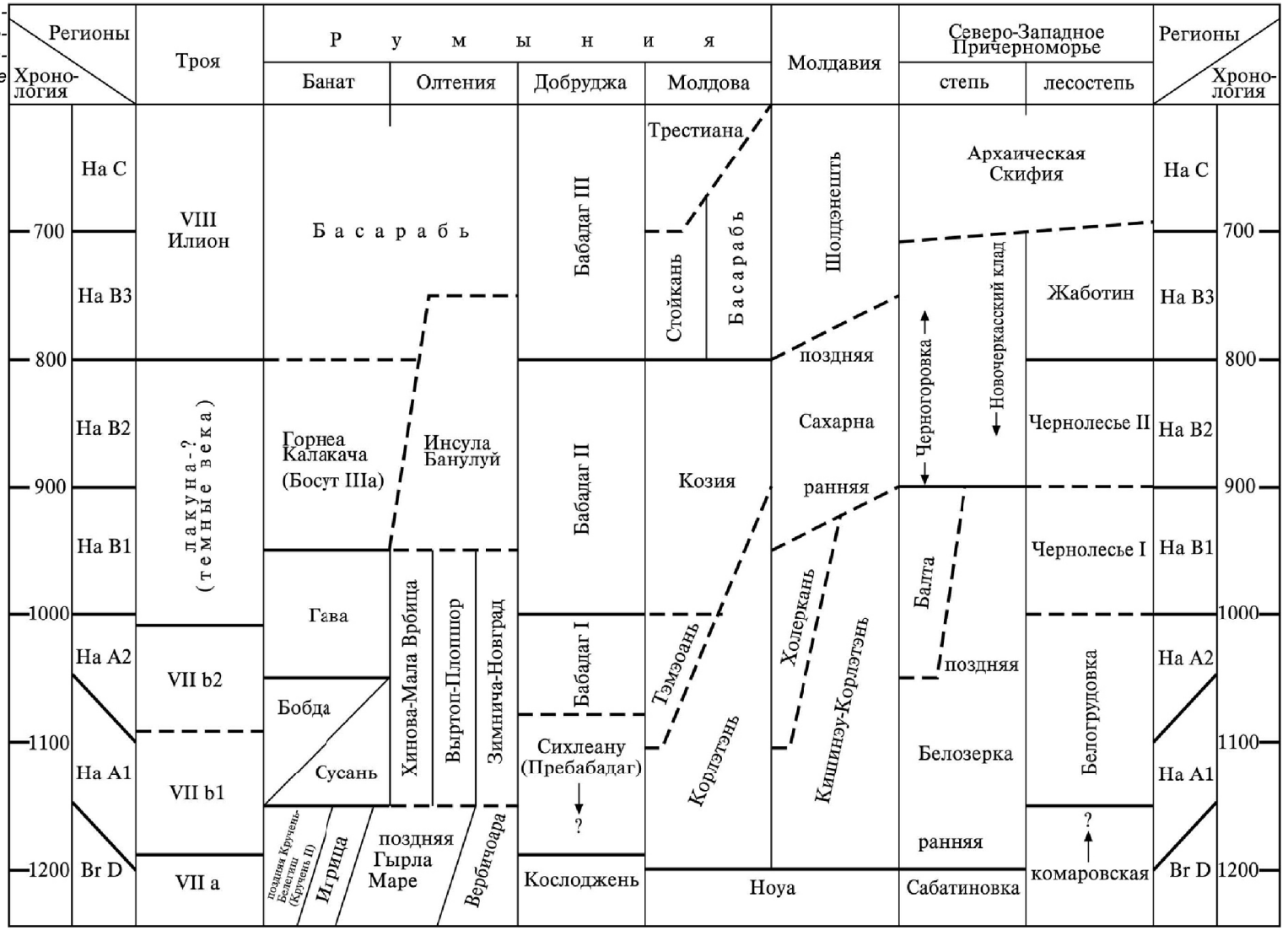
Руководствуясь при выборе мест обитания не только факторами, необходимыми для жизнеобеспечения, но и принципом «естественной безопасности», население культуры Козия-Сахарна, тем не менее, установило тесные взаимоотношения с соседствующими племенами разных культур: Грэничешть каннелированного гальштата типа Гава-Голиграды на севере Запрутской Молдовы (в варианте Козия); раннекочевнической черногоровской и лесостепной чернолесской в Северо-Западном Причерноморье (в варианте Сахарна).

Для племен культуры Козия-Сахарна военный престиж не имел значения — защиту своей территории и стабильную сохранность своей этнической общности они осуществляли исключительно мирным образом — это отражалось в открытости и сотрудничестве во внешних связях. Последнее, видимо, и обеспечило тот «заразительный пример» и столь мощное воздействие, которое оказали материальная и духовная культуры типа Козия-Сахарна на соседние народы Северо-Западного Причерноморья. В отличие от них другие раннегальштатские племена культур каннелированного гальштата Гава-Голиграды и Кишинэу-Корлэтэнь главный упор делали на военное отражение и вооруженное закрепление на своих территориях, о чем свидетельствует, в первую очередь, наличие сравнительно большого числа предметов вооружения (Малеев 1990: 49-51; он же 1992: 191-198; László 1994: 91-95, 125-130, 144-150; Левицкий 1990: 18, 21, 22; он же 1994: 118, 131-134). Это, в конечном счете, вело к «замкнутости» и обособленности от соседствующих племен, что наглядно проявляется при анализе внешних связей особенно культуры Кишинэу-Корлэтэнь (Смирнова 1990: 32; Левицкий 1990: 21, 22; он же 1994: 129-134, 149-158).

Предполагая мирный характер внешних связей у населения культуры Козия-Сахарна, я имею ввиду то обстоятельство, что в IX-VIII вв. до н.э. в лесостепи Днестро-Сиретского междуречья наблюдается стабильное развитие и расцвет поселенческих структур — и это несмотря на то, что ранние кочевники степей Северного Причерноморья представляли реальную военную угрозу. Видимо, Поднестровскую лесостепь черногоровцы не завоевывали, а осваивали (если можно так выразиться) иным способом, устанавливая с проживающим там (сахарнянским) населением мирные контакты.

Исключительное значение южной лесостепи между Днепром и Днестром не только как базовой территории ранних кочевников (которых привлекал ее высокий экономический потенциал — Скорий 1996: 6, 24, 25, 43; он же 1999: 75, 76), но и как одного из очагов раннескифской культуры (Мурзин 1984: 92-104; он же 1990: 16, 61-65, 79, 80; Алексеев 1992: 103, 104; он же 1996: 26-33; Скорий 1996: 29-34, 38-40, 43), было обеспечено всем предшествующим культурно-историческим развитием этого региона. Немаловажную и отличительную роль в таком развитии сыграла раннегальштатская культура Козия-Сахарна лесостепной части поречий Днестра, Прута и Сирета.

Табл.XI. Синхронистическая таблица. Карпато-Подунавье и Северо-Западное Причерноморье в XII-VII вв. до н. э.



Приложение I. Карта памятников культуры Козия-Сахарна

Древности типа Козия и типа Сахарна (и связанная с ними проблематика) отечественными и румынскими исследователями рассматривались раздельно. Поэтому, существовало представление, что они занимают очень компактные обособленные территории — такие, что при обозначении этих древностей использовались термины «группа Козия» и «группа Сахарна» или «памятники типа Сахарна» (глава 2.1).

Впервые местонахождения типа Сахарна были локализованы в конце 50-х годов А.И.Мелюковой при составлении карты памятников предскифского и скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья (Мелюкова 1958: 98, рис.33). В середине 70-х годов был опубликован свод памятников типа Сахарна, где представлены 22 поселения и 7 могильников (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 5-32, рис.1).

За прошедшие четверть века с момента издания последнего свода В.М.Бикбаевым, И.Г.Власенко, О.Г.Левицким, А.Н.Левинским, В.П.Хахеу, мною и другими в северных и центральных районах Республики Молдова были проведены многочисленные археологические разведки (и, частично, раскопки), в результате которых были открыты новые местонахождения типа Сахарна, оставшиеся практически не опубликованными (рис. III; XLII).

При этом, в самом своде 1974 г., даже на момент его публикации, присутствовал ряд неточностей. Так, не была указана топография 9-ти достоверно сахарнянских памятников. Результаты разведок Г.Д.Смирнова, открывшего древности типа Сахарна, были учтены не полностью: не уточнены все открытые им поселения окрестностей с.Сахарна (рис. XLII) и не включено городище Стольничень Хынчештского района Республики Молдова в список памятников типа Сахарна (Смирнов 1949: 198). Хотя последующие раскопки В.Сырбу и Ф.Арнаута на этом городище пока не дали сахарнянских материалов (Sîrbu, Arnăut 1995: 378-400), из шурфовок Г.Д.Смирнова происходит достоверно сахарнянская керамика (рис. XLVIII: 1, 3, 4, 6, 12), позволяющая это местонахождение считать самым южным памятником культуры Козия-Сахарна (рис. III).

В своде 1974 г. не были учтены результаты разведок Н.А.Кетрару в районах Криулень (Криуляны) и Анений Ной (Новые Анены), где им были открыты два поселения с сахарнянской керамикой (Кетрару 1961: 115, 116). Также не полностью использовались данные разведок В.И.Маркевича (Маркевич 1955: 139-143) в нижнем течении р.Чорна (рис. XLII). Памятник Требужень II Орхейского (Оргеевского) района, открытый при разведках П.П.Бырни и Г.Ф.Чеботаренко, учитывался в своде как достоверно сахарнянский, а остальные три ими же открытых памятника (Бырня, Чеботаренко 1964: 276) с аналогичными подъемными материалами были отнесены авторами свода 1974 г. к разряду неопределенных (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 30-32).

Наконец, к могильникам типа Сахарна были причислены 2 памятника: Матеуць-Куртая Резинского района и Большой Молокиш Рыбницкого района. Могильник Матеуць-Куртая, по моему мнению, синхронизируется с более поздними сахарнянско-шолдэнештскими древностями середины-второй половины VIII в. до н.э. Поэтому, я не отношу этот памятник к собственно местонахождениям типа Сахарна. Большие сомнения вызывает и отнесение могильника Большой Молокиш к сахарнянским памятникам на основе найденных там двух захоронений в каменных ящиках. Во-первых, он расположен на левобережье Днестра, где не известно ни одного достоверного памятника типа Сахарна, во-вторых, сообщение об этих раскопанных погребениях весьма отрывочно, а сведения о сопровождающем погребальном инвентаре вообще отсутствуют. Поэтому, могильник у с.Большой Молокиш, также не относится к Сахарне, и, таким образом, р.Днестр фиксирует восточную границу культуры Козия-Сахарна (рис. III).

При первой публикации материалов поселения Козия А.Ласло поставил вопрос и о местонахождениях с аналогичными находками в Запрутской Молдове (László 1972: 207-222). Впоследствии он неоднократно уточнял и корректировал ареал группы Козия (László 1976: 58, fig. I; он же 1989: 115, harta; он же 1994: 168-184, harta 2, 3).

Необходимо отметить, что в 90-х годах этого столетия под эгидой бухарестского Института фракологии в Румынии проводится своеобразная инвентаризация известных и раскопанных памятников археологии. Это свод исследованных памятников Румынии 1983-1992 гг. (Situri arheologice 1996), хроники археологических исследований 1993-95 гг. (Cronica 1994; Cronica 1995), а также издающиеся с середины 90-х годов своды археологических раскопок (Cercetări arheologice 1995; Cercetări arheologice 1997). Содержащиеся в этих изданиях сведения позволяют уточнить список памятников типа Козия. Кроме того, пополняют этот список и новые работы, в которых имеются дополнительные сведения по отдельным памятникам типа Козия, например, городищу Покреака-Четэцуе и поселениям его округи (Iconomu 1996: 21-56; он же 1997: 121-123), а также поселению Рэкэтэу де Жос (Căpitanu 1997: 111-117).

Отмеченные новые данные по разведкам и раскопкам памятников во всем ареале культу-

Рис. XLII. Расположение памятников варианта Сахарна культуры Кошия-Сахарна в нижнем течении р. Чорна (по В.И.Маркевичу, М.Т.Кашуба).

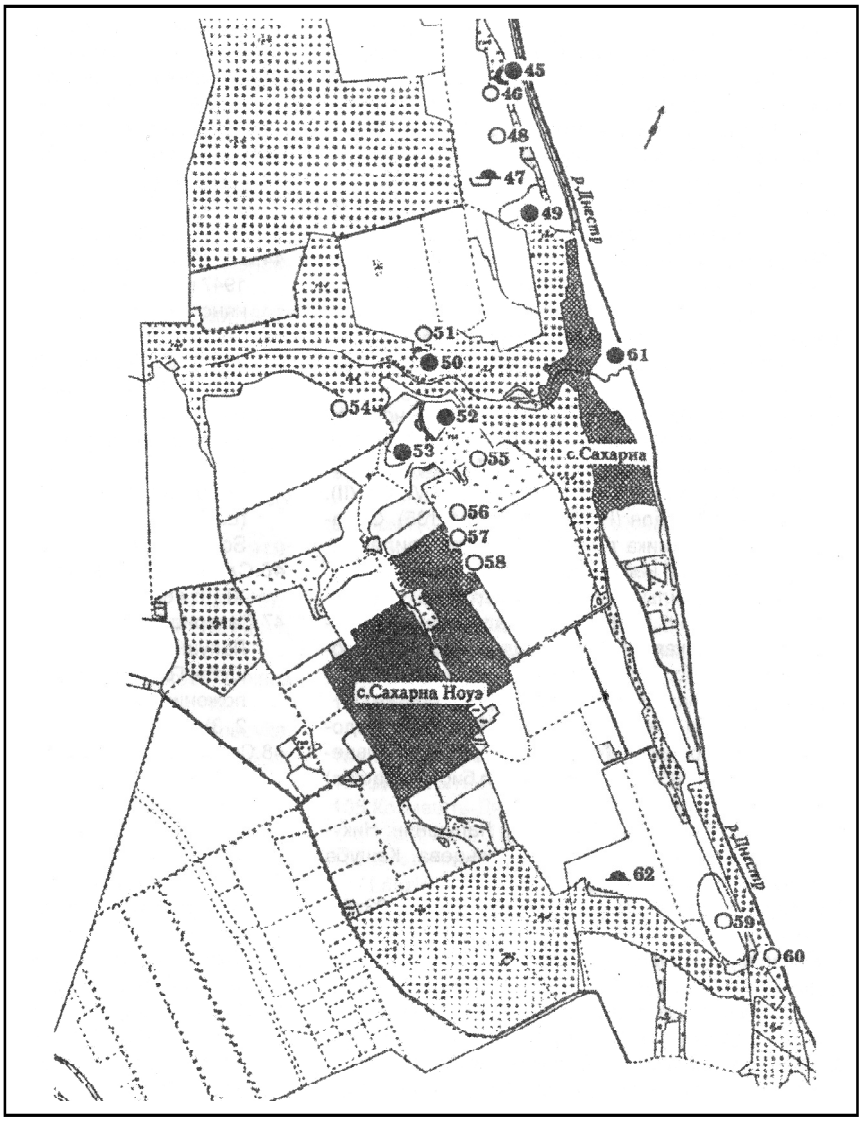


Рис. XLIII. Расположение памятников варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна в окрестностях с. Сахарна (по Г.Д.Смирнову, Е.А.Усатой и А.Н.Левинскому).

ры Козия-Сахарна, а также моя гипотеза о том, что группы Козия и Сахарна не разобщены, а составляют единую культуру Козия-Сахарна, лежат в основе предлагаемого ниже свода памятников.

В своде для удобства пользования нумерация местонахождений культуры Козия-Сахарна дается сквозная с севера на юг: сначала для Днестро-Прутского междуречья, затем — для Пруто-Сиретского. При этом номер памятника в списке соответствует его номеру на картах (рис. III; XLII; XLIII). Топографические условия местонахождений не описываются. Имеющийся подъемный материал с отдельных памятников этой культуры приводится в рисунках (рис. XLIV-LVI).

Список памятников культуры Козия-Сахарна

1.Ходороуць I (Бырня, Чеботаренко 1964: 276).
2.Тринка (Levițki 1992: 120; он же 1995: 248, 249).
3.Главан V (разведки 1978 г. В.М.Бикбаева). Собран подъемный материал (рис. XLV: 8, 11, 14, 17, 19, 20).
4.Петрушань I (Бырня, Чеботаренко 1964: 276).
5.Извоаре (Бырня, Чеботаренко 1964: 276).
6.Виишоара II (Бырня, Чеботаренко 1964: 276).
7.Ишкалевка I (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 19).
8.Рошановка III (разведки 1991 г. В.М.Бикбаева).
9.Препелицэ (Препелица) VIII (разведки 1977 г. В.М.Бикбаева — Свод 1987: 465).
10.Препелицэ XI (разведки 1977 г. В.М.Бикбаева — Свод 1987: 465). На поселении найдена бронзовая бляшка-пуговица диаметром 2 *см.*
11.Климэуций Жос — могильник (Levinschi, Borziak 1990: 50-54). Подробнее — Приложение 2.4 (рис. LXVII).
12.Кушмирка (разведки 1987 г. О.Г.Левицкого и В.П.Хахеу). Среди подъемного материала имеется орнаментальный штамп (рис. XXVI: 22).
13.Краина (Маркевич 1955: 140; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 13).
14.Пояна — могильник (Кашуба 1990: 107-111). Подробнее — Приложение 2.5 (рис. LXVIII;

табл. VII: 1).
15.Шипка I (Маркевич 1955: 140; Лапушнян, Никулицэ, Романовская. 1974: 13) (рис. XLII: 15).
16.Шипка II (Маркевич 1955: 140; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 13) (рис. XLII: 16).
17.Михулень В-Одая (Маркевич 1955: 140; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 14) (рис. XLII: 17).
18.Михулень Б (Маркевич 1955: 140; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 14) (рис. XLII: 18).
19.Михулень А (Маркевич 1955: 139, 140; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 13, 14) (рис. XLII: 19).
20.Михулень — могильник (Маркевич 1955: 141; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 13) (рис. XLII: 20).
21.Алчедар III (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 12, 13; Щербакова, Кашуба 1990а: 117, 118; Кашуба, Тельнов, Щербакова 1997: 8-11). Подробнее — Приложение 3.4 (рис. XLII: 21; XCVII-CXVII).
22.Алчедар-Ла Кордон (Haheu 1998: 111-135). Обнаруженная керамика типа Сахарна составила около 1,5% от всей найденной посуды (рис. XLII: 22).
23.Алчедар — могильник (Розенфельдт 1955: 121-124; Никитин, Левин 1965: 75-79; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 12). Подробнее — Приложение 2.3 (рис. XLII: 23; LXV; LXVI).
24.Куратура II (Федоров 1957: 302) (рис. XLII: 24).
25.Хлижень II-Ла Шанц (Маркевич 1955: 143; Федоров, Чеботаренко 1974: 5-7, 58-60, 85-88; Гольцева, Кашуба 1995: 3-37 и подробная библиография) (рис. XLII: 25).
26.Хлижень V (Маркевич 1955: 139; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 13; Гольцева, Кашуба 1995: 3-37) (рис. XLII: 26).
27.Матеуць — случайная находка (Левицкий 1993: 57, 58; он же 1994: 121, 122) (рис. XXX: 14; XLII: 27).
28.Матеуць — городище (шурфовки Прутско-Днестровской экспедиции 1952 г.; Златковская 1965: 220-225). Имеется коллекция сахарнянской керамики в 100 фрагментов (рис. XLII: 28; XLIV: 1-10).
29.Матеуць — могильник (Маркевич 1955: 141; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 15) (рис. XLII: 29).
30.Матеуць-Куртая I (Лапушнян 1969: 128, 129; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 15) (рис. XLII: 30).
31.Матеуць-Ла башнэ (Кашуба 1989: 59, 60). Подробнее — Приложение 3.3 (рис. XLII: 31; LXXXVII-XCVI).
32.Солончень-Хлиная (Мелюкова 1954: 59-65; она же 1955: 67-69; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 15). Подробнее — Приложение 3.2 (рис. XLII: 32; LXXVIII-LXXXVI).
33.Солончень-Ла Урсарь (разведки 1986 г. А.Н.Левинского). Среди подъемного материала имеется пряслице (рис. XLII: 33; XLV: 1, 2, 6, 9, 12, 13).
34.Паркань (Парканы) I (Маркевич 1955: 140). При строительстве в 1989 г. своей усадьбы А.И.Балош собрал подъемный материал (рис. XLII: 34; XLVI: 3, 7, 11).
35.Паркань II (Маркевич 1955: 140) (рис. XLII: 35).
36.Попоуць (Попоуцы) (Маркевич 1955: 140) (рис. XLII: 36).
37.Чорна — могильник (Маркевич 1955: 141; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 16).
38.Чорна I (Федоров 1957: 254).
39.Цареука (Федоров 1957: 294; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 16). При раскопках 1951 и 1958 гг. найдена сахарнянская керамика, орнаментированное пряслице и орнаментальный штамп (рис. XXXVI: 20; XLVI: 1, 2, 4, 6, 8-10, 12-14).
40.Цареука — могильник (Розенфельдт 1955: 124; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 16).
41.Чинишеуць (Чинишеуцы) I (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 18). Из разведок 1962 г. П.П.Бырни и Г.Ф.Чеботаренко имеется подъемный материал (рис. XLVI: 5).
42.Чинишеуць II (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 18).
43.Екимэуць-Дагенти (Федоров 1957: 302).
44.Стохная I (Пассек 1949: 65-67). При шурфовках 1947 г. Т.С.Пассек была собрана коллекция сахарнянской керамики в 53 фрагмента (рис. XLV: 3-5, 7, 10, 15, 16, 18).
45.Стохная II-Ревики (Пассек 1949: 65-67; Смирнов 1949: 193, 194; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 16, 17) (рис. XLIII: 45). С 1998 г. городище раскапывается археологической экспедицией Национального исторического музея Республики Молдова под руководством А.Н.Левинского (Levinschi, Scipachin, Dulea 1999: 51-68; Levinschi, Scipachin, Negura 2000: 87-100).
46.Сахарна-Ла Ревики (Смирнов 1949: 194) (рис. XLIII: 46).
47.Сахарна-Цыглэу — могильник (Смирнов 1955: 119; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 17; Кашуба, Гольцева 1991: 197-209). Подробнее — Приложение 2.1 (рис. XLIII: 47; LVII-LXI; табл. I-VI; VII: 2, 3).
48.Сахарна-Валя Фурникар (Смирнов 1949: 199) (рис. XLIII: 48).
49.Сахарна-Валя Цыглэу (шурфовки 1950 г. Г.Д.Смирнова). Подробнее — Приложение 3.1.В (рис. XLIII: 49; LXXVII).
50.Сахарна Мике (Смирнов 1949: 195; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 17). Подробнее — Приложение 3.1.Б (рис. XLIII: 50; LXXVI).
51.Сахарна Мике I (Смирнов 1949: 195, 200). Подробнее — Приложение III.1.Б (рис. XLIII: 51; LXXVI).
52.Сахарна Маре (Смирнов 1949: 200-202; он же 1949а: 93-95; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 17). Подробнее — Приложение 3.1.А (рис. XLIII: 52; LXIX-LXXV).
53.Сахарна-Дялул Мэнэстерий (Смирнов 1949: 200-202; он же 1949а: 93-95; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 17). Подробнее — Приложение 3.1.А (рис. XLIII: 53; LXIX-LXXV). Приношу благодарность Е.А.Усатой и А.Н.Левинскому за разрешение опубликовать три находки (рис. XV: 5; XXXII: 37; XXXIV: 12) из шурфовок ими этого поселения в 1993 г. (Усатая, Левинский 1994: 4-29).
54.Сахарна-Валя де мижлок (Смирнов 1949: 199) (рис. XLIII: 54).
55.Сахарна-Валя Гримидон (Смирнов 1949: 200) (рис. XLIII: 55).
56.Сахарна-Дялул Шанц (разведки 1946 г. Г.Д.Смирнова — Усатая, Левинский 1994: 52) (рис. XLIII: 56).
57.Сахарна-Руде (разведки 1946 г. Г.Д.Смирнова — Усатая, Левинский 1994: 52) (рис. XLIII: 57).
58.Сахарна-Будей (разведки 1946 г. Г.Д.Смирнова — Усатая, Левинский 1994: 52) (рис. XLIII: 58).
59.Сахарна-Гура Хлубоачей (Смирнов 1949: 195) (рис. XLIII: 59).
60.Сахарна-Хлубоака — городище (Смирнов 1949: 195) (рис. XLIII: 60).
61.Сахарна I (Мелюкова 1981: 392). Подробнее — Приложение 3.1.Г (рис. XLIII: 61; XLVIII: 2, 5, 7-11, 13; XLIX).
62.Сахарна-Гура Хлубоака — могильник (Смирнов 1955: 117-119; Мелюкова 1955: 58-63; она же 1958: 84-87; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974:

17). Подробнее — Приложение 2.2 (рис. XLIII: 62; LXII-LXIV).
63. Цахнэуць (Мельниковская 1954: 69-75; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 16; Мелюкова 1980: 77; она же 1982: 3-12) (рис. L).
64. Хородиште (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 18). Из разведок 1967 г. имеется подъемный материал (рис. XLVI: 15, 16).
65. Требужень II (Смирнов 1964: 252; Бырня, Чеботаренко 1964: 276; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 21, 23).
66. Требужень — случайная находка (Левицкий 1993: 57, 58; он же 1994: 121, 122) (рис. XXX: 21).
67. Бутучень (Niculiţă, Teodor, Zanoci 1995: 472-490; Niculiţă 1996: 139-167; Никулицэ, Заноч, Теодор 1997: 179-182; Niculiţă, Teodor, Zanoci 1997a: 292-339) (рис. XLVII).
68. Слобозия-Душкэ (Кетрару 1961: 115).
69. Дубэсарий Векь (Старые Дубоссары) (Кетрару 1961: 115, 116).
70. Хородка I (Пассек 1949: 58, 59; Смирнов 1949: 198, 199).
71. Хородка II (Пассек 1949: 59; Смирнов 1949: 199).
72. Стольничень (Смирнов 1949: 198) (рис. XLVIII: 1, 3, 4, 6, 12).
73. Ришка-Деалул Пунар (Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976: 231; László 1976: 58, fig.I) (рис. LI: 13).
74. Стынчешть-Ла Киокан (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 49, 264; Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976: 178; László 1994: 180).
75. Албешть-Ла Силиште (Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976: 40; László 1994: 168).
76. Рэусень-Ла Одая (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 53, 259, 260; László 1976: 58, fig.I) (рис. LI: 5).
77. Рэусень-Доуа Мовиле (Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976: 215).
78. Прэжень-Киорогань (Şadurschi, Ursulescu 1989: 281-298; Situri arheologice 1996: 92, 93; László 1994: 178).
79. Прэжень-Нелипешть (Şadurschi, Ursulescu 1989: 281-298; Situri arheologice 1996: 92, 93; László 1994: 178).
80. Хыртоапе-Поеница Моара (Chirica, Tănăsachi 1985: 450; László 1994: 174).
81. Покреака-Дялул Буздуганул Немцоайка (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 49; Chirica, Tanasachi 1985: 358; László 1994: 178).
82. Покреака-Чиобэнешть (Chirica, Tănăsachi 1985: 358; László 1994: 178).
83. Покреака-Четэцуэ (Chirica, Tănăsachi 1985: 357, 358; László 1994: 178; Cronica 1994: 69; Situri arheologice 1996: 87, 88; Iconomu 1996: 21-56; он же 1997: 121-123) (рис. LIV-LVI).
84. Покреака (Cronica 1994: 69; Iconomu 1996: 21-56).
85. Трифешть (при строительстве возле примэрии) (Cronica 1994: 96).
86. Поприкань-Дялул Вией Гурмэтурэ (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 258; Chirica, Tănăsachi 1985: 319; László 1994: 178).
87. Лецкань-Мовила дин Шес (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 52, 208; Chirica, Tănăsachi 1985: 216; László 1994: 175) (рис. LI: 14, 20, 22).
88. Поду Илоаей-Ла Полошеску (Chirica, Tănăsachi 1985: 309; László 1994: 178).
89. Пэушешть-Ла Булгэрие (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 210; László 1994: 177).
90. Пэушешть-Ын фунд ла Юциуш (Chirica, Tănăsachi 1985: 135; László 1994: 177).
91. Должешть-Ла Дэнилэ (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 286; László 1994: 172).
92. Холбока-Мовила чя Маре (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 52, 198; Chirica, Tănăsachi 1985: 174; László 1994: 174) (рис. LI: 3, 21).
93. Могошешть-Дялул Бэцулуй (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 208, 209; Chirica, Tănăsachi 1985: 244, 246; László 1994: 177).
94. Войнешть-Гырла Пэдурарулуй (Chirica, Tănăsachi 1985: 457-459; László 1994: 183) (рис. LI: 11, 19).
95. Просельничь-Дялул Белчя (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 49, 213; Chirica, Tănăsachi 1985: 238; László 1994: 179) (рис. LI: 9).
96. Хорпаз-Дялул Котомэноаей (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 52, 193; László 1994: 174) (рис. LI: 4).
97. Пичорул Лупулуй-Спре Пэдуре (Chirica, Tănăsachi 1985: 82; László 1994: 177).
98. Киперешть-Ла Онуцу (Chirica, Tănăsachi 1985: 439; Situri arheologice 1996: 32).
99. Осой (Chirica, Tănăsachi 1985: 86; László 1994: 177) (рис. LI: 7, 15).
100. Скиту Дука-Пырлица (Chirica, Tănăsachi 1985: 356; László 1994: 180) (рис. LI: 1, 2, 6, 8, 10, 12, 16, 17).
101. Козия-Ла Костикэ Аруксадрей (László 1969: 319-326; он же 1972: 207-222; он же 1994: 171; Chirica, Tănăsachi 1985: 92, 93) (рис. LII; LIII).
102. Ковасна-Ла Пунте (Chirica, Tănăsachi 1985: 94; László 1994: 171).
103. Мошна-Дялул Сочиулуй (László 1994: 177).
104. Долхешть-Ла Одая (Chirica, Tănăsachi 1985: 129).
105. Козмешть-Дялул Лутэрие (Chirica, Tănăsachi 1985: 102; László 1994: 171).
106. Брэдичешть-Одая (Chirica, Tănăsachi 1985: 129; László 1994: 170; Iconomu 1997: 121-123).
107. Ипателе-Присакэ (Chirica, Tănăsachi 1985: 207; László 1994: 175).
108. Чиока Бока-Тарлауа Кожокэрицей (Chirica, Tănăsachi 1985: 386, 387; László 1994: 170).
109. Мироняса-Пе Мошие (Chirica, Tănăsachi 1985: 232; László 1994: 176).
110. Цибэнешть-Чиритей Марь (Chirica, Tănăsachi 1985: 427; László 1994: 182) (рис. LI: 18).
111. Брад (Vulpe 1965: 118, 119; Ursachi 1980: 179; László 1994: 170) (рис. XXVII: 44).
112. Вултурешть (László 1994: 184).
113. Михаил Когэлничану-Деалул Чимитирулуй (László 1994: 176).
114. Захарешть-Дялул ла Бытка (László 1976: 74; он же 1994: 184).
115. Пыхнешть-Дялул Хенчиу (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 337; László 1994: 177, 178).
116. Пыхнешть-Дялул Лохан (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 337; László 1994: 177, 178).
117. Пыхнешть-Ла Улучь (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: 337; László 1994: 177, 178).
118. Тэтэрэнь-Дялул Кетруш (Coman 1980: 246; László 1994: 181).
119. Грумезоая (Coman 1980:113; László 1994: 174).
120. Александру Влэхуцэ-Капул Дялулуй (Coman 1980: 48; László 1994: 168).
121. Рэкэтэу де Жос-Четэцуе (Căpitanu 1982: 51-56; он же 1997: 111-117; László 1994: 179).
122. Виишоара (László 1994: 183).
123. Бырлад-Трестиана (Petrescu-Dîmboviţa 1958: 59-67; он же 1977: 144, 145, 352, Pl.357: 1-5; Coman 1980: 151, 152; László 1994: 169) (рис. XXXIX: 15-18).
124. Плеша-Ливада Фынтыница (Dragomir 1972: 29, 31; László 1994: 178).

Приложение II. Погребальные комплексы культуры Козия-Сахарна

2.1. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) — в 0,5 *км* к северу от с.Сахарна Резинского района Республики Молдова (рис. XLIII: 47).

Могильник Сахарна-Цыглэу, который является эпонимным и наиболее исследованным погребальным памятником культуры Сахарна, был открыт в 1946 г. разведками археологической экспедиции под руководством Г.Д.Смирнова (Смирнов 1949: 192). В 1950 г. объединенной археологической экспедицией под руководством Г.Д.Смирнова и Г.П.Сергеева было раскопано 18 курганов (среди них — 2 кенотафа) и одно грунтовое захоронение, а всего было выявлено 19 погребений. Но долгое время материалы раскопок оставались целиком неопубликованными, за исключением упоминания в одной из работ Г.Д.Смирнова (Смирнов 1955: 119).

В 1991 г. М.Т.Кашуба и Н.В.Гольцева ввели в научный оборот материалы курганов I-X Сахарнянского могильника I (Цыглэу), обозначив и хронологическую позицию этого памятника (Кашуба, Гольцева 1987: 67; они же 1991: 197-209). После выхода этих работ в Национальном архиве Республики Молдова было обнаружено личное дело Г.Д.Смирнова, в котором среди других материалов находились полевые дневники раскопок 1950 г. Сахарнянских могильников I и II, а также рукопись 1951 г. неопубликованной статьи «Сахарнянский скифский могильник» (курганы I-X) (Смирнов 1950; он же 1951). Были найдены и фотографии некоторых погребений этого могильника, сделанные Г.П.Сергеевым в 1950 г., которые также использованы в настоящей работе (табл. I-VI; VII: 2, 3).

Рукописи Г.Д.Смирнова позволяют устранить ряд неточностей, попавших в нашу публикацию 1991 г., в том числе и по железным фибулам. Две двухпетельчатые железные фибулы были обнаружены в двух разных погребениях: курганах III и IV (рис. LVIII: 12; LIX: 4), а не в одном захоронении кургана IV, как это было предложено ранее. По рукописям Г.Д.Смирнова также можно установить, что расстояние между курганами составляло 20-50 (реже, 70-130) *м,* но планиграфия могильника в целом не восстанавливается.

Частично депаспортизированные находки могильника Сахарна-Цыглэу (без уточнения курганов и погребений) были обнаружены и в фондах Музея археологии и этнографии ИАЭ АН Молдовы (рис. LVII: 1, 8, 10, 14-24, 31). Эти находки происходят из погребений курганов XI, XIII-XVII, но более детальные уточнения сделать невозможно. Поэтому, они описываются суммарно, как происходящие в целом из могильника Сахарна-Цыглэу.

Во избежание повторений с публикацией 1991 г. описание погребений курганов I-X дается обобщенно, но с уточнениями по рукописям Г.Д.Смирнова и обнаруженным недавно материалам. Курганы XI-XVII описаны Г.Д.Смирновым в рукописи крайне бегло и суммарно, поэтому они также представлены и в данной работе.

Курган I. Насыпь кургана каменно-земляная с кромлехом из крупных известняковых плит, поставленных вертикально. Диаметр кромлеха 4 *м.*

Насыпь состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря, расположенного внутри кромлеха. Панцирь неправильной овальной формы, ориентирован в направлении запад-восток, состоял из мелких и средних известняковых камней, уложенных в один (по краям) или несколько (в центральной части) слоев. Верхняя часть каменного панциря проступала на современной дневной поверхности.

Основное парное погребение было совершено в округлой яме, ограниченной кромлехом. Яма в разрезе чашеобразная, с плавно скошенными стенками и округлым дном. Глубина ямы до 0,3 *м.*

Парное погребение находилось в центральной части ямы. Скелеты ориентированы черепами на юго-восток, лицевыми частями повернуты друг к другу. Левый скелет (женский) со «смещением», правый (мужской) находился в анатомическом порядке (рис. LVII: 25).

Первым было совершено женское захоронение. Погребенная была положена скорченно, на левом боку. К моменту погребения мужчины женский скелет был частично смещен так, что кости рук и ног оказались в компактном скоплении перед грудной клеткой второго погребенного, а череп остался в положении in situ (рис. LVII: 25).

Правый (мужской) скелет находился скорченно, на правом боку. Руки согнуты в локтях, ноги слабо согнуты (под тупым углом) в коленях (рис. LVII: 25).

Погребальный инвентарь.

В скоплении костей рук и ног левого скелета и возле височной кости правого скелета находились 5 пластинчатых и 4 спиральные бронзовые пронизки, а также пластинчатое бронзовое височное кольцо. Пластинчатые пронизки в виде цилиндрических и усеченно конических трубочек, длиной 1,8-2 *см* и диаметром 0,2-0,4 *см* (рис. LVII: 3-6). Спиральные пронизки также в виде цилиндрических трубочек. Изготовлены из бронзовых полосок шириной 0,3-0,4 *см.* Длина пронизок 1,2-4,3 *см,* диаметр 0,3-1 *см* (рис. LVII: 7, 11-13). Височное кольцо в 1,5 оборота, изготовлено из бронзовой полоски шириной 0,3 *см.* Диаметр кольца 1,6-1,8 *см* (рис. LVII: 2).

Возле костей ступней правого скелета находился фрагментированный черпак, украшенный резным орнаментом в виде заштрихованных треугольников (не сохранился).

Возле коленных чашечек правого скелета находились фрагменты черпака, украшенного резным узором в виде пучков косых параллельных линий, ограниченных снизу двойной полосой (не сохранился).

На расстоянии 0,4-0,5 *м* к юго-востоку от черепов скелетов находились неорнаментированный кубок III типа (описан) (рис. LVII: 29), а также фрагментированный кухонный горшок с налепным расчлененным валиком (не сохранился).

Курган II. Находился в 21 *м* к северо-востоку от кургана I, ближе к коренному берегу р.Днестр. Насыпь кургана земляная с кромлехом из 40 каменных плит, поставленных на ребро с наклоном во внешнюю сторону. Диаметр кромлеха 4,35x3,55 *м.* С северной и южной сторон кромлеха имелись перемычки шириной 0,48 *м* и 0,36 *м* (табл. I: 3).

Насыпь состояла из чернозема. На глубине 0,25-0,35 *м* по внутренней площади кромлеха (на уровне погребенной почвы) зафиксирована прослойка, содержащая угольки и кусочки пережженной глины.

Основное парное погребение было совершено в округлой яме, ограниченной кромлехом. Яма в разрезе чашеобразной формы (с плавно скошенными стенками и округлым дном). Размеры ямы 4,2x3,4 *м,* глубина до 0,5 *м.* Заполнение представлено суглинистым черноземом (табл. I: 3).

Парное погребение находилось в центральной части ямы. Скелеты ориентированы черепами на юго-восток. Левый скелет (женский) со «смещением», правый (мужской) — в анатомическом порядке (рис. LVII: 27; табл. I: 1).

Первым было совершено женское захоронение. Погребенная была положена скорченно, на левом боку. К моменту погребения мужчины женский скелет был сильно смещен так, что кости оказались в компактном скоплении перед грудной клеткой второго погребенного (рис. LVII: 27).

Правый (мужской) скелет находился скор-

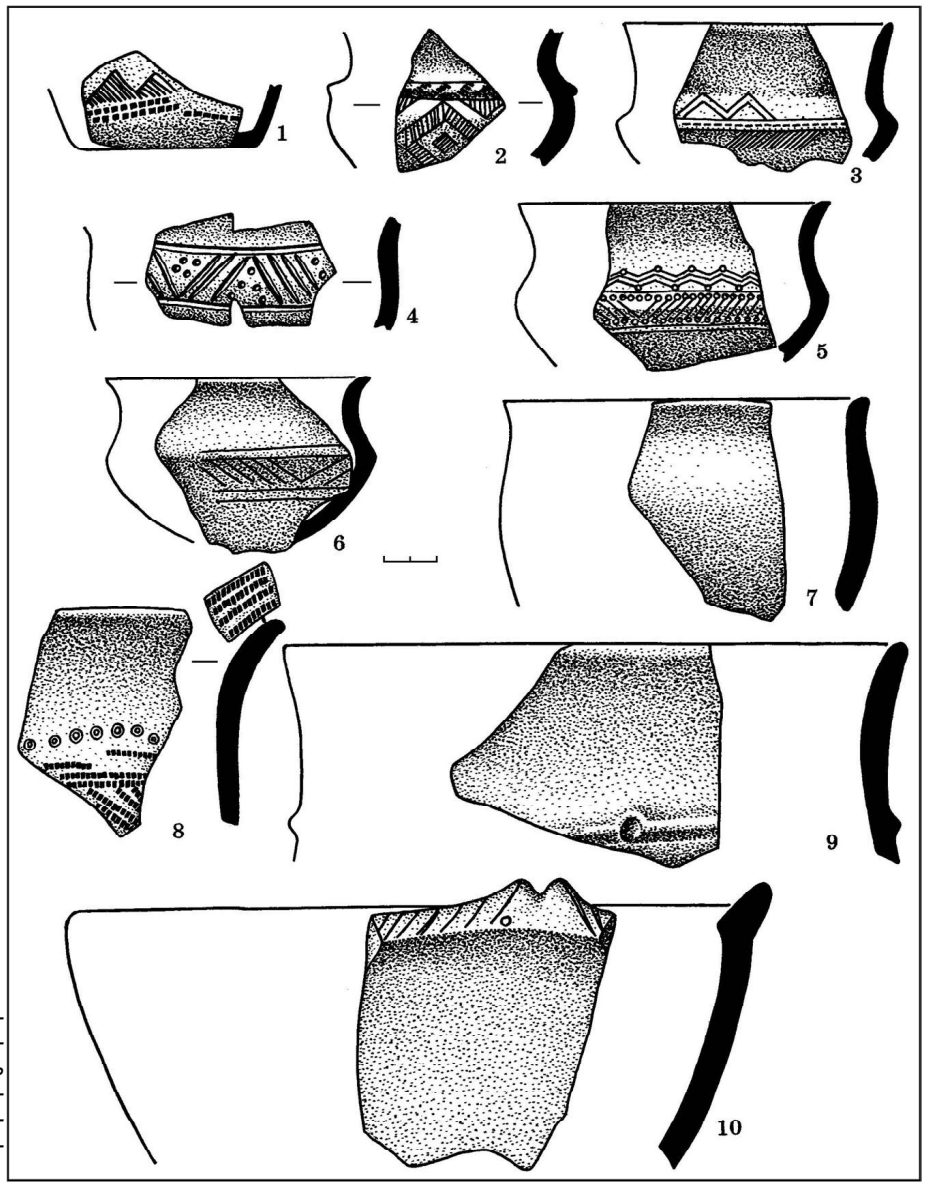


Рис. XLIV. Керамика городища Матеуць варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна.

ченно, на правом боку. Руки согнуты в локтях, ноги сильно согнуты (под острым углом) в коленях (рис. LVII: 27).

К юго-западу от костей ног правого скелета находились кости конечности лошади.

Погребальный инвентарь.

В 0,5 *м* к юго-востоку от северной перемычки кромлеха находилась миска, лежавшая вверх дном (описана) (рис. LVII: 30), рядом с известняковым камнем. Видимо, миска была поставлена на этот камень.

С юго-востока от первой миски находилась вторая миска меньшего размера II типа с диаметром края 19 *см* (не сохранилась). Во второй миске на боку лежали 2 сосудика — черпак (не сохранился) и пиксидка. Пиксидка стаканообразной формы с невыделенным слегка округленным венчиком, прямыми стенками и округленным дном. По краю венчика диаметрально противоположно расположены 2 плоские сегментовидные ручки (одна обломана), снабженные двойными поперечными проколами. Пиксидка орнаментирована резным узором в виде вертикальных рядов заштрихованных ромбов, разделенных вертикальными линиями. Орнамент заполнен белой пастой. Размеры: высота 10 *см,* диаметр 9,2 *см* (рис. LVII: 28).

К югу от первой миски на боку лежал большой кухонный сосуд баночной формы с налепным расчлененным валиком под венчиком (не сохранился).

К юго-западу от затылочной части черепа правого скелета находился черпак с низкой ручкой (не сохранился).

Курган III. Находился в 3 *м* к северо-востоку от кургана II. Насыпь кургана каменно-земляная с кромлехом из 26 крупных известняковых плит, поставленных вертикально с наклоном во внешнюю сторону. Диаметр кромлеха 4 *м.* В кромлехе зафиксированы 4 перемычки: ширина северной и северо-восточной перемычек составляла 0,45 *м,* южной и юго-западной

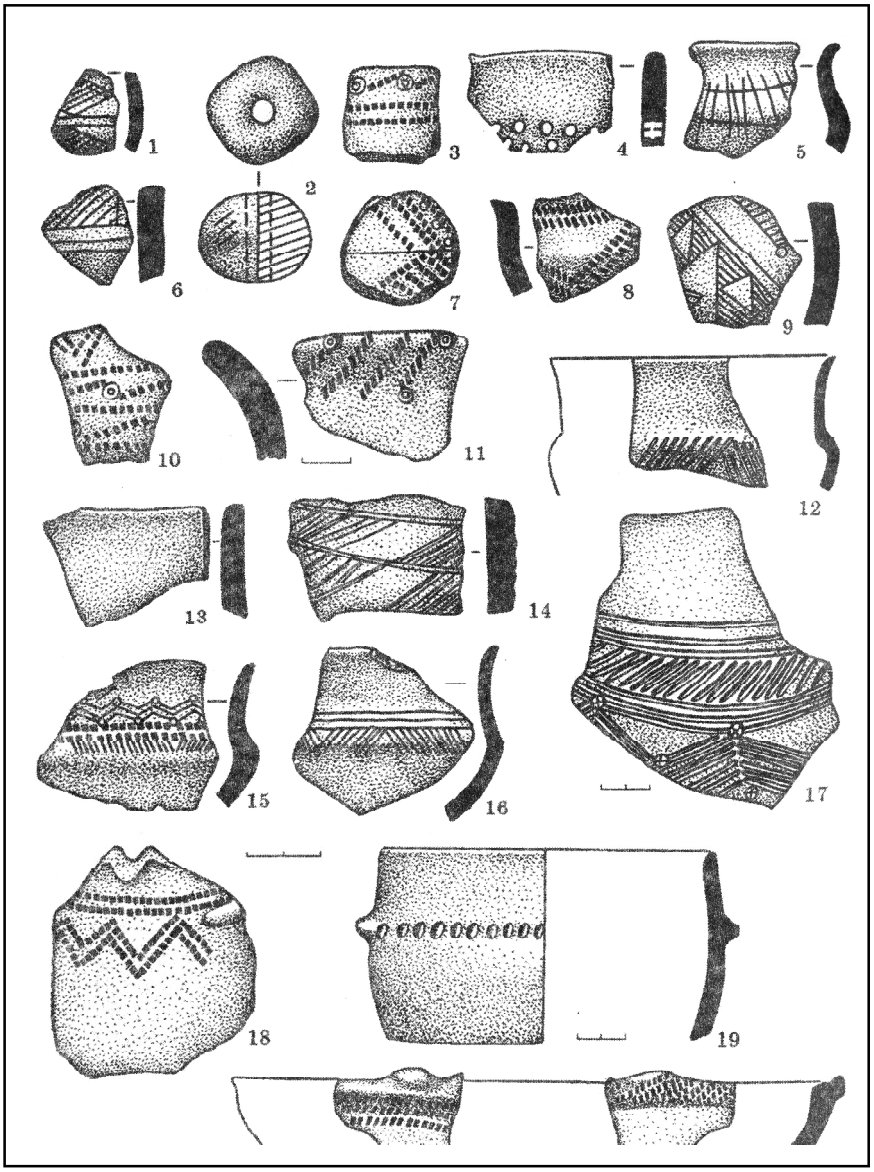


Рис. XLV. Керамика поселений варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 2, 6, 9, 12, 13 — Солончень-Ла Урсарь; 3-5, 7, 10, 15, 16, 18 — Стохная I; 8, 11, 14, 17, 19, 20 — Главан V.

— 0,6 и 0,66 *м*.

Насыпь состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря (настила). Панцирь вытянутой прямоугольно-овальной формы покрывал центральную часть ограниченной кромлехом черноземной насыпи в направлении запад-восток. Северная и южная части насыпи не имели каменного панциря. Панцирь состоял из уложенных в один слой известняковых плит разной величины, верхняя его часть проступала на современной дневной поверхности. На глубине 0,25-0,3 *м* (на уровне погребенной почвы) по внутренней площади кромлеха зафиксированы мелкие угольки.

В восточной и юго-восточной частях насыпи кургана, на камнях панциря, обнаружены остатки тризны в виде скоплений мелких фрагментов сосудов, среди которых черпаки с резным геометрическим орнаментом (не сохранились).

Основное одиночное погребение было совершено в округлой яме, ограниченной кромлехом. Яма в разрезе чашеобразная, глубиной до 0,3-0,4 *м* (рис. LVIII: 17).

Погребение находилось в центральной части ямы. Погребенная (женщина-?) была положена скорченно на левом боку, головой юго-восток. Ноги сильно согнуты (под острым углом) в коленях. Скелет плохой сохранности, сильно поврежден грызунами (рис. LVIII: 17).

Погребальный инвентарь.

В 0,12 *м* к востоку от черепа находился железный нож (описан) (рис. LVIII: 22). В погребении также обнаружен обломок черенка второго железного ножа (описан).

В 0,2-0,25 *м* к югу от черепа находились вложенные один в другой 2 бронзовых рифленых пластинчатых браслета (описаны), рядом с ними зафиксированы еще 3 аналогичных браслета, также вложенных один в другой (описаны) (рис. LVIII: 7, 8, 13-15). Возможно, браслеты находились на запястьях погребенной, руки которой были согнуты в локтях.

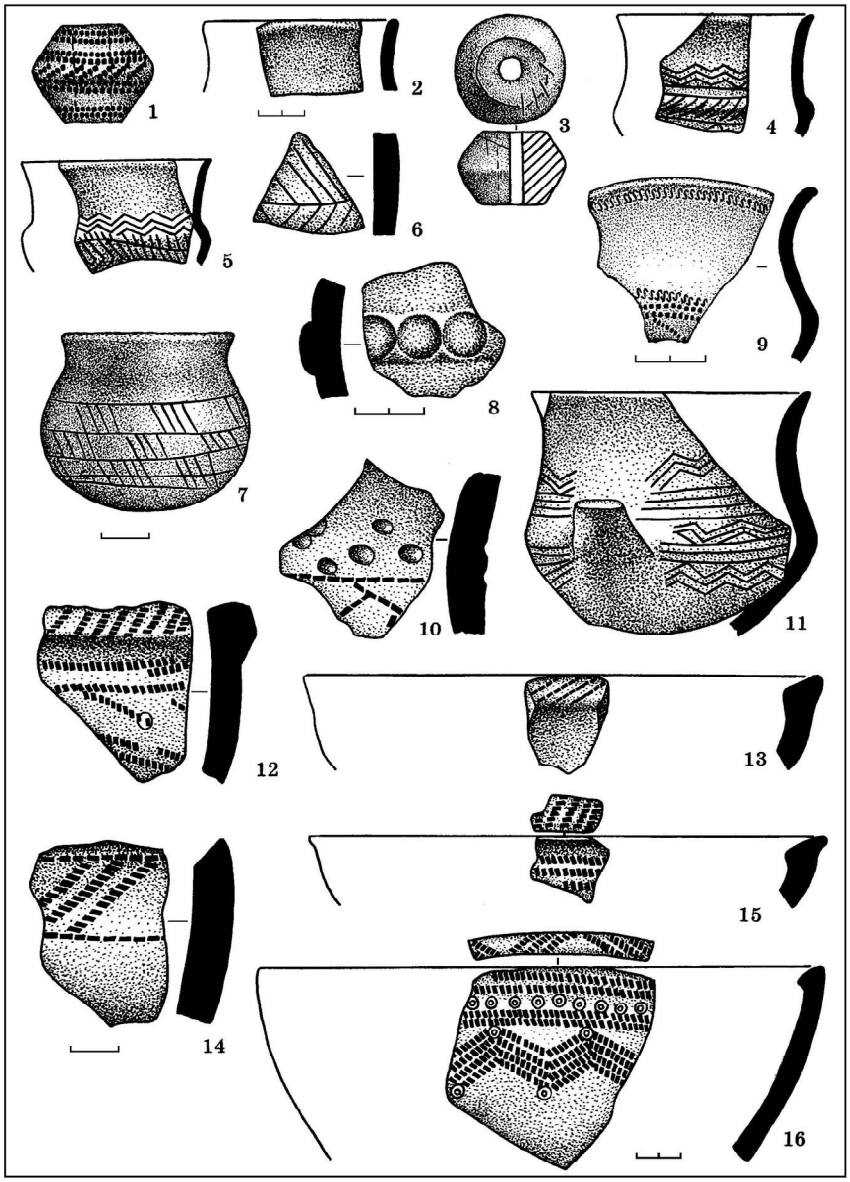


Рис. XLVI. Керамика поселений варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 2, 4, 6, 8-10, 12-14 — Цареука; 3, 7, 11 — Паркань; 5 — Чинишеуць; 15, 16 — Хородиште.

В 0,18-0,2 *м* к юго-западу от черепа, в области грудной клетки, находились 6 бронзовых бляшек-пуговиц (описаны) (рис. LVIII: 1-4), 2 пластинчатых височных кольца (серьги) с заходящими концами (рис. LVIII: 5, 6), 3 обломанные бронзовые спиральные пронизки, обломки железной двухпетельчатой фибулы и железный стерженек (рис. LVIII: 9-12). Спиральные пронизки в виде цилиндрических трубочек, изготовлены из бронзовых полосок шириной 0,3 *см.* Размеры: 3,5х0,4 *см,* 1,2х0,8 *см* и 1х0,9 *см* (рис. LVIII: 9-11). Железная фибула двухпетельчатая смычковая со спинкой, на параллельной ножке. Изготовлена из проволоки диаметром 0,4-0,5 *см.* Длина фибулы 8,7 *см* (рис. LVIII: 12). Возможно, в этом погребении находились две железные фибулы, остатки второй (не реконструируется) зафиксированы в разных частях ямы (в том числе возле костей ног) (рис. LVIII: 17). Под бронзовыми бляшками, пронизками и железной фибулой была зафиксирована темно-бурая масса — возможно, остатки кожаной одежды.

Возле коленных чашечек погребенной находились лежавшие на боку пиксидка и черпак. Пиксидка стаканообразной формы, с невыделенным венчиком и округлым дном. По краю венчика диаметрально противоположно расположены 2 полукруглые плоские ручки с двойными поперечными отверстиями (одна ручка обломана). Пиксидка орнаментирована 20 резными рядами заштрихованных ромбов, разделенных одинарными линиями. Сосуд полностью аналогичен пиксидке из погребения кургана II. Размеры: высота 7,2 *см,* диаметр 8 *см,* ручки 2,2х1,3х0,5 *см* (рис. LVIII: 19). Черпак I типа варианта Б, ручка на перегибе снабжена гвоздевидным выступом-упором. Черпак украшен резным и штампованным узором: на шейке расположен поясок косых заштрихованных ромбов с кольчатым штампом в вершинах, ниже которого — двойной поясок из пучков косых параллельных линий, чередующихся под углом друг к дру-

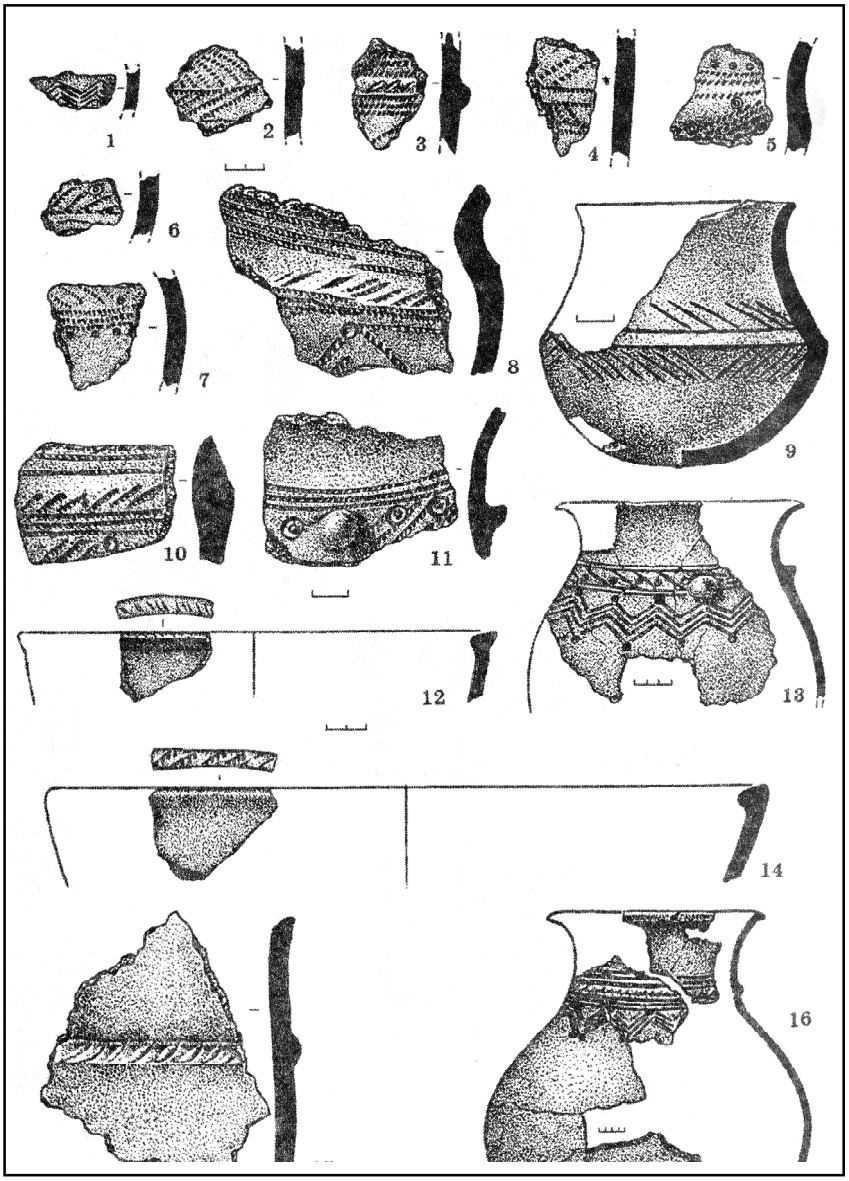


Рис. XLVII. Керамика городища Бутучень варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна (по Niculiță I.T., 1996).

гу, ограниченный снизу полоской наколов. Ручка выше края венчика украшена двойным поясом узора из пучков косых параллельных линий. Размеры: высота 8 *см,* диаметр венчика 10 *см,* диаметр тулова 10,6 *см,* диаметр дна 4,5 *см* (рис. LVIII: 16).

В 0,5-0,7 *м* к западу от костей ног погребенной, к северу от юго-западной перемычки кромлеха, находилась миска II типа (описана) (рис. LVIII: 18), в которой лежал черпак I типа (описан) (рис. LVIII: 20). Рядом с миской на боку лежали 2 кухонных горшка. Один из них — большой сосуд III типа с гладким валиком, расположенным на 5-5,5 *см* ниже края. Валик сочетался с 4 симметрично расположенными полукруглыми ручками-упорами. Размеры: сохранившаяся высота 20 *см,* диаметр венчика 27 *см* (рис. LVIII: 21). Второй сосуд — небольшой горшок I типа с 4 симметрично расположенными подтреугольными ручками-упорами. Размеры: высота 11 *см,* диаметр венчика 10 *см,* диаметр дна 7 *см* (рис. LVIII: 23).

Курган IV. Находился в 21 *м* к юго-западу от кургана I. Насыпь кургана земляная с кромлехом из небольших известняковых камней, уложенных в три ряда. Внешняя форма кромлеха подовальная, ориентированная в направлении север-юг. Диаметр кромлеха 7x6,5 *м,* ширина 1-1,4 *м.* С южной стороны кромлеха имелась перемычка шириной 1,12 *см.* Южный край перемычки был образован известняковой плитой (95x53 *см*), являющейся наиболее крупной в кромлехе (табл. II: 3).

Насыпь состояла из чернозема. На глубине 0,25-0,3 *м* (уровне погребенной почвы) по внутренней площади кромлеха зафиксированы угольки.

Основное одиночное погребение было совершено в округлой яме диаметром 4,4 *м,* ограниченной кромлехом. Яма в разрезе чашеобразная, глубиной до 0,4 *м.* Вокруг погребения прослежена каменная конструкция в виде камен-

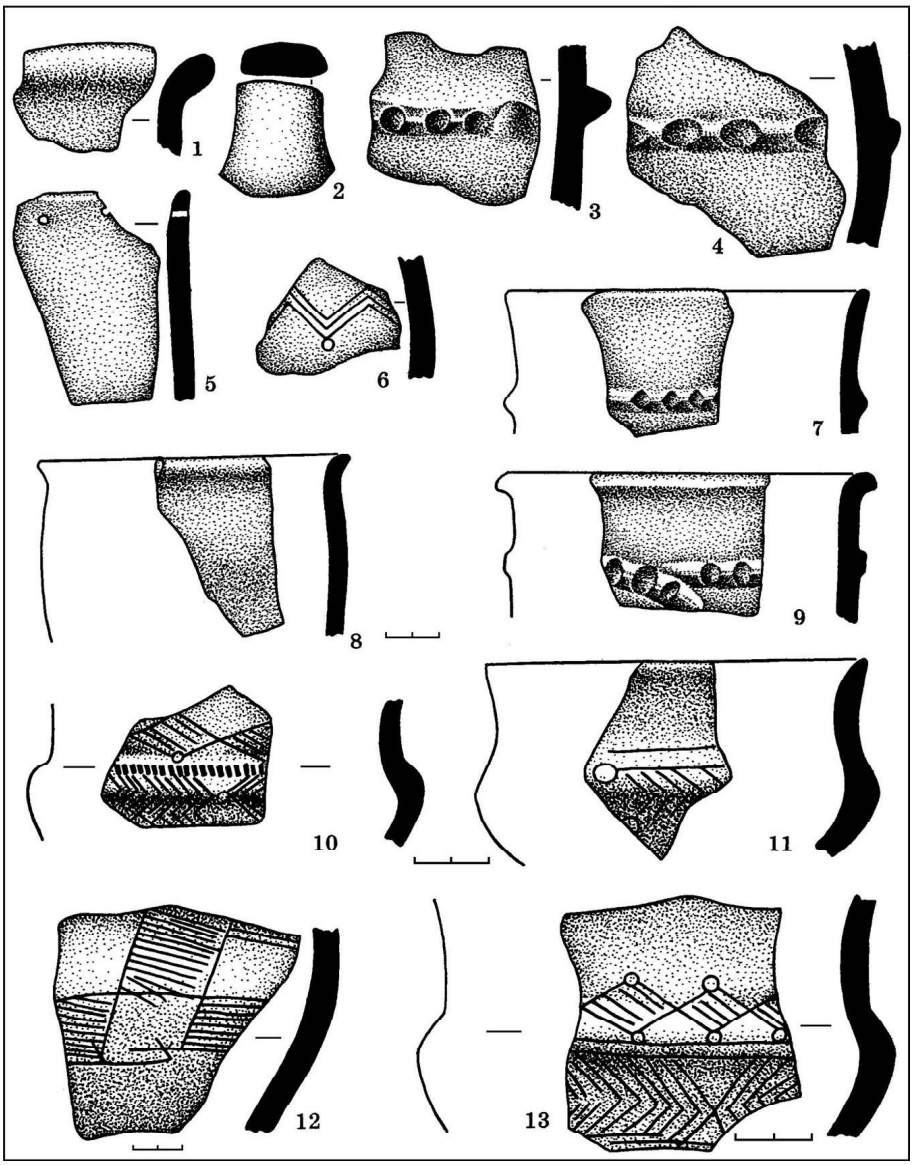


Рис. XLVIII. Керамика поселений варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 3, 4, 6, 12 — Столниченъ; 2, 5, 7-11, 13 — Сахарна I.

ной ограды (табл. II: 1, 3).

С восточной стороны черепа и западной стороны костей ног скелета, на уровне древнего горизонта, ограда представлена площадками прямоугольной формы, расположенными длинной стороной по ширине скелета в направлении север-юг. Эти каменные площадки в изголовье и ногах погребенного были сложены из известняковых плит, имели размеры 1,32х0,72 *см* и на 0,1-0,15 *м* возвышались над уровнем камней кромлеха. На камнях площадки в изголовье зафиксированы следы огня. С южной стороны скелета прослежена полоска из небольших известняковых плит. Таким образом, внутренние размеры каменной ограды составили 1,5х0,75 *м* (табл. II: 3).

Погребение находилось в центральной части ямы. Погребенная (женщина-?) была положена скорченно на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевой части. Ноги средне согнуты (под углом в 45 гр.) в коленях (рис. LIX: 1; табл. II: 1).

Погребальный инвентарь.

Возле левой ключицы, между костями рук и грудной клетки, находилась железная фибула. Фибула двухпетельчатая смычковая со спинкой, на параллельной ножке. Изготовлена из округлой в сечении проволоки диаметром 0,4-0,5 *см.* Длина фибулы 9,2 *см* (рис. LIX: 4).

Возле локтевых суставов рук находились бронзовая бляшка-пуговица (описана) (рис. LIX: 5) и железный нож плохой сохранности (описан) (рис. LIX: 7).

Рядом с костями правой ступни стоял неорнаментированный кубок (не сохранился). В 0,3 *м* к западу от кубка, рядом с каменной прямоугольной конструкцией находилась миска I типа (описана) (рис. LIX: 10), в которой стоял небольшой горшок I типа с 4 симметрично расположенными полукруглыми ручками-упорами (описан) (рис. LIX: 6).

Курган V. Находился в 30 *м* к северу от кур-

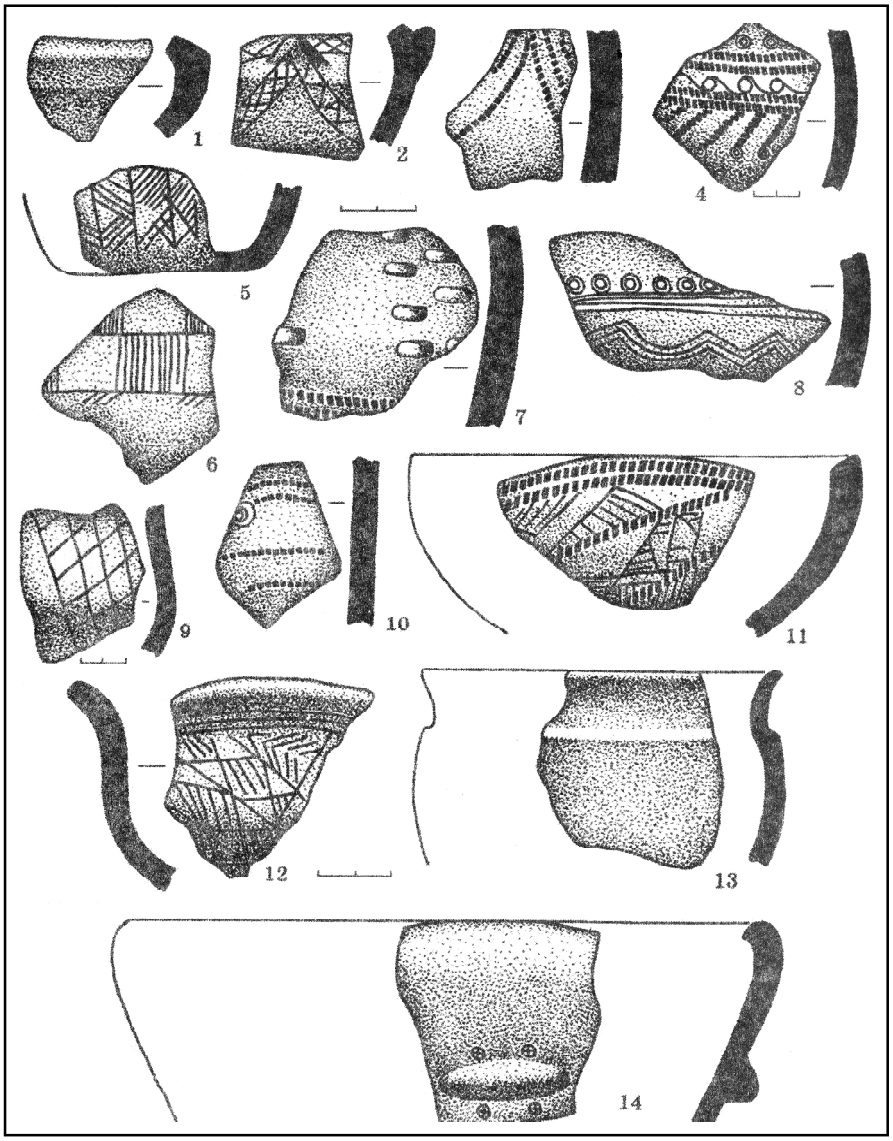


Рис. XLIX. Керамика поселения Сахарна I варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна.

гана IV. Насыпь кургана каменно-земляная с кромлехом из известняковых камней различной величины. Внешняя форма кромлеха подовальной формы, ориентированная в направлении запад-восток. Диаметр кромлеха 5х4,5 *м.*

Насыпь состояла из чернозема и каменного панциря. Каменный панцирь сделан из уложенных в один слой известняковых плит разной величины. На глубине 0,3-0,35 *м* (уровне погребенной почвы) по внутренней площади кромлеха зафиксированы угли и обожженные небольшие камни.

В западной части насыпи кургана, на камнях панциря, обнаружены остатки тризны в виде фрагментов столовых сосудов и обломка челюсти собаки.

Основное коллективное захоронение (погребения №№ 1а, 1б и 1в) зафиксировано в округлой яме, ограниченной кромлехом. Яма в разрезе чашеобразная, глубиной 0,35-0,4 *м.* Возможно, первыми были совершены погребения №№ 1б и 1в, последним — погребение № 1а (рис. LIX: 2; табл. I: 2).

Парное погребение № 1а находилось в центральной части ямы. Скелеты ориентированы черепами на восток. Левый скелет (детский) со «смещением», правый (женский) — в анатомическом порядке (рис. LIX: 3; табл. I: 2).

Первым было совершено детское захоронение, возможно, скорченно на правом боку. К моменту погребения женщины детский скелет был сильно сдвинут так, что кости оказались в компактном скоплении перед грудной клеткой, а череп — на грудной клетке второй погребенной.

Правый (женский) скелет находился скорченно, на правом боку. Руки согнуты в локтях, кистями перед лицевой частью. Ноги средне согнуты (под углом в 45 гр.) в коленях (рис. LIX: 3).

Погребение № 1б — одиночное, со «смещением». Обнаружено в 1,08 *м* к юго-западу от погребения № 1. От скелета сохранились череп, кости рук и ключица. Возможно, погре-

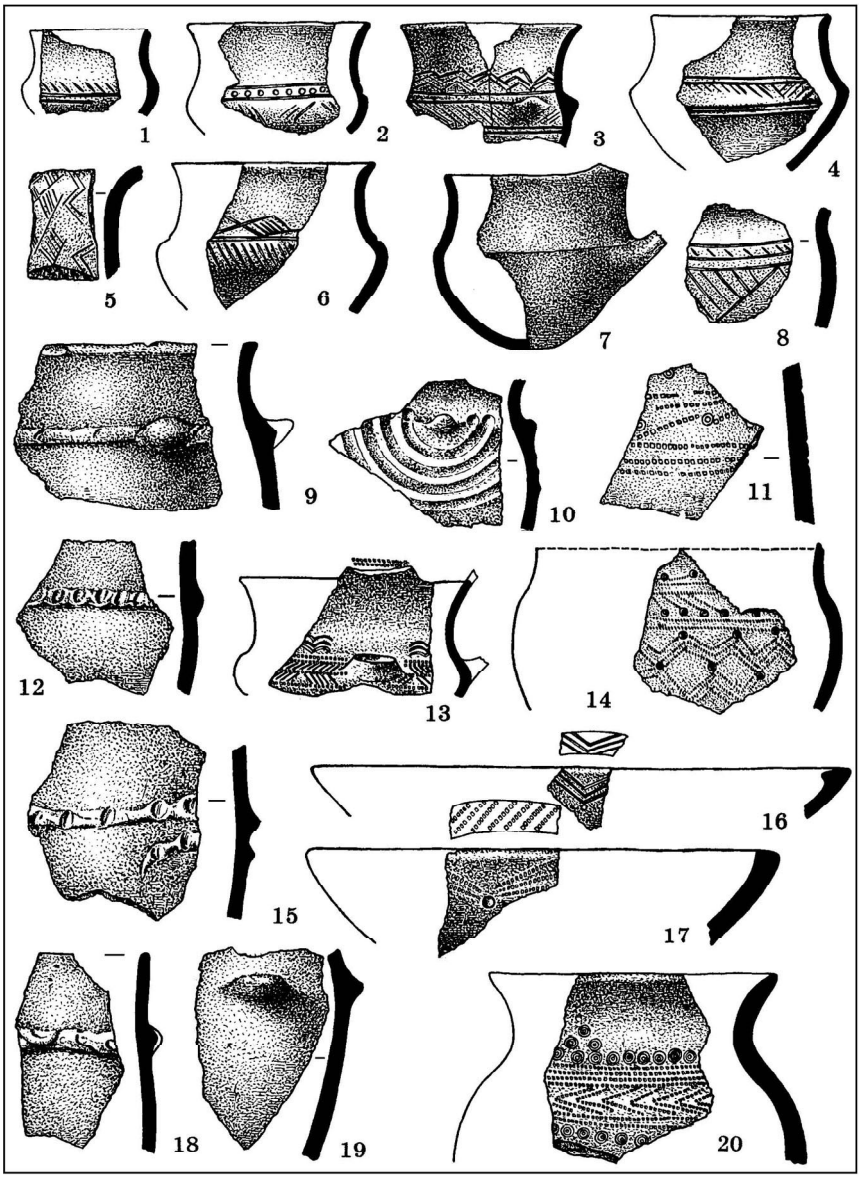


Рис. L. Керамика поселения Цахнэуць варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна (по Мелюковой А.И., 1982).

бенный был положен головой на северо-запад (рис. LIX: 2).

Погребение № 1в — одиночное, со «смещением». Обнаружено в 1,5 *м* к югу от погребения № 1. От скелета сохранились череп и ключица. Скелет принадлежал ребенку 10-12 лет (рис. LIX: 2).

Погребальный инвентарь.

На фаланге пальца правой руки женского скелета погребения № 1а находилось бронзовое спиралевидное кольцо (не сохранилось).

В 0,25 *м* к востоку от черепа женского скелета погребения № 1а находился горшок III типа с гладким валиком и 4 симметрично расположенными ручками-упорами (не сохранился).

В 0,15 *м* к северо-западу от костей ступней женского скелета погребения № 1а находился небольшой черпак I типа (описан) (рис. LIX: 8).

В 0,3 *м* к северо-востоку от черепа погребения № 1б на боку лежал черпак III типа с высокой ручкой (описан) (рис. LIX: 11).

В 0,73 *м* к юго-западу от черепа погребения № 1б вверх дном лежала пиксидка. Пиксидка стаканообразной формы с невыделенным венчиком, выпуклыми боками и плоским дном. Пиксидка орнаментирована резным узором в виде вертикальных рядов, заполненных косыми параллельными линиями, создающими вертикальный елочный узор. Размеры: высота 8 *см,* диаметр венчика 7,5 *см,* диаметр тулова 8,5 *см,* диаметр дна 6,5 *см* (рис. LIX: 9).

Курган VI. Находился в 28 *м* к западу от кургана V. Насыпь кургана каменно-земляная с кромлехом из известняковых плит. Плиты кромлеха были сильно наклонены во внутреннюю сторону. Размеры плит 108x108x18 *см,* 100x100 или 118x64x18 *см.* Внешняя форма кромлеха подовальная, ориентированная в направлении запад-восток. Диаметр кромлеха 6,3 *м.*

Насыпь состояла из чернозема и каменного панциря. Панцирь округлой формы, диаметром 6,5 *м,* сложен из известняковых камней разной

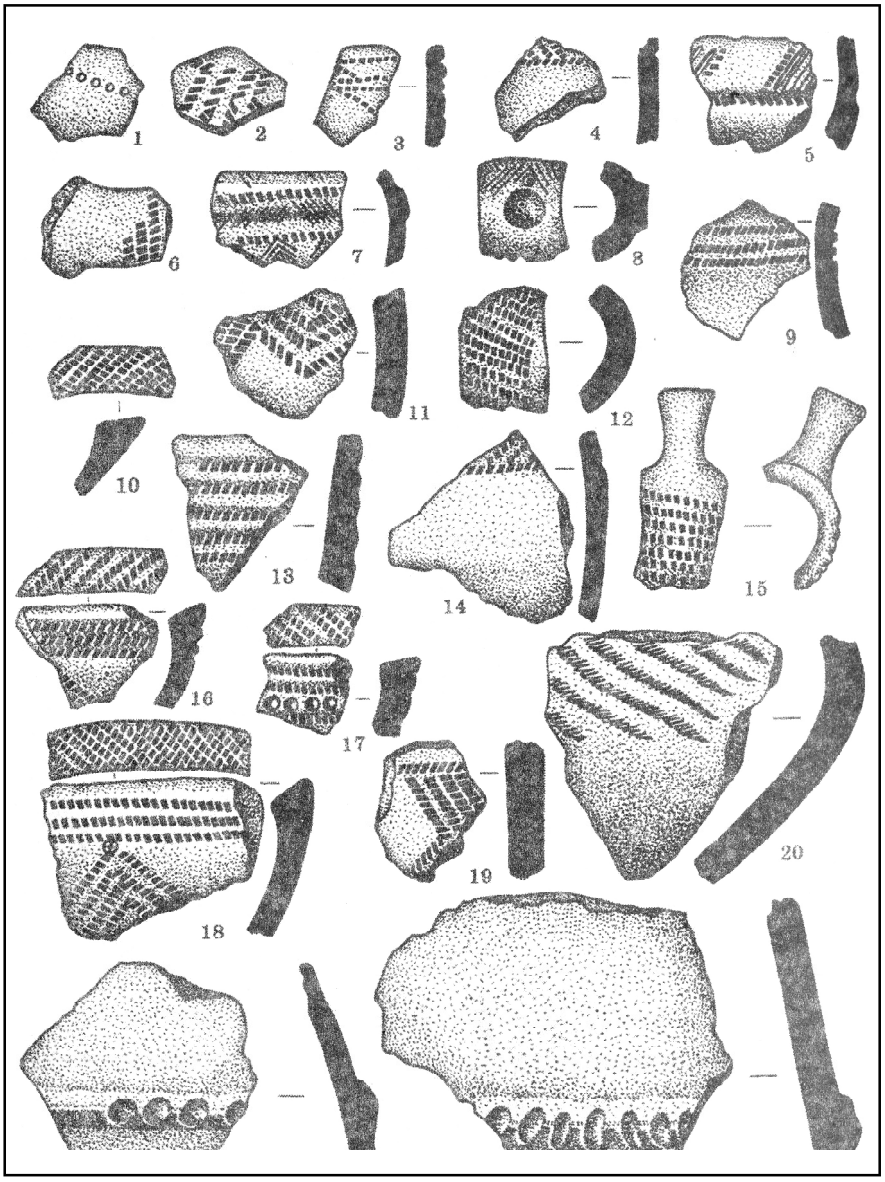


Рис. LI. Керамика поселений варианта Козия культуры Козия-Сахарна. 1, 2, 6, 8, 10, 12, 16, 17 — Скиту Дука; 3, 21 — Холбока; 4 — Хорпаз; 5 — Рэусень; 7, 15 — Осой; 9 — Просельничь; 11, 19 — Войнешть; 13 — Ришка; 14, 20, 22 — Лецкань; 18 — Цибэнешть.

величины.

В разных частях насыпи кургана, на камнях панциря, обнаружены остатки тризны в виде фрагментов столовых сосудов и обломков костей крупного рогатого скота, лошади и собаки.

В кургане обнаружены 2 захоронения (табл. III: 1, 2).

Основное парное погребение № 1 зафиксировано в округлой яме, диаметром 3,5 *м,* ограниченной кромлехом. Яма чашеобразная в разрезе, глубиной 0,4 *м.* Вокруг погребения № 1 прослежена каменная ограда в виде обкладки небольшими известняковыми плитами с северной, западной и южной сторон. С восточной стороны каменная ограда отсутствовала — там, в ногах погребенных, находились миска и тюльпановидный горшок с остатками сожжения, а также зафиксированы следы огня и пережженные кости птицы.

Парное погребение № 1 находилось в центральной части ямы. Скелеты ориентированы черепами на северо-запад, лицевыми частями повернуты друг к другу. Левый скелет (женский) с частичным «смещением», правый (мужской) — находился в анатомическом порядке (рис. LX: 11; табл. III: 1).

Первым было совершено захоронение женщины скорченно, на левом боку. К моменту погребения мужчины женский скелет был частично сдвинут, в положении in situ осталась его верхняя половина (рис. LX: 11).

Правый скелет находился скорченно, на правом боку. Руки согнуты в локтях, правая — кистью у лицевой части, левая — положена на ключицу женского скелета. Ноги сильно согнуты (под острым углом) в коленях (рис. LX: 11).

Видимо, прошел небольшой промежуток времени между погребениями женщины и мужчины, поэтому женский скелет имел лишь частичнное «смещение»..

Погребальный инвентарь.

Возле черепа женского скелета обнаружено

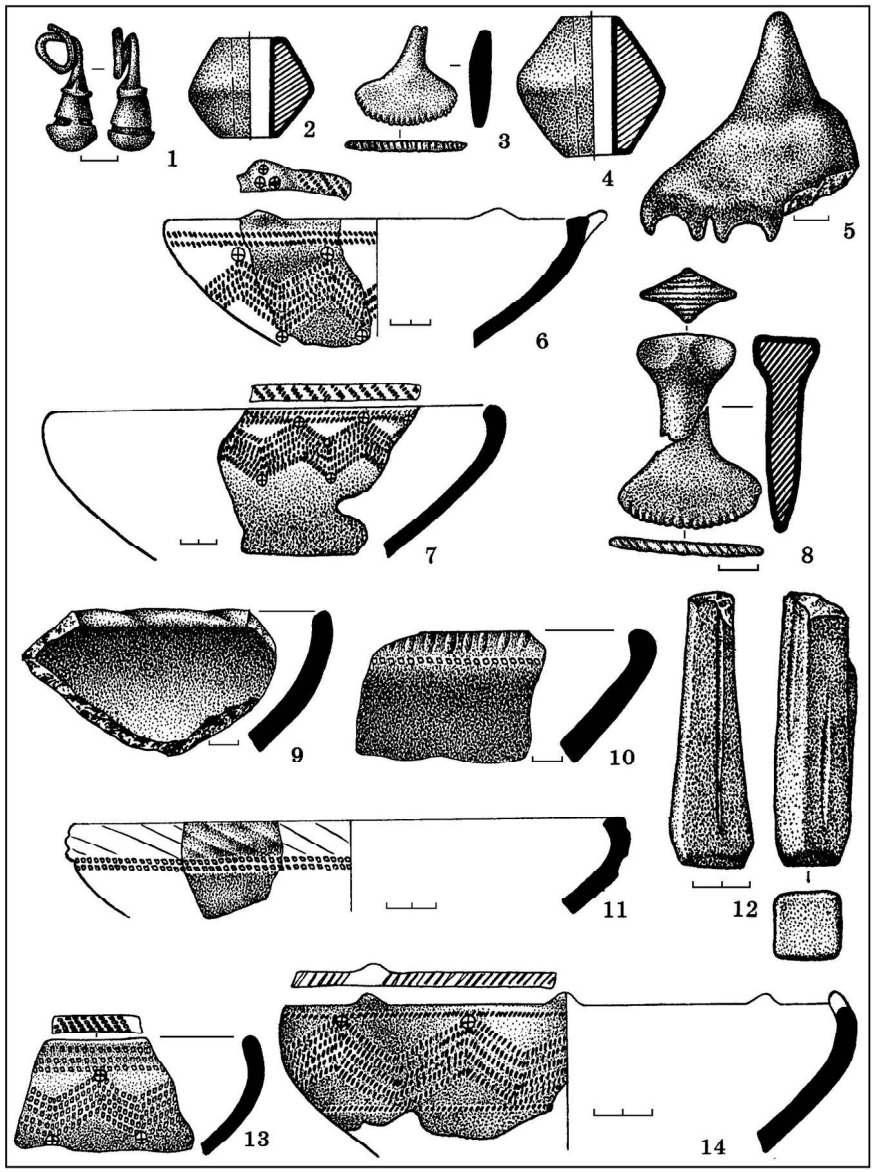


Рис. LII. Индивидуальные находки (1-5, 8, 12) и керамика (6, 7, 9, 10, 11-14) поселения Козия варианта Козия культуры Козия-Сахарна (по László A., 1972; Hänsel B., 1976).

бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота. Кольцо изготовлено из бронзовой полоски шириной 0,3 *см.* Диаметр кольца 1,6-1,8 *см* (рис. LX: 1).

Среди костей верхней части женского скелета обнаружены 2 бронзовые пластинчатые пронизки в виде цилиндрических трубочек, диаметрами 0,2 и 0,6 *см,* длиной 1,6 и 2,6 *см* (рис. LX: 2, 3).

В 0,3 *м* к северо-западу от черепа мужского скелета стоял орнаментированный черпак с высокой ручкой (не сохранился).

Возле костей ступней правого скелета находился черпак I типа варианта В с высокой ручкой, снабженной гвоздевидным выступом-упором на перегибе. Черпак украшен резным и штампованным узором. По шейке — поясок заштрихованных ромбов с наколами в вершинах; по плечикам и тулову — полоска пучков косых параллельных линий, чередующихся под углом друг к другу, ограниченная с двух сторон одинарными линиями зубчатого штампа, а снизу — дополнительной полоской наколов. Ручка выше края венчика украшена 2 заштрихованными треугольниками, соединенными вершинами в центре, которые ограничены линией зубчатого штампа. Размеры: высота 7 *см,* диаметр венчика 9,5 *см,* диаметр тулова 11,5 *см* (рис. LX: 8).

Возле костей ног женского скелета находился неорнаментированный кубок I типа, в котором лежала трубчатая кость мелкого рогатого скота. Размеры: высота 10,5 *см,* диаметр венчика 9 *см,* диаметр тулова 11 *см,* диаметр дна 4 *см* (рис. LX: 6).

В 0,2-0,3 *м* к востоку от костей ног погребенных вверх дном лежала орнаментированная миска II типа (описана) (рис. LX: 9).

В 0,6-0,7 *м* к юго-востоку от костей ступней скелетов, рядом с миской, вверх дном лежал большой тюльпановидный горшок IV типа, к югу от которого находился плоский известняковый камень. Видимо, первоначально горшок был поставлен на этот камень. Размеры горшка:

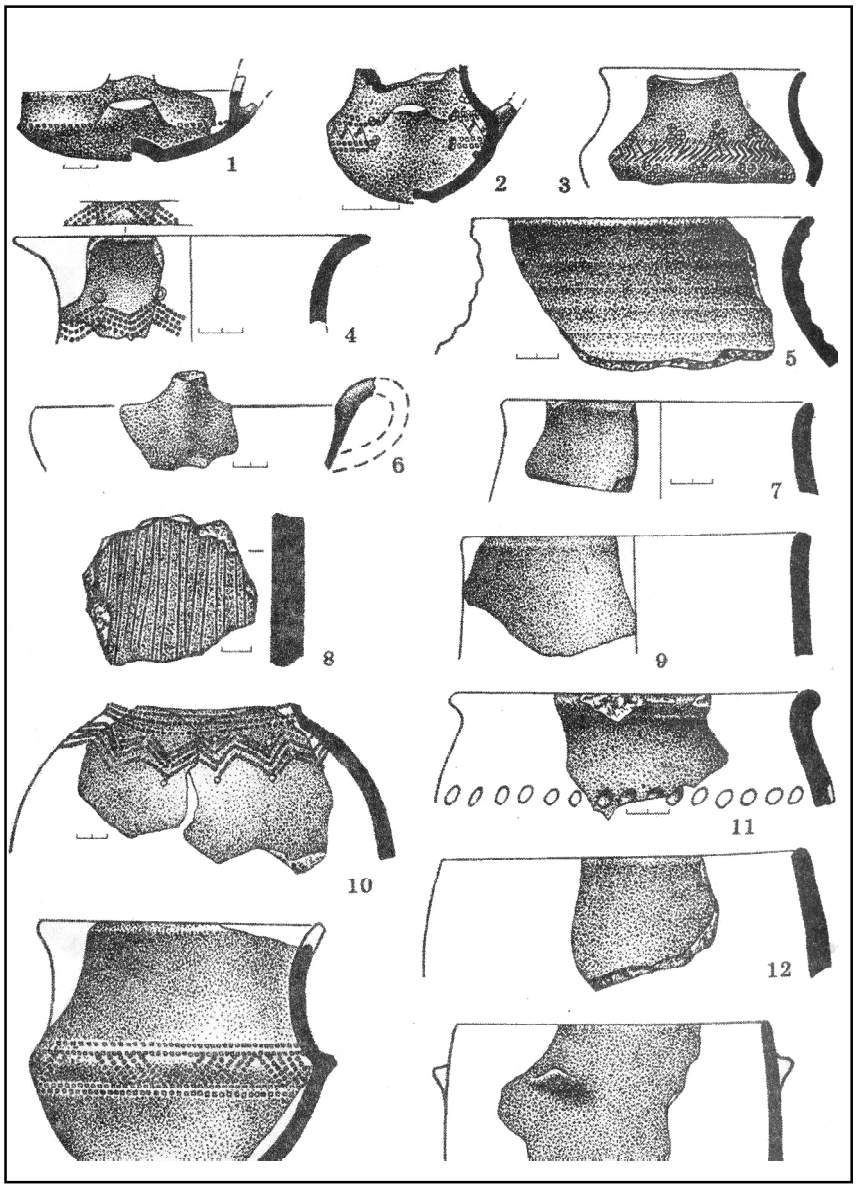


Рис. LIII. Керамика поселения Козия варианта Козия культуры Козия-Сахарна (по László A., 1972; Hänsel B., 1976).

высота 47 *см,* диаметр венчика 22 *см,* диаметр тулова 34 *см.* диаметр дна 12 *см* (рис. LX: 13).

В заполнении тюльпановидного горшка обнаружены остатки сожжения, а также 2 раковины лесных улиток, мелкие кости птицы, обломок трубчатой кости крупного животного и роговой трехдырчатый псалий (описан) (рис. LX: 4).

В 1-1,2 *м* к востоку от костей ног погребенных, возле камней кромлеха, стоял мисковидный сосуд, украшенный пластическим декором и геометрическим резным и штампованным узором (описан) (рис. LX: 12).

В погребении № 1 были обнаружены также железные однокольчатые удила (описаны) (рис. LX: 7).

Парное (детское) *погребение № 2* зафиксировано в восточной части внешней стороны кромлеха. Погребение было совершено в непосредственной близости от камней кромлеха (0,25 *м* восточнее), на уровне древнего горизонта. Оба скелета находились в анатомическом порядке, что свидетельствует об одновременном захоронении обоих умерших (рис. LX: 5; табл. III: 2).

Погребенные были положены скорченно, на левом или правом боках, головами на восток, лицевыми частями повернуты друг к другу. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевым частям. Ноги сильно (под острым углом) согнуты в коленях (рис. LX: 5).

Погребальный инвентарь.

В ногах правого погребенного находился орнаментированный черпак с высокой ручкой, снабженной гвоздевидным выступом-упором на перегибе (не сохранился).

В ногах левого погребенного стояли черпак (не сохранился) и орнаментированный кубок I типа варианта В с глубоким умбоном на дне. Кубок украшен резным и штампованным узором. Под краем венчика расположена полоска кольчатого штампа с крестом, по плечикам и тулову — полоса из резных больших косых ромбов, раз-

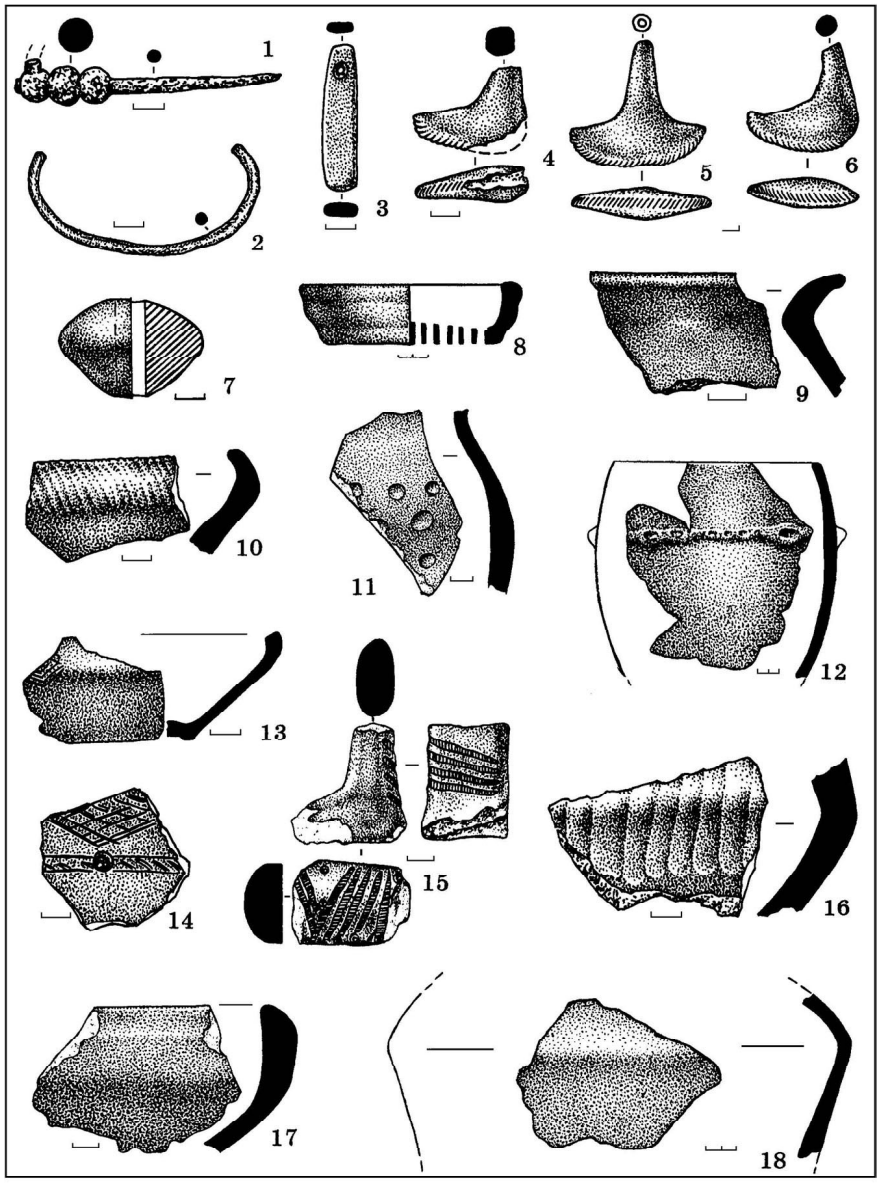


Рис. LIV. Индивидуальные находки (1, 7) и керамика (8-18) городища Покреака — Четэцуе варианта Козия-Сахарна (по Icononti C., 1996). 1 — железо; 2 — бронза; 3 — камень; 4-18 — глина.

деленных (по принципу розетки) на заштрихованные треугольники и ромбы. В вершинах ромбов — кольчатый штамп с крестом. Полоса орнамента с двух сторон ограничена одинарными резными линиями, а сверху — дополнительной полоской двойного кольчатого штампа. Размеры: высота 7,5 *см,* диаметр венчика 7,8 *см.* диаметр тулова 10 *см,* умбон 2,5 *см* (рис. LX: 10).

В 0,25 *м* к западу от костей ног погребенных, под плитой кромлеха, стоял горшок с налепным расчлененным валиком (не сохранился). Этот горшок находился напротив мисковидного сосуда погребения № 1, стоявшего внутри кромлеха.

Особенности местоположения погребения № 2 свидетельствуют, что в кургане VI оно было совершено позднее погребения № 1 и, возможно, для него была сделана земляная досыпка.

Курган VII. Находился в 130 *м* к северо-западу от кургана VI. Насыпь кургана земляная, состояла из чернозема. В кургане обнаружены 2 захоронения.

Основное парное (детское) *погребение № 1 (№№ 1а и 1б*) было совершено в каменном ящике, который находился в центре кургана. Ящик подквадратной формы, ориентирован углами по сторонам света, размерами 0,68х0,6 *м* (табл. IV: 3). Ящик сложен из трех известняковых плит, высотой до 0,53 *м,* не достроен — отсутствовали восточная плита и крышка. Плиты ящика несколько возвышались над уровнем современной дневной поверхности. Ящик был установлен на уровне древнего горизонта, для плит в суглинке были вырыты канавки глубиной до 0,2-0,3 *м* (рис. LXI: 10).

В ящике находилось *парное детское захоронение*. Первым было совершено детское захоронение № 1а, которое к моменту погребения второго ребенка было сильно смещено в северный угол ящика (часть костей скелета не сохранилась). От первого скелета сохранились череп и нижняя челюсть (в северном углу ящика), а также отдельные кости рук и ног (в запад-

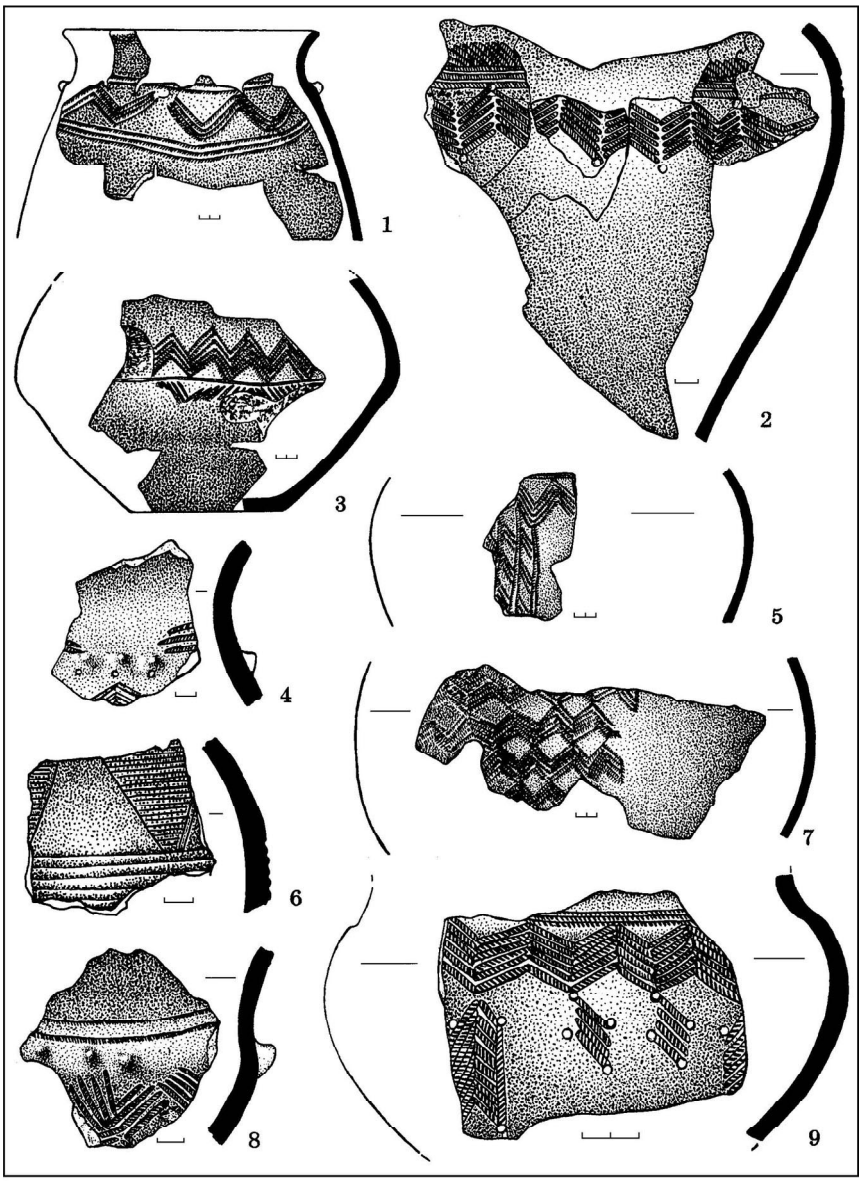


Рис. LV. Керамика городища Покреака-Четэцуе варианта Козия культуры Козия-Сахарна (по Iconomu C., 1996).

ном углу ящика) (рис. LXI: 10; табл. IV: 3).

Второе детское захоронение № 1б находилось в анатомическом порядке. Погребенный был положен по диагонали ящика (между западным и восточным углами), скорченно на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, ноги сильно согнуты (под острым углом) в коленях (рис. LXI: 10; табл. IV: 3).

Погребальный инвентарь.

Возле черепа скелета погребения № 1а (в северном углу ящика) обнаружены бронзовая бляшка-пуговица (рис. LXI: 2), три бронзовых височных кольца и бронзовый браслет. Височные кольца с заходящими друг за друга приостренными или ровно срезанными концами, изготовлены из бронзовой полоски шириной 0,3-0,4 *см.* Диаметр колец 1,6-2 *см* (рис. LXI: 1, 3, 4). Бронзовый браслет изготовлен из уплощенной проволоки шириной 0,5 *см.*

С северо-западной стороны черепа скелета погребения № 1б (в восточном углу ящика) на боку лежал черпак I типа с обломанной ручкой. Черпак украшен резным геометрическим орнаментом в виде двойного пояска, ограниченного сверху тройной горизонтальной линией. Поясок заполнен пучками косых параллельных линий, чередующихся под углом друг к другу. Размеры: высота 6 *см,* диаметр венчика 7,7 *см,* диаметр тулова 7,7 *см,* диаметр дна 3,4 *см* (рис. LXI: 12).

В 0,15 *м* к востоку от черепа скелета погребения № 1б (в восточном углу за пределами ящика) на боку лежал кухонный горшок III типа с налепным расчлененным валиком (не сохранился).

Парное погребение № 2 (взрослый и ребенок) зафиксировано в 1,5 *м* к юго-западу от основного погребения № 1. Погребение № 2 было совершено на уровне древнего горизонта (глубине 0,25-0,3 *м*). Погребение было разрушено

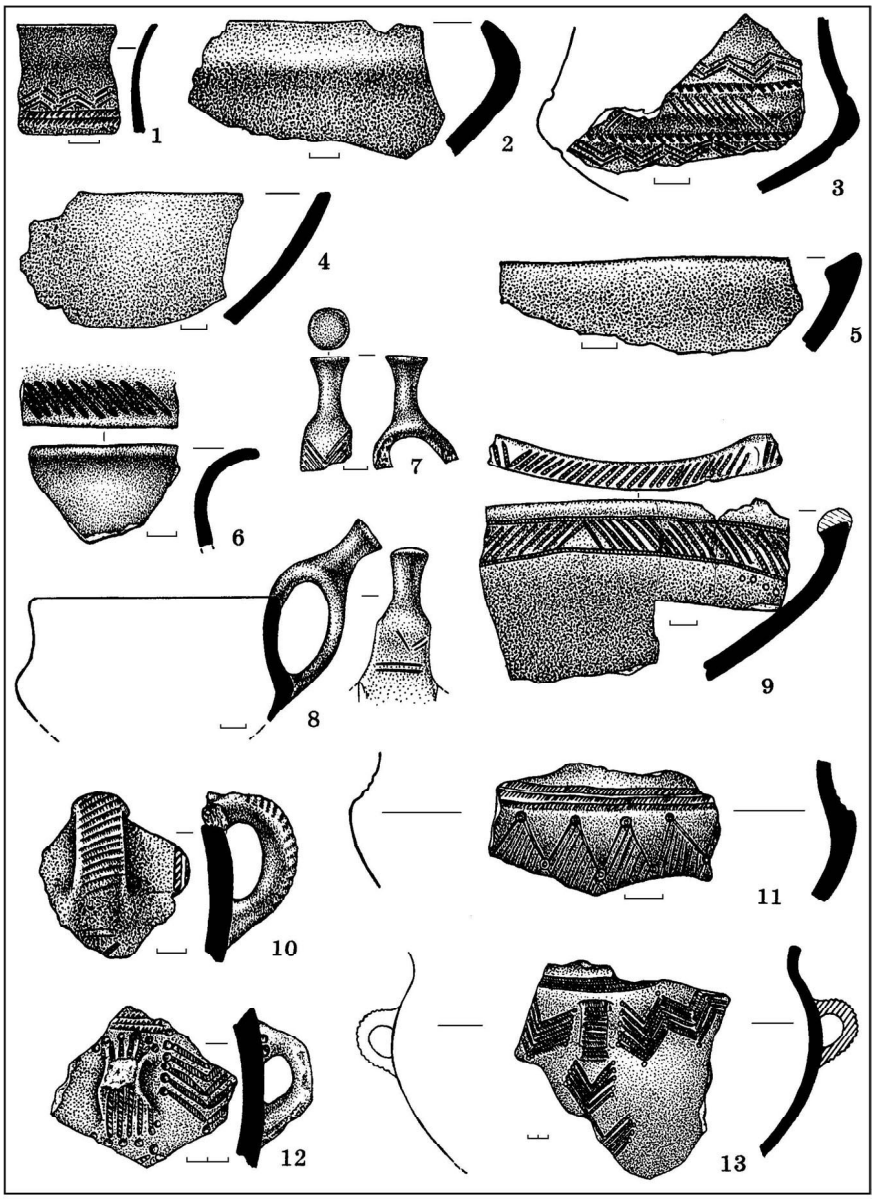


Рис. LVI. Керамика городища Покреака-Четэцуе варианта Козия культуры Козия-Сахарна (по Iconoti C., 1996).

земляными работами.

Погребальный инвентарь.

В погребении было обнаружено несколько сосудов (не сохранились) и глиняное пряслице округлой формы, биусеченно коническое в сечении, с намеченными основаниями. Размеры: высота 2,8 *см,* диаметры оснований 1 и 1,3 *см,* диаметр 2,8 *см,* диаметр отверстия 0,5 *см* (рис. LXI: 9).

Курган VII был насыпан над основным погребением № 1 (в каменном ящике). Для впускного захоронения № 2, возможно, была сделана земляная досыпка. Не исключено, что погребения №№ 1 и 2 были совершены одновременно.

Курган VIII. Находился в 20 *м* к юго-западу от кургана I и 50 *м* к юго-востоку от кургана VII. Насыпь кургана каменно-земляная, без кромлеха.

Насыпь состояла из чернозема и каменного панциря (настила). Панцирь неправильной овальной формы, ориентирован в направлении запад-восток, состоял из мелких и средних известняковых камней.

Основное парное погребение было совершено на уровне древнего горизонта (глубине до 0,5 *м*) в центре кургана. Вокруг погребения прослежена каменная ограда в виде обкладки его известняковыми камнями небольших размеров.

В погребении скелеты находились в анатомическом порядке, что свидетельствует об одновременном захоронении обоих умерших. Погребенные были положены скорченно, на правом (мужчина) или левом (женщина) боках, головами на восток, лицевыми частями повернуты друг к другу. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевым частям. Ноги средне согнуты (почти под прямым углом) в коленях (табл. III: 3). Два позвонка правого (мужского) скелета были сросшимися, на остальных имелись наросты (рис. LXI: 5).

На правом (мужском) скелете лежали 2 зуба овцы и 2 резца лошади.

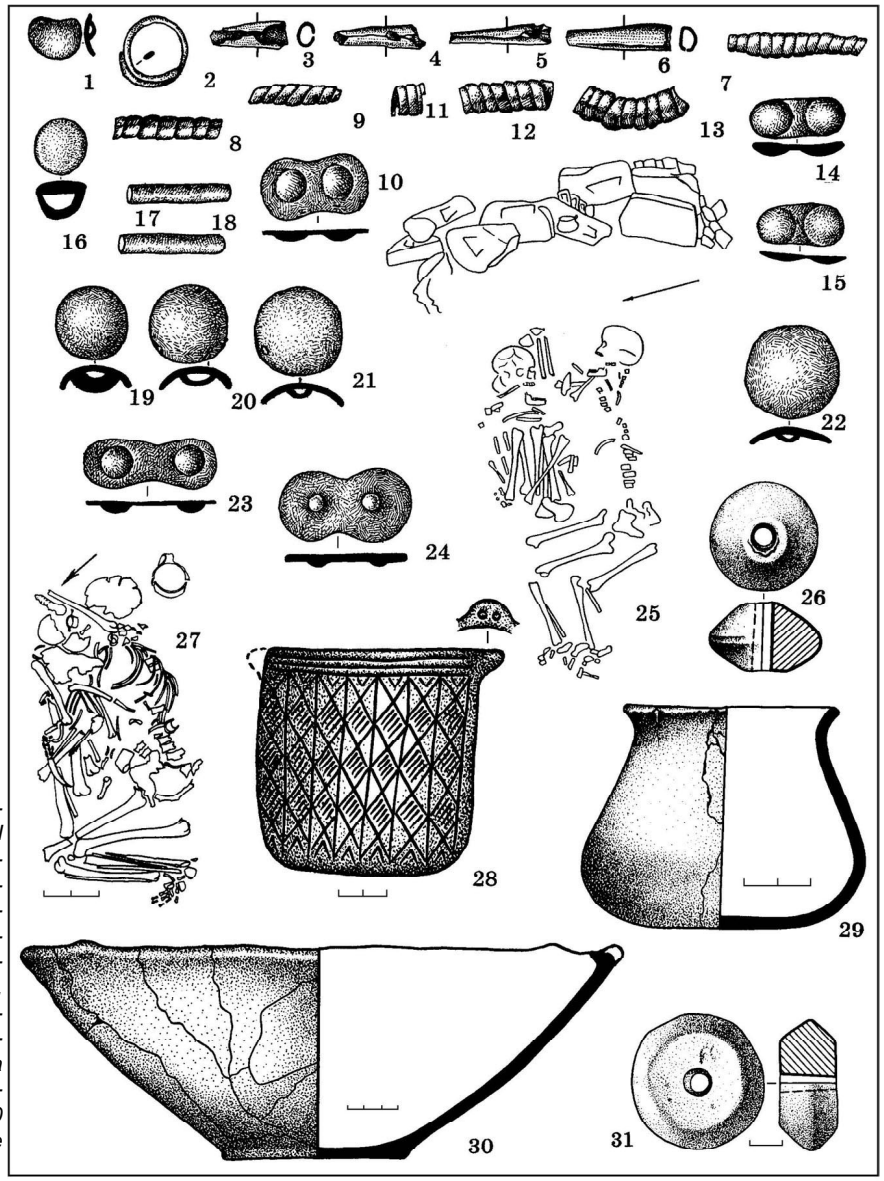


Рис. LVII. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 8-10, 14-24, 31 — погребения курганов XI, XIII-XVII; 2-7, 11-13, 25, 29 — погребение кургана I; 26 — погребение XIX; 27, 28, 30 — погребение кургана II.

Погребальный инвентарь.

В 0,85 *м* к востоку от черепов скелетов находились большая миска II типа, еще одна миска II типа и кухонный сосуд баночной формы (не сохранились).

В ногах погребенных (на костях голени женского скелета) лежал железный нож (описан) (рис. LXI: 11).

В ногах погребенных, в 0,15 *м* к западу, стояла небольшая мисочка II типа (описана) (рис. LXI: 8).

Курган IX. Находился в 70 *м* к югу от кургана VI. Насыпь кургана земляная, состояла из чернозема.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике, который находился в центре кургана. Ящик был установлен на уровне древнего горизонта, для него в суглинке были сделаны канавки, глубиной 0,3-0,4 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении запад-восток, внешние размеры его 1,7x1,04 *м* и внутренние — 1,5x0,84 *м.* Ящик был сложен из 7 известняковых плит: с восточной стороны находилась одна плита, с трех остальных сторон — по две, крышка отсутствовала (рис. LXI: 6; табл. IV: 2).

Погребенная (женщина-?) была положена скорченно, на левом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевой части. Ноги согнуты в коленях: левая — средне согнута (почти под прямым углом), правая — сильно согнута (под острым углом).

Погребальный инвентарь.

В 0,45 *м* к югу от черепа, возле южной стенки ящика, стоял небольшой горшок I типа с 4 симметрично расположенными подтреугольными ручками-упорами. Размеры: высота 9 *см,* диаметр венчика 9,6 *см,* диаметр дна 7 *см* (рис. LXI: 13).

С восточной стороны горшка, ближе к юго-восточному углу, стоял неорнаментированный кубок (не сохранился).

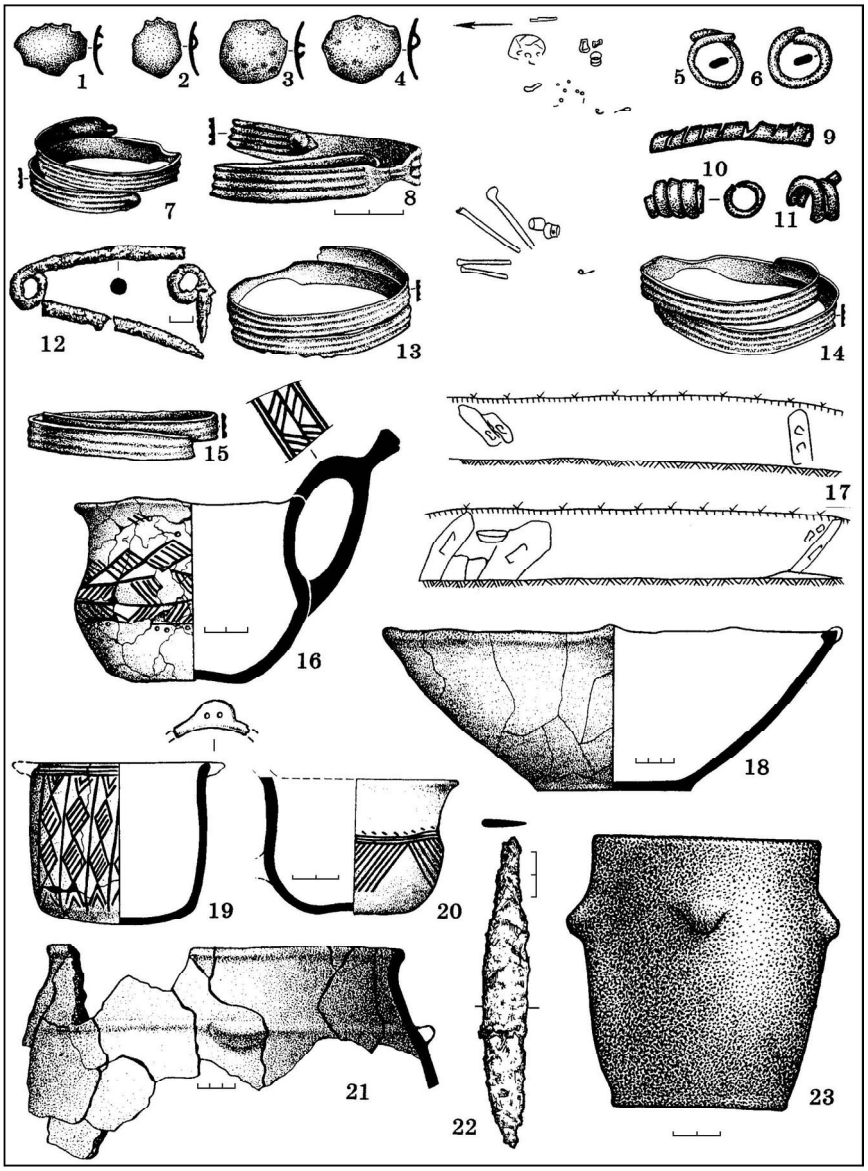


Рис. LVIII. Сахарнянский могильник I (Цыгэлэу) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-23 — погребение кургана III.

Курган X. Находился в 30 *м* к югу от кургана VIII. Насыпь кургана земляная, состояла из чернозема.

Основное погребение (трупосожжение) было совершено в каменном ящике, который находился в центре кургана. Ящик был установлен на уровне древнего горизонта, для плит в суглинке были сделаны канавки, глубиной до 0,3 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток (углами по сторонам света), размерами 2,05х0,63 *м* (внутренние — 1х0,55 *м*). Ящик был сложен из 4 известняковых плит, поставленных вертикально (рис. LXI: 7; табл. IV: 1).

Трупосожжение зафиксировано в северном углу ящика, на глубине 0,4 *м* от верхнего края северной плиты. Трупосожжение представляло собой компактное скопление мелких кальцинированных костей, золы и угольков. Отсутствие следов огня в заполнении ящика свидетельствует, что трупосожжение было совершено на стороне.

Погребальный инвентарь.

Отсутствовал.

Курган XI. Насыпь кургана земляная, высотой до 0,5 *м,* состояла из чернозема.

Основное парное погребение было совершено на уровне древнего горизонта в центре кургана. Скелеты ориентированы черепами на восток, лицевыми частями повернуты друг к другу. Левый скелет (женский) со «смещением», правый (мужской) находился в анатомическом порядке (табл. II: 2).

Первый было совершено женское захоронение — скорченно, на левом боку. К моменту погребения мужчины женский скелет был частично смещен.

Правый скелет (мужской) находился скорченно, на правом боку. Руки согнуты в локтях, ноги слабо согнуты (под тупым углом) в коленях

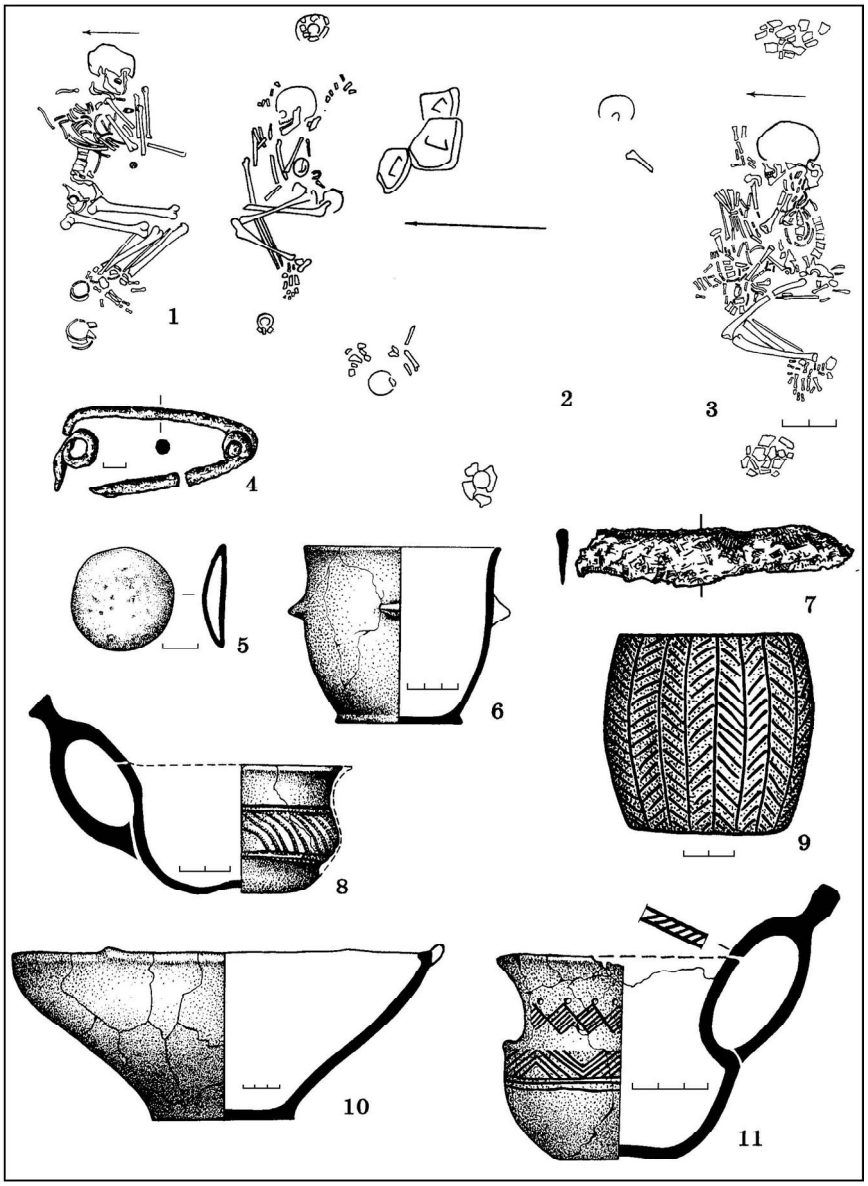


Рис. LIX. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 4-7, 10 — погребение кургана IV; 2, 3, 8, 9, 11— погребение кургана V.

(табл. II: 2).

Погребальный инвентарь.

Сведения отсутствуют.

Курган XII. Насыпь кургана земляная, высотой до 0,5 *м,* состояла из чернозема.

В насыпи кургана были обнаружены остатки тризны в виде скопления нескольких фрагментов черпаков и обломков костей животных.

Погребение отсутствовало.

Курган является кенотафом.

Курган XIII. Насыпь кургана земляная, состояла из чернозема.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике, который находился в центре кургана. Ящик был установлен на уровне древнего горизонта, для плит в суглинке были вырыты канавки, глубиной до 0,15 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении запад-восток, был сложен из 4 известняковых плит, крышка отсутствовала (табл. VI: 1).

Погребенный (мужчина-?) был положен скорченно, на правом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевой части. Ноги очень сильно (под острым углом) согнуты в коленях, пятками к тазовым костям (табл. III: 4; VI: 1).

Погребальный инвентарь.

В 0,15 *м* к западу от костей ног, в северо-западном углу ящика, стоял орнаментированный черпак с высокой ручкой, снабженной гвоздевидным выступом-упором на перегибе (не сохранился).

Курган XIV. Насыпь кургана каменно-земляная, состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря (табл. V: 1).

Основное одиночное погребение было совершено на каменной вымостке — известняковых камнях средней величины, лежавших не вплотную друг к другу. Вымостка неправильной округлой формы находилась в центре насыпи.

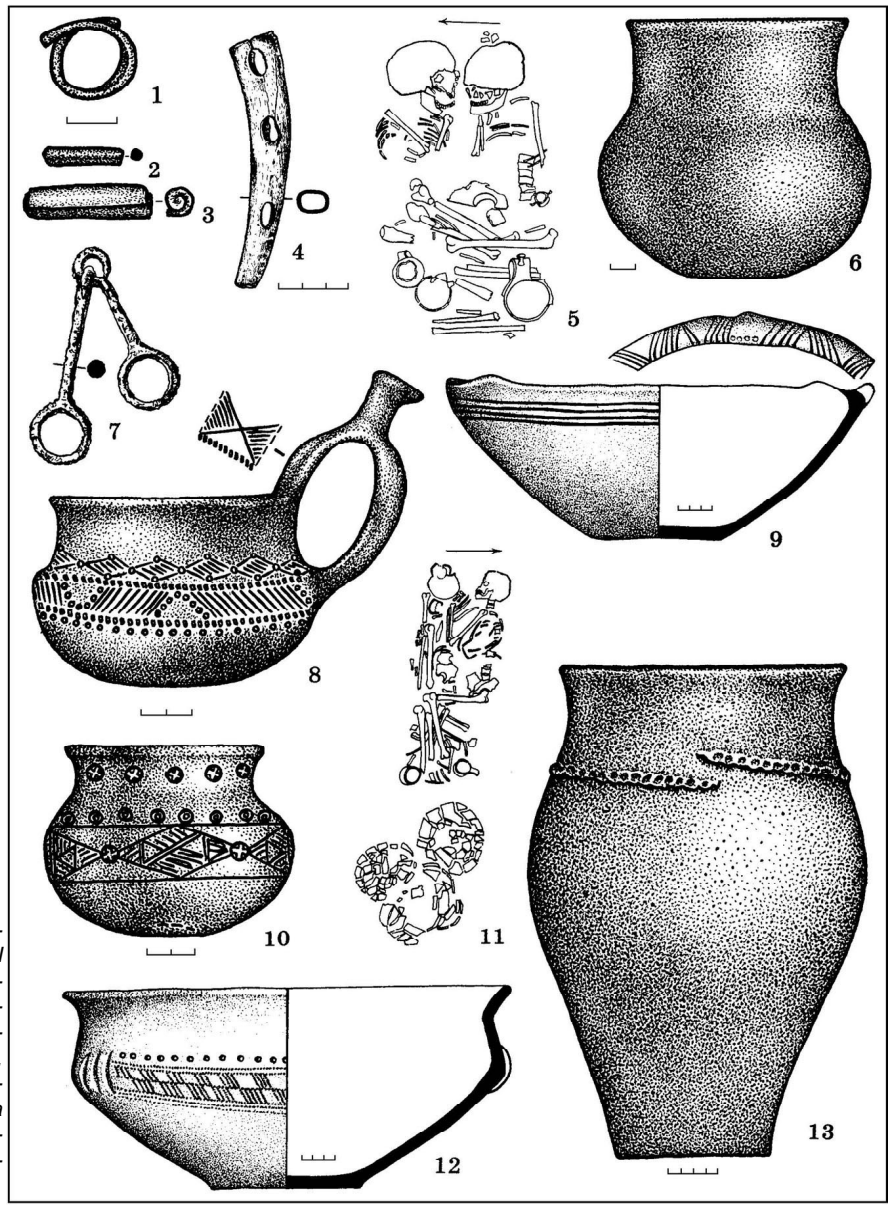


Рис. LX. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-4, 6-9, 11-13 — погребение №1 кургана VI; 5, 10 — погребение №2 кургана VI.

Погребенный (мужчина-?) был положен скорченно, на правом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, ноги — в коленях.

Погребальный инвентарь.

Сведения отсутствуют.

Курган XV. Насыпь кургана каменно-земляная, состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря.

Основное одиночное погребение находилось в центре насыпи и было совершено на каменной вымостке округлой формы — известняковых камнях средних размеров, лежавших не вплотную друг к другу.

Погребенная (женщина-?) была положена скорченно, на левом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, ноги — в коленях.

Погребальный инвентарь.

Сведения отсутствуют.

Курган XVI. Насыпь кургана каменно-земляная, состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря.

Основное одиночное погребение было совершено на каменной вымостке — известняковых плиточках небольших размеров, лежавших не вплотную друг к другу. Вымостка неправильной округлой формы находилась в центре насыпи.

Погребенная (женщина-?) была положена скорченно, на левом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, ноги — в коленях.

Погребальный инвентарь.

В ногах погребенной находились кухонный горшок и миска (не сохранились).

Курган XVII. Насыпь кургана каменно-земляная, состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря. Панцирь вытянутой овальной формы, ориентирован в направлении запад-восток (табл. VI: 3).

Основное одиночное погребение было совершено на уровне древнего горизонта, в центре насыпи. Вокруг погребения прослежена каменная оградка. Оградка прямоугольной формы состояла из известняковых плит средних размеров, которыми было обложено захоронение с северной, восточной и частично южной сторон. С западной стороны каменная оградка

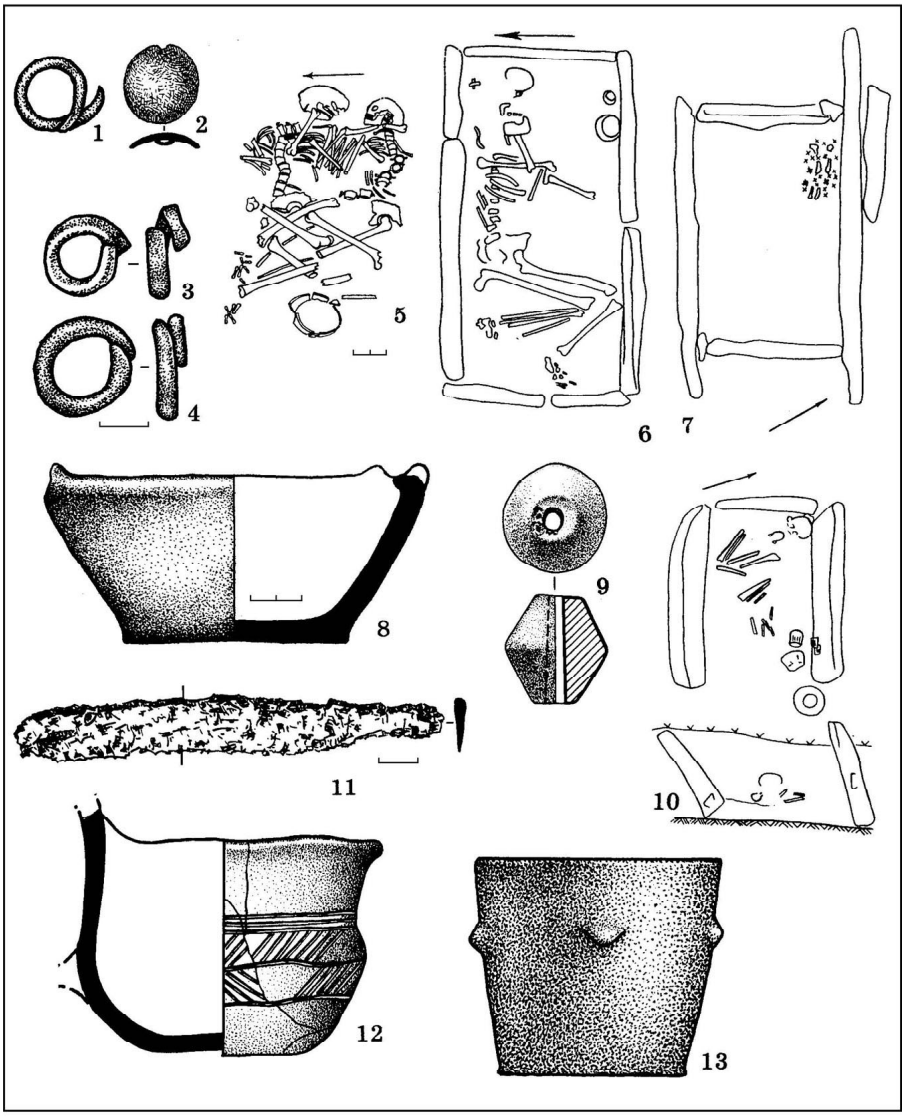


Рис. LXI. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-4, 10, 12 — погребение №1 кургана VII; 5, 8, 11 — погребение кургана VIII; 6, 13 — погребение кургана IX; 7 — погребение кургана X; 9 — погребение №2 кургана VII.

отсутствовала — там, в ногах погребенного, находились сосуды. Размеры оградки 1,5-1,7х1 *м* (табл. VI: 3).

Погребенный (мужчина-?) был положен скорченно, на правом боку, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевой части. Ноги сильно (под острым углом) согнуты в коленях, пятками к тазовым костям.

Погребальный инвентарь.

В 0,2 *м* к югу от черепа, в юго-восточном углу ограды, находился орнаментированный черпак с высокой ручкой, снабженной гвоздевидным выступом-упором на перегибе (не сохранился).

В 0,4 *м* к западу от костей ног, рядом с камнями ограды, вверх дном лежали две миски (не сохранились). Возможно, миски стояли на камнях оградки.

Курган XVIII. Насыпь кургана земляная с кромлехом из небольших известняковых камней, уложенных в три ряда. Высота насыпи до 0,7 *м.* Кромлех округлой формы, диаметром 5,5 *м.* С южной стороны кромлеха имелась перемычка шириной 0,5-0,6 *м* (табл. V: 2).

Насыпь кургана состояла из чернозема, сильно насыщенного вкраплениями мелких осколков известняковых камней. В восточной части насыпи, на глубине 0,1 *м* от современной дневной поверхности, обнаружены следы тризны в виде 2 небольших фрагментов черпака и мелких обгорелых костей животных.

Погребение отсутствовало.

Курган является кенотафом.

Погребение XIX. Погребение является грунтовым, с каменным закладом. Заклад неправильной овальной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток, был сложен из средних и мелких известняковых камней. Камни заклада полностью заполняли могильную яму и несколько возвышались над ней (табл. VII: 2).

Одиночное погребение было совершено в прямоугольной яме с округленными углами, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток. Размеры ямы 2,5х1,5 *м* при глубине

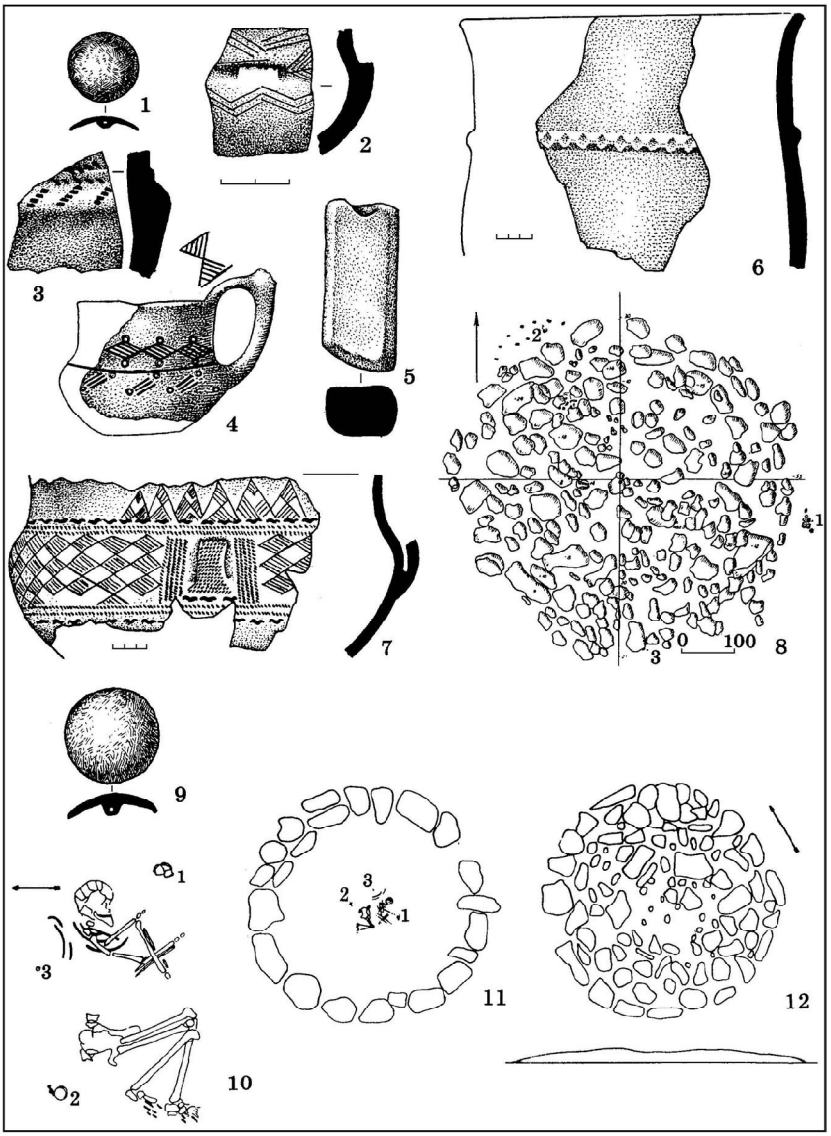


Рис. LXII. Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-8 — находки из насыпи и погребение кургана VI; 9-12 — погребение кургана I.

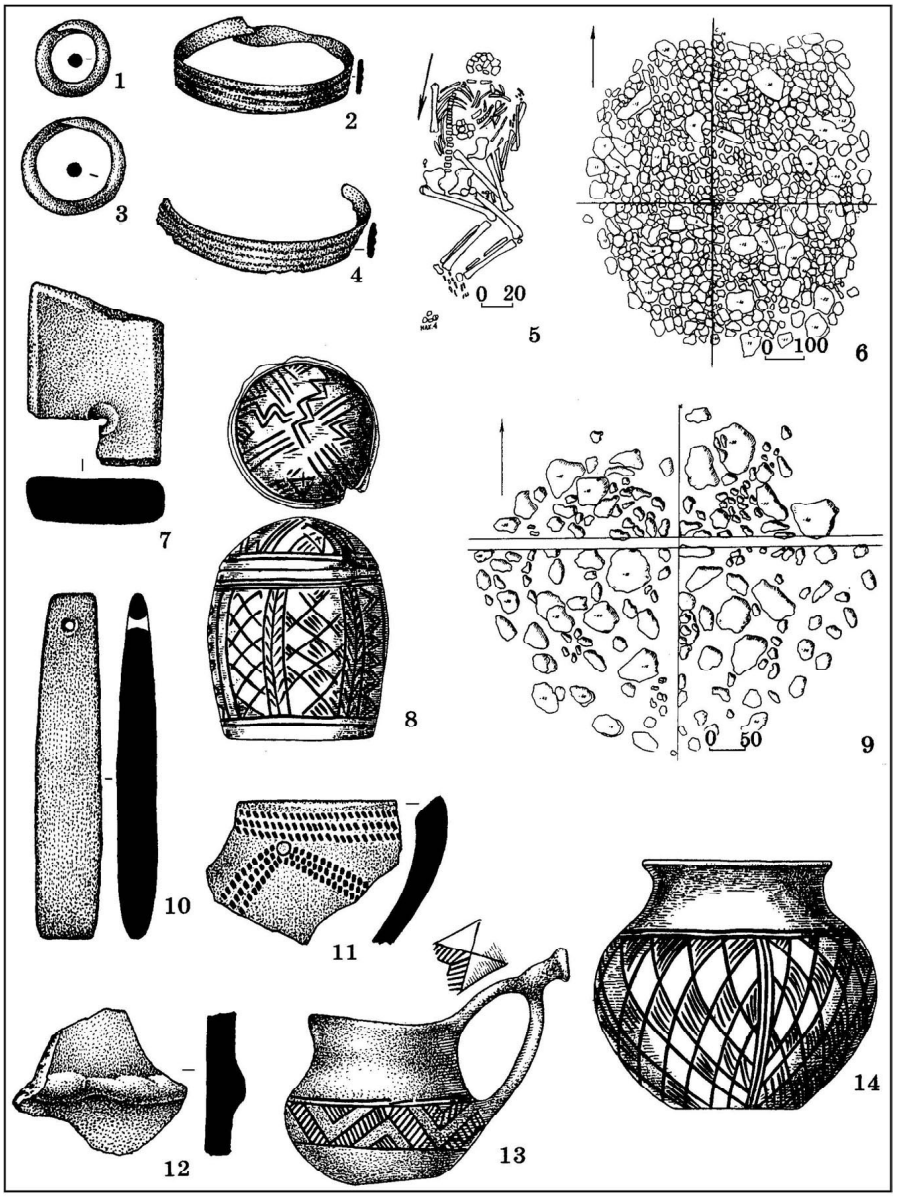


Рис. LXIII. Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-4, 8, 9, 14 — погребение кургана III; 5, 6, 10-13 — погребение кургана V; 7 — погребение 1а кургана IV.

1,25-1,3 *м.*

Погребенная (женщина?) была положена скорченно, на правом боку, головой на северо-запад. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевой части. Ноги средне (под прямым углом) согнуты в коленях (табл. VII: 2).

Погребальный инвентарь.

Возле костей рук обнаружено глиняное биусеченно-коническое пряслице с двумя намеченными основаниями. Размеры: высота 2,9 *см,* максимальный диаметр 4,9 *см,* диаметр отверстия 1,1 *см* (рис. LVII: 26).

Как было отмечено выше, имеются депаспортизированные находки, происходящие из погребений курганов XI, XIII-XVII этого могильника.

Глиняное пряслице биусеченно конической формы с двумя выраженными основаниями. Изготовлено из стенки толстостенного сосуда. Размеры: высота (толщина стенки) 1,5 *см,* диаметры оснований 3 *см,* диаметр 3,9 *см,* диаметр отверстия 0,9 *см* (рис. LVII: 31).

Три бронзовые пластинчатые пронизки в виде цилиндрических трубочек, длиной 2,6-2,9 *см* и диаметром 0,5-0,7 *см* (рис. LVII: 17, 18).

Две бронзовые спиральные пронизки в виде цилиндрических трубочек, длиной 2,5-2,9 *см* и диаметром 0,5-0,7 *см.* Изготовлены из бронзовых полосок шириной 0,3 *см* (рис. LVII: 8, 9).

Семь бронзовых бляшек-пуговиц округлой формы с петелькой на обороте. Четыре бляшки с небольшим ушком, диаметрами 1,5-2,6 *см* (рис. LVII: 1, 21, 22). Одна бляшка снабжена узким удлиненным ушком, а на другой — ушко массивное и утолщенное (рис. LVII: 19, 20). Еще одна бляшка, диаметром 1,5 *см,* имела сильно выпуклое утолщенное ушко, прикрепленное к краям (рис. LVII: 16).

Шесть бронзовых восьмерковидных бляшек. Четыре бляшки имели слабо или сильно выраженное сужение (перехват) посередине. По

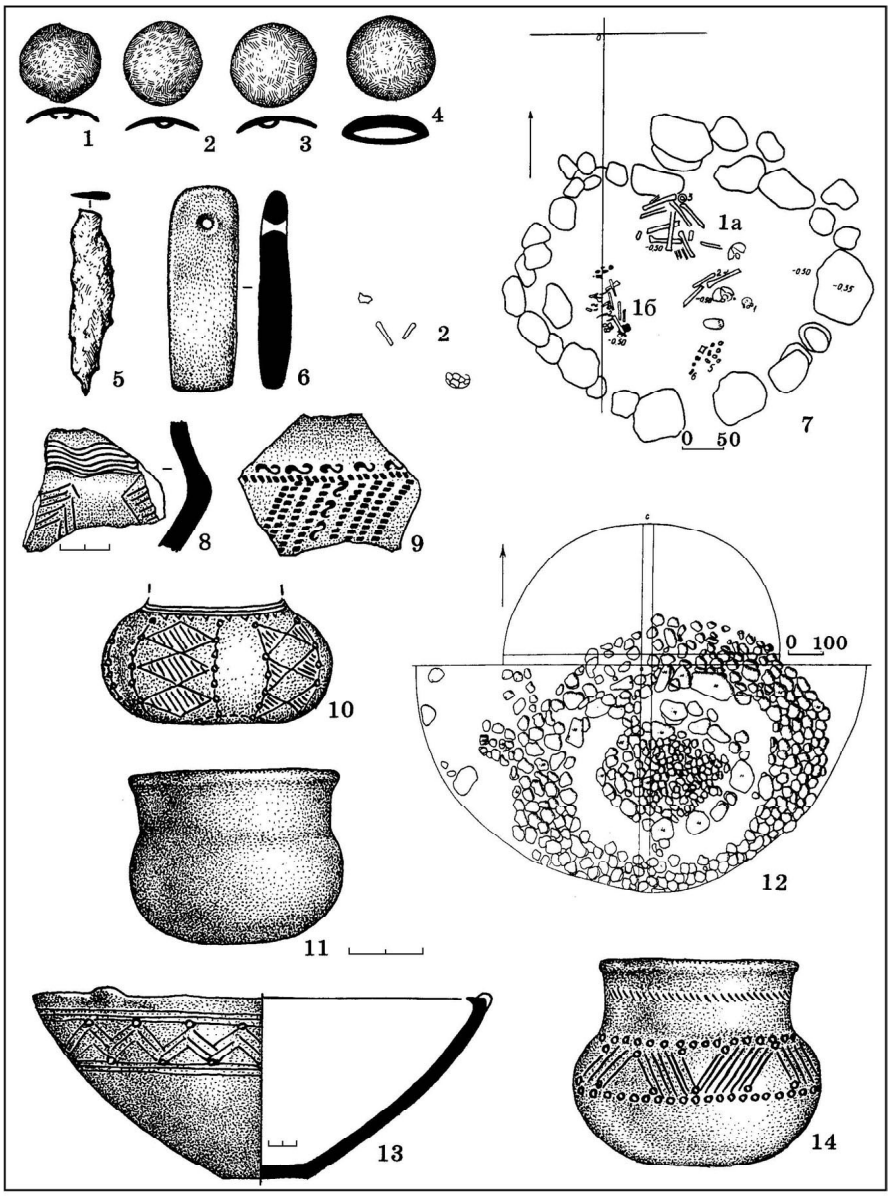


Рис. LXIV. Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака) варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Находки из насыпи (1, 8, 9, 13) и погребений 1 (2, 3, 6), 1а (4, 5, 10, 14) и 1б (11) кургана IV.

внешней стороне они снабжены парными округлыми выпуклостями, диаметрами 0,7-1,2 *см,* находящимися в 0,8-1 *см* друг от друга. Размеры: длина 2,8-3,6 *см,* ширина 1-1,8 *см* (рис. LVII: 10, 23, 24). Две бляшки овальной формы без перехвата посередине, снабжены парными выпуклостями, диаметрами 1-1,2 *см,* которые расположены на противоположных концах изделий. Размеры: длина 2,4-2,6 *см,* ширина 1 *см* (рис. LVII: 14, 15).

* * *

Сахарнянский могильник I (Цыглэу) является курганно-грунтовым: в нем было раскопано 18 курганных захоронений (в том числе, одно трупосожжение) — 94,7% и одно грунтовое — 5,3%. В могильнике также отмечен биритуализм обряда: ингумация (18 погребений) — 94,7% и кремация (1 погребение) — 5,3%.

В могильнике Сахарна-Цыглэу зафиксированы все три подтипа курганных погребений культуры Козия-Сахарна: подтип 1 (курганы I-VI, XVII и п.2 к.VII), подтип 2 (курганы XIV-XVI) и подтип 3 (п.1 к.VII, а также курганы IX и XIII). Среди погребений подтипа 1 этого могильника отмечу четыре захоронения (п.1 к.VI; курганы IV, VIII и XVII), в которых прослежены каменные оградки вокруг скелетов (28,6%).

По погребальному обряду и инвентарю наиболее близкие аналогии могильник Сахарна-Цыглэу имеет с могильником Сахарна-Гура Хлубоака. С другой стороны, обнаруженные в этом могильнике погребения подтипа 3 (в каменных ящиках) аналогичны захоронениям могильников Алчедар и Климэуций Жос, для которых в качестве погребальных сооружений характерны исключительно каменные ящики.

Анализ всех сохранившихся материалов Сахарнянского могильника I (Цыглэу) подтвер-

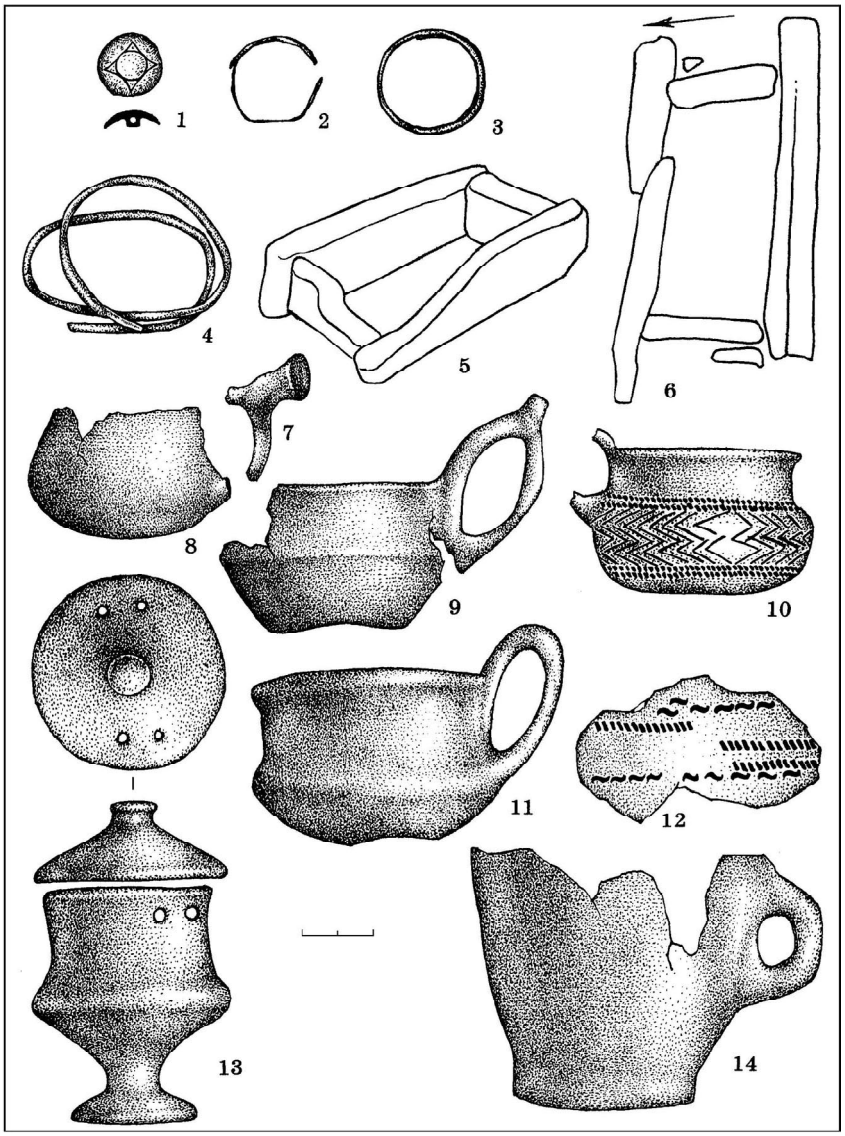


Рис. LXV. Могильник Алчедар варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 4, 5, 9 —погребение кургана II; 2, 6, 11, 13 — погребение ящика VI; 3 — погребение ящика V; 7, 8, 14 — погребение кургана VII; 10 — погребение ящика III; 12 — погребение кургана I.

ждает предложенную нами датировку этого памятника в пределах конца X — начала VIII вв. до н.э. (Кашуба, Гольцева 1991: 208).

2.2. Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака) — в 3 *км* к югу от с.Сахарна Резинского района Республики Молдова (рис. XLIII: 62).

Могильник Сахарна-Гура Хлубоака, как и большинство памятников группы Сахарна этой микрозоны, был открыт в 1946 г. разведками археологической экспедиции под руководством Г.Д.Смирнова (Смирнов 1949: 195; он же 1955: 117). В 1950 г. Г.Д.Смирновым в составе объединенной археологической экспедиции были раскопаны два кургана, в которых выявлены два погребения (Смирнов 1955: 117-119). Раскопки могильника были продолжены в 1953 г., когда скифским отрядом Молдавской археологической экспедиции под руководством А.И.Мелюковой были исследованы еще четыре кургана, в которых выявлено пять погребений (Мелюкова 1955: 58-63; она же 1958: 84-87). Таким образом, всего было раскопано шесть курганов, в которых исследовано семь погребений.

Уточненное описание погребений этого могильника дается на основе полевого дневника 1950 г. Г.Д.Смирнова (Смирнов 1950), а также полевого отчета 1953 г. А.И.Мелюковой (Мелюкова 1954а: 114-126, табл. I-XXVIII). Нумерация курганов раскопок 1950 г. и 1953 г. дается сквозная — с I по VI (рис. LXII-LXIV).

Курган I *(I по Г.Д.Смирнову).* Расположен в 300 *м* к юго-западу от городища Гура Хлубоака. Насыпь кургана каменно-земляная с кромлехом из 23 крупных известняковых плит, поставленных на ребро с наклоном во внешнюю сторону. Высота насыпи 0,2-0,3 *м,* диаметр кромлеха 4 *м.* С восточной стороны кромлеха имелась перемычка шириной до 0,3 *м* (рис. LXII: 11, 12).

Насыпь состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря (настила), расположенного внутри кромлеха. Панцирь округлой формы, состоял из мелких и средних известняковых камней, уложенных в централь-

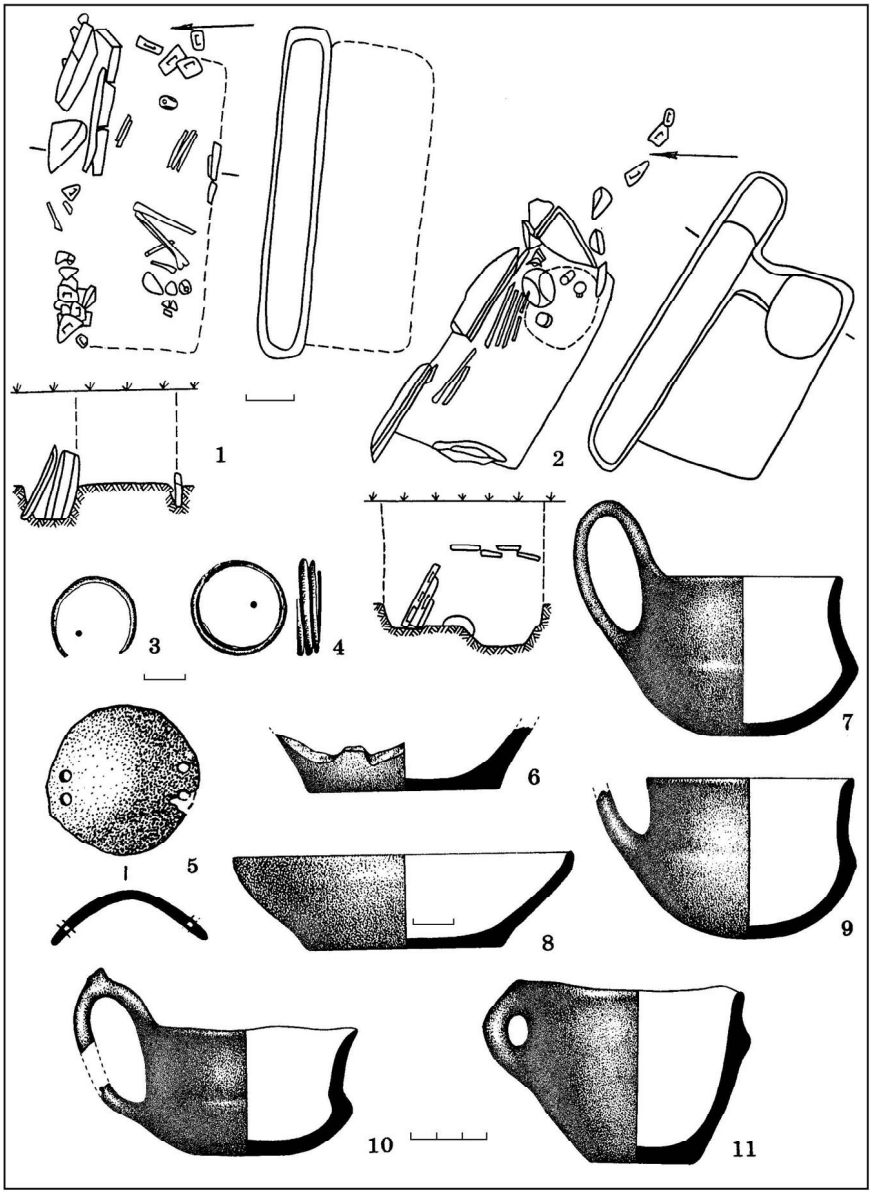


Рис. LXVI. Могильник Алчедар варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1, 3, 4, 6-9 — погребение ящика VIII; 2, 5, 10, 11 — погребение ящика IX.

ной части в три слоя.

Основное одиночное погребение было совершено в округлой яме, ограниченной кромлехом. Яма в разрезе чашеобразная, глубиной до 0,4 *м* (рис. LXII: 11).

Погребение находилось в центральной части ямы. Погребенный (мужчина) был положен скорченно, на левом боку, головой на юго-восток-восток. Руки слабо согнуты в локтях, слегка вытянуты вперед и раскинуты. Ноги сильно (под острым углом) согнуты в коленях (рис. LXII: 10, 11).

Погребальный инвентарь.

К северу от грудной клетки скелета вверх ушком лежала бронзовая округлая полусферическая пуговица, диаметром 2,6 *см.* Ушко подквадратной формы с поперечным небольшим отверстием (рис. LXII: 9).

В 0,10 *м* к юго-востоку от черепа находилась миска (рис. LXII: 10.1), украшенная штампованным геометрическим узором (не сохранилась).

В 0,15 *м* к северу от костей ступней стоял черпак (рис. LXII: 10.2) с высокой ручкой, снабженной гвоздевидным выступом-упором на перегибе, который был украшен резным геометрическим орнаментом (не сохранился).

Курган II *(II по Г.Д.Смирнову).* Расположен в 12 *м* к северу — северо-востоку от кургана I. Насыпь кургана каменно-земляная, неправильной округлой формы, диаметром около 4 *м.*

Насыпь состояла из чернозема и каменного панциря (настила), сложенного из мелких и средних известняковых камней.

Основное одиночное погребение было совершено на уровне древнего горизонта. Погребение разрушено кладоискательскими работами. От скелета сохранилась верхняя часть в разрозненном состоянии — фрагменты черепа, ключица, плечевые кости, 4 ребра и 2 позвонка. Положение погребенного не восстанавливается.

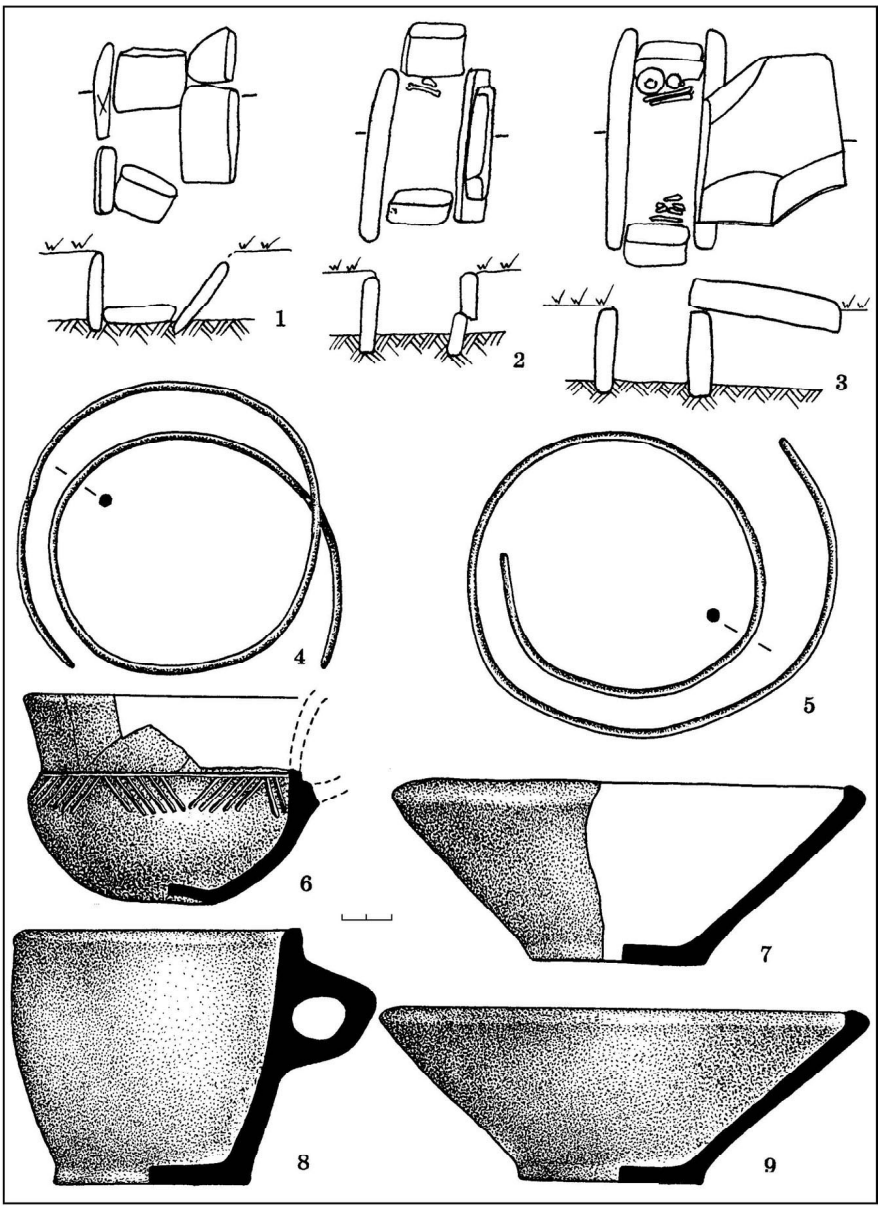


Рис. LXVII. Могильник Климэуций Жос варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1 — погребение №3; 2, 4, 5, 7 — погребение №2; 3, 6, 8, 9 — погребение №1.

Погребальный инвентарь.

Сведения отсутствуют.

Курган III *(I по А.И.Мелюковой*). Насыпь кургана каменно-земляная, высотой 0,2 *м* от современной дневной поверхности и 0,4 *м* — от уровня древней погребенной почвы. Насыпь подовальной формы, ориентированная в направлении запад-восток, диаметром 5,5х5 *м* (рис. LXIII: 9).

Насыпь состояла из небольшого количества чернозема и каменного панциря. Панцирь сложен из известняковых камней разной величины — от 15х10 *см* до 80х70 *см,* которые были уложены прямо на древний горизонт. Толщина каменного панциря в центре составила 0,4 *м,* по краям — 0,1-0,15 *м* (рис LXIII: 9).

В различных частях насыпи кургана, среди камней панциря, обнаружены остатки тризны в виде скоплений мелких фрагментов столовых сосудов.

В северной части кургана, на уровне древнего горизонта (глубине 0,58 *м*), была обнаружена челюсть человека.

Основное парное погребение было совершено на уровне древнего горизонта (глубине 0,5-0,6 *м*) в центральной части насыпи. Скелеты ориентированы черепами на юг. Левый скелет (женский) со «смещением», правый (мужской) — в анатомическом порядке (Мелюкова 1955: 59, рис.8).

Первым было совершено женское захоронение. Погребенная была положена скорченно, на левом боку. К моменту погребения мужчины женский скелет был сильно сдвинут так, что кости оказались в скоплении перед грудной клеткой второго погребенного. Кости женского скелета частично находились на костях правой руки мужского скелета.

Правый (мужской) скелет находился скорченно, на правом боку. Левая рука согнута в локте

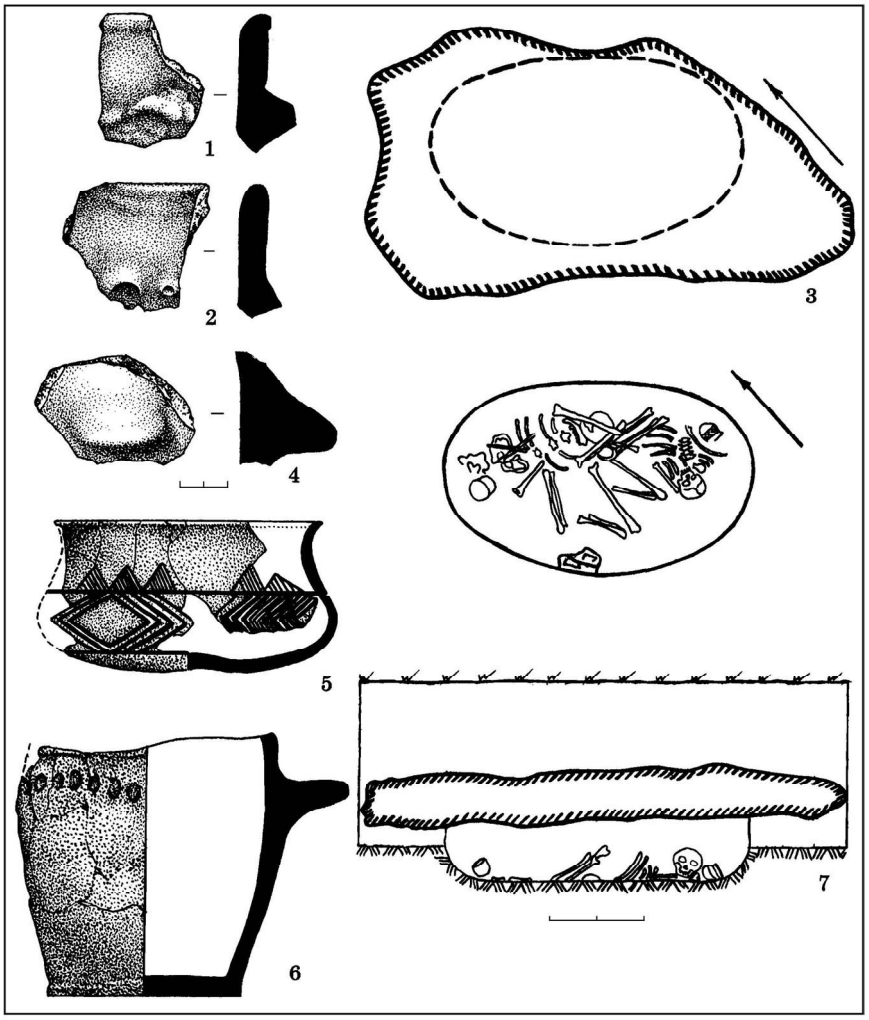


Рис. LXVIII. Могильник Пояна варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-7 — погребение №1.

под прямым углом так, что локтевая и лучевая кости лежали у тазовых костей. Правая рука согнута в локте, кистью к лицевой части. Ноги сильно (под углом в 30 гр.) согнуты в коленях.

Погребальный инвентарь.

Возле черепов скелетов находились 2 бронзовых височных кольца (с правой и левой сторон черепа мужского скелета), а также целый и фрагментированный бронзовые пластинчатые браслеты. Височные кольца с приостренными заходящими друг за друга концами изготовлены из округлой в сечении проволоки, диметром 0,35 *см.* Диаметры колец 2 и 2,6 *см* (рис. LXIII: 1, 3). Пластинчатые браслеты с продольным рифлением и едва заходящими друг за друга концами. Диаметры браслетов 5 и 5,5 *см,* ширина 0,6-0,7 *см* (рис. LXIII: 2, 4).

Среди ребер мужского скелета были найдены три обломка железной фибулы, среди которых — петелька. Фибула была изготовлена из четырехгранной в сечении проволоки.

К юго-востоку от черепов скелетов, в изголовье, стоял кубок I типа варианта Б. Тулово кубка целиком покрыто резным геометрическим узором из вертикальных косых заштрихованных ромбов, разделенных тройными линиями на 4 сектора. Размеры: высота 10 *см,* диаметр венчика 7,7 *см,* диаметр тулова 11 *см,* диаметр дна 5 *см* (рис. LXIII: 14).

Среди костей женского скелета была обнаружена сильно фрагментированная пиксидка с крышечкой. Пиксидка стаканообразной формы с невыделенным венчиком, выпуклыми боками и плоским дном. Сосуд украшен резным узором в виде вертикальных ромбов, елочки и вертикальной двойной ломаной линии. Узор разделен на 12 вертикальных секторов разной ширины, сверху ограничен тройной линией, снизу — двойной. Крышечка округлой формы, полусферическая, украшена резным узором, который разделен тройными линиями на 4 сектора. Сектора заполнены вертикальными и горизонтальными двойными ломаными линиями или заштрихованными треугольниками и по периметру ограничены двойной окружностью. Размеры: высота 7 *см,* высота с крышечкой 9 *см,* диаметр венчика 6,5 *см,* диаметр тулова 7,3 *см,* диаметр дна 6 *см,* диаметр крышечки 6,2-6,5 *см* (рис. LXIII: 8).

Курган IV *(II по А.И.Мелюковой*). Находился в 60 *м* к юго-востоку от кургана III. Насыпь кургана каменно-земляная, высотой до 0,27 *м* от

современной дневной поверхности. Насыпь подовальной формы, ориентирована в направлении запад-восток. В насыпи зафиксированы 2 кромлеха: внутренний кромлех (с панцирем-закладом) имел диаметр 5х4 *м;* наружный составил 9 *м* (рис. LXIV: 7, 12).

Насыпь состояла из незначительного количества чернозема, двух каменных кромлехов и каменного панциря (заклада). Внутренний кромлех был сделан из крупных известняковых камней, с юга имелась перемычка в 0,38-0,4 *м.* Внутри этого кромлеха из небольших известняковых камней был сделан панцирь (заклад) толщиной до 0,2 *м.* Наружный кромлех был сделан из мелких и средних известняковых камней, лежавших в один слой в 3-5 рядов. Ширина наружного кромлеха составила 1,75 *м.* В северной и южной частях кургана наружный и внутренний кромлехи практически сливались, в западной и восточной — расстояние между ними составило 0,5-0,75 *м* (рис. LXIV: 12).

В различных частях насыпи кургана, среди камней кромлехов, обнаружены остатки тризны (или нескольких тризн) в виде скоплений фрагментов столовых сосудов и костей животных. Среди сосудов — фрагменты черпаков, украшенных резным и штампованным геометрическим узором (рис. LXIV: 8, 9), а также миска II типа с 4 симметрично расположенными одинарными горизонтальными выступами (среди которых — одна горизонтальная ручка) и полосой резного и штампованного геометрического узора. Полоса с двух сторон ограничена тройной линией, заполнена тройной ломаной линией, в вершинах которой имеются одинарные кольчатые штампы. По краю миски имеются насечки. Размеры: высота 14,5 *см,* диаметр края 36 *см,* диаметр дна 7 *см* (рис. LXIV: 13).

В кургане обнаружены 2 погребения.

Основное коллективное погребение № 1 (№№ 1а и 1б) зафиксировано во внутреннем кромлехе, под каменным панцирем. Погребение совершено на уровне древнего горизонта (глубине 0,5-0,55 *м*). В разных частях внутреннего кромлеха обнаружены 3 скелета (погребения №№ 1а и 1б) (рис. LXIV: 7. 1а, 1б).

Парное погребение № 1а зафиксировано в центральной и северной частях внутреннего кромлеха. Оба скелета с частичным «смещением», в анатомическом порядке сохранились их нижние части и, возможно, руки (рис. LXIV: 7. 1а).

Погребенные были положены скорченно, на правом или левом боках, головами на юго-восток. Руки согнуты в локтях, ноги сильно (под острым углом) согнуты в коленях (рис. LXIV: 7. 1а).

Одиночное погребение № 1б зафиксировано в юго-западной части внутреннего кромлеха. Часть скелета смещена. Возможно, погребенный был положен скорченно, головой на юго-восток. Верхняя часть скелета со следами воздействия огня — череп, ключицы, ребра и плечевые кости были сильно кальцинированы, остальные кости не имеют следов сожжения. Видимо, частичное сожжение покойника было произведено на месте захоронения (рис. LXIV: 7. 1б).

Погребальный инвентарь.

С юго-запада от черепов скелетов погребения № 1а стоял черпак I типа варианта В, украшенный резным и штампованным геометрическим узором (черпак частично поврежден). Тулово сосуда разделено на 4 нешироких сектора, между которыми имеются неорнаментированные участки. Сектора заполнены вертикальными заштрихованными или гладкими ромбами и заштрихованными треугольниками. На вертикальных линиях имеются оттиски одинарного кольчатого штампа. Размеры: сохранившаяся высота 4,8 *см,* диаметр тулова 9,2 *см,* умбон 3,5 *см* (рис. LXIV: 10).

У коленных суставов скелетов погребения № 1а стоял кубок I типа, украшенный резным и штампованным геометрическим узором. По шейке, под венчиком, полоска косых нарезок, по тулову — пучки косых параллельных линий, чередующихся под углом друг к другу. Полоска узора на тулове с двух сторон ограничена линиями кольчатого штампа. Размеры: высота 8 *см,* диаметр венчика 8 *см,* диаметр тулова 10 *см* (рис. LXIV: 14).

Вблизи костей скелетов погребения № 1а были обнаружены обломок каменного оселка, железный нож и бронзовая бляшка-пуговица. Обломок оселка прямоугольной формы с поперечным отверстием для подвешивания. Оселок в сечении прямоугольный. Сохранившиеся размеры 5х3,6 *см,* толщина 1,1 *см,* диаметр отверстия 0,3-0,8 *см* (рис. LXIII: 7). Железный однолезвийный ножичек с горбатой спинкой и едва выделенным черенком. Размеры: длина 5,4 *см,* длина черенка 0,9 *см,* ширина лезвия 1,1 *см* (рис. LXIV: 5). Бронзовая бляшка-пуговица округлой формы с удлиненным ушком шириной 0,5 *см,* которое прикреплено к краям. Диаметр пуговицы 2,4 *см* (рис .LXIV: 4).

Среди костей скелета погребения № 1б были найдены кубок, фрагмент миски II типа с рельефными косыми каннелюрами, фрагмент черпака, глиняное биконическое пряслице и зуб крупного рогатого скота. Из всех предметов сохранился только кубок — I типа, не орнаментирован. Размеры: высота 7 *см,* диаметр венчика 8,5 *см,* диаметр тулова 8,8-9 *см* (рис. LXIV: 11).

К югу от черепов скелетов погребения № 1а и юго-востоку от скелета погребения № 1б, с северной стороны южной перемычки внутреннего кромлеха, находились фрагментированный черпак (не сохранился), обломок глиняного биконического пряслица (не сохранился), каменный оселок и 2 бронзовые бляшки-пуговицы. Каменный оселок прямоугольной формы с округленными углами, снабжен поперечным отверстием для подвешивания. В сечении прямоугольный. Размеры 9,3х2,7 *см,* толщина 1 *см,* диаметр отверстия 0,5-0,8 *см* (рис. LXIV: 6).

Бляшки-пуговицы округлой формы с маленьким проволочным ушком на обороте. Диаметры бляшек 2,1-2,2 *см* (рис. LXIV: 2, 3).

Одиночное погребение № 2 зафиксировано в юго-западной части кургана, между внутренним и наружным кромлехами, совершено на уровне древнего горизонта (рис. LXIV: 7.2).

Погребение частично разрушено. Скелет лежал скорченно, на левом боку, черепом на юго-восток. Ноги средне согнуты в коленях (рис. LXIV: 7.2).

Погребальный инвентарь.

Отсутствовал.

В юго-восточной части насыпи кургана, между внутренним и наружным кромлехами, на уровне древнего горизонта (глубина 0,5 *м*) была обнаружена бронзовая бляшка-пуговица. Бляшка округлой формы с маленьким проволочным ушком на обороте. Диаметр бляшки 1,8 *см* (рис. LXIV: 1).

Курган IV был сооружен в два приема. Первоначально курган с кромлехом и каменным панцирем, диаметром 5х4 *м,* был возведен над основным коллективным погребением № 1. Анализ этого погребения показывает, что захоронения в нем произведены не одновременно — первым было совершено парное погребение № 1а, позднее — погребение № 1б. Наружный кромлех и, возможно, земляная досыпка были сооружены для впускного погребения № 2. Таким образом, окончательная насыпь кургана составила 9 *м.*

Курган V *(III по А.И.Мелюковой*). Расположен в 22 *м* к югу от кургана IV. Насыпь кургана каменно-земляная, высотой до 0,35 *м.* Насыпь подовальной формы, ориентирована в направлении север-юг, диаметром 8х7 *м* (рис. LXIII: 6).

Насыпь состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря. Панцирь сложен из известняковых камней разной величины, среди которых преобладали камни, размерами от 10х20 *см* до 20х30 *см.* В составе каменного панциря имелись плиты неправильных очертаний, размерами 100х50-70 *см* (рис. LXIII: 6).

В северо-западной и юго-восточной частях от насыпи кургана, в непосредственной близости от нее, зафиксированы остатки тризны (или нескольких тризн) в виде скоплений фрагментов кухонных и столовых сосудов. В северо-западной части рядом с каменным панцирем, в слое древнего чернозема (глубине 0,4 *м*), найдены фрагменты трех различных мисок, черпака и кубка. В юго-восточной части рядом с каменным панцирем, на глубине 0,5-0,6 *м,* обнаружены фрагменты стенок большого кухонного горшка и фрагменты двух различных мисок (рис. LXIII: 11, 12).

Основное парное погребение было совершено на уровне древнего горизонта (глубине 0,4 *м*) в центральной части насыпи. Левый скелет (женский) находился в анатомическом порядке, правый (мужской) — со «смещением» (рис. LXIII: 5).

Первым было совершено мужское захоронение. К моменту погребения женщины мужской скелет был сдвинут так, что кости оказались в компактном скоплении перед грудной клеткой второго погребенного (рис. LXIII: 5).

Левый (женский) скелет находился скорченно, на левом боку, черепом на юг — юго-восток. Руки были согнуты в локтях, ноги средне (под углом 80°) согнуты в коленях (рис. LXIII: 5).

К юго-востоку от черепа женского скелета найден зуб мелкого рогатого скота.

Погребальный инвентарь.

К западу от тазовых костей женского скелета, возле левой бедренной кости, лежал каменный оселок. Оселок удлиненной прямоугольной формы с округленными углами, снабжен отверстием для подвешивания. В сечении прямоугольный. Размеры 13,7х1,8-2,6 *см,* толщина 1-1,5 *см,* диаметр отверстия 0,2-0,4 *см* (рис. LXIII: 10).

В 0,2 *м* к северо-востоку от костей ступней женского скелета находился черпак I типа с высокой ручкой, снабженной на перегибе гвоздевидным выступом-упором. По тулову черпака имеется полоска резного геометрического узора, заполненная вписанными углами (из заштрихованных и гладких полос) или заштрихованными треугольниками. Полоса сверху ограничена двойной линией, снизу — одинарной. В месте прикрепления ручки к венчику также имеется аналогичный двойной поясок узора. Размеры: высота 7-8 *см,* диаметр венчика 6 *см,* диаметр тулова 8,7 *см,* умбон 3,5 *см* (рис. LXIII: 13).

В 0,3-0,35 *м* к северо-востоку от костей ступней левого скелета зафиксирован сильно фрагментированный кухонный толстостенный сосуд (не сохранился).

Курган VI *(IV по А.И.Мелюковой*). Находился в 18 *м* к северо-востоку от кургана V. Насыпь кургана каменно-земляная, высотой до 0,25-0,35 *м.* Насыпь округлой формы диаметром 6,4 *м* (рис. LXII: 8).

Насыпь состояла из незначительного количества чернозема и каменного панциря. Панцирь сложен из известняковых камней разной величины (рис. LXII: 8).

В северо-западной и юго-восточной частях насыпи кургана и в непосредственной близости от нее зафиксированы остатки тризны (или нескольких тризн) в виде скоплений фрагментов кухонных и столовых сосудов. В северо-западной части насыпи, среди камней панциря, обнаружено скопление фрагментов большого кухонного горшка. В той же северо-западной части возле каменного панциря, на уровне древнего горизонта (глубине 0,5 *м*), найдены фрагменты стенок и венчика чашевидного сосуда с косыми насечками оттисков зубчатого штампа и резным узором по тулову. Фрагменты чашевидного сосуда были разбросаны на площади 1х0,25 *м* (рис. LXII: 3).

В юго-восточной части возле каменного панциря, на уровне древнего горизонта (глубине 0,5 *м*), отмечены два скопления столовых сосудов. Одно из них (южное) состояло из фрагментов черпака III типа, украшенного по плечикам и тулову тонким резным узором в виде тройных ломаных линий и горизонтальной елочки (рис. LXII: 2). Второе скопление (восточное) представляло собой фрагменты мисковидного сосуда, украшенного резным и штампованным орнаментом. Сосуд снабжен двумя широкими петлевидными симметрично расположенными ручками, покрытыми поперечными полосками оттисков зубчатого штампа. Ручки делят сосуд на два сектора, заполненных широкой полосой узора в виде вертикальных рядов (шахматка) косых заштрихованных ромбов. Полоса узора с двух сторон ограничена двойными линиями оттисков зубчатого штампа и линией W-образного штампа. По шейке, над ручками, вершинами вверх расположены по шесть треугольников, разделенных на малые заштрихованные треугольники или ромбы. Размеры: сохранившаяся высота 15 *см,* диаметр шейки 30 *см,* диаметр тулова 34 *см* (рис. LXII: 7).

Основное одиночное погребение было совершено на уровне древнего горизонта (глубине 0,4-0,5 *м*) в центральной части насыпи. Погребение потревожено, кости скелета лежали разрозненно. Судя по описанию, скелет лежал скорченно, черепом на юго-восток.

Погребальный инвентарь.

В 0,2 *м* к юго-востоку от черепа находился черпак I типа с высокой ручкой, снабженной выступом-упором на перегибе. Некоторые фрагменты сосуда отсутствуют. По шейке и тулову черпак украшен резным и штампованным узором. По шейке — полоса горизонтальных ромбов с одинарными кольчатыми штампами в вершинах; по тулову — отдельные пучки тройных косых параллельных линий в сочетании с кольчатыми штампами. Ручка в месте прикрепления к венчику украшена двумя заштрихованными треугольниками, вершины которых соединяются друг с другом. Размеры: высота 6 *см,* диаметр венчика 7,5 *см,* диаметр тулова 8 *см,* диаметр дна 4,3 *см* (рис. LXII: 4).

В 0,4 *м* к юго-востоку от черепа находились фрагментированные кухонный горшок IV типа, миска II типа (не сохранилась), а также обломок каменного оселка и бронзовая бляшка-пуговица. Тюльпановидный горшок с налепным расчлененным валиком по шейке. Размеры: сохранившаяся высота 22 *см,* диаметр венчика 28 *см,* диаметр тулова 30 *см* (рис. LXII: 6). Каменный оселок прямоугольной формы с поперечным отверстием для подвешивания (обломан). В сечении прямоугольный. Сохранившиеся размеры 4,7x2,1 *см,* толщина 1,4 *см* (рис. LXII: 5). Бронзовая бляшка-пуговица округлой формы, полусферическая, с небольшим ушком на обороте. Диаметр бляшки 2 *см* (рис. LXII: 1).

* * *

Сахарнянский могильник II (Гура Хлубоака) является курганным, в нем раскопано семь курганных погребений (I тип захоронений культуры Козия-Сахарна). В могильнике отмечен биритуализм обряда: при значительном преобладании ингумации (6 погребений — 85,7%) зафиксировано одно частичное трупосожжение — 14,3%. А.И.Мелюкова отмечала плохое качество изготовления столовой керамики, обнаруженной в погребениях могильника Сахарна-Гура Хлубоака, что свидетельствует в пользу специального производства погребальной посуды (Мелюкова 1958: 87).

Анализ всех имеющихся материалов Сахарнянского могильника II (Гура Хлубоака) показывает его частичную синхронность могильнику Сахарна-Цыглэу. Могильник Сахарна-Гура Хлубоака можно датировать второй половиной X-серединой VIII вв. до н.э. Самым ранним является основное погребение кургана III с пластинчатыми браслетами и обломками железной фибулы — второй половины-конца X в. до н.э. Самым поздним из раскопанных является погребение № 2 кургана IV, для которого был сооружен дополнительный кромлех — оно должно датироваться первой половиной VIII в. до н.э. В целом, могильник Сахарна-Гура Хлубоака функционировал в течение всего периода существования культуры Козия-Сахарна.

2.3. Могильник Алчедар — в 1,5 *км* к востоку от с.Алчедар Шолдэнештского района Республики Молдова (рис. XLII: 23).

Могильник Алчедар был открыт в 1952 г. разведками отряда Молдавской археологической экспедиции под руководством Р.Л.Розенфельдта. В том же году в восточной части обнаруженной курганной группы Р.Л.Розенфельдт раскопал четыре кургана, в которых было исследовано четыре погребения в каменных ящиках (Розенфельдт 1955: 121-124). Раскопки могильника были продолжены в 1963 г. — в 150 *м* к западу — юго-западу от исследованной курганной группы сотрудники Пруто-Днестровской археологической экспедиции А.Л.Никитин и В.И.Левин вскрыли еще два каменных ящика (три погребения) и раскопали курган с одним каменным ящиком (Никитин, Левин 1965: 75-79).

Визуальное обследование могильника Алчедар и раскопки еще двух каменных ящиков (два погребения) были произведены в 1988-89 гг. М.Т.Кашуба и Г.И.Смирновой в составе Алчедарской археологической экспедиции. Исходя из планиграфических особенностей могильников группы Сахарна было установлено, что выявленный Р.Л.Розенфельдтом могильник и отмеченные А.Л.Никитиным и В.И.Левиным курганы, расположенные цепочкой вдоль проселочной дороги Матеуць-Алчедар, составляют один мо-

гильник. На сегодняшний день отмеченные Р.Л.Розенфельдтом курганные насыпи (высотой 0,1-0,3 *м*) из-за систематической распашки (в том числе, плантажным плугом) не сохранились. Курганы вдоль верхней проселочной дороги Матеуць-Алчедар, один из которых раскопали А.Л.Никитин и В.И.Левин (с высотами насыпей 0,4-0,6 *м* при диаметре 14-25 *м*), также сильно снивелированы, многие из них на современной дневной поверхности выражены слабыми всхолмлениями (высотой до 0,1-0,3 *м*) или светлыми пятнами с кусками мелких известняковых камней.

За все годы раскопок могильника Алчедар было исследовано девять каменных ящиков, в которых выявлено десять погребений. Нумерация курганов и каменных ящиков раскопок 1952 г., 1963 г. и 1989 г. дается сквозная — с I по IX (рис. LXV; LXVI).

Курган I *(I по Р.Л.Розенфельдту).* Насыпь кургана земляная, высотой 0,2 *м* и диаметром 12 *м,* состояла из чернозема. Курган I ограблен в древности.

В разных частях насыпи, преимущественно, в центральном секторе, обнаружены остатки тризны в виде скоплений фрагментов керамики.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике, который находился в центре кургана, на глубине 0,6 *м* от современной дневной поверхности. Ящик был установлен на уровне древнего горизонта, для плит были вырыты канавки, глубиной 0,35 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении север-юг, размерами 1,4х0,7 *м* при высоте 0,5 *м.* Ящик был сложен из 4 известняковых плит, концы длинных плит выступали на 0,1-0,15 *м.* Верхние края плит были обработаны и подтесаны до ровных площадок, нижние — не обработаны. Обломки крышки зафиксированы в насыпи над ящиком и его заполнении.

Скелет разрушен грабителями. Отдельные куски черепа и костей конечностей обнаружены на материковом дне ящика и его заполнении. Возможно, скелет лежал скорченно, на боку.

Погребальный инвентарь.

Сохранились фрагменты черпака с высокой ручкой, украшенного горизонтальными полосами зубчатого и S-овидного штампа (рис. LXV: 12).

Курган II *(II по Р.Л.Розенфельдту).* Находился в 15 *м* к востоку от кургана I. Насыпь кургана земляная, высотой до 0,15 *м* и диаметром около 10 *м,* состояла из чернозема. Курган II ограблен в древности.

В центральной части насыпи, над погребением, обнаружены остатки тризны в виде фрагментированной толстостенной миски II типа (не сохранилась).

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике, который находился в центре кургана. Ящик был установлен на уровне древнего горизонта, для плит были вырыты канавки, глубиной до 0,4 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 1,4-1,9х0,7-0,75 *м* и высотой 0,6 *м.* Был сложен из 4 известняковых плит, концы длинных плит выступали на 0,1-0,2 *м.* Верхние края плит были обработаны и подтесаны до ровных площадок, нижние — не обработаны. Крышка разрушена (рис. LXV: 5).

Погребение частично нарушено грабителями. Погребенный был положен скорченно, на правом боку, головой на северо-запад.

Погребальный инвентарь.

Перед лицевой частью черепа, в северном углу ящика, находился неорнаментированный черпак III типа варианта Б с высокой ручкой, снабженной цилиндрическим выступом-упором на перегибе. Размеры: сохранившаяся высота 6,2 *см,* диаметр венчика около 9-9,5 *см,* диаметр тулова 10-11 *см* (рис. LXV: 9).

Возле костей погребенного в центральной части ящика, на дне, находились бронзовые браслет и бляшка-пуговица. Браслет в два оборота, с заходящими друг за друга концами, сделан из округлой в сечении проволоки диаметром 0,15-0,2 *см.* Диаметр браслета 5-5,5 *см* (рис. LXV: 4). Бляшка-пуговица округлой формы, полусферическая с подквадратным ушком на обороте, снабженным поперечным отверстием. Бляшка орнаментирована ромбом с вогнутыми основаниями, в который вписана окружность. Диаметр бляшки 1,4 *см* (рис. LXV: 1).

Ящик III *(курган III по Р.Л.Розенфельдту).* Находился в 20 *м* к югу от кургана II. Курганная насыпь не прослежена исследователем — возможно, вообще отсутствовала. Ящик III ограблен в древности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике. Он был установлен в прямоугольной яме, глубиной до 1 *м* от дневной поверхности.

Погребение сильно разрушено грабителями. Размеры каменного ящика, положение погребенного — не восстанавливаются.

Погребальный инвентарь.

В заполнении могильной ямы были обнаружены фрагменты двух различных мисок II типа, одна из которых по краю была снабжена симметрично расположенными горизонтальными лопастевидными выступами (не сохранилась), а также черпак I типа варианта В с обломанной ручкой. Тулово черпака покрыто широкой полосой резного и штампованного узора, заполненной вертикальными W-образными линиями (зигзагами). Полоса узора с двух сторон ограничена двойными линиями оттисков квадратно зубчатого штампа. Размеры: высота 6,4 *см,* диаметр венчика 8 *см,* диаметр тулова 9,5 *см* (рис. LXV: 10).

Курган IV *(IV по Р.Л.Розенфельдту).* Находился в 10 *м* к югу от кургана I и в 20 *м* к западу от ящика III. Насыпь кургана земляная, высотой 0,2 *м* и диаметром 10-12 *м,* состояла из чернозема. Курган IV ограблен в древности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике, который находился в центре кургана. Ящик был установлен на древней дневной поверхности, а отмеченная Р.Л.Розенфельдтом прямоугольная яма (глубиной до 1 *м*) являлась грабительской.

Погребение сильно разрушено грабителями. Размеры каменного ящика, положение погребенного — не восстанавливаются.

Погребальный инвентарь.

Сведения отсутствуют.

Ящик V *(«А» по А.Л.Никитину и В.И.Левину).* Находился в 150 *м* к западу — юго-западу от курганов (ящиков) I-IV. Насыпь отсутствовала, ящик обнаружен на глубине 0,12-0,15 *м* от дневной поверхности. Погребение ограблено в древности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике. Он был установлен в прямоугольной яме, размерами около 1,9-2х0,9-1,1 *м* и глубиной 0,38 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 1,45х0,7 *м* и высотой 0,58 *м.* Был сложен из 5 известняковых плит (2 составляли западную стенку), концы длинных плит выступали на 0,15-0,2 *м.* С внешней стороны каменного ящика прослежена забутовка из мелких известняковых плиточек. Крышка отсутствовала.

Погребение частично разрушено грабителями. Кости скелета in situ сохранились в восточном и южном углах ящика. Погребенный был положен скорченно, на левом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кистями к лицевой части. Ноги, возможно, были согнуты в коленях.

Погребальный инвентарь.

Под обломками височной кости черепа, в восточном углу ящика, находилось бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота с заходящими друг за друга концами. Изготовлено из уплощенной в сечении проволоки. Диаметр кольца 2,3 *см* (рис. LXV: 3).

Ящик VI *(«Б» по А.Л.Никитину и В.И.Левину).* Находился в 5,6 *м* к северо-западу от ящика V. Насыпь отсутствовала, ящик обнаружен на глубине 0,15 *м* от дневной поверхности.

Основное парное погребение № 1 (трупоположение № 1а и трупосожжение № 1б) совершено в каменном ящике, который был установлен в прямоугольной яме, размерами около 1,2-1,3х0,8 *м* и глубиной 0,4 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 0,78х0,48 *м* и высотой 0,4 *м.* Сложен из 5 известняковых плит (2 составляли северную стенку), концы длинных плит выступали на 0,15-0,2 *м.* Крышка отсутствовала (рис. LXV: 6).

Верхний слой заполнения ящика (до глубины 0,23 *м*) был представлен плотным твердым черноземом без находок, ниже которого — мягкий суглинистый слой с находками.

В ящике находилось парное захоронение №1 — детское № 1а (ингумация) и женское № 1б (кремация).

Погребение № 1а — ребенок, 5-7 лет (определение М.С.Великановой). Скелет лежал скорченно, на левом боку, головой на юго-восток-восток, лицевой частью повернут на юг. От скелета ребенка хорошо сохранилась верхняя часть.

Погребение № 1б — трупосожжение, женщина (определение М.С.Великановой). Остатки трупосожжения женщины зафиксированы вдоль длинной северной стенки ящика и представлены скоплением кальцинированных костей (обломки черепа, длинных костей и ребер) и мелких угольков.

Погребальный инвентарь.

Под скоплением кальцинированных костей погребения № 1б находилось фрагментированное бронзовое височное кольцо в 1,5 оборота. Изготовлено из округлой в сечении бронзовой проволоки. Диаметр кольца около 2 *см* (рис. LXV: 2).

Возле скопления кальцинированных костей погребения № 1б, в западном углу ящика, стояла пиксидка с крышечкой. Пиксидка рюмковидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком, край которого округлен, цилиндрическим туловом с вогнутыми боками, утолщенным округлым ребром в месте максимального диаметра, приходящегося на нижнюю часть тулова. Пиксидка снабжена высокой ножкой с округлым основанием. Под краем венчика имеются два симметрично расположенных парных округлых отверстия в 0,3 *см.* Крышечка усеченно коническая с гвоздевидным выступом в центре, снабжена двумя симметрично расположенными парными округлыми отверстиями. Размеры: высота 7,3 *см,* высота с крышечкой 10 *см,* диаметр венчика 5-5,5 *см,* максимальный диаметр тулова 6 *см,* высота ножки 2 *см,* диаметр основания ножки 3,7 *см,* диаметр крышечки 6 *см* (рис. LXV: 13).

Возле черепа скелета погребения № 1а, в восточном углу ящика, находился неорнаментированный черпак III типа. Черпак снабжен высокой петельчатой ручкой без выступа-упора на перегибе. Размеры: высота 5-5,2 *см,* диаметр венчика 7,5 *см,* диаметр тулова 7,5 *см* (рис. LXV: 11).

В каменном ящике кургана VI погребения №№ 1а и 1б были совершены одновременно: с ингумационным захоронением ребенка (погребение № 1а) было захоронено и трупосожжение женщины, совершенное на стороне (погребение № 1б).

Курган VII *(I по А.Л.Никитину и В.И.Левину).* Находился в 300-1500 *м* к западу от курганов (ящиков) I-VI, у края верхней проселочной дороги Матеуць-Алчедар (южная пола кургана была задета дорогой). Насыпь кургана каменно-земляная, с каменным кромлехом. Высота насыпи 0,43 *м,* диаметр 16 *м,* она состояла из чернозема и каменного панциря округлой формы, сложенного из мелких известняковых плит.

Кромлех был сложен из таких же мелких известняковых плиточек, уложенных в несколько рядов (часть кромлеха in situ сохранилась в юго-восточном секторе кургана).

Курган ограблен в древности — в центральной и северо-восточной частях насыпи зафиксирована грабительская яма неправильной многоугольной формы, размерами 4,8х4 *м.*

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике, который находился в центральной части насыпи и был установлен в прямоугольной яме, размерами 1,8х0,95 *м.* Ящик (частично разрушен) прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 1,5х0,7 *м* и высотой 0,42 *м.* Был сложен из 7 известняковых плит (2 плиты составляли северную сторону, 3 — южную). Верхняя плита (крышка) ящика, размерами 1,42х0,93 *м* и толщиной 0,09 *м,* была обнаружена в юго-западном секторе кургана.

В заполнении ящика и вокруг него зафиксированы угольки.

Скелет сильно разрушен грабителями. Судя по расположению остатков погребального инвентаря, погребенный был положен скорченно, на боку, головой на северо-запад.

Погребальный инвентарь.

В восточном и северном углах ящика, находился сильно фрагментированный небольшой горшок I типа варианта Б, снабженный массивной округлой ручкой. Размеры: высота 7,2-7,7 *см,* диаметр венчика 9 *см,* диаметр тулова 8,4 *см,* диаметр дна 5,5 *см* (рис. LXV: 14).

В восточном углу ящика обнаружен фрагмент ручки чернолощеного черпака, снабженной гвоздевидным выступом-упором на перегибе. Ручка украшена резным геометрическим узором (рис. LXV: 7).

В северо-восточной части ящика (и заполнении грабительской ямы в северо-восточном секторе кургана) обнаружены фрагменты крупной серолощеной миски II типа, диаметром 45 *см.* Миска снабжена сегментовидной ручкой-налепом с парными округлыми отверстиями (не сохранилась).

В северо-восточной части ящика зафиксированы обломки неорнаментированного черпака III типа. Размеры не восстанавливаются (рис LXV: 8).

В северо-западной части (западном углу) ящика зафиксирована бронзовая игла от фибулы.

Курган VIII *(по М.Т.Кашубе и Г.И.Смирновой).* Находился в 280 *м* к северу — северо-востоку от северо-восточного угла раскопа IV 1988-89 гг. Насыпь не зафиксирована, ящик обнаружен на глубине 0,2 *м* от современной дневной поверхности. Ящик ограблен в древности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике. Он был установлен в неглубокой прямоугольной яме, размерами 1,9х0,9 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад-запад — юго-восток-восток, размерами около 1,7х0,7 *м* и высотой 0,3 *м.* Ящик был сложен из средних и мелких известняковых плит, толщиной 0,1-0,15 *м,* края которых были обработаны. Частично сохранилась северная стена, сложенная из 3 средних плит в восточной части и 7-8 небольших плиточек в западной части. Для северной стены ящика в материке была вырыта канавка, размерами 2х0,3-0,35 *м* и глубиной 0,3 *м,* со скошенными к ровному дну стенками. От восточной стены ящика сохранились 4 известняковые плитки средних размеров. Южная и западная стены, а также крышка ящика отсутствовали (рис. LXVI: 1).

Заполнение ящика представлено мешанным черноземом с редкими угольками, остатками органического тлена и вкраплениями желтой материковой глины.

Погребенный был положен на суглинистое дно каменного ящика. Скелет частично разрушен грабителями, in situ сохранились височная часть черепа, кости рук и ног. Погребенный был положен скорченно, на левом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, ноги сильно (под острым углом) согнуты в коленях (рис. LXVI: 1).

Погребальный инвентарь.

Под височной частью черепа, возле восточной стенки ящика, обнаружены бронзовое височное кольцо в 3,5 оборота и обломок второго височного кольца. Височные кольца с заостренными концами, изготовлены из округлой в сечении проволоки, диаметром 0,2 *см.* Диаметры колец 2,2-2,4 *см* (рис. LXVI: 3, 4).

В ногах погребенного, возле юго-западного угла, находились донная часть горшка, диаметром 8 *см* (рис. LXVI: 6), 2 сильно фрагментированных черпака и небольшая мисочка. Оба черпака III типа варианта Б, не орнаментированы. Один из них снабжен высокой петельчатой ручкой без выступа-упора на перегибе. Ручка второго черпака обломана. Размеры черпака с ручкой: высота 6,6 *см,* диаметр венчика 8,2 *см,* максимальный диаметр тулова 9,2 *см,* ручка на 3 *см* возвышается над краем (рис. LXVI: 7). Размеры второго черпака: высота 6,6 *см,* диаметр венчика 8,6 *см,* максимальный диаметр тулова 9 *см* (рис. LXVI: 9). Мисочка II типа с выраженной придонной частью. Размеры: высота 2,5 *см,* диаметр края 8,8 *см,* диаметр дна 5 *см* (рис. LXVI: 8).

Ящик IX *(по М.Т.Кашубе и Г.И.Смирновой).* Находился в 15 *м* к югу от ящика VIII и 250 *м* к северо-востоку от северо-восточного угла раскопа IV 1988-89 гг. Насыпь отсутствовала, ящик обнаружен на глубине 0,3 *м* от современной дневной поверхности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике. Он был установлен в яме неправильной прямоугольной формы, размерами 1,3х0,7 *м* и глубиной 0,15 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в

направлении северо-запад — юго-восток, размерами 1,4-1,5х0,6-0,7 *м* и высотой 0,4 *м.* Сложен из средних известняковых плит, толщиной 3-10 *см,* края которых обработаны. Северная стена ящика была сложена из 2 плит, восточная — из одной и нескольких мелких плиточек, западная — фиксировалась одной известняковой плитой. Для северной и восточной стен ящика в материке были вырыты 2 перпендикулярные канавки со скошенными стенками и ровным дном. Северная канавка имела размеры 1,9х0,3 *м* и глубину 0,2 *м,* восточная — 0,7х0,24 *м* и глубину 0,1-0,15 *м.* Ящик не был достроен — южная стенка отсутствовала (рис. LXVI: 2).

В ящике совершено захоронение женщины — maturus, 35-55 лет (определение антрополога А.П.Бужиловой). Скелет находился не в анатомическом порядке, был смещен — череп и нижняя челюсть лежали в перевернутом положении в северо-восточном углу ящика, кости рук и ног в компактном скоплении находились вдоль северной стенки ящика. Погребенная была положена скорченно, на левом боку, головой на юго-восток.

Погребальный инвентарь.

С юга от черепа погребенной, в юго-восточном углу ящика и могильной ямы, в материковом дне была сделана овальная ямка, ориентированная в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 0,5х0,4 *м* и глубиной 0,12 *м* (рис. LXVI: 2). В ямке стояли небольшой горшочек, черпак и пиксидка с крышечкой (рис. LXVI: 5, 10, 11). Горшок I типа варианта Б, асимметричный, снабжен округлой ручкой, прикрепленной к краю венчика. Диаметрально противоположно ручке, в 1 *см* ниже края венчика, расположен полукруглый выступ-упор. Размеры: высота 7,2 *см,* диаметр венчика 9,2 *см,* диаметр тулова 8,6 *см,* диаметр дна 4 *см* (рис. LXVI: 11). Черпак III типа варианта В, снабжен высокой ручкой с выступом-упором на перегибе (обломан). Размеры: высота 5 *см,* диаметр венчика 8,6 *см,* максимальный диаметр тулова 8,6 *см* (рис. LXVI: 10). Пиксидка рюмковидной формы с крышечкой, сильно фрагментирована и восстановлению не подлежит (изготовлена из глиняного теста очень плохого качества), но она полностью аналогична пиксидке из ящика VI этого же могильника (рис. LXV: 13). Крышечка усеченно коническая с двумя симметрично расположенными парными округлыми отверстиями в 0,3-0,4 *см.* Размеры: диаметр 6,2 *см,* высота 2,2 *см* (рис. LXVI: 5).

* * *

Алчедарский могильник является курганно-грунтовым. Погребения в каменных ящиках I, II, IV, VII, установленных на уровне древнего горизонта и имеющих курганную насыпь, являются курганными захоронениями. Погребения в каменных ящиках III, V, VI, VIII и IX, установленных в сравнительно глубоких могильных ямах и не имеющих курганных насыпей, являются грунтовыми захоронениями. Соотношение курганных и грунтовых захоронений в могильнике Алчедар составляет 44,4% к 55,6%. В данном могильнике также отмечен биритуализм погребального обряда: ингумационные захоронения (9) составили 90%, кремация (на стороне) зафиксирована в одном случае — 10%. Отмечу, что обнаруженная в погребениях кухонная и столовая посуда чрезвычайно плохого качества: плохо обожжена, поверхность небрежно заглажена и не имеет лощения. Эти данные подтверждают, что в культуре Козия-Сахарна существовало специальное производство погребальной посуды.

В могильнике Алчедар зафиксированы погребения I и II типов культуры Козия-Сахарна, но все они совершены в каменных ящиках. Последнее сближает его с могильником Климэуций Жос, в котором также известны только захоронения в каменных ящиках.

Анализ материалов всех лет раскопок могильника Алчедар позволяет датировать его рубежом X-IX — серединой VIII вв. до н.э. Самыми ранними являются погребения в каменных ящиках VI, VII и IX. К наиболее поздним из раскопанных относится погребение в ящике II. Могильник Алчедар, таким образом, функционировал в течение всего периода существования культуры Козия-Сахарна.

Визуальное обследование Алчедарского микрорайона и то обстоятельство, что раскопанные в 1963 г. и 1989 г. каменные ящики находились рядом с поселением типа Сахарна, позволяют считать могильник Алчедар стационарным некрополем.

2.4. Могильник Климэуций Жос-Ла лункэ — на северо-западной окраине с.Климэуций Жос Шолдэнештского района Республики Молдова, на III-ей террасе р.Днестр.

Могильник Климэуций Жос был открыт в 1989 г. разведками Днестровской археологической экспедиции под руководством И.А.Борзияка. Были отмечены три основные группы погребений в каменных ящиках, находящиеся в 300 *м* одна от другой, на мысу в направлении северо-запад — юго-восток. Погребения внутри каждой группы находились на расстоянии 7-15 *м* или 15-25 *м* одно от другого. В том же году А.Н.Левинский и И.А.Борзияк раскопали четыре каменных ящика: два (погребения №№ 1 и 4) — в группе, занимающей юго-восточную часть мыса, площадью 100х30 *м,* и два (погребения №№ 2 и 3) — в северо-западной группе, занимающей площадь 60х30 *м* (Levinschi, Borziak 1990: 50-54).

Ящик № 1. Находился в северном секторе юго-восточной группы. Обнаружен на глубине 0,1-0,15 *м* от современной дневной поверхности. Погребение ограблено в древности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике. Он был установлен в прямоугольной яме, размерами 1,8x0,9 *м* и глубиной 0,6 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 1,4x0,6 *м.* Ящик сложен из 4 известняковых плит, углубленных в материк на 0,15-0,2 *м.* Крышка ящика (массивная известняковая плита), размерами 1,4x1,2 *м* и толщиной 0,3 *м,* была сдвинута и опиралась на плиту длинной восточной стенки (рис. LXVII: 3).

Заполнение ящика представлено черным мешанным грунтом с включениями угольков.

Погребение частично разрушено грабителями. Сохранились фрагменты черепа, кости рук, in situ — кости ног. Скелет лежал скорченно, на левом боку, черепом на юго-восток.

Погребальный инвентарь.

В ногах погребенного, ближе к северному углу ящика, стояли небольшой горшок и миска, в которой находился черпак. Горшок I типа, снабжен массивной округлой ручкой, прикрепленной на 1 *см* ниже венчика. Размеры: высота 10,5 *см,* диаметр венчика 11,6 *см,* диаметр дна 8 *см* (рис. LXVII: 8). Черпак III типа варианта В, ручка обломана. Сосуд украшен пролощеным узором в виде пучков 5-6 косых параллельных линий, чередующихся под углом друг к другу. Размеры: высота 8 *см,* диаметр венчика 12,5 *см,* максимальный диаметр тулова 12,5 *см,* диаметр дна 4 *см* (рис. LXVII: 6). Миска II типа, со слегка выраженным поддоном. Размеры: высота 6-7 *см,* диаметр края 20 *см,* диаметр дна 7 *см* (рис. LXVII: 9).

Ящик № 2. Находился в северо-западной группе. Обнаружен на глубине 0,15 *м* от современной дневной поверхности. Погребение ограблено в древности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике. Он был установлен в прямоугольной яме, размерами 1,7x1,35 *м* и глубиной 0,55-0,6 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток. Был сложен из 4 известняковых плит, на 0,25 *м* врытых в материк. Крышка отсутствовала (рис. LXVII: 2).

Заполнение ящика представлено черным мешанным грунтом с угольками и обломками костей скелета.

Скелет сильно разрушен грабителями. Судя по расположению остатков погребального инвентаря, погребенный был положен скорченно, на боку, головой на юго-восток.

Погребальный инвентарь.

На дне ящика, возле северного угла, находилась фрагментированная миска II типа, со слегка выраженной придонной частью. Размеры: высота 7 *см,* диаметр края 21 *см,* диаметр дна 7 *см* (рис. LXVII: 7).

В южном углу ящика находились 2 бронзовых проволочных браслета в 1,5 оборота. Браслеты изготовлены из округлой в сечении проволоки, диаметром 0,2 *см,* концы заужены и округлены. Диаметры браслетов 5-6 *см* (рис. LXVII: 4, 5).

Ящик № 3. Находился в северо-западной группе, в 20 *м* к северу от ящика № 2. Обнаружен на глубине 0,15-0,2 *м* от современной дневной поверхности. Погребение ограблено в древности.

Основное одиночное погребение было совершено в каменном ящике, который был установлен в прямоугольной яме, размерами 1,3x0,75 *м* и глубиной 0,75 *м.* Ящик прямоугольной формы, ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток. Ящик был сложен из 6 известняковых плит (по 2 составляли длинные стороны), толщиной 0,12-0,17 *м.* Крышка отсутствовала (рис. LXVII: 1).

Заполнение ящика представлено черным мешанным грунтом с угольками и обломками костей скелета.

Скелет полностью разрушен грабителями. По аналогии с ящиками №№ 1 и 2, возможно, погребенный был положен головой на юго-восток.

Погребальный инвентарь.

Не сохранился.

Ящик № 4. Находился в юго-восточной группе. Ящик сильно разрушен, от него сохранилась одна длинная плита, размерами 1,7x0,75 *м* и толщиной 0,18 *м,* лежащая в горизонтальном положении в направлении северо-запад — юго-восток. С северо-запада возле плиты, на глубине 0,4-0,75 *м,* встречались обломки костей человеческого скелета.

* * *

А.Н.Левинский и И.А.Борзияк отнесли могильник Климэуций Жос к грунтовым, показав его наибольшую близость могильнику Алчедар (Levinschi, Borziak 1990: 53, 54). Этот могильник датируется, как и предложили А.Н.Левинский и И.А.Борзияк, в пределах хронологических рамок, принятых для культуры Козия-Сахарна в целом — вторая половина X-первая половина VIII вв. до н.э. (Levinschi, Borziak 1990: 54). Но сохранившийся погребальный инвентарь ящиков №№ 1 и 2 позволяет датировать эти захоронения в пределах IX в. до н.э.

На основе погребального обряда (курганы с каменной насыпью или каменные ящики) и инвентаря А.Н.Левинский и И.А.Борзияк среди могильников группы Сахарна выделили два типа — тип Сахарна и тип Алчедар-Климэуць. При этом они отметили, что отличия между этими двумя типами могут быть хронологического порядка, когда тип Алчедар-Климэуць является более поздним.

Представляется сомнительным как выделение этих двух типов погребений, так и их название. Необходимо напомнить, что в могильниках Сахарна-Цыглэу и Алчедар зафиксированы оба типа погребений, на основании чего могильни-

ки Сахарна-Цыглэу и Алчедар закономерно были причислены к разряду курганно-грунтовых. При этом анализ погребального инвентаря захоронений I и II типов культуры Козия-Сахарна (главы 2.3 и 3.2) подтверждает их синхронность. Поэтому, едва ли грунтовые погребения в каменных ящиках (II тип) являются более поздними, чем захоронения в курганах с каменной насыпью (I тип), среди которых также известны каменные ящики (подтип 3).

2.5. Могильник Пояна — на северо-западной окраине с.Пояна Шолдэнешсткого района Республики Молдова.

Могильник Пояна был открыт в 1986 г. разведками сотрудников Северо-Молдавской археологической экспедиции под руководством О.Г.Левицкого. В том же году М.Т.Кашуба исследовала одно грунтовое погребение этого могильника (Кашуба 1990: 107-111).

Погребение № 1. Грунтовое, в качестве перекрытия на глубине 0,4 *м* от современной дневной поверхности зафиксирована большая известняковая плита. Плита подтреугольной формы, размерами 1,9-2,05x1-1,12 *м* и толщиной до 0,2 *м* (рис. LXVIII: 3, 4; табл. VII: 1).

Коллективное захоронение № 1 (№№ 1а, 1б и 1в) было совершено в могильной яме овальной формы, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 1,3x0,8 *м* и глубиной 0,3 *м.* Яма была заполнена плотным черноземом с меловыми включениями. Все три захоронения коллективного погребения со «смещением». Возможно, первым было совершено погребение № 1в, позднее — погребения №№ 1б и 1а (рис. LXVIII: 7; табл. VII: 1).

Погребение № 1а (женщина, 20-30 лет). Погребенная была положена скорченно, на левом боку, головой на юг, лицевой частью вверх. Часть нижней челюсти находилась на тазовых костях скелета погребения № 1б. Руки сдвинуты, возможно, были согнуты в локтях, кистями к лицевой части. Ноги согнуты в коленях, пяточные кости находились под черепом погребения № 1б (рис. LXVIII: 7).

Погребение № 1б (мужчина, 25-35 лет). Погребенный был положен скорченно, на правом боку, головой на юго-восток, лицевой частью повернут на северо-восток. Нижняя челюсть, руки и ноги сдвинуты. На черепе крест-накрест лежали бедренные кости скелета погребения № 1в (рис. LXVIII: 7).

Погребение № 1в (мужчина, 40-45 лет). От скелета сохранились бедренные кости, лежавшие крест-накрест на черепе скелета погребения № 1б, а также лучевые кости рук в западной части могильной ямы (рис. LXVIII: 7).

Погребальный инвентарь.

В 0,2 *м* к востоку от черепа скелета погребения № 1а на боку лежал черпак I типа варианта В с обломанной ручкой. Черпак украшен широким поясом резного узора, заполненного вертикальными зигзагообразными линиями, чередующимися под углом друг к другу так, что между ними остаются гладкие ромбы. Поясок узора с двух сторон ограничен двойной горизонтальной линией. По шейке черпака, над поясом узора, имеется ряд заштрихованных равнобедренных треугольников, расположенных по 3 через каждые 2 *см.* Черпак с хорошо лощеной поверхностью, орнамент заполнен белой пастой. Размеры: высота 7 *см,* диаметр венчика 10-11 *см,* максимальный диаметр тулова 13-15 *см,* умбон 2,5 *см* (рис. LXVIII: 5).

В северо-западной части ямы, возле пяточных костей скелета погребения № 1б, на боку лежал горшок II типа. Сосуд в 1,5-2,5 *см* от края венчика снабжен пояском пальцевых вдавлений и большим прямоугольным выступом-упором, размерами 2,3x2,3 *см.* Размеры: высота 10-11 *см,* диаметры венчика и тулова по 11 *см,* диаметр дна 8,5-9 *см.* На дне имеется прямоугольное вдавление от подставки, размерами 3,5x2,5 *см* (рис. LXVIII: 6).

В северо-западной части ямы, возле горшка, обнаружены фрагментированные горшок и миска. К горшку I типа относятся 12 фрагментов венчика и стенок с налепным расчлененным валиком и полуовальными выступами-упорами (рис. LXVIII: 1, 2). От миски сохранились 2 фрагмента, один из которых с выступом-упором прямоугольно-овальной формы (рис. LXVIII: 4).

* * *

Погребение № 1 входит в состав грунтового могильника Пояна. Жители этого населенного пункта сообщили, что на северо-западной окраине села и раньше обнаруживали большие известняковые плиты, под которыми находились человеческие скелеты и посуда.

Могильник Пояна является грунтовым. Анализ погребального инвентаря захоронения № 1, а также факт его длительного использования в качестве «усыпальницы» позволяют датировать захоронение первой половиной — серединой VIII в. до н.э.

Приложение III. Поселения варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна

3.1. Сахарна — в окрестностях с.Сахарна (и с.Новая Сахарна) Резинского района Молдовы исследованы эпонимные поселенческие памятники культуры (и могильники, которые описываются в приложении II): городище Сахарна Маре и селище Дялул Мэнэстерий, городище Сахарна Микэ, селище Валя Цыглэу, селище Сахарна I (рис. XLIII: 49-53, 61).

3.1.А. Городище Сахарна Маре (и прилегающее селище Дялул Мэнэстерий) — на западной окраине с.Сахарна, в 1 *км* к западу от р.Днестр (рис. XLIII: 52, 53).

Городище Сахарна Маре и селище Дялул Мэнэстерий (как и остальные памятники в окрестностях этого села) были открыты в 1946 г. разведками археологической экспедиции под руководством Г.Д.Смирнова. В том же 1946 г. им были проведены раскопки на городище, а в 1947 г. — на селище Дялул Мэнэстерий (Смирнов 1949: 200-202; он же 1949а: 93-95).

При картографировании городищ и составлении карты памятников раннего железного века Молдовы в начале 70-х годов городище Сахарна Маре было отнесено к гетским укрепленным поселениям IV-III вв. до н.э., а материалы из культурного слоя — к культурам Сахарна и гетской (Златковская, Полевой 1969: 45, 46, 53; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 17, 31, 44). Всего в окрестностях с.Сахарна было отмечено семь поселений с идентичной керамикой (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: 17).

В 1993 г. археологической экспедицией под руководством А.Н.Левинского и Е.А.Усатой были детально обследованы окрестности с.Сахарна с целью точного картографирования известных памятников раннего железного века этой микрозоны (Levinschi, Scipachin, Dulea 1999: 51-53). На городище Сахарна Маре и селище Дялул

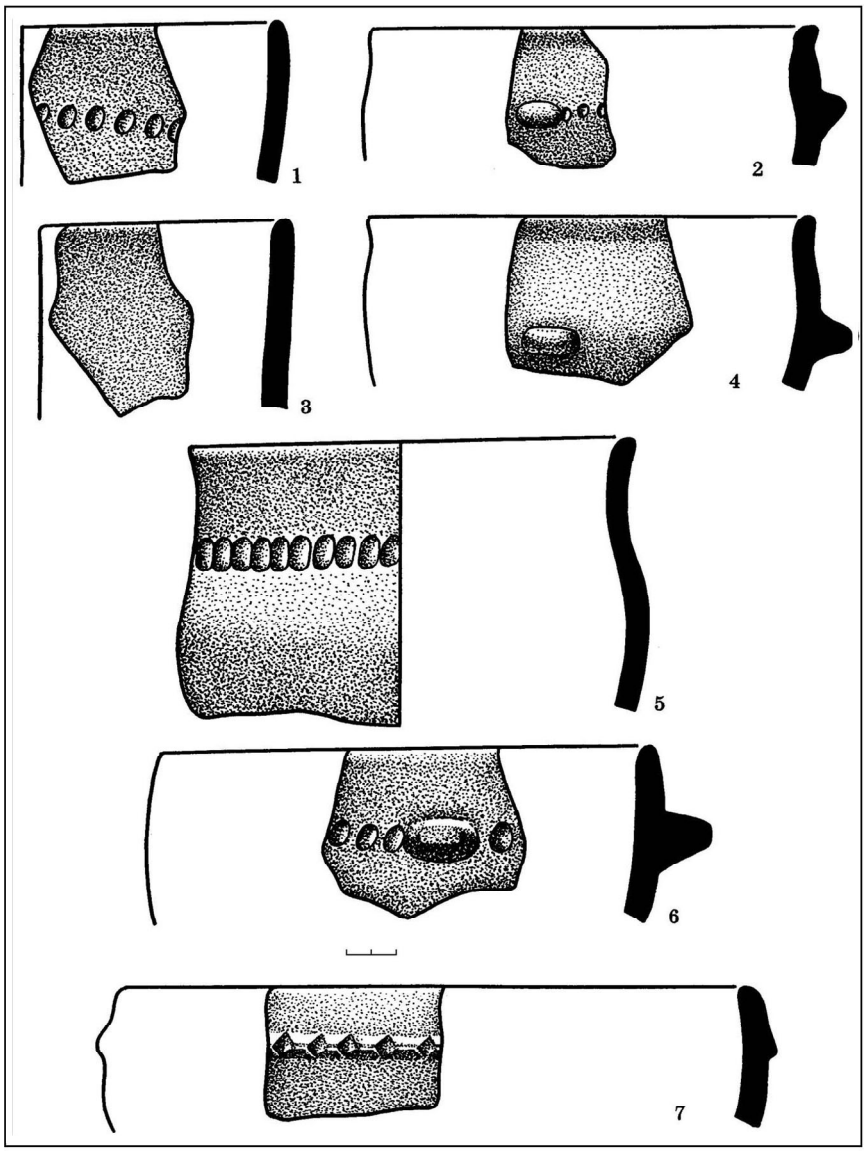


Рис. LXIX. Городище Сахарна Маре варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-7 — кухонная посуда.

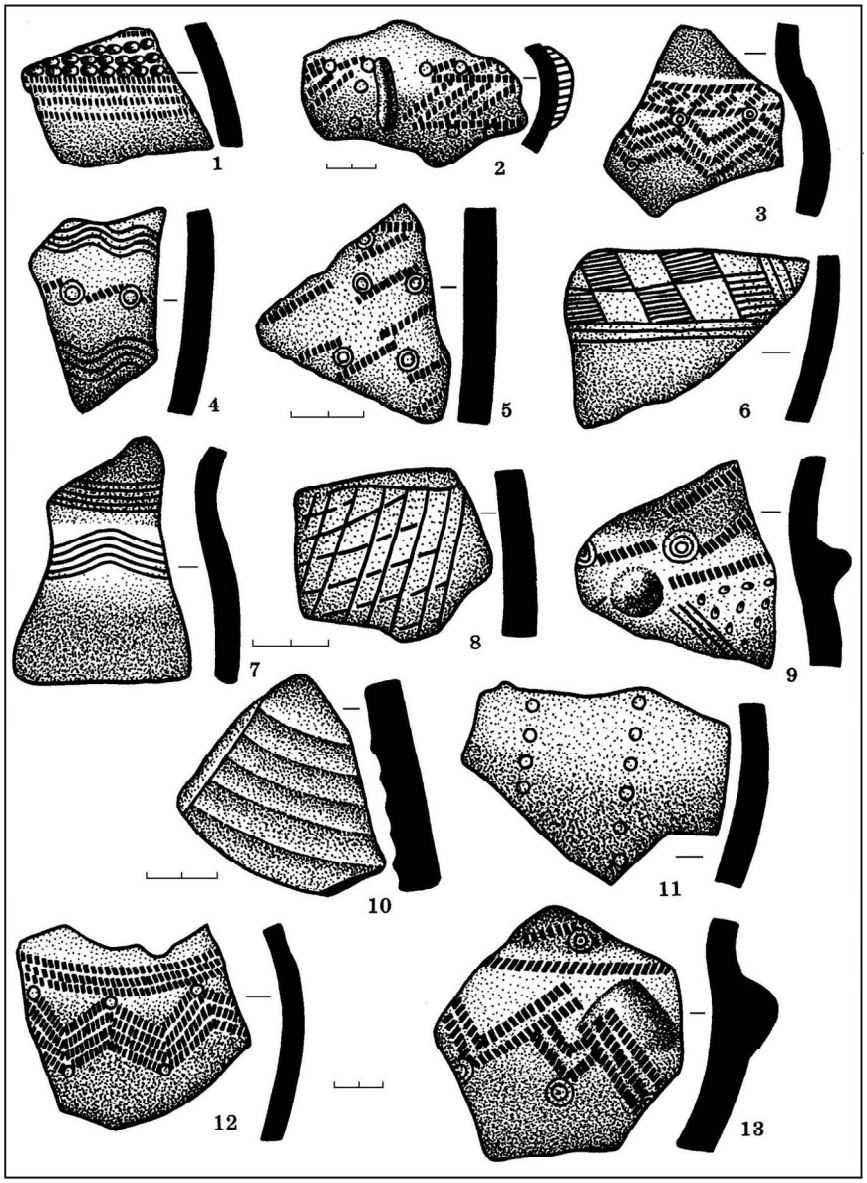


Рис. LXXI. Городище Сахарна Маре варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-9, 11-13 — корчаги; 10 — миска.

мятника представлен в отдельной работе (Kaşuba, Haheu, Levițki 2000).

К раннегальштатскому горизонту типа Сахарна городища Сахарна Маре (и селища Дялул Мэнэстерий) относятся: коллекция керамики, состоящая из одного археологически целого сосуда и 2832 фрагментов, а также 36 индивидуальных находок (рис. LXIX-LXXV). Анализ сохранившихся сахарнянских материалов этого памятника показывает, что они укладываются в пределы IX-середины VIII вв. до н.э.

Раннегальштатский горизонт типа Сахарна

Характеристика керамической коллекции памятника Сахарна Маре (и селища Дялул Мэнэстерий) дается по разработанной для культуры Козия-Сахарна классификационной схеме (подробнее — глава 3.1). Типы не описываются, но уточняются особенности посуды этого памятника. Сохранившаяся коллекция керамики не точно отражает реальное соотношение категорий и типов бытовавшей там посуды. Судя по сохранившимся отрывкам дневниковых записей 1946-47 гг., около 69% керамики (преимущественно, неорнаментированные стенки) оставлялись на месте раскопок. Не исключено, что в сохранившейся керамической коллекции этого памятника несколько завышен удельный вес орнаментированной столовой посуды.

Керамика. Традиционно деление посуды группы Сахарна этого памятника на кухонную, столовую и культовую (рис. LXIX-LXXIV).

Кухонная посуда представлена горшками 4 основных типов: I тип — 46,1%; II тип — 15,2%; III тип — 27,5%. Для горшков I-III типов Сахарна Маре характерны налепной расчлененный валик — 68,9%; небольшие, 2-4 подпрямоугольные или подтреугольные ручки-упоры — 20,7% или поясок насечек-вдавлений по тулову — 10,4% (рис. LXIX: 1-4, 6, 7). Найден один фрагмент горшка III типа с грубой округлой ручкой.

К IV типу относятся тюльпановидные горш-

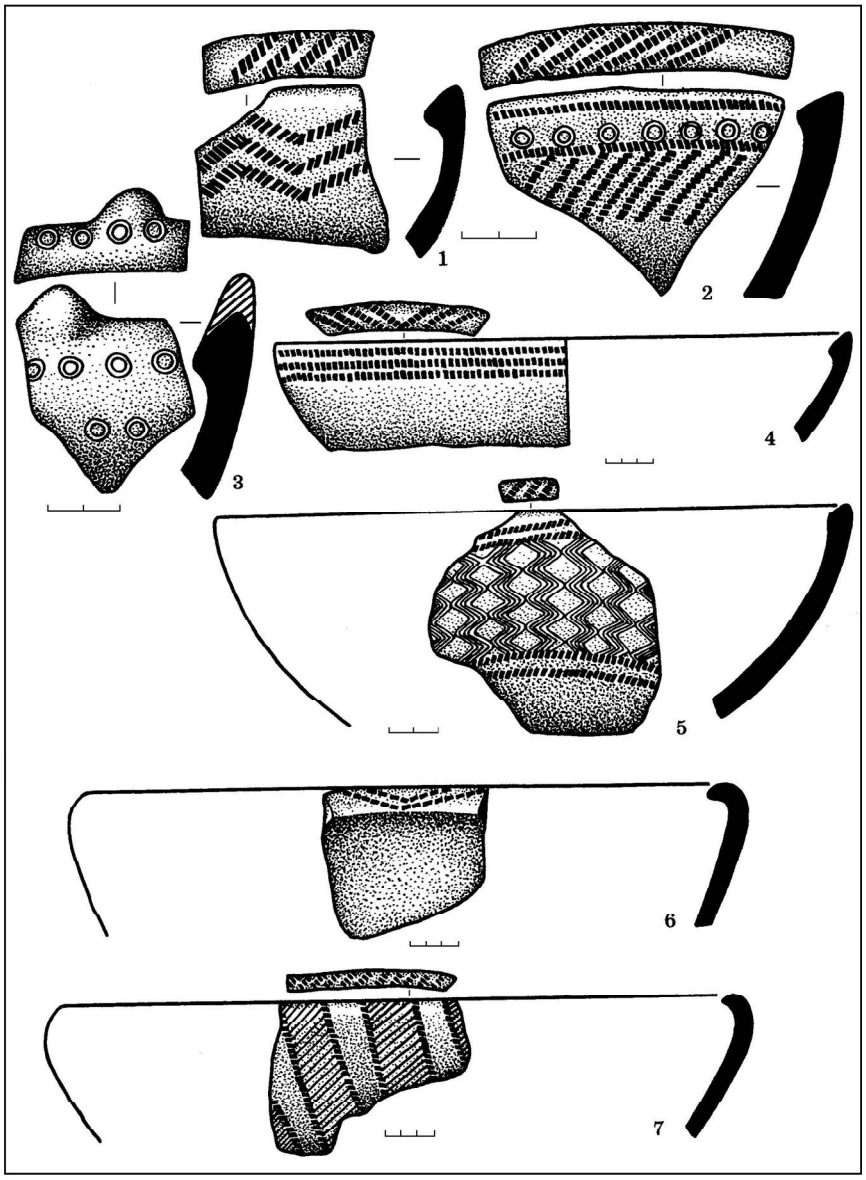


Рис. LXXIII. Городище Сахарна Маре варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-7 — миски.

чатого штампа), а также округлые или подпрямоугольные 2-4 выступа-упора. Нередко при изготовлении одного сосуда пластический декор сочетался с геометрическим узором (рис.LXX: 3; LXXI: 2, 9, 13). В 4 случаях зафиксировано наличие 2 или 4 небольших петлевидных ручек также в сочетании с геометрическим орнаментом (рис. LXX: 6, 7).

На памятнике обнаружено 97 фрагментов корчаг (7,4% от общего количества сосудов этой категории) с внешней чернолощеной поверхностью и внутренней — красно-оранжевой. При этом часть таких корчаг (20,6%) была украшена уже упомянутыми удлиненными овально-накольчатыми вдавлениями или врезной полоской, сделанной четырех-пятизубым инструментом.

Черпаки и кубки составляют 29,6% столовой посуды. Черпаки представлены 4 основными типами: I тип — 38,5%; II тип — 15,3%; III тип — 38,5% и IV тип — 7,7% (рис. LXXII; LXXIV: 1, 5, 9). Черпаки украшены геометрическим резным и штампованным узором, встречаются также и пластический декор в виде небольшого подтреугольного выступа, находящегося диаметрально противоположно относительно ручки сосуда (рис. LXXII: 10). От черпаков III типа обнаружена одна высокая петельчатая ручка, шириной до 3,8 *см,* не имеющая выступа-упора на перегибе (рис. LXXII: 11).

Из-за сильной фрагментированности кубки не отделяются от черпаков. Сохранился археологически целый кубок, украшенный резным геометрическим орнаментом и 2 симметрично расположенными на плечиках небольшими подтреугольными выступами. Размеры: сохранившаяся высота 7,2 *см,* диаметр венчика 7 *см,* максимальный диаметр тулова 9 *см* (рис. LXXII: 7).

Миски составляют 12,8% столовой посуды. Они представлены, в основном, двумя типами: I тип — 79,8% и II тип — 19,4% (рис. LXXIII). Необходимо отметить практически полное отсутствие на памятнике мисок III типа — 0,8%. Мис-

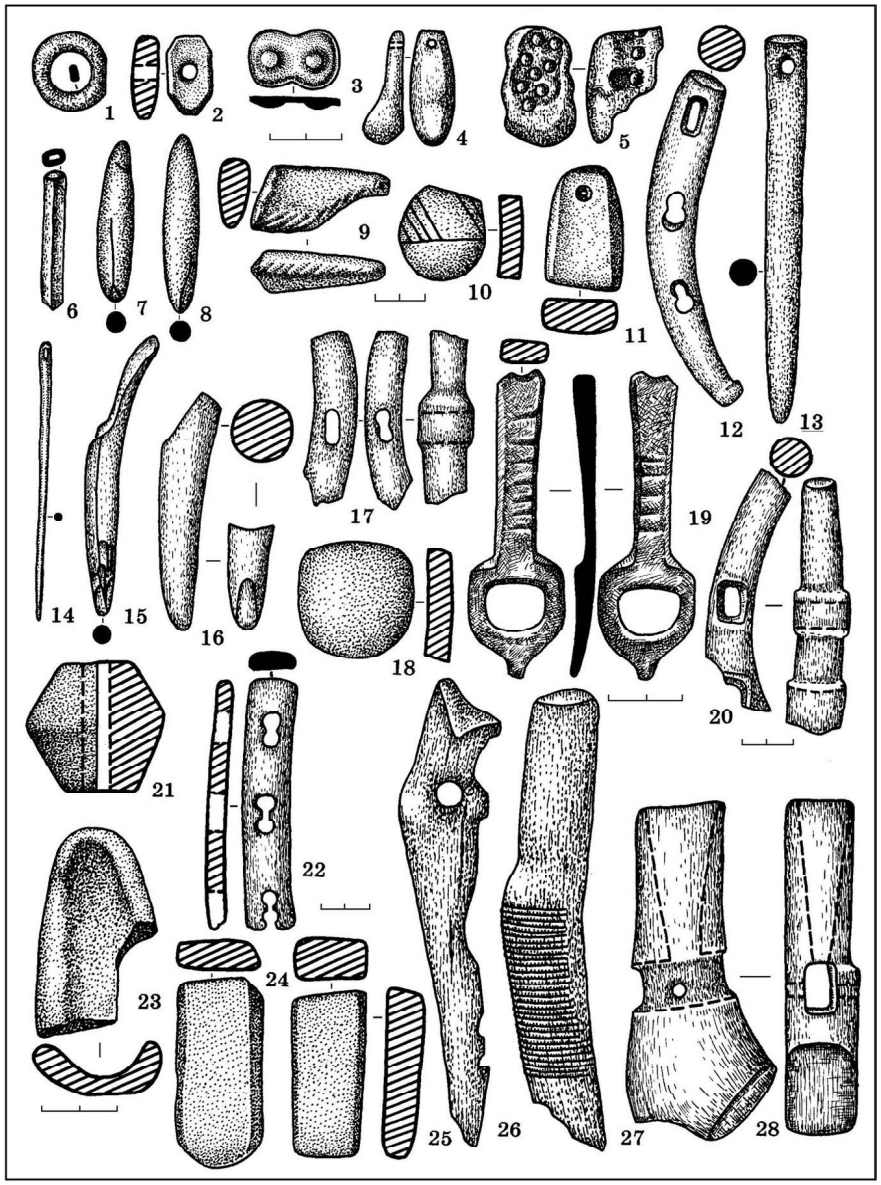


Рис. LXXV. Городище Сахарна Маре варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Изделия из глины (7-10, 18, 21, 23), камня (2, 11, 24, 25), кости и рога (1, 4-6, 12, 13, 15-17, 20, 22, 26, 27), бронзы (3, 14, 19).

отметить ряды удлиненных овально-накольчатых вдавлений, а также нанесение врезного геометрического узора четырех-пятизубым инструментом.

Наиболее распространенными среди применяемых на памятнике штампов являются средне- и крупнозубчатый, а также одинарный и двойной (очень редко тройной) кольчатый. Как особенность памятника Сахарна Маре отмечу практически полное отсутствие S-овидного штампа (за исключением нескольких фрагментов), а также отсутствие кольчатого штампа с крестом в центре и других (W- и V-образные, скобовидный) разновидностей штампов, которые все же известны на других поселениях типа Сахарна.

Прочерченным узором украшено 1,9% столовой посуды, а пролощенным — 1,3%.

Культовая посуда представлена двумя обломками пиксид и 8 фрагментированными миниатюрными сосудиками (рис. LXXIV: 2, 3, 7, 8, 10-13).

Фрагменты пиксид от стакановидных сосудиков, диаметр дна которых одинаков с диаметром венчика. Край венчика может быть прямым округленным или слегка отогнутым. Пиксиды украшались резным геометрическим узором, расположенным, как правило, вертикально. Диаметр венчика одной из пиксид 10 *см,* сохранившаяся высота 4,7 *см* (рис. LXXIV: 13). Вторая пиксидка с диаметром венчика 8 *см* и сохранившейся высотой 3,4 *см* была снабжена под краем округлым отверстием в 0,5 *см* (рис. LXXIV: 12).

Миниатюрные сосудики повторяют формы кухонной и столовой посуды. Это фрагмент горшка II типа с небольшим подтреугольным выступом-упором, сохранившейся высотой 4 *см,* диаметром венчика 7 *см* и диаметром тулова 7,5 *см* (рис. LXXIV: 11); фрагмент горшка III типа с пояском пальцевых вдавлений, сохранившейся высотой 3,4 *см,* диаметром венчика 8 *см* и диаметром тулова 8,6 *см* (рис. LXXIV: 10); а также некоторые разновидности столовой посуды.

Кочедык изготовлен из ребра животного. Один конец фигурно вырезан и приострен, около него сделаны две поперечные выемки. У второго, расширенного конца имеется поперечное отверстие в 1,1 *см.* Длина изделия 19 *см* (рис. LXXV: 26).

Молотовидное орудие удлиненной прямоугольной формы с боковой подпрямоугольной рабочей частью. Орудие снабжено тремя отверстиями, расположенными перпендикулярно относительно друг друга. Продольное усеченно коническое отверстие, размерами 6,5x1,2-2,8 *см,* предназначалось для крепления рукояти. Перпендикулярно ему расположено центральное подпрямоугольное отверстие, размерами 2,1x1,3 *см,* и, в свою очередь, перпендикулярно последнему находится небольшое округлое отверстие в 0,5 *см.* Орудие изготовлено из рога, поверхность заполирована. Размеры 13,8x3,5x2,6-3 *см,* рабочая часть 3,2x2,9 *см* (рис.LXXV: 28).

Обнаруженные целые и фрагментированные псалии предскифских типов: трехдырчатые, с расположенными в одной плоскости и по всей длине отверстиями (подпрямоугольными или восьмерковидными), изготовлены из рога, поверхность всех изделий заполирована (рис.LXXV: 12, 17, 20, 22). Целый псалий изогнутой формы имеет один удлиненный конец, который ровно срезан и снабжен подпрямоугольным утолщением. Отверстия находятся на одинаковом расстоянии относительно друг друга. Одно из боковых отверстий подпрямоугольное, размерами 1,6x0,8 *см,* центральное и второе боковое — восьмерковидные, размерами 1,6x0,6-0,8 *см* и 1,4x0,5-0,7 *см.* В центральной части псалий округлый. Размеры: длина 14 *см,* диаметр сечения 1,8 *см* (рис. LXXV: 12).

От второго псалия сохранилась центральная часть с кубовидным утолщением и подпрямоугольно-восьмерковидным отверстием, размерами 1,3-1,5x0,4-0,6 *см.* Размеры: сохранившаяся длина 7,2 *см,* утолщение 2,2x2 *см,* диаметр сечения 1,5 *см* (рис .LXXV: 17). Обнаружена часть еще одного псалия изогнутой формы с одним, судя по расположению отверстий, удлиненным концом. Подпрямоугольные отверстия, размерами 1,7x1 *см,* снабжены кубовидными утолщениями. В сечении псалий округлый. Размеры: сохранившаяся длина 10,5 *см,* утолщения 2,3x1,8 *см,* диаметр сечения 1,5x1,7 *см* (рис. LXXV: 20). Четвертый псалий прямоугольной формы, уплощенно овальный в сечении. Восьмерковидные отверстия, размерами 1,4x0,5-0,7 *см,* 1,6x0,4-0,7 *см* и 1,4x0,3-0,6 *см,* расположены на одинаковом расстоянии относительно друг друга. Размеры: длина 10,3 *см,* ширина 1,9-2 *см,* толщина 0,7-0,9 *см* (рис. LXXV: 22).

К предметам конского снаряжения, возможно, относится и массивное кольцо, подпрямоугольное в сечении. Изготовлено из кости, поверхность заполирована и носит следы воз-

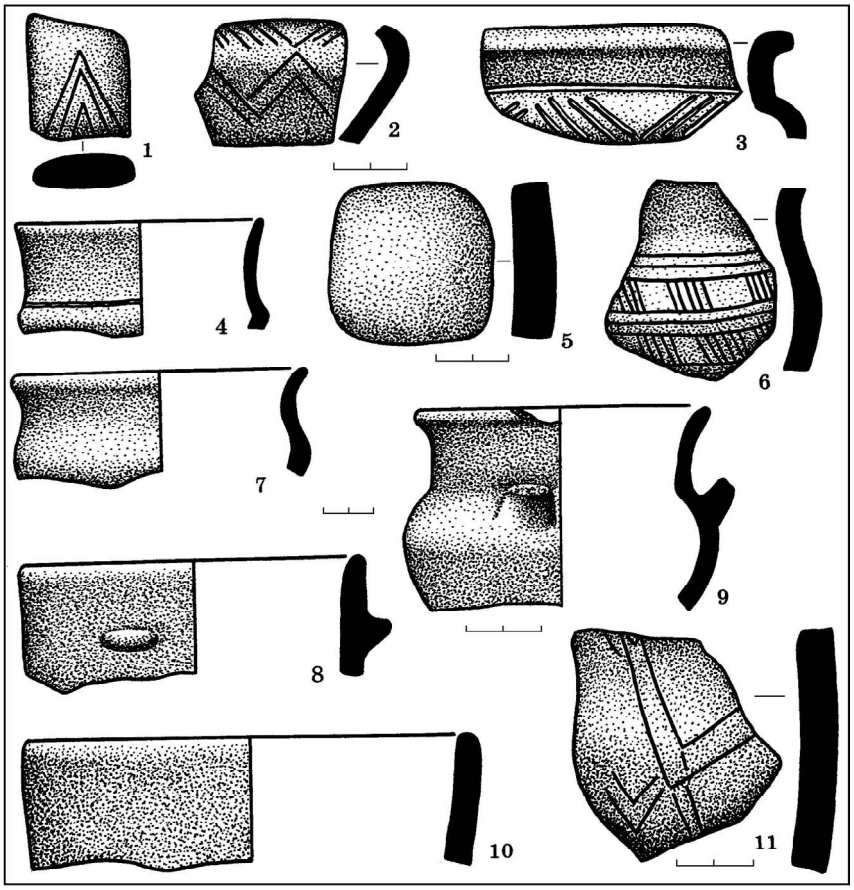


Рис. LXXVI. Городище Сахарна Микэ варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-4, 6-11 — керамика; 5 — кружок из стенки сосуда.

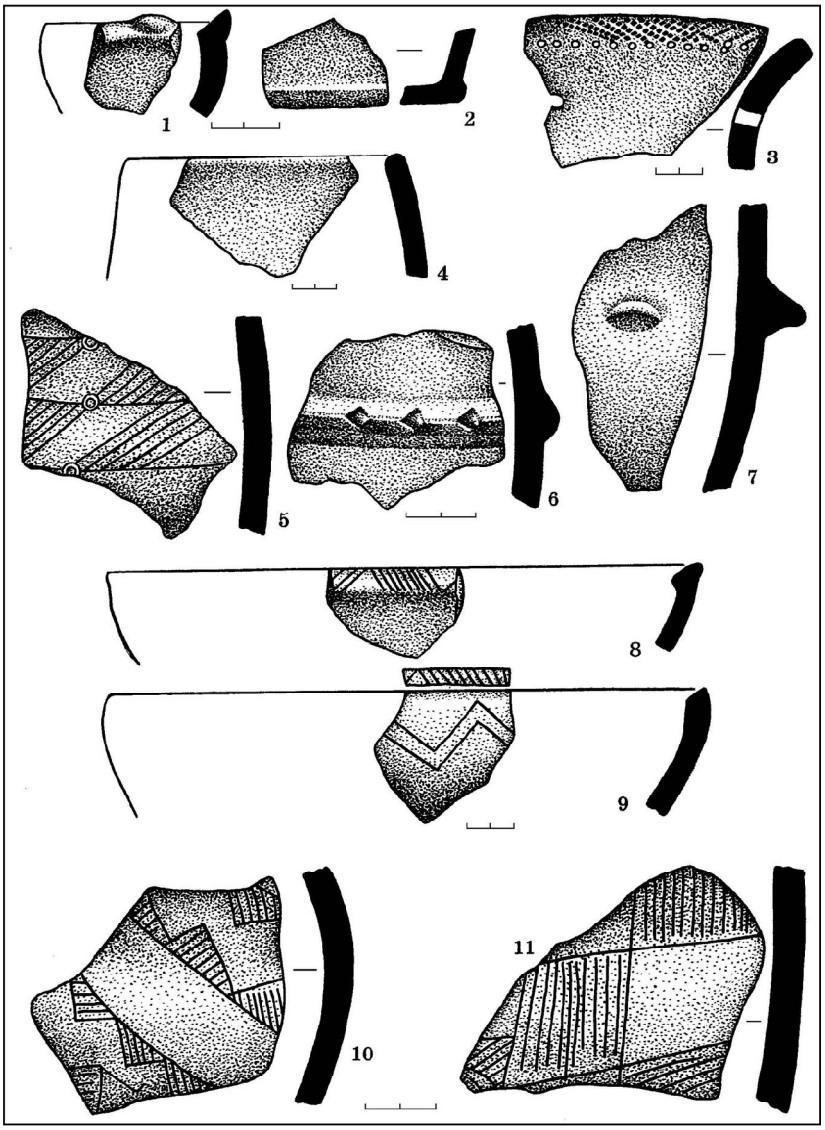


Рис. LXXVII. Поселение Сахарна-Валя Цыглэу варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-11 — керамика.

века на этом памятнике: раннегальштатского типа Сахарна и гетской культуры. Массовый материал показывает, что на вскрытых в 1946 г. участках преобладали гетские древности, тогда как раннегальштатские типа Сахарна составили 35%.

Статистическая обработка сохранившейся керамической коллекции раннегальштатского горизонта типа Сахарна этого памятника (181 фрагмент) показала, что соотношение кухонной и столовой посуды составило 35,45 к 64,6% (рис.LXXVI). Среди столовой посуды отмечу фрагмент корчаги с редким видом резного геометрического узора (рис. LXXVI: 11), а также несколько фрагментов черпаков и кубков, украшенных пролощенным и прочерченным узором (рис. LXXVI: 3).

Из индивидуальных находок сохранился подквадратный кружок из стенки чернолощеной корчаги, края которого сточены. Диаметр кружка 4,5 (5,2) *см* (рис. LXXVI: 5).

В раскопе III Сахарны Микэ (на месте курганообразного сооружения с каменной конструкцией в восточной части памятника), на глубине 0,3 и 0,95 *м,* были обнаружены два фрагмента черепных крышек человека. Это фрагмент теменной кости, а второй обломок черепа принадлежал индивидууму мужского пола (определение антрополога А.М.Варзаря).

Раннегальштатский горизонт типа Сахарна городища Сахарна Микэ можно датировать в пределах хронологических рамок, принятых для этой группы в целом, но, учитывая его близость материалам Сахарны Маре — IX-первая половина VIII вв. до н.э.

3.1.В. Поселение Сахарна-Валя Цыглэу — в 300 *м* к северо-западу от западной окраины с.Сахарна, на склоне небольшого оврага коренного берега р.Днестр (рис. XLIII: 49).

Поселение открыто в 1946 г. разведками археологической экспедиции под руководством Г.Д.Смирнова (Смирнов 1949: 200). В 1950 г. археологической экспедицией под руководством Г.Д.Смирнова и Г.П.Сергеева, параллельно с исследованием Сахарнянского могильника I

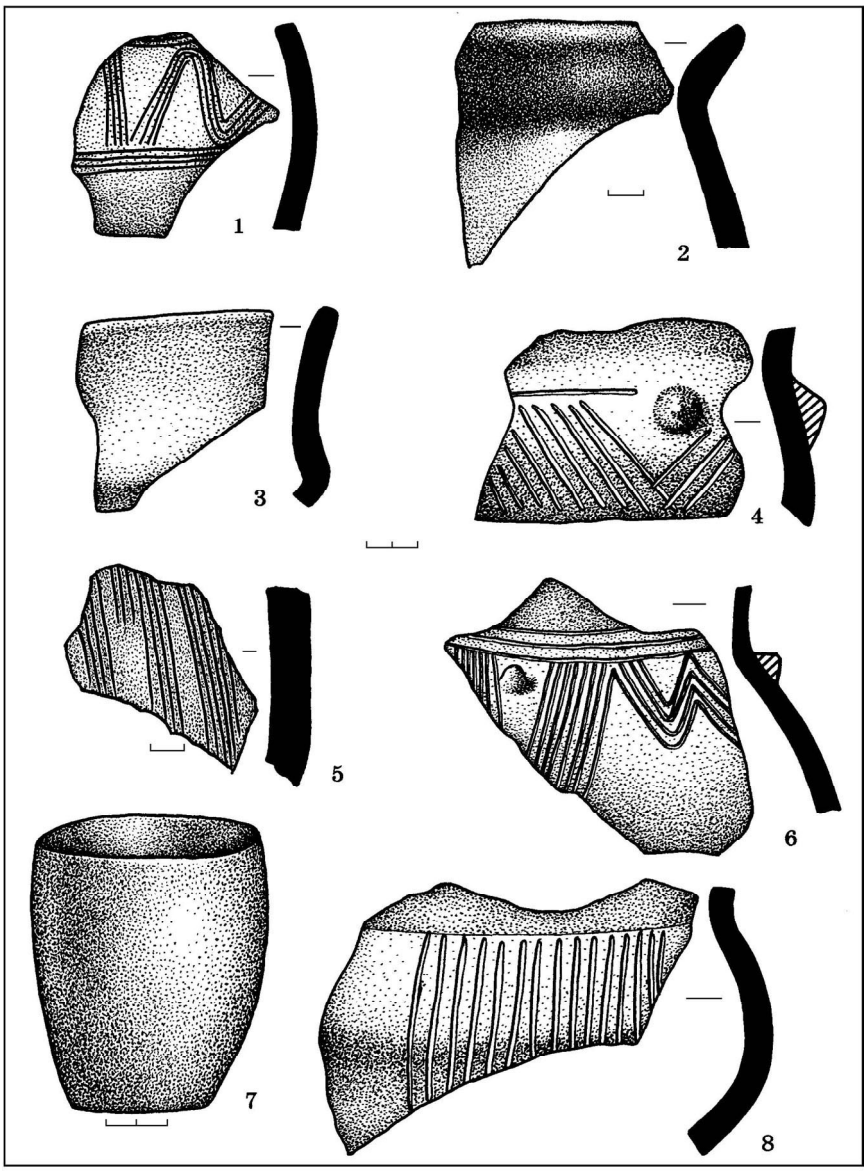


Рис. LXXIX. Поселение Солончень-Хлиная варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Керамика из закрытого комплекса (7 — яма №3 Р. III 1953 г.) и культурного слоя (1-6, 8) горизонта Холеркань.

а на поселении возле северо-восточной окраины с.Сахарна, на правом коренном берегу р.Днестр. Это поселение и обозначается как «Сахарна I» (рис. XLIII: 61).

На поверхности поселения, площадью около 1,5 га, прослеживались пять слабо золистых пятен, содержащих большое количество культурных остатков. На месте одного из них был разбит раскоп, площадью 120 *кв.м*, которым вскрыта часть зольника и небольшая площадь к востоку от него.

Зольник, по линии восток-запад диаметром больше 20 *м,* состоял из небольших скоплений чистой золы, чередующихся с золистым черноземом и включениями обмазки от очагов и печей. Во всех слоях зольника содержалось большое количество фрагментов керамики и костей животных. Подошва зольника находилась на древней дневной поверхности, на глубине 0,9-0,95 *м* от современной поверхности.

Рядом с восточным краем зольника были зафиксированы 4 *хозяйственных сооружения* (округлые в плане ямы) и округлая каменная вымостка, диаметром 1,4 *м,* обмазанная тонким слоем глины.

К северу от восточного края зольника обнаружены остатки *стационарного отопительного сооружения* — купольная печь, относящаяся к типу I подтипу 1 варианту Б.

Печь была установлена на черноземной «подушке», имела обставленную с трех сторон небольшими плоскими камнями топку, глинобитную припечку и купольный глинобитный свод каркасно-прутьевой конструкции. Под печи частично состоял из обломков глиняных сосудов, не составляющих регулярной выкладки.

При раскопках поселения была обнаружена сравнительно большая коллекция керамики, а также изделия из глины (пряслица и грузики, штамп для орнаментации посуды), камня и кремня, кости (проколки и наконечник стрелы) и бронзовая булавка.

раннего железного века: двум раннегальштатским типа Холеркань и Сахарна, среднегальштатскому типа Басарабь-Шолдэнешть, позднегальштатскому VII-середины V вв. до н.э. и гетской культуры. Раннегальштатские материалы типа Холеркань и Сахарна составили 67,6% массовых находок поселения Солончень-Хлиная, среднегальштатские — 5,2%, позднегальштатские и гетские, соответственно, 7,6% и 19,6%. Два последних горизонта детально представлены в отдельной работе (Kaşuba, Haheu, Levițki 2000).

Необходимо отметить крайнюю неполноту сохранившихся материалов раскопок 1952-53 гг.: из 19 исследованных в 1952 г. закрытых комплексов (ям) частичные находки имеются из 6, а из 44 исследованных закрытых комплексов 1953 г. — из 24. Поэтому, в тексте широко привлекаются данные полевых отчетов 1952-53 гг. для характеристики жилых и хозяйственных сооружений, при этом сохранившийся материал все же является статистически достаточным.

К раннегальштатским древностям Холеркань и Сахарна этого поселения относятся: полуземляночные жилища I-III (ямы №№ 1, 4, 5 P.IV 1953 г.); производственные комплексы — ямы №№ 3 и 6 P.I 1952 г.; 3 P.III 1953 г.; 1 и 5 P.V 1953 г.; хозяйственные комплексы раскопов I-III 1952 г. и раскопов I-VII 1953 г. с 55 ямами различного назначения; культовый комплекс — яма № 11 P.IV 1953 г.; переносные отопительные сооружения (обломки жаровен), а также коллекция керамики, состоящая из 12 целых и археологически целых сосудов и 2991 фрагмента, и 60 индивидуальных находок (рис. LXXVIII-LXXXVI).

Основные материалы типа Холеркань были получены при исследовании зольника в юго-западной части поселения Солончень-Хлиная — в P.VI 1953 г., где они составили 34,7% всей обнаруженной там керамики. Нужно упомянуть и слабую насыщенность P.VI 1953 г. закрытыми комплексами по сравнению с другими участками. Ни один из закрытых комплексов этого раскопа достоверно нельзя соотнести только с древностями типа Холеркань, но только вместе с древностями группы Сахарна. При этом находки типа Холеркань присутствовали в других раскопах южной части поселения (P.III-V 1953 г.), в том числе в закрытых комплексах группы Сахарна — ямы №№ 1, 3 и 5 P.III 1953 г.; 4 (жилище II) P.IV 1953 г. и 1-I P.V 1953 г. Таким образом, древности типа Холеркань поселения Солончень-Хлиная обнаружены исключительно в сахарнянском контексте и фиксируют ранний этап Сахарны этого памятника. К наиболее ранним закрытым комплексам можно отнести яму № 3 P.III 1953 г., в заполнении которой наряду с древностями типа Холеркань среди фрагментов столовой посуды группы Сахарна не найдены обломки, на которых бы сочетался резной и штампованный геометрический узор.

Вышеизложенное позволяет считать, что юго-западная и южная части памятника с имеющимися там ранними материалами типа Холеркань являются первоначальным центром поселения, от которого началась застройка данного местонахождения. Не исключено, что поселение Солончень-Хлиная было основано во второй половине-конце X в. до н э. совместно населением типа Холеркань и племенами группы Сахарна. Возможен и другой вариант, когда в конце X в. до н.э. племена группы Сахарна появились в уже существующем поселке населения типа Холеркань, где продолжилось их совместное дальнейшее проживание (вплоть до растворения «местных» жителей в среде «пришельцев»). В любом случае, древности типа Холеркань попали в сахарнянскую культурную среду, где были восприняты и преобразованы в соответствии с культурными традициями типа Сахарна.

Горизонт типа Холеркань на поселении Солончень-Хлиная, поэтому, выделяется условно, для более четкого обозначения такого рода находок в среде группы Сахарна. В данном случае важен сам факт сосуществования этих двух культурных групп на поселении Солончень-Хлиная. Анализ керамической коллекции и вещевого инвентаря, а также наличие древностей типа Холеркань позволяют начало раннегальштатского горизонта Сахарна этого памятника относить ко второй половине-концу X в. до н.э.

На поселении Солончень-Хлиная выделяются два смешанных сахарнянско-шолдэнештских комплекса, когда бытовавшие в период Сахарны постройки были перестроены и эксплуатировались и во время культуры Басарабь-Шолдэнешть (ямы №№ 1 P.V 1953 г. и 3 P.VII 1953 г.). Эти комплексы относятся к смешанным сахарнянско-шолдэнештским и по данным стратиграфии, несмотря на отсутствие части керамических находок из них (рис. LXXVIII: 9, 10, 12, 13). Поэтому, верхнюю границу бытования древностей типа Сахарна поселения Солончень-Хлиная можно датировать первой половиной-серединой VIII в. до н.э.

Раннегальштатский горизонт типа Холеркань

Выделяемый условно горизонт типа Холеркань поселения Солончень-Хлиная составляет 14,5% среди раннегальштатской (холерканской и сахарнянской) керамики этого памятника.

Самым ранним комплексом поселения Солончень-Хлиная является яма № 3 P.III 1953 г., эксплуатировавшаяся в качестве погребка для хранения припасов.

Яма № 3 P.III 1953 г. — неправильной овальной формы, ориентирована в направлении север-юг, размерами 230x160 *см* и глубиной 150 *см.* С южной, западной и восточной сторон вертикальные стенки образуют подбой у дна в 5-20 *см.* С северной стороны находился вход, который фиксируется пологой ступенькой шириной

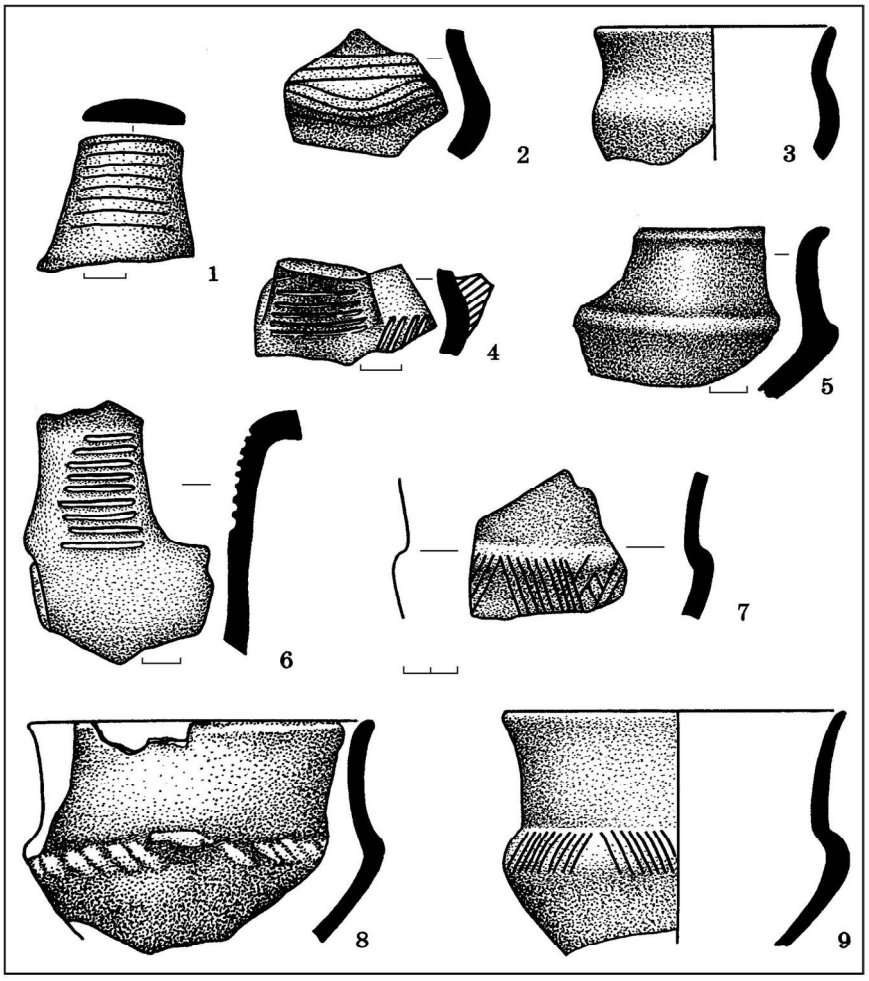


Рис. LXXX. Поселение Солончень-Хлиная варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-9 — керамика горизонта Холеркань.

Миски усеченно конической формы представлены 2 типами, сосуды обоих типов не орнаментированы.

I тип (тип VI вариант А по О.Г.Левицкому) составляют сосуды с загнутым внутрь закругленным краем, в двух случаях они были снабжены горизонтальными широкими каннелюрами. К этому типу относится небольшая мисочка, высотой 5,5 *см,* диаметром края 15,5 *см* и диаметром дна 6 *см.*

II тип (тип VI вариант В по О.Г.Левицкому) составляют миски с отогнутым наружу ровно срезанным краем, небольшим наклонным бортиком и округлым ребром в месте перехода бортика в тулово.

Керамика с пролощенным и прочерченным узором типа Холеркань составляет 16,2% среди орнаментированной столовой посуды группы Сахарна поселения Солончень-Хлиная. Это, в целом, совпадает с общим количеством идентифицированной холерканской посуды среди раннегальштатских экземпляров этого памятника. Наиболее распространенным мотивом пролощенного узора на керамике типа Холеркань в Солончень-Хлиная являются пучки косых параллельных линий, чередующихся под углом друг к другу, или в сочетании с волнистой полосой из четырех линий, а также ряды вертикальных параллельных линий. Такие мотивы орнаментации наиболее типичны и характеризуют в целом раннегальштатский горизонт с прочерченной и пролощенной керамикой типа Тэмэоань-Холеркань-Балта (László 1986: 65-91; Levițki 1994a: 223-232; Ванчугов 1993: 28-39).

Представленный керамический комплекс типа Холеркань поселения Солончень-Хлиная датируется второй половиной-концом X в. до н.э.

Раннегальштатский горизонт типа Сахарна

Жилые комплексы

В раскопе IV 1953 г. были зафиксированы 3 небольших полуземляночных жилища I-III, два из которых (жилища II и III) находились в непосредственной близости друг от друга, на расстоянии 0,5-1 *м.* Обнаруженные жилища I-III относятся к типу II подтипу 2 жилых сооружений культуры Козия-Сахарна (рис. LXXVIII: 3-5).

Жилище I (яма № 1) — полуземлянка неправильной овальной (бобовидной) формы, ориентированная в направлении север-юг, размерами 280x160-190 *см* и глубиной 90 *см,* общей площадью 5 *кв.м* (рис. LXXVIII: 3).

Полуземлянка состояла из входа-тамбура с южной стороны и округлого в плане более глубокого основного отсека. Вход полукруглой фор-

Шолдэнешть (рис. LXXVIII: 9, 10, 12, 13).

Яма № 1 P.V 1953 г. — неправильной овальной (восьмерковидной) формы, состоящей из двух соединенных секторов. Ориентирована в направлении запад-восток, размерами 335x135-190 *см* и глубиной 45-75 *см.* Восточный сектор на 30 *см* глубже западного. В месте соединения секторов с северной и южной сторон имеются по одной ступеньке, шириной 15-17 *см* и глубиной 29-33 *см* (рис. LXXVIII: 13).

Заполнение восточного сектора с глубины 45 *см* представлено суглинистым черноземом, в котором обнаружено около 40 фрагментов керамики, преимущественно, типа Сахарна.

Яма № 3 P.VII 1953 г. — неправильной овальной (восьмерковидной) формы, состоящей из двух соединенных секторов. Ориентирована в направлении север — юг, размерами 370x170-250 *см* и глубиной 95-140 *см.* Северный сектор на 45 *см* глубже южного. Стенки обоих секторов у дна образовывали подбои: в южном секторе в 15-20 *см* и северном — до 30 *см* (рис. LXXVIII: 12).

Заполнение комплекса с глубины 65-70 *см* представлено суглинистым черноземом с несколькими фрагментами керамики.

Характеризуя в целом закрытые комплексы Сахарны поселения Солончень-Хлиная, можно отметить, что они относятся к трем основным типам: I — округлые (овальные) с вертикальными стенками и горизонтальным дном — 54,6% (30 ям); II тип — округлые (овальные) с расширяющимися ко дну стенками (подбоем) и горизонтальным дном — 32,7% (18 ям) и III тип — округлые со скошенными ко дну стенками и горизонтальным дном — 12,7% (7 ям). Из ям I типа 33,3% составляют овальные ямы. Из ям II типа овальные ямы составляют 44,4%. Одна из ям III типа (14,3%) имела вогнутое дно, которое на 5-8 *см* повышалось к стенкам. Соотношение кухонной и столовой посуды в ямах трех типов составило 24,9% к 75,1%.

Культовый комплекс

Яма № 11 P.IV 1953 г. — округлая, диаметром 148 *см.* Вертикальные стенки на 10 *см* сужаются ко дну. Дно на 8-10 *см* понижается к востоку. Глубина 60 *см.* На дне зафиксированы 3 небольшие округлые ямки, углубленные от уровня дна на 8-15 *см.* В ямках находились по одному чернолощеному черпаку с резным геометрическим орнаментом.

Заполнение ямы представлено черноземом с интенсивными суглинистыми прослойками в придонной части. В заполнении обнаружено 76 фрагментов сосудов, обломки костей животных и множество мелких камней (Мелюкова 1954а: 89).

Из трех черпаков, обнаруженных в яме № 11, сохранились два, которые относятся к типу III варианту Б сосудов этой категории. Один из них украшен двойным пояском геометрического узора в виде пучков косых параллельных линий, чередующихся под углом друг к другу. С двух сторон поясок ограничен одинарными горизонтальными линиями. Пучком поперечных параллельных линий украшено и основание ручки у края венчика. Ручка обломана. Округлое дно снабжено умбоном в 2,5 *см.* Размеры: высота 6,9 *см,* диаметр венчика 8,5 *см,* максимальный диаметр тулова 9,2 *см* (рис. LXXXIV: 14). Второй черпак украшен пояском узора в виде горизонтальной полоски редко заштрихованных ромбов. С двух сторон поясок ограничен двойными горизонтальными линиями. Округлая ручка на перегибе снабжена высоким цилиндрическим выступом-упором, длиной 2,5 *см.* Диаметрально противоположно ручке, по линии максимального диаметра тулова, имеется небольшая коническая шишечка. Округлое дно снабжено умбоном, диаметром 2,5 *см.* Размеры: высота 6,5 *см,* диаметр венчика 8,3 *см,* максимальный диаметр тулова 9,2 *см* (рис. LXXXII: 1).

Особенности заполнения ямы № 11: наличие целых черпаков в ямках на дне, связанных с какими-либо жертвоприношениями (в виде жидкости или растительной пищи), и, возможно, последующая консервация комплекса (суглинистые прослойки в придонной части), — позволяют относить ее к разряду культовых. Аналогичный характер заполнения имели культовые комплексы I и II периодов бытования древностей типа Сахарна на поселении Алчедар III (Приложение 3.4).

Отопительные сооружения

При раскопках 1952-53 гг. поселения Солончень-Хлиная были обнаружены только обломки переносных отопительных сооружений, находящихся в закрытых комплексах группы Сахарна. Это обломки жаровен овальной формы, толщиной 3,5-4 *см* (рис. LXXXI: 7, 8). В отдельных случаях внешняя сторона жаровен была покрыта белой известковой пастой.

* * *

Характеристика массового материала горизонта Сахарна поселения Солончень-Хлиная дается по разработанной для керамики культуры Козия-Сахарна классификационной схеме (глава 3.1) с учетом археологически целых сосудов этого памятника, типы не описываются.

Керамика. Посуда группы Сахарна данного поселения традиционно делится на кухонную и столовую, а также культовую. Статистическая обработка керамической коллекции показала, что соотношение кухонной и столовой посуды составило 27,6% к 72,4%, т.е. лощеной посуды в 2,6 раза больше.

Кухонная посуда представлена горшками 4 основных типов: I тип — 53%; II тип — 9%; III тип — 31,4% и IV тип — 6,6%. Декорация горшков типична — налепной расчлененный валик, реже — поясок насечек-вдавлений или небольшие подпрямоугольные или подтреугольные выступы-упоры (рис. LXXXI: 1-6, 9). Целый горшок IV

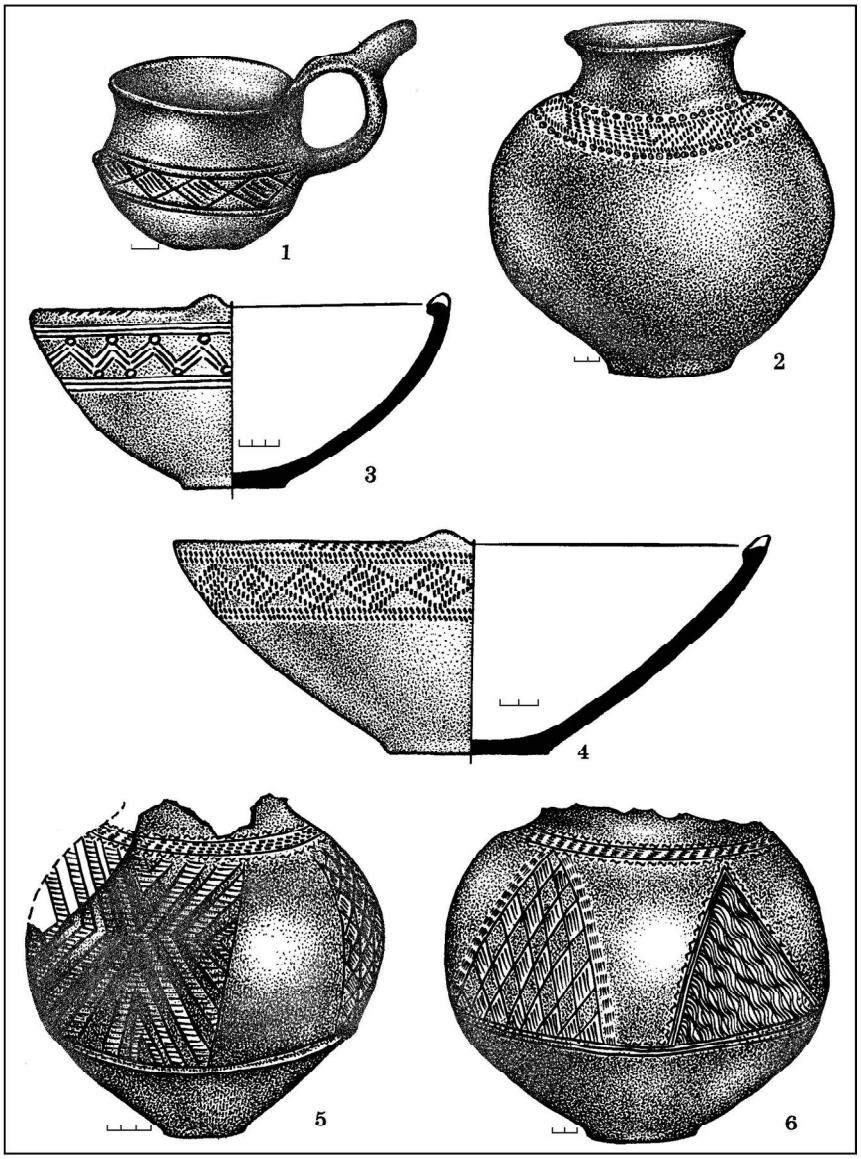


Рис. LXXXII. Поселение Солончень-Хлиная варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Столовая посуда из закрытых комплексов (1 — яма №11 Р. IV 1953 г.; 2, 5, 6 — яма №3 Р. III 1952 г.) и культурного слоя (3, 4).

в виде редко заштрихованных вертикальных ромбов. Один треугольник разделен на косые полосы, заполненные трех-четырех линейным зигзагом или волной. Боковые стороны треугольник ограничены одинарными — тройными линиями и полосками из оттисков S-овидного штампа или четырехштриховочного штампа. Размеры: сохранившаяся высота 28 *см,* диаметр тулова 32 *см,* диаметр дна 9 *см* (рис. LXXXII: 6).

Широкий налепной валик третьей корчаги расчленен косыми полосками из оттисков зубчатого штампа и ограничен с двух сторон одинарными полосками S-овидного штампа. Две верхние трети тулова покрывает полоса резного узора, состоящего из 4 секторов. Снизу полоса ограничена тройной линией. Орнаментация двух секторов розеточного типа, когда вписанные друг в друга заштрихованные углы сходятся вершинами к центру. Два других сектора разделены на вертикальные полосы заштрихованных ромбов. Размеры: сохранившаяся высота 28,6 *см,* максимальный диаметр тулова 30 *см,* диаметр дна 7 *см* (рис. LXXXII: 5).

Еще одна корчага, обнаруженная в яме № 10 Р.V 1953 г., относится к IV типу. Она украшена резным геометрическим узором в виде двойной полосы пучков косых параллельных линий, образующих горизонтальный елочный орнамент. Размеры: сохранившаяся высота 28,8 *см,* максимальный диаметр тулова 32 *см,* диаметр дна 12 *см* (рис. LXXXIII: 12).

Корчаги украшались пластическим декором и геометрическим орнаментом. Из пластического декора кроме налепного валика встречены выступы-упоры, в том числе округлой или овальной формы (рис. LXXXIII: 6, 7). В одном случае обнаружен фрагмент корчаги с небольшой округлой ручкой (рис. LXXXIII: 11). Геометрическим орнаментом украшено 43,4% корчаг, лишь в трех случаях резной и штампованный узор находился на внутренней стороне отогнутого венчика. Из нетипичных видов орнаментации

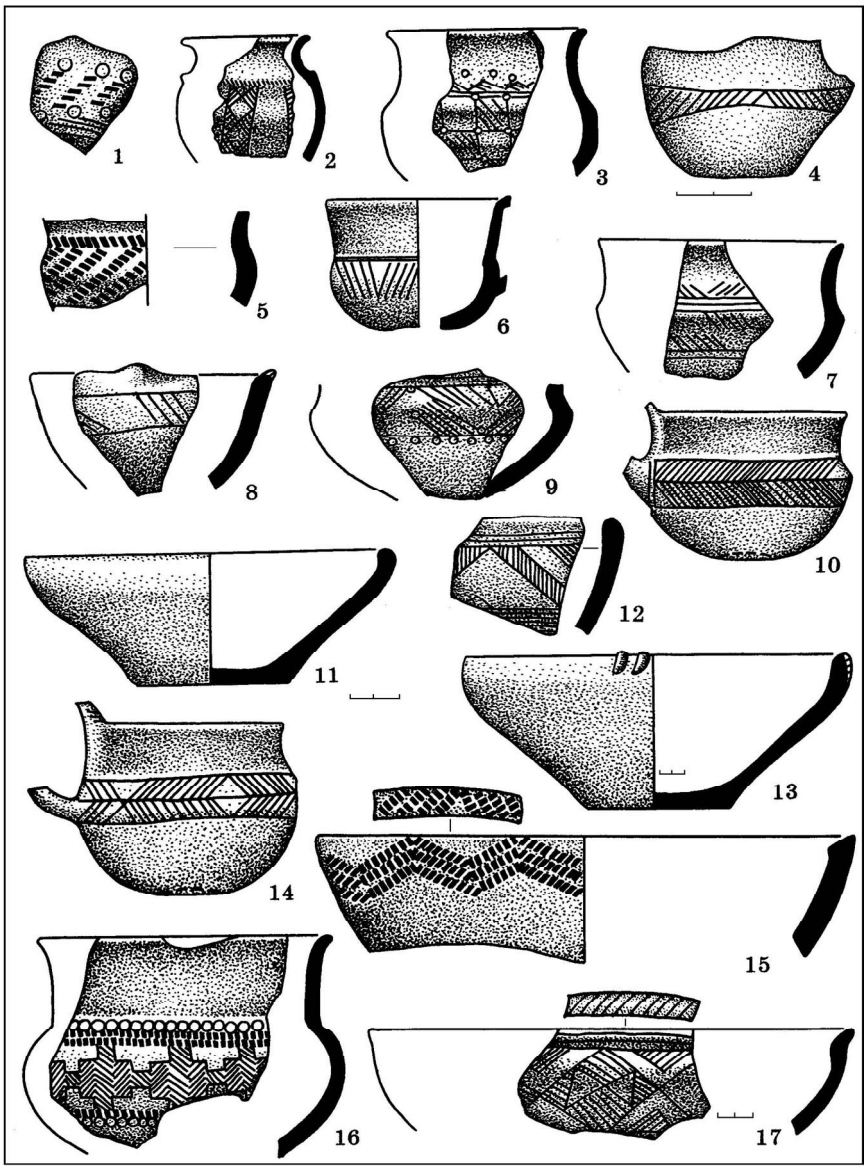


Рис. LXXXIV. Поселение Солончень — Хлиная варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Черпаки и кубки (1-7, 9, 10, 14, 16), миски (8, 11, 13, 15, 17) из закрытого комплекса (14 — яма №11 Р. IV 1953 г.) и культурного слоя (1-13, 15-17).

ми: I тип — 61,9% и II тип — 38,1%. Мисок III типа не обнаружено (рис. LXXXII: 3, 4; LXXXIV: 8, 11-13, 15, 17). Геометрическим узором украшены исключительно миски I типа — 56,8%. Лишь одна миска II типа была орнаментирована резным геометрическим узором (рис. LXXXII: 3). Пластический декор на мисках I типа в виде одинарных (в 1 случае двойных) лопастевидных выступов зафиксирован в 8 случаях (5,2%). В двух случаях отмечены одинарные и двойные короткие вертикальные валики (рис. LXXXII: 4; LXXXIV: 8, 13)

На поселении обнаружены две археологически целые миски I типа (рис. LXXXII: 4; LXXXIV: 13). Одна из мисок по краю украшена пластическим декором в виде двойных коротких вертикальных валиков, расположенных симметрично в четырех местах. Размеры: высота 12,5 *см,* диаметр венчика 31 *см,* диаметр дна 11,5 *см* (рис. LXXXIV: 13). Другая миска украшена пластическим декором и геометрическим резным и штампованным орнаментом в виде пучков резных косых параллельных линий по краю и штампованной полоской с лентой заштрихованных ромбов, ограниченной с двух сторон двойными линиями. Симметрично в четырех местах по краю миски находятся высокие лопастевидные выступы. Размеры: высота 8,5 *см,* диаметр венчика 26 *см,* диаметр дна 7 *см* (рис. LXXXII: 4).

Миска II типа также украшена пластическим декором и резным узором. Последний в виде пучков косых параллельных линий по краю и одинарной полоской с тройным зигзагом внутри, ограниченной с двух сторон тройными линиями. В вершинах внутреннего зигзага расположены одинарные кольчатые штампы. Симметрично в четырех местах по краю миски расположены полукруглые горизонтальные выступы. Размеры: высота 14 *см,* диаметр венчика 34 *см,* диаметр дна 8,6 *см* (рис. LXXXII: 3).

Мисковидные сосуды составляют 0,2% столовой посуды (пять фрагментов). Они украше-

0,5 *см,* сохранился фрагмент (рис. LXXXV: 23).

Один из миниатюрных сосудиков украшен двумя параллельными полосками косых линий из оттисков длинно зубчатого штампа. Размеры: высота 2,8 *см,* диаметр венчика 2,3 *см* и диаметр тулова 2,9 *см* (рис. LXXXV: 10). Второй такой же сосудик не орнаментирован, имеет умбон в 1 *см.* Размеры: высота 2 *см,* диаметр венчика 1,3 *см* и диаметр тулова 3 *см* (Мелюкова 1958: 79, рис. 24: 7).

Миниатюрные сосудики повторяют формы кухонной и столовой посуды — это фрагмент горшка II типа, сохранившейся высотой 3,7 *см,* диаметром венчика 6 *см* и диаметром тулова 6,5 *см* (рис. LXXXV: 12), а также фрагменты мисочек с загнутым внутрь краем, высотой 2,3-3,3 *см* и диаметром венчика 6-8,3 *см* (рис.LXXXV:6, 20, 21). На поселении найдена миниатюрная цедилка в виде мисочки с косо срезанным краем и частыми небольшими отверстиями в 0,2-0,3 *см.* Размеры: высота 2,3 *см,* диаметр венчика 8 *см* (рис. LXXXV: 15).

Характеризуя в целом керамическую коллекцию горизонта типа Сахарна поселения Солончень-Хлиная, отмечу следующее. В кухонной посуде при заметном преобладании горшков I типа велико количество горшков III типа, и незначительным числом представлены тюльпановидные сосуды IV типа. Среди корчаг известны ранние и поздние экземпляры. Среди черпаков отсутствуют сосуды IV типа и, в целом, преобладает тонкий резной узор. Орнаментированы только миски I типа, а миски III типа на поселении не известны. Незначительно количество мисковидных сосудов, среди которых экземпляры со штампованным узором не известны.

Все вышеперечисленные черты в сочетании с особенностями орнаментации позволяют относить керамическую коллекцию памятника к числу наиболее ранних, чей нижний хронологический рубеж может приходиться на вторую половину – конец X в. до н.э. Верхняя хронологическая граница по наличию смешанных сахарнянско-шолдэнештских комплексов попадает в первую половину-середину VIII в. до н.э.

Сохранившиеся ***индивидуальные находки*** горизонта Сахарна поселения Солончень-Хлиная представлены предметами производственно-бытового назначения, орудиями труда и украшениями. Это изделия из глины, камня и кремня, кости и рога, бронзы. Уточнить реальное количество индивидуальных находок, обнаруженных при исследовании памятника в 1952-53 гг., не представляется возможным. Ниже приводится описание сохранившихся образцов, часть которых уже была суммарно опубликована автором раскопок А.И.Мелюковой (рис. LXXXV: 1-5, 7-9, 11, 13, 14, 16-19, 22, 24-28; LXXXVI).

Изделия из глины составляют пряслица, катушка, фрагменты двух орнаментальных штампов, 5 кружков из стенок сосудов, фрагмент ложки-льячки, фрагмент светильника, пуговица, подвеска, а также пинтадерка и обломки антропоморфной и зооморфной фигурок (рис. LXXXV: 1-5, 7-9, 11, 14, 16-19, 22, 24-28).

Пряслица в плане округлые, в сечении биусеченно-конические или шаровидные. На поселении было найдено значительное количество пряслиц, они были обнаружены в каждом из раскопов 1952 и 1953 гг., в том числе имелись лощеные экземпляры, орнаментированные резным и штампованным геометрическим узором (Мелюкова 1954а: 110). На сегодняшний день сохранились лишь несколько неорнаментированных пряслиц (рис. LXXXV: 8, 9, 16, 17, 22).

Биусеченно-конические пряслица имеют два выраженных основания. Средние размеры: высота 2,2-3 *см,* диаметр оснований 1,3-1,6 *см,* диаметр 3-3,4 *см,* диаметр отверстия 0,8 *см.* Одно из таких пряслиц имело сравнительно небольшие размеры (рис. LXXXV: 1, 16, 17, 22).

Высота шаровидных пряслиц равна диаметру и составила 2,2 — 3 *см* при диаметре отверстия 0,7-0,8 *см* (рис. LXXXV: 8, 9).

Катушка с вогнутыми основаниями и продольным отверстием. Размеры: высота 2,6 *см,* диаметр оснований 2,6 *см,* диаметр отверстия 0,6 *см* (рис. LXXXV: 3).

С керамическим производством связаны орнаментальные штампы и кружки. Обнаруженные фрагменты относятся к числу комбинированных штампов. Один из них стержневидный, один конец слегка расплющен и сформован для нанесения S-овидного оттиска, второй — расширен в виде лопаточки (обломан). Размеры: сохранившаяся длина 3,6 *см,* толщина 0,4-0,8 *см* (рис. LXXXV: 5). Второй штамп, возможно, также стержневидный, от него сохранилась часть в виде лопаточки с глубокими насечками по краю для нанесения зубчатых оттисков. Сохранившиеся размеры 2x1,7-2,4 *см,* толщина 0,3-0,6 *см* (рис. LXXXV: 4).

Кружки сделаны из стенок столовых сосудов, два — из стенок с геометрическим узором. Средний диаметр 3,6-8 *см.* Один из кружков имел отверстие, два — намеченное отверстие (рис. LXXXV: 24, 25, 27, 28). Найден кружок, размерами 6,3x5,8 *см,* изготовленный из стенки кухонного горшка (рис. LXXXV: 24).

Сохранившаяся длина ложки-льячки овальной формы составила 2,7 *см,* ширина 3,6 *см* и толщина 0,5 *см* (рис. LXXXV: 18).

Фрагмент светильника в виде лодочки с глубоким продольным желобком по широкой плоскости. Размеры: сохранившаяся длина 3,2 *см,* ширина 3,7 *см* и толщина 0,6-1,2 *см* (рис. LXXXV: 19).

Пуговица округлая и плоская. Вокруг центрального поперечного отверстия имеются 10 округлых наколов. Диаметр 1,7 *см,* диаметр отверстия 0,2 *см* (рис. LXXXV: 11).

Подвеска овальной формы с продольным выступающим небольшим ребром, подтреугольная в сечении. В центре изделия, на ребре, име-

формы с обработанными краями и одной рабочей поверхностью. Сохранившиеся обломки зернотерок имеют размеры: 4,5-8х8,3х3 *см;* 11-16х5,3-7,3х2 *см* и 5,5-12,5х3-6х2,2 *см* (рис. LXXXVI: 24, 26, 27).

Точильный камень изготовлен из серого сланца, брусок прямоугольно-подтреугольной формы с поперечным отверстием возле зауженного конца. Сохранившиеся размеры 3х1-2,7х0,5 *см,* диаметр отверстия 0,3-0,5 *см* (рис. LXXXV: 13). Одно из лощил овально-цилиндрической формы с округленными углами. Один из широких концов заужен, сечение неправильно-подтреугольное. Размеры: 5,8х2,5-3,5х0,5-1,7 *см* (рис. LXXXVI: 20, 21).

От топоров-молотов сохранились верхние части с отверстием. Изделия, возможно, имели подпрямоугольную форму с округленными углами. Изготовлены из темно-серого гранита, поверхность отшлифована. Сохранившиеся размеры: 5х5 *см* при диаметре отверстия 2,2 *см* и 4,6х3 *см* при диаметре отверстия 2 *см* (рис. LXXXVI: 23, 25).

Изделия из кремня представлены вкладышами серпов различной формы (более 10 экземпляров), а также несколькими серпами и отщепами с ретушью (рис. LXXXVI: 12, 15, 19). Вкладыши серпов неправильной четырехугольной формы, изготовлены на отщепах светло-молочного кремня, имеют рабочее лощение на одной или двух сторонах. Размеры сохранившихся экземпляров 2х2,4х0,4 *см,* 2,4х1,3-2,2х0,7 *см,* 4,4х4,2 *см* и 5,8х2-2,8х0,3-0,9 *см* (рис. LXXXVI: 12, 15). Найден целый кремневый серп вытянутой сегментовидно-треугольной формы так называемого белогрудовского типа. На двух рабочих краях имеется рабочее лощение. Размеры 8,7х0,7-2,8х0,7 *см* (рис. LXXXVI: 19).

Изделия из кости и рога составляют целые и фрагментированные проколки, игла, штамп, два лощила, фрагменты роговых втулок, наконечник стрелы, подвеска и многочисленные костяные и роговые заготовки с надрезами и надпилами (рис. LXXXVI: 1-3, 7-11, 14, 16-18).

Проколки изготовлены на косо сколотых трубчатых костях мелкого рогатого скота. Поверхность изделий заполирована. Средняя длина 8-12 *см* (рис. LXXXVI: 7, 9, 11). Иголка с небольшим округлым отверстием. Сечение изделия округлое, головки — четырехугольное. Поверхность заполирована. Длина 5 *см* (рис. LXXXVI: 3).

Костяной штамп имеет форму широкого равнобедренного треугольника. По широкому рабочему краю имеются глубокие насечки-зубчики для обработки поверхности сосудов или нанесения зубчатых оттисков. Размеры 7х7х8,6 *см* (рис. LXXXVI: 14). Лощила изготовлены на сколотых трубчатых костях рогатого скота. Рабочие края подрезаны и округлены, имеют рабочее лощение. Размеры 9,3х2 *см* с рабочим краем в 4 и 1,2 *см;* 8,6х1,5 *см* с округленным концом и рабочим краем в 1,6 и 0,8 *см* (рис. LXXXVI: 8, 10).

Наконечник стрелы с четырехгранной пирамидальной головкой и двумя шипами (обломаны) для насадки на древко. Поверхность заполирована. Длина 2,6 *см,* длина пера 2 *см,* сечение 0,4х0,4 *см* (рис .LXXXVI: 1).

Подвеска из молочного зуба благородного оленя, с просверлиной (в 0,2 *см*) в верхней части для подвешивания (обломана). При этом сохранена естественная форма зуба. Поверхность заполирована. Сохранившаяся длина 2,5 *см* (рис. LXXXVI: 2).

К изделиям из бронзы относятся пять бляшек и фрагмент четырехгранной в сечении проволоки (рис. LXXXVI: 4-6, 13, 22).

Одна из бляшек прямоугольной формы с округленными углами. В центре имеются два округлых выступа, диаметром 0,4 *см,* выдавленных изнутри. Изготовлена из тонкой пластины в 0,2 *см.* Размеры 3х2 *см* (рис. LXXXVI: 13).

Бляшка-пуговица округлой формы была снабжена в центре небольшим округлым отверстием диаметром 0,25 *см.* Изготовлена из тонкой пластины. Диаметр 2,5 *см* (рис. LXXXVI: 22).

Три остальные бляшки округлые, с ушком на обороте. Одна из них, диаметром 1,7 *см,* имела утолщенное овальное ушко длиной 1 *см* (рис. LXXXVI: 4). Вторая, диаметром 2,2х2 *см,* имела небольшое округлое ушко длиной 0,4 *см* (рис. LXXXVI: 5). Третья, диаметром 2,7 *см,* была снабжена подквадратным ушком, размерами 0,4х0,3 *см* и отверстием в 0,1 *см* (рис. LXXXVI: 6).

Относящийся к горизонту Сахарна поселения Солончень-Хлиная вещевой инвентарь подтверждает датировку его в пределах второй половины-конца X — первой половины VIII вв. до н.э.

Поселение Солончень-Хлиная является наиболее ранним среди памятников группы Сахарна (восточной части ареала культуры Козия-Сахарна), что подтверждается и наличием горизонта Холеркань на этом местонахождении. На поселении обнаружено значительное количество костяных и роговых заготовок (помимо целых изделий), что может свидетельствовать о специализации его жителей в косторезной области. Отмечу и значительное количество кремневых вкладышей серпов, в том числе и один целый серп, подчеркивающих значительную роль земледелия в занятиях населения.

На поселении Солончень-Хлиная выявлена культурно-хронологическая колонка комплексов раннего железного века второй половины – конца X — первой половины III вв. до н.э.

3.3. Поселение Матеуць-Ла башнэ — в 2,5-3 *км* к северо-востоку от с.Матеуць Резинского района Республики Молдова (рис. XLII: 31).

Многослойное поселение Матеуць-Ла башнэ было открыто в 1986 г. разведками Северо-Молдавской археологической экспедиции под руководством О.Г.Левицкого. Исследовалось в

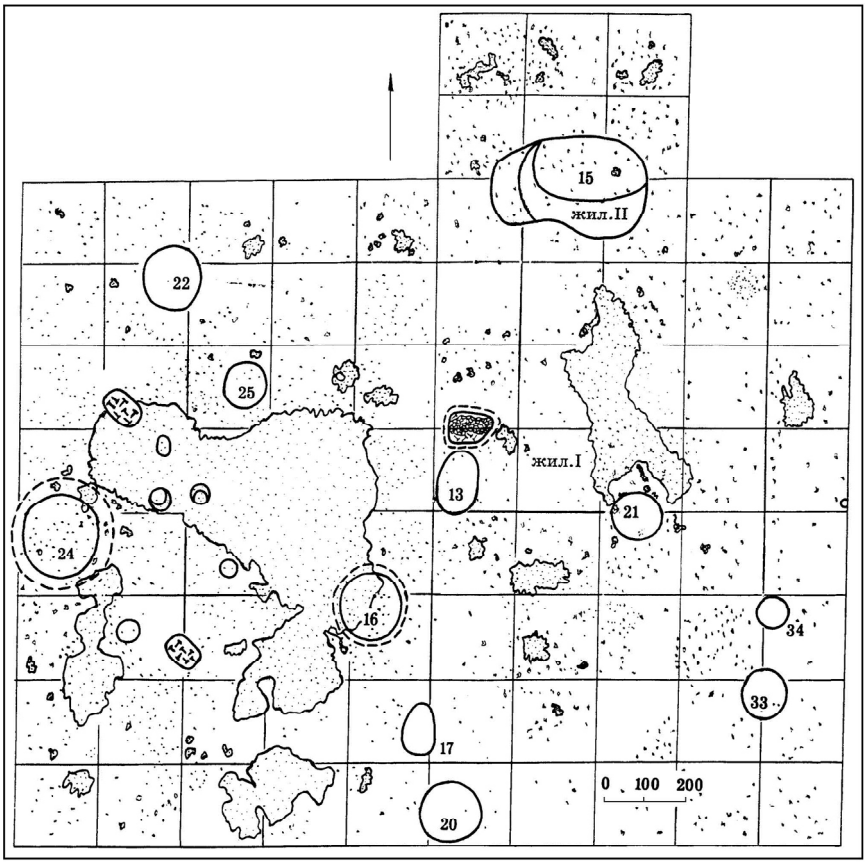


Рис. LXXXVII. Поселение Матеуць-Ла башнэ варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. План раскопа I.

Размеры обвала западной стены в среднем составили 5,8x2-4,2 *м* (рис. LXXXVII).

Во «внутренней» части жилища I было обнаружено 586 фрагментов керамики, глиняные пряслице и обломок орнаментального штампа, кружок из стенки сосуда, каменные отбойник и отбойник-растиральник, а также фрагмент костяного орудия для уплотнения нитей. Пряслице шаровидной формы, диаметром 2,2 *см* с отверстием в 0,8 *см.* Обнаруженный обломок штампа относится к типу серповидных. На приостренной рабочей поверхности имеются косые насечки для нанесения зубчатых оттисков. Размеры: сохранившаяся длина 2,8 *см,* ширина 2 *см,* толщина 0,3-0,8 *см* (рис. XCV: 18). Кружок сделан из стенки светлолощеной корчаги с геометрическим узором, диаметр 7 *см* (рис. XCV: 20). Отбойник из серо-розового песчанистого сланца овальной формы, концы сработаны. Размеры 10x6,6x3,5 *см.* Второе подтреугольное каменное орудие двойное — следы сработанности имеются как на плоской рабочей поверхности, так и на концах. Размеры 14,5x6,3-9x2,5-4,5 *см* (рис. XCVI: 14). Орудие для уплотнения нитей сделано из трубчатой кости животного, поверхность которой имеет многочисленные поперечные следы от нитей, заполирована. Концы орудия обломаны. Размеры: сохранившаяся длина 13,7 *см,* диаметр 2,3x1,7 *см* (рис. XXIX: 26).

Наземное жилище I обогревалось стационарным отопительным сооружением — куполь-ной печью, остатки которой зафиксированы в его центральной части (кв. Д,Е — 6). Печь была возведена на черноземной «подушке». От нее сохранился глинобитный под подпрямоугольной формы, ориентированный в направлении запад-восток, размерами 100x80 *см* и толщиной 3-5 *см.* Под сделан из хорошо промешанной глины, сверху обмазан тонким слоем глиняного раствора, прокален до ярко-красного цвета. На поде зафиксированы остатки рухнувшего свода в виде слоя в 5-6 *см* сильно пережженных мелких кусочков глиняной обмазки с золой и мелкими угольками. Печь имела купольный глинобитный свод каркасно-прутьевой конструкции (рис. LXXXIX: 3).

Вплотную к отопительному сооружению с юга примыкала выгребная яма для золы — яма № 13 (рис. LXXXIX: 11).

Яма № 13 (кв. Д — 6) — овальной формы, ориентирована в направлении север-юг, размерами 150x80-95 *см* и глубиной 30 *см* (рис. LXXXIX: 11).

В золистом, с большим количеством угольков и мелких пережженных камней, заполнении обнаружено 15 фрагментов керамики.

Надворную территорию жилища I составляют находящаяся к юго-западу яма № 16 и — к юго-востоку яма № 21 (рис. LXXXVII).

Яма № 16 (кв. В,Г — 4,5) — округлая, диаметром 160 *см.* Вертикальные стенки образуют подбой в 5-15 *см.* Дно вогнутое. Глубина 65-70

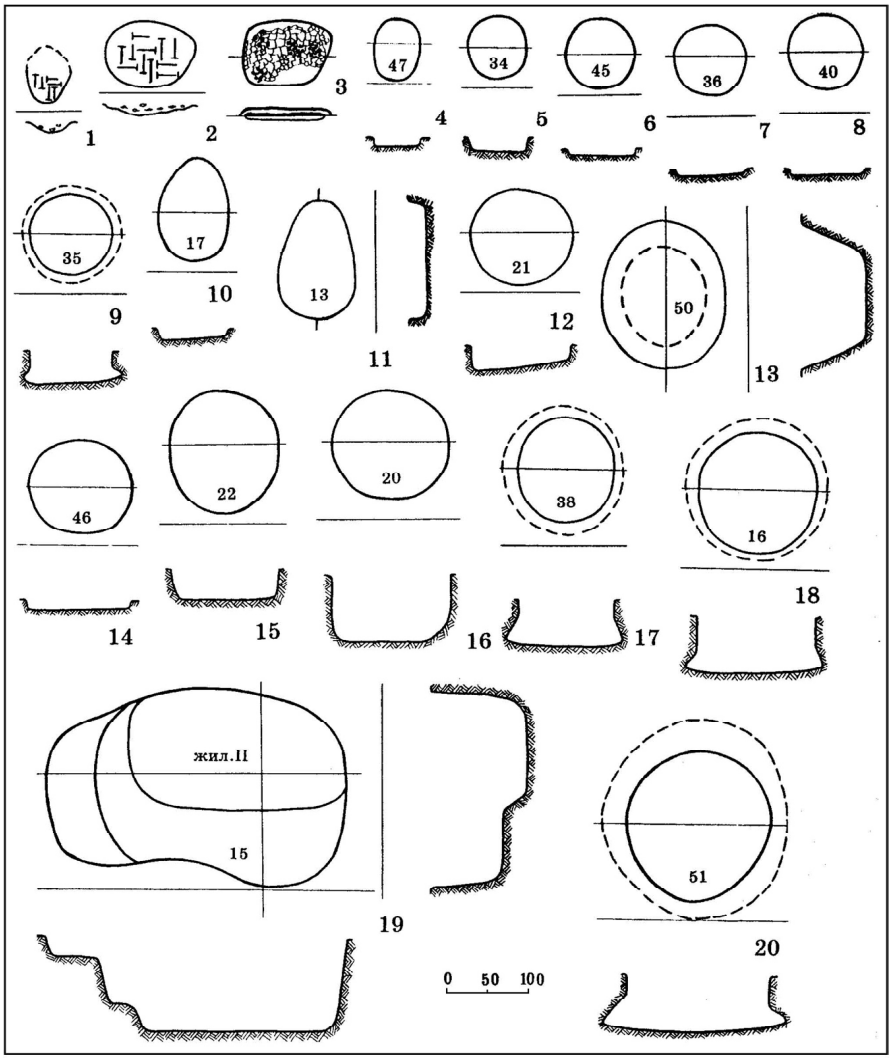


Рис. LXXXIX. Поселение Матеуць-Ла башнэ варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Жилое (19), хозяйственные (4-18, 20) и отопительные (1-3) сооружения.

редине (основание обломано). На ребрах имеются по 8 коротких поперечных насечек. В сечении — ромбовидный, поверхность заполирована. Размеры: сохранившаяся длина 2,4 *см,* ширина основания 1,1 *см* при толщине 0,5 *см* (рис. XCVI: 2).

Хозяйственные комплексы

В юго-западной части раскопа II зафиксирован хозяйственный комплекс, состоящий из трех секторов (ямы №№ 42,43 и 44) (рис. LXXXVIII).

Стратиграфические наблюдения и анализ находок из ям №№ 42-44 позволяют считать их смешанными сахарнянско-шолдэнештскими комплексами и выделить три периода их эксплуатации: два первых соотносятся с группой Сахарна, третий — с последующими древностями Басарабь-Шолдэнешть (рис. XC: 5, 6, 9, 10).

Ямы №№ 43-I, 44-I (кв. В,Г — 12) — первоначально этот комплекс состоял из двух соединенных отсеков и имел неправильную овальную (восьмерковидную) форму, был ориентирован в направлении запад-восток. Размеры 270x100-190 *см,* с подбоем у дна в 18-40 *см.* Глубина 92-110 *см,* восточный отсек на 8-18 *см* глубже западного (рис. XC: 5).

Заполнение представлено суглинистым черноземом, практически, без культурных остатков. Возможно, первоначально комплекс использовался в качестве хранилища.

Второй период эксплуатации этого комплекса связан с его расширением (еще один отсек (яма № 42) был пристроен с северо-запада) и возведением в среднем отсеке (яма № 43) стационарного отопительного сооружения на уровне пола нового северного отсека (яма № 42) (рис. XC: 9).

Ямы №№ 42-I, 43-II, 44-II (кв. Б,В,Г — 11,12) — таким образом, во второй период эксплуатации комплекс состоял из трех последовательно соединенных отсеков, составляющих неправильную овальную форму. Комплекс был ориентирован в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 410x100-190 *см,* глубиной 65-70 *см,* и имел стационарное отопительное сооружение — очаг открытого типа (рис. XC: 9).

Яма № 42-I (северный сектор; кв. Б — 12) — подовальной формы, размерами 160x140 *см.* Стенки вертикальные, дно ровное. Глубина 62 *см.*

Заполнение с глубины 26-30 *см* (уровня обнаружения) представлено суглинистым черно-

ся небольшие развалы фрагментов глиняной обмазки с отпечатками прутьев (но столбовые ямки не прослеживались).

Третий период эксплуатации этого комплекса, когда он вновь был расширен и перестроен, связан с периодом культуры Басарабь-Шолдэнешть.

Отопительные сооружения

К стационарным отопительным сооружениям горизонта Сахарна этого поселения относятся купольная печь из наземного жилища I раскопа I (описана выше), а также три очага открытого типа из раскопа II — очаг № 1 производственного комплекса (яма № 43) (описан) и выносные очаги №№ 3 и 4, зафиксированные в северной и южной частях раскопа, а также обломки округло-овального очага из разрушенной ямы в траншее газопровода (рис. LXXXIX: 1, 2; XCI: 1).

Очаг № 3 (кв. А — 8,9) — овальный под, ориентированный в направлении север-юг, размерами 70х55 *см* и толщиной 10-15 *см.* Под состоял из фрагментов обмазки, вплотную прилегающих друг к другу (рис. LXXXIX: 1).

Очаг № 4 (кв. В — 1) — овальный под, ориентированный в направлении запад-восток, размерами 110х84 *см* и толщиной 10-15 *см.* Под состоял из вплотную прилегающих друг к другу 39 фрагментов обмазки. Видимо, был изготовлен плетневой каркас, на который был наложен слой глины (рис. LXXXIX: 2).

К стационарному очагу, возможно, принадлежат и 2 обломка бортика, шириной 2-2,4 *см,* расчлененного вдавлениями от ладони. Очаг был округло-овальной формы, диаметром около 100-120 *см* (рис. XCI: 1).

К переносным отопительным сооружениям относятся пять обломков жаровен.

Характеризуя в целом закрытые комплексы группы Сахарна поселения Матеуць-Ла башнэ (табл. XII), отмечу, что они традиционно относятся к трем основным типам: I тип — 40,7% (11 ям); II тип — 40,7% (11 ям) и III тип — 18,6% (5 ям). Из ям II типа 45,5% составляют комплексы с вогнутым дном, которое на 5-8 *см* повышается к стенкам. Соотношение кухонной и столовой посуды в ямах трех типов примерно одина-

Ссылка на табл. 11

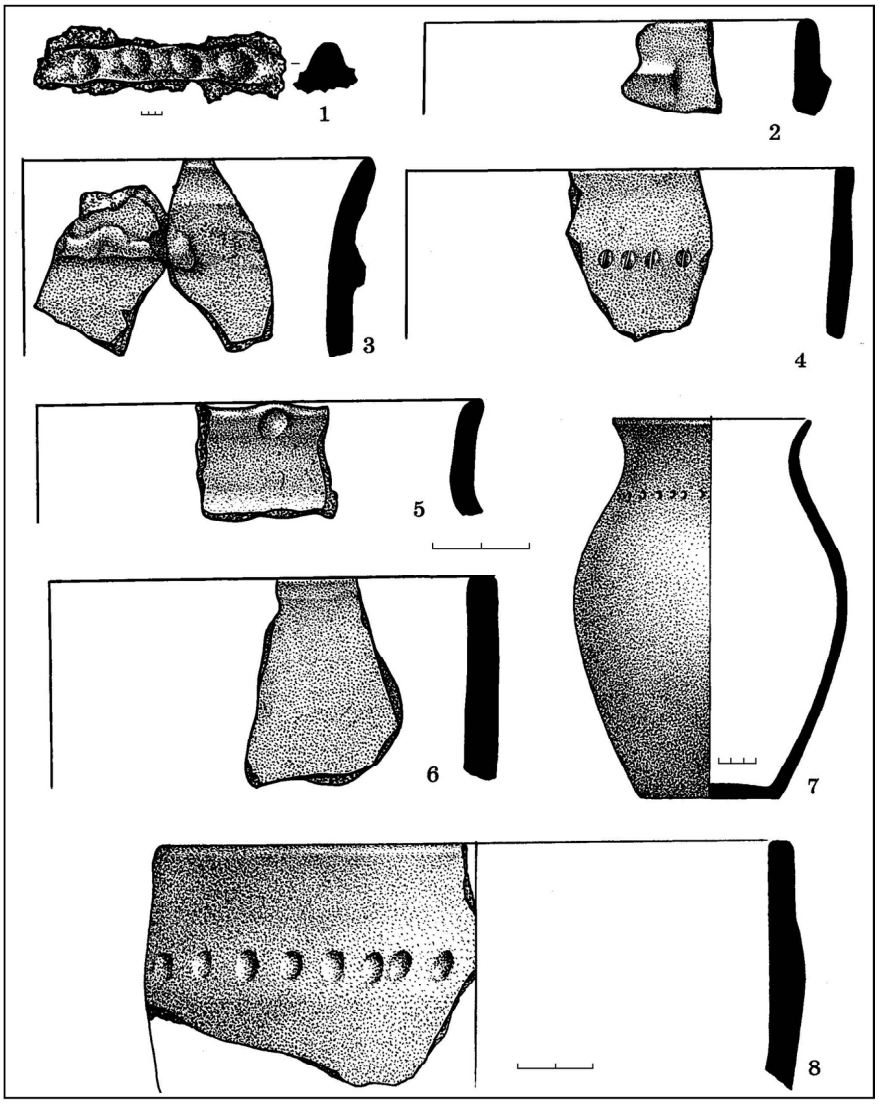


Рис. XCI. Поселение Матеуць-Ла башнэ варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Кухонная посуда (2-8) и жаровня (1).

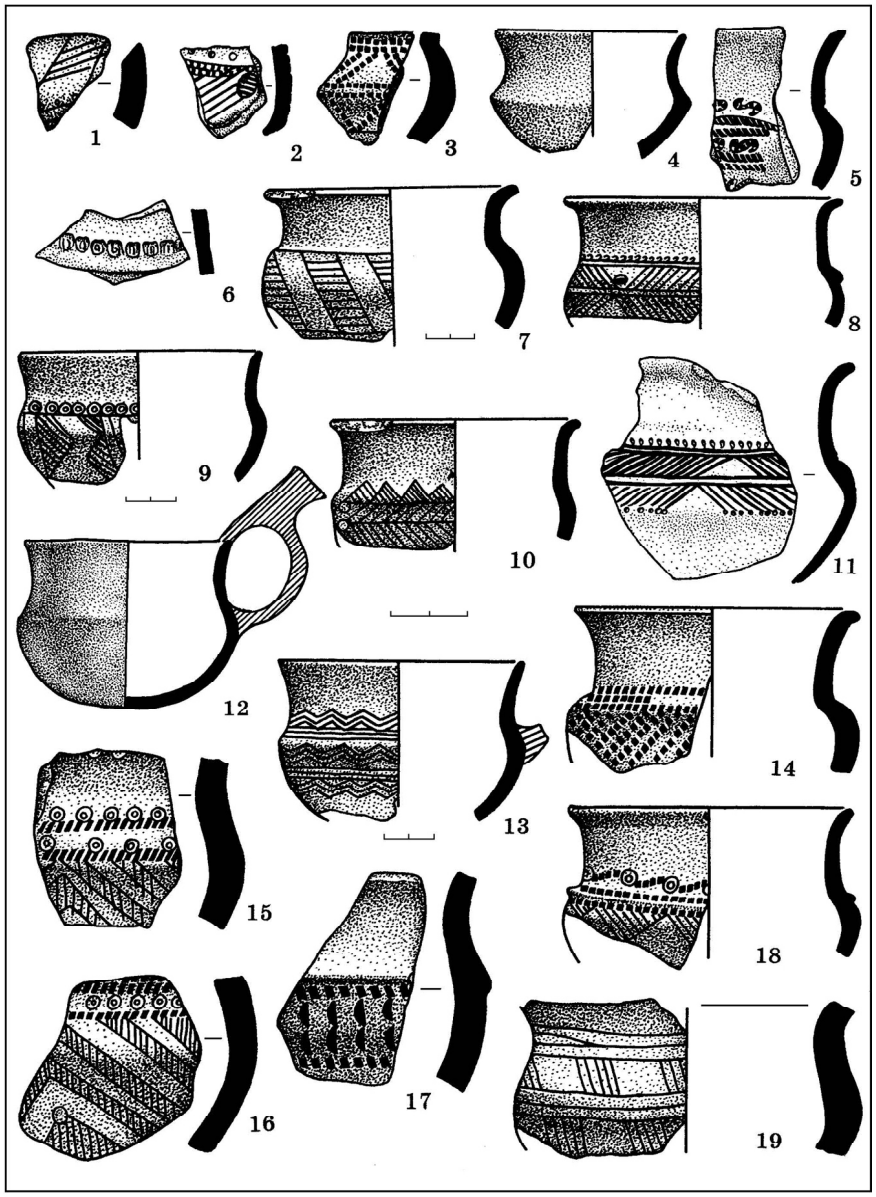


Рис. XCIII. Поселение Матеуць-Ла башнэ варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-19 — черпаки и кубки.

яском пальцевых вдавлений позволяют отнести его к неклассическим тюльпановидным горшкам. Размеры: высота 31 *см,* диаметр венчика 16 *см,* максимальный диаметр тулова 22 *см,* диаметр дна 11 *см* (рис. XCI: 7).

К кухонной посуде горизонта Сахарна относятся и два фрагмента цедилок, представляющих собой чашеобразные сосуды с многочисленными отверстиями в стенках.

Столовая посуда представлена сосудами 5 основных категорий: корчаги, черпаки и кубки, миски, мисковидные сосуды. Столовая керамика памятника, в основном, серо- и чернолощеная, сосуды со светло-желтым или желто-оранжевым лощением составляли около 5%. Геометрическим орнаментом украшено 25,2% всех разновидностей столовой посуды (рис. XCII-XCIV).

Корчаги составляют 52,6% столовой посуды. Подсчитать количественное соотношение трех основных типов корчаг невозможно из-за сильной фрагментированности материала. Корчаги украшались пластическим декором и геометрическим узором. Геометрическим орнаментом украшено 24,2% корчаг, в 6 случаях (0,3%) штампованный геометрический узор находился на отогнутом наружу венчике сосудов (рис. XCII). К пластическим видам декора относятся невысокий налепной валик, иногда расчлененный косыми насечками или насечками из зубчатых оттисков, а также 2-4 выступа-упора. Нередко пластический декор сочетался с геометрическим узором.

В одном случае обнаружен фрагмент корчаги с парными выступами (сочетание нижнего подпрямоугольного с верхним коническим) — прием, характерный для керамики культуры каннелированного гальштата Кишинэу-Корлэтэнь.

На поселении найдено 53 фрагмента корчаг (2,6% общего количества корчаг) с внешней чернолощеной и внутренней — красно-оранжевой

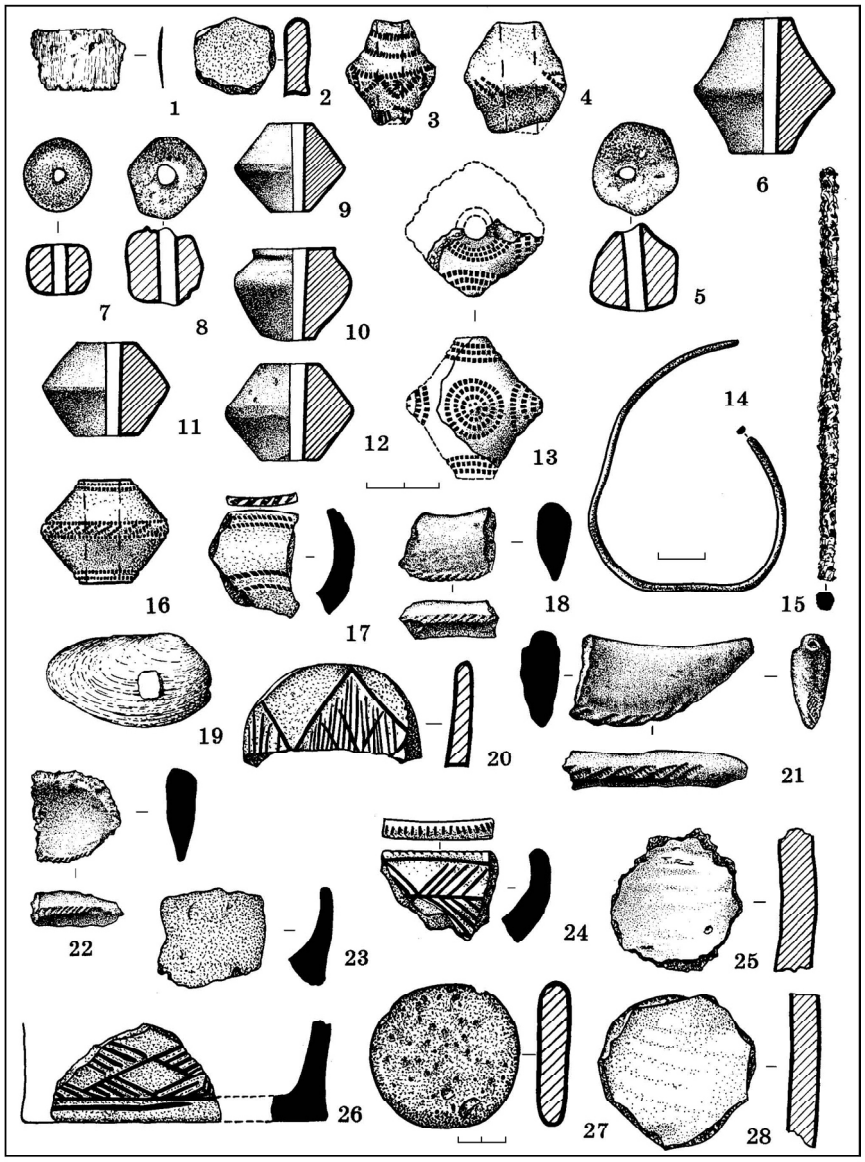


Рис. XCV. Поселение Матеуць-Ла башнэ варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Изделия из глины (2-13, 16, 18, 20-22, 25, 27, 28), бронзы (1, 14), железа (15), ракушка Unio (19) и миниатюрные сосудики (17, 23, 24, 26).

посуды поселения штампов отмечу: I — наиболее распространенные мелко-, средне- и крупнозубчатый; кольчатый (одинарный, двойной и с крестом посередине); S-овидный (простой и мелкозубчатый); II — менее распространенные ω-образный; небольшой поперечно заштрихованный овал; небольшой заштрихованный параллелограмм; сегментовидный.

Прочерченным орнаментом украшено 6% столовой посуды, а пролощенный обнаружен на 1% керамики.

К культовой посуде относятся ножка от зооморфного сосудика, 4 фрагмента пиксид и 3 фрагментированных миниатюрных сосудика (рис. XCV: 17, 23, 24, 26).

Ножка (сохранившаяся высота 3,2 *см,* «стопа» 2,8x1,4 *см*) принадлежит к зооморфному сосудику на ножках, которые известны на других поселениях группы Сахарна (Хлижень II-Ла Шанц, Алчедар III).

Пиксиды представляют собой низкие стаканообразные сосудики с плоским дном, имеющим небольшую закраину. Диаметр венчика таких пиксид равен диаметру дна (8-9 *см*). Как правило, стенки (иногда дно) украшались резным узором, выполненным исключительно в резной технике (рис. XCV: 26).

Миниатюрные сосудики повторяют формы столовой посуды — это фрагменты мисочек с округленным загнутым внутрь краем. Одна из мисочек украшена полосками штампованного орнамента (высота сосуда 3 *см,* диаметр края 8 *см*), вторая — резным узором (высота 3,5 *см,* диаметр края 10 *см*) (рис. XCV: 17, 23, 24).

Керамический комплекс горизонта Сахарна поселения Матеуць-Ла башнэ имеет ранние и поздние черты, что вполне согласуется с датировкой в пределах конца X — первой половины VIII вв. до н.э.

Индивидуальные находки представлены предметами производственно-бытового назначения, орудиями труда, украшениями и облом-

3,4 *см* (рис. XCV: 10).

Найденные грузики округлые в плане и неправильно цилиндрические в сечении, с относительно небольшим продольным отверстием диаметром 0,3-0,4 *см.* Размеры 2,5x2,2 *см* и 5x2 *см* (рис. XCV: 5, 8).

С керамическим производством связаны штампы, кружки и лощила. Обнаруженные фрагменты относятся к серповидным штампам, на широкой заостренной стороне которых имеются косые насечки для нанесения зубчатых оттисков на поверхность сосудов. У одного из штампов сохранился зауженный конец, которым наносился кольчатый оттиск. Сечение штампов каплевидное (рис. XCV: 18, 21, 22).

Кружки сделаны из стенок столовых сосудов, средний диаметр 3,8-4,8 (6,2-7) *см.* Три кружка изготовлены из стенок кухонных горшков, один из которых посередине имел отверстие в 1 *см* (рис. XCV: 20, 25, 28).

Глиняные лощила шаровидной формы диаметром 2-2,4 *см.*

Хлебцы уплощенно округлой или овальной формы. На плоской поверхности одного из них имеется хаотичный точечный орнамент. Диаметр 3,2-6,4 *см,* толщина 1-1,5 *см* (рис. XCV: 27).

К украшениям относится бусина округлой формы, уплощенная с двух сторон, с отверстием в 0,3 *см.* Размеры 1,3x1 *см* (рис. XCV: 7).

Изделия из камня и кремня представлены многочисленными орудиями труда и обломком цилиндрического молотка. Каменные изделия — это 20 отбойников и растиральников, обломок зернотерки, фрагмент песта и обломок лощила, а также фрагменты двух топоров-молотов и цилиндрического молотка (рис. XXVIII: 13; XCVI: 5, 12-15).

Для отбойников (10 экземпляров) использовались гальки серо-розового или коричнево-розового песчанистого сланца, преимущественно, подовальной и треугольной формы. Средние размеры от 6x4,2x2,2 *см* до 12x9,3x6,8 *см* (рис. XCVI: 14). В качестве растиральников, имеющих одну широкую рабочую сторону, также использовались гальки песчанистого сланца. Обнаружены и двойные орудия (6 экземпляров), которые одновременно использовались как отбойники, так и растиральники. Для них употреблялись гальки, как правило, подпрямоугольной формы. На одном из таких двойных орудий вытянутой подтреугольной формы (13,7x11,5x5,8 *см*), с остатками сажи и гари на плоской рабочей поверхности, остался прикипевший фрагмент железной болотной руды.

Зернотерка на плоской плитке известняка, с одной рабочей поверхностью, подовальной формы с хорошо обработанными краями. В сечении подпрямоугольная. Размеры: сохранившаяся длина 8,5 *см,* ширина 11,4 *см,* толщина 2 *см.* Пест имел подквадратную форму, с двумя параллельными плоскими рабочими поверхностями, которые хорошо отшлифованы. Изготовлен из темно-серого гранита, в сечении трапециевидный. Размеры: около 6x6 *см,* толщина 4 *см* (рис. XCVI: 12). Лощило вытянутой цилиндрической формы с зауженным концом, в сечении подквадратное. Сделано из красноватого песчанистого сланца. Размеры: сохранившаяся длина 6,3 *см,* сечение 2,2x2 *см* (рис. XCVI: 5).

От одного из топоров-молотов, изготовленного из темно-серого гранита, сохранилась третья часть с отверстием. В сечении изделие прямоугольное. Размеры: 10,4x5,2 *см,* сечение 8x7 *см,* диаметр отверстия 1,5-1,7 *см* (рис. XCVI: 13). Второй топор-молот относится к типу изделий с выраженным обушком. От него сохранилась часть с подпрямоугольным обушком. Изготовлен из серо-коричневого песчанистого сланца. Размеры 4,6x5,5x4-5 *см,* обушок 4,2x2x2 *см* (рис. XXVIII: 13).

От цилиндрического молотка сохранилась верхняя часть подпрямоугольной формы с отверстием. Молоток был сделан из темно-серого песчаника, поверхность отшлифована. Сохранившиеся размеры 4,5x4,3x4 *см,* диаметр отверстия около 1,5 *см.*

Особенно разнообразна коллекция из 62 кремней и изделий из него, охватывающих технологические циклы первичного и вторичного расщепления, что указывает на присутствие кремнеобработки в занятиях жителей поселения в период Сахарны (приношу благодарность И.А.Борзияку за определение кремневой коллекции этого памятника).

Кремнеобработка обеспечивалась местным сырьем, использовался кремень светло- и темно-серого цветов в виде небольших галек и конкреций. Структура кремнеобработки состояла из двух блоков технологий: первичного расщепления и более сложно организованной, связанной с изготовлением бифасиальных изделий, вторичной отделкой.

С технологией первичного расщепления, в первую очередь, связаны нуклевидные предметы, составляющие около 13% (8 экземпляров) кремневых изделий. В основном, это дискоидные ядрища со средними размерами 5,5-6x3-5,5x1,5-2 *см.* Три ядрища впоследствии использовались в качестве шаровидных отбойников (размерами 7-7,5x6,5 *см*), следы сработанности на которых имеются по всей поверхности или наиболее широкой грани. Два нуклевидных обломка сильно обожжены и со следами сбитости (размерами 6x4,2x3,3 *см* и 7x4,5x2,6 *см*), возможно, использовались в качестве кресал. Найдены также кремневые осколки и ребристый скол, 31 первичный отщеп, многие из которых имеют ретушь утилизации, 6 скребков с интенсивно сработанными лезвиями. Несколько скребков полукруглой формы, лезвие их обработано крутой чешуйчатой ретушью. Лезвие скребловидных орудий (5 экземпляров) может быть как неровным, так и прямым, обработанным крутой чешуйчатой ретушью, далеко захо-

культурном слое присутствовала керамика фракийского типа (гальштатская и гетская). В частности, в одном из полевых отчетов Г.Б.Федоров отмечал, что в культурном слое городища с глубины 0,8-1 *м* постепенно начинает проступать слой сильно разрушенного фракийского поселения (в том числе с керамикой типа Сахарна) (Федоров 1963: 72).

Гальштатские материалы из раскопок Г.Б.Федорова остались целиком неопубликованными, за исключением происходящих с цитадели городища нескольких вещевых находок: бронзовых наконечника стрелы и бляшки, глиняного орнаментированного пряслица (Розенфельдт 1955: 121-124, рис.1: 5-7). На сегодняшний день эти гальштатские материалы фактически утрачены, имеются лишь несколько листов рисунков из личного архива Г.И.Смирновой, которые частично использованы в настоящей работе. Приношу благодарность Г.И.Смирновой за любезное разрешение использовать материалы ее архива.

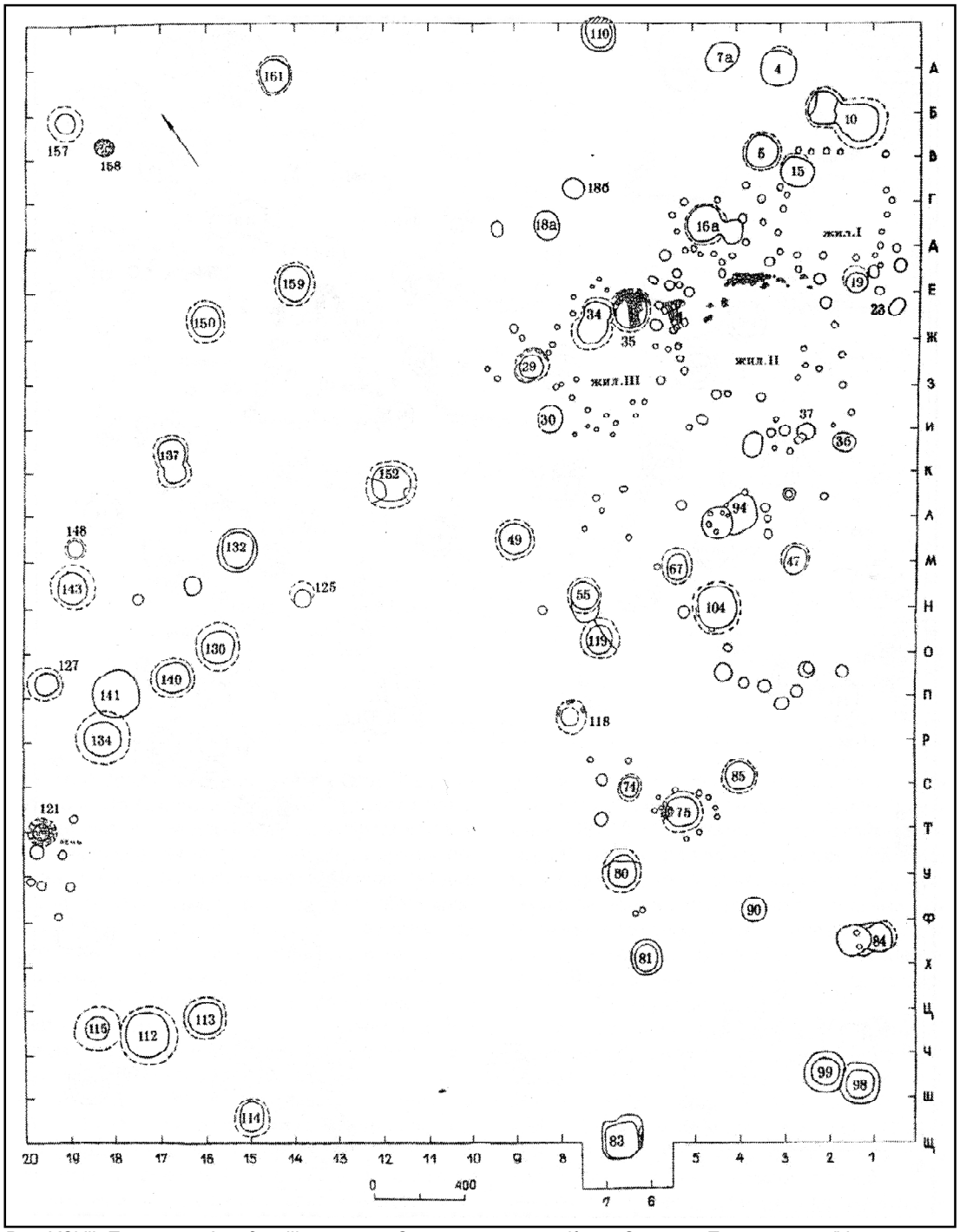


Рис. XCVII. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. План раскопа IV — сооружения первого горизонта древностей типа Сахарна.

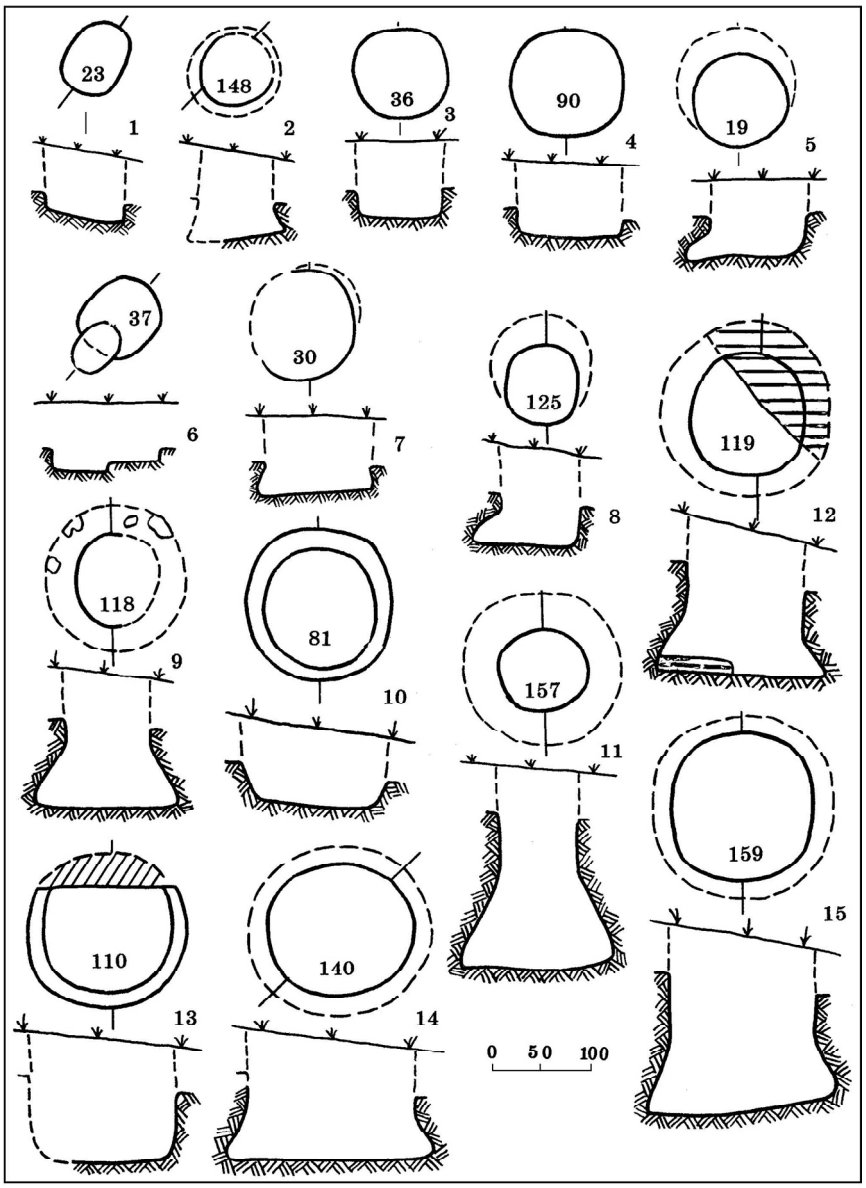


Рис. XCIX. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-15-хозяйственные сооружения.

Многослойное поселение Алчедар III расположено между верхней и нижней проселочными дорогами Алчедар-Матеуць, на пологом склоне лощины в месте пересечения ее другой лощиной, на слабо выраженном мысочке. На дне лощины находится высохшее русло безымянного ручья, впадавшего в р.Днестр, а также родник «Изворул луй Фотеску». Поселение вытянуто вдоль склона мыса, размеры его около 300х200 *м.* При обследовании памятника на его поверхности не обнаружено золистых пятен или видимых скоплений культурных остатков, фиксирующих местоположение жилищ.

Раскоп IV 1988-89 гг. (раскопы I-II 1984 г. и III 1987 г.) был заложен в 400 *м* к северо-западу от цитадели городища Алчедар, в 200 *м* к юго-востоку от раскопов I-III и в 120 *м* к юго-западу от верхней проселочной дороги Алчедар-Матеуць. Площадь его составила 2008 *кв.м* (рис. XCVII; XCVIII). Обстоятельные характеристики раскопа IV и культурного слоя памятника даны в отдельной работе (Кашуба, Тельнов, Щербакова 1997: 9-11). Раскоп IV был разбит на западной окраине раннегальштатского поселения типа Сахарна, что подтверждается разной степенью насыщенности его сахарнянскими культурными остатками и сооружениями (рис. XCVII; XCVIII), а также отсутствием материалов этой группы в раскопах I-III 1984 и 1987 гг., заложенных в 200 *м* к северо-западу.

Культурный слой раскопа IV содержал 9681 фрагмент керамики трех разных культурных горизонтов, а также 11027 фрагментов глиняной обмазки, 5116 небольших известняковых камней, 1158 обломков костей животных, 75 кремней, 2 фрагмента железной болотной руды. Анализ массового материала раскопа IV показывает, что на вскрытом участке значительно преобладают раннегальштатские находки типа Сахарна — 59,5% (4753 фрагмента керамики),

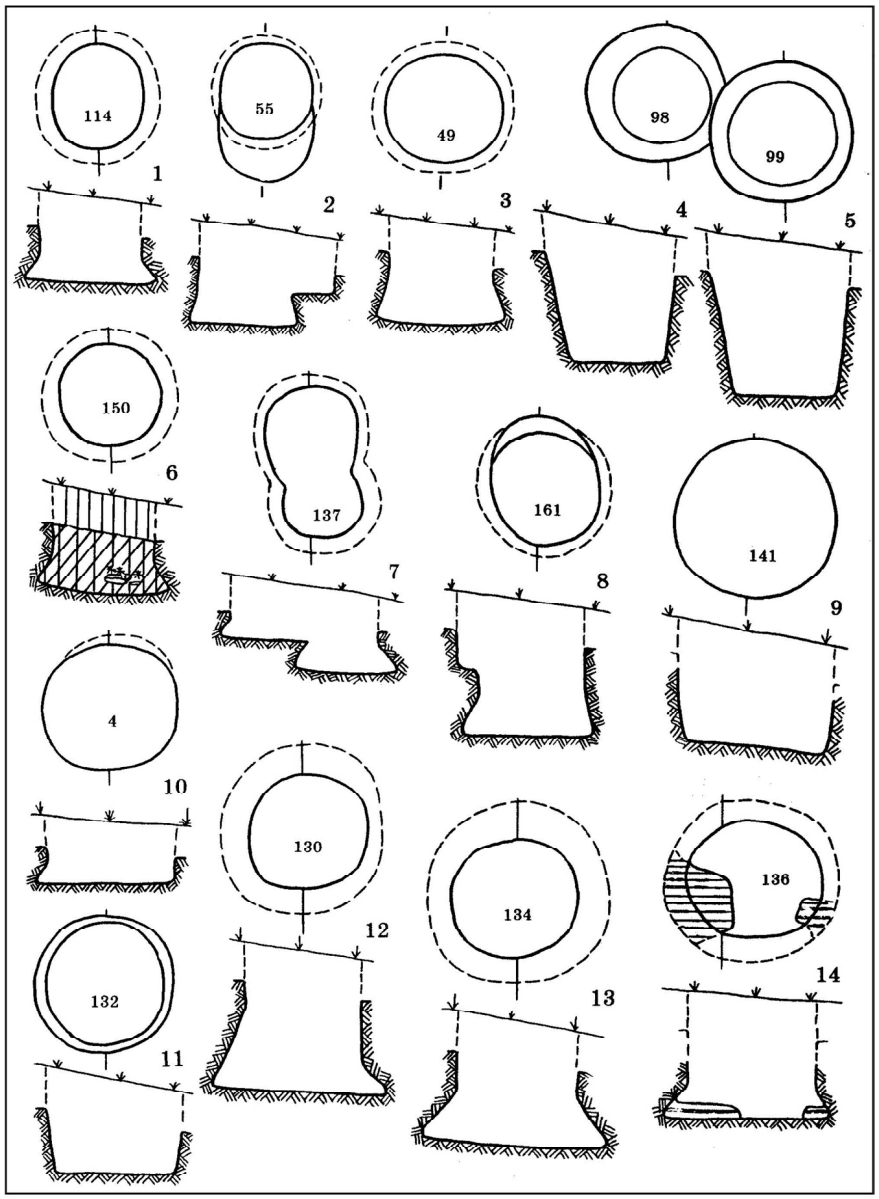


Рис. CI. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. 1-14 — хозяйственные сооружения.

Молдавии А.И.Мелюкова указывала на трудности в отделении фрагментированной кухонной посуды типа Сахарна от грубой шолданештской и гетской керамики из-за их морфологической близости (Мелюкова 1954а: 98-105). С аналогичными трудностями я столкнулась при раскопках многослойных поселений раннего железного века Матеуць-Ла башнэ и Хлижень II-Ла Шанц (Кашуба 1987; Гольцева, Кашуба 1995: 20, 33, 39, 41). Алчедар III на сегодняшний день является единственным исследованным поселением с относительно «чистым» слоем группы Сахарна. Поэтому, подробное описание материалов этого памятника в настоящей работе обусловлено тем, что именно через них можно выявить наиболее характерные признаки керамического комплекса, и, в целом, материальной культуры, типа Козия-Сахарна.

Стратиграфия закрытых комплексов и анализ находок из них, типология массового материала, а также планиграфические наблюдения позволяют сделать вывод о двух периодах бытования древностей типа Сахарна на памятнике Алчедар III: первый связан с возникновением и существованием этого раннегальштатского поселения в IX в. до н.э.; второй — с ремонтом, расширением и дальнейшей эксплуатацией уже имеющихся жилых и хозяйственных построек, а также возведением новых помещений на рубеже IX-VIII — начале VIII вв. до н.э. (рис. XCVII; XCVIII). Характер перестроек бытовавших в первом периоде помещений одинаков и для комплексов второго периода — это расширение фиксируемых в материковой глине котлованов ям, а также возведение вокруг образовавших углублений (глубина 30-38 *см*) помещений каркасно-столбовой конструкции с перекрытием (например, ямы №№ 7А, 10, 83-соор.III, 104 и 143) (рис. C: 2, 7, 8; CII: 3, 5, 7; CIII: 7-9; CV: 3, 6).

Массовый материал из хозяйственных ком-

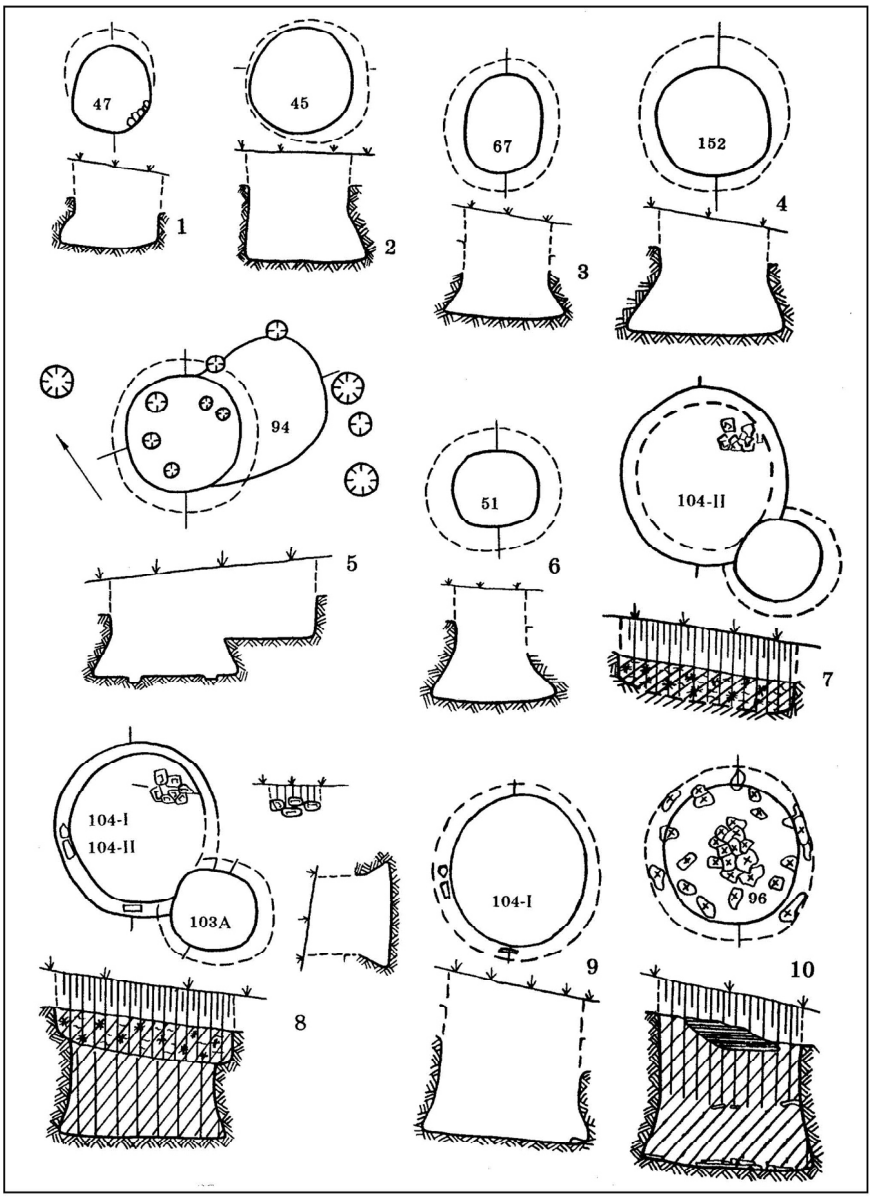


Рис. CIII. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Хозяйственные (1-9) и культовое (10) сооружения.

отличаются от вещевого материала из комплексов первого периода — это те же предметы производственно-бытового назначения, орудия труда и украшения (рис. CXIV-CXVII).

Можно констатировать, что на поселении Алчедар III в период бытования древностей типа Сахарна не произошло резкой смены материальной культуры. Развитие культуры, начавшееся в первый период в IX в. до н.э., продолжилось и во второй период — в VIII в. до н.э. Произведенные на памятнике Алчедар III строительные работы, в первую очередь, связаны с притоком сюда не позднее рубежа IX-VIII вв. до н.э. позднечернолесского населения, скорее, из лесостепных районов Среднего Днестра. Возможно, появление позднечернолесского населения здесь произошло несколько раньше, чем приток носителей культуры Басарабь-Шолдэнешть. На последнее обстоятельство косвенно указывает ряд закрытых комплексов второго периода, в заполнении которых обнаружены позднечернолесская и более «развитая» сахарнянская керамика VIII в. до н.э. или только поздняя сахарнянская керамика VIII в. до н.э., но отсутствует явно атрибутированная шолдэнештская посуда (ямы №№ 7А, 113, 115, 127, 143). При этом имеется ряд комплексов второго периода бытования, с керамикой, типичной для культуры Басарабь-Шолдэнешть (ямы №№ 96, 135) (рис. CXII: 3, 10).

Необходимо отметить, что не все закрытые комплексы удалось четко увязать с одним из периодов бытования здесь Сахарны. Поэтому, раздельно, по выявленным первому и второму периодам бытования, описываются только те комплексы, которые более или менее четко соотносятся с одним из этих периодов. Характеристика остальных комплексов дается суммарно, как относящихся в целом к горизонту Сахарна в Алчедар III (табл. XIII).

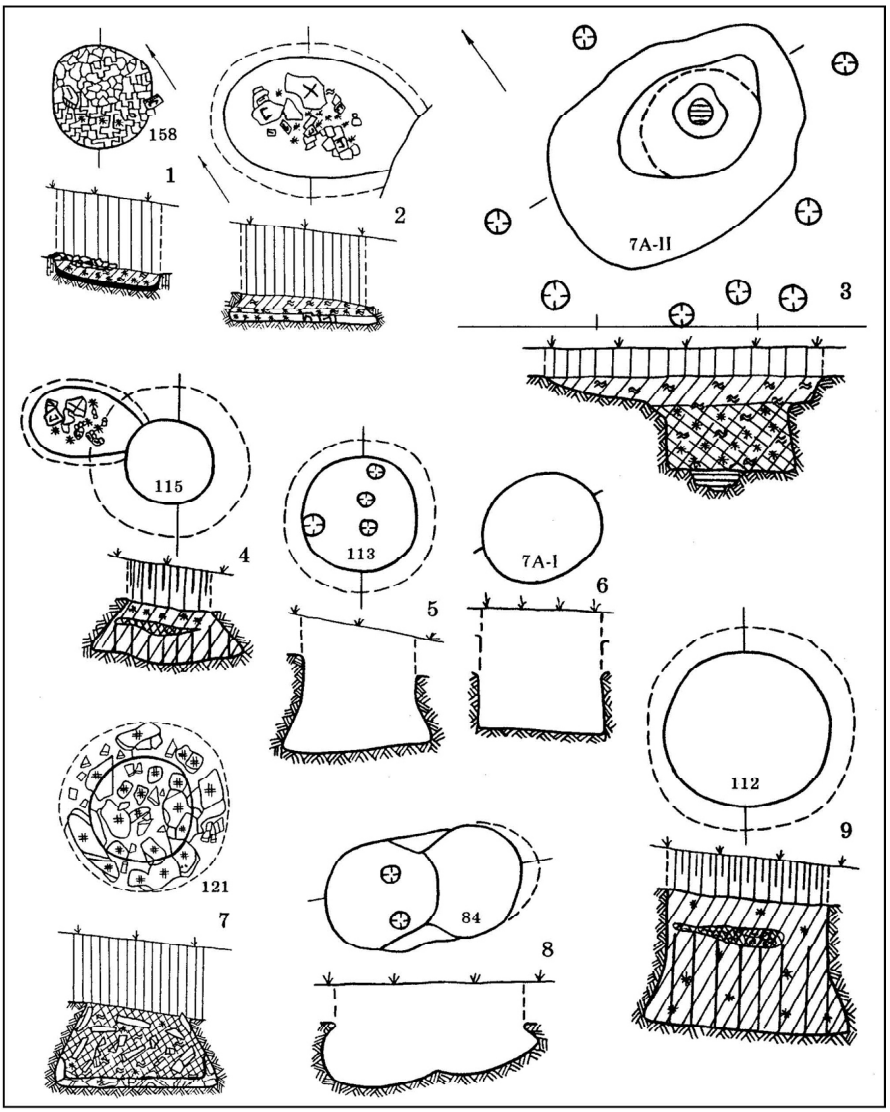


Рис. CV. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Отопительные (1, 2) и хозяйственные (3-6, 8, 9) сооружения, печь для обжига керамики (7).

ритории со столбовой конструкцией и перекрытием — сооружение III и ямы №№ 89, 102 и 117; *2*) достройки к наземным жилищам — ямы №№ 10-II, 17А и 26; *3*) хозяйственный комплекс со столбовой конструкцией шатровой формы с конической кровлей — яма № 7А; *4,5*) хозяйственный комплекс со столбовой конструкцией и перекрытием — ямы №№ 51, 104-II, 103А, 45, 44 и находящийся рядом культовый комплекс — яма № 96; *6*) хозяйственный комплекс со столбовой конструкцией и перекрытием — ямы №№ 76 и 87; *7*) хозяйственный комплекс со столбовой конструкцией и перекрытием — очаг 1 и ямы №№ 115-II, 112 и 113; *8*) хозяйственный комплекс (?) — ямы №№ 143-II, 133 и 127; *9*) отдельные хозяйственные ямы — №№ 97, 135, 152 и 153; *10*) стационарные и переносные отопительные сооружения (очаг 1, печь, обломки жаровен) (рис. XCVIII-CV).

Значительная часть хозяйственных комплексов интенсивно эксплуатировалась в оба периода: комплекс первого периода (ямы №№ 94, 67, 47, 104-I) и на том же месте достроенный комплекс второго периода (добавленные ямы №№ 51, 104-II, 103А, 45 и 44); комплекс первого периода (ямы №№ 115-I, 112, 113) и на том же месте достройки второго периода (очаг 1 и ямы №№ 115-II, 112 и 113) и другие (рис. XCVII; XCVIII). В таких случаях описание самих помещений (где это возможно разделить) даются только один раз при характеристике комплексов одного из периодов (в основном, первого). В кв. М-С/16-20, у западной стенки раскопа IV (и на окраине самого сахарнянского поселения), фиксируется скопление 8 хозяйственных ям (ямы №№ 130, 140, 141, 134, 127, 133, 143 и 148) (рис. XCVIII). Возможно, они составляли единый хозяйственный комплекс со столбовой конструкцией и перекрытием. Но удалось проследить всего две ямки от столбов перекрытия, поэтому перечисленные ямы описываются каждая отдельно, в сводной таблице ям (табл. XII).

Жилые и хозяйственные комплексы I периода (рис. XCVII)

Жилые комплексы I периода

В восточной части раскопа IV отмечено не-

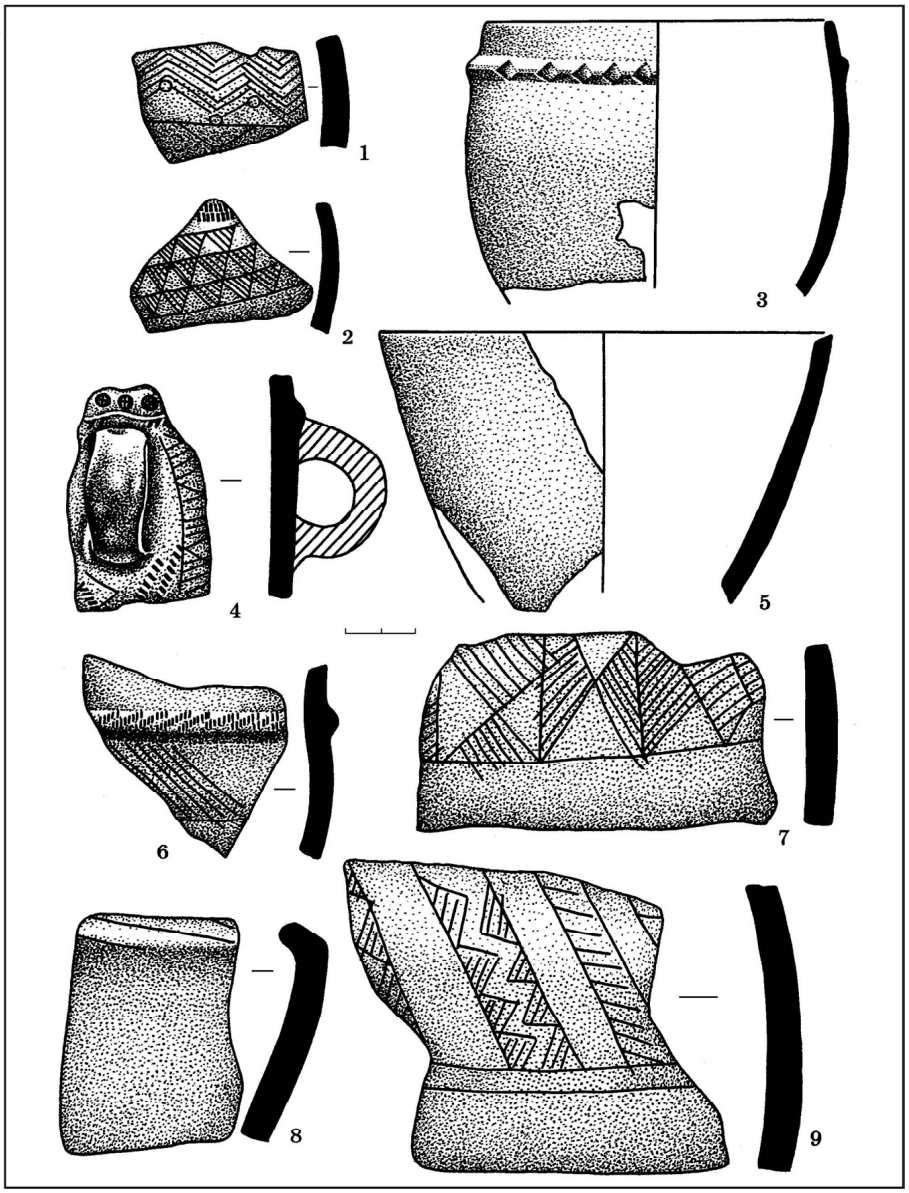


Рис. CVII. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Кухоная (3) и столовая (1, 2, 4-9) посуда из закрытых комплексов первого горизонта (1-7, 9), а также фрагмент миски (8), второго горизонта. 1, 2, 5 — яма №113, 3, 4, 7, 9 — яма №115; 6 — яма №102.

прямоугольным выступом (обломан). По внешнему диаметру оковка украшена полоской пуансонов. Размеры 1,1х1,3 *см* (рис. CXVII: 5).

В планировку жилища I входила яма № 15, находящаяся в его северном углу (рис. XCVII).

Яма № 15 (кв. Г — 3) — округлая, диаметром 160 *см.* Вертикальные стенки в северо-западной части образуют подбой в 15-17 *см.* Дно неровное. Глубина 50-65 *см* (рис. CIV: 5).

В черноземном заполнении найдено 14 фрагментов керамики. В северной части ямы, на дне подбоя, зафиксированы две небольшие подтреугольные выкладки, сложенные из плотно пригнанных друг к другу фрагментов жаровен. Размеры выкладок 15х20х25 *см* и 10х15 *см.* Возможно, яма № 15 использовалась для обогрева жилища I.

Надворную территорию жилища I составляют расположенные с северо-запада яма № 5 и с северо-востока — яма № 10-I (рис. XCVII).

Яма № 5 (кв. В,Г — 4) — округлая, диаметром 155 *см.* Вертикальные стенки образуют подбой в 7-10 *см.* Дно слегка вогнутое. Глубина 75 *см* (рис. CIV: 10).

В черноземном заполнении найдено 12 фрагментов керамики и 2 костяные проколки. Проколки на косо срезанных костях мелкого рогатого скота, с заполированной поверхностью. В сечении изделия округлые, концы обломаны. Сохранившаяся длина 4,3 *см* и 2,9 *см* (рис. CXVII: 7, 8).

Яма № 10-I (кв. Б,В — 1,2,3) — овальной (восьмерковидной) формы, ориентирована в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 155-175х320 *см.* Наклонные стенки образуют подбой в 30-40 *см.* Дно слегка вогнутое. Южный сектор на 20-25 *см* глубже северного. На дне северного сектора зафиксирован слой зеленоватой глины толщиной до 10-12 *см.* Глубина ямы 140-175 *см* (рис. CII: 3, 5).

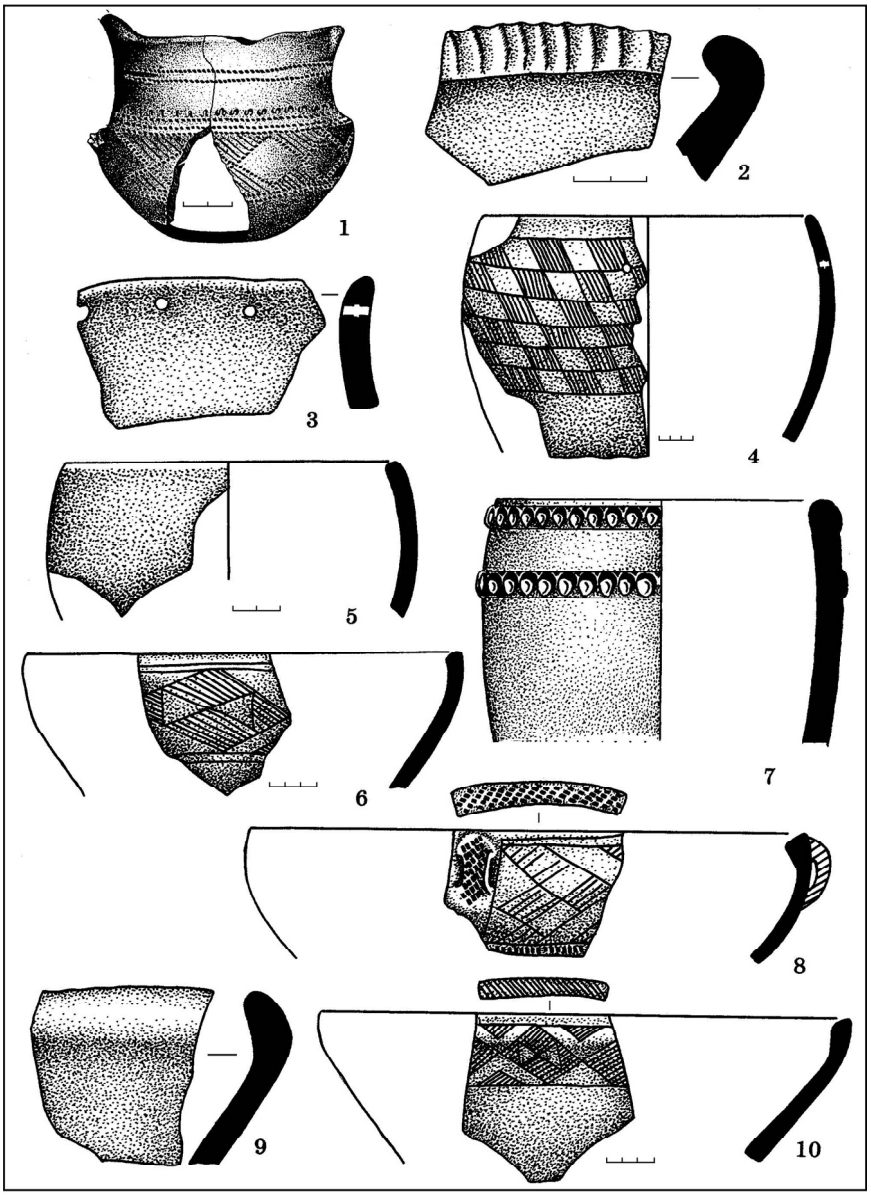


Рис. CIX. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Кухонная (3-5, 7) и столовая (1, 2, 6, 8-10) посуда из ямы №76 второго горизонта.

Вдоль южной стены жилища II к нему примыкает четырехугольная пристройка-клеть, размерами 6-7,1х1,7 *м.* В юго-западном углу этой пристройки и вдоль южной стены зафиксированы небольшие столбовые ямки, возможно, от лавок или подставок. Вход в жилище мог находится с западной стороны (рис. XCVII).

Во «внутренней» части жилища II было обнаружено 173 фрагмента керамики и лощило из глины цилиндрической формы, с одним зауженным, сработанным концом. Длина изделия 4,5 *см,* диаметр 2,5 *см* (рис. CXIV: 11).

В 0,8-1,2 *м* к северо-западу от жилища II находилась яма № 16А, относящаяся к его надворной территории (рис. XCVII).

Яма № 16А (кв. Д — 4,5,6) — овальной (восьмерковидной) формы, ориентированная в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 100-155х240 *см.* Южный сектор — вход округлой формы, диаметром 90 *см* и глубиной 15-35 *см.* Стенки основного (северного) сектора вертикальные, у дна образуют подбой в 10-15 *см.* Глубина 105-120 *см* (рис. CIV: 7).

В черноземном, с редкими угольками, заполнении найдено 38 фрагментов керамики и обломок точильного камня из серого песчанистого сланца неправильной четырехугольной формы, размерами 7х5х1,7 *см.*

Яма использовалась как хранилище, вход в которое находился с северо-восточной стороны. Хранилище имело перекрытие, которое фиксировалось расположенными вокруг 11 столбовыми ямками, образующими помещение неправильной четырехугольной формы, общей площадью около 9,7 *кв.м.* Столбовые ямки в среднем имели диаметр 20-25 (30) *см* и глубину 15-25 (30) *см.* Видимо, впоследствии хранилище было заброшено.

Наземное жилище III (кв. Ж,З,И — 6,7,8,9) — подквадратной формы, ориентировано сте-

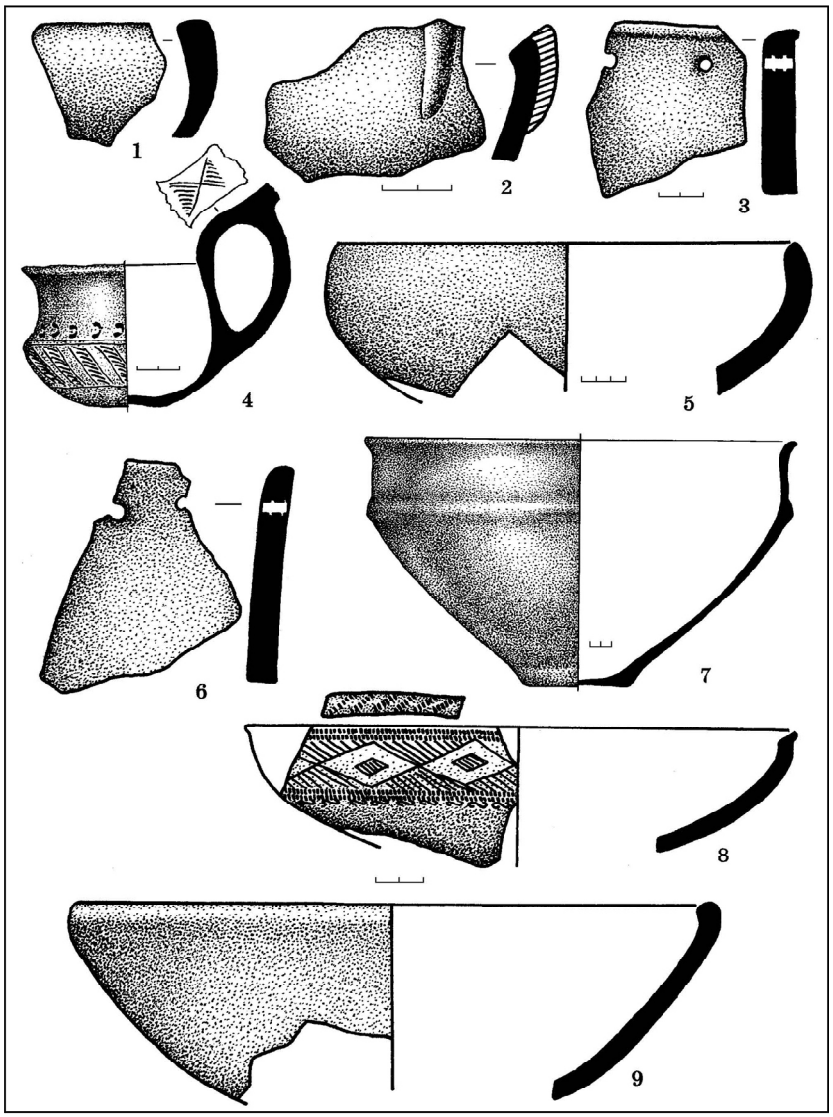


Рис. CXI. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Кухонная (3, 6) и столовая (1, 2, 4, 5, 7-9) посуда из закрытых комплексов второго горизонта. 1 — яма №143; 2, 6, 8, 9 — яма №133; 3 — яма №26; 4 — яма №152; 7 — ямы №51, 97, 133.

Яма № 35 (кв. Е,Ж — 7) — округлая, диаметром 155 *см.* Вертикальные стенки образуют подбой в 20 *см.* Глубина 87-103 *см.*

В черноземном заполнении обнаружен обвал восточной стены жилища, представляющий собой скопление глиняной обмазки, вытянутое в направлении северо-восток — юго-запад, размерами 170х70 *см* при толщине 71 *см.* Фрагменты обмазки лежали гладкой стороной вверх. В заполнении также найдено 42 фрагмента керамики.

Возможно, ямы №№ 34 и 35 использовались в качестве хранилищ.

К западной стене жилища III непосредственно примыкала яма № 29, имевшая навес (рис. XCVII).

Яма № 29 (кв. З — 9) — овальная, ориентированная в направлении запад-восток, размерами 135х105 *см.* В западной части имеется уступ (вход), шириной 25 *см* и глубиной 20 *см.* Ниже уступа, в восточной части, стенки образуют подбой в 20-27 *см.* Дно слегка вогнутое. Глубина 70-85 *см* (рис.CIV: 6).

В черноземном, с мелкими угольками, заполнении обнаружено 35 фрагментов керамики. В северо-восточной части, на дне подбоя, зафиксированы 5 обломков жаровен.

Видимо, яма № 29 использовалась в качестве небольшой кладовой, имевшей навес (который фиксируется несколькими столбовыми ямками вокруг) и вход с западной стороны. Впоследствии эта кладовая была заброшена.

К надворной территории жилища III относятся расположенные в 3-3,8 *м* к северо-востоку ямы №№ 18А и 18Б (рис. XCVII).

Яма № 18А (кв. Д — 9) — овальная, ориентирована в направлении северо-восток — юго-запад, размерами 125х105 *см.* Глубина 50-65 *см* (рис. CIV: 3).

В черноземном, с кусочками мелкой обмазки, заполнении найдены 8 фрагментов керамики (рис. CVIII: 11), 2 кружка из стенок сосудов, кремневый скребок, бронзовая бляшка и коготь, возможно, какой-то крупной хищной птицы (орла?).

Кружки из стенок корчаг, один сделан из орнаментированной стенки, диаметры 3,5х3 *см* и

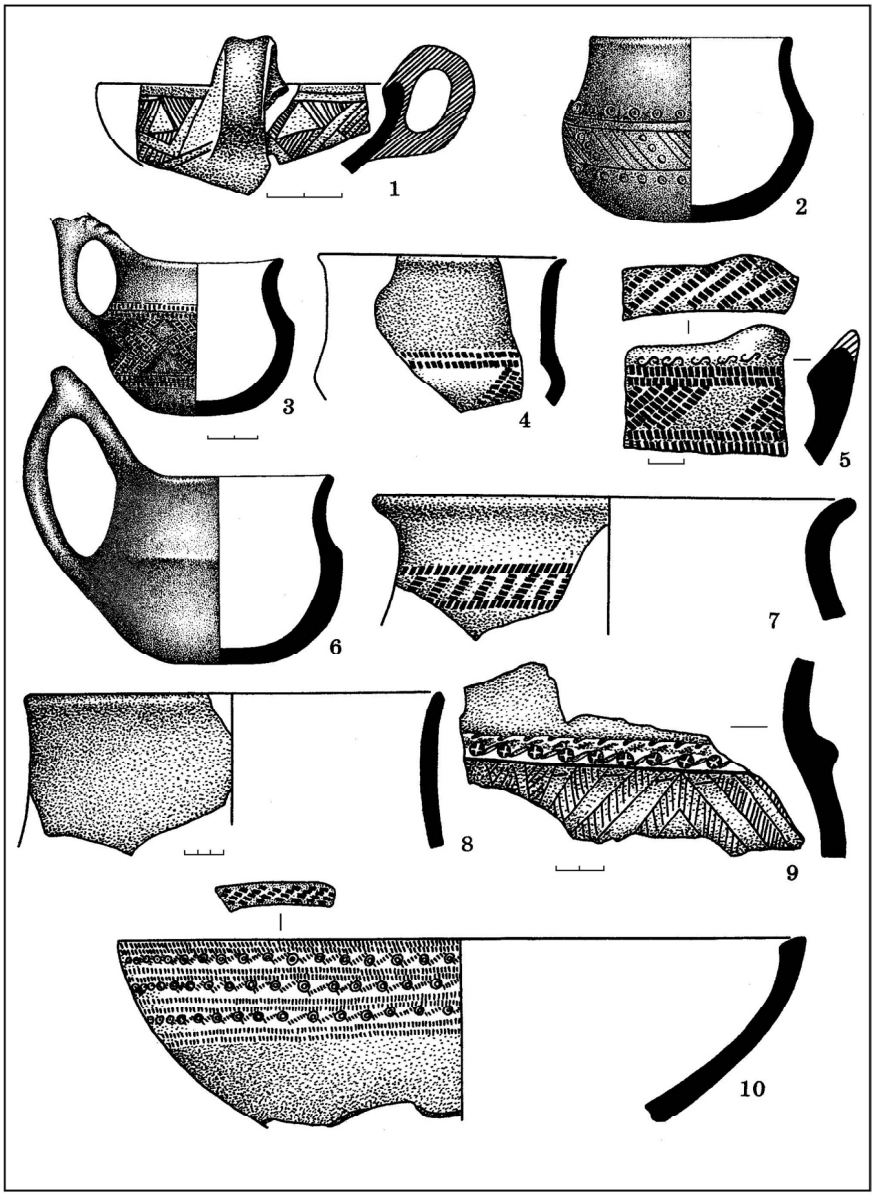


Рис. CXIII. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Кухонная (8) и столовая (1-7, 9, 10) посуда из ямы №97 второго горизонта.

жено 7 фрагментов керамики и обломок вкладыша серпа из светло-молочного кремня.

Яма № 94 (кв. Л,М — 4,5) — неправильной овальной формы, ориентирована в направлении запад-восток, размерами 260х145-160 *см.* С восточной стороны имеется широкий полукруглый уступ (вход), шириной 115 *см* и глубиной 51 *см.* Основной котлован округлый, диаметром 150 *см.* Вертикальные стенки образуют подбой в 20-25 *см.* Дно слегка вогнутое. Глубина 66-93 *см.* На дне основного котлована зафиксированы 5 расположенных по кругу столбовых ямок, диаметрами 15-20 (25) *см* и глубиной 3-8 (11) *см* (рис. CIII: 5).

Заполнение однородное. В верхней части оно представлено рыхлым черноземом с 23 фрагментами керамики, в придонной части — плотный суглинистый чернозем без культурных остатков.

Вероятно, яма № 94 эксплуатировалась в качестве овина, а ямки на дне — от столбиков, на которых сушилось сено. Вход в овин, видимо, находился с юго-западной стороны (рис. CIII: 5).

Яма № 104 (кв. Н,О — 5). Стратиграфические наблюдения и анализ находок из этого закрытого комплекса позволяют выделить 2 периода его эксплуатации, соответствующие двум периодам бытования Сахарны на поселении Алчедар III. Уточнение стратиграфии этого комплекса приводится ниже (рис. CIII: 8).

Яма № 104-I — овальная, ориентирована в направлении северо-восток — юго-запад, размерами 190х175 *см.* Вертикальные стенки образуют подбой в 10-15 *см.* Глубина 130-155 *см* (рис. CIII: 9).

В рыхлом черноземном заполнении обнаружено 132 фрагмента керамики и 2 отбойника из серо-розового песчанистого сланца неправильной овальной формы, концы которых сильно сбиты.

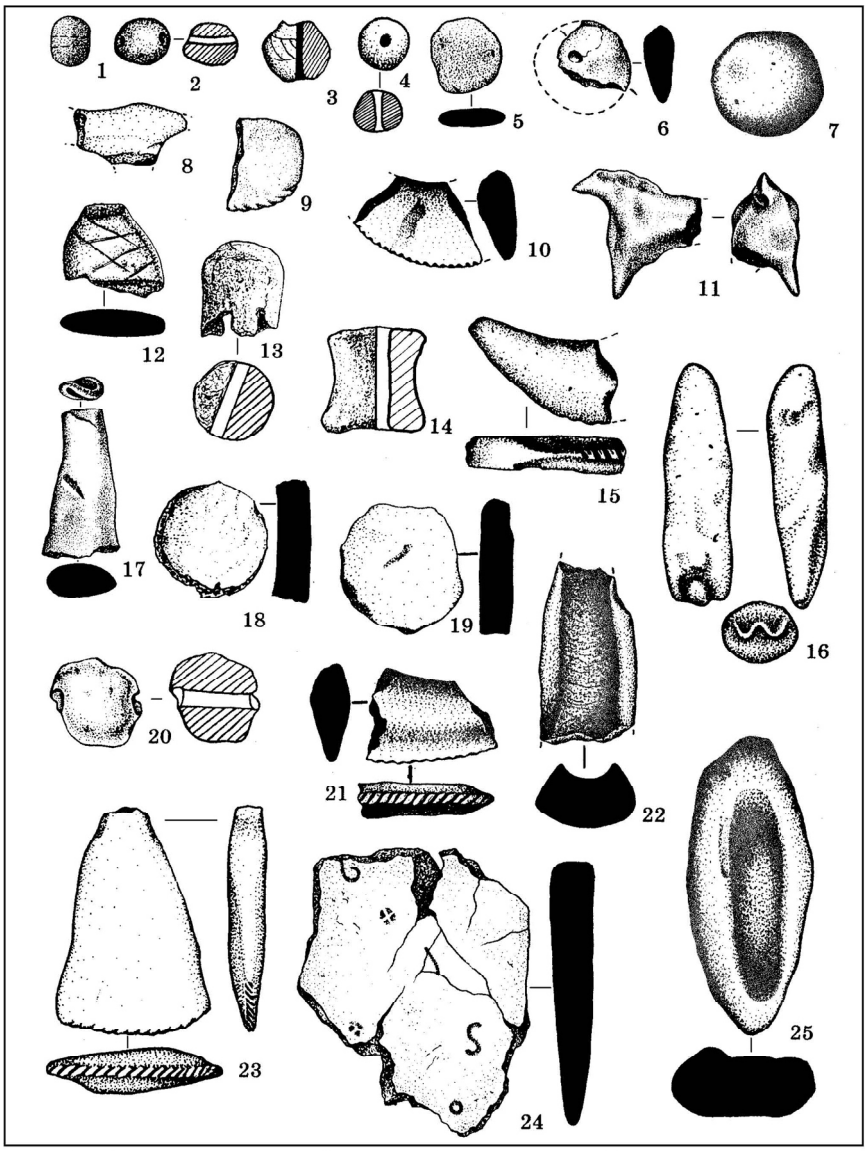


Рис. CXV. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Глиняные изделия из закрытых комплексов (3, 7, 11, 13-15, 18, 19, 23, 24) и культурного слоя (1, 2, 4-6, 8-10, 12, 16, 17, 20-22, 25). 3 — яма №137; 7 — яма №55; 11, 24 — яма №7А; 13 — яма №17; 14 — яма №23; 15 — яма №45; 18 — яма №87; 19 — яма №18; 23 — яма №153.

столбов диаметром 20 *см* и глубиной 18-21 *см.* Возможно, помещение было неправильной четырехугольной формы, площадью 7,5 *кв.м*, со входом с западной стороны (рис. CIV: 8).

У восточной стены южной части раскопа IV, в 24 *м* к юго-западу от наземных жилищ II-III и в 7,4 *м* к юго-востоку от описанного выше комплекса (ямы №№ 75, 74 и 80), находилось помещение с односкатной кровлей — яма № 84 (рис. XCVII).

Яма № 84 (кв. X — 1,2) — овальной (восьмерковидной) формы, ориентирована в направлении северо-восток — юго-запад, размерами 245x130-135 *см.* Стенки восточного сектора расширяются к вогнутому дну, с восточной стороны имеется подбой в 15-20 *см.* Дно восточного сектора неровное, плавно понижается к западному сектору на 25-35 *см.* Глубина восточного сектора 20-60 *см.* На дне, по линии ширины западного сектора, зафиксированы 2 столбовые ямки, диаметром 20 *см* и глубиной 8 и 10 *см.* Глубина западного сектора 60-80 *см* (рис. CV: 8).

В плотном суглинистом черноземном заполнении обнаружено 17 фрагментов керамики, астрагал и обломок орудия из трубчатой кости.

Астрагал мелкого рогатого скота со сточенной до ровной площадки боковой стороной. Орудие из трубчатой кости животного, один из эпифизов обломан, около второго — имеется округлое отверстие, диаметром 7 *см.* Поверхность орудия с рабочим лощением. Сохранившаяся длина 12 *см* (рис. CXVII: 31).

Яма № 84 могла использоваться в качестве производственного помещения с односкатной кровлей. Восточный край крыши упирался в подбой восточного сектора этой ямы, второй — опирался на два столбика западного сектора. Высота помещения могла доходить до 175 *см.* Вход находился с северо-западной стороны (рис. CV: 8).

В юго-западной части раскопа IV, в 30 *м* к западу от наземных жилищ II и III, находился хозяйственный комплекс со столбовой конструк-

нии Алчедар III (описывается ниже).

У западной стены южной части раскопа IV, в 27 *м* к западу от наземных жилищ II и III, находился комплекс по производству посуды с печью для обжига керамики — яма № 121 (кв. Т,У,Ф — 19,20). Этот комплекс занимал несколько обособленное место в раскопе IV (в 20-22 *м* к юго-востоку от него отсутствовали закрытые объекты группы Сахарна, а культурный слой был весьма небогат находками) и располагался на западной окраине самого раннегальштатского поселения Алчедар III (рис. XCVII; XCVIII).

Печь для обжига керамики имела купольный глинобитный свод на плетневом (прутьевом) каркасе. Она была возведена в округлой яме (№ 121), диаметром 74-76 *см.* Стенки на 40 *см* расширялись к ровному дну. Глубина ямы (и, соответственно, углубленная

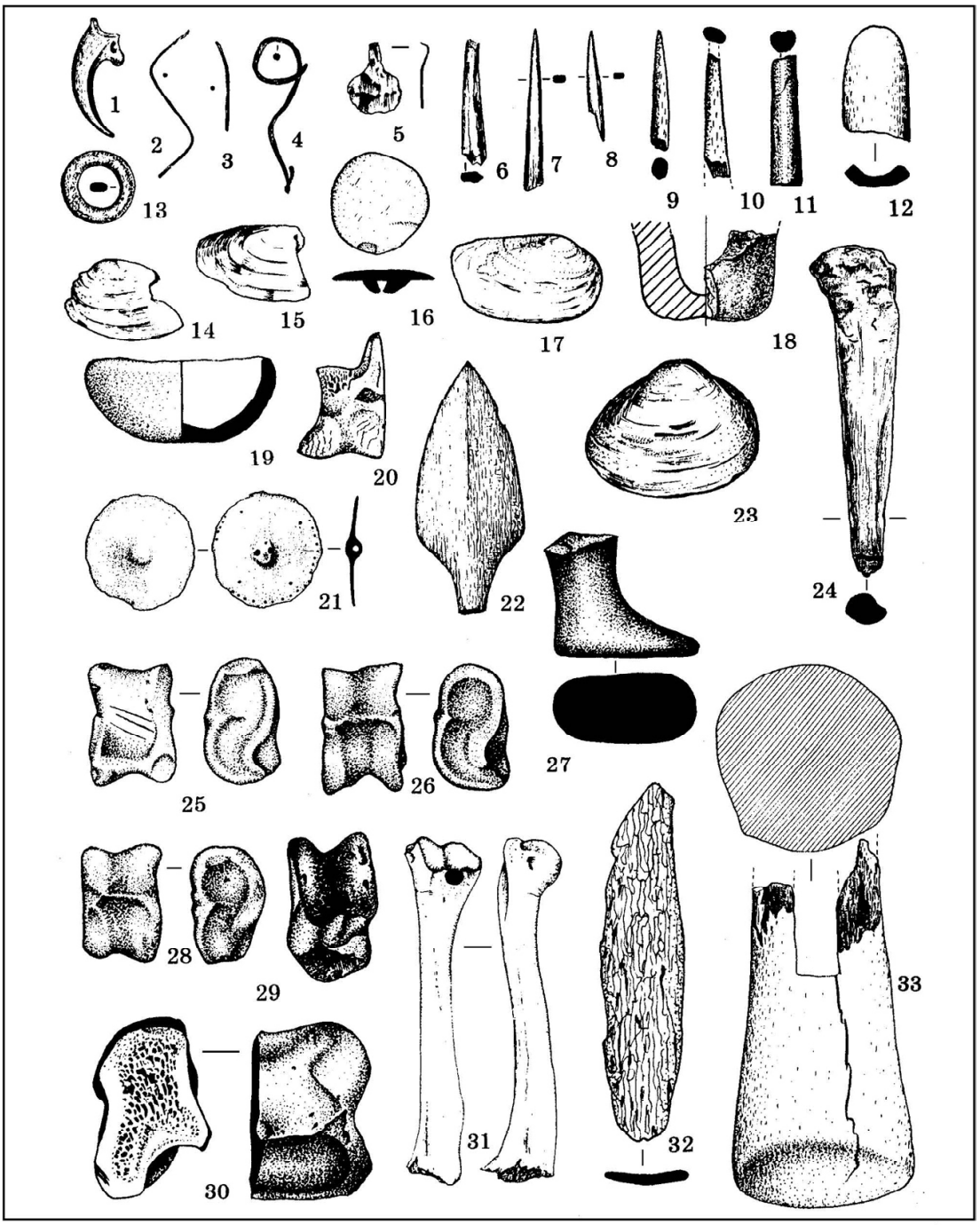


Рис.CXVII. Поселение Алчедар III варианта Сахарна Козия-Сахарна. Индивидуальные находки из закрытых комплексов (1, 4, 6-15, 17-19, 21, 26-32) и культурного слоя (2, 3, 5, 16, 20, 22-25, 33). 1, 21 — яма №18; 4, 6, 10, 18, 24 — яма №17; 7, 8 — яма №5; 9 — яма №103; 11 — яма №69; 12, 32 — яма №97; 14, 15 — яма №102; 17 — яма №96; 19 — яма №76; 26, 28 — яма №89; 27, 30 — яма №150; 29 — яма №135; 31 — яма №84. 1 — коготь орла; 2-5, 13, 16, 21 — бронза; 4-12, 20, 22, 24-26, 28-33 — кость и рог; 14, 15, 17, 23 — раковины Unio; 18, 19, 27 — глина.

летняя выносная печь, располагавшаяся за пределами каких-либо сооружений.

К переносным отопительным сооружениям относятся 19 обломков жаровен, обнаруженных в ямах №№ 29, 118, 130, 148, 150.

Жилые и хозяйственные комплексы II периода (рис. XCVIII)

Жилой комплекс II периода

Возле юго-западной стенки раскопа IV, ближе к его южному углу, зафиксирована хозяйственная усадьба с полуземляночным жилищем IV и расположенными рядом хозяйственными ямами. Обнаруженное жилище IV относится к типу II подтипу 1 варианту Б жилых сооружений культуры Козия-Сахарна. Комплексы надворной территории, частично соединенные с жилищем перекрытием, составили ямы №№ 89 и 102, расположенные в 0,85 *м* и 2,1 *м* к востоку, а также яма № 117, находящаяся в 6,7 *м* к северо-западу от него (рис. XCVIII).

Полуземляночное жилище IV (кв. Щ, Ы — 6,7,8). Как было отмечено выше, на месте законсервированного культового комплекса I периода (яма № 83) было сооружено во втором периоде полуземляночное жилище. Фиксируемый в материковой глине котлован ямы № 83 по всему периметру был расширен на 20-55 *см,* в результате чего образовался материковый уступ, фиксирующий уровень пола полуземлянки (рис. C: 2, 8).

Жилище IV — это полуземлянка неправильной четырехугольной формы, размерами 200-260x250 *см,* общей площадью 6,5 *кв.м.* Котлован в западной, северной и восточной частях на 20-25 *см* шире, чем в южной части. Стенки вертикальные. Глубина 31-64 *см* (рис. C: 8).

В северном углу котлована зафиксированы 2 параллельные ступеньки, сделанные в материковой глине. Верхняя ступенька 145x30 *см* и высотой от уровня пола полуземлянки 38-46 *см,* нижняя — 210-25 *см* и высотой 14-27 *см.* Вероятно, вход в жилище находился в северном углу.

Интенсивно-золистое, с мелкими угольками и пережженной обмазкой, черноземное заполнение зафиксировано до глубины 31-64 *см* — уровня материкового уступа, что и позволило обозначить такую глубину как уровень пола полуземляночного жилища. В заполнении найдено 18 фрагментов керамики (в том числе 3 фрагмента от тюльпановидных горшков) и биусеченно-коническое пряслице, высотой 2,8 *см,* максимальным диаметром 4,2 *см* и диаметром отверстия 1,3-1,5 *см* (рис. CXIV: 12).

Полуземлянка обогревалась стационарным отопительным сооружением — печью, остатки которой зафиксированы в 1 *м* к югу от северного угла котлована и 0,7 *м* к юго-западу от северо-восточной стенки жилища. Печь была возведена на черноземной «подушке», от нее сохранился глинобитный под овальной формы, ориентированный в направлении запад-восток, размерами 63x45 *см* и толщиной 5 *см.* Под сделан из хорошо промешанной глины, сверху обмазан тонким слоем глиняного раствора. Под был прокален до ярко-красного цвета. На поде зафиксирован слой в 6-7 *см* сильно пережженной глиняной обмазки с отпечатками прутьев — остатки рухнувшего свода печи. Печь имела купольный глинобитный свод каркасно-плетневой конструкции.

Надворную территорию жилища IV составили 3 хозяйственные ямы №№ 89, 102 и 117 (рис. XCVIII).

Яма № 89 (кв. Ч,Ш — 7,8) — овальная, ориентированная в направлении северо-восток — юго-запад, размерами 195x180 *см.* Наклонные стенки расширяются к вогнутому дну, образуя подбой в 20-25 *см.* Глубина 106-128 *см* (рис. C: 6).

В суглинистом черноземном заполнении найден 31 фрагмент керамики (рис. CXII: 8, 9), кружок из стенки кухонного горшка, диаметром 3,7 *см* и 2 астрагала мелкого рогатого скота, одна из плоских сторон которых срезана и заполирована (рис. CXVII: 26, 28).

Яма № 102 (кв. Ч,Ш — 5,6) — округлая, диаметром 212x200 *см.* Вертикальные стенки в северной и восточной частях образуют подбой в 15-45 *см.* Глубина 120-150 *см.*

В суглинистом черноземном заполнении найдено 57 фрагментов керамики (рис. CVII: 6; CXII: 13), кружок из стенки кухонного горшка, диаметром 4,7 *см,* обломки 2 точильных камней неправильной четырехугольной формы из темно-серого сланца, обломок зернотерки из серого гранита с одной рабочей поверхностью и 2 ракушки Unio (рис. CXVII: 14, 15).

Яма № 102 использовалась в качестве хранилища, имевшего столбовую конструкцию и перекрытие, которое фиксируется 12 столбовыми ямками. Две ямки (расположенные с северной стороны) имели диаметры по 35 *см* и глубину 18 *см,* остальные — по 20 *см* и глубину 14-18 *см.* Таким образом, вокруг ямы № 102 было образовано хозяйственное помещение подпрямоугольной формы (ориентированное в направлении северо-запад — юго-восток), общей площадью 7,15 *кв.м*, которое западной стороной было соединено с жилищем IV проходом (также имевшим перекрытие), длиной 2,3 *м* и шириной 1 *м* (рис. XCVIII).

К хозяйственным комплексам, связанным с функционированием жилища IV, была отнесена яма № 117 по характеру заполнения и материалу.

Яма № 117 (кв. Ч,Ш — 11,12) — округлая, диаметром 150 *см.* Вертикальные стенки образуют подбой в 25-30 *см.* Дно вогнутое. Глубина 100-115 *см* (рис. C: 4).

Заполнение не однородное. До глубины 50 *см* оно представлено рыхлым золистым черноземом с мелкими угольками и пережженными фрагментами обмазки, на глубине 50 *см* в западной и юго-западной частях прослежен очажный выброс толщиной 20-25 *см,* состоящий из

см, забутованная супесью из чернозема и материковой глины. Фиксируемый в материковой глине котлован первоначальной ямы был расширен по всему диаметру на 50-130 *см* так, что образовалось углубленное помещение неправильной овальной формы, ориентированное в направлении запад-восток, размерами 340х250 *см.* Стенки вертикальные. Глубина помещения в 30-35 *см* фиксируется материковым уступом и характером его заполнения (рис. CV: 3).

Заполнение помещения II периода представлено золистым черноземом с мелкими фрагментами обмазки. Заполнение первоначальной ямы — интенсивно-золистый чернозем с углистыми включениями, пережженными камнями и обмазкой. В заполнении найдены 43 фрагмента керамики (в том числе 4 фрагмента тюльпановидных горшков) (рис. CVIII: 8; CX: 9), фрагмент плитки для «пробы» орнаментальных штампов, фрагмент глиняной ложки-льячки, обломок глиняной фигурки лошади и каменная зернотерка.

Плитка для «пробы» орнаментальных штампов была четырехугольной формы. На одной и плоских поверхностей, покрытой слоем глиняного раствора, беспорядочно нанесены оттиски кольчатого, кольчатого с крестом и крупного S-овидного штампов. Сохранившиеся размеры плитки 4,5-7,3х4,2-6,3 *см,* толщина 0,8-1,2 *см* (рис. CXV: 24). От глиняной фигурки лошади сохранилась передняя часть туловища без морды и правой конечности. Грива животного передана защипами, конечности конические, туловище передано мощно. Размеры: сохранившаяся длина 3,5 *см,* длина конечностей 1,5 *см,* диаметр туловища 1,4 *см* (рис. CXV: 11). Зернотерка овальной формы с обработанными краями и одной рабочей поверхностью (сильно сработана). Сделана на куске серого гранита. Размеры 17,5х13,2-15х6,5-7 *см.*

Вокруг углубленного помещения II периода была возведена каркасно-столбовая конструкция овальной в плане формы, которая фиксировалась 8 ямками от столбов, диаметрами 30 *см* и глубиной 20-25 *см.* Конструкция имела коническую кровлю — столб, установленный в первоначальной яме (I периода), являлся центральным несущим крыши. Таким способом было построено помещение подовальной формы, общей площадью около 21 *кв.м.* Вход в помещение, вероятно, находился с северной стороны (рис. XCVIII; CV: 3).

Помещение обогревалось переносными отопительными сооружениями (обломки которых зафиксированы в заполнении ямы № 7А), а первоначальная яма использовалась в качестве очажной. Постройка могла эксплуатироваться в производственных целях.

Хозяйственный комплекс I периода, находившийся в 3,2-3,6 *м* к юго-западу от наземных жилищ II и III (упомянут выше), во II периоде был расширен и достроен (ямы №№ 104-II, 103А, 45, 51 и 44). Здесь же был расположен и культовый комплекс — яма № 96 (рис. XCVIII).

Культовый комплекс — яма № 96 (кв. Н — 4) — округлая, диаметром 175 *см.* Вертикальные стенки образуют подбой в 20-25 *см.* Дно вогнутое. Глубина 160-188 *см* (рис. CIII: 10).

Заполнение не однородное. До глубины 30 *см,* по центру ямы, прослежена забутовка из желтой материковой глины, диаметром 130 *см.* Ниже забутовки, до глубины 105-109 *см* заполнение представлено плотным черноземом с 37 фрагментами керамики (рис. CXII: 3, 10), раковиной Unio, обломком пережженного астрагала мелкого рогатого скота (рис. CXVII: 17, 20). На глубине 105 *см,* возле юго-западной стенки ямы, зафиксировано скопление 8 костей животных, лежавших не в анатомическом порядке, а в 40 *см* к востоку от него, в центре ямы, на глубине 109 *см,* находилось второе скопление 10 костей животных, также лежавших не в анатомическом порядке. Ниже зафиксированных скоплений и до дна ямы заполнение представлено стерильным суглинистым черноземом.

Материковое дно ямы № 96 было выложено 53 крупными обломками чернолощеной корчаги, наибольшее наслоение которых находилось в центре. Корчага с отогнутым наружу венчиком, высокой вогнутой шейкой, раздутым шаровидным туловом и сравнительно большим дном. По шейке украшена широкими горизонтальными каннелюрами, в месте перехода шейки в туловo симметрично расположены 4 петлевидные ручки, от которых вниз по тулову расположены 4 гладких вертикальных валика, треугольных в сечении.

Особенности заполнения ямы № 96: консервация стерильным слоем ее дна, выложенного разбитой (намеренно?) корчагой, два жертвоприношения животных и последующая консервация материковой глиной всего комплекса в целом, — позволяют ее отнести к разряду культовых. Корчага на дне ямы № 96 типологически близка сосуду из закрытого смешанного сахарнянско-шолдэнештского комплекса ямы № 126 из Хлижень II-Ла Шанц, который датируется серединой-второй половиной VIII в. до н.э. (Гольцева, Кашуба 1995: 32-37, табл. LXXV: 2). Вероятно, и весь комплекс (яму № 96) следует относить к этому же периоду.

Яма № 104-II (кв. Н,Щ — 5,6). Фиксируемый в материковой глине котлован ямы № 104-I был расширен по всему диаметру на 35 *см* так, что образовалось углубленное помещение подовальной формы, ориентированное в направлении северо-восток — юго-запад, размерами 225х210 *см.* Стенки вертикальные. Глубина 34-38 *см* фиксируется материковым уступом и характером заполнения (рис. CIII: 7, 8).

В золистом черноземном, с угольками и пережженными камнями, заполнении найдено 86 фрагментов керамики (рис. CXII: 1, 2, 4).

Помещение обогревалось стационарным отопительным сооружением в виде очага откры-

25 *см,* и 3 ямками от столбов на дне ямы № 113. Образовавшееся помещение имело подпрямоугольную форму, ориентировано в направлении северо-запад — юго-восток, общей площадью около 32 *кв.м.* С северо-востока находился коридор-тамбур и вход (рис .XCVIII).

Помещение обогревалось стационарным отопительным сооружением в виде очага закрытого типа, а ямы №№ 115 и 112 использовались как очажные.

Очаг 1 (кв. Ч — 19,20) — непосредственно примыкал к северо-западной части ямы № 115. Очаг был возведен в овальной яме, ориентированной в направлении северо-запад — юго-восток, размерами 135x90 *см.* Наклонные стенки ямы на 20 *см* расширялись к ровному дну. Стенки и дно сильно обожжены. Глубина ямы 8-20 *см* (рис. CV: 2, 4, 9).

Для основания (пода) очага использовались крупные гальки песчанистого сланца (сильно пережженные), а также большие куски чернолощеной корчаги и тюльпановидного горшка, которые в 2-3 слоя покрывали материковое дно ямы. Среди кусков керамики найдены и несколько фрагментов от мисковидного сосуда, другие части которого обнаружены в ямах №№ 51 и 133-завал (рис. CXI: 7). На камнях и фрагментах керамики зафиксирован прожог в 2-5 *см,* состоящий из интенсивно-золистого грунта с угольками и мелкими кусочками пережженной глины. Выше прожога прослежен слой в 7-9 *см* сильно пережженной глиняной обмазки — возможно, от глинобитного свода.

С эксплуатацией очага 1 связаны очажные выбросы в ямах №№ 115 и 112, которые фиксируют второй период их бытования (рис. CV: 4, 9).

Очажный выброс в яме № 115-II, зафиксированный на глубине 26 *см,* состоял из пережженных фрагментов керамики (в том числе от тюльпановидных горшков), камней и угольков. Выше выброса заполнение ямы представлено рыхлым золистым черноземом с 86 фрагментами керамики (рис. CV: 4; CVII: 3, 4, 7, 9).

Очажный выброс в яме № 112, зафиксированный на глубине 35 *см,* состоял из черепных и тазовых костей животных, фрагментов тюльпановидного горшка и большого количества углей и пережженных камней (рис. CV: 9). В черноземном, с угольками, заполнении ямы найдено 95 фрагментов керамики (рис. CVI: 3, 11), глиняный светильник и 2 отбойника-растиральника из галек серо-розового песчанистого сланца со следами пребывания в огне.

Светильник в виде лодочки — подовальной формы с глубоким продольным желобком на широкой плоскости. На поверхности желобка — следы сажи. Размеры: длина 8 *см,* ширина 2,3-3 *см,* толщина 1,9 *см,* желобок 6x2x0,7 *см* (рис. CXV: 25).

В 23 *м* к западу от наземных жилищ II и III во второй период бытования Сахарны на поселении Алчедар III функционировал хозяйственный комплекс (ямы №№ 143-II, 133 и 127) с каркасно-столбовой конструкцией (форма помещения не реконструируется) (рис. XCVIII).

Яма № 143-II (кв. М,Н — 19,20). Фиксируемый в материковой глине котлован ямы № 143 первого периода был по всему диаметру расширен на 65-80 *см.* Образовавшееся таким образом углубленное помещение имело размеры 275x265 *см* и глубину 50-53 *см,* которая фиксируется уровнем материкового уступа и характером заполнения (рис. CIV: 9, 12, 13).

В рыхлом черноземном заполнении найдено 79 фрагментов керамики (рис. CX: 1, 3, 6, 7, 10; CXI: 1).

Яма № 133 (кв. О,П — 19,20) — овальная, ориентированная в направлении север-юг, размерами 205x155 *см.* В юго-западной части находилась покатая ступенька, шириной 80 *см* и высотой 42-72 *см.* В северной и восточной стенках имелись две ниши, размерами 60x20 *см* и 50x35 *см.* Дно неровное, на 22 *см* понижается к югу. Глубина 85-87 *см* (рис. C: 3).

Заполнение представлено золистым черноземом с пережженными камнями и фрагментами глины. В южной части ямы (на ступеньке и дне) зафиксирован завал стены помещения в виде скопления 124 фрагментов глиняной обмазки с отпечатками прутьев на одной из сторон. В юго-восточной части завала находилось скопление 44 фрагментов керамики (в том числе от мисковидного сосуда, обломки которого зафиксированы в ямах №№ 51, 97 и очаге 1) (рис. CXI: 2, 6-9). Северная ниша ямы была заполнена интенсивно-золистым черноземом. В заполнении ямы найдено 77 фрагментов керамики и обломок точильного камня.

Яма № 127 (кв. П — 20) — округлая, диаметр 100 *см.* Наклонные стенки на 20-25 *см* расширяются к вогнутому дну. Глубина 51-65 *см* (рис. C: 5).

Заполнение представлено углистым черноземом с большим количеством мелких фрагментов глиняной обмазки, в донной части найдено 10 обломков жаровен (рис. CVI: 8, 10). В заполнении найден 81 фрагмент керамики (рис. CXI: 5), в том числе от орнаментированного горшка, обломки которого зафиксированы в яме № 76 (рис. CIX: 4), а также кружок из стенки корчаги, диаметром 3,5x4 *см,* и глиняный «конек» крыши.

«Конек» крыши в виде головы барана — рога намечены, узкая морда сильно вытянута. Голова барана (с часть шеи) снабжена продольным отверстием, диаметром 0,4 *см.* «Конек» изготовлен из грубого глиняного теста с органическими примесями (полова), поверхность грубо заглажена и покрыта белой меловой пастой (заштукатурена как стены наземных жилищ). Размеры: длина 5 *см,* диаметр сечения 3,4 *см* (рис. CXIV: 22).

К комплексам второго периода бытования Сахарны на поселении Алчедар III по материалу и характеру заполнения были отнесены от-

Кухонная посуда представлена горшками 4 основных типов: I тип — 40,4%; II тип — 16,2%; III тип — 9% (рис.CVI: 1-6, 9; CVII: 3). Из характерного для этих типов горшков декора — налепной расчлененный валик составляет 80,5%; поясок насечек-вдавлений — 3,6% и небольшие подтреугольные или прямоугольные вытянутые ручки-упоры — 15,9%. Три фрагмента горшков III типа имели грубые ручки.

IV тип (34%) составляют тюльпановидные горшки. Край венчиков таких горшков нередко снабжен проколами (4 фрагмента с наколами изнутри), насечками или расчлененным валиком (рис.CVI: 7; CIX: 9; CX: 6, 7; CXI: 6; CXII: 5, 10; CXIII: 8). Два фрагмента горшков этого типа имели ручки (рис.CX: 10).

Из кухонной керамики, идентифицированной с культурой Басарабь-Шолдэнешть, можно упомянуть прямостенные горшки с налепным расчлененным валиком или, реже, пояском насечек-вдавлений, а также бочонковидные горшки с косо срезанным краем венчика и (или) грубым налепным валиком, расчлененным редкими пальцевыми вдавлениями (рис. CVI: 11; CIX: 4, 5, 7). Здесь необходимо отметить горшок из ям №№ 76 и 127, украшенный не характерным для этой категории керамики резным геометрическим узором в виде сетки заштрихованных параллелограммов (рис.CIX: 4), сосуд из ямы № 76 с двумя налепными расчлененными валиками (рис. CIX: 7), а также фрагменты прямостенных и бочонковидных горшков из ям №№ 26 и 89 с проколами под краем венчика (рис. CXI: 3; CXII: 9), — приемы, характерные для позднечернолесской кухонной посуды. Видимо, часть горшков IV типа из культурного слоя также относится к горизонту Басарабь-Шолдэнешть, но выделить ее не представляется возможным. Шолдэнештская кухонная посуда в целом составляет около 10,2% среди грубой керамики раннего железного века этого поселения.

Столовая посуда представлена 5 основными категориями: корчаги, черпаки и кубки, миски, мисковидные сосуды (рис. CVII: 1, 2, 4-9; CVIII; CIX: 1, 2, 6-10; CX: 1-5, 8, 9; CXI: 1, 2, 4, 5, 7-9; CXII: 1, 2, 6-8, 11-15; CXIII: 1-7, 9, 10). Столовая посуда поселения, преимущественно, серо- и чернолощеная, сосуды со светло-желтым или желто-оранжевым лощением составляют около 10-12%. 25,5% всех разновидностей столовой посуды украшено геометрическим узором.

Корчаги составляют 58,5% столовой посуды. Из-за сильной фрагментированности невозможно произвести статистические подсчеты по трем основным типам сосудов этой категории. Корчага из культового комплекса второго периода (яма № 96) утеряна. Корчаги украшались пластическим декором и геометрическим орнаментом. Из пластического декора наиболее часто встречаются налепной валик, нередко расчлененный косыми насечками из оттисков зубчатого штампа, а также симметрично расположенные 2 или 4 подтреугольных, подпрямоугольных или округлых выступа-упора, реже, петлевидные ручки (рис. CVII: 4, 6; CVIII: 8; CX: 9; CXII: 12; CXIII: 9). Геометрическим резным и штампованным орнаментом украшено 25,7% корчаг (рис. CVII: 1, 4, 6, 7, 9; CVIII: 3, 7-9; CX: 9; CXII: 12, 13; CXIII: 9). Пластический декор и геометрический орнамент часто применялись при изготовлении одного сосуда (рис. CVII: 4, 6; CVIII: 8; CX: 9; CXII: 12; CXIII: 9).

В сооружениях и культурном слое поселения Алчедар III обнаружено 16 фрагментов корчаг (0,5% общего количества корчаг) с внешней чернолощеной поверхностью и внутренней — ярко-оранжевой или красно-оранжевой.

Черпаки составляют 32% столовой посуды, представлены 4 основными типами: I тип — 51,6%; II тип — 12,9%; III тип — 29% и IV тип — 6,5% (рис. CVIII: 2, 4, 5; CIX: 1; CX: 2-5; CXI: 4; CXII: 1, 2, 7; CXIII: 1-4, 6). Четвертый тип черпаков, характерный для II периода бытования, в керамическом комплексе культуры Козия-Сахарна в целом был выделен именно по материалам поселения Алчедар III (рис. CXIII: 1). Геометрическим узором украшено 25% черпаков.

Кубки из-за сильной фрагментированности материала невозможно отделить от обломков черпаков, археологически целые типы на поселении отсутствуют.

Миски составляют 9,2% столовой посуды, представлены 3 основными типами: I тип составляет абсолютное большинство — 70,9%; II тип — 26,8% и III тип — 2,3% (рис. CVII: 5, 8; CVIII: 1, 10, 11; CIX: 2, 6, 8-10; CX: 1, 8; CXI: 1, 2, 5, 8, 9; CXII: 8, 14; CXIII: 10). Из мисок I типа геометрическим орнаментом украшено 32,7%, из них резным — 17,6%; штампованным — 51%; сочетанием резного и штампованного — 33,4% (рис. CVIII: 1; CIX: 6, 8, 10; CX: 1, 8; CXI: 8; CXII: 14; CXIII: 10). Пластический декор (горизонтальные выступы (4), двойные вертикальные валики (2), лопастевидный вертикальный выступ (1) и небольшая петлевидная ручка (1)) обнаружен на 5% мисок I типа (рис. CIX: 8; CX: 8; CXI: 2; CXII: 14). Из мисок II типа геометрическим орнаментом украшено 6,8% (рис.CVIII: 10); косыми или вертикальными каннелюрами — 6,8% (рис. CVII: 8; CIX: 2); пластический декор (горизонтальные выступы (2) или двойные вертикальные валики (1)) обнаружен на 5% сосудов этого типа.

Мисковидные сосуды составляют 0,5-0,8% столовой посуды (рис. CXI: 7; CXII: 11, 15). Необходимо отметить сосуд из закрытых комплексов II периода бытования (ямы №№ 51, 97, 133-завал и очаг 1). Морфологически он несколько отличается от типичных мисковидных сосудов (вертикальная шейка менее высокая, придонная часть сильнее сужена к небольшому дну), снабжен горизонтальным гладким валиком в месте перехода шейки в тулово, не украшен геометрическим узором. Размеры: высота 21,5 *см,*

CXIV: 4, 10).

Высота шаровидных пряслиц равна диаметру (3х3 *см*), и они не орнаментированы (рис. CXIV: 9).

Катушка с вогнутыми основаниями и продольным отверстием. Размеры: высота 2,6 *см,* диаметры оснований 2,6 *см* и диаметр отверстия 0,6 *см* (рис. CXV: 14). Грузила цилиндрической формы с косо расположенным отверстием (рис. CXV: 13, 20).

С керамическим производством связаны штампы, плиточка для «пробы» штампов, кружки и лощила. Штампы относятся к комбинированным. Один из них стержневидный, цилиндрической формы. Один конец его заужен и округлен, второй — слегка расплющен и сформован для нанесения W-образного оттиска. Размеры: длина 6,3 *см,* диаметр сечения 1,5 *см* (рис.CXV: 16). Два других стержневидных штампа в виде лопаточки обломаны. От одного сохранилась стержневидная часть, зауженный конец которой оформлен для нанесения S-овидного оттиска (сохранившаяся длина 4 *см,* сечение 1,2х0,9 *см*), от второго — сохранилась широкая полукруглая часть с насечками по краю для нанесения зубчатых оттисков (рис. CXV: 17, 23). От четырех серповидных штампов сохранились фрагменты средних частей, по краю заостренной поверхности которых имеются насечки для нанесения зубчатых оттисков (рис. CXV: 9, 10, 15, 21).

Кружки сделаны, преимущественно, из стенок столовых сосудов (корчаг), средний диаметр 2,5-3,4 (4) *см.* Всего три кружка сделаны из стенок кухонных горшков. Пять кружков имеют обточенные (сработанные) края (рис. CXIV: 1, 13, 14, 18, 19, 21; CXV: 18, 19).

Обнаруженные глиняные лощила разнообразны по форме. Среди них — дисковидное, два цилиндрических, один конец которых заужен и сработан, размерами 4,5х2,5 *см* и 3,3х2 *см* (рис. CXIV: 3, 5, 11, 15). К лощилам относится и шарик диаметром 2,7 *см* (рис. CXV: 7).

Лепешка имеет диаметр 1,9 *см* и толщину 0,5 *см* (рис. CXV: 5). Светильники в виде лодочек с глубоким продольным желобком (рис. CXV: 22, 25).

К украшениям относятся 2 округлых бусины, диаметрами 1,2 и 1,6 *см* и отверстием в 0,2-0,3 *см* (рис. CXV: 1, 2).

Антропоморфная статуэтка плоская, овальной формы, одна из широких поверхностей орнаментирована прочерченным геометрическим узором в виде косо расположенных ромбов. Размеры: сохранившаяся длина 2,3 *см,* ширина 2,5 *см,* толщина 0,7 *см* (рис. CXV: 12). Две зооморфные фигурки обломаны, сохранились передние части туловищ, одна из них — фигурка лошади (рис. CXV: 8, 11).

Изделия из камня и кремня представлены многочисленными орудиями труда — это 24 отбойника и растиральника, 7 фрагментированных зернотерок, 10 фрагментированных точильных камней, лощило, обломки клиновидного топора-молота и цилиндрического молотка, а также 3 кремневых вкладыша серпов, скребок и 2 отщепа с ретушью (рис. CXVI).

Для отбойников (9 экземпляров) использовались гальки серо-розового или коричнево-розового песчанистого сланца, преимущественно, неправильной овальной или многоугольной формы. Средние размеры от 3,5х2,5х2,2 до 10х6х3 *см.* В качестве абразивов также использовались гальки песчанистого сланца и куранты из темно-серого гранита, диаметром 5,5-7 *см.* Обнаружены и двойные орудия (12 экземпляров), которые одновременно использовались в качестве отбойников и растиральников. Для них употреблялись гальки, преимущественно, вытянутой подпрямоугольной формы (рис. CXVI: 3-5, 7, 9, 13, 14, 16, 17, 19).

Для зернотерок использовался серый гранит. Они овальной формы, с обработанными краями и одной рабочей поверхностью (рис. CXVI: 10-12). Точильные камни изготовлены из серого сланца. Точильные бруски (3 экземпляра) прямоугольной формы с округленными углами и поперечным отверстием (рис. CXVI: 9, 15, 18).

От цилиндрического молотка и топора-молота сохранились половины (рис. CXVI: 18, 20). Массивный топор-молот клиновидной формы с поперечным округлым отверстием. Сделан из коричнево-розового песчанистого сланца. Размеры: сохранившаяся длина 8,8 *см,* диаметр сечения 5 *см,* диаметр отверстия 2,3 *см* (рис. CXVI: 20).

Изделия из кремня представлены 3 вкладышами серпов неправильной четырехугольной формы, сделанных на отщепах светло-молочного кремня. Два вкладыша с рабочим лощением на одной стороне, один — на двух сторонах (рис. CXVI: 1, 2, 6).

Изделия из кости и рога не очень многочисленны — это 7 астрагалов, фрагменты 2 проколок и 4 иголок, обломок лощила (конька), молотовидное орудие, 2 целых и фрагментированных накладки и наконечник дротика с цитадели городища (рис. CXVII: 6-12, 20, 22, 24-26, 28-33).

Обнаруженные астрагалы имеют одну сточенную и заполированную широкую плоскость (рис. CXVII: 20, 25, 26, 28-30). Проколки и иголки изготавливались на косо сколотых трубчатых костях мелкого рогатого скота, поверхность изделий заполирована (рис. CXVII: 6-11, 24).

Молотовидное орудие с поперечным прямоугольным отверстием. Сохранившаяся рабочая часть вытянутой усеченно конической формы с округленной рабочей плоскостью. Поверхность орудия тщательно обработана и заполирована. Размеры: сохранившаяся длина 10-11,7 *см,* диаметр сечения 6,5 *см,* отверстие 5х1,3 *см* (рис. CXVII: 33).

Изделия из бронзы представлены кольцом и украшениями. Кольцо, диаметром 1,8 *см* и пря-

№№ ям	Местонахождение в раскопе IV, тип	Размеры; подбой (в см); ориентировка	Глубина (в см)	Заполнение	Находки	Примечание
4	А, Б-3,4; II	160-170; 15	35-50	чернозем	7 фр. керамики; ракушка Unio	
19	Е-2; II	95; 25	40	чернозем	10 фр. керамики	
23	Ж-1,1	60х80; СВ-ЮЗ	22	суглинистый чернозем	5 фр. керамики; глиняная катушка	
30	И-8,9; II	100-110; 5-7	25-35	чернозем	31 фр. керамики	
36	К-2,1	90	30	чернозем	2 фр. керамики	
37	И, К-3; I	40-75х105; З-В	15-37	чернозем	2 фр. керамики	с уступом
49	М-9,10; II	140-150; 15	70-85	чернозем	20 фр.керамики; точильный камень	
55	Н, 0-8; II	115-175; 10; СВ-ЮЗ	80-100	суглинистый чернозем	11 фр.керамики; глин.шарик	с уступом
81	Х,Ц.6,7; III	145-155	27-38	суглинистый чернозем	33 фр. керамики	
85	С, Т-4, 5; II	127-133; 10	73-95	рыхлый чернозем с редкими угольками	7 фр. керамики	
90	Ф, Х-4; I	120	25	чернозем	21 фр. керамики	
98	Ш, Щ-1, 2; III	175	139-162	чернозем	46 фр. керамики; роговой молот, орудие	
99	Щ-2, 3;III	175	114-143	чернозем	34 фр. керамики	
110	А-7, В; III	160	50-78	рыхлый чернозем	15 фр. керамики; гл. фигурка животного	
114	Щ-15, 16; II	115х130;20 СВ-ЮЗ	52-66	чернозем	14 фр. керамики	
118	Р-8; II	125х140;25-30 СВ-ЮЗ	82-91	чернозем с золистыми прослойками	37 фр. керамики; 5 обл.жаровен	
119	0, П- 7, 8; II	125; 20-30	86-114	суглинистый чернозем	17 фр. керамики	ступенька на дне
125	Н-14; II	80; 30	34-51	рыхлый чернозем	10 фр. керамики	
130	0, П-16,17; II	150; 35-40	122-141	суглинистый чернозем	32 фр.керамики; 2 обл.жаровен	
132	М,Н-15,16;Ш	175	54-82	суглинистый чернозем	41 фр.керамики	
134	Р,С-18,19;11	150; 35-45	98-124	суглинистый чернозем	31 фр. керамики	
136	К.Л-12,13;!!	160-175; 30-45	100-114	суглинистый чернозем	33 фр. керамики	уступ на дне
137	К. Л-17; II	100-115х190; 20-22 СВ-ЮЗ	22-59	рыхлый чернозем	41 фр. керамики	
140	П-17,18;П	140;20	65-80	рыхлый чернозем	13 фр. керамики; фр.мин.сосуда	
141	П,Р-18,19;1	200	100-108	рыхлый чернозем	28 фр. керамики	
148	М-19,20;II	75; 10-15	32-45	рыхлый чернозем с редкими угольками	5 фр. керамики; 1 обл.жаровни	
150	Ж-16,17;11	130;20	69-86	очажные выбросы до 48-69 см; ниже - суглинистый чернозем	27 фр. керамики; 6 обл.жаровен; ножка сосуда; точильный камень; астрагал	
157	Б.В-19,20;!!	80-90; 35-40	148-158	рыхлый чернозем	44 фр. керамики	
159	Е,Ж-14,15;П	140-150; 20	105-150	рыхлый чернозем	27 фр. керамики	
161	А,Б-15;П	140х165;15-20 СВ-ЮЗ	113-135	рыхлый чернозем	21 фр. керамики	

Табл.XII. Поселение Алчедар III варианта Сахарна культуры Козия-Сахарна. Сводная таблица ям раскопов IV.

моугольное в сечении (0,4х0,2 *см),* возможно, относится к предметам конской упряжи (рис. CXVII: 13). Найдена и массивная бляшка, диаметром 2,6 *см,* с утолщенным ушком на обороте (рис. CXVII: 16). Украшения составляют обломки проволрчных браслетов, орнаментированная бляшка-пуговица и обломок пластинчатой оковки (рис. CXVII: 2-5, 21).

Из других изделий, которые могли использоваться в качестве украшений-амулетов, отмечу четыре раковины Unio и заполированный коготь орла (рис. CXVII: 1, 14, 15, 17, 23).

Анализ индивидуальных находок раннегальштатского горизонта поселения Алчедар III подтверждает датировку древностей типа Сахарна этого памятника в пределах IX — первой половины VIII вв. до н.э.

Характеризуя памятник Алчедар III, необходимо отметить следующее. Выделенное «пустое» место в центральной части раскопа IV (рис. XCVII; XCVIII) заманчиво было бы считать каким-либо специальным, например, отведенным для скота. Но это пространство оставалось «пустым» и у населения других культур, известных в Алчедар III — в первые века н.э. типа Этулия (Щербакова, Кашуба 1990а: табл.2, 27, 41) и в период древнерусской культуры (Кашуба, Тельнов, Щербакова 1997: 8-11, табл. IV). С другой стороны, раскоп IV был разбит на западной окраине сахарнянского поселения и, скорее, обособленное место на этом местонахождении занимал комплекс по производству посуды с печью для обжига керамики, в результате чего и образовалось «пустое» место в центральной части раскопа IV. Поэтому, едва ли можно считать, что центральная часть раскопа IV являлась специально отведенным местом.

Из особенностей памятника Алчедар III нужно упомянуть территориальные культовые комплексы общинного характера, имеющиеся в I и II периодах бытования здесь древностей типа Сахарна (ямы №№ 83 и 96). Обращает внимание сходство производимых в I и II периоды ритуальных действий — жертвоприношения животных с последующей консервацией всего комплекса в целом. Видимо, определенные ритуалы сохранялись населением в течение всего времени существования здесь Сахарны, а также и в период бытования культуры Басарабь-Шолдэнешть на этом местонахождении.

С определенными ритуальными действиями связаны и находки с культурном слое и сооружениях (ямы №№ 7А и 16А) памятника Алчедар III отдельных костей человеческих скелетов — фрагмента черепа, 2 зубов, 2 обломков верхних и 2 обломков нижних челюстей. Необходимо напомнить, что в 10 км южнее находилось сахарнянское пансвятилище Хлижень И-Ла Шанц, отправление ритуалов на котором производилось, в том числе, и посредством обработанных костей человеческих скелетов (Гольцева, Кашуба 1995:7,11-20,30,31; Kasuba 1996: 394-397; 1998а: 84-95). Поэтому, присутствие отдельных костей человеческих скелетов в Алчедар III не случайно и связано с культовой практикой жителей этого поселения, находившейся в русле «идеологических» представлений населения культуры Козия-Сахарна в целом.

Словарь

Анений Ной	Новые Анены	Паркань	Парканы
Басарабь	Басараби	Петрушань	Петрушаны
Бедрэжий Векь	Старые Бедражи	Попоуць	Попоуцы
Брэнешть	Бранешты	Препелицэ	Препелица
Бурлэнешть	Бурланешты	Рэфэила	Рафаила
Бутучень	Бутучены	Сахарна Маре	Большая Сахарна
Гиндешть	Гиндешты	Сахарна Микэ	Малая Сахарна
Грэничешть	Граничешты	Солончень-Хлиная	Солончены-Глиная
Гура Хлубоака	Гура Гульбока	Стойкань	Стойканы
Дубэсарий Векь	Старые Дубоссары	Стольничень	Стольничены
Екимэуць	Екимауцы	Требужень	Требужены
Кирилень	Кирилены	Тэмэоань	Тэмэани
Кишинэу	Кишинев	Холеркань	Голерканы
Кишинэу-Корлэтэнь	Кишинев-Корлатени	Хлижень	Глинжены
Климэуций Жос	Нижние Климауцы	Хородка	Городка
Коржэуць	Коржауцы	Ходороуць	Ходороуцы
Криулень	Криуляны	Цареука	Царевка
Матеуць	Матеуцы	Цахнэуць	Цахнауцы
Михулень	Мигулены	Цыглэу	Циглэу
Молдова (Республика Молдова)	Молдавия	Чинишеуць	Чинишеуцы
Орхей	Оргеев	Шолдэнешть	Шолданешты

ЛИТЕРАТУРА

Агапов С.А. 1990. Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.

Агульников С.М. 1998. Погребальные комплексы культуры многоваликовой керамики междуречья Кагул-Прут // Проблемы изучения ККИО и КИОМК. Запорожье.

Алексеев А.Ю. 1992. Скифская хроника. СПб.

Алексеев А.Ю. 1996. Хронография европейской Скифии (VII-IV вв. до н.э.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.

Алексеев В.П., Бромлей Б.В. 1968. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. № 2.

Алёкшин В.А. 1981. Традиции и инновации в погребальных обрядах (эпоха первобытнообщинного строя) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.

Антонов А.А. 1998. Топор бородинского типа из погребения КМК у с.Балабино // Проблемы изучения ККИО и КИОМ. Запорожье.

Артамонов М.И. 1948. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкая область) в 1948 году // Вестник ЛГУ. № 11. Л.

Артамонов М.І. 1949. Південноподільська експедиція // АП УССР. І. Київ.

Артамонов М.И. 1955. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952-53 гг. // КСИИМК. Вып. 59.

Арутюнов С.А. 1982. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.

Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). 1990. Киев.

Археологія Української РСР. 1971. Т. 1. Київ.

Археология Украинской ССР. 1986. Т. 2. Киев.

Банару В. 1997. К вопросу об экономических связях населения Пруто-Днестровского междуречья с греческим миром (по данным греческого импорта с городища Бутучень) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.

Бандрівський М. 1994. Скринькові поховання висоцькоі культури в межиріччі Збруча і Стрипи. Львів.

Бандрівський М., Крушельницька Л. 1998. Поховальный обряд непоротівськоі группи пам'яток // Л.Крушельницька. Чорноліська культура Середнього Придністров'я. Львів.

Березанская С.С. 1953. Памятники предскифского времени и их историческое значение. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Березанская С.С. 1964. Кераміка білогрудівськоі культури (За матеріалами розкопок біля с.Собківка) // Археологія. XVI.

Березанская С.С. 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев.

Березанская С.С. 1998. КМК — культура или керамический стиль // Проблемы изучения ККИО и КИОМК. Запорожье.

Березанська С.С., Лобай Б.І. 1994. Курганний могильник бронзовоі доби поблизу с.Гордіівка на Південному Бузи (попереднэ повідомлення) // Археологія. № 4.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н.,1986. Культуры эпохи бронзы на Украине. Киев.

Березанська С.С., Тітенко Г.Т. 1954. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу // Археологія. IX.

Бессонова С.С., Скорый С.А. 1993. Исследования Мотронинского городища в 1992 г. // Археологічні дослідження на Україні в 1992 року. Київ.

Бидзиля В.И., Вознесенская Г.А., Недопако Д.П., Паньков С.В. 1983. История черной металлургии и металлообработки на территории УССР (III в. до н.э. — III в. н.э.). Киев

Бирюков И.Е. 1990. Находки первых железных изделий на памятниках донской лесостепной срубной культуры // Проблемы исследования археологии Северского Донца. ТД. Луганск.

Бокий Н.М. 1987. Грунтовый могильник у с.Заломы // Киммерийцы и скифы-I. ТД. Ч. I. Кировоград.

Бочкарев В.С., 1981. Изменчивость и традиционность в металлообрабатывающем производстве (по материалам эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.

Бочкарев В.С. 1995. Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч.I. АИ. Вып. 25. СПб.

Бромлей Ю.В. 1987. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.

Бромлей Ю.В., Козлов В.И. 1987. Этносы и этнические процессы как предмет исследования // Этнические процессы в современном мире. М.

Бруяко И.В. 1989. Еще раз о погребении у с.Зализничное // История и археология Нижнего Подунавья. ТД. Рени.

Бруяко И.В. 1989а. Геометрический орнамент на керамике из киммерийских погребений степной зоны Северо-Западного Причерноморья // ПССАСП-I. ТД. Запорожье.

Бырня П.П., Чеботаренко Г.Ф. 1964. Материалы к археологической карте Молдавии // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии. Кишинев.

Вальчак С.Б. 1994. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. № 2.

Вальчак С.Б. 1994а. Хронология черногоровского этапа (по материалам уздечных наборов) // ПССАСП-II. ТД. Запорожье.

Вальчак С.Б. 1995. Киммерийские удила и лошади Восточной Европы // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. ТД. Харьков.

Вальчак С.Б. 1997. Предскифская узда Восточной Европы: уздечные комплекты с трехпетельчатыми псалиями (классификация и хронология) // Древности Евразии. М.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. 1996. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир-Москва.

Вальчак С.Б., Эрлих С.Р. 1993. Еще раз о комплексах типа Новочеркасского клада // II Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар.

Ванчугов В.П. 1982. О появлении корчаг в памятниках эпохи поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Ванчугов В.П. 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы // Материалы по археологии

Северного Причерноморья. Киев.
Ванчугов В.П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
Ванчугов В.П. 1992. Нижнедунайский горизонт с прочерченной керамикой и белозерская культура // Северо-Западное Причерноморье. Ритмы культурогенеза. ТД. Одесса.
Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья // Древности причерноморских степей. Киев.
Ванчугов В.П., Загинайло А.Г., Кушнир В.Г., Петренко В.Г. 1991. Вороновка II. Поселение позднего бронзового века в Северо-Западном Причерноморье. Киев.
Винокур І.С., Гуцал А.Ф., Пеняк С.І., Тимощук Б.О., Якубовський В.І. 1984. Довідник з археології України. Хмельницька, Чернівецька, Закарпатська області. Київ.
Власенко И.Т. 1985. Новые археологические памятники в Молдавии // АИМ в 1981 г. Кишинев.
Войнаровский В.Н., Смирнова Г.И. 1993. Новые находки древних бронз в окрестностях с.Волока на Буковине // РА. № 4.
Вязьмитина М.И. 1952. Памятники раннего железного века в окрестностях с.Жаботин Кировоградской области // КСИА АН УССР. Вып. 1. Київ.
Гавриленко О.А. 1996. Использование методов палеоландшафтного исследования при определении климатических условий лесостепи скифского времени // Більське городище. Полтава.
Гаврилюк Н.А. 1979. Лощеная керамика степных погребений предскифского времени // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев.
Гаврилюк Н.А. 1992. Новый хозяйственный комплекс Каменского городища // История и археология Слободской Украины. ТД. Харьков.
Гаврилюк Н.А. 1999. Местные и заимствованные компоненты киммерийской культуры (По материалам керамики) // ВДИ. № 1.
Гаврилюк Н.А., Усачук А.Н. 1999. Обработка кости степными скифами (по материалам Каменского городища) // РА. № 3.
Гавриш П.А. 1992. Краткие итоги исследований Кнышевского городища скифского времени на Псле // История и археология Слободской Украины. ТД. Харьков.
Гайдукевич В.Ф. 1934. Античные керамические обжигательные печи // Известия ГАИМК. 80.
Гарашанин М., Гарашанин Д. 1958. Ископавања тумула у Белотичу и Белој Црква (Западна Србија) // Зборник радова Народного Музеја. I. Београд.
Гарашанин М., Гарашанин Д. 1962. Ископавања тумула у комплексу Белотич-Бела Црква 1959 и 1960 године // Зборник радова Народного Музеја. III. Београд.
Гарашанин М., Гарашанин Д. 1967. Ископавања у комплексу Белотич-Бела Црква 1961 године // Зборник радова Народного Музеја. V. Београд.
Горбенко К.В. 1999. «Дикий Сад» — поселение эпохи поздней бронзы // Історія очима молодих дослідників. Міжнародна студентська наукова конференція. Т. І. Донецьк.
Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. 1991. Раннегальштатский горизонт типа Сахарна-Солончены на городище Глинжень II // ДОЗССП-I. ТД. Киев.
Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. 1994. О культурно-хронологической стратиграфии городища Глинжены II // ДОЗССП-II. ТД. Тирасполь.
Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. 1995. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь.
Горбов В.Н. 1997. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // АА. № 6. Донецк.
Городенко А.П. 1990. Об источниках некоторых культурных традиций эпохи раннего железа // АИМУМ. Кишинев.
Граков Б.Н. 1958. Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР // СА. № 4.
Гребенников Ю.С. 1994. Культовое помещение на поселении «Дикий Сад» // Древнее Причерноморье. КСОАО. Одесса.
Гребенников Ю.С. 1994а. Исследование поселения эпохи поздней бронзы «Дикий Сад» в г.Николаеве // ДОЗССП-II. ТД. Тирасполь.
Гудим-Левкович А.Н. 1994. Методические аспекты типологического метода // РА. № 2.
Гуцал А.Ф. 1980. Некоторые черты погребального обряда племен Среднего Поднестровья VIII-V вв. до н.э. // Археологические исследования на Украине в 1978-1979 гг. Днепропетровск.
Гуцал А.Ф. 1990. Бернашівський могильник // VII Подільська історико-краєзнавча конференція. ТД. Кам'янець-Подільський.
Гуцал А.Ф. 1993. Дослідження Бернашівського могильника в 1991-1992 рр. // Археологічні дослідження на Україні в 1992 року. Київ.
Гуцал А.Ф. 1994. Могильник предскифского времени на Среднем Днестре // ПССАСП-II. Запорожье.
Гуцал А.Ф. 1998. Бернашевский могильник из Среднего Поднестровья в системе памятников раннего железного века // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. ТД. СПб.
Демченко Т.И., Левицкий О.Г. 1990. К вопросу о шолданештских памятниках на территории Молдавии // АИМУМ. Кишинев.
Демченко Т.И., Левицкий О.Г. 1992. Исследование зольников культуры Ноуа у с.Кобыльня // АИМ в 1986 г. Кишинев.
Дергачев В.А. 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев.
Дергачев В.А. 1992. О понятии «контактная зона» // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев.
Дергачев В.А. 1997. Металлические изделия. К проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтийского региона. Кишинэу.
Димитров Д.П. 1968. Троя VII в 2 и балканските тракийски и мизийски племена // Археология. X. Кн. 4. София.
Доманский Я.В., Щукин М.Б. 1983. Научная сессия, посвященная 50-летию ОИПК // СА. № 4.
Дубовская О.Р. 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // АА. № 2. Донецк.
Дубовская О.Р. 1994. Локальные зоны черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА. № 2.
Дубовская О.Р. 1996. Этапы черногоровской культуры // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н.э. Материалы конференции. СПб.
Дубовская О.Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // АА. № 6. Донецк.
Дубовская О.Р., Подобед В.А. 1996. Об одном типе украшений черногоровского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских

древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы конференции. Ч. II. Донецк.

Дударев С.Л. 1999. К этнокультурной интерпретации некоторых погребений предскифского времени из Предкавказья // Скифы Северного Причерноморья VII-IV вв. до н.э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии). ТД. М.

Дударев В.Л. 2000. Проблема «киммерийцы и Северный Кавказ» на пороге XXI века // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск.

Евдокимов Г.Л. 1987. Курганный могильник белозерского времени у с.Первомаевка // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев.

Евдокимов Г.Л. 1999. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // ПССАСП-III. ТД. Запорожье.

Заец И.И. 1979. Курганный комплекс раннескифского времени у с.Тютьки Винницкой области // СА. № 1.

Златковская Т.Д. 1965. Городище Матеуцы // Новое в советской археологии. М.

Златковская Т.Д., Полевой Л.Л. 1969. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н.э. и вопросы политической истории гетов // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. № 150.

Иванчик А.И. 1999. Современное состояние киммерийской проблемы // ВДИ. № 2.

Иессен А.А. 1953. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на Юге Европейской части СССР // СА. XVIII.

Ильинская В.А. 1973. Относительная хронология раннескифских курганов бассейна р.Тясмин // СА. № 3.

Ильинская В.А. 1975. Раннескифские курганы бассейна р.Тясмин (VII-VI вв. до н.э.). Киев.

Ильинская В.А., Тереножкин А.И. 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. Киев.

Кашуба М.Т. 1986. Памятники типа Сахарна-Солончены и позднее Чернолесье на Среднем Днестре (к постановке вопроса) // Молодежь, наука, производство. ТД. Кишинев.

Кашуба М.Т. 1988. Глиняные штампы предскифского периода и вопросы «обособления» мастеров-керамистов // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. ТД. М.

Кашуба М.Т. 1989. Новое поселение типа Сахарна-Солончены в лесостепной Молдавии // ПССАСП-I. ТД. Запорожье.

Кашуба М.Т. 1989а. Антропоморфные фигурки с поселения Матеуцы // Древнейшие памятники искусства на территории Молдавии. Кишинев.

Кашуба М.Т. 1989б. Итоги и перспективы исследований памятников типа Сахарна-Солончены в лесостепной Молдавии // Археология, этнография и искусствоведение Молдавии: итоги и перспективы. ТД. Кишинев.

Кашуба М.Т. 1990. Погребение культурной группы Сахарна-Солончены у с.Пояна // АИМУМ. Кишинев.

Кашуба М.Т. 1990а. Памятники типа Сахарна-Солончены (историографический обзор) // Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Кишинев.

Кашуба М.Т. 1991. О направленности хозяйственной деятельности племен культуры Сахарна-Солончены // ДОЗССП-I. ТД. Киев.

Кашуба М.Т. 1992. Соотношение культур Сахарна и Чернолесье // Киммерийцы и скифы-II. ТД. Мелитополь.

Кашуба М.Т. 1998. Начало раннего железного века на Среднем Днестре и культура Сахарна // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. ТД. СПб.

Кашуба М.Т. 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И.Крушельницкой // Stratum plus. № 3. СПб-Кишинев-Одесса.

Кашуба М.Т. 2000. Культурно-историческое развитие лесостепного Днестро-Сиретского междуречья в начале I тыс. до н.э. (культура Козия-Сахарна). Автореферат дис. … канд. ист. наук. СПб.

Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. 1987. Могильник культуры Сахарна-Солончены Цыглэу I // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. ТД. Киев.

Кашуба М.Т., Гольцева Н.В. 1991. Сахарнянский могильник I (Цыглэу) // СА. №1.

Кашуба М.Т., Тельнов Н.П., Щербакова Т.А. 1997. Алчедарское древнерусское поселение (раскопки 1987-89 гг.). Тирасполь.

Кашуба М.Т., Хахеу В.П., Левицкий О.Г. 1999. Та самая Гетика или ... четвертая? // ПССАСП-III. ТД. Запорожье.

Кетрару Н.А. 1961. Материалы к археологической карте Молдавии // Труды ГИКМ. Т.II. Кишинев.

Кетрару Н.А. 1992. Краткий очерк истории археологии Молдовы // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев.

Килейников В.В. 1999. К вопросу о происхождении черной металлургии // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в археологии. Первые Семёновские чтения. СПб.

Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. 1990. М.

Клейн Л.С. 1999. Миграция: археологические признаки // Stratum plus. № 1. СПб-Кишинев-Одесса.

Клочко В.І., Ковалюх М.М., Мотзенбеккер І. 1998. Хронологія Суботівського городища // «Музейні читання». Матеріали Міжнародної конференції. Київ.

Клочко В.И., Скорый С.А. 1993. К исследованию позднечернолесского погребального обряда // РА. № 4.

Клочко Л.С. 1996. Костюм чорноліської культури (За матеріалами Суботівського городища) // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции. Ч. II. Донецк.

Ковпаненко Г.Т. 1977. Курганы скифского времени у с.Медвин в Поросье // Скифы и сарматы. Киев.

Ковпаненко Г.Т. 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р.Рось. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов. Киев.

Коробкова Г.Ф., Щелинский В.Е. 1996. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. Ч. 1. // АИ. Вып. 36. СПб.

Крушельницька Л.І. 1965. Могильник висоцькоі культури у м.Золочеві // Археологія. XIX.

Крушельницька Л.І. 1973. Поселення висоцькоі культури // Археологія. Вип. 11.

Крушельницька Л.І. 1985. Взаємозв'язки населення Прикарпаття і Волині з племенами Східноі і Центральноі Європи (рубіж епох бронзи і заліза).

Київ.
Крушельницька Л. 1998. Чорноліська культура Середнього Придністров'я (за матеріалами непоротівськоі групи пам'яток). Львів.
Крушельницька Л.І., Бандрівський М. 1998. Ранньокочівницькі елементи в культурі Середнього Подністров'я IX-VII ст. до н. е. // «Музейні читання». Матеріали Міжнародноі конференції. Київ.
Куббель Л.Е. 1982. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.
Курчатов С.И. 1989. Могильник II-III вв. н.э. у с.Алчедар // АИМ в 1984 г. Кишинев.
Лагодовська О. 1948. Войцехівський могильник бронзовоі доби на Волині // Археологія. II.
Лагодовська О.Ф., Захарук С.П. 1956. Нові дослідження Войцехівського могильника // АП УССР. VI. Київ.
Лапушнян В.Л. 1969. Новые находки раннего железного века у с.Матеуцы // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев.
Лапушнян В.Л. 1979. Ранние фракийцы X — начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев.
Лапушнян В.Л., Никулицэ И.Т., Романовская М.А. 1974. Памятники раннего железного века. // АКМ. Вып. 4. Кишинев.
Ласло А. 1991. Троя VII в 2 и хронология конца эпохи бронзы Нижнего Подунавья // ДОЗССП-II. ТД. Киев.
Левицкий О.Г. 1985. Погребение раннего железного века у с.Ганск // АИМ в 1981 г. Кишинев.
Левицкий О.Г. 1989. Курган у с.Бранешты и некоторые вопросы погребального обряда раннегальштатской культуры лесостепной Молдавии // АИМ в 1984 г. Кишинев.
Левицкий О.Г. 1990. Культура Днестровско-Сиретского междуречья на рубеже II-I тыс. до н.э. (памятники каннелированного гальштата). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Левицкий О.Г. 1990а. К вопросу о раннегальштатском горизонте с прочерченной керамикой в Днестровско-Прутском междуречье // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТД. Ч.II. Херсон.
Левицкий О.Г. 1993. Бронзовые изделия раннегальштатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона (К вопросу о связях) // Revista Arheologica. I. Chisinau.
Левицкий О.Г., Демченко Т.И. 1991. К вопросу о финальных рубежах раннегальштатской культуры Кишинев-Корлатэнь Днестровско-Сиретского междуречья // ДОЗССП-I. ТД. Киев.
Лесков А.М. 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев.
Лесков А.М. 1971. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. № 177.
Лесков А.М., Эрлих В.Р. 1999. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.
Литвинова Л.В. 1995. Антропологический материал из раннегальштатского зольника цитадели городища Глинжень II // Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь.
Лукьяшко С.И. 1999. Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 7. Азов.
Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 1998. К вопросу о происхождении случайных находок металлических украшений и оружия эпохи поздней бронзы из Среднего Поднепровья // «Музейні читання». Матеріали Міжнародноі конференції. Київ.
Лысенко С.Д., Лысенко С.С. 1998а. К вопросу о восточнотшинецкой культуре // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. ТД VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону.
Макаревич М.Л. 1940. Археологічні досліди в с.Білий Камінь // Трипільська культура. Т. 1. Київ.
Малеев Ю.Н. 1981. История племен Западной Подолии и Прикарпатья в конце бронзового — начале железного веков. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
Малеев Ю.Н. 1987. Чернолесская культура и гальштат // Киммерийцы и скифы-I. ТД. Ч.II. Кировоград.
Малеев Ю.Н. 1987а. Гальштатские городища в Западной Подолии и Прикарпатье // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев.
Малеев Ю.Н. 1989. Гальштатская пластика Верхнего Поднестровья // Zbornik filozofickej fakulty Univerzity Komenskeho. R.XXXIX-XL. Historica. Bratislava.
Малеев Ю.Н. 1990. Предметы гальштатского вооружения в Верхнем Поднестровье // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. ТД. Ч.II. Археология. Белгород-Днестровский.
Малеев Ю.Н. 1992. Гальштатские элементы вооружения в междуречье Днестра и Прута // Ziemie polskie we wcześnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami. Rzeszów.
Малеев Ю.Н. 1994. Металлургия бронзы лесостепного Поднестровья в предскифский период // ДОЗССП-II. ТД. Тирасполь.
Малеев Ю.Н. 1998. Скульптурки жінок культури Гава-Голіграді // Старожитності верхнього Потисся та суміжних регіонів. Карпатика. Вип. 5. Ужгород.
Маркевич В.И. 1955. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Чорна // Изв. МФ АН СССР. № 5 (25). Кишинев.
Махортых С.В. 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.
Медведев А.П. 1997. Начало раннего железного века на Среднем Дону // Проблемы истории и археологии Украины. ТД. Харьков.
Медведев А.П. 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.
Медведская И.Н. 1983. Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. V. XXIII.
Медведская И.Н. 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. № 3.
Мелюкова А.И. 1953. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИИМК. Вып. 54.
Мелюкова А.И. 1954. Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии // КСИИМК. Вып. 56.
Мелюкова А.И. 1955. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952-1953 гг. // Изв. МФ АН СССР. № 5 (25). Кишинев.
Мелюкова А.И. 1956. Памятники VIII в. до н.э. на территории лесостепной Молдавии // Изв. МФ АН СССР. № 4. Кишинев.
Мелюкова А.И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. № 64.
Мелюкова А.И. 1960. Исследование памятников предскифской и скифской эпох в лесостепной Молдавии // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев.
Мелюкова А.И. 1961. Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии // МИА. № 96.
Мелюкова А.И. 1972. О датировке и соотношении па-

мятников начала железного века в лесостепной Молдавии // СА. № 1.
Мелюкова А.И. 1975. Итоги и задачи изучения взаимосвязей киммерийских племен с фракийцами в советской науке // Studia Thracica. Кн.1. София.
Мелюкова А.И. 1979. Скифия и фракийский мир. М.
Мелюкова А.И. 1980. Новое в изучении памятников типа Сахарна-Солончены в Молдавской ССР // Археологические исследования на Украине в 1978-79 гг. ТД. Днепропетровск.
Мелюкова А.И.,1981. Раскопки поселений VIII-VII вв. до н.э. у с.Сахарна // АО 1980 г. М.
Мелюкова А.И. 1982. Новые данные о керамике типа Сахарна-Солончены в Молдавии // КСИА. Вып. 170.
Мелюкова А.И. 1984. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н.э. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М.
Мелюкова А.И. 1989. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
Мельниковская О.Н. 1954. Археологические разведки на поселении у с.Цахнауцы // КСИИМК. Вып. 56.
Мимоход Р.А. 1996. Некоторые вопросы семиотической организации пространства жилища срубной культуры по материалам культовых комплексов // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции. Ч. II. Донецк.
Мовша Т.Г. 1962. Глиняный штамп раннескифского времени из Плисков-Чернявки // КСИА. Вып. 89.
Моруженко А.А. 1988. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р.Ворсклы // СА. № 1.
Мурзин В.Ю. 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев.
Мурзин В.Ю. 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев.
Никитенко Н.И. 1992. Процесс перехода от бронзового века к железному в степях Восточной Европы // История и археология Слободской Украины. ТД. Харьков.
Никитин А.Л., Левин В.И. 1965. Раскопки погребений в каменных ящиках у с.Алчедар в 1963 г. // КСИА. Вып. 103.
Никулицэ И., Заноч А., Теодор С. 1997. Оборонительные сооружения северных фракийцев на Бутученском мысу в I тыс. до н.э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса.
Ольховский В.С. 1986. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. № 1.
Ольховский В.С. 1991. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М.
Ольховский В.С. 1993. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. № 1.
Отрощенко В.В. 1975. Новый курганный могильник белозерского времени // Скифский мир. Киев.
Отрощенко В.В., Моця О.П. 1989. Обряд кремації у стародавнього населення території України (V тис. до н.е. — I тис. н. е.) // Археологія. № 2.
Павлів Д.Ю. 1995. Могильник лужицькоі культури поблизу с.Тяглів на Львівщині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 6. Львів.
Пам'ятки гальштатського періоду в межирічні Вісли, Дністра і Прип'яті. 1993. Київ
Паньков С.В. 1994. Стародавня чорна металургія на території Південного заходу Східної Європи (до концепції розвитку) // Археологія. № 4.
Пассек Т.С. 1949. Археологические разведки в Молдавии // КСИИМК. Вып. 26.
Пассек Т.С. 1950. Трипольские поселения на Днестре // КСИИМК. Вып. 32.
Пассек Т.С. 1951. Трипольское поселение Поливанов Яр // КСИИМК. Вып. 37.
Пассек Т.С. 1959. Семинар по вопросам первобытной археологии Молдавии, Румынии и прилегающих областей Украины // СА. № 1.
Пассек Т.С. 1963. Румынско-советский семинар по проблемам первобытной археологии // СА. № 3.
Петренко В.Г. 1978. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. // САИ. Д 4-5.
Петреску-Дымбовица М. 1960. К вопросу о гальштатской культуре в Молдове // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев.
Петреску-Дымбовица М. 1960а. Конец бронзового века и начало раннего железного века в Молдове в свете последних археологических раскопок // Dacia. NS. IV. Bucuresti.
Петрунь В.Ф., Сапожникова Г.В., Черниенко Ю.А. 1999. Каменные орудия и необработанный кремень поселения Струмок III // КСОАО. Одесса.
Подольский М.Л. 2000. Индивидуальное и типическое в археологической культуре (опыт композиционного подхода) // Теория и методология архаики. I. Тотемизм: артефакты, концепции и реальность. II. Культура: социум и индивид. (Материалы методологического семинара, вып.2). СПб.
Покровська Э.Ф. 1952. Поселення VIII-VII вв. до н.э. на Тясмині // Археологія. VII.
Покровська Э.Ф. 1953. Кургани передскіфського часу в бассейні р.Тясмин // Археологія. VIII.
Покровская Э.Ф. 1953а. К вопросу о сложении культуры земледельческих племен Правобережного Поднепровья (бассейн р.Тясмин) в VII-VI вв. до н.э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Киев.
Покровская Э.Ф. 1973. Предскифское поселение у с.Жаботин // СА. № 4.
Покровская Е.Ф., Ковпаненко Г.Т. 1959. Раскопки около сел Колантаева и Стецовки на Тясмине в 1956 году // КСИА АН УССР. Вып. 8. Киев.
Покровська Э.Ф., Петровська Э.О. 1961. Поселення кінца епохи бронзи біля с.Велика Андрусівка // Археологія. XIII.
Постников С.Н. 1996. О керамических орудиях эпохи бронзы поселения Веровка-II в Центральном Донбассе // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век). Материалы международной конференции. Ч. II. Донецк.
Потапов В.В. 1997. Предскифские захоронения с восьмерковидными бляшками // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. № 1.
Потапов В.В., Бабешко И.Г. 1994. Черногоровское всадническое погребение в могильнике Красногоровка-III // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году. Вып. 12. Азов.
Пряхин А.Д. 1973. Древнее население Песчанки. Воронеж.
Пьянков А.В., Тарабанов В.А. 1997. Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и скифского времени на юге

Восточной Европы. МИАР. № 1. М.
Радзіэвська Т.М. 1989. Поселення доби міді-раннього заліза поблизу сс.Плисків та Чернявка Вінницкоі області // Археологія. № 4.
Рафалович И.А., Кетрару Н.А. 1966. Из истории археологии и краеведения Молдавии // Проблемы географии Молдавии. Вып. 1. Кишинев.
Редина Е.Ф. 1994. Поминально-погребальные обряды скифского населения Буджакской степи // ДОЗССП-II. ТД. Тирасполь.
Розенфельдт Р.Л. 1955. Алчедарские курганы // Изв. МФ АН СССР. № 5 (25). Кишинев.
Романовская М.А. 1980. Керамический штамп из окрестностей с.Рудь // СА. №1.
Русу М. 1960. «Докиммерийские» детали конской сбруи из Трансильвании // Dacia. NS. IV. Bucureşti.
Рыбалова В.Д. 1961. О связях Правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Исследования по археологии СССР. Л.
Рыбалова В.Д. 1961а. К вопросу о хронологии некоторых групп памятников эпохи бронзы и раннего железа на Украине // АСГЭ. № 2.
Рыбалова В.Д. 1966. Еще раз о начальной дате железного века на Днепре // Вестник ЛГУ. № 2. Серия истории, языка и литературы. Л.
Рыбалова В.Д. 1999. Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра (по материалам разведки Юго-Подольской экспедиции в 1953-1954 гг.) и некоторые проблемы белогрудовской культуры // Археологические вести. № 6. СПб.
Рымбу Н.Л. 1982. Природно-географическое районирование Молдавской ССР. Кишинев.
Савва Е.Н. 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев
Сазонов А.А. 1995. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пшиш-1 // Археология Адыгеи. Майкоп.
Сазонов А.А. 1996. Относительная и абсолютная хронология протомеотского могильника Пшиш-1 // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. ТД. М.
Самар В.А. 1998. Верхняя хронологическая граница КМК и Покровская культура Северного Приазовья // Проблемы изучения ККИО и КИОМК. Запорожье.
Самар В.А., Антонов А.Л. 1998. Погребальные памятники КМК Северного Приазовья // Проблемы изучения ККИО и КИОМК. Запорожье.
Санжаров С.Н. 1992. Каменные сверленые топоры-молотки Донбасса // РА. № 3.
Свешніков І.К. 1964. Пам'ятки голіградського типу на Західному Поділлі // МДАПВ. Вип. 5. Київ.
Свешников И.К. 1969. К вопросу о племенном составе населения Прикарпатья и Волыни в конце II и в начале I тысячелетия до н.э. // I międzynarodowy Kongres archeologii Słowiańskiej. T. II.
Свешников И.К. 1990. Средний период бронзового века Прикарпатья и Волыни. Тшинецко-комаровская культура // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). Киев.
Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. 1987. Северная зона. Макет. Кишинев.
Серова Н.Л., Яровой Е.В. 1987. Григориопольские курганы. Кишинев.
Скорий С.А. 1996. Кочовики передскіфської та скіфської доби в Дніпровському Правобережному лісостепу (питання етнокультурної історії). Автореф. дис. ... докт. іст. наук. Київ.
Скорый С.А. 1999. Киммерийцы в украинской Лесостепи. Киев-Полтава.
Смирнов Г.Д. 1949. Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. // Уч.зап. ИИЯиЛ МФ АН СССР. Т.II. Кишинев.
Смирнов Г.Д. 1949а. Скифское городище и селище «Большая Сахарна» // КСИИМК. Вып.26.
Смирнов Г.Д. 1955. Сахарнянский скифский могильник II (Гура Гульбока) // Изв. МФ АН СССР. № 5 (25). Кишинев.
Смирнов Г.Д. 1964. Археологические разведки в нижнем течении Реута // МИА ЮЗ СССР и РНР. Кишинев.
Смирнова Г.И. 1954. Археологические культуры лесостепной Правобережной Украины и Молдавии в VII-VI вв. до н.э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Л.
Смирнова Г.И. 1966. Гальштатские городища в Закарпатье // SA. XIV-2. Bratislava.
Смирнова Г.И. 1969. Новый могильник культуры Ноа у с.Старые Бедражи на Пруте // АСГЭ. Вып. 11. Л.
Смирнова Г.И. 1969а. Поселение Магала — памятник древнефракийской культуры в Прикарпатье // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. МИА. № 150.
Смирнова Г.И. 1976. Гавско-голиградский круг памятников Восточно-Карпатского бассейна // АСГЭ. № 17.
Смирнова Г.И. 1976а. Магала I и некоторые вопросы хронологии позднекомаровской культуры в Прикарпатье // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
Смирнова Г.И. 1977. О хронологическом соотношении памятников типа Сахарна-Солончены и Жаботин (по материалам раскопок курганов у с.Мервинцы) // СА, № 4.
Смирнова Г.И. 1979. Курганы у села Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Труды ГЭ. XX. Л.
Смирнова Г.И. 1980. Среднее Поднестровье и Нижнее Подунавье в предскифское время (контакты и хронологическое соотношение) // Thracia. V. София.
Смирнова Г.И. 1982. Закрытые предскифские комплексы у с.Днестровка-Лука // Древние памятники культуры на территории СССР. Л.
Смирнова Г.И. 1983. Материальная культура Григоровского городища (к вопросу о формировании чернолесско-жаботинских памятников) // АСГЭ. № 23. Л.
Смирнова Г.И. 1984. О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре (по материалам поселения Днестровка-Лука) // АСГЭ. № 25. Л.
Смирнова Г.И. 1985. Основы хронологии предскифских памятников Юго-Запада СССР // СА. № 4.
Смирнова Г.И. 1986. Последний сезон работ на чернолесском поселении Днестровка-Лука и вопросы хронологии позднего Чернолесья // АСГЭ. № 27. Л.
Смирнова Г.И. 1989. Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II первой половине I тыс. до н.э. по материалам Западно-Украинской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.
Смирнова Г.И. 1990. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тыс. до н.э. Дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев.

Смирнова Г.И. 1990а. Памятники типа Кишинев-Корлатень в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье // АСГЭ. Вып. 30. Л.

Смирнова Г.И. 1991. Культурно-историческая ситуация в Днестровско-Сиретском междуречье в эпоху раннего гальштата // ДОЗССП-I. ТД. Киев.

Смирнова Г.И. 1991а. Миграционные и интеграционные процессы в Прикарпатском Поднестровье в предскифское время // Археологические культуры Евразии и проблемы их интеграции. ТД. СПб.

Смирнова Г.И. 1994. О месте киммерийских древностей в культурах предскифского времени в Среднем Поднестровье // Masivul Traco-Cimerian. Probleme actuale. RR. Chişinău.

Смирнова Г.И. 1998а. О работах на раннескифском поселении у с.Долиняны // АСГЭ. Вып. 33. СПб.

Смирнова Г.И. 1999. Послесловие к статье В.Д.Рыбаловой «Два поселения предскифского времени на Левобережье Среднего Днестра и некоторые проблемы белогрудовской культуры» // Археологические вести. № 6. СПб.

Смирнова Г.І, Войнаровський В.М. 1994. Мошанецький скарб бронз кімерійського типу з Середнього Подністров'я // Археологія. № 1.

Смирнова Г.И., Кашуба М.Т. 1988. О двух локальных группах культуры позднего Чернолесья на Среднем Днестре // АСГЭ. № 29. Л.

Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. 1997. Материалы Всероссийской конференции. Кемерово.

Стоянов Т. 1992. Погребалните обичаи в Североизточна Тракия през раножелязната епоха в светлина на новите проучвания // Хелис I. София.

Стоянов Т. 1997. Могилен некропол от ранножелязната епоха. Сборяново I. София.

Субботин Л.В., Черняков И.Т. 1973. Фракийский кенотаф у с.Зализничное на Левобережье Нижнего Придунавья // СА. № 2.

Татаринов С.И. 1980. Железоделательный горн бондарихинской культуры // СА. № 3.

Тереножкін О.І. 1951. Поселення білогрудівського типу біля Умані // Археологія. V.

Тереножкин А.И. 1952. Памятники предскифского периода на Украине // КСИИМК. Вып.47.

Тереножкін О.І. 1952а. Розвідки і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградськоі області // Археологія. VII.

Тереножкин А.И. 1954. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье (чернолесский этап) // ВССА. М.

Тереножкин А.И. 1954а. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. // КСИА АН УССР. Вып.3. Киев.

Тереножкин А.И. 1955. Об этнической принадлежности племен скифского времени в Правобережной лесостепи // КСИА АН УССР. Вып. 4. Киев.

Тереножкин А.И. 1957. Среднее Поднепровье в начале железного века // СА. № 2.

Тереножкин А.И. 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.

Тереножкин А.И. 1965. Основы хронологии предскифского периода // СА. № 1.

Тереножкин А.И. 1976. Киммерийцы. Киев.

Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. 2000. К проблеме перехода к раннему железному веку на Северном Кавказе // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. 1997. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.

Титов В.С. 1982. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света. М.

Усачук А.Н. 1994. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений Северо-Восточного Приазовья // Срубная культурно-историческая общность. Материалы III Рыковских чтений. Саратов.

Усачук А.Н. 1999. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. 1999. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Тр. ГИМ. Вып. 109. М.

Федоров Г.Б. 1952. Работа Славяно-Днестровской экспедиции в 1950 г. // КСИИМК. Вып. 54.

Федоров Г.Б. 1957. Древние славяне и их соседи в Молдавии (краткое описание памятников I-начала II тыс. до н.э.) // Уч.зап. ИИЯиЛ МФ АН СССР. T.VI (серия историческая). Кишинев.

Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. 1974. Памятники древних славян (VI-XIII вв.) // АКМ. Вып. 6. Кишинев.

Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Археологическая типология и процесс типообразования (На примере средневековых бус) // Математические методы в социально-экономических и археологических исследованиях. М.

Хахеу В.П. 1990. Укрепленные поселения гетских племен Молдавии // Проблемы археологии Северного Причерноморья. ТД. Ч.II. Херсон.

Хохоровски Я. 1994. Хронология киммерийских памятников в Средней Европе // ДОЗССП-II. ТД. Тирасполь.

Хохоровски Я. 1996. Городища эпохи поздней бронзы восточной части Карпатской котловины: показатель развития или кризиса общественно-культурных структур? // Більське городище. Полтава.

Цимиданов В.В. 1997. Социальное развитие населения срубной культурно-исторической общности (по материалам погребальных памятников Восточной Украины). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Чемыртан Г.Д. 1995. Определение остеологического материала из раскопок цитадели городища Глинжень II // Гольцева Н.В., Кашуба М.Т. Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья. Тирасполь.

Черненко Е.В. 1981. Скифские лучники. Киев.

Черниенко Ю.А. 1994. Домостроительство населения сабатиновской культуры // ДОЗССП-II. ТД. Тирасполь.

Черных Е.Н. 1978. Горное дело и металлургия в древней Болгарии. София.

Черняков И.Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. Киев.

Чичикова М. 1968. Керамиката от старожелязната епоха в Тракия // Археология. X. Кн.4. София.

Чивилев В.А. 2000. Каменные топоры и другие сверленые орудия на верхнем Дону // РА. № 2.

Членова Н.Л. 1997. Центральная Азия и скифы. М.

Шаманаев А.В., Зырьянова С.Ю. 1999. Характеристика следов износа орудий на фрагментах керамики (по материалам памятников раннего бронзового века Нижнего Притоболья и экспериментов) // Современные экспериментально-трасологические и технико-технологические разработки в

археологии. Первые Семёновские чтения. СПб.
Шарафутдинова И.Н. 1982. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев.
Шовкопляс І.Г. 1952. Курганний могильник передскіфського часу на Середньому Дністрі // АП УССР. IV. Київ.
Шовкопляс І.Г. 1954. Поселення ранньоскіфського часу на Середньому Дністрі // Археологія. IX.
Шовкопляс І.Г. 1956. Середньодністровська експедиція 1949-1951 рр. // АП УССР. VI. Київ.
Шовкопляс І.Г., Максимов Э.В. 1952. Дослідження курганного могильника передскіфського часу на Середньому Дністрі // Археологія. VII.
Шрамко Б.А. 1965. Появление и освоение железа в Восточной Европе // Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР. IV. Харьков.
Шрамко Б.А. 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев.
Шрамко Б.А. 1991. Древнейшее изделие из кричного железа в Восточной Европе // ДОЗССП-І. ТД. Киев.
Шрамко Б.А., Машкаров Ю.Г. 1993. Исследование биметаллического ножа из погребения
катакомбной культуры // РА. № 3.
Шрамко Б.А., Шрамко И.Б. 1995. Ямные сыродутные горны в Скифии // Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины. ТД. Харьков.
Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. 1990а. Два новых культурно-хронологических горизонта на посаде древнерусского городища Алчедар (МССР) // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. Ч.II. Археология. Белгород-Днестровский.
Щукин М.Б. 1989. Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.
Эрлих В.Р. 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
Яровой Е.В., Бруяко И.В. 2000. Комплекс предскифского времени у с.Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе) — статья публикуется в настоящем сборнике.
Яровой Е.В., Кашуба М.Т. 1994. Курган предскифского времени у пгт.Слободзея // ДОЗССП-II. ТД. Тирасполь.
Яровой Е.В., Кашуба М.Т., Махортых С.В. 2000. Киммерийский курган близ Слободзеи — в печати.
Яровой Е.В., Чирков А.Ю. 1990. Могильник культуры Ноуа в Бричанском районе Молдавии на Пруте // Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья. Ч. I. ТД. Херсон.
Abâzov E., Clocico E. 1997. Tumulul I din necropola tumulară Chirileni // Tyragetia. IV-V. Chişinău.
Agulnikov S. 1996. Necropola culturii Belozerka de la Cazaclia // B.Th. XIV. Bucureşti.
Alexandrescu A. 1978. Sépultures du premier Âge du Fer à Zimnicea (Dép. de Teleorman) // Dacia. XXII. Bucureşti.
Anastasiu F., Harţuche N. 1967. Cercetări şi descoperiri arheologice în raionul Brăila // Danubius. I. Brăila.
Arnăut T. 1996. Arheologul G.D.Smirnov şi unele probleme de concepţie privind mil.I î. e. n. // Tyragetia III. Chişinău.
Arnăut T., Ursu Naniu R. 1996. Vestigii getice din cea de a doua epocă a fierului în interfluviul Pruto-Nistrean. Iaşi.
Bader T. 1983. Die Fibeln in Rumänien // PBF. XIV. Bd.6. München.
Bassa B., Marghitan L. 1967. Aşezarea hallstattiană de la Săuleşti // Apulum. VI. Alba Iulia.
Berezanskaja S.S. 1998. Hordeevka — ein bronzezeitliches Kurgan-Gräberfeld am Südlichen Bug // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 12. München-Rahden.
Berezanskaja S.S. und Klocko V.I. 1998. Das Gräberfeld von Hordeevka // Archäologie in Eurasien. Bd. 5. Rahden/Westf.
Blăjan M., Stoicivici E., Georoceanu P. 1980. Contribution à la connaisance de la vie economique de la zone de Mediaş (dép. de Sibiu, Roumanie) // Actes du II-e Congrès International de Thracologie. I. Bucureşti.
Boroffka N. 1987. The use of iron in Roumania from the beggings of the VIIIth century B. C. // Apulum. XXIV. Alba Iulia.
Boroffka N. 1994. Ein neues hallstattzeitlichen Idol aus Teleac // Apulum. XXXI. Alba Iulia. MCMXCIV.
Boroffka N. 1998. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen // Eurasia antiqua. Bd. 4. Berlin.
Bouzek J. 1985. The Aegean, Anatolia and Europe: cultural interrelations in the second millenium B.C. Praha.
Brudiu M. 1981. Contribuţii la cunoaşterea genezei Hallstattului în sud-estul României // SCIVA. T. 32. Nr. 4.
Căpitanu V.,1982. Un vase tracic de tip Cozia-Brad descoperit la Răcătău, judeţul Bacău // Carpica. 14. Bacău.
Căpitanu V. 1997. A hallstattian ritual pit discovered at Racatau, Bacau county // Prima epocă a fierului la Gurile Dunări şi în zonele circumpontice. Tulcea.
Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. I. 1995. Bucureşti.
Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. II. 1997. Bucureşti.
Chicideanu I. 1992. O descoperire de la începutul primei epoci a fierului la Cîrna // SCIVA. T. 43. Nr. 1.
Chirica V., Tănăsachi M. 1985. Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi. T. 1-2. Iasi.
Chochorowski J. 1993. Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej. Kraków.
Čičikova M.,1971. Sur la chronologie du Hallstatt en Thrace // Studia Balkanica.V. Sofia.
Čičikova M. 1972. Nouvelles données sur la culture Thrace de l'époque du Hallstatt et Bulgarie du sud // Thracia. I. Sofia.
Ciugudean H. 1994. The Hallstatt A period in Central Transylvania // The Early Hallstatt period (1200-700 B.C.) in south-eastern Europe. Alba Iulia.
Coman G. 1980. Statornicie, continuitate. Repertoriul arheologic al jud.Vaslui. Bucureşti.
Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1994. 1995. Cluj-Napoca.
Cronica cercetărilor arheologice. Campania 1995. 1996. Brăila.
Davidescu M. 1981. Un tezaur de podoabe tracice descoperit la Hinova-Mehedinţi // Thraco-Dacica. T. II. Bucureşti.
Dergacev V. 1994. Arheologia Republicii Moldova. Retrospectivă istorică // Thraco-Dacica. T. XV. Nr. 1-2. Bucureşti.
Dimitrov D. 1971. Troia VII b 2 und die Thrakischen und Mösischen Stämme auf dem Balcan // Studia Balcanica. II. Sofia.
Dragomir I.T. 1972. Urme ale culturii materiale // Judeţul Galaţi pe scara timpului. Galaţi.
Dušek M. 1957. Halštatská Kultura Chotinskej skupiny

// SA. V-I. Bratislava.
Eibner A. 1986. Die Frau mit der Spindel. Zum Aussagewert einer archäologischen Quelle // Hallstatt Kolloquium Veszprém 1984. Mitt.Arch.Inst. Ungarn. Akad. Wiss. Beih 3. Budapest.
Eibner A. 1996. Die Bedeutung der Basarabi-Kultur in der Entwicklung des Osthallstattkreises // Der Basarabi-komplex in Mittel- und Südosteuropa. Arch.Abt. I. Bukarest.
Enăchiuc V. 1987. Depozitul de bronzuri de la Dridu (jud. Ialomița) // Thraco-Dacica. T. VIII. Nr. 1-2. Bucureşti.
Florescu A.C. 1991. Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Aşezări şi necropole // Cultură şi civilizația la Dunărea de Joc. IX. Călăraşi.
Garasanin D., Vinski-Gasparini K. 1971. Age du bronze // Epoque préhistorique et protohisto-rique en Iougoslavie: Recherches et résultats. Beograd.
Gergova D. 1980. Genesis and Development of the Metal Ornaments in the Thracian Lands during the Early Iron Age (11th-6th century B.C.) // Studia Praehistorica. III. Sofia.
Gergova D. 1986. Früh- und ältereisenzeitliche Fibeln in Bulgarien // PBF XIV. Bd. 7. München.
Gotzev M.Alexey 1994. Decoration of the Early Iron Age pottery from south-east Bulgaria // The Early Hallstatt period (1200-700 B.C.) in south-eastern Europe. Alba Iulia.
Gumă M. 1983. Contribuții la cunoaşterea cultura Basarabi în Banat // Banatica. VII. Reşița.
Gumă M. 1993. Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României // B.Thr. IV. Bucureşti.
Gumă M. 1995. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in south-western Romania, western Serbia and north-western Bulgaria. A short review // Thraco-Dacica. T. XVI. Nr. 1-2. Bucureşti.
Haheu V. 1998. Cercetări arheologice la cetatea traco-getică Alcedar-La Cordon din raionul Şoldăneşti // Revista Arheologica. 2. Chişinău.
Hampel J. 1886. A bronzkor emlékei Magyarhonban. Vol.I. Budapest.
Hänsel B. 1976. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederund der älteren Hallstattzeit an der Unteren Donau. Bonn. T. 1, 2.
Harțuche N. 1972. Un nou aspect cultural de la sfârşitul epocii bronzului la Dunărea de Jos // Pontica. 5. Constanța.
Harțuche N., Anastasiu F. 1976. Catalogul selectiv al colecției de arheologie a Muzeului Brăilei. Brăila.
Harțuche N., Silivestru O. 1994. Considerații asupra cercetărilor din aşezarea Babadag de la Siliştea-Nazîru, județul Brăila // Istros. VII. Brăila.
Horedt K. 1967. Problemele ceramicii din perioada Bronzului evoluat în Transilvania // Studii şi comunicarii. XIII. Sibiu.
Iconomu C. 1996. Cercetările arheologice din cetatea hallstattiană de la Pocreaca-Iaşi // AM. XIX. Bucureşti.
Iconomu C. 1997. Les recherchez archélogiques sur le premier âge du fer dans le département de Iaşi. Résultats et problèmes // Prima epocă a fierului la Gurile Dunări şi în zonele circumpontice. Tulcea.
Ignat M. 1976. Découvertes du Hallstatt thrace dans le departement de Suceava // Thraco-Dacica. T. I. Bucureşti.
Jugănaru G. 1996. Câteva date referitoare la relația Babadag III — Basarabi // Peuce. XII. Tulcea.
Jugănaru G. 1997. An Aspect of the Ritual-funeral Practices from the Eponymic Settlement at Babadag // Funeral practices in Europe 13th-4th centuries B.C. Tulcea.
Jugănaru G. 1997a. Manifestări timpurii ale primei epoci a fierului în Dobrogea (descoperirile de la Garvăn-Mlăjitul Florilor, jud. Tulcea) // Prima epocă a fierului la Gurile Dunării şi în zonele circumpontice. Tulcea.
Jugănaru G., Topoleanu F. 1994. Gropi funerare în aşezarea hallstattiana de la Niculițel-Cornet (jud. Tulcea) // Istros. VII. Brăila.
Kalicz-Schreiber R. 1991. Das spätbronzezeitliche Gräberfeld von Budapest (Ungarn) // Prähistorische Zeitschrift. Bd. 66. H. 2. Berlin-New York.
Kalmar Z. 1987. Contribuții la cunoaşterea ritului funerar hallstattian // SCIVA. T. 38. Nr. 2.
Kašuba M.T. 1996. Hligeni II — source historique pour l'étude de la culture hallstattienne de haute — epoque Saharna // The Thracian World at the Crossroads of Civilisations. The 7 International Congress of Thracology. Bucharest.
Kašuba M. 1998a. Die frühhallstattzeitlichen Funde der Saharna-Kultur aus der vorgeschichlichen Siedlung Hlingeni II, Dnjestrgebiet // The Thracian World and the Crossroads of civilizations. II. «Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology». Bucharest.
Kaşuba M., Haheu V., Leviţki O. 2000. Vestigii traco-getice de la Nistru de Mijloc // B.Thr. Bucureşti — in print.
Kemenczei T. 1967. Die Zagyvapálfalva-Gruppe der Pilinyer-Kultur // AAH. T. 19. Budapest.
Kemenczei T. 1981. A Prügyi Koravaskori Kineslelet // Communicationes Archeologicae Hungariae I. Budapest.
Kemenczei T. 1984. Die Spätbronzezeit Nordostungarns. Budapest.
Kemenczei T. 1996. Notes of the Chronology of Late Bronze Age Hoards in Hungary // Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Kraków.
Klociko E., Sava E. 1997. Necropola culturii Noua de langa Chirileni // Angustia. 2. Sfântu-Gheorghe.
Kločko V.I. 1998. Die Süd- und Westbeziehungen der Ukraine rechts des Dneprs im 2. und frühen 1. Jahrtausend v. Chr. // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 12 München-Rahden.
Kossack G. 1980. «Kimmerische» Bronzen. Bemerkungen zur Zeitstellung in Ost- und Mitteleuropa // Situla 20/21. Ljubljana.
László A. 1969. Cu privire la tehnica de ornamentare a ceramicii hallstattiene de tip Babadag // MA. I. Piatra-Neamț.
László A. 1972. O aşezare hallstattiană la Cozia (jud. Iaşi) // AM. VII. Bucureşti.
László A. 1973. Considerații asupra ceramicii de tip Gáva din Hallstattul timpuriu // SCIV. T.24. Nr. 4.
László A. 1975. Începuturile metalurgiei fierului pe teritoriul României // SCIVA. T. 26. Nr.1.
László A. 1976. Începuturile primei vîrste a fierului pe teritoriul Moldovei. Unele rezultate şi probleme // CI (SN). VII. Iaşi.
László A. 1976a. Über der Ursprung und die Entwicklung der frühhallstattzeitlichen Kulturen in der Moldau // Thraco-Dacica. T. I. Bucureşti.
László A. 1977. Anfänge der Benutzung und bearbeitung des Eisens auf dem Gebiete Rumäniens // AAH. T.29 (1-2). Budapest.
László A. 1980. La region extracarpatique orientale à la fin du II millenaire et dans la premiére moitié du I millenaire avant notre ére // Actes du II Congres

international de Thracologie. I. Bucureşti.
László A. 1985. Hallstattul timpuriu şi mijlocie pe teritoriul Moldovei. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi.
László A. 1986. Grupul Tămăoani. Asupra «orizontului» Hallstattian timpuriu cu ceramică incizată din sudul Moldovei // MA. XII-XIV (1980-1982). Piatra-Niamţ.
László A. 1986a. Asupra legăturilor dintre spaţiul Est-Carpatic şi zonele de stepă şi silvostepă Nord-Vest Pontice la începutui epoci fierului (sec.XII-VII î.e.n.) // Analele ştiinţifice ale Universităţii «Al.I.Cuza», din Iaşi (SM). T.XXXII. S.111A. Istorie. Iaşi.
László A. 1989. Les groupes régionaux anciens du Hallstatt à l'est des Carpates. La Moldavie aux XII-VII siècles av.n.é. // La civilisation de Hallstatt. Études et Recherches Arhéologiqus de l'Université de Liège. Nr.36. Liège.
László A. 1989a. Asupra sfîrşitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului in estul spaţiului Carpato-Danubio-Pontic // Symposia Thracologica. 7. Tulcea.
László A. 1992. Interférences ethno-culturelles dans les régions Est-Carpathiques à la fin du II millénaire et du commencement du I millénaire av.Chr. // Sympozia Thracologica. 9. Bucureşti.
László A. 1993. Dates radiocarbones et chronologie de la civilisation Noua-Sabatinovka-Coslogeni // Culture et civilisation au Bas Danube. X. Călăraşi.
László A. 1994. Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi. Culturile Gáva-Holihrady şi Corlăteni-Chişinău pe teritoriul Moldovei // B.Thr. VI. Bucureşti.
László A. 1995. La nécropole de Stoicani et quelques aspects du problème «thraco-cimmérien» // SAA. II. Iaşi.
László A. 1995a. Statutele antropomorfe ale culturii Gáva-Holihrady // MA. XX. Piatra-Neamţ.
László A. 1996. Über die Beziehungen zwischen der Unteren Donau — Gegend und dem Nord-Pontischen Gebiet am Anfang der Frühen Eisenzeit // The Thracian World at the Crossroads of civilisations. The 7 International Congress of Thracology. Bucharest.
László A. 1997. On the Origin, Development and Chronology of the First Iron Age at the Lower Danube // Prima epocă a fierului la Gurile Dunării şi în zonele circumpontice. Tulcea.
Levinschi A.N., Borziac I.A. 1990. Necropola plană de tip Saharna-Solonceni la Climăuţii de Jos // Buletinul Academiu de ştiinţe a R.S.S. Moldova. № 3 (95). Chişinău.
Levinschi A., Scipachin O., Dulea G. 1999. Rezervaţia istorico-naturala «Saharna» — primele investigaţii // Tyragetia. Anuar VIII.
Levinschi A., Scipachin O., Negura M. 2000. Complexele locative din fortificaţia getica «Saharna-La Revechin». Date noi de la cetatea // Tyragetia. Anuar IX.
Levitchi O. 1992. La situation culturelle et historique dans l'èspace Carpato-Dnistrien a l'èpoque du Hallstatt // Symposia Thracologica. 9. Bucureşti.
Levitki O. 1994. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpaţi // B.Thr. VII. Bucureşti.
Levitki O. 1994a. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului Hallstattian timpuriu, cu ceramică incizată // Relations Thraco-Illyro-Helléniques. Bucureşti.
Levitki O. 1994б. Culturile din epoca Hallstattului timpuriu şi mijlociu // Thraco-Dacica. T. XV. Nr. 1-2. Bucureşti.
Levitki O. 1995. Investigaţiile arheologice de la Trinca, raionul Edineţ, Republica Moldova // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. I. Bucureşti.
Levitki O. 1998. Particularités, points communs et contacts reciproques des cultures du complexe Hallstattien ancien à la ceramique cannelée, de l'est des Carpates // The Thracian World at the Crossroads of Civilisation. II «Proceedings of the Seventh International Congress of Thracology». Bucharest.
Levitki O., Demcenko T. 1994. Grupul tumular de la Corjeuţi-Briceni (R. Moldova) // MA. XIX. Piatra-Neamţ.
Levitki O., Demcenko T. 1997. Necropola tumulară-plană a culturii Noua de la Burlăneşti // Angustia. 2. Sfântu-Gheorghe.
Levitskii O.G., Sava E.N. 1993. Nouvelles recherches des établissements de la culture Noua dans la zone comprise entre le Prout et le Nistru // Culture et civilisation au Bas Danube. X. Călăraşi.
Machortych S. 1998. Neues über Beziehungen der Kimmerier zur Karpaten-Donau-Welt // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 12. München-Rahden.
Maleev J.N. 1988. Trackie grodziska okresu halsztackiego na Pólnocnowschodnim Podkarpaciu // AAC. T. 27. Kraków.
Maleev J. 1996. Nowe znaleziska Halsztackiej plastyki zoomorficznej z Podniestrza // Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europe Środkowej. Kraków.
Mateevici N. 1999. Contribuţii la cercetarea şi studierea materialului ceramic grecesc de la cetatea getică de la Butuceni // Studia in honorem Ion Niculiţă. Chişinău.
Medvedskaja I.N. 1991. Once more on the destruction of Hasanlu IV: problems of dating // Iranica Antiqua. Vol. XXVI.
Metzner-Nebelsick C. 1994. Die früheisenzeitliche Trensenentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Archaologische Untersuchungen zum Ubergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus. Regensburger Beiträge zur Prähistorischen archäologie. B.1. Bonn.
Metzner-Nebelsick C. 1997. Tönerne Stecker — «magische» Gegenstande? Ein Beitrag zum keramischen Symbolgut der Urnenfelder- und Hallstattzeit in Südost- und Mitteleuropa // Χρονος. Studia honoraria. Beitrage zur prähistorischen Archäologie zwischen Nord- und Südosteuropa. Bd. 1.
Morintz S. 1964. Quelques problèmes concernant la période ancienne du Hallstatt au Bas-Danube à la lumière de fouilles de Babadag // Dacia. VIII. Bucureşti.
Morintz S. 1971. Probleme ale Hallstattului timpuriu în zona istro-pontică în lumina cercetărilor de Babadag // Peuce. II. Tulcea.
Morintz S. 1974. Sfîrşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în spaţiul Carpato-Balcanic // Revista de Istorie. T. 27. № 6. Bucureşti.
Morintz S. 1977. Probleme privind origine tracilor în lumina cercetărilor arheologice // Revista de Istorie. T. 30. № 8. Bucureşti.
Morintz S. 1978. Contribuţii arheologice la istoria tracilor timpurii. I. Epoca bronzului in spaţiul Carpato-Balcanic. Bucureşti.
Morintz S. 1987. Noi date şi probleme privind perioadele hallstattiană timpurie şi mijlocie în zona istro-pontică (Cercetările de la Babadag) // Thraco-Dacica. T. VIII. Nr. 1-2. Bucureşti.
Morintz S. 1989. Aspecte şi probleme noi referitoare la cultura Babadag // Symposia Thracologica. 7. Tulcea.
Morintz S. 1990. Probleme privind perioada Hallstattiană timpurie în centrul Cîmpiei Române // Symposia Thracologica. 8. Satu Mare-Carei.

Morintz S., Jugănaru G., Munteanu M. 1995. Aşezarea din prima epocă a fierului de la Babadag // Cercetări arheologice în area Nord-Tracă. I. Bucureşti.

Morintz S., Roman P. 1969. Un nou grup hallstattian timpuriu în sud-vestul României — Insula Banului // SCIV. T. 20. Nr. 3.

Nestor I., Zaharia E. 1961. Săpăturile de la Mediaş // MCA. VII. Bucureşti.

Nica M. 1997. Date noi cu privire la sfârşitul epocii bronzului şi începutul epocii fierului în Oltenia // Prima epocă a fierului la Gurile Dunării şi în zonele circumpontice. Tulcea.

Niculiță I. 1996. Habitatul traco-getic de la Butuceni // Thraco-Dacica. T. XVII. Nr. 1-2. Bucureşti.

Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. 1995. Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei (1993-1994) // Cercetări arheologice în area Nord-Tracă. I. Bucureşti.

Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. 1997a. Săpăturile arheologice de la Butuceni, raionul Orhei 1995-1996 // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. II. Bucureşti.

Olteanu Şt. 1971. Cele mai vechi mărturii arheologice privind extracția şi reducerea minereului de fier pe teritoriul Dobrogei // SCIV. T. 22. Nr. 2.

Pástor J. 1958. Sidliskový výskum na Somotorskej hore r. 1955 // SA. VI-2. Bratislava.

Paulik J. 1968. Zur Problematik der Ostslowakei in der jüngeren Bronzezeit (Rezumat) // Sbornik Slovenskeho Narodneho Muzea. Istorie. 8. Bratislava.

Păunescu A., Şadurschi P., Chirica V. 1976. Repertoriul arheologic al județului Botoşani. Vol.I, II. Bucureşti.

Petrescu-Dîmbovița M. 1953. Contribuții la problema sfîrsitului epocii bronzului şi începutul epocii fierului în Moldova // SCIV. T. IV. Nr. 3-4.

Petrescu-Dîmbovița M. 1953a. Cetătuia de la Stoicani // MA. I. Bucureşti.

Petrescu-Dîmbovița M. 1953á. Cimitirul hallstattian de la Stoicani // MA. I. Bucureşti.

Petrescu-Dîmbovița M. 1958. Objects Hallstattiens trouvée à Bârlad // Dacia. II. Bucureşti.

Petrescu-Dîmbovița M. 1964. Date noi relativ la descoperirile de obiecte de bronz de la sfîrşitul epocii bronzului şi începutul Hallstattului din Moldova // AM. II-III. Bucureşti.

Petrescu-Dîmbovița M. 1977. Depozitele de bronzuri din România. Bucureşti.

Petrescu-Dîmbovița M. 1988. Certaines considérations sur quelques problemes du Hallstatt de l'espace carpato-danubien-pontique d'après les données des récherches récentes // SA. XXXVI-1.

Petrescu-Dîmbovița M., Dinu M. 1974. Noi cercetări arheologice la Stoicanu (jud.Galați) // SCIVA. T. 25. Nr. 1.

Pleiner R. 1980. Early Iron Metallurgy in Europe // The Coming of the Age of Iron. New Haven-London.

Rusu M. 1974. Începuturile metalurgiei fierului în Transilvania // In memoriam Constantini Daicoviciu. Cluj.

Sapouna-Sakellarakis E. 1978. Die Fibeln der griechischen Inseln // PBF XIV. Bd.4.

Şardurschi P., Ursulescu N. 1989. Date istorico-arheologice privind dinamica locuirii în bazinul Miletinului (zona comunei Prăjeni, jud.Botoşani) // Hierasus. VII-VIII. Botoşani.

Sava E. 1998. Die Rolle der «östlichen» und «westlichen» Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets) // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 12. München-Rahden.

Sava E. 1999. Istoricul cercetărilor şi contribuții noi la periodizarea şi cronologia absolută a culturii Noua // Studia in honorem Ion Niculiță. Chişinău.

Sava E., Manzura I., Tcaciuc M., Kurciatov S., Bubulici V., Rabinovici R., Gukin V., Alaiba R., Bădău-Wittenbeger M. 1995. Investigațiile istorico-arheologice efectuate în microzona istorico-naturală Rudi-Tătărăuca Nouă-Arioneşti — raionul Donduşeni, Republica Moldova // Cercetări arheologice în area Nord-Tracă. I. Bucureşti.

Sîrbu V. 1987. Figurinele antropomorfe şi zoomorfe traco-geto-dacice din prima şi a doua epocă a fierului // Istros. 5. Brăila.

Sîrbu V. 1993. Credințe şi practici funerare, religioase şi magice în lumea geto-dacilor. Brăila-Galați.

Sîrbu V., Arnăut I. 1995. Incinta fortificată de la Stolniceni, raionul Hânceşti — Rep. Moldova // Cercetări arheologice în area Nord-Tracă. I. Bucureşti.

Sîrbu V., Jugănaru G. 1999. Practicii magice la tracii culturii Babadag // Studia in honorem Ion Niculiță. Chişinău.

Situri arheologice cercetate în perioada 1983-1992. 1996. Brăila.

Smirnova G.I. 1992a. Componentele tracă şi iliră în cultura Hallstattiană timpure în tinuturile pericarpatice // Symposia Thracologica. 9. Bucureşti.

Smirnova G. 1993. Die Siedlung Mahala II a und II b — ein Denkmal der Noua I und II Kultur // Culture et civilisation au Bas Danube. X. Călăraşi.

Smirnova G. 1993a. Zur Frage der thrackischen und illyrischen Komponenten in der Frühhallstattkultur des Vorkarpatenraums // Thraco-Dacica. T. XIV. Nr. 1-2. Bucureşti.

Smirnova G. 1998. Die Ostkarpatenregion zur Vorskythen- und Skythenzeit und die osteuropäischen Steppen: Kontakte und Migrationen // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische Steppe. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 12. München-Rahden.

Snodgrass A.M. 1980. Iron and Early Metallurgy in Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Hawen-London.

Stoia A. 1986. Metalurgia fierului în Hallstatt pe teritoriul României. Rezumatul tezei de doctorat. Iaşi.

Stoia A. 1989. The Beginning of Iron Technology in Romania (1200-700 B.C.) // The Bronze Age — Iron Age Transition in Europe. BAR. International series 483 (1). Oxford.

Stoyanov T. 1992a. Early iron tumular necropolis in the Sboryanovo reservation // Хелис II. Sofia.

Swiesznikow I.K. 1967. Kultura Komarówska (Na podstawie materiałów z pin. Podkarpacia i zach. Wołynia) // AP. T. XII. Z. 1.

Thrane H. 1965. The earliest bronze cheek pieces in Central and Northen Europe // Aarboger.

Tončeva G. 1980. Chronologie du Hallstatt ancien dans la Bulgarie de nord-est // Studia Thracica. 5. Sofia.

Topoleanu F., Jugănaru G. 1995. Aşezarea de tip Babadag de la Niculițel-«Cornet» (județul Tulcea). Săpăturile de salvare efectuate în 1998 // Peuce. XI. Tulcea.

Treasures of the Hungarian Bronze Age. 1994. Catalogue of the Temporary Exhibition of the Hungarian National Museum. Budapest.

Ursachi V. 1980. Noi elemente de fortificații în aşezarea dacică de la Brad (jud. Băcău) // MCA. XIV.

Ursulescu N., Popovici D. 1997. Considérations

historiques concernant les fortifications hallstattiennes anciennes à l'est des Carpates // Prima epocă a fierului la Gurile Dunării şi în zonele circumpontice. Tulcea.
Vančugov V.P. 1996. Das Ender der Bronzezeit im nördlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur // Eurasia antiqua. Bd. 2. Berlin.
Vančugov V.P. 1998. The Cimmerian Antiquities in the North-Western Black Sea Region // The Thracian World at the Crossroads of Civilisation. II. «Proceeding of the Seventh International Congress of Thracology». Bucharest.
Vasić R. 1982. Spätbronzezeitliche und alterhallstattzeitliche Hortfunds im ostlichen Jugoslavien // Südosteuropa zwischen 1600 und 1000 v. Chr. Berlin.
Vasiliev V. 1988. Problèmes de la chronologie du Hallstatt sur la territoire de la Roumanie (II) // Apulum. XXV. Alba Iulia.
Vasiliev V., Aldea I.Al., Ciugudean H. 1991. Civilizația dacică timpurie în area intracarpatică a României. Contribuții arheologice: aşezarea fortificată de la Teleac. Cluj-Napoca.
Vinski-Gasparini K. 1973. Kultura polja sa žarama u sjevernoj Hrvatskoj. Zadar.
Vladár J. 1979. Praveká plastica. Tatran.
Vulpe A. 1965. Zur Mittleren Hallstattzeit in Rumänien (Die Basarabi-Kultur) // Dacia. IX. Bucureşti.
Vulpe A. 1981. A.I.Meljukova, Skifija i frakiiskii mir. Verlag Nauka, Moskva 1979. 255 s..., 48 Abbildunngen und Karten in text // Dacia. XXV. Bucureşti.
Wesse A. 1990. Die Ärmchenbeile der Alten Welt // Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 3. Bonn.
Zaharia E., Morintz S. 1965. Cercetarea Hallstattul timpuriu în România // SCIV. T. XVI. Nr. 3.
Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița M., Zaharia E. 1970. Aşezări din Moldova. De la paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea. Bucureşti.
Zanoci A. 1998. Fortificațiile geto-dacice din spațiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. // B.Thr. XXV. Bucureşti.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Бейлекчи В.С., Курчатов С.И., Бейлекчи В.В. 1985. Отчет о работах. Славянской экспедиции в 1984 году // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 210.
Гамченко С.С. 1909. Археологические исследования 1909 г. в Подолье по трипольской культуре // Библиотека ИИМК РАН. Шифр 2703; папки с иллюстрациями — Архив ИИМК РАН. Фонд 1. Дело № 85а.
Кашуба М.Т. 1987. Отчет Матеуцкого отряда СМНАЭ об археологических исследованиях на поселении типа Сахарна-Солончены у с.Матеуць Резинского района МССР в 1986-1987 гг. // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело №№ 243, 264.
Мелюкова А.И. 1952. Молдавская археологическая экспедиция 1952 года // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 8. Таблицы I-XXXVI (фото и рисунки).
Мелюкова А.И. 1954а. Отчет о раскопках памятников скифского времени в Молдавии в 1953 г. // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 10. 74-126. Таблицы I-XXVIII.
Пассек Т.С. 1952. Отчет о работах Молдавской археологической экспедиции в 1952 году // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 6.
Пассек Т.С. 1954. Предварительный отчет о работе Молдавской экспедиции в 1954 году // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 10.
Смирнов Г.Д. 1950. Дневники раскопок Сахарнянских могильников I и II (Циглэу и Гура Гульбока) и материалы к ним // НАРМ. Фонд 3330. Опись 1. Дело № 59. Кишинев. Машинопись, рукопись.
Смирнов Г.Д. 1951. Сахарнянский скифский могильник // НАРМ. Фонд 3330. Опись 1. Дело № 14. Кишинев. Машинопись, рисунки автора.
Усатая Е.А., Левинский А.Н. 1994. Отчет о полевых исследованиях в окрестностях с.Сахарна Резинского района РМ в 1993 г. // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 348.
Федоров Г.Б. 1963. Прутско-Днестровская археолого-этнографическая экспедиция. Отчет о полевых работах 1962 года городища Алчедар // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 225 (14).
Щербакова Т.А., Кашуба М.Т. 1990. Отчет о полевых исследованиях Алчедарской новостроечной археологической экспедиции на многослойном памятнике «Алчедар» у с.Алчедар Шолданештского района МССР в 1988-1989 гг. // Архив ИАЭ АНМ. Кишинев. Дело № 228.
Яровой Е.В., Четвериков И.А. 1995. Полевой отчет о работах Днестровской археологической экспедиции ПГКУ им.Т.Г.Шевченко в 1994 г. // Архив нио ПГУ. Тирасполь.